This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4350.4.995
B

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

А. С. ПУШКИНЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ

и

ОЦѢНКИ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

П. В. Анненкова.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

РИСУНКОВЪ: МОДЕЛИ ПАМЯТНИКА, МѢСТА ПОГРЕБЕНІЯ И СНИМКОВЪ СЪ ПОЧЕРКОВЪ И РИСУНКОВЪ ПОЭТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

Digitized by Google

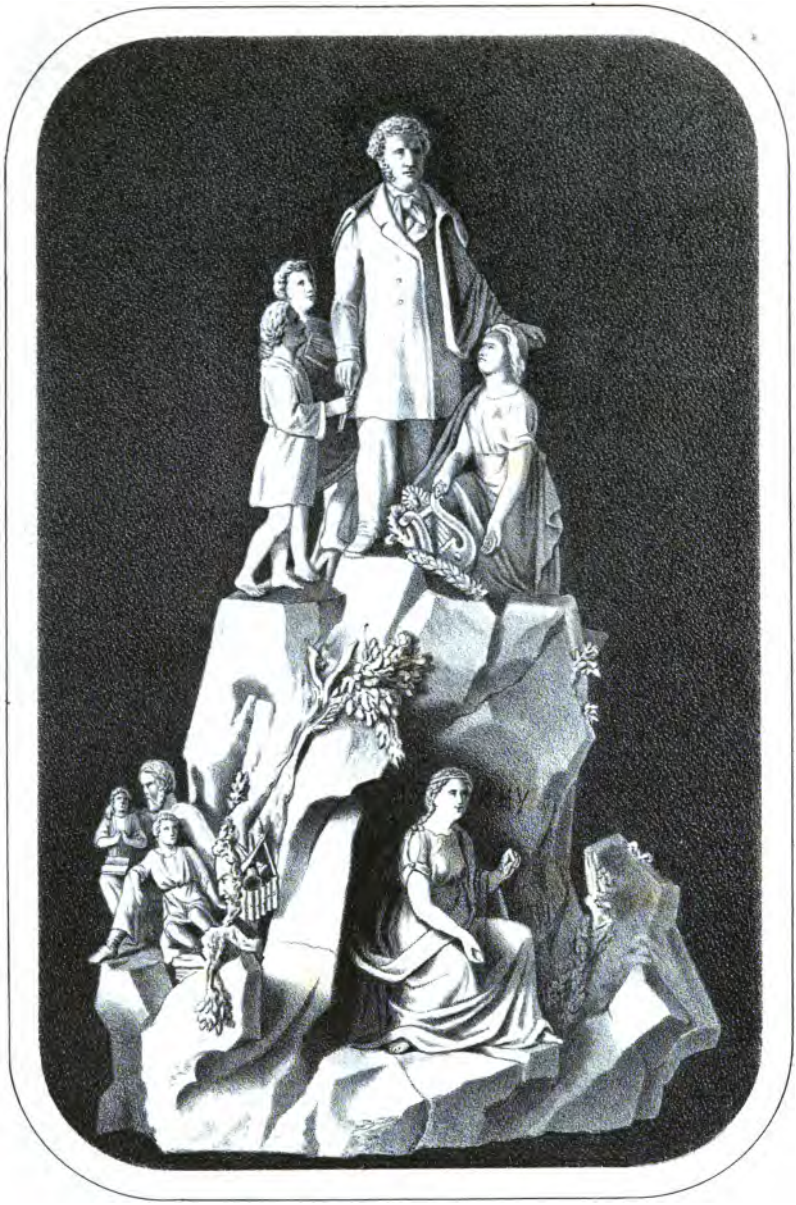
Slav 4350.4.995
B

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 21 1960

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1873.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ, 5.

Digitized by Google

Digitized by Google



МОДЕЛЬ ПАМЯТ. А.С.ПУШКИНА

находящаяся въ Конференцъ залѣ Александровскаго Лицея.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стран.
Глава	I.	Предки и родственники. Эпоха рожденія. 1799—1811 г.	1
»	II.	Лицей. 1811 — 1817 г.	10
»	III.	Жизнь и литературная дѣятельность въ С.-Петербургѣ. 1817—1820 г.	39
»	IV.	Русланъ и Людмила. 1820 г.	58
»	V.	Екатеринославль, Кавказъ, Крымъ. 1820 г.	64
»	VI.	Кишиневъ, поѣздки, «Кавказскій плѣнникъ», отдѣльныя стихотворенія 1820 — 1823 г.	74
»	VII.	Одесса. 1823—1824 г.	86
»	VIII.	Обозрѣніе поэмъ Пушкина, созданныхъ съ 1821—1824 г.	91
»	IX.	Михайловское. 1824 — 1826 г.	109
»	X.	Созданія этой эпохи: «Онѣгинъ», «Цыгане», «Годуновъ»	117
»	XI.	Общая дѣятельность въ Михайловскомъ	143
»	XII.	Переѣздъ въ Москву и жизнь Пушкина въ обѣихъ столицахъ 1826—1827 г.	164
»	XIII.	Московскій Вѣстникъ	168
»	XIV.	Московскій Телеграфъ и исторія перваго изданія стихотвореній Пушкина въ 1826 г.	175
»	XV.	Торговая сторона дѣятельности Пушкина и исторія происхожденія нѣкоторыхъ лирическихъ его произведеній.— Пушкинъ, какъ прозаикъ	184
»	XVI.	Зима 1827—1828 г. и «Полтава»	193
»	XVII.	Осень 1828 г., зима 1829 г. и отъѣздъ на Кавказъ	205
»	XVIII.	Путешествіе въ Арзрумъ 1829 г. и кавказскія стихотворенія	209
»	XIX.	«Галубъ» и Путешествіе Онѣгина	217
»	XX.	Значеніе первой половины 1830 г. въ жизни поэта, исторія его сношеній съ братомъ Л. С. Пушкинымъ	224
»	XXI.	Литературная Газета»	242
»	XXII.	Общее обозрѣніе кабинетныхъ замѣтокъ и трудовъ поэта за протекшій періодъ	247

Digitized by Google

СТРАН.

Глава XXIII. Вторая половина 1830 г., отъѣздъ въ Болдино осенью и цѣлые труды, тамъ возникшіе или оконченные 270
» XXIV. Продолженіе того же. Болдино 1830 г. Пересмотръ полемическихъ статей журналовъ 286
» XXV. Продолженіе того же. Болдино 1830 г. Вопросъ объ аристократизмѣ, связанный съ воззрѣніемъ на исторію 291
» XXVI. Продолженіе того же. Болдино 1830 г. Отдѣльныя стихотворенія 298
» XXVII. 1831 годъ. Женитьба. Царское Село, дѣятельность въ немъ и конецъ года 305
» XXVIII. 1832 годъ. Появленіе послѣдней главы Онѣгина въ печати. Изложеніе способа его созданія 314
» XXIX. Общее обозрѣніе всѣхъ оставшихся стихотворныхъ отрывковъ Пушкина 335
» XXX. Продолженіе 1832 года. Весна и лѣто 1833 года. Плодовитость обоихъ въ литературномъ отношеніи. 348
» XXXI. «Исторія Пугачевскаго бунта», «Капитанская дочка», «Русалка», «Дубровскій». Пушкинъ и Гоголь 352
» XXXII. Осень 1833 г. Поѣздка въ Оренбургъ и Болдино. 362
» XXXIII. Дѣятельность въ Болдинѣ 1833 г. Окончаніе «Мѣднаго всадника», Родословной моего героя, сказки о Рыбакѣ, Пѣсенъ Западныхъ славянъ. Новое и послѣднее направленіе музы Пушкина 366
» XXXIV. Характеръ жизни въ 1834 и 35 годахъ и нѣкоторыя жизненныя обстоятельства 382
» XXXV. 1835 г. Исторія созданія «Египетскихъ ночей» . . 387
» XXXVI. 1835 г. Дѣятельность общественная и дѣятельность кабинетная, «Матеріалы для исторіи Петра Великаго» 394
» XXXVII. 1836 г. «Современникъ» и послѣдніе дни Пушкина. 405
» XXXVIII. Январь 1837 года. Дуель Пушкина и кончина его. 419

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I. Родословная А. С. Пушкина (таблица) 427
» II. Сказки Арины Родіоновны, записанныя Пушкинымъ. 429
» III. Французскія письма Пушкина по поводу Бориса Годунова 434

Digitized by Google

стран.

Приложеніе IV. Послѣднія минуты Пушкина, описанныя В. А. Жуковскимъ, въ 1837 г. 437

» V. Выписка изъ біографіи А. С. Пушкина, составленная Г. Батышъ-Каменскимъ. 448

» VI. Пушкинскій переводъ XXIII пѣсни Аріостова Orlando furioso, октавы 100 — 112 455

» VII. Дополнительныя октавы къ повѣсти: «Домикъ въ Коломнѣ». 459

» VIII. Продолженіе повѣсти «Рославлевъ», найденное въ бумагахъ Пушкина. 463

IX. Замѣчанія на Пѣснь о полку Игоревѣ. 467

Digitized by Google

Digitized by Google

МОГИЛА АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА

при Монастырѣ Святогорскомъ

Дозволено Цензурою С.П.Б. 7 Іюня 1872 г.

Картографія Зас. А. Ильчука С.П.Б.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА I [1]).

Предки и родственники. Эпоха рожденія. 1799—1811 г.: Бояринъ Пушкинъ, Ганнибалы. — Отецъ и мать. — Няня Арина Родіоновна. — Стихотвореніе: «Подруга дней моихъ суровыхъ». — Захарово, Вяземо. — Стихотвореніе: «Мнѣ видѣтся мое селенье». — Характеръ отца С. Л. Пушкина. — Дядя В. Л. Пушкинъ. — Пьеса: «Путешествіе В. Л. Пушкина» и И. И. Дмитріевъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, въ 1799 году, мая 26, въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, на Молчановкѣ.

Мать его, какъ извѣстно, была изъ фамиліи Ганнибаловыхъ. Общія черты родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ переданы были самимъ Александромъ Сергѣевичемъ въ его «Запискахъ». Къ нимъ можно только прибавить нѣсколько замѣтокъ. Изъ всѣхъ своихъ предковъ, Пушкиныхъ, Александръ Сергѣевичъ особенно уважалъ боярина Григорія Гавриловича Пушкина, служившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ, съ титуломъ Нижегородскаго намѣстника, и скончавшагося въ 1656 году. Александръ

[1]) Матеріалы, представляемые теперь публикѣ, преимущественно извлечены изъ бумагъ поэта, а за сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей о жизни его, которыя вообще такъ трудно добываются у насъ, приносимъ здѣсь искреннюю благодарность родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ поэта, благоволившимъ передать намъ свои воспоминанія. При самомъ началѣ труда нашего покойный Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, Н. И. Павлищевъ и покойный Павелъ Александровичъ Катенинъ, составили для настоящаго изданія, и по нашей просьбѣ, три записки: первый о жизни поэта до пріѣзда его въ Москву въ 1826 г., второй о дѣтствѣ Пушкина (со словъ родной сестры его О. С. Павлищевой), третій вообще о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Записки эти, писанныя собственной рукой авторовъ, находятся у составителя матеріаловъ, и многочисленные отрывки изъ нихъ приведены имъ въ текстѣ. Двѣ изъ этихъ записокъ отчасти уже знакомы читателямъ: первая была опубликована вполнѣ, а вторая въ отрывкахъ, вѣроятно съ копій, предоставленныхъ авторами лицамъ, сообщившимъ ихъ публикѣ.

Digitized by Google

Сергѣевичъ происходилъ отъ него по прямой линіи и въ честь его далъ меньшому своему сыну имя Григорія. Изъ предковъ своихъ, Ганнибаловыхъ, А. С. Пушкинъ часто упоминаетъ о родоначальникѣ этой фамиліи, негрѣ Абрамѣ Петровичѣ. Мы увидимъ также, что Пушкинъ посвятилъ нѣсколько превосходныхъ лирическихъ строфъ памяти его знаменитаго сына, генералъ-поручика Ивана Абрамовича Ганнибала, славнаго основаніемъ Херсона, гдѣ ему воздвигнутъ и памятникъ, и первою Наваринскою битвою, въ которой онъ былъ участникомъ и героемъ. Этотъ Ганнибалъ, умершій въ С.-Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, игралъ важную роль въ своемъ семействѣ. Онъ былъ благодѣтелемъ бабушки Александра Сергѣевича, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, урожденной Пушкиной, въ ту тяжелую и романтическую эпоху ея жизни, когда мужъ ея, Осипъ Абрамовичъ Ганнибалъ еще при жизни ея женился на Устиньѣ Ермолаевнѣ Т—ой, поддѣлавъ фальшивое свидѣтельство о смерти законной жены своей [1]). Марья Алексѣевна нашла себѣ защитника въ братѣ своего мужа, Иванѣ Абрамовичѣ. Его вліяніемъ расторгнутъ былъ незаконный бракъ, отдана ей малолѣтняя дочь, Надежда Осиповна, мать нашего поэта, и предоставлено во владѣніе одно изъ родовыхъ селъ мужа — Кобрино, [2]) въ 60 верстахъ отъ Петербурга. То самое село Михайловское, гдѣ и Александръ Сергѣевичъ провелъ два года уединенной жизни, назначено было постояннымъ мѣстопребываніемъ его дѣду — Осипу Абрамовичу. Онъ умеръ тамъ въ 1806 году. Смерть соединила враждующихъ супруговъ на кладбищѣ Святогорскаго Успенскаго монастыря, лежащаго не-подалеку отъ Михайловскаго, гдѣ также похороненъ, какъ извѣстно, и внукъ ихъ. По близкому сосѣдству съ Петербургомъ, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, вмѣстѣ съ дочерью своею, часто посѣщала столицу. Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, служилъ тогда въ Измайловскомъ полку. Свадьба его и Надежды Осиповны, вѣроятно, происходила въ Петербургѣ, потому-что первенецъ ихъ — дочь Ольга Сергѣевна роди-

[1]) Показаніе это, взятое изъ записки, сообщенной намъ сестрой поэта, черезъ посредство супруга ея Н. И. Павлищева, противорѣчитъ со статьей о дѣтствѣ Пушкина, напечатанной въ Журналѣ Москвитянинъ 1852, № 24, гдѣ сказано было, что Осипъ Абрамовичъ только намѣревался жениться на Устиньѣ Ермолаевнѣ.

[2]) Оба брата, Осипъ и Иванъ Абрамовичи, были сосѣди по деревнямъ. Помѣстье втораго — Суйды, находилось только въ 5-ти верстахъ отъ Кобрина, гдѣ тогда числилось 100 душъ. Третій братъ Петръ Абрамовичъ, пережившій всѣхъ ихъ и умершій слишкомъ девяноста лѣтъ отъ роду, — уже былъ лично извѣстенъ Пушкину, какъ увидимъ ниже.

Digitized by Google

лась въ 1798 году, именно въ то время, какъ Сергѣй Львовичъ состоялъ еще на службѣ въ Петербургѣ. Благодѣтель семьи и опекунъ Надежды Осиповны, генералъ-поручикъ Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ былъ тогда воспріемникомъ младенца. Онъ еще дожидъ до рожденія Александра Сергѣевича (смерть этого знаменитаго моряка относится къ 1800 году), но уже не видѣлъ его. Въ 1798 Сергѣй Львовичъ вышелъ въ отставку; въ слѣдующемъ 1799 Марья Алексѣевна продала село Кобрино, и все семейство Пушкиныхъ переѣхало въ Москву, гдѣ на деньги, вырученныя отъ продажи имѣнія, Марья Алексѣевна пріобрѣла сельцо Захарьино, верстахъ въ сорока отъ Москвы. 26 мая, какъ мы сказали, родился тамъ поэтъ нашъ и воспріемникомъ его былъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ. При продажѣ Петербургскаго имѣнія, общая няня всѣхъ молодыхъ Пушкиныхъ, знаменитая Арина Родіоновна, записанная по Кобрину, получила отпускную, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми, но никакъ не хотѣла воспользоваться вольною. При продажѣ Захарьина или Захарова, какъ называлъ его просто самъ Александръ Сергѣевичъ (1811 года), она отклонила предложеніе выкупить семейство одной изъ дочерей своихъ, Марьи, вышедшей за мужъ за крестьянина въ Захаровѣ, сказавъ: «Я сама была крестьянка, на что вольная!» Приставленная сперва къ сестрѣ поэта, потомъ къ нему и, наконецъ, къ брату его, Родіоновна вынянчила все новое поколѣніе этой семьи. Въ какихъ трогательныхъ отношеніяхъ съ нею находился второй изъ ея питомцевъ, прославившій ея имя на Руси,— извѣстно всякому.

Родіоновна принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ Русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостію, — оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ какъ нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно-оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать съ увѣренностію, что онъ обязанъ своей нянѣ первымъ знакомствомъ съ источниками народной поэзіи и впечатлѣніями ея, которыя, однакожъ, какъ это

Digitized by Google

вскорѣ увидимъ, были замѣтно ослаблены послѣдующимъ воспитаніемъ.

Въ числѣ писемъ къ Пушкину, почти отъ всѣхъ знаменитостей Русскаго общества, находятся и записки отъ старой няни, которыя онъ берегъ наравнѣ съ первыми. Вотъ что писала она около 1826 года. Мысль и самая форма мысли видимо принадлежатъ Аринѣ Родіоновнѣ, хотя она и позаимствовала руку для ихъ изложенія.

«Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичь — я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна — вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой Ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощай мой батюшко Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила — *поживи, дружечикъ, хорошенько, — самому слюбится.* Я слава Богу здорова — цалую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна (Тригорское, марта 6)».

Какимъ чуднымъ отвѣтомъ на это письмо служитъ неизданный отрывокъ Пушкина, который мы здѣсь приводимъ:

«Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь,
То чудится тебѣ . . . . . .

Почтенная старушка умерла въ 1828 году, 70 лѣтъ, въ дому питомицы своей, Ольги Сергѣевны Павлищевой.

Другимъ путемъ къ раннему сближенію съ народными обычаями и пріемами могло служить само сельцо Захарово, проданное въ 1811 году, когда молодой Пушкинъ увезенъ былъ въ С.-Петербургъ для

Digitized by Google

опредѣленія въ лицей. Семейство его, постоянно жившее въ Москвѣ съ 1798, проводило лѣто въ новой деревнѣ Марьи Алексѣевны. Зажиточные крестьяне Захарова не боялись веселиться; пѣсни, хороводы и пляски пѣлись и плясались тамъ часто. Въ двухъ верстахъ отъ Захарова находится богатое село Вязёмо. По неимѣнію церкви, жители Захарова считаются прихожанами села Вязёмо, гдѣ похороненъ братъ Пушкина, Николай, умершій въ 1807 году (род. въ 1802) и куда Александръ Сергѣевичъ самъ часто ѣздилъ къ обѣднѣ. Село Бязёмо принадлежало Борису Годунову и сохраняетъ доселѣ память о немъ. Тамъ указываютъ еще на пруды, будто бы вырытые по его повелѣнію, — и на церковную колокольню, имъ построенную. Вѣроятно молодому Пушкину часто говорили о прежнемъ царѣ — владѣтелѣ села. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся, еще въ дѣтствѣ Пушкина, съ предметами, которые въ послѣдствіи оживлены были его геніемъ. Пушкинъ вспоминалъ о Захаровѣ на скамьяхъ лицея, и въ одномъ изъ многочисленныхъ легкихъ посланій, тамъ написанныхъ, говоритъ:

«Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.

(Неизданное стихотвореніе.)

Гораздо позднѣе, въ 1831 году, передъ женитьбою своей, Александръ Сергѣевичъ побывалъ въ Захаровѣ, и, покуда Марья, дочь няни его, готовила ему сельскій завтракъ изъ яичницы, онъ обѣжалъ рощицу возлѣ дома и всѣ мѣста, напоминавшія ему дѣтство его: «Все наше рушилось, Марья, сказалъ онъ по возвращеніи: все поломали, все заросло....» Черезъ два часа онъ уѣхалъ. Дѣйствительно, флигель, гдѣ жили дѣти прежняго помѣщика, уже былъ тогда за ветхостію разобранъ и оставался одинъ большой домъ. Многія березки на берегу пруда порублены. Впрочемъ еще недавно одинъ пу-

Digitized by Google

тешественникъ [1]) видѣлъ тамъ старую липу Пушкина; съ этого пункта можно было наслаждаться прекраснымъ видомъ на прудъ и на противоположный берегъ его, покрытый зеленымъ еловымъ лѣсомъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что всѣ русскія надписи на деревьяхъ Захарова принадлежатъ старымъ или новымъ гостямъ его, но совсѣмъ не Александру Пушкину, по весьма простой причинѣ: въ ранней молодости онъ писалъ одни французскіе стихи, по примѣру своего родителя и по духу самаго воспитанія.

Отецъ его, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, былъ человѣкъ отъ природы добрый, но вспыльчивый. При малѣйшей жалобѣ гувернеровъ или гувернантокъ онъ сердился, выходилъ изъ себя, но гнѣвъ его проистекалъ отъ врожденнаго отвращенія ко всему, что нарушало его спокойствіе, и скоро проходилъ. Вообще, Сергѣй Львовичъ не любилъ заниматься серьезными дѣлами по дому, воспитанію и хозяйству, предоставивъ все это супругѣ своей Надеждѣ Осиповнѣ; никогда не бывалъ онъ въ дальнихъ своихъ деревняхъ, какъ напримѣръ въ Болдинѣ (Нижегородской губерніи), предоставивъ имѣніе въ полное распоряженіе управляющему, своему крѣпостному человѣку, и отдавалъ все свое время только удовольствіямъ общества и наслажденіямъ городской жизни.

Нѣкоторыя черты врожденной его безпечности сохранены въ семействѣ и переданы намъ Н. И. Павлищевымъ. Записанный съ малолѣтства въ Измайловскій полкъ, Сергѣй Львовичъ былъ переведенъ потомъ, при государѣ Павлѣ Петровичѣ, въ гвардейскій Егерскій. Сергѣй Львовичъ не могъ отстать въ службѣ отъ нѣкоторыхъ привычекъ, къ числу которыхъ принадлежала привычка сидѣть у камелька съ пріятелями и мѣшать въ немъ огонь, — причемъ, разъ, Сергѣй Львовичъ употребилъ на это собственную свою офицерскую трость и съ ней же явился потомъ къ должности. Начальникъ, замѣтивъ обгорѣлую трость, подошелъ къ нему и сказалъ: «Ужъ вамъ бы, г. поручикъ, лучше явиться съ кочергою на ученье!» Огорченный Сергѣй Львовичъ жаловался потомъ супругѣ своей на тяжесть военной службы. Между прочимъ онъ питалъ какое-то отвращеніе къ перчаткамъ и почти всегда терялъ ихъ или забывалъ дома; будучи однажды приглашенъ съ другими товарищами своими на балъ къ Высочайшему Двору, онъ, по обыкновенію, не позаботился объ этой части своего туалета, и оробѣлъ порядкомъ, когда государь Па-

[1]) Г. Макаровъ. См. Москвитянинъ 1851 года №№ 9 и 10.

Digitized by Google

велъ Петровичъ, подойдя къ нему, изволилъ спросить по-французски: «отчего вы не танцуете?» — «Я потерялъ перчатки, ваше величество», отвѣчалъ въ смущеніи молодой офицеръ. Государь поспѣшно снялъ перчатки съ своихъ собственныхъ рукъ и, подавая ихъ, сказалъ съ улыбкою: «Вотъ вамъ мои!» потомъ взялъ его подъ руку съ ободрительнымъ видомъ и, подводя къ дамѣ, прибавилъ: «а вотъ вамъ и дама!»

Оставивъ военную службу въ 1798 году, Сергѣй Львовичъ переселился въ Москву и жилъ долгое время близъ Нѣмецкой слободы, у самой Яузы, не переходя моста. Послѣ Отечественной кампаніи, онъ снова опредѣлился на службу и въ 1814 г. начальствовалъ комиссаріатскою комиссіею Резервной арміи, въ Варшавѣ. Г-нъ Б***, назначенный на его мѣсто, разсказывалъ, что, принимая отъ него сложную должность, онъ засталъ Сергѣя Львовича въ присутственномъ мѣстѣ за французскимъ романомъ, вмѣсто счетовъ и бумагъ. Сергѣй Львовичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ V класса.

Съ другой стороны, Сергѣй Львовичъ, какъ и братъ его, поэтъ Василій Львовичъ, были душою общества, неистощимы въ каламбурахъ, остротахъ и тонкихъ шуткахъ. Онъ любилъ многолюдныя собранія, а братъ его даже славился по Москвѣ своимъ поваромъ, Власіемъ, котораго онъ называлъ Blaise, и который въ первую холеру умеръ въ Охотномъ ряду, торговцемъ. Связи Сергѣя Львовича были довольно обширны. Черезъ Пушкиныхъ онъ былъ въ родствѣ со всею этою фамиліею, а черезъ Ганнибаловыхъ съ Ржевскими и ихъ свойственниками — Бутурлиными, Черкасскими и проч. Онъ даже жилъ домъ-объ домъ съ графомъ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ и гости послѣдняго были его гостями. Въ числѣ посѣтителей его были: Карамзинъ, Батюшковъ, Дмитріевъ, и молодой Пушкинъ, который всегда внимательно прислушивался къ ихъ сужденіямъ и разговорамъ, — зналъ корифеевъ нашей словесности не по однимъ произведеніямъ ихъ, но и по живому слову, выражающему характеръ человѣка и западающему часто въ юный умъ невольно и неизгладимо.

Вмѣстѣ со всѣмъ лучшимъ обществомъ Москвы, домъ Сергѣя Львовича, какъ всѣ избранные дома тогдашняго времени, былъ открытъ для французскихъ эмигрантовъ: новое средство развлеченія, котораго всѣ искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо графа Ксавье де-Мэстра. Онъ уже напечаталъ тогда свое «Voyage autour de ma chambre, и, въ промежуткахъ между литературными занятіями, любилъ посвящать свои досуги портретной живописи и

Digitized by Google

откровенной бесѣдѣ съ друзьями. Портретъ матери Пушкина, Надежды Осиповны, работы Мэстра, находился долгое время у Льва Сергѣевича Пушкина. Самъ Сергѣй Львовичъ былъ извѣстенъ какъ острякъ и человѣкъ необыкновенно находчивый въ разговорахъ. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ писалъ на немъ стихи такъ легко, какъ французъ, и дорожилъ этою способностію. Много альбомовъ, вѣроятно, сохранили его произведенія; и есть слухи, что въ это время онъ написалъ даже цѣлую книжку, въ которой разсуждалъ по французски — стихами и прозой — о современной ему русской литературѣ. Чрезвычайно любезный въ обществѣ, онъ торжествовалъ особенно въ играхъ (jeux de société), требующихъ бѣглости ума и остроты, и былъ необходимымъ человѣкомъ при устройствѣ праздниковъ, собраній и, особенно, домашнихъ театровъ, на которыхъ, какъ онъ, такъ и братъ, Василій Львовичъ, отличались искусствомъ игры и декламаціи [1]). Въ обществѣ Сергѣя Львовича находились также и двѣ извѣстныя піанистки, блиставшія вмѣстѣ съ тѣмъ и талантомъ остроумной бесѣды: дѣвица Першронъ-де-Муши и г-жа Шимановская. Первая вышла замужъ за Фильда, вторая, впослѣдствіи, сдѣлалась тещей поэта М—ча.

Памятникомъ веселости, оживлявшей этой общество, осталась даже печатная книжка. Извѣстно, что когда дядя нашего поэта, Василій Львовичъ Пушкинъ, сбирался ѣхать за границу, то И. И. Дмитріевъ предупредилъ, такъ сказать, весь будущій разсказъ путешественника въ стихотворной шуткѣ, подъ названіемъ: «Путешествіе N N въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія». Книжка эта, напечатанная только для друзей, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, сдѣлалась теперь библіографическою рѣдкостію. — Шутка И. И. Дмитріева особенно поражаетъ соединеніемъ веселости, мѣткости и вмѣстѣ благородства, что очень рѣдко встрѣчаемъ въ нашихъ печатныхъ произведеніяхъ этого рода. За три дня до отъѣзда своего за границу, Василій Львовичъ обѣщалъ, на дружескомъ ужинѣ, вѣрно передать свои впечатлѣнія пріятелямъ. И. И. Дмитріевъ воз-

[1]) Н. И. Павлищевъ передалъ намъ нѣсколько образчиковъ его находчивости. «Quelle ressemblance ya-t-il entre le soleil et vous M-r Pouchkine?» спросили его разъ. «C'est qu'on ne saurait fixer l'un et l'autre sans faire la grimace», — отвѣчалъ онъ тотчасъ же. Многія изъ его возраженій имѣли большой успѣхъ въ обществѣ, какъ напр. отвѣтъ дородной польской дамѣ, спрашивавшей его: «Est-ce vrai, M-r Pouchkine, que vous autres Russes, vous êtes des antropophages: vous mangez de l'ours?» — Non, M-me, отвѣчалъ онъ: nous mangeons de la vache, comme vous» и проч.

Digitized by Google

разилъ, что письма его всегда будутъ драгоцѣнны для нихъ, но что содержаніе корреспонденціи почти уже извѣстно. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ сочинилъ: «Путешествіе», къ которому приложилъ еще картинку, изображавшую будущаго туриста въ Парижѣ, за урокомъ декламаціи у Тальмы. Чрезвычайно остроумно и вѣрно изображенъ тамъ авторъ «Опаснаго сосѣда», съ его жаждой новостей, слѣпымъ поклоненіемъ иностраннымъ диковинкамъ, усвоеніемъ всѣхъ возможныхъ модъ и вмѣстѣ неизмѣннымъ добродушіемъ и прямотою сердца. Вотъ начало этой книжки, которая можетъ дать понятіе о всемъ ея тонѣ:

Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ,
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ Музеѣ, въ Пантеонѣ,
У Бонапарте на поклонѣ,
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью своему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье,
Я видѣлъ корпусъ Маккелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье [1]), и т. д.

---

[1]) Вотъ какъ А. С. Пушкинъ отзывался въ 1834 году объ этомъ мало извѣстномъ произведеніи И. И. Дмитріева. Выписываемъ изъ его тетрадей «*Путешествіе etc. Картинка изображаетъ etc.* Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастіе получить и свой — чуть ли не послѣдній. Я храню его какъ памятникъ благосклонности для меня драгоцѣнной.

«Путешествіе etc. есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора. Покойный В. Л. П. отправился въ Парижъ и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію маленькой поэмы, въ которой съ удивительною точностію изображенъ весь В. Л. Это образецъ игривой легкости и живой шутки.

«Искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ, измѣненіяхъ его живой и творческой души, и въ печали, и въ радости, и въ пареніяхъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ Ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

«Виноватъ: я бы отдалъ все, что было написано у насъ въ подражаніе лорду Байрону за слѣдующіе задумчивые и невосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать къ друзьямъ: . . . .»

Стихи не были приложены къ отзыву Пушкина.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Лицей. 1811—1817 г.: Дѣтство и первое воспитаніе. — Страсть къ чтенію. — Домашній театръ и французскіе стихи. — Лицей. — Кошанскій, лицейскіе журналы, Дельвигъ. — Разсказы. — Планъ автобіографіи. — Отрывокъ изъ лицейскихъ записокъ. — Куплеты на Шаховскаго: «Вчера въ торжественномъ вѣнчаньи». — Романъ Фатама. — Куплеты на учителей: «Скажите мнѣ шастицы». — Первый опытъ литературнаго характера по поводу Иконникова. — Конецъ записокъ. — Разборъ лицейскихъ стихотвореній. — Подражаніе Батюшкову, первые печатные стихи: «Къ другу стихотворцу». — Владиміръ Измайловъ и лицейскіе поэты вообще. — Журналы, гдѣ помѣщались ихъ произведенія. — Лицейскія стихотворенія Пушкина въ изданіи 1826 года. — Объ изданіяхъ его стихотвореній 1826 и 1829 годовъ. — Стихи Пушкина въ альманахѣ Б. Ѳедорова. — Стихи Пушкина въ альманахѣ М. Бестужева-Рюмина. — Толки и надежды современниковъ: Дмитріевъ, гр. Хвостовъ, В. Пушкинъ. — Легкость въ сочиненіи стиховъ, проблески таланта въ первыхъ опытахъ. — Значеніе лицейскихъ стихотвореній. — Характеръ юношескихъ произведеній Пушкина, подражанія, вліяніе Батюшкова. — Значеніе элегій 1816 года и развитіе таланта къ 1817 году. — Неизданные отрывки изъ Онѣгина о лицеѣ (двѣ первыя строфы изъ 8-й главы). — Стихотвореніе: «Наперсница волшебной старины». — Выпускъ изъ лицея. — Физическая организація поэта и его гимнастическія упражненія.

Воспитаніе дѣтей въ семействѣ Пушкиныхъ ни чѣмъ не отличалось отъ общепринятой тогда системы. Какъ во всѣхъ хорошихъ домахъ того времени, имъ наняли гувернантокъ, учителей, и подчинили ихъ совершенно этимъ воспитателямъ съ разныхъ концовъ свѣта.

До семилѣтняго возраста Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ не предвѣщалъ ничего особеннаго; напротивъ, своею неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращеніемъ къ движенію, онъ приводилъ въ отчаяніе Надежду Осиповну, женщину умную, прекрасную собой, страстную къ удовольствіямъ и разсѣяніямъ общества, какъ и всѣ окружающіе ее, но имѣвшую въ характерѣ тѣ черты, которыя заставляютъ дѣтей повиноваться и вѣрнѣе дѣйствуютъ на нихъ,

Digitized by Google

чѣмъ ежедневный гнѣвъ и вспышки. Впрочемъ, она не могла скрыть предпочтительной любви сперва къ дочери, а потомъ къ меньшому сыну, да и на самое воспитаніе дѣтей, кромѣ ея, гувернеровъ и гувернантокъ, имѣли вліяніе еще и двѣ тетки Александра Сергѣевича—Анна Львовна Пушкина и Елисавета Львовна, по мужѣ Солнцева. Анна Львовна собирала въ дому своемъ часто всѣхъ родныхъ и умѣла вселять искреннія привязанности къ себѣ.

Мужъ Елисаветы Львовны, Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ, былъ искреннимъ другомъ Сергѣя Львовича, съ которымъ могъ состязаться въ любезности, тонкихъ шуткахъ и французскихъ каламбурахъ. Правильной системы воспитанія тутъ уже не могло быть, и если существовало какое-либо единство, то развѣ въ общемъ недовѣріи къ характеру и способности молодаго Александра Пушкина. Это обстоятельство, однако-жъ, имѣло впослѣдствіи благодѣтельное вліяніе на послѣдняго. Не избалованный въ дѣтствѣ излишними угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли—искать опоры въ самомъ себѣ. Надежда Осиповна заставляла маленькаго Пушкина бѣгать и играть съ сверстниками, съ трудомъ побѣждая и лѣниость его и молчаливость. Разъ на прогулкѣ онъ, незамѣченный ни кѣмъ, отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посереди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ-поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется. «Ну, нечего скалить зубы!»—сказалъ онъ съ досадой, и отправился домой. Когда настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и долго смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, столько же по приключеніямъ своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина въ русскомъ языкѣ. Баронъ Дельвигъ еще въ лицеѣ приходилъ въ восторгъ отъ ея письменнаго слога, отъ ея сильной, простой русской рѣчи. Къ несчастію, мы не могли отыскать ни малѣйшаго образчика того безъискусственнаго и мужественнаго выраженія, которымъ отличались ея письма и разговоры. Вторымъ русскимъ учителемъ Пушкина, нѣсколько позднѣе, былъ, по странному случаю, нѣкто г. *Шиллеръ*. Впрочемъ, труды г. Шиллера не могли принести особенныхъ плодовъ въ это время, потому-что маленькій Пушкинъ и сестра его, воспитавшіеся вмѣстѣ, говорили, писали и твердили уроки изъ всѣхъ предметовъ по-французски.

Digitized by Google

Главнымъ руководителемъ дѣтей былъ сперва графъ Монфоръ, образованный эмигрантъ, бывшій въ то же время музыкантомъ и живописцемъ; за нимъ г. Русло, писавшій французскіе стихи; потомъ г. Шедель и другіе. Настоящимъ, дѣльнымъ наставникомъ въ русскомъ языкѣ, ариѳметикѣ и въ Законѣ Божіемъ былъ у нихъ почтенный священникъ Маріинскаго института, Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, извѣстный своими проповѣдями и изданіемъ: «Духа Массильона (1806)». Когда наняли англичанку (Миссъ Бели) для Ольги Сергѣевны, Пушкинъ учился по-англійски, но плохо, а по-нѣмецки и вовсе не учился. Была у нихъ гувернантка нѣмка, да и та почти никогда не говорила на своемъ родномъ языкѣ. Вообще ученье подвигалось медленно.

Возлагая всѣ свои надежды на память, молодой Пушкинъ повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не зналъ, когда начинали экзаменъ съ него; заливался слезами надъ четырьмя правилами ариѳметики, которую вообще плохо понималъ. Особенно дѣленіе, говорятъ, стоило ему многихъ слезъ и трудовъ.

Но съ 9-го года начала развиваться у него страсть къ чтенію, которая и не покидала его во всю жизнь. Онъ прочелъ, какъ водится, сперва Плутарха, потомъ Илліаду и Одиссею, въ переводѣ Битобе, потомъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, которая наполнена была французскими классиками XVII вѣка и произведеніями философовъ послѣдующаго столѣтія. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ это расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Говорятъ, онъ особенно мастерски передавалъ Мольера, котораго зналъ почти наизусть, но еще и этого было недостаточно для Александра Пушкина. Онъ проводилъ безсонныя ночи, тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора *пожиралъ* всѣ книги, попадавшіяся ему подъ-руку. Вотъ почему замѣчаніе Льва Сергѣевича, что на 11-мъ году, при необычайной памяти своей, Пушкинъ уже зналъ наизусть — всю французскую литературу, можетъ быть принято съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Первыя попытки авторства, вообще рано проявляющія у дѣтей, пристрастившихся къ чтенію, обнаружились у Пушкина, разумѣется, на французскомъ языкѣ и отзывались вліяніемъ знаменитаго комическаго писателя Франціи. Пушкинъ любилъ импровизировать комедійки и, по общему согласію съ сестрой, устроилъ нѣчто въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ братъ, а публикой — сестра. Разъ какъ-то публика освистала его пьесу *L'Escamoteur*

Digitized by Google

Авторъ отдѣлался отъ оскорбленія эпиграммой, сохранившейся доселѣ въ памяти тогдашняго судьи:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas—c'est que la pauvre auteur
L'escamota de Molière *).

Стишки гладенькіе и легкіе. Они были предшественниками такихъ же русскихъ стиховъ, которые Пушкинъ началъ писать уже въ лицеѣ. Авторство шло параллельно съ его чтеніемъ. Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начитавшись Генріады, онъ задумалъ поэму въ 6 пѣсняхъ, но здѣсь останавливаетъ насъ одна характеристическая особенность. Это была не героическая поэма, какъ слѣдовало бы ожидать, а шуточная. Содержаніемъ послужила война между карлами и карлицами во времена Дагоберта. Карло послѣдняго, по имени *Toly*, былъ героемъ ея, почему и вся поэма называется *La Tolyade*. Стихотворная шутка начиналась такъ:

«Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche [2]).

Все это было во вкусѣ того, что слышалъ Пушкинъ вокругъ себя и чему онъ довольно долго подражалъ, какъ увидимъ послѣ. Гувернатка похитила тетрадку поэта и отдала г. Шеделю, жалуясь, что *M-r Alexandre* за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шедель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ же бросилъ въ печку свое произведеніе.

Г. Макаровъ разсказываетъ стыдъ и замѣшательство молодаго Пушкина, когда въ домѣ графа Бутурлина, по разнесшейся молвѣ о поэтическихъ его дарованіяхъ, къ нему приступили всѣ жившія тамъ

---

[1]) «Скажи, за что партеръ освисталъ моего «*Похитителя*»? Увы! за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера.» За эти драгоцѣнныя подробности мы еще разъ повторяемъ благодарность нашу Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, и особенно теперь, когда указанія ея почти уже всѣ исчерпаны нами. Сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Нельзя ручаться, чтобы стихи, приводимые здѣсь, не были невольно измѣнены и отчасти исправлены при передачѣ ихъ послѣ столь долгаго времени.

[2]) «Пою сраженіе, выигранное Толи, гдѣ пало много ратниковъ, гдѣ Павелъ отличился, а съ нимъ Николай Матюринъ и прекрасная Нитушъ, рука которой была наградой за эту страшную схватку».

Digitized by Google

дѣвушки съ альбомами и просьбами написать что-нибудь. Какой-то господинъ прочелъ русское четверостишіе Пушкина и, для большей торжественности, ударялъ на *о* [1]). Мальчикъ только успѣлъ сказать: «Ah, mon Dieu!»—и убѣжалъ безъ памяти въ библіотеку графа, гдѣ долго еще не могъ придти въ себя. Эта сцена повторилась въ жизни Пушкина, но судьей былъ тогда Державинъ, слушателями всѣ наставники лицея и публика, собравшаяся на экзаменъ, а читанное произведеніе (*Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*) носило уже признаки зарождающагося таланта.

Между-тѣмъ приблизилось время общественнаго образованія для Пушкина. Глаза всѣхъ родителей обращены были тогда на Іезуитскій коллегіумъ, существовавшій въ Петербургѣ и пріобрѣтшій извѣстность въ дѣлѣ воспитанія. Пушкины нарочно ѣздили въ Петербургъ для устройства этого дѣла и переговоровъ съ директорами заведенія, когда положеніе объ открытіи Царскосельскаго лицея совершенно измѣнило планы ихъ. Директоромъ лицея былъ назначенъ Василій Ѳедоровичъ Малиновскій, съ которымъ, какъ и съ братьями его, Сергѣй Львовичъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ. При помощи его, а особенно при содѣйствіи А. И. Тургенева, горячо принявшагося за это дѣло, двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ счетъ тѣхъ 30-ти воспитанниковъ, изъ которыхъ, по положенію, долженъ былъ состоять весь лицей. Василій Львовичъ привезъ племянника въ Петербургъ и держалъ его у себя въ домѣ все время, покуда онъ приготовлялся къ экзамену. 12-го августа 1811 года Пушкинъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, выдержалъ пріемный экзаменъ и поступилъ въ лицей. Извѣстно, что мѣсяцъ и число открытія лицея (19-го октября) часто встрѣчаются въ стихотвореніяхъ Пушкина, посвященныхъ воспоминанію о товарищахъ и своемъ пребываніи между ними.

Вскорѣ лицейская семья умножилась. Одинъ изъ профессоровъ (г. Гауеншильдъ) завелъ пансіонъ для приготовленія молодыхъ людей ко вступленію въ лицей, а такихъ было много. Пансіонъ, съ Высочайшаго соизволенія, причисленъ къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ подъ именемъ Лицейскаго пансіона и сравненъ въ служебныхъ правахъ съ гимназіями. Въ пансіонѣ, какъ и въ самомъ

[1]) Это противорѣчитъ другому показанію, что Пушкинъ не писалъ русскихъ стиховъ въ малолѣтствѣ, но мы оставляемъ здѣсь слова г. Макарова. При томъ же тутъ совершенной исключительности допустить нельзя. Пушкинъ могъ погрѣшить и русскимъ четверостишіемъ въ это время.

Digitized by Google

лицеѣ, Пушкинъ нашелъ дружескія привязанности, которымъ оставался вѣренъ въ продолженіе цѣлой жизни. Вообще, привязанность воспитанниковъ лицея къ мѣсту первоначальнаго своего образованія составляетъ ихъ общую черту. Дельвигъ тосковалъ о лицеѣ на другой же день послѣ своего выхода. Извѣстно, что онъ писалъ почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ:

«Не мило мнѣ на новосельѣ:
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло;
Одно и есть мое веселье —
Увидѣть Царское Село».

Учебная жизнь молодаго Пушкинане была блестяща. При обширной, почти изумительной памяти, ему не доставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ пріобрѣлъ. Вѣроятно по этой причинѣ аттестатъ, выданный Пушкину по окончаніи курса, свидѣтельствовалъ, какъ сообщаетъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, о посредственныхъ успѣхахъ даже въ русскомъ языкѣ [2]).

Не входя здѣсь въ подробности преподаванія, для чего не имѣемъ мы и достаточныхъ матеріаловъ, ограничимся при описаніи лицея тѣмъ, что ближайшимъ образомъ касалось Пушкина. Каждый изъ учениковъ лицея имѣлъ свою отдѣльную комнату подъ надзоромъ общаго гувернера, С. Л. Ч., почтеннаго человѣка, посвятившаго болѣе тридцати лѣтъ жизни исполненію скромной своей должности, и дозволялось по праздникамъ посѣщеніе извѣстныхъ лицъ, жившихъ въ Царскомъ Селѣ; для прогулокъ открыты были воспитанникамъ

---

[1]) Въ архивахъ лицея, по свидѣтельству г. Гаевскаго (см. Современникъ 1853 г. № II), сохранены вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ лицея: съ 1 ноября 1812 по 1 января 1814 и съ 19 ноября 1812 по 1 февраля 1814 г.

Въ первой, за географію, всеобщую и россійскую исторію, профессоръ Кайдановъ аттестовалъ Пушкина такъ: «при маломъ прилежаніи, оказываетъ очень хорошіе успѣхи и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго.» Во второй, составленной профессоромъ логики и нравственныхъ наукъ А. П. Куницинымъ, Пушкинъ аттестуется: «весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особенно по части логики.»

Digitized by Google

сады дворца, а для занятій свободный входъ въ довольно—богатую библіотеку лицея.

Замѣчательно, что въ лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очень скоро, какъ будто здѣсь предоставленъ имъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадныя помѣхи: съ одной стороны обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ, вѣроятно, за превосходное знаніе французскаго языка, но эпитетъ этотъ скрывалъ также и нерасположеніе ихъ къ живому и задорному мальчику, и выводилъ иногда самаго Пушкина изъ терпѣнья. Только немногіе знали—и въ томъ числѣ Дельвигъ—его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности. Дельвигъ былъ идеалистъ въ жизни, если не въ сочиненіяхо. Онъ еще въ лицеѣ побудилъ Пушкина заниматься нѣмецкой литературой и читать германскихъ поэтовъ; но Пушкинъ, кажется, оставилъ своего товарища на первыхъ попыткахъ ознакомиться съ Клопштокомъ. Смутное предчувствіе жизни, неясная потребность существенности держали его постоянно въ кругу французскихъ поэтовъ, съ которыми онъ знакомъ былъ хорошо. Тогда еще не только Пушкинъ, но и почти никто у насъ не видалъ какъ была бѣдна эта поэзія чувствомъ и истиной. Гораздо лучше этого питалъ раннія умственныя наклонности Пушкина другой предметъ—исторія. Мы находимъ, по единогласному свидѣтельству самихъ товарищей Пушкина, что, вмѣстѣ съ французскою и отечественною словестностью, онъ преимущественно занимался исторіею, и между этими предметами дѣлилъ все свое время и всѣ свои чтенія.

Такимъ-образомъ очень естественно, что Пушкинъ продолжалъ писать французскіе стихи и въ лицеѣ. У насъ есть цѣлое стихотвореніе его, писанное на заданную тему: jusqu'au plaisir de nous revoir. Приводимъ два первые куплета этой пьесы, вызванной соревнованіемъ въ одномъ изъ Царскосельскихъ обществъ, гдѣ въ числѣ занятій были и литературныя состязанія.

Couplets.

Quand un poéte en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traine sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,—

Digitized by Google

Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Mais tête-à-téte avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,—
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit:
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir [1]). и т. д.

Когда наконецъ принялся онъ за русскіе стихи, движимый постояннымъ и неопредѣленнымъ желаніемъ авторской славы, то съ перваго раза встрѣтилъ весьма строгаго цѣнителя въ профессорѣ россійской и латинской словесности, Н. Ѳ. Кошанскомъ, который старался даже отвратить его отъ попытокъ сочинительства и только позднѣе, убѣдившись въ талантѣ своего ученика, съ жаромъ принялся знакомить его съ теоріей словесности и съ классическими произведеніями древности; но разсѣянность ученика и болѣзнь учителя, продолжавшаяся три года, много помѣшали успѣху этого дѣла. Эпиграммы Пушкина, начинавшія ходить по рукамъ, доставляли ему ту дешевую извѣстность, которую онъ предпочиталъ болѣе дѣльному отличію на поприщѣ науки: каждый хотѣлъ знать эпиграмму его на другаго. Люди постарше сверстниковъ и боялись его ударовъ, и направляли ихъ въ тайнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ нѣсколько легкихъ посланій, нѣсколько подражаній французскимъ поэтамъ, которыя помѣщены были въ рукописныхъ журналахъ, издававшихся въ самомъ лицеѣ. Журналы эти совершенно утеряны и только названія ихъ сохранились въ памяти старыхъ лицейскихъ

[1]) Прилагаемъ переводъ куплетовъ: «Когда восторженный поэтъ читаетъ вамъ свою оду или свое приношеніе; когда вялый разкасчикъ тянетъ слова; когда, наконецъ, слушаете попугая,—не находя ни одного забавнаго слова, вы спите, вы зѣваете въ платокъ вашъ, вы ждете нетерпѣливо минуты сказать: «до свиданія! до свиданія!» Но съ глазу на глазъ со своей милой или съ умными людьми — наступаютъ минуты истиннаго блаженства. Вы довольны, вы поете и смѣетесь. Старайтесь тогда продолжить мирную бесѣду вашу и къ концу вечера, прощаясь съ друзьями и бутылками, пойте: «до свиданія! до свиданія!»

Digitized by Google

воспитанниковъ;—это были: Лицейскій мудрецъ, Для Удовольствія и Пользы, Неопытное Перо, Пловцы. . . .

Вообще, наклонность къ литературѣ составляла характеристическую черту лицейскаго воспитанія. Между прочимъ, воспитанники выдумали довольно замысловатую игру. Составивъ одинъ общій кружокъ, они обязывали каждаго или разсказать повѣсть, или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдующій за разскащикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, другой развивалъ ее далѣе, третій вводилъ новыя подробности и такъ до окончанія, которое иногда не скоро являлось. Дельвигъ первенствовалъ на этой, такъ сказать, гимнастикѣ воображенія; его никогда нельзя было застать въ расплохъ: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать на-скоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Помнятъ, что онъ разъ изложилъ изумленнымъ и восхищеннымъ своимъ слушателямъ исторію 12-ти спящихъ Дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, откуда почерпнулъ ее. Между-тѣмъ, при такомъ же случаѣ, онъ еще въ грубыхъ чертахъ, разумѣется, передалъ и двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя: *Мятель* и *Выстрѣлъ*, которыя позднѣе явились въ повѣстяхъ Бѣлкина.

Въ бумагахъ Пушкина сохраняется драгоцѣнная записка, принадлежащая къ плану автобіографіи, какую замыслилъ онъ написать уже въ эпоху своей извѣстности и славы. Документъ этотъ, составляющій програму будущаго разсказа о самомъ себѣ, содержитъ и перечень всего сказаннаго нами и нѣсколько новыхъ дополнительныхъ подробностей, изъ которыхъ многія требуютъ поясненій, какихъ мы уже дать не можемъ. Для будущаго біографа Пушкина записка поэта—драгоцѣннѣйшій очеркъ, достойный развитія и тщательнаго изслѣдованія.

«Семья моего отца, его воспитаніе, французы—учителя: Воит. . . , Mr. Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. Бабушка и ея мать—ихъ бѣдность. Иванъ Абрамовичъ. Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины—рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Москву. Рожденіе мое.

«Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ, землетрясеніе, няня. Отъѣздъ матери въ деревню. Первыя непріятности—гувернантки. Рожденіе Льва. Непріятныя воспоминанія. Смерть Николая. Монфоръ, Русло, Кат. П. и Ан. Ив. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.

Digitized by Google

«1811, 1812, 1813.

«Дядя Василій Львовичъ. Дм. Дм., война съ Ан. Ник. Свѣтская жизнь. Лицей, открытіе. Куницынъ. Гр. Аракчеевъ. Начальники наши. Мое положеніе. Чечневъ, Фроловъ.

«1814.

«Смерть Малиновскаго. Пріѣздъ Карамзина. Пріѣздъ матери, пріѣздъ отца, стихи etc. Мое тщеславіе. 15 лѣтъ.

«1815.

«Извѣстіе о взятіи Парижа. Экзаменъ, Державинъ.»

Никто не усомнится, что подъ рукой Пушкина программа эта могла бы развиться въ удивительную картину нравовъ и въ мастерское изображеніе лицъ и происшествій. Только послѣднюю часть ея—свою встрѣчу съ Державинымъ—разсказалъ намъ поэтъ, унеся все остальное съ собою. Если можно выбирать въ литературномъ дѣлѣ, которое, вѣроятно, было бы равно замѣчательно, то особенно достойно сожалѣнія, что первыя впечатлѣнія молодости нашего поэта—Юсуповъ садъ, Землетрясеніе, Няня,—потеряны навсегда для читателей [1]).

Вслѣдъ за этимъ прилагаемъ второй документъ, но это уже отрывокъ изъ подлинныхъ записокъ Пушкина, веденныхъ имъ во время пребыванія своего въ лицеѣ. Онъ принадлежитъ, по всѣ признакамъ, къ 1815 году и писанъ еще юношескимъ почеркомъ Александра

---

[1]) Немногіе помнятъ теперь землетрясеніе, бывшее въ Москвѣ въ 1802 году. Вотъ начало статьи, помѣщенной тогда въ Вѣстникѣ Европы, изд. Н. М. Карамзина (Вѣс. Евр. 1802, часть VI., № 21, стр. 69. Москва). «14 октября, въ исходѣ втораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясеніе, которое продолжалось секундъ двадцать и состояло въ двухъ ударахъ или движеніяхъ. Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: напримѣръ (сколько можно судить по разсказамъ) на Трубѣ, Рожественкѣ и за Яузою. Оно не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба (въ городской части) оказались трещины, а въ другомъ отверстіе въ землѣ, на аршинъ въ окружности. . . . Удары были чувствительны въ высокихъ домахъ; почти во всѣхъ качались люстры, въ иныхъ столы и стулья. Многіе люди, не вѣря глазамъ, вообразили, что у нихъ кружится голова. Работники, бывшіе на Спасской башнѣ, увѣряютъ, что стѣны ея тряслися. Тѣ, которые шли по улицѣ или ѣхали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что въ Москвѣ было землетрясеніе. . . .» А. С. Пушкинъ былъ еще очень молодъ въ то время, не болѣе трехъ съ половиною лѣтъ. Со всѣмъ тѣмъ любопытно было бы видѣть Пушкинское изложеніе, вѣроятно, нянININыхъ разсказовъ о необыкновенномъ феноменѣ.

Digitized by Google

Сергѣевича, на синей бумагѣ въ четверку. Около тридцатыхъ годовъ, Александръ Сергѣевичъ произвелъ нѣчто въ родѣ ауто-да-фе, изъ всѣхъ лицейскихъ писемъ и записокъ, какія только могъ найти подъ рукою. Нашъ отрывокъ уцѣлѣлъ, вѣроятно, потому, что затерялся въ его тетрадяхъ. Самый поверхностный разборъ укажетъ сколько еще въ немъ заключено любопытныхъ данныхъ, освѣщающихъ лице поэта въ ту эпоху, которая больше другихъ отошла въ тѣнь и мракъ прошедшаго.

Лицейскія записки Пушкина открываются второй половиной анекдота, который былъ впослѣдствіи разсказанъ Пушкинымъ иначе, но здѣсь анекдотъ сопровождается еще замѣчательной приписской.

«. . . . . большой грузинскій носъ, а партизанъ почти вовсе былъ безъ носу. Д* является къ Б—ону: «Князь Б—онъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу. . .». — «На чьемъ носу, Д. В.? отвѣчаетъ генералъ, ежели на вашемъ, такъ онъ ужъ близко, если же на носу князя Б—она, то мы успѣемъ еще отобѣдать».

«*Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.*»

Такимъ образомъ Жуковскій еще въ 1815 году обратилъ вниманіе и поощрительный взглядъ свой на юнаго поэта. Далѣе слѣдуютъ строки:

«8 ноября.

«Ш—овъ и г-жа Б—на увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ. . . .»

Отсюда начинается посланіе къ извѣстному драматическому писателю нашему, которое не приводимъ и за слабостію стиховъ и за рѣзкость нѣкоторыхъ упрековъ [1]). Поводомъ къ негодованію Пушкина и многихъ другихъ на кн. Шаховскаго были его комедіи: «Липецкія воды» и «Новый Стернъ», гдѣ въ первой видѣли пародію на баллады Жуковскаго, а во второй—на сантиментальность Ка-

---

[1]) Вотъ нѣсколько выписокъ:

«Вчера, въ торжественномъ вѣнчаньи
Творца Затѣй,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей.
Хвала, хвала тебѣ о Ш—ой!

* * *

«Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,

Digitized by Google

рамзина. Эпитетъ «Записнаго гонителя талантовъ» данъ былъ кн. Шаховскому, какъ за эти пьесы, такъ еще и по неоправданному подозрѣнію въ недоброжелательствѣ къ успѣхамъ Озерова. Теперь несомнѣнно, что все это было дѣломъ увлеченія, за которымъ слѣпо шелъ и Пушкинъ; но надо сказать, что онъ первый и отсталъ отъ толпы, какъ скоро увидѣлъ. Молодой сатирикъ обращается, однакожъ, отъ стиховъ къ критическому разбору самихъ произведеній даровитаго писателя. Это первый примѣръ литературнаго сужденія въ Пушкинѣ, а потому выписываемъ его:

«Мои мысли о Шаховскомъ.

«Шах—никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шах—не имѣетъ большаго вкуса: онъ худой писатель. Что же онъ такой? Не глупый человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.»

Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто въ запискахъ:

«10 декабря.

«Вчера написалъ я третью главу: *Фатама*, или *разумъ человѣческій*, читалъ ее С. С. и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера.»

«Началъ я комедію—не знаю кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать ироническую поэму: *Игорь* и *Ольга*.

«Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села*.

1. Картина сада.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царскаго Села.

Въ *Бесѣдѣ* бодрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной
Хвала, хвала тебѣ о Ш—ой!» и проч.

Здѣсь уже является враждебное отношеніе молодыхъ писателей тогдашняго времени къ литературному обществу, извѣстному подъ названіемъ: «Бесѣды любителей русскаго слова», о чемъ будетъ еще сказано въ продолженіи нашего труда подробнѣе.

Digitized by Google

«Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ,—но это еще будущее.»

Эти *главные предметы записокъ* обнаруживаютъ постоянное стремленіе къ литературной дѣятельности въ молодомъ ученикѣ. Нѣкоторые изъ его товарищей еще помнятъ содержаніе романа: «Фатама», написаннаго по образцу сказокъ Вольтера. Дѣло въ немъ шло о двухъ старикахъ, молившихъ небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена всѣхъ возможныхъ благъ. Добрая фея возвѣщаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ, который въ самый день рожденія достигнетъ возмужалости, и вслѣдъ за этимъ, почестей, богатства и славы. Старики радуются, но фея полагаетъ условіе, говоря, что естественный порядокъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и нисходить къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ тѣмъ года юношества, отрочества и младенчества до-тѣхъ-поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ безпомощнымъ ребенкомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что измѣненіе натуральнаго хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему. О комедіи Пушкина, вскорѣ уничтоженной, и о героической поэмѣ почти ничего не могли мы собрать [1]), но картина Царскаго Села могла служить продолженіемъ другой пьесы: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, которая была въ 1815 году прочитана на публичномъ экзаменѣ лицея въ присутствіи Державина, и породила сцену, такъ живо разсказанную впослѣдствіи самимъ Пушкинымъ. Не мѣшаетъ прибавить, что отецъ нашего поэта дополнилъ ее еще одной чертой. Послѣ экзамена былъ торжественный обѣдъ у г. министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, на который и Сергѣй Львовичъ получилъ приглашеніе. Державинъ находился тутъ же. За обѣдомъ графъ Алексѣй Кирилловичъ, обращаясь къ Пушкину, замѣтилъ: «Я бы желалъ однакоже образовать сына вашего къ прозѣ». «Оставьте его поэтомъ!» пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ возразилъ Державинъ.

[1]) Есть положительное извѣстіе, что В. А. Жуковскій, въ то же самое время, намѣревался написать поэму или стихотвореніе: *Ольга*, наподобіе Вальтеръ-Скоттовой поэмы: Дѣва Озера. Въ легендѣ объ Ольгѣ также говорится, что она первоначально была *перевозчицей*. Бунтъ Вадима въ Новгородѣ долженъ былъ составлять эпизодъ въ поэмѣ, но В. А. Жуковскій оставилъ намѣреніе безъ исполненія. Не передалъ ли онъ плана стихотворенія молодому своему пріятелю, начинавшему обращать тогда его вниманіе на себя? Мы знаемъ, что еще въ 1821 г. Пушкинъ думалъ о сѣверной поэмѣ: *Вадимъ*, и бросилъ ее послѣ нѣсколькихъ попытокъ.

Digitized by Google

Нѣсколько листковъ записокъ заняты ученическими, безсвязными куплетами, въ которыхъ повторяются слова, части рѣчи и любимыя фразы людей, окружавшихъ Пушкина, не представляя почти никакого смысла сами по себѣ. Какъ значеніе, такъ и соль куплетовъ совершенно пропали [1]). Гораздо важнѣе ихъ одно мѣсто въ запискахъ, гдѣ мечтательность юнаго поэта, питаемая самыми незначительными обстоятельствами, начинаетъ наполнять его ученическую комнату вымыслами, фантастическими образами и предположеніями Отрывокъ начинается стихами:

«29-го.

И такъ я щастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался! . . . .
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лётомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь! . . . .

«Я щастливъ былъ! нѣтъ я вчера не былъ щастливъ; по утру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу—ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ. . . . сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.
Жуковскій.

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ на выдержку:

На Ш.

«Скажите мнѣ щастицы,
Какъ напримѣръ: wenn so,
Je weniger und desto —
Die Sonne scheint also.

На Л.

Bonjour, Messieurs — потише —
Поводьемъ не играй:
Ужъ я тебя потѣшу!
A quand l'Equitation?

На К.

А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюды:
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.» и проч.

Digitized by Google

«Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б....

«Я былъ щастливъ 5 минутъ!»

Лицейскія элегіи Пушкина: *Мѣсяцъ*, *Окно*, *Сну* и проч., оставили намъ еще другое напоминовеніе о всѣхъ волненіяхъ воображаемой страсти, которая была только едва-мерцающей зарей сердечнаго чувства, такъ сильно развитаго впослѣдствіи у Пушкина; но онъ вспомнилъ объ ней позднѣе съ умиленіемъ. Прибавимъ, что онъ совершенно забылъ впечатлѣнія, высказанныя имъ въ стихотвореніяхъ: *Къ Наташѣ*, *Къ молодой актрисѣ* и проч., которыя связывались съ домашнимъ театромъ одного изъ жителей Царскаго Села, и сберегъ въ памяти навсегда только одно: впечатлѣніе чистой, дѣтской красоты, случайно встрѣченной имъ въ годину ученической жизни....

Наконецъ, заключаемъ разборъ лицейскихъ записокъ выпиской цѣлаго портрета. Это первый полный опытъ Пушкина въ созданіи лица, характера—первое чисто литературное его произведеніе. Полагаемъ, что эти качества сообщатъ ему особенную занимательность.

«17.

«Вчера провелъ я вечеръ съ Ик.

«Хотите ли вы видѣть страннаго человѣка, чудака,—посмотрите на на Ик. Поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго, худаго человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, окутанной чернымъ, изорваннымъ платкомъ. Лице блѣдное, волосы не острижены, не разчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки—онъ дико смотритъ на васъ Вы ему близкой знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется, садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства; ходитъ пѣшкомъ изъ П—га въ Ц. С., чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ. Онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ; разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣянье, ему оказанное,—легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ.

Digitized by Google

Ик. имѣетъ дарованія, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію.— Вы читаете ему свою пьесу—на-отрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко;—за то за самые посредственные стихи издается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.»

Здѣсь кончаются записки Пушкина, и мы теперь же переходимъ къ подробному разбору такъ называемыхъ лицейскихъ его стихотвореній, которыя составляютъ довольно многочисленную семью, заслуживающую вниманіе по многимъ обстоятельствамъ. Не говоря уже объ интересѣ, который связывается даже съ незрѣлыми произведеніями истиннаго художника, они способствуютъ еще къ уразумѣнію нравственной его физіогноміи въ извѣстную эпоху жизни. За неимѣніемъ ближайшихъ свѣдѣній, погибающихъ вмѣстѣ съ людьми и даже прежде людей,—эти данныя имѣютъ сами по себѣ не маловажное достоинство.

Первыми русскими стихотвореніями Пушкина, написанными въ лицеѣ, должны считаться его *Посланіе къ сестрѣ*, не бывшее въ печати, и слѣдующія стихотворенія, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы 1814 года, издававшемся Владиміромъ Васильевичемъ Измайловымъ: 1) *Къ другу стихотворцу*, 2) *Кольна*, 3) *Венерѣ отъ Лаисы, при посвященіи ей зеркала*, 4) *Опытность* и 5) *Блаженство*. За указаніе этихъ стихотвореній мы обязаны глубокою благодарностію, вмѣстѣ съ читателями нашими, барону М. А. Корфу, сообщившему намъ тетрадь стихотвореній, гдѣ собраны лицейскія произведенія его бывшихъ товарищей. Безъ нея, можетъ быть, никогда бы и нельзя было съ надлежащей достовѣрностью разъяснить вопросъ о первыхъ произведеніяхъ Пушкина. Послѣднія два изъ приведенныхъ стихотвореній очень любопытны, какъ раннее подражаніе Батюшкову [1]). Къ

[1]) Первымъ *напечатаннымъ* стихотвореніемъ Пушкина было посланіе *къ Другу-Стихотворцу*, Вѣстникъ Европы 1814, № 13, подпись Александръ Н. К. ш. п. Извѣстный библіографъ нашъ С. Д. Полторацкій сообщаетъ даже подробности о *днѣ* появленія перваго произведенія Пушкина *въ печати*. Вотъ слова, извлеченныя изъ тетрадей его, наполненныхъ любопытными замѣтками и свѣдѣніями.

«Сколько мнѣ извѣстно, говоритъ онъ, это (*къ Другу-Стихотворцу*) первое напечатанное стихотвореніе Пушкина. Оно появилось въ свѣтъ *въ субботу, 4 іюля* 1814 *года*, потому что 13 книжка Вѣстника Европы, въ которой оно напечатано, вышла въ свѣтъ и раздавалась подписчикамъ въ этотъ день, что видно изъ Московскихъ Вѣдомостей (№ 53, суббота, 4 іюля 1814, стр. 1320, столбецъ 2-й). Измайловъ (Владиміръ Васильевичъ), издававшій въ 1814 году Вѣстникъ

Digitized by Google

1814 году принадлежатъ также стихотворенія: *Красавицѣ, которая нюхала табакъ*; *Пирующіе друзья*, пьеса *Путешественнику*, настоящее заглавіе которой было: *Къ Н. Г. Л—ву*, романсъ: *Подъ вечеръ осенью ненастной*—и можетъ быть *Посланіе къ Батюшкову (философъ рѣзвый и піитъ)*.

Ранѣе этихъ первыхъ опытовъ трудно, кажется, сыскать что-либо. По указанію кн. Вяземскаго, стихотвореніе: *На смерть Кутузова* (Отечество въ слезахъ познало вѣсть ужасну), приписанное однимъ журналомъ Александру Пушкину и помѣщенное въ Вѣстникѣ Европы 1813 года, принадлежитъ родственнику нашего поэта, Алексѣю Михайловичу Пушкину.

Въ 1815 году дѣятельность молодаго поэта расширяется. Кромѣ двухъ пьесъ: *Наполеонъ на Эльбѣ*, помѣщенной въ Сынѣ Отечества на 1815 годъ (№ XXV и XXVI), и *На возвращеніе императора Александра изъ Парижа*, напечатанной въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1817 г. (часть IX), уже 18 пьесъ Пушкина является въ «Россійскомъ Музеумѣ или Журналѣ Европейскихъ Новостей на 1815 годъ,» изданія того же В. В. Измайлова, который былъ воспріемникомъ первыхъ произведеній почти всѣхъ лицейскихъ поэтовъ. Дельвигъ помѣстилъ въ обоихъ его журналахъ (1814 и 1815 годовъ) до 15 пьесъ. Илличевскій 9 и проч. Должно замѣтить, что А. Д. Илличевскій своими эпиграммами и шутками, передѣланными съ французскаго, пользовался у товарищей высокимъ уваженіемъ, какъ авторъ, и оспаривалъ у Пушкина честь первенства до тѣхъ поръ, пока Державинъ своимъ одобреніемъ не рѣшилъ, кому отдать преимущество.

Изъ 18 пьесъ Пушкина, помѣщенныхъ въ «Россійскомъ Музеумѣ»,

Европы, получилъ это стихотвореніе еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но не хотѣлъ его печатать, не узнавъ прежде имени сочинителя.

Это видно изъ слѣдующаго объясненія, напечатаннаго въ 8-мъ № Вѣстника Европы 1814, часть 74, стр. 324.

Отъ издателя:

Просимъ сочинителя присланной въ Вѣстникъ Европы пьесы, подъ названіемъ *Къ Другу-Стихотворцу*, какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики.

Digitized by Google

только 9 вошли въ посмертное изданіе его сочиненій (1838—41 г.), а 9 выпущены. Подписаны они были въ журналѣ разными цифрами, буквами и анаграмой, что все указано въ примѣчаніяхъ нашихъ къ стихотвореніямъ, нынѣ вполнѣ собраннымъ.

Далѣе, въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности при Им. Моск. Университетѣ» 1818 года, часть X, помѣщены были двѣ пьесы Пушкина, написанныя имъ одна въ 1815 году, а другая въ 1817: 1) *Безверіе* (1817), 2) *Гробница Анакреона* (1815), а въ журналѣ П. Корсакова «Сѣверный Наблюдатель 1817 года» 5 слѣдующихъ: 1) *Пѣвецъ* (1816), 2) *Къ ней* (*Эльвина, милый другъ*. 1816), 3) *Посланіе къ Лидѣ* (*Тебѣ, наперсница Венеры*. 1816), 4) *Пробужденіе* (*Мечты, мечты*. 1816), 5) *Эпиграмма* (*Покойникъ Клитъ*. 1816).

Изъ нихъ только *Посланіе къ Лидѣ* пропущено было посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина 1838—41 г.

Къ лицейскимъ же (въ точномъ смыслѣ слова), должна принадлежать и пьеса: *Разлука*, напечатанная въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года (часть II) подъ заглавіемъ *К—у*, и пять пьесъ, напечатанныхъ въ Альманахѣ: «Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827», именно: *Романсъ* (1814), *Желаніе* (1816), *Фавнъ и Пастушка* (1816), *Заздравный Кубокъ* (1816). *Къ Живописцу* (1815), и наконецъ семнадцать, впервые помѣщенныхъ въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826, именно: *Друзьямъ* (1816), *Амуръ и Гименей* (1816), *Роза* (1816), *Ш—ову* (1816), *Пушкину* (1817), *Дельвигу* (1817), *Къ ** (*Не спрашивай за чѣмъ унылой думой*. 1817), *Торжество Вакха* и 9 мелкихъ пьесъ (эпиграммъ и надписей).

Всего же напечатанныхъ при жизни поэта лицейскихъ стихотвореній, если включить сюда и *Посланіе къ Каверину* (Московскій Вѣстникъ 1828. № XVII), считаемъ мы пятдесятъ шесть, между тѣмъ какъ полное число произведеній, обозначаемыхъ «Лицейскими» и собранныхъ въ настоящемъ изданіи, восходитъ до 120, да и то еще нельзя ручаться, чтобъ тутъ не было пропусковъ.

Лицейскія стихотворенія не могутъ быть ограничены іюнемъ мѣсяцемъ 1817 года, т. е. мѣсяцемъ выпуска воспитанниковъ, потому что одинаковый тонъ, сходство стиха и направленія, связываютъ съ ними неразрывно и произведенія нашего поэта второй половины того же самаго года. Вотъ почему, какъ въ нашемъ изданіи, такъ и при исчисленіи его произведеній, мы отнесли къ «Лицейскимъ» всѣ пьесы до 1818, и только съ этого года начинаемъ другой отдѣлъ. Правда, названіе становится не совсѣмъ точно, но будучи принято, по общему

Digitized by Google

соглашенію, для обозначенія духа извѣстной цѣпи произведеній, оно не теряетъ своей вѣрности и въ настоящемъ случаѣ. Пушкинъ сдѣлался весьма строгъ къ *грѣхамъ отрочества*, какъ онъ называлъ стихи своей молодости. Изъ всей кипы ихъ (120), онъ выбралъ въ 1826 году, для перваго собранія своихъ стихотвореній, только 14 значительныхъ пьесъ: (*Пробужденіе*, *Друзьямъ*, *Гробъ Анакреона*, *Торжество Вакха*, *Пѣвецъ*, *Амуръ и Гименей*, *Разлука*, *Лицинію*, *П — ну*, *Ш — ву*, *Дельвигу*, *Роза*, *Старику*, *Къ* *) и 9 эпиграммъ и надписей; всего 23 пьесы. Большая часть ихъ была еще, въ добавокъ, вся пересмотрѣна и исправлена противъ прежнихъ редакцій и рукописей, такъ что врядъ ли можетъ и дать настоящую идею о лицейскихъ произведеніяхъ. Мы имѣли случай видѣть тетрадь, съ которой печаталось это собраніе стихотвореній: тамъ девять пьесъ, уже одобренныя цензоромъ, зачеркнуты рукою самого автора. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то: *Наѣздникъ*, *Уныніе*, *Романсъ*, попали въ посмертное изданіе его стихотвореній 1838 — 41 г., въ отдѣлъ лицейскихъ произведеній, однако же совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели въ тетради, о которой говоримъ. Причина ясна: изданіе это въ дополнительномъ 9-мъ томѣ своемъ печатало всѣ лицейскія стихотворенія или съ черновыхъ рукописей Пушкина, или съ грубыхъ снимковъ,—что еще хуже. Самъ Пушкинъ печаталъ ихъ уже въ обдѣланномъ видѣ. Причина эта понудила насъ, въ настоящемъ изданіи, подвергнуть всѣ лицейскія стихотворенія тщательной провѣркѣ и показать въ примѣчаніяхъ разницу между испорченнымъ спискомъ и настоящимъ текстомъ, гдѣ это возможно, а гдѣ нѣтъ—то сберечь поправки, сохранившіяся въ черновыхъ рукописяхъ на стихотвореніяхъ Пушкина, который одно время (1817 г.) хотѣлъ привести ихъ въ порядокъ, какъ свидѣтельствуютъ надписи его на многихъ пьесахъ: *передѣлать*, *не надо*, *перепечатать* [1]).

---

[1]) Книжка: «Стихотворенія Александра Пушкина. 1826 г. С.-Пб. Типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія, страницъ XI, и 192» весьма любопытна. Она издана была, когда самъ поэтъ находился въ деревнѣ своей, Михайловскомъ, послѣ службы въ Кишеневѣ и Одессѣ, снабжена эпиграфомъ изъ Проперція и небольшимъ вступленіемъ, отъ имени издателей, которое выписываемъ:

«Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ, въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно-называемыхъ поэмъ.

«Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя вправѣ ожидать особеннаго

Digitized by Google

Та же самая строгость выбора присутствовала и при вторичномъ изданіи стихотвореній его въ 1829 году въ двухъ томахъ. Въ немъ повторены только лицейскія стихотворенія изданія 1826 г., и не прибавлено къ нимъ ни одной новой пьесы изъ этого времени. Все это показываетъ значительную осторожность Пушкина въ отношеніи первыхъ своихъ произведеній. Онъ даже отказывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ въ Альманахѣ Б. М. Ѳедорова: «Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827» напечатано было, съ согласія самаго автора, нѣсколько лицейскихъ его опытовъ. Между ними находился *Романсъ* (*Подъ вечеръ осеню ненастной*), о которомъ Пушкинъ совершенно забылъ, хотя и вписалъ его въ тетрадь, приготовленную для печати стихотвореній его въ 1826. Въ 1830 году онъ уже не признавалъ этого стихотворенія своимъ, говоря: «По крайней мѣрѣ не долженъ я отвѣчать за чужія проказы [1])». Мы знаемъ также, что онъ глубоко былъ оскорбленъ, когда, по возвращеніи въ Петербургъ изъ путешествія въ Арзрумъ, въ 1829 году, нашелъ въ Альманахѣ: «Сѣверная

вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся словесностію, сравнить четырнадцати-лѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое десятилѣтіе авторской жизни.

«Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ, это первое, въ нѣкоторомъ порядкѣ, собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и передъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки».

Слѣдуя своему правилу, издатели раздѣлили стихотворенія по родамъ, но къ каждой пьесѣ приложили годъ ея сочиненія, чѣмъ значительно облегчили хронологическое распредѣленіе пьесъ, которое нами принято за основаніе изданія. Второе изданіе стихотвореній Пушкина (Стихотворенія Александра Пушкина 2 части. 1829 г. С.-Пб., въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, стр. 224, 176. Вмѣсто цензурнаго одобренія, на обѣихъ частяхъ: «съ дозволенія Правительства») уже совсѣмъ откинуло методу разбора пьесъ по содержанію и слѣдовало одному чисто хронологическому порядку, что повторяется и въ настоящемъ, предлагаемомъ публикѣ изданіи. Кстати мы увидимъ позднѣе, что предисловіе къ первому изданію 1826, которое приведено выше, было написано по плану и указанію самаго Пушкина.

[1]) Тоже самое повторилось и въ отношеніи пьесы: *Фавнъ и Пастушка*, напечатанной въ томъ же альманахѣ. Мы находимъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ, въ статьѣ: «Обзоръ Россійской Словесности за 1828 г.» слѣдующія слова, въ видѣ упрека. «Такъ еще въ Памятникѣ Музъ на 1827 годъ напечатаны были отрывки изъ стихотворенія Пушкина: *Фавнъ и Пастушка*, стихотворенія, отъ

Digitized by Google

Звѣзда», г. Михаила Бестужева-Рюмина (а не Марлинскаго, какъ напечатано, по странной ошибкѣ, въ смѣси посмертнаго изданія), 7 своихъ лицейскихъ стихотвореній, напечатанныхъ безъ спроса и дозволенія. Издатель альманаха поставилъ подъ ними буквы *Ап.* и почелъ еще за нужное, въ предисловіи, сдѣлать оговорку: «Издатель, благодаря г. *Ап.*, доставившаго къ нему тринадцать пьесъ [1]) (изъ которыхъ нѣсколько помѣщены въ сей книжкѣ), должнымъ находитъ просить гг. Неизвѣстныхъ объ объявленіи впредь именъ своихъ издателю, ибо если они желаютъ скрыть ихъ отъ публики, то въ семъ отношеніи совершенно могутъ быть увѣрены въ *скромности* издателя, а сему послѣднему необходимо должны быть извѣстны имена особъ, доставляющихъ къ нему для напечатанія свои пьесы». Подъ буквами *Ап.* издатель видимо подразумѣвалъ Пушкина, и поэтъ, раздосадованный столько же нарушеніемъ своей собственности, сколько и неблаговиднымъ изъясненіемъ издателя, хотѣлъ даже обратиться къ посредничеству ближайшаго начальства, но ограничился только замѣткой въ своихъ запискахъ 1830 года: «Г. Бестужевъ, въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то г. *Ап.* за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились печатанія.... *Г. Ап.* не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, *поправлять ихъ по своему* и отсылать ихъ въ альманахъ Г. Б., вмѣстѣ съ собственными произведеніями» и проч. Вообще, обнародованіе того, что онъ самъ считалъ недостойнымъ извѣстности, приводило его въ немалый гнѣвъ, какъ увидимъ впослѣдствіи еще нѣсколько примѣровъ. Теперь же, когда слава его упрочена и первыя упражненія въ поэзіи не могутъ бросить на нее ни малѣйшей тѣни, возможно-полное собраніе лицейскихъ стихотвореній должно служить весьма поучительнымъ вступленіемъ къ исторіи литературной дѣятельности Пушкина вообще и отчасти необходимымъ къ ней поясненіемъ.

Всѣмъ извѣстно, что первые опыты Пушкина возбудили толки и раннія надежды современниковъ. Г. Макаровъ въ статьѣ: «О дѣтствѣ Пушкина» (Современникъ 1843, № 3), собралъ весьма любопытныя свидѣтельства о мнѣніяхъ по этому поводу, ходившихъ въ

котораго поэтъ нашъ самъ отказывается и поручилъ намъ засвидѣтельствовать сіе передъ публикой». Обзоръ подписанъ О. Сомовымъ. Но стихотвореніе сбережено тетрадью барона М. А. Корфа, о которой мы говорили, и такимъ образомъ принадлежность его Пушкину несомнѣнна.

[1]) Въ Альманахѣ было всего 7 пьесъ Пушкина: это тоже уловка издателя альманаха для затемненія дѣла.

Digitized by Google

обществѣ. «Кто не помнитъ тамъ (въ Россійскомъ Музеумѣ), говоритъ онъ: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, *Посланіе къ Батюшкову*, *Къ* *** и проч. Тутъ свѣтились дарованія Пушкина ясно и проч.» Тутъ уже знаменитый Дмитріевъ, сравнивая ихъ съ обыкновеннымъ родомъ поэзіи, господствовавшей у насъ, говорилъ: «Классическая такта и въ стихахъ и въ прозѣ лишаетъ насъ многаго хорошаго; мы какъ-то не смѣемъ не придерживаться къ краткому руководству къ Ораторіи Россійстѣй!» Василій Львовичъ Пушкинъ, долго не соглашавшійся признать поэтическій талантъ въ племянникѣ, радовался однакожъ, что «Александровы стихи не пахнутъ латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго». Необычайную прозорливость оказалъ другой пѣвецъ, графъ Д. И. Хвостовъ. Въ раннихъ опытахъ Пушкина онъ почуствовалъ *переломъ классицизму*. Вострогъ Державина при слушаніи строфъ изъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* уже извѣстенъ.

Всѣ похвалы эти имѣли основаніе. Тѣмъ людямъ, которые застали Пушкина въ полномъ могуществѣ его творческой дѣятельности, трудно и представить себѣ надежды и степень удовольствія, какія возбуждены были въ публикѣ его первыми опытами; но внимательное чтеніе ихъ и особенно сравненіе съ тѣмъ, что дѣлалось вокругъ, достаточно объясняютъ причину ихъ успѣха. Стихъ Пушкина, уже подготовленный Жуковскимъ и Батюшковымъ, былъ въ то время еще очень неправиленъ, очень небреженъ, но лился изъ-подъ пера автора, повидимому, безъ малѣйшаго труда, хотя, какъ вскорѣ увидимъ, отдѣлка пьесъ стоила ему немалыхъ усилій. Казалось, языкъ поэзіи былъ его природный языкъ, данный ему вмѣстѣ съ жизнію. Самъ Пушкинъ какъ будто вѣрилъ въ эту мысль, и въ превосходномъ стихотвореніи, вновь отысканномъ, могъ по справедливости сказать про свою Музу:

Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный умъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!

Часто посреди простыхъ ученическихъ упражненій, стихотворныхъ нецеремонныхъ бесѣдъ съ друзьями, и въ подражаніяхъ Державину, Карамзину и Жуковскому — неожиданно встрѣчаешься у Пушкина съ оригинальными образами, съ пріемами, уже предвѣщающими позднѣйшую эпоху его развитія. Такъ въ стихотвореніи

Digitized by Google

1815 года: *Мечтатель*, есть строфа, которая можетъ вообще считаться естественной предшественницей антологическихъ его стихотвореній:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты [1]) осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

Въ стихотвореніи 1816 года: *Друзьямъ*, есть уже первыя черты той тихой и свѣтлой грусти, которая составляла впослѣдствіи отличительную черту его элегій:

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожитъ васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Брящать веселье на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искать потерянные звуки.
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И на любовь устремлены
Огнемъ исполненныя очи!
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной; —
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Пьеса эта, передѣланная Пушкинымъ нѣсколько позднѣе, пріобрѣла удивительную круглоту; и въ этомъ видѣ врядъ-ли чѣмъ отличается отъ лучшихъ его произведеній. Въ стихотвореніи 1817 года: *Къ молодой вдовѣ*, кто, хотя немного знакомый съ манерой Пушкина, не узнаетъ его руки?

Вѣчно-ль слезы проливать?
Вѣчно-ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?

---

[1]) Муза.

Digitized by Google

Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ,
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Откровенной дружбы слезы
И любоницъ робкій зовъ.

При нѣкоторомъ стараніи, можно было бы увеличить число такихъ примѣровъ, но и этихъ достаточно для оправданія нашей мысли. Лицейскія стихотворенія полны намековъ, бѣглыхъ линій, тѣней, которыя впослѣдствіи самимъ Пушкинымъ обращены въ ясные, полные и живые образы. Очень многія изъ этихъ раннихъ замѣтокъ, совершенно преображенныхъ поэтомъ въ эпоху его самобытнаго развитія, нашли себѣ мѣсто въ разныхъ его произведеніяхъ. Лицейскія стихотворенія походятъ на памятную книжку, гдѣ записано многое слишкомъ коротко и бѣгло, многое слишкомъ пространно и слабо. Пушкинъ нерѣдко черпалъ матеріалы изъ своего стараго запаса, чему нѣсколько примѣровъ собрано нами въ примѣчаніяхъ къ его лирическимъ пьесамъ.

Основный характеръ юношеской поэзіи Пушкина составляетъ веселый взглядъ на жизнь и стремленіе къ беззаботному наслажденію ею, что и доставило ей успѣхъ въ публикѣ и между товарищами. Если разобрать стихотворенія трехъ годовъ, съ 1815 по 1818, и отдѣлить отъ нихъ подражанія Пушкина всѣмъ предшественникамъ — Державину, Карамзину и Жуковскому, — остается еще большой отдѣлъ легкихъ, игривыхъ посланій, застольныхъ, вакхическихъ пѣсенъ, которыя видимо обязаны существованіемъ своимъ вліянію французскихъ, такъ называемыхъ, анакреонтическихъ писателей. Еще на скамьяхъ лицея, Пушкинъ прочелъ всѣхъ корифеевъ этой поэзіи: Шолье, Шапеля, Берни, Грессе, Грекура и Парни — и первые его опыты связаны съ этими именами и съ тѣмъ родомъ произведеній, которымъ занимался отецъ его, Сергѣй Львовичъ. Стихотворенія 15 и 16-ти-лѣтняго Пушкина были только продолженіемъ того рода домашней поэзіи, съ которымъ онъ познакомился у себя въ семействѣ. Не нужно пересчитывать многочисленныхъ произведеній этого отдѣла: они легко узнаются по притязаніямъ на остроуміе, по небрежности картинъ и самаго хода ихъ. Между ними есть даже Русская сказка: *Бова*, которая, не смотря на простонародное свое

Digitized by Google

названіе и на подражаніе Карамзину, сильно походитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на сказочку Вуазенона. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ уже выступаютъ изъ ряда холодныхъ, внѣшне-эфектныхъ и остроумныхъ произведеній французской поэзіи — именно тѣ, гдѣ особенно чувствуется вліяніе Батюшкова, какъ напримѣръ въ пьесахъ: *Гробъ Анкреона*, *Мечтатель (По небу крадется луна)* и во всѣхъ элегіяхъ Пушкина. Батюшковъ былъ первымъ учителемъ Пушкина въ тонкомъ, эстетическомъ вкусѣ, въ искусствѣ облекать самые смѣлые порывы фантазіи въ граціозные образы и совершенствомъ формы смягчать рѣзкость представленія. Пушкинъ признавалъ себя ученикомъ Жуковскаго, но общее впечатлѣніе, производимое его юношескими опытами, заставляетъ перенесть это званіе и эту честь скорѣе на Батюшкова, чѣмъ на автора Людмиллы. Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерой Батюшкова. Разсказываютъ, что въ 1828 году онъ, по просьбѣ одного литератора въ Москвѣ, написалъ ему въ альбомъ извѣстное свое стихотвореніе: *Муза* (*Въ младенчестѣ моемъ она меня любила*). На вопросъ литератора, почему пришло ему на умъ именно это стихотвореніе, Пушкинъ отвѣчалъ: «Я люблю его; — оно отзывается стихами Батюшкова».

Мы упомянули объ элегіяхъ Пушкина 1816 года, каковы: *Мѣсяцъ*, *Осеннее утро*, *Окно*, *Сну* и проч. Нельзя пройти ихъ безъ вниманія. Они, по нашему мнѣнію, составляютъ переходъ къ болѣе самостоятельнымъ его произведеніяхъ, которыя появились спустя три года. Напрасно стали бы искать въ нихъ глубокаго чувства позднѣйшихъ его произведеній: это были первыя тревоги поэтической души, первое пробужденіе чувства. Отсюда истекалъ впослѣдствіи тотъ чудный родникъ лирическихъ пѣсней, который такъ освѣжительно дѣйствуетъ доселѣ на сердце и воображеніе читателя! Безъ труда можно видѣть, что въ основаніи его элегической задумчивости, нѣтъ никакого дѣйствительнаго событія, еще менѣе настоящей страсти; но эти неясныя и неопредѣленныя жалобы, опережающія жизнь, истинны сами по себѣ. Лице, возбудившее ихъ, упоминается въ лицейскихъ запискахъ Пушкина, какъ мы видѣли. Къ тому же лицу относится и стихотворенія: *Къ Живописцу*, которое, будучи положено на музыку однимъ изъ товарищей Пушкина, часто распѣвалось въ лицеѣ хоромъ, хотя пьеса эта есть только переводъ извѣстнаго стихотворенія *Парни*: Peintre, Qu'Hébé soi ton modèle.»

Къ концу своего пребыванія въ лицеѣ, Пушкинъ уже обратилъ

Digitized by Google

на себя вниманіе и надежды не только сотоварищей и родныхъ своихъ, подозрительно смотрѣвшихъ до того на его обыкновенныя занятія [1],—но и представителей Русской литературы: Державина, Карамзина и Жуковскаго. Слава доставалась ему легко, какъ человѣку, предопредѣленному на это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая жизнь начинала опредѣляться въ тѣхъ самыхъ чертахъ, какія видимъ и впослѣдствіи. Къ концу лицейскаго поприща онъ предается вполнѣ міру фантазіи, какъ говоритъ одинъ изъ его соучениковъ, почти безпрерывно задумываясь и сочиняя въ классахъ, въ играхъ, на прогулкахъ: порывы пылкихъ страстей, которыя были въ крови его и такъ сильно ознаменовали его существованіе, становятся виднѣе и чаще. Къ этому надо прибавить, что и воображеніе молодаго Пушкина развилось съ необычайной силой въ нѣсколько годовъ пребыванія въ лицеѣ. Онъ даже во снѣ видѣлъ стихи и самъ разсказывалъ, что ему приснилось разъ двоестишіе:

«Пускай Глицерія, красавица младая. . . ,
. . . . . .

къ которому онъ и придѣлалъ потомъ цѣлое стихотвореніе, *Лицинію* долго носившее обманчивую ссылку на латинскую словесность, откуда будто-бы оно почерпнуто.

Съ глубокимъ чувствомъ вспоминалъ поэтъ первыя бесѣды свои со вдохновеніемъ въ стѣнахъ лицея и оставилъ чудное описаніе ихъ въ Онѣгинѣ:

Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ. . . . и проч.

Въ дополненіе къ этимъ строфамъ, приводимъ неизданный отрывокъ Онѣгина, гдѣ Пушкинъ еще подробнѣе, и съ такимъ же поэтическимъ одушевленіемъ, рисуетъ свое собственное лице въ стѣнахъ лицея. Кромѣ автобіографическаго значенія, отрывокъ нашъ имѣетъ еще и другаго рода занимательность: въ немъ читатели встрѣчаются

[1]) Примѣчаніе и одобрительный вызовъ на продолженіе поэтическихъ упражненій послѣдовалъ, кажется за пьесою: *Лицинії*. До тѣхъ поръ поэзія молодаго Пушкина казалась шалостью въ глазахъ близкихъ ему людей и встрѣчала постоянное осужденіе.

Digitized by Google

впервые съ черновымъ оригиналомъ вдохновенныхъ строфъ VIII главы Онѣгина о лицеѣ, столь извѣстныхъ публикѣ.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея,
А Цицерона проклиналъ.
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ.

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ,
Въ тѣ дни . . . въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ. . .

И часто потомъ возвращался Пушкинъ къ сладкимъ воспоминаніямъ о первыхъ годахъ своей молодости, а въ неизданномъ стихотвореніи: *Наперсница волшебной старины*, соединилъ даже въ одной, удивительно-изящной рамѣ, лицейскія воспоминанія своего младенчества, видѣнія семнадцатаго года съ портретомъ бабушки, Марьи Алексѣевны, занимавшей его ребяческія лѣта. Вотъ оно:

Digitized by Google

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила—
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ.
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной.
Вся въ локанахъ, обвитая вѣнкомъ
Прелестная глава благоухала,
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала. . .

Выпускъ воспитанниковъ назначенъ былъ тремя мѣсяцами ранѣе опредѣленнаго срока и происходилъ 9-го іюня 1817 года, вмѣсто 19-го октября. На публичномъ экзаменѣ изъ Русской словесности Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе: *Безвѣріе*. Въ журналахъ того времени осталось трогательное описаніе торжества выпуска воспитанниковъ, описаніе, которое, въ простой своей формѣ, весьма много говоритъ сердцу читателя (см. Сынъ Отечества 1817, № XXVI).

Государь императоръ удостоилъ торжественный актъ своимъ присутствіемъ и повелѣлъ представить себѣ всѣхъ выпускаемыхъ учениковъ. Съ отеческою нѣжностію увѣщевалъ онъ ихъ о исполненіи священныхъ обязанностей къ монарху и отечеству и преподалъ нѣсколько совѣтовъ, долженствовавшихъ руководить ихъ на пути жизни. За тѣмъ представлены были ему всѣ профессора и начальники лицея. Осмотрѣвъ съ величайшею подробностью устрой-

Digitized by Google

ство лицея, государь императоръ возвратился къ ожидавшимъ его воспитанникамъ съ новыми милостями. Онъ наградилъ каждаго изъ нихъ жалованьемъ, до полученія штатнаго мѣста на предстоящей службѣ, смотря по разряду, къ которому принадлежитъ каждый. Выходившіе съ чиномъ 9-го класса имѣли право на 800 руб. асс., а получившіе 10 классъ на 700 руб. Съ глубокимъ умиленіемъ и благословеніями проводили профессоры и начальники лицея монарха своего, и ни одинъ изъ нихъ не былъ забытъ въ наградахъ, щедро излившихся на нихъ вслѣдъ за симъ.

Пушкинъ, 19-й воспитанникъ по выпуску, принадлежалъ ко второму разряду, и 13-го іюня 1817 опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря. Напрасно прежде этого добивался онъ у отца позволенія вступить въ военную службу, въ гусарскій полкъ, гдѣ уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерійскимъ офицеромъ была его ученическая мечта, сохранившаяся въ нѣкоторыхъ его посланіяхъ изъ лицея. Сергѣй Львовичъ отговаривался недостаткомъ состоянія и соглашался только на поступленіе сына въ одинъ изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ.

Кстати будетъ сказать здѣсь, что физическая организація молодаго Пушкина, крѣпкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, ѣзды верхомъ, и отлично дрался на эспадронахъ, считаясь чуть ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля. Все это однакожъ не помѣшало Пушкину, нѣсколько позднѣе, предполагать въ себѣ расположеніе къ чахоткѣ и даже чувствовать, по собственнымъ словамъ его, признаки аневризма въ сердцѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Жизнь и литературная дѣятельность въ С.-Петербургѣ. 1817—1820 г. Поѣздка въ Михайловское. — Слова утеряннаго дневника объ этой поѣздкѣ. — Свѣтская жизнь, болѣзнь 1818 года. — Г-жа Кирхгофъ, бѣлые стихи и пародія: «Послушай, дѣдушка». — Черновыя тетради.— Внутренній процессъ творчества.— Поправки и рисунки Пушкина. — Отрывки изъ альбома Онѣгина: «Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ. — Посланіе къ Каверину 1817 года, какъ взглядъ на самаго себя. — Пушкинъ въ обществѣ литераторовъ. — Анекдотъ съ Карамзинымъ. — Жуковскій исправляетъ стихи, забытые Пушкинымъ. — Арзамазъ и Бесѣда любителей русскаго слова. — Вопросъ о романтизмѣ, Каченовскій, кн. Вяземскій, Бахчисарайскій фонтанъ. — Общества словесности и литературные кружки. — Чтеніе Руслана и Людмилы на вечерахъ у Жуковскаго, слово Батюшкова. — Пушкинъ и Катенинъ. — Катенинъ миритъ Пушкина съ Шаховскимъ и Колосовой. — Осторожность Пушкина въ сужденіяхъ о людяхъ, причина непомѣщенія въ Сѣв. Цвѣтахъ 1829 стиховъ Катенина. — Минута недоразумѣнія между Пушкинымъ и Катенинымъ и письмо перваго по поводу этого недоразумѣнія и комедіи «Сплетни». — Письмо Пушкина къ Катенину (1825 г.) съ приглашеніемъ заняться романтической трагедіей. — Другое письмо къ Катенину съ изъявленіемъ участія о поступленіи Андромахи послѣдняго на сцену и скромнымъ отзывомъ о своихъ «Цыганахъ». — Третье письмо къ тому же (1826 г.) съ приглашеніемъ издавать журналъ. — Пушкинъ и Дельвигъ. — Важное значеніе 1819 года; стихи «Увы, за чѣмъ она блистаетъ».—Настоящая манера и сознаніе своего таланта. — Разнообразіе впечатлѣній, производящее безпрестанную дѣятельность вдохновенія. — Появленіе стихотвореній: «Уединеніе», «Демовому», «Художникъ-варваръ». — Ясные признаки самосознанія.

По выходѣ изъ лицея, А. С. Пушкинъ отправился тотчасъ же въ Михайловское, деревню Псковской губерніи, состоявшую тогда изъ 80 душъ и барскаго дома съ красивымъ и довольно большимъ садомъ. Одинъ уцѣлѣвшій клочекъ его записокъ 1824 года, теперь несуществующихъ, сохранилъ слѣдующія строки: «1824 года ноября 19-го, Михайловское. Вышедъ изъ лицея я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это нравилось недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу». Семейство его уже покинуло Москву и жило постоянно въ Петербургѣ, уѣзжая на

Digitized by Google

лѣто въ Михайловское. Въ деревнѣ молодой Пушкинъ съ перваго раза очутился въ средѣ многочисленной дальней своей родни—Ганнибаловыхъ, разсѣянныхъ и бѣдныхъ потомковъ знаменитаго негра, Абрама Петровича, награжденнаго Петромъ Великимъ обширными помѣстьями въ тѣхъ мѣстахъ. На оборотѣ того же клочка потерянныхъ записокъ, о которыхъ мы упомянули, есть слова: «. . . попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился — и тѣмъ казалась чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда . . .» Старый арапъ, угощавшій молодаго Пушкина, есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ родоначальника этой фамиліи, пережившій всѣхъ своихъ братьевъ. Много оригинальныхъ и живыхъ лицъ долженъ былъ встрѣтить Пушкинъ тотчасъ же за порогомъ лицея. Каждое лѣто возвращался онъ въ Михайловское. Имя этой деревни, доставшейся Надеждѣ Осиповнѣ Пушкиной послѣ смерти ея отца, уже извѣстнаго намъ Осипа Абрамовича Ганнибала, начинало связываться нераздѣльно съ его собственнымъ именемъ. Кругъ знакомства у Пушкина долженъ былъ однакоже охватить всѣ слои русскаго общества. Какъ литераторъ и свѣтскій человѣкъ, будущій авторъ Евгенія Онѣгина, уже поставленъ былъ, съ начала зимы 1817 года, въ благопріятное положеніе, рѣдкое вообще у насъ, видѣть вблизи разные классы общества; но выгода этого положенія еще не могла принести тогда всей своей пользы: порывы молодости затемняли дѣло и мѣшали какому бы то ни было отчетливому сознанію своего преимущества и своей обязанности какъ писателя.

Съ неутомимой жаждой наслажденій бросился молодой Пушкинъ на удовольствія столичной жизни. Съ самыхъ раннихъ поръ замѣтно въ немъ было постоянное усиліе ничѣмъ не отличаться отъ окружающихъ людей и идти рядомъ съ ними. Запасъ страстей, еще не растраченныхъ и не успокоившихся отъ годовъ, долженъ былъ, разумѣется, увлечь его за общимъ потокомъ еще болѣе, чѣмъ какое-либо правило, напередъ составленное для дѣйствій. Господствующій тонъ въ обществѣ тоже совпадалъ съ его наклонностями. Предпріимчивое удальство и молодечество, необыкновенная раздражительность, происходившая отъ ложнаго пониманія своего достоинства и бывшая источникомъ многихъ ссоръ; беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похожденія и связи всѣхъ родовъ, — вотъ что составляло основный характеръ жизни Пушкина, какъ и

Digitized by Google

многихъ его современниковъ. Онъ былъ въ это время по плечу каждому — вотъ почему до-сихъ-поръ можно еще встрѣтить людей, которые сами себя называютъ друзьями Пушкина, отыскивая права свои на это званіе въ общихъ забавахъ и разсѣянностяхъ эпохи. Для шумныхъ похвалъ ихъ писалъ онъ тѣ легкія замѣтки, которыми оправдывалъ недолгое броженіе юности, и воспѣвалъ вседневные предметы и образы. Съ людьми, понимавшими достоинство искусства, Пушкинъ молчалъ о нихъ или старался отвратить отъ нихъ вниманіе. Такъ при первомъ знакомствѣ своемъ съ П. А. Катенинымъ, выпытывая его мнѣніе о себѣ, онъ упорно отказывался прочесть что-нибудь изъ своихъ рукописныхъ произведеній, говоря: «показать ихъ знающему стыдно: они не при немъ писаны». Но жизнь шла своимъ чередомъ и по заведенному порядку. Водоворотъ ея, постоянно шумный, постоянно державшій его въ раздраженіи, долженъ былъ имѣть вліяніе столько же на нравственное состояніе его, сколько и на физическую организацію. Спустя 8 мѣсяцевъ послѣ выхода своего изъ лицея, Пушкинъ лежалъ въ горячкѣ, почти безъ надежды и приговоренный къ смерти докторами. Это было въ февралѣ 1818 года [1]).

Геній молодаго поэта однакожъ возрасталъ и крѣпъ даже въ этой сферѣ и въ 1819 году достигъ той степени самостоятельности, когда уже можно ясно различить чистое творчество и твердые его пріемы. Предшественниками стихотвореній 1819—были только доровитыя попытки, но и въ нихъ раннія черты бодрости и свѣжести таланта

---

[1]) А не въ февралѣ 1821 года, какъ сказано, по ошибкѣ, въ запискахъ его, приложенныхъ къ послѣднему изданію (1838—41 г.). «1818» годъ весьма четко выставленъ на рукописи, съ которой взятъ отрывокъ, тамъ напечатанный. Кстати напомнить здѣсь одинъ анекдотъ изъ этого времени, заслуживающій вниманія. Пушкинъ отъ природы былъ суевѣренъ и весьма расположенъ къ объясненію частныхъ событій таинственными, невѣдомыми причинами, что, можетъ быть, составляетъ необходимое условіе поэтическихъ, воспріимчивыхъ организацій. Однажды онъ зашелъ къ извѣстной тогда гадальщицѣ на кофе, г-жѣ Киргофъ, которая предсказала ему встрѣчу съ другомъ и весь разговоръ съ нимъ, потомъ неожиданное полученіе денегъ и, наконецъ, преждевременную смерть. Скорое исполненіе двухъ первыхъ предсказаній оставило навсегда въ Пушкинѣ убѣжденіе, что и послѣднее должно сбыться непремѣнно.... Вотъ какъ онъ самъ разсказывалъ объ этомъ въ 1833 году въ Казани г-жѣ А. А. Фуксъ, изъ статьи которой (Казанскія губернскія вѣдомости 1844 г., № 2) заимствуемъ эти строки:

«Вамъ, можетъ быть, покажется удивительнымъ, началъ опять говорить Пушкинъ, что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому; быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и, изъ проказъ, зашли къ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы, сказала

Digitized by Google

изумляли опытныхъ и зоркихъ людей, слѣдившихъ за его развитіемъ. Что касается до публики, то авторъ нашъ былъ упоенъ ея похвалами за всѣ свои произведенія безразлично. Онъ усвоилъ себѣ въ это время четырехъ-стопный ямбъ съ рифмами и сообщилъ ему гибкость, множество оттѣнковъ и разнообразіе, которыхъ онъ дотолѣ никогда не имѣлъ. Рѣдко прибѣгалъ онъ къ другому размѣру, а бѣлыхъ стиховъ и вовсе не понималъ, хотя и написалъ ими еще въ лицеѣ двѣ пьесы: *Бова* и *Фіалъ Анакреона*. По прочтеніи стихотворенія В. А. Жуковскаго: «Тлѣнность», начинающагося, какъ извѣстно, стихами:

«Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если тожъ случится
И съ нашей хижиной?»

Пушкинъ набросалъ слѣдующую пародію:

«Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если это проза,
Да и дурная?»..

В. А. Жуковскій отъ души смѣялся надъ пародіей молодаго человѣка, но предрекалъ ему время, когда онъ перемѣнитъ мнѣніе свое о бѣломъ стихѣ.

Мѣриломъ, такъ сказать, всего нравственнаго бытія нашего поэта остались его тетради: онѣ указываютъ намъ почти безостановочно

она мнѣ: на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги; а третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертію». . . . . .
. . . . . .
«Безъ сомнѣнія я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадальщицѣ. Но, спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ. Вотъ первый разъ послѣ гаданія, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами, и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты и я его обыгралъ. Онъ, получивъ послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, который я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ....» Такъ передала г-жа Фуксъ слова Пушкина. Братъ поэта, Сергѣй Львовичъ, сообщаетъ подробности анекдота, не совсѣмъ сходныя съ этимъ разсказомъ,—но сущность его остается одна и та же.

Digitized by Google

состояніе его духа и путь, который онъ избиралъ. Этотъ поэтическій разсказъ начинается, однакожъ, только съ выѣзда Пушкина изъ столицы. До появленія его въ Крыму, страницы его тетрадей бѣлы и представляютъ мало пищи изыскателю. Съ Крыма открывается эта длинная повѣсть внутренняго хода его мысли; она, какъ постоянный указатель нравственнаго его развитія, преимущественно взята нами въ руководители при настоящемъ нашемъ трудѣ. Друзья Пушкина единогласно свидѣтельствуютъ, что, за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто такъ не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ. Онъ самъ, нѣсколько позднѣе, съ упрекомъ говорилъ о современныхъ ему литераторахъ: «Мало у насъ писателей, которые бы учились; большая часть только разъучиваются». Если бы намъ не передали люди, коротко знавшіе Пушкина, его обычной дѣятельности мысли, его многоразличныхъ чтеній и всегдашнихъ умственныхъ занятій, то черновыя тетради поэта открыли бы намъ тайну и по-мимо ихъ свидѣтельства. Исполненныя замѣтокъ, мыслей, выписокъ изъ иностранныхъ писателей, онѣ представляютъ самую вѣрную картину его уединеннаго, кабинетнаго труда. Рядомъ съ строками для памяти и будущихъ соображеній, стоятъ въ нихъ начатыя стихотворенія, конченныя въ другомъ мѣстѣ, перерванныя отрывками изъ поэмъ и черновыми письмами къ друзьямъ. Съ перваго раза останавливаютъ тутъ вниманіе сильныя помарки въ стихахъ, даже такихъ, которые, въ окончательномъ своемъ видѣ, походятъ на живую импровизацію поэта. Почти на каждой страницѣ ихъ присутствуешь, такъ сказать, въ серединѣ самаго процесса творчества, и видишь, какъ долго, неослабно держалось поэтическое вдохновеніе, однажды возбужденное въ душѣ художника; оно нисколько не охладѣвало, не разсѣявалось и не слабѣло въ частомъ осмотрѣ и поправкѣ произведенія. Прибавьте къ этому еще рисунки перомъ, которые обыкновенно повторяютъ содержаніе написанной пьесы, воспроизводя ее, такимъ образомъ, вдвойнѣ. Вообще, тетради Пушкина составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи происхожденія его поэмъ и стихотвореній, и мы часто будемъ обращаться къ нимъ въ продолженіе нашего труда. Поэтъ нашъ самъ представилъ вѣрную картину ихъ, при описаніи альбома Онѣгина:

Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ,
Замкнутъ серебрянымъ замкомъ,
Онъ былъ исписанъ, изрисованъ
Рукой Онѣгина кругомъ.

Digitized by Google

Среди безсвязнаго маранья
Мелькали мысли, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена,
И думы тайной письмена.

(Изъ неизданныхъ отрывковъ Онѣгина.)

Но до 1820 года мы почти лишены указанія тетрадей Пушкина, и этого одного достаточно для опредѣленія характера всей эпохи. Мы думаемъ, что въ одномъ небольшомъ посланіи *Къ К—ну*, написанномъ около 1817, выражается лучше и настоящій взглядъ автора на самого себя и вся незатѣйливая философская система, принятая имъ въ то время.

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ
Смѣшонъ и юноша смиренный;
Пока живется намъ—живи
. . . . . .
. . . . . .
И черни презирай роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ портикомъ, и съ книгой и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Съ перваго шага своего въ свѣтъ, Пушкинъ очутился въ обществѣ тогдашнихъ литераторовъ, какъ извѣстный и заслуженный его членъ. Онъ почти совсѣмъ не былъ въ положеніи начинающаго. Въ дѣтствѣ его, В. А. Жуковскій нарочно ѣздилъ въ Царское Село освѣдомляться о занятіяхъ даровитаго питомца лицея и прочитывать ему свои стихотворенія. Пушкинъ обладалъ необычайной памятью: цѣлыя строфы, переданныя ему В. А. Жуковскимъ, онъ удерживалъ надолго въ головѣ и повторялъ ихъ безъ остановки. Жуковскій имѣлъ привычку исправлять стихъ, забытый Пушкинымъ; каждый такой стихъ считался дурнымъ по одному этому признаку [1]).

[1]) Самъ незабвенный Н. М. Карамзинъ, принимавшій Пушкина часто въ кабинетѣ своего царскосельскаго дома, прочитывалъ ему страницы своего труда, бесѣдовалъ съ нимъ объ отечественной исторіи и выслушивалъ мнѣнія юноши, съ снисхожденіемъ и свойственнымъ ему добродушіемъ. Такъ какъ записки Пушкина остались только въ отрывкахъ и клочкахъ, разсѣянныхъ по разнымъ тетрадямъ, то мы имѣемъ еще клочекъ о Н. М. Карамзинѣ, полный глубокаго уваженія

Digitized by Google

По первымъ своимъ произведеніямъ, Пушкинъ занесенъ былъ также въ списокъ *Арзамасцевъ*. Извѣстно, что литературное общество, носившее названіе *Арзамаса*, составилось изъ нѣкотораго противодѣйствія къ торжественности и отчасти къ неподвижности другаго литературнаго общества, имѣвшаго названіе: Бесѣды Любителей Россійскаго слова. Важность обстановки, похожей на засѣданіе, чѣмъ вообще отличалась Бесѣда Любителей, замѣнена была въ *Арзамасѣ* тономъ дружества и шутки. Нерасположеніе Любителей Россійскаго слова къ новымъ явленіямъ въ нашей литературѣ подало мысль Арзамасцамъ назвать своихъ участниковъ именами и словами, встрѣчающимися въ балладахъ Жуковскаго, которыя особенно не нравились тогда защитникамъ *серьёзной* поэзіи и старыхъ формъ стихотворства. Такимъ образомъ были усвоены имена: Старушки, Громобоя и друг. многими извѣстными лицами въ обществѣ. В. Л. Пушкинъ получилъ односложное: Вотъ! въ названіе, а Александру Сергѣевичу Пушкину дано имя: *Сверчокъ*. Подъ этимъ именемъ напечаталъ онъ свою превосходную пьесу: *Мечтателю* [1]), гдѣ очеркъ истинной страсти такъ далеко оставляетъ за собой прежнія легкія, веселыя ея опредѣленія. Это уже ступень къ мужеству таланта и, какъ большая часть стихотвореній Пушкина, пьеса связывается съ дѣйствительнымъ лицемъ и дѣйствительнымъ событіемъ. Нѣсколько другихъ подробностей объ *Арзамасѣ* тѣмъ болѣе необходимы здѣсь, что безъ нихъ трудно понять какъ дѣятельность нашей полемики между 1815 и 1825 годами, такъ и многое во взглядѣ, привязанностяхъ и убѣжденіяхъ самого Пушкина.

Всякій, кто изучалъ отечественную литературу первой четверти нашего столѣтія, вѣроятно, чувствовалъ, что ему недостаетъ ключа для пониманія многихъ намековъ тогдашней критики и, особенно, для уясненія отношеній между литературными партіями. Статьи филологическаго и эстетическаго содержанія этой эпохи и даже стихотворенія, посланія и эпиграммы покрыты легкой тѣнью, которая мѣшаетъ видѣть сущность дѣла. Ключъ для разбора недо-

---

и любви къ исторіографу. Въ немъ Пушкинъ разсказываетъ, какъ однимъ опрометчивымъ сужденіемъ, привелъ онъ въ гнѣвъ всегда яснаго, всегда спокойнаго историка, и какъ въ самой благородной горячности еще выказалась его прекрасная душа. Вообще В. А. Жуковскій, Н. М. Карамзинъ и А. И. Тургеневъ всегда стояли къ Пушкину въ тѣхъ постоянно-нѣжныхъ дружескихъ отношеніяхъ, которыхъ не могъ измѣнить онъ самъ, а тѣмъ менѣе посторонніе люди или обстоятельства.

[1]) Въ Сынѣ Отечества 1818 года, № LI. Подпись была: Св . . ч . к.

Digitized by Google

сказанныхъ словъ и мыслей можетъ подать только изученіе существовавшихъ у насъ литературныхъ обществъ. Въ 1815 году еще продолжалась борьба, возникшая по поводу нововеденій Карамзина, и противники его направленія сосредоточились въ обществѣ. Бесѣда Любителей Русскаго слова, къ членамъ которой принадлежали многіе даровитые люди: въ числѣ ихъ былъ и кн. Шаховской. Все молодое, желавшее новыхъ формъ для поэзіи и языка и свѣжихъ источниковъ для искусства вообще, пристроилось къ другому обществу, Арзамасу. Арзамасъ порожденъ былъ шуткой и сохранялъ основной характеръ свой до конца. Одинъ веселый и остроумный разсказъ подъ названіемъ: *Видѣніе во градѣ*—вызвалъ его на свѣтъ. Въ разсказѣ переданъ былъ анекдотъ о нѣкоторыхъ скромныхъ людяхъ, собравшихся разъ на обѣдъ въ бѣдный Арзамасскій трактиръ. Столъ ихъ былъ покрытъ скатертью, бѣлизны не совсѣмъ безпорочной, и нисколько не былъ отягченъ изобиліемъ брашенъ. Въ срединѣ бесѣды прислужникъ возвѣстилъ имъ, что какой-то проѣзжій остановился въ трактирѣ и, повидимому, находится въ магнетическомъ снѣ. Хотя любопытство и приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья Арзамаса доказали противное. Они отправились наблюдать новаго ясновидящаго у дверей и увидѣли высокаго, толстаго человѣка, который ходилъ безпрестанно по комнатѣ, произнося непонятныя тирады и афоризмы. Послѣдніе они тутъ же записали, но скрыли всѣ собственныя имена, потому что незлобивость и добродушіе составляли и составляютъ отличительную черту Арзамаса. Едва разнеслась эта шутка, въ которой не трудно было отгадать всѣ тонкіе намеки ея, какъ авторъ получилъ приглашеніе отъ одного изъ своихъ друзей на первый *Арзамасскій вечеръ*. Продолжая шутку, лица Арзамасскаго вечера назвались именами изъ балладъ В. А. Жуковскаго и, наподобіе Французской Академіи, положили правило: всякій новоизбранный членъ обязанъ былъ сказать похвальное слово не умершему своему предшественнику, потому что такихъ не было, а какому либо члену Бесѣды Любителей Русскаго слова или другому извѣстному литератору. Такъ произнесены были похвальныя слова г. Захарову, переводчику Авелевой смерти Геснера, Велисарія г-жи Жанлисъ и Странствованій Телемака Фенелона, Г. А. Волкову—автору Арфы стихогласной и мног. др. Секретарь общества, В. А. Жуковскій, велъ журналъ засѣданій, и протоколы его представляютъ автора Людмилы съ другой стороны, еще не уловленной біографами—со стороны вообще веселаго характера. Это

Digitized by Google

образцы самой забавной и, вмѣстѣ, самой приличной шутки. Намъ неизвѣстно, кому произнесъ похвальное слово Александръ Сергѣевичъ при вступленіи своемъ, но ему дозволено было сказать первую рѣчь свою стихами. Стихи эти, къ сожалѣнію, тоже утрачены. Не должно забывать, что веселое направленіе Арзамаса не мѣшало ему весьма строго цѣнить произведенія въ отношеніи правильности выраженія, вѣрности образовъ и выбора предметовъ. Орудіемъ насмѣшки и остроумія Арзамасъ поражалъ ложныя или неудачно изложенныя мысли, и Пушкинъ, въ стихотворной рѣчи своей, не даромъ упоминалъ о лозѣ Арзамаса, которая достигаетъ провинившихся писателей, не смотря на то—зачислены ли они въ списокъ Арзамасцевъ или нѣтъ.

Отношенія Арзамаса къ другимъ обществамъ должны были отразиться на всемъ литературномъ движеніи; но здѣсь первый поводъ, а съ нимъ и настоящее значеніе явленій были уже потеряны для большинства публики; такъ продолжается и доселѣ. Напримѣръ, появленіе комедій кн. Шаховскаго: Липецкія воды—сатиры на произведенія В. А. Жуковскаго и Новый Стернъ—сатиры на произведенія Н. М. Карамзина—только теперь нѣсколько объясняется въ глазахъ изслѣдователя. Съ нихъ началась жаркая полемика, въ которой особенно отдѣляется отъ всѣхъ бойкостію и мѣткостію своихъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскій, стоявшій, разумѣется, на сторонѣ авторитетовъ, обиженныхъ нашимъ комикомъ. Еще въ Сынѣ Отечества 1815 года (№ XVI), является его статья: *Мнѣніе посторонняго*, гдѣ, не принимая попытокъ примиренія, сдѣланныхъ М. Н. Загоскинымъ въ комедіи своей: *Комедія противъ Комедіи*, онъ горячо высчитываетъ рядъ оскорбленій, нанесенныхъ лилипутами словесности лицамъ и именамъ истинныхъ писателей. Самъ В. А. Жуковскій, въ посланіи своемъ къ Вяземскому и Пушкину (Василью), напечатанномъ въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 года № 6—и не попавшемъ въ послѣднее собраніе его сочиненій 1848 года,—глубоко жалуется на завистниковъ, омрачающихъ благородное поприще литератора, и даетъ совѣты друзьямъ, какъ сберечь свое призваніе и творческія идеи въ шумѣ людей, непонимающихъ ни того, ни другаго. Въ извѣстномъ отвѣтѣ своемъ на это посланіе (*Къ Жуковскому: Благослови поэтъ*), А. С. Пушкинъ рисуетъ картину враждебныхъ личностей и направленій, уже вызвавшихъ столько жалобъ и возраженій. Наконецъ даже Батюшковъ, въ первой рукописной редакціи своего стихотворенія: «*Видѣніе на берегахъ Леты*», ходившей

Digitized by Google

по рукамъ и измѣненной впослѣдствіи, обрекалъ Летѣ и забвенію тѣ лица, которыя упорно держались старыхъ формъ и смотрѣли недоброжелательно на попытки разработывать новыя стороны искусства. Не говоримъ уже о многихъ мелкихъ статьяхъ, эпиграммахъ, басняхъ и посланіяхъ.

Когда, въ двадцатыхъ годахъ, стали обнаруживаться въ литературѣ нашей идеи романтизма, въ противоположность идеямъ классицизма, то Арзамасъ и враждебное ему направленіе отдѣлились еще рѣзче и явственнѣе. Можно сказать, что идеи романтизма находились уже въ Арзамасѣ прежде появленія ихъ въ нашей литературѣ.

Сторона противудѣйствующая нашла тогда представителя въ Вѣстникѣ Европы, М. Т. Каченовскаго, и въ столкновеніяхъ ея съ новыми теоріями искусства обнаружила послѣдовательность, какой не было прежде. Споры происходили теперь уже преимущественно по поводу произведеній Александра Сергѣевича, какъ прежде предметомъ ихъ были Карамзинъ и Жуковскій; но пріемы, направленіе и мысли почти одинаковы у почитателей новаго дѣятеля. Князь П. А. Вяземскій является и здѣсь первымъ защитникомъ его. Въ 1821 г., онъ напечаталъ въ Сынѣ Отечества, № II, свое ѣдкое посланіе къ Каченовскому, которое, во многихъ мѣстахъ, было буквальнымъ переводомъ Вольтерова стихотворенія: De l'Envie. Къ 1824 принадлежитъ его жаркая полемика съ Вѣстникомъ Европы по поводу *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Разговора*, приложеннаго къ нему, и, наконецъ, только въ 1825 году слѣды борьбы Арзамаса съ старой партіей защитниковъ прежнихъ формъ искусства пропадаютъ совсѣмъ или принимаютъ другой видъ. Такъ важно было вліяніе Арзамаса на литературу нашу и, надо прибавить къ этому, что Пушкинъ уже сохранилъ навсегда уваженіе, какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсуженныхъ цѣлымъ обществомъ. Онъ сильно порицалъ у друзей своихъ попытки разъединенія, проявившіяся одно время въ видѣ нападокъ на произведенія Жуковскаго, и вообще всѣ такого же рода попытки, да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія.

Много и другихъ литературныхъ обществъ существовало тогда въ обѣихъ столицахъ; такъ, въ Москвѣ было Общество Любителей

Digitized by Google

Словесности, въ Петербургѣ — Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и Общество Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія [1]). Послѣднее издавало журналъ, а второе печатало свои труды по большей части въ журналѣ: «Благонамѣренный». Московское общество держалось весьма долго, оно также издавало журналъ подъ названіемъ: «Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ», въ которомъ, какъ мы видѣли, печатались первые опыты Пушкина. Журналъ этотъ прекратился въ 1827 году. Кромѣ самихъ обществъ были еще кружки, составлявшіе, такъ сказать, повтореніе ихъ, но въ уменьшенномъ видѣ; таковъ былъ незабвенный кругъ А. Н. Оленина, имѣвшій, какъ извѣстно, важную долю вліянія на современную литературу. Вечера В. А. Жуковскаго также принадлежатъ къ этой цѣпи небольшихъ частныхъ академій, гдѣ молодые писатели получали и первую оцѣнку и первые уроки вкуса. Вліяніе всѣхъ этихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ собраній на просвѣщеніе вообще еще не нашло у насъ оцѣнки, даже и приблизительной. Хотя Пушкинъ не принадлежалъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, однакоже слѣдилъ равно внимательно за ихъ занятіями. Надо прибавить, что они уничтожены были столько же временемъ, сколько и распространеніемъ круга писателей, вслѣдствіе общаго разлива свѣдѣній и грамотности. Съ увеличеніемъ класса авторовъ сдѣлались невозможны и тѣ труды сообща, та взаимная передача замысловъ и плановъ литературныхъ, обсужденіе начатыхъ произведеній всѣми голосами, единство направленія, словомъ, всѣ тѣ особенности, которыя заставляютъ старожиловъ, по справедливости, вспоминать съ умиленіемъ объ этой эпохѣ нашего литературнаго образованія. Самъ Пушкинъ, создавшій такъ много новыхъ читателей на Руси и и не менѣе того стихотворцевъ, сильно способствовалъ уничтоженію дружескихъ литературныхъ круговъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ до конца своей жизни, какъ уже мы сказали, существенныя, характеристическія черты члена старыхъ литературныхъ обществъ, и уже не имѣлъ симпатіи къ произволу журнальныхъ су-

[1]) Общество это носило еще названіе: Высочайше утвержденнаго Вольнаго общества Любителей Русской Словесности. Журналъ его «Соревнователь» снабжался особенной оберткой по окончаніи каждой части, съ заглавіемъ: «Труды Высочайше утвержденнаго, и проч.» Пушкинъ помѣстилъ въ немъ съ 1819 года 5 пьесъ: Эпиграмму (Мараетъ онъ единымъ духомъ), Дѣва (Я говорилъ тебѣ страшися), Мила красавица, Желаніе славы, Елизаветѣ.

Digitized by Google

жденій, вскорѣ замѣстившему ихъ и захватившему довольно обширный кругъ дѣйствія.

Батюшковъ, проѣздомъ въ Неаполь, гдѣ суждено ему было испытать первые симптомы болѣзни, отнявшей его еще за-живо отъ свѣта русской поэзіи, находился въ Петербургѣ и слышалъ первыя пѣсни *Руслана* и *Людмилы* на вечерахъ у Жуковскаго, гдѣ онѣ обыкновенно прочитывались. Извѣстно, что послѣ чтенія послѣдней изъ нихъ, Жуковскій подарилъ автору свой портретъ, украшенный надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Батюшковъ, съ своей стороны, нерѣдко съ изумленіемъ смотрѣлъ, какъ антологическій родъ поэзіи, созданный имъ на Руси, легко и непринужденно подчиняется перу молодаго человѣка, занятаго, повидимому, только удовольствіями и разсѣяніями свѣта. Тогда уже были написаны тѣ замѣчательныя стихотворенія Пушкина, для которыхъ содержаніемъ послужилъ древній, языческій міръ: *Торжество Вакха*, *Кривцову* и проч. Разсказываютъ, что Батюшковъ судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ читалъ *Посланіе къ Ю—ву* (*Поклонникъ вѣтреныхъ Лаисъ*, 1818 г.) и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!» И дѣйствительно, во многихъ стихотвореніяхъ этой эпохи врожденная сила таланта проявлялась у Пушкина сама собой, замѣняя, при случаѣ, геніальной отгадкой то, чего не могъ еще дать жизненный опытъ начинающему поэту.

Пушкинъ легко подчинялся вліянію всякой благородной личности. Въ эту эпоху жизни мы встрѣчаемъ вліяніе на него замѣчательнаго человѣка и короткаго его пріятеля, П. А. Катенина. Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ какъ Діогенъ къ Антисфену: побей—но выучи!»—«Ученаго учить—портить!»—отвѣчалъ авторъ Ольги. Съ тѣхъ поръ дружескія связи ихъ уже не прерывались. П. А. Катенинъ былъ знатокъ языковъ и европейскихъ литературъ вообще. Можно основательно сказать, что Пушкинъ обязанъ отчасти Катенину осторожностію въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, литературнымъ эклектизмомъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорихъ, скоро возникшихъ у насъ по поводу классицизма и романтизма. Стойкость сужденія Катенина научила его видѣть достоинства тамъ, гдѣ, увлекаемые споромъ, уже ничего не находили журналы наши. Независимость убѣжденій П. А. Катенина простиралась до того, что, сдѣлавъ нѣсколько опытовъ въ романтической поэзіи, онъ тотчасъ же перешелъ къ противной сторонѣ, какъ только число

Digitized by Google

сподвижниковъ новаго рода произведеній достаточно расплодилось Катенинъ, между прочимъ, помирилъ Пушкина съ кн. Шаховскимъ въ 1818 г. Онъ самъ привезъ его къ извѣстному комиту, и радушный пріемъ, сдѣланный поэту, связалъ дружескія отношенія между ними, нисколько, впрочемъ, не измѣнившія основныхъ убѣжденій послѣдняго. Тогдашній посредникъ ихъ записалъ слово въ слово любопытный разговоръ, бывшій у него съ Пушкинымъ, когда оба они возвращались ночью въ саняхъ отъ кн. Шаховскаго. — Savez-vous, сказалъ Пушкинъ, qu'il est très bon homme au fond? Jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerow, ni à qui ce soit.— «Voue l'avez cru pourtant, отвѣчалъ Катенинъ, vous l'avez ecrit et publié; voila le mal.»—Heureusement, возразилъ Пушкинъ, personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez-vous qu'il en sache quelque chose?—«Non, car il ne m'en a jamais parlé.»—Tant mieux, faisons comme lui, et n'en parlons jamais.—Такъ точно П. А. Катенинъ помирилъ Александра Сергѣевича и съ А. М. Колосовой, дебюты которой поэтъ нашъ встрѣтилъ довольно злой эпиграмой. Извѣстно его поэтическое раскаяніе въ грѣхѣ, заключающееся въ небольшомъ стихотвореніи: *Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ*? Вообще, П. А. Катенинъ замѣтилъ въ эту эпоху характеристическую черту Пушкина, сохранившуюся и впослѣдствіи: осторожность въ обхожденіи съ людьми, мнѣніе которыхъ уважалъ, ловкій обходъ спорныхъ вопросовъ, если они поставлялись слишкомъ рѣшительно. Александръ Сергѣевичъ былъ весьма доволенъ эпитетомъ: Le jeune M-r Arouet, даннымъ ему за это качество пріятелемъ его, и хохоталъ до упада надъ каламбуромъ, въ немъ заключавшимся. Можетъ быть это качество входило у Пушкина отчасти и въ оцѣнку самихъ произведеній Катенина. Извѣстно, что вмѣстѣ съ достоинствомъ хладнокровнаго критика, Пушкинъ признавалъ въ немъ и замѣчательныя творческія способности. Онъ даже сердился на московскихъ литераторовъ, не понимавшихъ поэтической важности балладъ и переводовъ его друга, раздѣляя, впрочемъ, благопріятное мнѣніе о произведеніяхъ П. А. Катенина со многими изъ извѣстныхъ своихъ современниковъ. Такъ Грибоѣдовъ предпочиталъ *Ольгу* Катенина *Людмилѣ* Жуковскаго, съ которой она имѣла одинаковое содержаніе—и которую превосходила, по мнѣнію автора *Горе отъ ума*, цвѣтомъ народности и планомъ. Пушкинъ написалъ цѣлую статью о сочиненіяхъ его (Литературныя Прибавленія къ Русскому Инваливу 1833 года, № 26), сохраненную въ нашемъ изданіи, и прежде того еще сдѣлалъ

Digitized by Google

лестную замѣтку въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1829 г., посылая туда одно изъ его стихотвореній [1]).

Въ дополненіе къ этому мы прибавимъ, что, не смотря на пріятельскія отношенія нашихъ авторовъ, была въ жизни ихъ минута недоразумѣнія, которая особенно заслуживаетъ упоминовенія по благородству, съ какимъ обѣ стороны отстранили ее почти тотчасъ же. Пушкинъ находился уже въ Кишиневѣ, когда въ Петербургѣ давали переводную комедію Катенина: «Сплетни», гдѣ, какъ утверждали, заключается намекъ на отсутствующаго поэта [2]). П. А. Катенинъ, жившій въ деревнѣ, нашелъ съ своей стороны намекъ на самаго себя

---

[1]) Это былъ разсказъ П. А. Катенина, подъ названіемъ: *Русская быль*, напечатанный въ альманахѣ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «За стихотвореніе сіе обязаны мы А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ: «П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши «Сѣверные Цвѣты». Пусть вспомнятъ читатели, что въ разсказѣ П. А. Катенина, князь Владиміръ присутствуетъ на состязаніи пѣвцовъ и присуждаетъ жепоподобному грекупѣвцу коня и латы, а русскому его сопернику завѣтный кубокъ, данный Святославу императоромъ Цимисхіемъ». «Старая Быль» П. А. Катенина, посвященная Пушкину, еще сопровождалась стихотворнымъ посланіемъ къ Александру Сергѣевичу, въ которомъ авторъ разсказа, невинно и тонко посмѣявшись надъ романтиками и археологами, т. е. надъ двумя литературными кругами нашими, говоритъ, что завѣтный кубокъ не потерянъ и находится теперь въ рукахъ автора Онѣгина. Пушкинъ не рѣшился напечатать это посланіе вмѣстѣ съ разсказомъ; оно явилось только въ 1832 году въ сочиненіяхъ Катенина (часть 1-я стр. 98). Пушкинъ помѣстилъ одинъ свой отвѣтъ на него въ тѣхъ же «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829. Это извѣстная пьеса, подъ названіемъ: *Отвѣтъ Катенину*, которая начинается стихами:

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь —
И выпить на здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

и которая безъ поясненія остается какимъ-то темнымъ намекомъ. Всего любопытнѣе, что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Катенинъ спрашивалъ у него: почему не приложилъ онъ къ «Старой Были» и посланія, то въ отвѣтахъ Пушкина ясно увидѣлъ, что намеки на собратію были истинными причинами исключенія этой пьесы. Такъ вообще былъ остороженъ Пушкинъ въ спокойномъ состояніи духа!

[2]) «Сплетни, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Павла Катенина, подражаніе Грессетовой комедіи: Le méchant (С.-Пб. 1821)» — представлена была въ Петербургѣ 31 декабря 1820. Клеонъ Грессета переродился у П. А. Катенина въ Зельскаго, но мы никакъ не могли угадать въ тирадахъ послѣдняго какого либо намека на Пушкина. Слѣдуетъ сказать, между прочимъ, что выходки Зельскаго противъ современныхъ странностей и обычаевъ были предтечами, а

Digitized by Google

въ Пушкинскомъ посланіи къ Ч—ну, написанномъ въ 1821 году и именно въ одномъ стихѣ его:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Но первое объясненіе уничтожило всѣ недоразумѣнія. Вотъ письмо Пушкина по этому поводу:

«Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты конечно въ этомъ числѣ, но дружба не Италіанской глаголъ piombare, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

«Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней-мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть да, вѣроятнѣе нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ-ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ-ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. И такъ оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ, на жеманной сцѣнѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою Гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! ridicule! Боже мой, она

можетъ быть и родоначальниками сатирическихъ вспышекъ Чацкаго.... Кто знаетъ связь идей, которая существуетъ въ извѣстныя эпохи между писателями, тотъ пойметъ наше предположеніе. Мы имѣли, напримѣръ, въ рукахъ неизданную рукописную комедію въ прозѣ: «Студентъ», соч. *Катенина* и *Грибоѣдова*. Дѣйствіе въ ней очень просто. Бэбалмашный и упрямый Звоновъ хочетъ выдать воспитанницу свою за студента, который говоритъ не иначе какъ тирадами изъ *модныхъ* писателей. Дѣло кончается женитьбой молодаго, умнаго человѣка на воспитанницѣ. Комедія осталась подъ спудомъ, но мысль ея одинакова съ «Новымъ Стерномъ» князя Шаховскаго. Все это было только косвеннымъ отвѣтомъ Арзамасцамъ.

Digitized by Google

должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, по крайней-мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе, знаю что долгъ платежемъ красенъ, но non erat his locus.... Прощай Эскиллъ, обнимаю тебя какъ поэта и друга... 19 іюля.»

Прилагаемъ нѣсколько другихъ писемъ Пушкина къ Катенину, которыя чрезвычайно много способствуютъ къ объясненію нравственной физіономіи перваго. Всѣ они принадлежатъ 1825 году и писаны уже изъ Михайловскаго. Кромѣ прямаго свидѣтельства о вліяніи Катенина на поэта нашего, они еще служатъ примѣромъ его уклончивости съ людьми, происходившей отъ тонины чувства и деликатности сердца. Будучи *Арзамасцемъ* по направленію своему, Пушкинъ находилъ одобрительныя слова для добросовѣстнаго труда во всѣхъ литературныхъ партіяхъ. Истинную мысль свою берегъ онъ только для себя и для немногихъ, какъ увидимъ послѣ.

1) «Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы.... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — общую нашу любовницу. Если это правда, чтожъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?... Я думалъ, что въ своей глуши — ты созидаешь; нѣтъ — ты хлопочешь и тягаешься — а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant Posthume, Posthume labuntur anni [1]).

«А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг. [2]) твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ к. Шаховскаго.

«Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно-хо-

---

[1]) Настоящій стихъ Горація въ его одѣ къ Постуму (книга II, ода XIV) таковъ:

Heu heu fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni.
(Увы, Постумъ, утекаютъ бѣгущіе годы).

[2]) Въ альманахѣ «Русская Талія», изд. г. Булгарина (1825), гдѣ было помѣщено нѣсколько явленій 3 дѣйствія Андромахи г. Катенина.

Digitized by Google

рошо [1]). Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

«Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣсть я бросилъ и пишу свои memoires, то-есть, переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы, и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву — я самъ ее люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ К...., съ театральнымъ Маіоромъ и проч.: больше не буду! — Addio, Poëta a rivederla, ma quando?...» На адресѣ штемпель: Опочка, 1825, сентября 14.

2) «Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ: 1) что оно писано изъ П. Б., 2) что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3) что ты собираешься издать свои стихотворенія, 4) (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому.... Какъ бы хорошо было, если нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ — ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина, и поздравляю его съ твоимъ одобреніемъ. Признаюсь — мочи нѣтъ хочется къ вамъ. Прощай милый и почтенный — вспомни меня во время перваго представленія Андромахи. 4 декабря».

Гораздо яснѣе и рѣшительнѣе высказываетъ Пушкинъ свои чувства въ третьемъ, прилагаемомъ здѣсь письмѣ.

3) «Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою, показалось бы немного страннымъ.

«Будущій альманахъ [2]) радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха, не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому

[1]) Въ томъ же альманахѣ г. Булгарина было напечатано нѣсколько сценъ изъ трагедіи Венцеславъ, соч. Ротру, передѣланной А. А. Жандромъ.

[2]) «Невскій Альманахъ» г. Аладьина, въ судьбѣ котораго П. А. Катенинъ принималъ участіе.

Digitized by Google

же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе, и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности: какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?»

Нельзя пропустить въ этомъ перечетѣ людей, окружавшихъ Пушкина, друга его — Дельвига. Дельвигъ былъ истинный поэтъ, но поэтъ въ душѣ, лишенный способности воспроизведенія своихъ созданій. Отъ него чрезвычайно много ожидали и, какъ кажется, особенно за способность развивать планы новыхъ произведеній и вообще придумывать содержаніе поэмъ. Строгость идеи, глубина чувства, значеніе лицъ и происшествій въ его неосуществленныхъ фантазіяхъ были таковы, что разъ В. А. Жуковскій, при разсказѣ объ одной изъ замышляемыхъ имъ поэмъ, сказалъ, обнимая будущаго ея творца: «Берегите это сокровище въ себѣ до дня его рожденія», — но день рожденія не наступилъ. Извѣстно, что Пушкинъ съ негодованіемъ говорилъ о невниманіи, съ какимъ встрѣтила публика произведенія вдохновеннаго юноши Дельвига, между-тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, имѣвшіе, можетъ быть, одно достоинство—гладкость, замѣчаетъ Пушкинъ, принимались, какъ нѣкое диво. Съ юга Россіи онъ умолялъ Дельвига написать поэму и говорилъ: «поэма мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ». Таковъ былъ первый взглядъ Пушкина на характеръ поэзіи, доступный его лицейскому товарищу, съ которымъ онъ дѣлилъ еще на ученической скамьѣ свои авторскія тайны и стремленія. Впослѣдствіи взглядъ Пушкина на поэтическую способность Дельвига значительно измѣнился, что можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: «Идилліи Дельвига, писалъ Пушкинъ уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти его, для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19 столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное *чутье* изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть, болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.» Въ постоянныхъ разговорахъ съ Дельвигомъ

Digitized by Google

объ искусствѣ и въ обществѣ его, Александръ Сергѣевичъ достигъ замѣчательнаго 1819 года.

1819 годъ весьма важенъ въ біографіи и жизни Пушкина. Можно считать его эпохою появленія настоящей Пушкинской поэзіи, проблески которой старались мы уловить и прежде. Въ этотъ замѣчательный годъ обнаруживается впервые настоящая манера поэта и самъ онъ видимо сознаетъ качества своего таланта. 1819 годъ открывается стихотвореніемъ: *Увы! зачѣмъ она блистаетъ*, гдѣ глубокое чувство облечено въ такое простое, трогательное и вмѣстѣ мелодическое выраженіе, что пьеса можетъ назваться родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ лирическихъ пѣсенъ его въ этомъ родѣ. Тогда же начинаетъ сильно выказываться другое замѣчательное качество Пушкина — разнообразіе его впечатлѣній, безпрестанная дѣятельность, такъ сказать, вдохновенія, пораждаемаго самыми противоположными предметами. Стихотворенія: *Уединеніе*, *Домовому*, рядомъ съ упомянутой элегіей доказываютъ это какъ нельзя лучше. Наконецъ, въ концѣ года, является и задушевная исповѣдь Пушкина— это драгоцѣнное достояніе Русской поэзіи, доказывающее одинаково и силу его генія и глубину его сердца. Задушевной исповѣдью онъ и замыкается:

Художникъ — варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ,
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

* * *

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

* * *

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Русланъ и Людмила. 1820 г.: «Русланъ и Людмила». — Анекдотъ о заклеенной бумажкѣ. — Появленіе «Руслана» въ 1820 г. — Публика, писатели старой школы, И. И. Дмитріевъ, русская сказка, Каченовскій. — Тайная насмѣшка поэта надъ чопорностію прежнихъ русскихъ пѣсенъ и разсказовъ и надъ холодной эпической торжественностію. — Поклонники Пушкина. — Отношеніе «Руслана» къ поэмѣ Аріоста. — Холодность поэмы и тщательность обдѣлки. — Вопросы Зикова. — Критика на «Руслана и Людмилу» въ Сынѣ Отечества 1820, часть LXIV. — Эпиграмма Крылова, рецензія въ Невскомъ Зрителѣ 1820 г. часть 3. — Пріемъ въ публикѣ. — Значеніе Пушкина, какъ воспитателя изящнаго чувства и вкуса въ народѣ.

Въ 1819 году кончена была и поэма: *Русланъ и Людмила*, напечатанная только въ слѣдующемъ 1820 году, но она принадлежитъ еще къ первому отдѣлу поэтической дѣятельности Пушкина. Задуманная на скамьяхъ лицея, продолжаемая въ лѣтнія его поѣздки въ село Михайловское, она совершенно была окончена только на Кавказѣ, откуда (1820 г.) присланъ былъ извѣстный ея эпилогъ. По мѣрѣ того какъ она создавалась, ее обсуживали, какъ мы видѣли, голосами извѣстныхъ литераторовъ на вечерахъ Жуковскаго, и она составляла, вмѣстѣ съ другими предметами, содержаніе долгихъ бесѣдъ Пушкина съ Дельвигомъ и друзьями. Пушкинъ жилъ въ это время съ семействомъ своимъ на Фонтанкѣ у Калинкина моста, въ домѣ бывшемъ Клокачева, и часто провожалъ Дельвига на квартиру его отъ себя и отъ Жуковскаго, ко Владимірской, толкуя обо всемъ, что читали и говорили у послѣдняго. Считаемъ обязанностію сохранить одинъ анекдотъ, показывающій его уваженіе къ пѣвцу Людмилы. В. А. Жуковскій часто, вмѣсто переписки стиха, которымъ былъ недоволенъ, заклеивалъ его бумажкой съ другимъ новымъ. Разъ на вечерѣ у Д. Н. Б, одинъ изъ чтецовъ новаго произведенія Жуковскаго, вѣроятно недовольный перемѣной, сорвалъ такую бумажку и бросилъ на полъ. Пушкинъ тотчасъ же поднялъ ее и спря-

Digitized by Google

талъ въ карманъ, сказавъ весьма важно: «Намъ не мѣшаетъ подбирать то, что бросаетъ Жуковскій».

Появленіе *Руслана и Людмилы* встрѣчено было съ восторгомъ публикой и съ недоумѣніемъ тѣми людьми, которые видѣли въ ней униженіе поэзіи и, вообще, достоинства литературы, въ чемъ упрекали, какъ извѣстно и преобразованія Н. М. Карамзина, совершенныя имъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ русскомъ языкѣ и въ русской словесности. Къ числу недовольныхъ принадлежалъ и Дмитріевъ, питавшій, впрочемъ, несомнѣнное уваженіе къ таланту Пушкина. Дѣло шло собственно о Русской сказкѣ, какъ о предметѣ для эпопеи. Теперь всякому ясно, что поэма *Русланъ и Людмила* весьма далеко отстоитъ—по духу, выраженію и облику самихъ героевъ—отъ народной сказки; но тогда разница не вполнѣ понималась и подала поводъ къ весьма любопытнымъ спорамъ.

Когда появился въ Сынѣ Отечества 1820 года (№№ XV и XVI) первый отрывокъ изъ Руслана и Людмилы, Вѣстникъ Европы сдѣлался эхомъ ужаса, возбужденнаго въ нѣкоторыхъ людяхъ этимъ вводомъ сказочнаго Русскаго міра въ область поэзіи: «Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, говорилъ онъ, возникающій посреди океана россійской словесности.... Наши поэты начинаютъ пародировать Кирпу Данилова.... Просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу». Критикъ Вѣстника Европы еще допускаетъ собираніе русскихъ сказокъ, какъ собираютъ и *безобразныя старыя монеты*, но уваженія къ нимъ не понимаетъ. Выписавъ сцену Руслана съ головой, критикъ восклицаетъ: «Но увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: «здорово ребята?» неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться?... Зачѣмъ допускать, чтобъ плоскія шутки старины снова появлялись между нами?» (Вѣстникъ Европы 1820 г., № XI.)

Вопросъ о народной поэзіи былъ поставленъ очень рѣзко какъ видимъ. Журналъ, поднявшій его, имѣлъ явныя и тайныя симпатіи даже и такихъ людей, которымъ знакомы были итальянскія и нѣмецкія волшебныя поэмы, но которымъ фантастическій міръ русскихъ народныхъ сказаній казался дикимъ и неблагороднымъ.

Въ «Русланѣ и Людмилѣ» заключалось и другое зерно вражды, именно тайная насмѣшка поэмы надъ чопорностію прежнихъ, такъ

Digitized by Google

называемыхъ русскихъ пѣсенъ и разсказовъ изъ народной жизни. Холодная эпическая торжественность не была и въ то время рѣдкостію, но она имѣла соперницу въ элегической и нѣсколько жеманной поддѣлкѣ сказочныхъ лицъ и простонародныхъ пѣсенъ. Ничего подобнаго не было въ поэмѣ: «Русланъ и Людмила». Она отличалась безпрестанными отступленіями, неожиданными обращеніями къ разнымъ постороннимъ предметамъ, свободнымъ теченіемъ разсказа и насмѣшливостью. Самъ авторъ какъ-будто шутитъ надъ сказочными мотивами, которые употребляетъ въ дѣло, надъ собственными пріемами и образами. При нѣкоторомъ вниманіи, легко можно замѣтить сатирическое направленіе поэмы, которое вышло разъ наружу само собой и весьма ярко—именно въ 4 главѣ, гдѣ помѣщена пародія на «Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ» Жуковскаго. Все это, вмѣстѣ взятое, казалось многимъ не только дерзкимъ нововведеніемъ, но почти разрывомъ со всѣми преданіями искусства.

Поклонники Пушкина особенно были затронуты послѣднимъ обвиненіемъ. Имъ нельзя было оставить первое произведеніе любимаго поэта бобылемъ въ русской словесности. Они постарались пріискать ему знаменитыхъ предковъ у себя и на сторонѣ: «Душеньку» Богдановича, «Оберона» Виланда, «Неистоваго Орландо» Аріоста. Мнѣніе о сходствѣ «Руслана и Людмилы» съ «Неистовымъ Орландомъ» особенно долго держалось, хотя и оно столь же мало можетъ устоять при повѣркѣ, какъ и предполагаемое сходство поэмы съ русскими сказками. Внѣшней своей формой, оставленіемъ героевъ своихъ посреди дѣйствія и возвращеніемъ къ нимъ послѣ долгаго обхода, Русланъ приближается къ манерѣ Феррарскаго поэта, но въ немъ нѣтъ и признака той долгой, постоянной страсти, перемѣшанной съ ироніей, какими отличается Орландъ. Въ русской поэмѣ все молодо, свѣжо, исполнено порывовъ чувства, а не страсти, игривой насмѣшливости, а не ироніи. Это былъ, по нашему мнѣнію, послѣдній блестящій метеоръ того же французскаго вліянія, подъ которымъ Пушкинъ находился такъ долго.

Пушкинъ удивлялся впослѣдствіи, что не замѣтили *холодности* его поэмы, но этому была весьма основательная причина: прелесть картинъ, свѣжесть всѣхъ молодыхъ ощущеній отводили глаза и мѣшали видѣть, что за всѣмъ этимъ нѣтъ истиннаго чувства. Необычайно тщательная отдѣлка лишила ее, можетъ быть, и послѣднихъ его проблесковъ. Отдѣлка эта выказалась еще строже во второмъ изданіи 1828 года, съ котораго печатались всѣ послѣдующія; тамъ

Digitized by Google

было пропущено и передѣлано болѣе 12 мѣстъ, но за то присоединено было вступленіе, которое, по сказочному духу и народнымъ краскамъ, превосходитъ всю поэму. Благодаря такому упорному труду, стихъ поэмы сохраняетъ постоянно хрустальную прозрачность и плавность изумительную, но лишенъ точности, поэтическаго лаконизма и долго извивается вокругъ предмета граціозными кругами, прежде чѣмъ успѣетъ охватить его со всѣхъ сторонъ. Все это могли мы замѣтить благодаря самому Пушкину, научившему насъ понимать своими послѣдующими произведеніями настоящее достоинство и стиха и созданія. Позднѣе, Пушкинъ замѣтилъ еще, что кромѣ «Вѣстника Европы» и *весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы*, поэма «Русланъ и Людмила» принята была благосклонно. Эти вопросы, напечатанные въ «Сынѣ Отечества» (1820, часть LXIV), принадлежали перу одного молодаго человѣка, диллетанта въ нашей литературѣ, рано похищеннаго смертію [1]). Они составляютъ родъ лаконическаго допроса, гдѣ истинно-дѣльное перемѣшивается, иногда, съ весьма капризными и произвольными требованіями, какъ это можно видѣть изъ начала ихъ здѣсь приводимаго:

«За чѣмъ Финнъ дожидался Руслана?

«За чѣмъ разсказываетъ Руслану свою исторію и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію *внимать разскази* (или по русски разсказамъ) старца?

---

[1]) Гвардейскому офицеру Дм. Петр. Зыкову, умершему 30 лѣтъ отъ роду, по указанію П. А. Катенина.

Вотъ какъ описываетъ онъ молодаго автора. «Сочинителя статьи открылъ я нѣсколько недѣль спустя въ Дм. Петр. Зыковѣ. Этотъ умный молодой человѣкъ, страстный къ ученію, несмотря на военнаго ремесла заботы, успѣлъ ознакомиться почти со всѣми древними и новыми европейскими языками, извѣстными по изящнымъ произведеніямъ. Онъ былъ нетолько скроменъ но даже стыдливъ и, не довѣряя еще себѣ, таилъ свои занятія отъ всѣхъ. Ранняя смерть на 30 году не позволила ему сотворить имя свое общеизвѣстнымъ и уничтожила надежды его пріятелей». Любопытно, однакожъ, что Пушкинъ приписалъ *Вопросы* Катенину и при первомъ свиданіи съ нимъ въ театрѣ, сказалъ: «Критика твоя немножко колется, но такъ умна и мила, что за нее не только нельзя сердиться, но даже....» П. А. перебилъ его, отказываясь отъ незаслуженной чести, и даже устроилъ очную ставку съ первымъ распускателемъ ложнаго слуха, но кажется это не помогло. Пушкинъ притворился, что вѣритъ отреченію, но черезъ годъ писалъ опять изъ Кишинева къ брату своему, остававшемуся тогда въ Петербургѣ: «Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ Воейкову вопросы въ Сынѣ Отечества прошлаго года? Кто на ны?»

Digitized by Google

«За чѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь въ путь: показываетъ ли это огорченнаго человѣка? За чѣмъ Фарлафъ съ своей трусостью поѣхалъ искать Людмилы? Намъ скажутъ: затѣмъ, чтобъ упасть въ грязный ровъ: et puis on en rit et cela fait toujours plaisir....» и проч.

Младенческое состояніе тогдашней критики особенно проявилось въ разборѣ поэмы при выходѣ ея вполнѣ (Сынъ Отечества, часть LXIV, 1820 года), подписанномъ буквою В. Уже съ этой ранней эпохи, всѣ рецензіи на Пушкина были ниже его и онъ имѣлъ полное право говорить впослѣдствіи, что ничему отъ нихъ не выучился. Вѣрное эстетическое чувство въ оцѣнкѣ его произведеній явилось не за долго до его смерти и было имъ же воспитано и приготовлено. Рецензентъ Сына Отечества разсказываетъ содержаніе поэмы собственною своей прозой, опредѣляетъ характеры героевъ общими чертами, въ родѣ слѣдующихъ: «Русланъ великодушенъ, храбръ, чувствителенъ, ретивъ,.... но вспыльчивъ и нетерпѣливъ. Онъ напоминаетъ Ахиллеса.... Людмила веселонравна, рѣзва, вѣрна любви своей, нѣжна и сильна душа ея, непорочно сердце...» и проч., пересчитываетъ описательныя мѣста и шуточные стихи, прибавляя: *«нынѣ сей родъ поэзіи называется романтическимъ»*. Не забытъ, разумѣется, и упрекъ въ излишней вольности фантазіи, который сдѣлался потомъ избитымъ орудіемъ литературнаго спора. Критикъ заключаетъ свою статью, по обыкновенію, разборомъ выраженій, находитъ непонятнымъ между прочимъ *могильный голосъ* (не голосъ ли это какого нибудь неизвѣстнаго намъ музыкальнаго орудія? говоритъ онъ) и останавливается съ изумленіемъ передъ выраженіемъ: *нѣмой мракъ*. «Смѣло до непонятности, замѣчаетъ онъ, и если допустить сіе выраженіе, то можно будетъ напечатать: говорящій мракъ, болтающій мракъ, болтунъ мракъ....» и проч.

И. А. Крыловъ, часто умалчивавшій о странностяхъ въ людяхъ и въ обществѣ, но всегда понимавшій ихъ, написалъ эпиграмму, ходившую тогда по рукамъ:

«Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка»! [1]).

---

[1]) Эпиграмма эта, вмѣстѣ съ другой, тогда же была напечатана въ Сынѣ Отечества 1820, № XXXVIII. Кстати о журнальныхъ толкахъ. Прилагаемъ еще первыя строки рецензіи на поэму, какія находимъ въ журналѣ «Невскій Зри-

Digitized by Google

Восторгъ публики и особенно той части ея, которая увлеклась нѣжными или роскошными описаніями, заключающимися въ поэмѣ, долженъ былъ съ избыткомъ вознаградить автора за нѣсколько придирчивыхъ замѣчаній. Публика готова была всюду слѣдовать за пѣвцомъ своимъ по этой легкой и цвѣтистой дорогѣ; но поэтъ, которому суждено было сдѣлаться воспитателемъ эстетическаго чувства въ нашемъ отечествѣ, вскорѣ избралъ другой путь. Можно сказать безъ преувеличенія, что учитель изящнаго, данный въ немъ публикѣ, былъ не ниже своихъ обязанностей. Его неистощимая сила, разнообразіе его таланта, овладѣвшаго образами, какъ своей народной, такъ и чужестранной поэзіи съ одинаковой мощью, наконецъ истина и глубина чувства—давали призванію его видъ законности, которую тщетно хотѣли оспорить его противники. Заслуги Пушкина, какъ воспитателя художественнаго чувства въ обществѣ, еще не оцѣнены вполнѣ, но съ этой точки зрѣнія литературное его поприще пріобрѣтаетъ особенную важность.

тель» 1820 г., (часть третья, іюль). Онѣ особенно замѣчательны тѣмъ, что составляютъ оттолосокъ мнѣнія даже друзей Пушкина. Извѣстно, что въ числѣ редакторовъ журнала были многіе короткіе пріятели поэта: «Чрезвычайная легкость и плавность стиховъ, отмѣнная версификація составляли бы существенное достоинство сего произведенія, если бы піитическія красоты, въ немъ заключающіяся, не были перемѣшаны съ низкими сравненіями, *безобразнымъ* волшебствомъ, сладострастными картинами и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ.»

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Екатеринославль, Кавказъ, Крымъ. 1820 г.: Поводы къ удаленію Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 г. — Пушкинъ въ Екатеринославѣ, болѣзнь, Инзовъ, Раевскій. — Записка доктора Рудыковскаго о встрѣчѣ съ Пушкинымъ. — Отъѣздъ на Кавказскія воды, эпилогъ къ «Руслану». — Пушкинъ выбриваетъ голову и носитъ оригинальный костюмъ. — Строфа изъ Онѣгина о нарядѣ: «Носилъ онъ русскую рубашку». — О Кавказѣ изъ «Путешествія въ Арзрумъ». — Обратный путь съ Кавказа, Кубань, Тамань, Крымъ. — Важный переворотъ въ нравственномъ состояніи. — Стихотвореніе: «Погасло дневное свѣтило». — Антологическія стихотворенія, какъ слѣды сближенія съ А. Шенье. — Керчь, письмо къ Дельвигу о южномъ берегѣ. — Пребываніе на южномъ берегу, подробное изложеніе всего путешествія на югъ въ письмѣ Пушкина къ брату изъ Кишинева отъ 24 сентября 1820 г. — Черта личнаго характера.

Одно событіе въ жизни, удалившее Пушкина изъ Петербурга на другой конецъ имперіи, ускорило развитіе его, какъ поэта. Въ промежутокъ времени съ 1820 по 1826 годъ, проведенный имъ сперва въ Кишиневѣ, потомъ въ Одессѣ и наконецъ въ Псковской своей деревнѣ, онъ понялъ, какъ важность своего призванія, такъ и размѣры собственнаго таланта. Въ это время положено было основаніе многимъ произведеніямъ творческаго его генія, которыя и доселѣ еще не оцѣнены вполнѣ отечественной нашей критикой. Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга были его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которые вовсе не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому, что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже, къ счастію, неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непремѣнно, еслибъ его не удержали снисходительность и по-

Digitized by Google

печительность самого начальства. Говорятъ, что наказаніе, ожидавшее Пушкина за грѣхи его молодости, было смягчено ходатайствомъ и порукой Н. М. Карамзина. Пушкинъ былъ переведенъ на службу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края, генералъ-лейтенанта Ивана Никитича Инзова, благороднѣйшаго старца, прямодушіе, честность и доброта котораго остались въ памяти всѣхъ его знавшихъ. 5-го мая 1820 года Пушкинъ получилъ изъ мѣста своего прежняго служенія видъ для свободнаго проѣзда къ новой должности, и отправился вслѣдъ за симъ. Попечительный комитетъ о колонистахъ Южнаго края Россіи находился тогда въ Екатеринославлѣ. Почти въ одно время съ прибытіемъ Пушкина, генералъ Инзовъ назначенъ былъ исправляющимъ должность полномочнаго намѣстника Бессарабской области, при чемъ и самый комитетъ о колонистахъ переведенъ въ Кишиневъ—главный городъ области. Генералъ Инзовъ говорилъ, что и новое назначеніе и вновь опредѣленный чиновникъ равно озаботили его и заставили не разъ призадуматься о своихъ обязанностяхъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Екатеринославль, Пушкинъ заболѣлъ лихорадкой, можетъ быть предшественницей той болѣзни, которая уже посѣтила его разъ въ Петербургѣ, за два года предъ тѣмъ, но тогда онъ лежалъ въ недугѣ окруженный своимъ семействомъ и даже утѣшаемый шалостями своихъ друзей, вмѣстѣ съ ихъ заботами (см. стихотвореніе: *Выздоровленіе*); теперь было совсѣмъ другое дѣло. Оставшись единственно на попеченіи своего начальника, занятаго дѣлами службы, отнимавшими все его время, и лишенный, по условіямъ самаго края, хорошихъ медицинскихъ пособій, Пушкинъ боролся съ недугомъ почти одинокій. Къ счастію, въ то же время проѣзжалъ черезъ Екатеринославль, по дорогѣ къ Кавказу, генералъ Р..., одинъ изъ героевъ 12-го года, съ двумя сыновьями своими и—принялъ больнаго на свое попеченіе. Крѣпкая организація Пушкина быстро возвращала утерянныя силы, какъ только ослабляли вліяніе на нее душевной или тѣлесной болѣзни [1]). Онъ вскорѣ могъ слѣдовать за

[1]) Выписываемъ здѣсь изъ журнала «Русскій Вѣстникъ» 1841, № 1-й, любопытную статью доктора Рудыковскаго, встрѣтившаго Пушкина въ Екатеринославлѣ.

Встрѣча съ Пушкинымъ.

(Изъ записокъ медика.)

Оставивъ Кіевъ 19 мая 1820 года, я, въ качествѣ доктора, отправился съ генераломъ Р. на Кавказъ. Съ нимъ ѣхали двѣ дочери и два сына, одинъ —

Digitized by Google

генераломъ Р... на Кавказскія минеральныя воды, на что, по ходатайству послѣдняго, согласился и начальникъ Пушкина. Семейство Р... избрало путь чрезъ Землю Донскихъ казаковъ, и благодаря дѣятельной жизни, дружбѣ и нравственному довольству, съ ней наразлучному, Пушкинъ быстро поправился. Въ іюнѣ того же года, онъ

полковникъ гвардіи, другой — капитанъ. Едва я, по пріѣздѣ въ Екатеринославль расположился, послѣ дурной дороги на отдыхъ, ко мнѣ, запыхавшись, вбѣгаетъ младшій сынъ генерала: — «Докторъ! Я нашелъ здѣсь моего друга; онъ болѣнъ, ему нужна скорая помощь — поспѣшите со мною!»

Нечего дѣлать — пошли. Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на досчатомъ диванѣ, сидитъ молодой человѣкъ — небритый, блѣдный и худой.

— Вы нездоровы? спросилъ я незнакомца.

— Да, докторъ, немножко пошалилъ, купался: кажется, простудился.

Осмотрѣвши тщательно больнаго, я нашелъ, что у него была лихорадка. На столѣ предъ нимъ лежала бумага.

— Чѣмъ вы тутъ занимаетесь?

— Пишу стихи.

Нашелъ, думалъ я, и время, и мѣсто. Посовѣтовавши ему на ночь напиться чего нибудь теплаго, я оставилъ его до другаго дня.

Мы остановились въ домѣ губернатора К. Поутру гляжу — больной ужъ у насъ: говоритъ, что онъ ѣдетъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нами. За обѣдомъ нашъ гость веселъ и безъ умолку говоритъ съ младшимъ Р. по французски.

Послѣ обѣда у него озноб, жаръ, и всѣ признаки пароксизма.

Пишу рецептъ.

— Докторъ, дайте что нибудь получше, — дряни въ ротъ не возьму.

Что будешь дѣлать? Прописалъ слабую микстуру. На рецептѣ нужно написать кому. Спрашиваю: Пушкинъ. Фамилія незнакомая, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Лечу какъ самаго простаго смертнаго и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщится. Мы поѣхали далѣе. На Дону мы обѣдали у атамана Денисова. Пушкинъ меня не послушался: покушалъ бланманже и снова заболѣлъ.

— Докторъ, помогите!

— Пушкинъ, слушайтесь!

— Буду, буду!

Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы.

— Не ходите, не ѣздите безъ шинели.

— Жарко, мочи нѣтъ.

— Лучше жарко, чѣмъ лихорадка.

— Нѣтъ, лучше ужъ лихорадка.

Опять сильные пароксизмы.

— Докторъ, я болѣнъ.

— Потому что упрямы. Слушайтесь!

— Буду, буду!

И Пушкинъ выздоровѣлъ. Въ Горячеводскъ мы пріѣхали всѣ здоровы и веселы. По прибытіи генерала въ городъ, тамошній комендантъ къ нему явился, и вскорѣ прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. Всѣ читали,

Digitized by Google

послалъ въ Петербургъ извѣстный эпилогъ Руслана и Людмилы [1]); единственнымъ признакомъ тяжелой болѣзни поэта осталась только бритая голова. Онъ долго ходилъ потомъ въ молдаванской феске или красной ермолкѣ, что, между прочимъ, позднѣе, въ Кишиневѣ принято было за уловку суетнаго желанія казаться оригинальнымъ и поставилось ему въ упрекъ, подобно тому, какъ и Онѣгинъ не избѣгъ осужденія за свой нарядъ. Вотъ одна неизданная строфа романа:

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на-распашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ;—
Но только симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ. Евгеній,
Быть можетъ, толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ;
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнилъ въ угоду имъ:
За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

любопытствовали. Послѣ нужно было книгу возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что-то писалъ, но ничего и не подозрѣвалъ. Книгу и списокъ отослали къ коменданту.

На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ доктору Ц..., который былъ при минеральныхъ водахъ.

— Вы лейбъ-медикъ? пріѣхали съ генераломъ Р...?

— Послѣднее справедливо, но я не лейбъ-медикъ.

— Какъ не лейбъ-медикъ? Вы такъ записаны въ книгѣ коменданта; — бѣгите къ нему, изъ этого могутъ выйдти дурныя послѣдствія.

Бѣгу къ коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: тамъ въ свитѣ генерала вписаны—двѣ его дочери, два сына, лейбъ-медикъ Рудыковскій и недоросль Пушкинъ.

Насилу убѣдилъ я коменданта все это исправить, доказывая, что я не лейбъ-медикъ и что Пушкинъ не недоросль, а титулярный совѣтникъ, выпущенный съ этимъ чиномъ изъ Царскосельскаго лицея. Генералъ порядочно пожурилъ Пушкина за эту шутку. Пушкинъ немного на меня подулся, а вскорѣ мы разстались. Возвратясь въ Кіевъ, я прочиталъ Руслана и Людмилу, — и охотно простилъ Пушкину его шалость.

Рудыковскій.

[1]) Эпилогъ Руслана вмѣстѣ съ добавленіями къ шестой его пѣсни напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1820 года, № XXXVIII. Первый, послѣ имени Пушкина, имѣлъ еще помѣтку: «26-го іюня 1820. Кавказъ.»

Digitized by Google

Кавказъ поразилъ пламенное воображеніе Пушкина. Вотъ что писалъ онъ 9 лѣтъ спустя, при вторичномъ посѣщеніи Георгіевска и Горячихъ водъ:

«Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ: это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

«Изъ Георгіевска заѣхалъ я на Горячія воды. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, на-скоро построенныхъ. Источники большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воды ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома...

«Признаюсь: Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды, и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ....

Съ Кавказскихъ водъ, Пушкинъ отправился Землею Черноморскихъ казаковъ въ Крымъ. Онъ ѣхалъ по Кубани, о-бокъ съ воинственными и всегда опасными племенами черкесовъ. Устлабинская крѣпость, станица черноморцевъ Екатеринодаръ, — были наполнены свѣжими воспоминаніями ихъ набѣговъ и геройскихъ подвиговъ казаковъ. Путешественниковъ нашихъ во многихъ мѣстахъ сопровождалъ конвой съ заряженной пушкой, и Пушкинъ радовался военной обстановкѣ своего вояжа, любовался казаками, шумомъ и говоромъ, сопровождавшимъ переѣздъ его. Поэма, связанная съ Кавказомъ и бытомъ его обитателей, уже тогда представлялась его воображенію, но онъ кончилъ ее только въ февралѣ слѣдующаго 1821 года и уже въ Кіевской губерніи, какъ увидимъ послѣ. Онъ успѣвалъ только наслаждаться приливомъ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ ему чувствъ. Въ Тамани онъ увидѣлъ впервые Южное море, а вскорѣ и роскошные берега Крыма, о которыхъ такъ часто и въ такихъ чудныхъ стихахъ вспоминалъ потомъ. Разница между обычными впечатлѣніями городской жизни и впечатлѣніями пребыванія на Кавказѣ и самаго путе-

Digitized by Google

шествія была неизмѣрима. Вседневныя удовольствія столицы не имѣли ничего общаго со всѣмъ этимъ движеніемъ, съ разнообразіемъ картинъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу, съ трудами дня, крѣпящими тѣло, и отдыхами, еще исполненными поэтическихъ впечатлѣній. Съ измѣненіемъ природы и внѣшней обстановки измѣнилось въ немъ и теченіе мыслей. Самъ Пушкинъ оставилъ намъ драгоцѣнную замѣтку о внутреннемъ своемъ переворотѣ въ стихотвореніи: «*Погасло дневное свѣтило*», которымъ онъ привѣтствовалъ Черное море. Пьеса эта, написанная въ сентябрѣ 1820 года, названа была имъ впослѣдствіи: *Подражаніе Байрону* [1]).

Холодные, хотя и блестящіе, образы обычныхъ спутницъ всякой молодости, которыми занималась муза Пушкина до 1819 года, теперь совсѣмъ пропадаютъ и мѣсто ихъ заступаютъ образы антологическихъ его стихотвореній, полные жизни и чувства. Нельзя не согласиться, что большая часть ихъ навѣяна чтеніемъ Андрея Шенье, но есть между обоими поэтами и существенная разница. Пушкинъ сокращаетъ представленія Шенье, когда беретъ его за образецъ, и даетъ своимъ передѣлкамъ мѣру и изящество, не всегда сохраняемыя подлинникомъ. Качества эти еще сильнѣе выступаютъ въ собственныхъ его созданіяхъ и тогда къ аттической граціи очертаній присоединяется у него тонкій психологическій анализъ. Таковы стихотворенія: *Нереида*, *Дорида*, *Дориде* и проч., написанныя въ это время. Мы имѣемъ полное право сказать, что красота формы, гармонія внѣшнихъ линій, были первымъ навѣяніемъ классической Тавриды, первымъ ея подаркомъ поэту—странствователю.

Переѣхавъ проливъ, Пушкинъ очутился въ Керчи. Извѣстно его письмо, заключающее въ себѣ бѣглое описаніе путешествія по Южному берегу Крыма. Оно помѣщено теперь въ примѣчаніяхъ къ *Бахчисарайскому Фонтану*, но «прежде напечатано было отдѣльно въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826», подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д**. Письмо было вызвано появленіемъ въ 1823 году новой книги [2]), но начало его, по желанію самаго Пушкина, не попало въ печать. Прилагаемъ его здѣсь, вмѣстѣ съ разборомъ самаго документа, который можетъ подать поводъ къ любопытнымъ соображеніямъ.

---

[1]) Въ тетради, съ которой печатались стихотворенія 1826, и о которой мы уже говорили, пьеса названа была просто: *Черное Море*. Пушкинъ зачеркнулъ заглавіе и написалъ вмѣсто него: *Подражаніе Байрону*.

[2]) Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г., соч. Муравьева-Апостола, 1823 г. СПБ.

Digitized by Google

«*Путешествіе по Тавридѣ* прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. [1]). Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія самаго автора. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній—посуди самъ.»

За тѣмъ Пушкинъ излагаетъ довольно равнодушно впечатлѣнія, доставленныя ему видомъ Митридатовой гробницы, гдѣ онъ сорвалъ цвѣтокъ и потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія на другой день; упоминаетъ о развалинахъ Пантикапеи, какъ о грудѣ кирпичей со слѣдами улицъ и бывшаго рва. Изъ Ѳеодосіи онъ ѣхалъ моремъ до Юрзуфа, бѣдной татарской деревни. Картина ночнаго моря не дала ему спать до разсвѣта. На Чатыръ-Дагъ, показываемый ему капитаномъ, онъ взглянулъ равнодушно; но когда, проснувшись подъ самымъ Юрзуфомъ, увидѣлъ берегъ съ его зеленью, тополями, разноцвѣтными его горами, огромнымъ Аю-Дагомъ,—равнодушіе поэта пропало и нѣсколько жаркихъ строкъ письма оканчиваютъ параграфъ, начатый совсѣмъ въ другомъ тонѣ.

Въ Юрсуфѣ онъ объѣдался виноградомъ; ухаживалъ съ любовью за кипарисомъ, который росъ въ двухъ шагахъ отъ его дома; прислушивался къ шуму моря по цѣлымъ часамъ, и все это, прибавляетъ онъ, съ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанткаго Lazzaroni.

Но есть другое письмо Пушкина, которое излагаетъ впечатлѣнія тогдашней жизни живѣе и, можетъ быть, откровеннѣе.

«Корабль плылъ, говоритъ Пушкинъ, передъ горами, покрытыми тополями, лаврами и кипарисами; вездѣ мелкали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа, гдѣ находилось семейство Р. Тамъ прожилъ я три недѣли. Счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства Р. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу Русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душой, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнитъ его высокія качества.... Суди, былъ я счастливъ? Свободная, безпечная жизнь въ

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ.

Digitized by Google

кругу милаго семейства, которую я такъ люблю и которою никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море... Другъ мой! Любимая моя мечта—увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Р.» [1]).

Какъ превосходно отразилась въ этомъ задушевномъ письмѣ на-

[1]) Матеріалы наши для біографіи Пушкина были уже окончательно составлены, когда мы получили это письмо Пушкина вполнѣ. Изъ него оказывается, что оно писано было къ Льву Сергѣевичу Пушкину изъ Кишинева, отъ 24 сентября 1820 года. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно содержитъ автобіографическое подтвержденіе всего сказаннаго нами о пребываніи поэта на Кавказѣ и въ Крыму, то и прилагаемъ его цѣликомъ:

«Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою. Постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ покататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь; я легъ въ коляску больной, чрезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды были мнѣ очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія; впрочемъ купался въ теплыхъ кисло-сѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными и неподвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дикіе Черкесы напуганы, древняя дерзость ихъ исчезаетъ; дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не приносившая никакой пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіанами безопасною торговлею. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы; любовался нашими казаками. За нами тащилась заряженная пушка съ заженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться: въ надеждѣ большаго выкупа, они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала.... Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища,

Digitized by Google

тура Пушкина, всегда жаждавшая привязанности и наслажденій дружбы! Но будемъ слѣдить далѣе за напечатаннымъ письмомъ. Отъ Юрзуфа Пушкинъ начинаетъ объѣздъ Южнаго берега Крыма и передаетъ его подробности въ томъ же полуравнодушномъ, полудовольномъ духѣ. Переходъ по скаламъ Кикениса оставилъ въ немъ только забавное воспоминаніе о подъемѣ на гору, при чемъ путеше-

---

увидѣлъ я груду камней, утесовъ, грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣла рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнія ли основанія башни — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на Золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то французъ пріѣхалъ для розысканій, но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Онъ, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города: виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда отправились мы моремъ, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я Элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее къ Гречу безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградами, лаврами и кипарисомъ; вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа; тамъ прожилъ я три недѣли, мой другъ. Счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго Я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь, которую и такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море! Другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ пиши ко мнѣ. Благодарю тебя за стихи, болѣе благодарилъ бы за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобы забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаніемъ и сказками, но влюбиться въ нее — безразсудно....

Прости, мой другъ, обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ; все ли они еще въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня К. и Дельвига. Видишь ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши же мнѣ обо всей братіи.»

Элегія, написанная Пушкинымъ на кораблѣ, есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, стихотвореніе: *Погасло дневное свѣтило*, о которомъ уже упоминали.

Digitized by Google

ственники держались за хвосты татарскихъ лошадей. Георгіевской монастырь съ его крутой лѣстницей къ морю произвелъ въ немъ однако же сильное впечатлѣніе, а баснословныя развалины храма Діаны переродили его даже въ слѣпаго почитателя народныхъ преданій. Они вызвали извѣстные стихи:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья, и проч.

«Видно, замѣчаетъ Пушкинъ, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ.» Бахчисарай былъ особенно несчастливъ. Пушкинъ прибылъ туда опять больной лихорадкой и едва посмотрѣлъ на ржавую трубку знаменитаго фонтана, изъ которой капала вода. Въ развалины гарема и на Ханское кладбище его повели уже почти насильно, но вскорѣ послѣ этого осмотра, онъ написалъ увлекательное стихотвореніе, гдѣ тѣ же предметы являются совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы! и проч.

Окончаніе письма, непопавшее въ печать, какъ и начало его, по требованію — какъ мы уже сказали — самого Пушкина, содержитъ въ себѣ неожиданное опроверженіе всѣхъ предшествующихъ увѣреній въ равнодушіи. Вотъ оно:

«Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему.... *и проч.*?»

Такимъ образомъ Пушкинъ выказывается здѣсь со всѣмъ жаромъ своей души, со всею своею впечатлительностію и, вмѣстѣ, съ какой-то осторожностью въ передачѣ чувства. Онъ, вообще, любилъ закрывать себя и мысль свою шуткой, или такимъ оборотомъ рѣчи, который еще оставляетъ возможность сомнѣнія для слушателей: вотъ почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицомъ къ лицу.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

Кишиневъ, поѣздки, «Кавказскій Плѣнникъ», отдѣльныя стихотворенія. 1820—1823 г. Кишиневъ. — Поѣздка въ Кіевъ на свадьбу М. Ѳ. Орлова, пребываніе въ деревнѣ Давыдовыхъ, Каменкѣ, гдѣ въ февралѣ 1821 кончена «Кавказскій Плѣнникъ». — Въ маѣ 1821 Пушкинъ въ Одессѣ. — Доходы Пушкина отъ поэмъ, анекдотъ о Гнѣдичѣ. — Стихотвореніе: «Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ», и письмо къ Дельвигу. — Пушкинъ основывается въ Кишиневѣ. — О перепискѣ Пушкина съ друзьями. — Картина Кишинева. — Временныя отлучки Пушкина изъ Кишинева, исторія происхожденія стихотвореній: «Кто знаетъ край», «Подъ небомъ голубымъ», «О, если правда что въ ночи», «Для береговъ отчизны». — Стихи «Гречанкѣ» и «Иностранкѣ». — Пушкинъ въ обществѣ. — Пушкинъ въ литературныхъ отношеніяхъ, заботливость его о своихъ произведеніяхъ, Полярная Звѣзда. — Кишиневская жизнь, Пушкинъ и Инзовъ, наклонность къ рѣзвой шуткѣ у перваго и добродушная строгость послѣдняго. — Напоминовенія помнить важность своего призванія. — Письмо неизвѣстнаго на французскомъ языкѣ и отвѣтъ на него: «Ты правъ, мой другъ, напрасно я презрѣлъ». — Мелкія стихотворенія, написанныя въ Кишиневѣ. — Сильная поэтическая дѣятельность и возрастающая крѣпость генія. — Появленіе стихотвореній: «Къ Чаадаеву», «Наполеонъ», «Овидій», и проч. — Поѣздка въ Измаилъ за цыганскимъ таборомъ и стихотвореніе: «За ихъ лѣнивыми толпами». — Замѣчанія о думахъ Рылѣева. — «Братья разбойники» и первая строфа Онѣгина. — Стихотвореніе: «Воспоминаньемъ упоенный».

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1820 г. Александръ Сергѣевичъ является впервые въ Кишиневъ, но въ концѣ того же года мы находимъ его въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, гдѣ написана была пьеса: *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда*, съ помѣткою: «Каменка». Онъ уже собиралъ тамъ свои воспоминанія и писалъ поэму: *Кавказскій Плѣнникъ*, въ которой сохранилъ живыя впечатлѣнія недавно совершеннаго имъ объѣзда. Начало 1821 года застало его уже въ самомъ Кіевѣ, какъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе: *Морской берегъ*, подъ которымъ выставлено въ оригиналѣ: «8 февраля 1821. Кіевъ». Мы знаемъ, что въ это время генералъ Р., подъ покровительствомъ котораго состоялъ Пушкинъ, праздновалъ въ

Digitized by Google

Кіевѣ семейную свою радость. Пушкинъ скоро возвращается опять въ поименованную нами деревню и, 20 февраля, кончаетъ тамъ *Кавказскаго Плѣнника.* Посвященіе поэмы Н. Н. Р. и эпилогъ къ ней написаны гораздо позднѣе (въ маѣ мѣсяцѣ) и уже въ Одессѣ. Въ 1822 году поэма явилась въ печати. Петербургскіе книгопродавцы предлагали весьма скудную сумму за право изданія ея, которое окончательно было пріобрѣтено переводчикомъ Иліады, Н. И. Гнѣдичемъ. Пушкинъ получилъ одинъ печатный экземпляръ поэмы и 500 руб. ассиг. Онъ былъ весьма недоволенъ такимъ скуднымъ вознагражденіемъ за поэтическій трудъ свой и долго вспоминалъ объ этомъ съ досадой [1]). О впечатлѣніи, которое произвела поэма на читающую публику, будемъ говорить впослѣдствіи.

Въ началѣ весны 1821 года, Пушкинъ снова является въ Кишиневъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ высшихъ военныхъ чиновниковъ, М. Ѳ. О., прибывшимъ къ мѣсту своего служебнаго назначенія въ Бессарабію, тоже изъ Кіева. Генералъ Иванъ Никитичъ Инзовъ принялъ Пушкина въ собственный свой домъ, гдѣ послѣдній и оставался до 1822 года. Пушкинъ переѣхалъ послѣ того въ домъ одного изъ своихъ друзей, Н. С. Алексѣева, и жилъ тамъ до самаго отправленія своего въ Одессу. Вотъ что писалъ Пушкинъ отъ 23 марта 1821 года къ Дельвигу, въ Петербургъ, вскорѣ послѣ своего новоселья, но уже собираясь опять на временную поѣздку, въ Одессу, куда черезъ два мѣсяца и прибылъ дѣйствительно, какъ мы видѣли:

«Другъ Дельвигъ, мой Парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, Баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ....
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ Кастальскихъ водъ,

---

[1]) *Руслан и Людмила* тоже не принесли автору почти ничего, но второе изданіе двухъ первыхъ поэмъ его уже куплено Смирдинымъ за 7 тысячъ рублей ассигнаціями. Кстати будетъ сообщить здѣсь анекдотъ о Н. И. Гнѣдичѣ, который былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ жаркихъ поклонниковъ зараждающейся славы Пушкина. По прочтеніи стиховъ *Бахчисарайскаго фонтана:*

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи,

будущій переводчикъ Иліады, одинъ глазъ котораго, какъ извѣстно, былъ пораженъ давней болѣзнію, говорилъ шутя, что готовъ за нихъ отдать и послѣднее свое око.

Digitized by Google

Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и...,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ *не Русью пахнетъ*;
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ....

«Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ. О путешествіяхъ К. слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Въ твоемъ отсутствіи — сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ — журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить; долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего Монаха. Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка — не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму *Кавказскій Плѣнникъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы — но что теперь ничего не пишу; я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

«Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе. Праздный миръ не са-

Digitized by Google

мое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ [1]). Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

«Другъ мой, есть у меня до тебя просьба —узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ: другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца. Въ этомъ найдутъ выгоду; но я чувствую, что мы будемъ друзьями и братьями — не только по африканской нашей крови. Прощай».

Съ этого письма начинается литературная переписка Пушкина съ друзьми, оставленными имъ въ Петербургѣ, продолжавшаяся вплоть 1826 года—времени появленія поэта нашего въ Москвѣ. Дельвигъ, братъ Пушкина Левъ Сергѣевичъ, П. А. Плетневъ и нѣсколько другихъ лицъ были повѣренными какъ его дѣлъ, такъ и его мыслей и сужденій объ отечественной и иностранныхъ литературахъ. Изъ этого источника, на сколько онъ намъ доступенъ, будемъ мы впослѣдствіи приводить черты наиболѣе яркія; теперь же скажемъ, что, судя даже по немногимъ образцамъ, какіе находятся въ рукахъ нашихъ, переписка Пушкина съ друзьями своими обнимала почти всѣ почему-либо замѣчательныя явленія русской жизни и русской словесности.

Городъ Кишиневъ представлялъ, въ ту эпоху, картину чрезвычайно оживленную. Нѣкоторое время по присоединеніи къ имперіи Бессарабской области, послѣдняя была, по замѣчанію старожиловъ сборищемъ самыхъ разнородныхъ національностей, театромъ удивительнаго смѣшенія костюмовъ, языковъ, нравовъ и физіогномій. Возстаніе грековъ наполнило городъ значительнымъ количествомъ греческихъ и молдаванскихъ фамилій, искавшихъ убѣжища отъ турокъ или просто отъ политическихъ смутъ своей родины. Присутствіе ихъ сообщило сильный восточный оттѣнокъ Кишиневу и придало сношеніямъ между туземцами и новыми обладателями страны особенный характеръ, въ которомъ европейская образованность и чуждыя ей привычки смѣшивались весьма оригинально и живописно. Вмѣстѣ съ тѣмъ таможенная и картинная линіи, находившіяся тогда

[1]) См. Вольтера: «Histoir des voyages de Scarmentado.

Digitized by Google

еще по Днѣстру, не защищали Бессрабію и отъ искателей приключеній всѣхъ странъ — отъ выходцевъ французскихъ и итальянскихъ и проч. Значительное число офицеровъ Генеральнаго Штаба, людей вообще умныхъ и образованныхъ, занимавшихся съемкою плановъ ново-пріобрѣтенной мѣстности, увеличивало интересъ общей картины, въ которой немаловажную часть долженъ еще занимать штабъ 16-й пѣхотной дивизіи, постоянно прибывавшій въ Кишиневѣ. Пушкинъ жилъ въ обществѣ своихъ военныхъ соотечественниковъ и, говорятъ, довольно забавно сердился на ихъ военную прислугу, плохо слушавшую его приказанія и обносившую его за обѣдами. Пестрота, шумъ, разнообразіе тогдашняго Кишинева произвели довольно сильное впечатлѣніе на Пушкина: онъ полюбилъ городъ.

Частыя отлучки Пушкина изъ Кишинева еще освѣжали для него удовольствія полу-азіатскаго и полу-европейскаго общества. Въ этихъ отлучкахъ, а можетъ быть и въ сношеніяхъ своихъ съ пестрымъ и разнохарактернымъ населеніемъ его, Пушкинъ встрѣтилъ то загадочное для насъ лицо, или тѣ загадочныя лица, къ которымъ, въ разныя эпохи своей жизни, обращалъ пѣсни, исполненныя нѣжнаго воспоминанія, ослабѣвшаго потомъ, но сохранившаго способность возставать, при случаѣ, съ новой и большей силой. Кто не знаетъ этихъ чистыхъ созданій его лиры: *Подъ небомъ голубымъ страны своей родной* (1825), *О, если правда, что въ ночи* (1828), *Для береговъ отчизны дальней* (1830) [1]). Мы еще возвратимся къ

[1]) Спѣшимъ сказать, что со всѣми этими стихотвореніями не имѣетъ ничего общаго одно стихотвореніе Пушкина, гдѣ тоже говорится о югѣ Европы, объ Италіи, и всѣмъ ея чудесамъ противопоставляется вдохновенный образъ женщины, любующейся ими. Стихотвореніе это, начинающееся стихами: *Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ*, написано въ 1827 году, а сдѣлалось извѣстно только въ 1838-мъ, уже послѣ смерти автора. Въ рукописи оно носитъ двойной эпиграфъ, въ слѣдующемъ видѣ. Сперва написано Пушкинымъ: «Könnst du das Land.... Vilh. Meist,» вслѣдъ затѣмъ прибавлено:

«По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву.»

Эпиграфъ, кажется, объясняется извѣстнымъ въ свое время анекдотомъ: одна молодая русская путешественница, послѣ долгаго пребыванія за границей, сказала, что, по возвращеніи на родину, весьма обрадовалась *клюквѣ*. Пушкинъ намѣревался выразить въ стихотвореніи капризъ красавицы, но отдѣлалъ только поэтическую часть пьесы, соотвѣтствующую эпиграфу изъ В. Мейстера и не приступилъ даже ко второй ея половинѣ.... Пародія, мы увидимъ, не была въ его талантѣ и часто принимала у него серьезные, вдохновенные звуки, ей несвойственные.

Digitized by Google

нимъ, а здѣсь замѣтимъ, что отъ пребыванія его въ Кишиневѣ осталось еще воспоминаніе въ двухъ стихотвореніяхъ: *Гречанкѣ* (*Ты рождена воспламенять*) и *Иностранкѣ* (*На языкѣ твоѣ невнятномъ*). О первой Пушкинъ сберегъ замѣтку въ записяхъ своихъ, гдѣ назвалъ ее: «прелестной Гречанкой». Иностранка, имя которой тоже не сохранилось у насъ на Руси, замѣчательна еще особенной характеристической подробностью, касающеюся Пушкина. Послѣ двухъ-лѣтняго знакомства, она узнала, что Пушкинъ — поэтъ только по стихотворенію: *На языкѣ твоѣ не внятномъ*, вписанному въ ея альбомъ уже при разставаніи. — Что это значитъ? спросила она у Пушкина. «Повторите это заграницей любому Русскому и онъ вамъ скажетъ» отвѣчалъ Пушкинъ.

Дѣйствительно, никто такъ не боялся, особенно въ обществѣ, своего званія поэта, какъ Пушкинъ, о чемъ мы будемъ еще говорить подробнѣе. Онъ искалъ въ немъ успѣховъ совсѣмъ другаго рода. По мѣткому выраженію одного изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, «предметы его увлеченія могли мѣняться, но страсть оставалась при немъ одна и та же.» И онъ вносилъ страсть во всѣ свои привязанности и почти во всѣ сношенія съ людьми. Самый разговоръ его, въ спокойномъ состояніи духа, ничѣмъ не отличался отъ разговора всякаго образованнаго человѣка, но дѣлался блестящимъ и неудержимымъ потокомъ, какъ только прикасался къ какой-нибудь струнѣ его сердца или къ мысли, глубоко его занимавшей. Братъ Пушкина утверждаетъ, что бесѣда его въ подобныхъ случаяхъ была замѣчательна почти не менѣе его поэзіи. Особенно передъ слушательницами любилъ онъ расточать всю гибкость своего ума, все богатство своей природы. Онъ называлъ это, на обыкновенномъ насмѣшливомъ языкѣ своемъ, «кокетничаньемъ съ женщинами.» Вотъ почему, не смотря на извѣстную небрежность его костюма, на неправильныя, хотя и энергическія черты лица, Пушкинъ вселялъ такъ много привязанности въ сердцахъ, оставлялъ такъ много неизгладимыхъ воспоминаній въ душѣ.

Но тамъ, гдѣ дѣло шло о литературѣ и въ сношеніяхъ съ литераторами, не было человѣка строже и взыскательнѣе Пушкина. Онъ со вниманіемъ прочитывалъ все, что писали объ немъ свои и иностранные журналы. Надо видѣть изъ его переписки степень негодованія, какое испыталъ онъ, когда извѣстная его пьеса: *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда* напечатана была въ «Полярной Звѣздѣ 1824 года» съ тремя послѣдними стихами, исключенными авторомъ въ

Digitized by Google

рукописи своей. Онъ просто говоритъ, что его осрамили и прибавляетъ: «Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности». Несправедливо было и увѣреніе, что онъ не сердится за опечатки. Въ 1825 году писалъ онъ въ Петербургъ: «Надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, защищеніями etc. Однако поэмы мои скоро выдутъ. И онѣ мнѣ надоѣли. *Русланъ* — молокососъ; *Плѣнникъ* — зеленъ и предъ поэзіей Кавказской природы, поэма моя — Голиковская проза» [1]). Еще сильнѣйшій примѣръ оскорбленнаго авторскаго чувства подалъ Пушкинъ, когда въ той же «Полярной звѣздѣ» 1824 года» въ стихотвореніи: *Нереида* вмѣсто стиха:

«*Надъ ясной влагою полубогиня грудь,*»

было напечатано:

«*Какъ ясной влагою полубогиня грудь*»,

А въ стихотвореніи: *Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты*, стихъ, начинающійся: «*Съ боязнью* и мольбой. . . . » былъ замѣненъ: «*Съ болѣзнью* и мольбой. . . .» Пушкинъ тотчасъ же переслалъ обѣ пьесы въ другой журналъ (Литературные листки 1824, № IV), прося редактора о перепечатаніи: «Вы очень меня обяжете, говорилъ онъ, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отъ чего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе. Одесса 1-го февраля 1824». Замѣчательно, что Пушкинъ не достигъ своей цѣли. Въ Литературныхъ Листкахъ послѣдняя пьеса помѣщена была съ пропусками противъ редакціи альманаха, но такова была взыскательность поэта въ отношеніи своихъ произведеній и такъ онъ дорожилъ ими вообще.

Шумная жизнь Кишинева не могла обойтись безъ хлопотъ. При-

---

[1]) Продолженіе этой выдержки изъ письма отъ 3 декабря 1825 тоже прилагаемъ здѣсь: «Кстати: кто писалъ о Горцахъ въ Пчелѣ. Какая поэзія! Я. . . . ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ *былъ* на Кавказѣ, простреливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметьева. Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ — поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! Я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то.» Послѣднія слова Пушкина мы объясняемъ далѣе въ нашихъ матеріалахъ.

Digitized by Google

родная живость Пушкина, быстрота и ѣдкость его отвѣтовъ, откровенное удальство нажили ему много враговъ и иногда, по справедливости, возбуждали жалобы. Генералъ Иванъ Никитичъ Инзовъ отрывался отъ важныхъ занятій, чтобъ устроивать дѣла вѣтреннаго своего чиновника. Онъ разбиралъ его ссоры съ молдаванами; взыскивалъ за излишие-рѣзвыя продѣлки; наказывалъ домашнимъ арестомъ; приставлялъ часовыхъ къ его комнатѣ и посылалъ плѣннику книги и журналы, для развлеченія. Пушкинъ любилъ Инзова, какъ отца. О тогдашнихъ шалостяхъ кишиневской молодежи сохранилось въ городѣ нѣкоторое воспоминаніе и до-сихъ-поръ [1]). Замѣтимъ, что остроумная проказа всегда имѣла особенную прелесть для Пушкина даже и въ позднѣйшіе года жизни. Объ этой склонности къ замысловатой шуткѣ упоминаетъ и онъ самъ въ неизданныхъ строфахъ *Домика въ Коломнѣ.*

Но одни увлеченія страсти, однѣ выходки живаго ума, даже однѣ вспышки поэтическаго генія, не смотря на все ихъ значеніе, еще не могли составить окончательную форму жизни для человѣка, столь надѣленнаго природой, какъ Пушкинъ. Не для того готовился онъ самъ, не того хотѣли почитатели его таланта, безпрестанно требовавшіе отъ него дѣятельности и предрекавшіе ему славную будущность въ отечествѣ. Такіе вызовы сопровождали всѣ молодые его года. Изъ этихъ заботливыхъ напоминовеній, которыя Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, вплоть до 1830 года, самое замѣчательное намъ кажется то, выписку котораго приводимъ здѣсь въ переводѣ. Оно написано было по французски и уцѣлѣло въ его бумагахъ. Только къ Пушкину можно было обращаться съ подобными требованіями, только съ Пушкинымъ можно было такъ говорить. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему

---

[1]) Такъ, братъ поэта разсказываетъ въ своей запискѣ, что, однажды, оскорбясь замѣчаніемъ одной женщины, онъ потребовалъ отчета у мужа ея и на немъ вымѣстилъ обиду. Много и другихъ анекдотовъ отъ этой эпохи можно было бы собрать. Разъ, замѣтивъ привычку одной дамы сбрасывать съ ногъ башмаки за столомъ, онъ осторожно похитилъ ихъ и привелъ въ большое замѣшательство красивую владѣлицу ихъ, которая выпуталась изъ дѣла, однакожъ, съ великимъ присутствіемъ духа, и проч. и проч.

Digitized by Google

преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатаемъ. Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю объ васъ, а думаю я объ васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша [1].»

Поэма *Бахчисарайскій Фонтанъ*, задуманная въ 1821, конченная въ слѣдующемъ и напечатанная въ Москвѣ въ 1824 году, связана еще съ Тавридой по своимъ воспоминаніямъ. О происхожденіи ея мы будемъ говорить послѣ. Обращаясь къ стихотвореніямъ, написаннымъ въ Бессарабіи, мы легко увидимъ, какъ быстро росъ поэтическій геній Пушкина. 6-го апрѣля 1821 года написано было посланіе къ *Ч—у* («*Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ*»), которое по твердости кисти, мѣткости эпитетовъ и про-

---

[1]) Можетъ быть, на это письмо Пушкинъ отвѣчалъ стихами, первый оригиналъ которыхъ, весьма несовершенный, разумѣется, остался въ его бумагахъ:

«Ты правъ, мой другъ, — напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ, безпечныхъ Музъ удѣлъ
И наслажденье лѣнью сонной.

* * *

Я дружбу зналъ и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтренные годы,
Я вѣрилъ ей за чашей кругбвой
Въ часы веселій и свободы.

* * *

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

* * *

Но все пропало!.... рѣзвый нравъ....
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ.
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ Кавказскихъ каменѣетъ.

Пьеса еще продолжается у Пушкина, но разборъ становится невозможенъ. Замѣчательно, что послѣднее четверостишіе попало въ «Альбомъ Онѣгина».

Digitized by Google

стотѣ поэтическаго языка есть первообразъ знаменитаго посланія *Вельможѣ* (*«Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ»*). 18 іюля 1821 получено было въ Кишиневѣ извѣстіе о смерти Наполеона и породило ту превосходную лирическую пѣснь, которая посвящена его имени. Декабря 26, 1821, создано было стихотвореніе, порожденное другимъ именемъ—«*Овидіемъ*». Пушкинъ считалъ его лучшимъ своимъ произведеніемъ въ то время и предпочиталъ «*Наполеону*». Небольшое предисловіе къ нему и историческія замѣтки свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ приготовлялся къ нему чтеніемъ римскаго поэта. Между тѣмъ одинъ за другимъ слѣдовали тѣ художественно-спокойные образы, въ которыхъ уже очень полно отражается артистическая натура Пушкина: *Діонея*, *Дѣва*, *Муза* (*Въ младенчествѣ моемъ она меня любила*), *Желаніе* (*Кто видѣлъ край*), *Умолкну скоро я*, *М. А. Г.* Въ послѣднихъ двухъ глубокое чувство выразилось въ удивительно-величавой и спокойной формѣ, которая такъ поражаетъ и въ пьесѣ: *Примѣты* (*Старайся наблюдать различныя примѣты*), этомъ образцѣ сельской картины, гдѣ впервые проявилось *чувство* природы, такъ сильно развитое у него впослѣдствіи. Въ 1822 году написана была: *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*, которая, при появленіи своемъ, немногими была оцѣнена по достоинству. Ея лѣтописная простота, ея безъискусственный разсказъ, такъ свойственный легендѣ, были новостію и слишкомъ рѣзко отличались отъ кудрявыхъ и замысловатыхъ историческихъ стихотвореній эпохи, которыя не всегда отличались и историческою вѣрностію [1]). Въ томъ же году Пушкинъ на нѣсколько дней пропалъ изъ Кишинева. Онъ отправился въ

[1]) Такъ, напримѣръ, въ одной современной думѣ, Олеговъ щитъ имѣетъ гербъ Россіи. Пушкинъ замѣтилъ несообразность и писалъ: «Древній гербъ св. Георгій не могъ находиться на щитѣ язычника Олега. Новѣйшій двуглавый орелъ есть гербъ Византійской и принятъ у насъ во времена Іоанна III, не прежде. Лѣтопись просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды». Онъ вообще отзывался объ историческихъ стихотвореніяхъ той эпохи довольно строго: «Вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ на одинъ покрой (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго Русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ»..... «Милый мой, пишетъ Пушкинъ къ брату изъ Кишинева по поводу тѣхъ же стихотвореній—у васъ пишутъ, что «лучъ *денницы* проникалъ въ *полдень* въ темницу Хмѣльницкаго». Это не Х—ъ написалъ—вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ? Чего онъ смотритъ?» Черезъ нѣсколько времени Пушкинъ возвращается еще на свои замѣтки въ новомъ письмѣ къ брату: «Душа моя, говоритъ онъ, какъ перевесть по-русски bévues.

Digitized by Google

Измаилъ и на пути присталъ къ цыганскому табору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикой жизнью кочеваго племени. Онъ сохранилъ воспоминаніе объ этомъ путешествіи въ слѣдующей строфѣ эпилога къ Цыганамъ, не попавшей въ печать:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ;
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями . . . .
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Пушкинъ доходилъ тогда до самыхъ границъ имперіи. У насъ есть одинъ стихотворный отрывокъ, свидѣтельствующій это несомнѣнно и потому драгоцѣнный:

Воспоминаніемъ упоенный,
Съ благоговѣніемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ россіянъ
Не слава, даръ Екатеринѣ,
Не Задунайскій великанъ
Меня воспламеняютъ нынѣ....

Отлучки Пушкина изъ Кишинева не только не мѣшали вдохновенію и занятіямъ поэзіей, а напротивъ только возбуждали и множили ихъ.

Должно бы издавать у насъ журналъ: Revue des bévues. Мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ В—ва, полудневную денницу, гербъ Россійской на вратахъ византійскихъ (во время Олега герба русскаго не было: двухглавый орелъ есть гербъ Византійской и означаетъ раздѣленіе имперіи на восточную и западную....) Повѣришь, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найдти съ десятокъ этихъ bévues. Поговори объ этомъ съ нашими, да похлопочи о книгахъ»... Въ другой разъ онъ останавливается на стихотвореніи «Олимпійскія игры», напечатанномъ въ «Мнемозинѣ» 1825. Т. IV, и снова пишетъ къ брату: «Читалъ стихи и прозы К. — что за чудакъ! Только въ его голову могла войдти мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ — Славяно-Русскими стихами.... «Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ? Но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій?» Мы видимъ, что близкое знакомство не мѣшало Пушкину замѣчать погрѣшности пріятелей, но онъ не всегда ихъ высказывалъ на-чисто.

Digitized by Google

Въ Бессарабіи же написаны были: *Братья Разбойники* и набросаны первыя строфы *Евгенія Онѣгина*.... Если представимъ себѣ картину литературной дѣятельности этой въ полномъ ея объемѣ, то разнообразіе ея частей, особенный характеръ каждой подробности и самобытность нѣкоторыхъ изъ нихъ приведутъ невольно въ изумленіе какъ приводили они и современниковъ Пушкина.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Одесса. 1823—1824 г. Переѣздъ въ Одессу и потомъ увольненіе отъ службы. — Письмо къ брату отъ 23 августа 1823 съ выраженіемъ сожалѣнія о покидаемомъ Кишиневѣ. — Первая глава Онѣгина кончена 22 октября 1823 и зимой 1824 начаты Цыгане. — Лирическія стихотворенія въ сильно возбужденномъ состояніи духа. — Эстетическое чувство, умѣряющее всѣ порывы. — «Демонъ», его значеніе. — Письмо къ Дельвигу о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ съ первымъ извѣстіемъ объ «Онѣгинѣ». — Стремленіе собирать книги, изученіе Итальянскаго языка.— Итальянскіе эпиграфы къ Кавказскому Плѣннику, журналъ Греческой революціи. — Пушкинъ остепеняется. — Стихотворенье: «Къ морю», какъ прощанье съ старымъ Байроновскимъ направленіемъ. — Подробности о появленіи въ печати «Демона» и стиховъ: «Къ морю».

28 іюля 1823 года генералъ Иванъ Никитичъ Инзовъ сдалъ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора, которую исправлялъ съ іюля 1822 года, новому начальнику, графу М. С. Воронцову, уже славному подвигами въ Отечественную и Французскую кампаніи и который долженъ былъ дать новую жизнь краю, ввѣренному его управленію. Тогда же соединено было въ одной власти и управленіе Бессарабіей. Центромъ правительства сдѣлалась Одесса, куда переѣхалъ и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генералъ-губернатора. Нѣкоторое время онъ скучалъ по Кишиневу но, пестрое разноплеменное народонаселеніе Одессы, ея театры, французскія ресторации, море, ее омывающее и приносившее толпы иностранцевъ вмѣстѣ съ товарами и съ извѣстіями изъ Европы, вскорѣ помирили его съ новымъ мѣстопребываніемъ. Впрочемъ, усложнившаяся администрація края требовала особенной дѣятельности чиновниковъ, въ ней числившихся, а Пушкинъ, по роду своихъ занятій, мало былъ способенъ къ ней. Почти ровно черезъ годъ, 8 іюля 1824 года, уволенъ онъ былъ вовсе отъ службы, а 11-го того же іюля переведенъ на жительство въ Псковскую губернію, въ имѣніе своей матери, извѣстное Михайловское.

Digitized by Google

Мы имѣемъ письмо Пушкина изъ Одессы къ брату отъ 26 августа 1823 года. Изъ содержанія его видно, что Пушкинъ былъ въ Одессѣ еще тремя мѣсяцами ранѣе своего перечисленія на службу въ этотъ городъ, подобно тому, какъ онъ посѣтилъ его два года тому назадъ. Въ послѣдній разъ, однакоже, онъ узналъ о новомъ своемъ назначеніи, вернулся на нѣсколько дней въ Кишиневъ проститься съ особами, дорогими его сердцу, и затѣмъ уже покинулъ его совсѣмъ. «Мнѣ хочется, душа моя, говоритъ онъ, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло. Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ. Я насилу упросилъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторація и Италліанская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ... перехожу на службу и остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо, да новая печаль сжала мнѣ грудь. Мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ... Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхалъ оттдуа навсегда. О Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ театра.» Письмо это кончается требованіемъ денегъ отъ брата, въ которыхъ поэтъ нуждался почти весь вѣкъ свой. Весьма оригинально объясняетъ онъ причины скудости: «Жить перомъ мнѣ невозможно.... Ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти, хотя знаю законъ и четыре первыя правила...» Онъ заключаетъ его словами: «Прощай, душа моя, у меня хандра и это письмо не развеселило меня.»

22 октября 1823 кончена была въ Одессѣ первая глава *Онѣгина*, начатая въ Бессарабіи, въ маѣ. Осенній мѣсяцъ тутъ имѣетъ свое значеніе. Извѣстно, что осень была временемъ особеннаго развитія его творческой дѣятельности вообще. Она приносила ему нравственное спокойствіе, равновѣсіе всѣхъ силъ, необыкновенную бодрость мысли. На сѣверѣ онъ радовался туманной и дождливой осени и боялся сухой и свѣтлой, какъ предательницы, которая влечетъ къ прогулкамъ и разсѣянности. Южная осень съ ея чистымъ небомъ и освѣжительно-теплымъ воздухомъ заставляла его прибѣгать къ хитрости. Онъ вставалъ рано и, не покидая постели, писалъ нѣсколько часовъ безъ отдыха. Пріятели заставали его часто или въ задумчивости, или помирающаго со смѣха надъ строфами Евгенія Онѣгина. Такъ написаны были три главы этого романа и зимой 1824 г. начаты *Цыганы*.

Digitized by Google

Лирическія стихотворенія, писанныя въ Одессѣ, пріобрѣтаютъ новый оттѣнокъ. Вмѣсто прежнихъ обдуманныхъ и, потому, спокойныхъ созданій, являются такія, какъ *Ненастный день потухъ*, *Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты*, *Коварность*, исполненныя бурь сердца, сомнѣній страсти и сильнаго драматическаго движенія. Они вылились изъ подъ пера того человѣка, который въ мученіяхъ ревности и досады могъ пробѣжать пять верстъ безъ шляпы, по палящему жару въ 35°, какъ это разъ случилось съ Пушкинымъ въ Одессѣ. Но мы обязаны сдѣлать замѣтку, весьма важную для опредѣленія общаго характера его. Какъ ни великолѣпенъ еще этотъ ураганъ уязвленнаго сердца въ поэтическомъ своемъ направленіи, но здѣсь, какъ и всегда у Пушкина, порывы его умѣряются требованіями искусства и выраженіе его столь же изящно, какъ и выраженіе задумчивости и граціозныхъ образовъ въ другихъ произведеніяхъ поэта. Вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ будто поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагораживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жесткаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть еще долгое время. Вотъ почему Пушкинъ могъ выходить изъ всѣхъ порывовъ еще свѣжѣе прежняго, и вотъ почему въ теченіе всей его жизни мы не видимъ, чтобы онъ остановился на какомъ нибудь исключительномъ направленіи и окаменѣлъ въ какомъ нибудь любимомъ представленіи. Въ Одессѣ, напримѣръ, написалъ онъ своего *Демона*,—этотъ неопредѣленный образъ существа, произвольно и безъ права старающагося заслонить Божій свѣтъ отъ другихъ. При появленіи своемъ въ 1823 году, пьеса породила живѣйшій восторгъ. Одинъ журналъ, въ Москвѣ, хотѣлъ посвятить ей цѣлую статью, но не сдержалъ обѣщаніе; другой, въ Петербургѣ, называя произведеніе геніальнымъ, искалъ объясненія ему въ дѣйствительномъ существованіи подобнаго характера. Но всего замѣчательнѣе, что Пушкинъ истощилъ всю идею въ одномъ произведеніи—и болѣе къ ней уже не возвращался, не смотря на общія похвалы [1]). Такъ изъ произведенія, относительно-превосходнаго,

[1]) Можно замѣтить послѣдній отголосокъ идеи, породившей *Демона* въ стихотвореніи, принадлежащемъ къ 1827 г: *Ангелъ* (*Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный*); но здѣсь уже представленіе смягчается подъ дѣйствіемъ жизни и, можетъ быть, личнаго опыта. Кстати прилагаемъ письмо Пушкина изъ Одессы

Digitized by Google

вышелъ онъ не въ подчиненности къ нему, а напротивъ съ другимъ и болѣе обширнымъ взглядомъ на міръ—процессъ безпрестанно повторявшійся и оправдывающій мнѣніе тѣхъ людей, которые поэзію Пушкина считаютъ, по преимуществу, существенною, реальною, приносящею съ собою бодрость для духа и свѣжесть для мысли.

Къ этой же эпохѣ относится возникшее стремленіе Пушкина собирать книги, которое заставило его сказать такъ живописно, что онъ походитъ на стекольщика, разоряющагося на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Большая часть его денегъ уходила этимъ путемъ, и превосходная библіотека, оставленная имъ послѣ смерти, свидѣтельствуетъ теперь о разнообразіи и основательности его чтенія. Пушкинъ успѣлъ выучиться на югѣ по англійски и по итальянски — и много читалъ на обоихъ языкахъ. *Кавказскій Плѣнникъ* украшенъ въ рукописи эпиграфомъ изъ Циндемонте [1]) и Нѣмецкимъ: Gieb

---

къ Дельвигу, замѣчательное, между прочимъ, и тѣмъ, что тутъ впервые упоминаетъ онъ о *Ев. Онѣгинѣ*: «Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнью лицейскою — слава и благодареніе за то тебѣ и моему П.! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по-Азіятски, нечитая вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты, прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностью за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь вашихъ стиховъ, только ихъ получу, заколю агнца и украшу цвѣтами свой шалашъ, хоть Б. находитъ это слишкомъ сладострастнымъ.... Ты просишь *Бахчисарайскаго Фонтана*. Онъ на дняхъ отосланъ Вяземскому: это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь и все таки похвалишь. *Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нельзя.* Б. ее не увидитъ за то, что онъ фи — дитя, блажное дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочтемъ ее вмѣстѣ. Скучно, моя радость. Если-бъ хоть братъ, Левъ, прискакалъ ко мнѣ въ Одессу. Гдѣ онъ? Что онъ? Ничего не знаю... Правда ли, что къ вамъ ѣдетъ Россини и Италіянская опера? Боже мой! Умру съ тоски и зависти. 16-го ноября. Вели прислать мнѣ нѣмецкаго *Плѣнника*.»

[1])
Oh felice que mai non pose il piede
Fuori della natia sua dolce terre:
Egli il cor non lascio fitto in oggetti,
Che di più riveder non ha speranza, etc.

«О, счастливъ, кто никогда не переступалъ за границу священней земли собственнаго отечества: сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ нѣтъ ему надежды увидѣть снова».

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ замѣчаетъ, что вмѣстѣ съ итальянскимъ языкомъ, сынъ его учился и по-испански.

Digitized by Google

miene Jugend mir zurük, изъ Гёте. Кромѣ своихъ обычныхъ занятій, онъ еще слѣдилъ за ходомъ греческаго возрожденія, которому велъ журналъ, и мысль его была въ постоянной дѣятельности, даже и тогда, какъ жаркія лирическія произведенія свидѣтельствовали о самомъ возбужденномъ состояніи его духа. Къ концу пребыванія поэта въ Одессѣ, знакомые его замѣтили нѣкоторую осторожность въ сужденіяхъ, осмотрительность въ принятіи мнѣній. Первый пылъ молодости пропалъ: Пушкину было уже 25 лѣтъ.

Въ началѣ осени 1824 года, Пушкинъ простился съ южнымъ краемъ Россіи чуднымъ своимъ стихотвореніемъ *Къ морю*:

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой [1]).

Этимъ же стихотреніемъ прощался онъ и съ *властителемъ своихъ думъ* — Байрономъ, посвящая ему, на разставаньи, послѣднюю дань удивленія, послѣднюю свою пѣснь. Другое направленіе, другое развитіе ожидали его въ Михайловскомъ.

---

[1]) Стихотвореніе: *Къ морю* напечатано было впервые въ альманахѣ «Мнемозина» 1824 г., Москва, часть IV, и сопровождалось любопытнымъ примѣчаніемъ издателей. При стихѣ: «Міръ опустѣлъ», который въ альманахѣ не имѣлъ окончанія, сдѣлана выноска: «Въ семъ мѣстѣ авторъ поставилъ три съ половиною строки точекъ. Издателямъ сіе стихотвореніе доставлено кн. П. А. Вяземскимъ и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера самаго Пушкина. Нѣкоторые списки онаго, ходящіе по городу, искажены нелѣпыми прибавленіями. *Изд.*» Видно, что и эта пьеса не избѣгла участи многихъ другихъ стихотвореній поэта. Между прочимъ, она вошла въ составъ изданій 1826 г. и 1829, съ нѣкоторыми измѣненіями, не смотря на то, что въ альманахѣ печаталось съ Пушкинскаго подлинника (См. примѣчанія наши къ стихотворенію). Кстати скажемъ, что въ томъ же альманахѣ — журналѣ Мнемозина только въ III части (1824 г.) помѣщено было и стихотвореніе: *Демонъ*, но съ такими ошибками, что Пушкинъ перепечаталъ его въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ и писалъ къ брату изъ деревни: Нестыдно ли К—* напечатать ошибочно моего Демона! Моего Демона!.... Не давать ему за то ни *Моря*, ни *капли* стиховъ отъ меня....» Однакоже Море было дано: поэтъ, видно, умилостивился надъ пріятелемъ.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Обозрѣніе поэмъ Пушкина, созданныхъ съ 1821 по 1824 г.: «Кавказскій Плѣнникъ», два письма Пушкина о недостаткахъ поэмы. — Неизданные стихи изъ предисловія поэмы. — Стихотворенія: «Демонъ», «Я пережилъ свои желанья», какъ части однороднаго созерцанья. — Журнальная критика. — Извѣстія о стихотвореніи «Мстислава древній поединокъ» и о поэмѣ «Владиміръ». — Журнальная прицѣпка къ стихамъ его. — «Бахчисарайскій Фонтанъ». — Вліяніе Байрона и значеніе его въ жизни поэта вообще. — Сочувствіе Пушкина къ А. Шенье и малое расположеніе къ Ламартину. — Происхожденіе «Бахчисарайскаго Фонтана» объясняетъ господствующій тонъ въ поэмѣ. — Письмо Пушкина къ Бестужеву съ жалобой на самовольную припечатку выпущенныхъ стиховъ и съ разборомъ произведеній, помѣщенныхъ въ Полярной Звѣздѣ 1824 г. — Стихотвореніе: «Печаленъ будетъ мой разсказъ». — Отсутствіе изнѣженности въ стихѣ поэмы. — Изданіе ея. — Почему «Кавказскій Плѣнникъ» не могъ быть изданъ своевременно во второй разъ. — Предисловіе кн. Вяземскаго къ «Бахчисарайскому Фонтану» и полемика, возгорѣвшаяся по поводу его. — Письмо Пушкина въ редакцію Сына Отечества съ заявленіемъ своего сочувствія къ мыслямъ кн. Вяземскаго о романтизмѣ. — Пренія о классицизмѣ и романтизмѣ. — «Мнемозина» кн. Одоевскаго объ элегіяхъ. — Сбивчивость понятій. — Пушкинъ принужденъ толковать свои созданія.—Его объясненія «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ», «1-й главы Онѣгина», опроверженіе мысли, что въ стихахъ стихи не главное. — Замѣтка Пушкина о Жуковскомъ. — Отношенія Пушкина къ обѣимъ враждующимъ партіямъ. — Какъ понималъ Пушкинъ классицизмъ и романтизмъ въ собственной мысли.— Слова его объ этомъ предметѣ и различеніе произведеній по формѣ. — Неспособность его къ теоретическимъ тонкостямъ. — Пушкинъ часто разумѣетъ подъ романтизмомъ творчество и творческое созданіе.— Идеи Пушкина о классической трагедіи.— Сужденіе Пушкина о переводѣ «Федры» Лобановымъ и о Расинѣ вообще изъ письма 1825 года. — «Братья Разбойники». —Стихотворенія: «Сонъ» и «Два Путника», какъ части новой поэмы: «Вадимъ».

Остановимся здѣсь на минуту — и сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ на всѣ поэмы, созданныя Пушкинымъ въ этотъ четырехлѣтній промежутокъ времени, столь обильный разнородными впечатлѣніями, столь плодовитый въ литературномъ отношеніи. Любопытно видѣть тайну ихъ происхожденія, значеніе, которое придавала имъ публика,

Digitized by Google

и критическія убѣжденія самого автора, вызванныя толками и сужденіями объ нихъ.

Поэма: *Кавказскій Плѣнникъ* была первымъ опытомъ Пушкина создать характеръ и опытомъ, какъ извѣстно, не вполнѣ удачнымъ. Замѣчательно, что первый, открывшій это, былъ самъ Пушкинъ. Вотъ что писалъ онъ издателю поэмы, въ то время, какъ едва успѣли остыть чернила на его рукописи: «Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно — такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ Черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости Горцевъ и къ прелестямъ Кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего Русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ — всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во-первыхъ, отъ лѣни; во-вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, какъ обѣ части поэмы были уже кончены, а съизнова начинать не имѣлъ я духа.... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ *Кавказскаго Плѣнника*, но, признаюсь, люблю его, не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца... [1])».

Другое письмо Пушкина о томъ же предметѣ къ одному изъ друзей, В. П. Г—ву, не менѣе замѣчательно въ своей простодушной откровенности:

«Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. За чѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что *я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія*. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души,

[1]) Съ черноваго письма къ Н. И. Гнѣдичу, оставшагося въ бумагахъ Пушкина.

Digitized by Google

которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать *Черкешенкой* — я объ этомъ не подумалъ.

«Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана — хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай, моя радость [1])».

Любопытно слѣдить за самыми усиліями Пушкина пояснить характеръ, еще смутно представлявшійся его воображенію. Эти слѣды работающей фантазіи, эта борьба съ образомъ, безпрестанно исчезающимъ подъ рукой, особенно поучительны въ будущемъ образцовомъ писателѣ. Надо сказать, что само посвященіе поэмы еще составляетъ какъ-будто ея продолженіе по тону и разработкѣ своей. Въ немъ та же мысль и тотъ же образъ, только приложенный къ самому автору. Вотъ стихи изъ посвященія, не попавшіе въ печать, но порожденные именно стремленіемъ автора овладѣть поэтическимъ призракомъ и дать ему жизнь и форму. Они приложены были самимъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Г—ву, приведенномъ выше:

«Когда я погибалъ безвинный, безотрадный
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили,—
Я близъ тебя....

* * *

Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но сердце укрѣпивъ надеждой и терпѣньемъ...

Переходя къ рукописи, мы видимъ то же самое усиліе овладѣть характеромъ Плѣнника. Послѣ стиха: *Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ*, Пушкинъ начинаетъ ближе всматриваться въ физіогномію героя, но

[1]) Есть еще и третья замѣтка Пушкина о Кавказскомъ Плѣнникѣ въ письмѣ его къ брату изъ Кишинева, отъ 6 октября 1823 года. «Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой Плѣнникъ? Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера Плѣнника: онъ для нихъ созданъ. Душа моя! я журналовъ не получаю; — такъ потрудись, напиши ихъ толки, не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей....»

Digitized by Google

бросаетъ трудъ на четвертомъ стихѣ... Четверостишіе это, разумѣется, и не попало въ печать:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ—
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ;

далѣе, послѣ стиха: *И упоительнымъ мечтамъ*, является новая попытка въ томъ же родѣ и опять бросается авторомъ на первыхъ четырехъ стихахъ:

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ....

Не нужно и прибавлять, что это четверостишіе составило, въ превосходномъ измѣненіи, начальные стихи пьесы: *Демонъ*, которая, слѣдовательно, уже является намъ осколкомъ неудавшагося образа. Замѣчательно, что даже извѣстная пьеса:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты—
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты и проч.

принадлежала цѣликомъ поэмѣ, назначаясь, какъ и всѣ прежнія черты, для портрета главнаго дѣйствующаго лица. Даже отъятая отъ нея, она еще носитъ въ рукописи заглавіе: «Элегія (изъ поэмы: «*Кавказъ*»). Столькихъ напряженій, пробъ кисти, попытокъ стоилъ Пушкину первый серьезный характеръ, на которомъ онъ остановилъ свое вниманіе.

Недостатки поэмы были такъ зорко опредѣлены самимъ авторомъ, что критикѣ оставалось только развивать его собственныя указанія. Это было сдѣлано рецензентомъ Сына Отечества (часть LXXXII, 1823), повидимому весьма хорошо знавшимъ мнѣніе Пушкина о своемъ произведеніи. Въ разборѣ довольно важно для біографіи извѣстіе, что Пушкинъ, кромѣ стихотворенія: *Мстислава древній поединокъ*, обѣщаннаго въ эпилогѣ самаго Кавказскаго Плѣнника, пишетъ еще поэму: *Владиміръ*. Посѣщеніе Кіева должно было оставить свою поэтическую замѣтку въ жизни Пушкина; но онъ обманул

Digitized by Google

данія. Вмѣсто «Мстиславова поединка», онъ написалъ *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ* и, вмѣсто «Владиміра», началъ драматическую хронику— *Борисъ Годуновъ*.

Величавая картина Кавказа, переданная Пушкинымъ съ такой поэтической вѣрностью и вмѣстѣ съ такой простотой, изумила самихъ противниковъ его. Они отозвались умѣренно о новомъ произведеніи... Героизмъ черкешенки, не шумный, но удивительно благородный и нѣжный, привелъ публику въ восторгъ. Подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія, критика молчала. Дѣло ограничилось нѣсколькими совѣтами, какъ измѣнить характеръ Плѣнника для вящшей его пользы и потомъ указаніями на неправильныя выраженія. Этотъ послѣдній отдѣлъ критики всегда обращалъ на себя вниманіе Пушкина. Онъ собиралъ грамматическія и синтаксическія замѣтки и часто удостоивалъ ихъ опроверженій, даже въ примѣчаніяхъ къ своимъ поэмамъ при вторичнихъ изданіяхъ. До 1830 года Пушкинъ постоянно умалчивалъ о всѣхъ другихъ требованіяхъ критики. Происходило ли это отъ его безпрерывнаго изученія русской рѣчи, или отъ лукаваго желанія показать степень вкуса и познаній у рецензентовъ—только онъ составлялъ для себя коллекцію филологическихъ странностей нашей критики весьма тщательно, хотя далеко не исчерпалъ своего предмета. Многое было имъ забыто, многое онъ оставилъ безъ вниманія. Такъ пропущены были и слѣдующія поправки одного журнала при стихахъ:

Передъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой.

«Пелена употребляется болѣе въ отношеніи къ тому, что подъ нею находится».

Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины.

«Слова разставлены, кажется, не ясно.»

Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины,

«Не лучше ли покрылись? Иначе горъ не будетъ видно...» и проч. (Вѣстникъ Европы 1823, № 1).

Семь лѣтъ спустя послѣ перваго появленія «Кавказскаго Плѣнника», Пушкинъ сказалъ про него: «Все это слабо, молодо, неполно,

Digitized by Google

но многое угадано и выражено вѣрно.» Это было повтореніемъ того, что онъ говорилъ о немъ на другой день, такъ сказать, его рожденія.

При разборѣ *Бахчисарайскаго Фонтана*, къ которому теперь переходимъ, уже много было толковъ о вліяніи Байрона на нашего поэта. Дѣйствительно, лице Гирея, какъ и лице Кавказскаго Плѣнника, носятъ признаки родства съ обычными героями Байрона, хотя, при нѣкоторомъ вниманіи, можно легко замѣтить, какъ проглядываетъ сквозь подражаніе собственная, творческая способность шего автора, со всѣми условіями жизни и мѣстныхъ требованій, въ которыхъ заключалась. Чуждый обликъ, невольно положенный на оба характера, объясняется постояннымъ чтеніемъ Байрона, которому предался Пушкинъ въ это время.

Люди, слѣдившіе вблизи за постепеннымъ освобожденіемъ природнаго генія въ Пушкинѣ, очень хорошо знаютъ, почему такъ охотно и съ такой радостью преклонился онъ предъ британскимъ поэтомъ. Байронъ былъ указателемъ пути, открывавшимъ ему весьма дальную дорогу и выведшимъ его изъ того французскаго направленія, подъ которымъ онъ находился въ первые года своей дѣятельности. Разумѣется, все, что впослѣдствіи говорено было объ общей настроенности вѣка, о духѣ европейскихъ литературъ, имѣло свою долю истины; но ближайшая причина байроновскаго вліянія на Пушкина состояла въ томъ, что онъ одинъ могъ ему представить современный образецъ творчества. По-нѣмецки Пушкинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсъ оставался на сторонѣ британскаго лирика. Въ немъ почерпнулъ онъ уваженіе къ образамъ собственной фантазіи, на которые прежде смотрѣлъ легко и поверхностно, въ немъ научился художественному труду и пониманію себя. Байронъ вложилъ могущественный инструментъ въ его руки: Пушкинъ извлекъ имъ впослѣдствіи изъ міра поэзіи образы, ни сколько не похожіе на любимыя представленія учителя. Послѣ трехъ лѣтъ родственнаго знакомства, направленіе и пріемы Байрона совсѣмъ пропадаютъ въ Пушкинѣ; остается одна крѣпость развившагося таланта: обыкновенный результатъ сношеній между истинными поэтами! Нельзя сказать даже, чтобы одинъ Байронъ исключительно присутствовалъ при этомъ процессѣ развитія художническихъ силъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ, въ эту эпоху, А. Шенье, которымъ Пушкинъ восхищался почти столько же, сколько и первымъ. Пушкинъ прежде всѣхъ въ Россіи заговорилъ объ А. Шенье, и, конечно, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, вполнѣ угадалъ прелесть его нѣжныхъ произведеній, осо-

Digitized by Google

бенно антологическихъ, гдѣ обычное щегольство его замѣнено истиннымъ изяществомъ. Слѣдуетъ вспомнить, что въ шумѣ, который производили тогда элегіи Ламартина, одно это обстоятельство показываетъ, какъ мало подчинялся Пушкинъ вообще шуму, хотя бы онъ шелъ издалека. Нѣкоторые изъ пріятелей его печатали и писали ему о Ламартинѣ съ жаромъ убѣжденія, не находя въ немъ, однакожъ, ни малѣйшаго отголоска на все ихъ увлеченіе. Можно сказать съ достовѣрностью, что очень долгое время Пушкинъ восхищался у насъ произведеніями А. Шенье совершенно уединенно. Совсѣмъ тѣмъ, и Байронъ, и Шенье играли одинаковую роль въ жизни нашего поэта: это были помѣтки его собственнаго, прибывающаго таланта; ступени, по которымъ онъ восходилъ къ полному проявленію своего генія.

Всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ литературу нашу, слились при появленіи «Бахчисарайскаго Фонтана» въ одну похвалу неслыханной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма. Въ ней видѣли торжество русскаго языка, и только дальнѣйшее развитіе автора показало, что русскій стихъ еще болѣе можетъ быть усовершенствованъ. Критика ограничилась робкой замѣткой о недостаткѣ движенія, хода въ новомъ созданіи. (Сынъ Отечества 1824, часть XCII). Происхожденіе поэмы достаточно объясняетъ ея сжатость и почти анекдотическую форму. Пушкинъ просто переложилъ въ стихи разсказъ одной прелестной женщины. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ изъ Тавриды, онъ говоритъ при первомъ посѣщеніи Бахчисарая: «Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes». Позднѣе, онъ писалъ изъ Одессы: «Радуюсь, что мой фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны [1]). Деньги пришли къ Пушкину. Поэма напеча-

[1]) Послѣднія строки Пушкина извлечены изъ журнала Ѳ. В. Булгарина «Литературные листки» (1824, № IV), гдѣ они помѣщены были въ объявленіи о скоромъ выходѣ поэмы. Они составляли часть большаго письма Пушкина къ одному изъ своихъ друзей, которое здѣсь приводимъ вполнѣ.

Digitized by Google

тана была въ Москвѣ, въ 1824 году, княземъ Вяземскимъ, и все изданіе куплено потомъ обществомъ книгопродавцевъ за 3000 р. асиг.

Въ бумагахъ Пушкина есть неизданное стихотвореніе, которое сперва назначено было служить вступленіемъ къ поэмѣ. Откинутое при окончательной переправкѣ и совсѣмъ забытое впослѣдствіи, оно подтверждаетъ свидѣтельство письма о происхожденіи поэмы.

Письмо было получено въ Петербургѣ вскорѣ послѣ выхода альманаха «Полярная Звѣзда» 1824 и содержитъ еще бѣглую оцѣнку произведеній, тамъ напечатанныхъ, именно повѣсти: «Замокъ Нейгаузенъ», статьи Корниловича: «Объ увеселеніяхъ Русскаго Двора при Петрѣ I-мъ», статьи: «Объ удовольствіяхъ на морѣ», Арабской сказки г. Сенковскаго: «Витязь буланаго коня», мадригала Родзянки: «Къ милой», гдѣ были стихи:

Вчера, сегодня, безпрестанно
Люблю—и мыслю о тебѣ,

и наконецъ стихотворенія Плетнева: Родина. Въ этомъ же письмѣ есть въ концѣ намекъ о новой поэмѣ Пушкина, именно о Ев. Онѣгинѣ.

«Ты не получилъ видно письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ «Полярной Звѣздѣ» скажу, что она не въ-примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ: но зачѣмъ пишетъ онъ *«для снисходительнаго вниманія»*, *Милостивый Государь NN»*, и ожидаетъ *«одобрительной улыбки прекраснаго пола»* для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ. Все это старо, ненужно, и слишкомъ пахнетъ Шаликовскою невинностію. Булгаринъ говоритъ, что Н. Б. отличается новостію мыслей, можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово *мысли*. Арабская сказка—прелесть. Между поэтами не вижу Гнѣдича,—это досадно: нѣтъ и Языкова—и его жаль. *«Вчера люблю и мыслю»* помѣстятъ со временемъ въ грамматику, для примѣра безсмыслицы. Плетнева «Родина» хороша, Баратынскій—чудо, мои пьесы плохи. Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve....

«Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны.

«Третій пунктъ и самый нужный съ эпиграфомъ безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то незабудь моихъ отношеній съ ***. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же я обѣщалъ К., которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ. Объ моей поэмѣ нечего и думать. Если когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощай, поклонъ Р, обними Дельвига, брата и братью».

Кстати сказать: чувствительныя сртоки, какъ называлъ Пушкинъ отрывокъ изъ

Digitized by Google

Печаленъ будетъ мой разсказъ!
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я въ шумѣ радостномъ унылъ—
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
Веселье—тихою тоской,
Печаль—восторгомъ упоенья.

Поэтическая передача разсказа должна была, какъ легко понять, упустить изъ вида развитіе драмы и только сохранить тонъ и живость впечатлѣнія, которыми пораженъ былъ самъ поэтъ—слушатель. И дѣйствительно, въ поэмѣ существенное одно: стихи и благоуханіе женскаго чувства, которымъ она проникнута отъ начала до конца. Кстати замѣтить, что поэма сперва называлась *Гаремомъ*, но «меланхолическій эпиграфъ (который конечно лучше всей поэмы), говоритъ авторъ въ запискахъ своихъ, соблазнилъ меня». Этотъ эпиграфъ, еще находившійся при второмъ изданіи поэмы въ 1827 году, былъ изъ Сади: «Многіе, также какъ и я, посѣщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече [1]).»

этого письма, напечатанный въ «Литературныхъ Листкахъ», также точно огорчили Пушкина, при видѣ ихъ въ печати, какъ прежде опубликованіе трехъ стиховъ въ элегіи: «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда». «Вообрази мое отчаяніе, писалъ онъ по этому поводу, когда увидѣлъ ихъ напечатанными,—журналъ можетъ попасть въ ея руки. Чтожъ она подумаетъ, видя съ какой охотой я бесѣдую, объ ней съ однимъ изъ Петербургскихъ моихъ пріятелей... Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ...» Въ первое время онъ готовъ былъ требовать объясненія, но вскорѣ предалъ забвенію всю эту нескромность журналистики и даже прибавлялъ въ письмѣ къ брату изъ Одессы, отъ 13-го іюня 1824 года, чтобъ онъ оставилъ все дѣло безъ вниманія, изъ уваженія къ самому себѣ.

[1]) *Кавказскій Плѣнникъ*, появившійся въ 1822 году, издавался потомъ 4 раза: въ 1824, 28, 36 гг. и въ полномъ посмертномъ собраніи сочиненій въ 1838 г. *Бахчисарайскій Фонтанъ* имѣлъ тоже 4 изданія, кромѣ перваго, именно въ 1827, 30, 35 гг. и въ полномъ посмертномъ собраніи. Въ 1824 году появился между прочимъ, нѣмецкій переводъ «Кавказскаго Плѣнника, къ которому, для сличенія, приложенъ былъ весь русскій подлинникъ *цѣликомъ*. Библіографы (См. Роспись книгамъ изъ библіотеки Смирдина) считаютъ этотъ переводъ новымъ изданіемъ «Кавказскаго Плѣнника», хотя настоящаго изданія его отъ автора въ 1824 году и не было. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкій переводъ съ его *при-*

Digitized by Google

По поводу Бахчисарайскаго Фонтана остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Пушкинъ былъ мужественъ во всѣхъ чувствахъ своихъ. Онъ также мало способенъ былъ къ нѣжничанью и къ игрѣ съ ощущеніями, какъ, наоборотъ, легко подчинялся настоящей страсти. Мы знаемъ, что онъ совѣтовалъ людямъ, близкимъ его сердцу, скорѣе отдѣлываться отъ неопредѣленныхъ томленій души, выходить на прямую дорогу и назначать цѣль своимъ стремленіямъ. Тоже требованіе бодрости и силы, которое присущно ему было по натурѣ, перенесъ онъ и на самый языкъ впослѣдствіи. Всякій согласится, что въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, не смотря на всю его нѣгу, нѣтъ ничего изнѣженнаго, вымученнаго и слабосильнаго. По случаю перемѣны одного прилагательнаго въ стихѣ, казавшагося слишкомъ смѣлымъ,—Пушкинъ писалъ къ издателю: «Я не люблю видѣть въ гордомъ первобытномъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности; сила и простота болѣе пристали ему: проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, а по привычкѣ—пишу иначе [1]).» Впослѣдствіи, онъ совѣтовалъ учиться русскому языку у старыхъ московскихъ барынь, которыя никогда не замѣняютъ энергическихъ фразъ: я была въ дѣвкахъ, лечилась и т. п. жеманными фразами: я была въ дѣвицахъ, меня пользовалъ и проч. Въ запискахъ своихъ онъ насмѣшливо совѣтуетъ русскимъ литераторамъ прислушиваться даже къ разговору московскихъ просвирень: Пушкинъ не замедлилъ самъ представить образцы сжатаго и сильнаго русскаго слова, котораго искалъ уже съ начала своего поприща.

Нельзя пройти молчаніемъ полемики, возбужденной предисловіемъ кн. Вяземскаго къ поэмѣ. Статья кн. Вяземскаго подъ названіемъ: «*Вмѣсто предисловія. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборской стороны или Васильевскаго острова*», помѣщенная передъ поэмой, заключала какъ бы напередъ опроверженіе всѣхъ критикъ классической партіи, имѣвшей тогда еще у насъ сильныхъ представителей [2]). Будто предугадывая возраженія ихъ, авторъ статьи

ложеніями сдѣлалъ невозможнымъ всякую попытку такого рода. Пушкинъ былъ огорченъ, жаловался на нарушеніе авторскихъ правъ своихъ и переписывался объ этомъ съ друзьями въ весьма сердитомъ расположеніи духа. Настоящее 2-е изданіе поэмы напечатано только въ 1828.

[1]) Въ первомъ изданіи поэмы стихъ: «*Твоихъ язвительныхъ лобзаній*» былъ замѣненъ стихомъ: *Твоихъ пронзительныхъ лобзаній.*

[2]) Въ самомъ заглавіи статьи, написанной вообще очень остроумно, заключался колкій намекъ. Чтобы понять его, надо вспомнить о многочисленныхъ

Digitized by Google

говорилъ, что настоящее *движеніе* поэмы—находится въ рѣчи, въ теченіи ея разсказа; что въ описаніяхъ ея есть поэтическая ясность и опредѣленность, и что довольно видѣть красивое зданіе, а не разбирать его ростовъ. Существеннѣйшій отдѣлъ статьи, однако, состоялъ въ ея взглядѣ на романтизмъ. Авторъ видимо полагалъ его въ соблюденіи *мѣстныхъ красокъ, couleur locale*, тогда сильно прославляемомъ современными французскими эстетиками.

«Отпечатокъ народности, мѣстности, говорилъ издатель поэмы отъ своего лица въ статьѣ,—вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное, существеннѣйшее достоинство древнихъ и утверждаетъ ихъ права на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Исторіи своей указалъ на Катулла въ числѣ источниковъ и упомянулъ о немъ въ характеристикѣ того времени». Выслушавъ замѣчаніе антиромантика, что такимъ образомъ, пожалуй, и Омеръ съ Виргиліемъ попадутъ въ романтики, издатель поэмы отвѣчаетъ еще рѣшительнѣе. «Назовите ихъ какъ хотите, но нѣтъ сомнѣнія, что Омеръ, Горацій, Эсхилъ имѣютъ гораздо болѣе сходства и соотношеній съ главами романтической школы, нежели съ своими холодными рабскими послѣдователями, кои силятся быть греками и римлянами заднимъ числомъ». Нѣсколько сжатое изложеніе сообщило этой мысли, въ сущности справедливой, видъ софизма, но уже дѣйствительный софизмъ представляло другое положеніе автора, особенно возбудившее распрю. Онъ говорилъ именно, что появленіе романтизма въ нашей литературѣ связывается съ Ломоносовымъ, который бралъ свои образцы у германцевъ, отъ чего поэзія романтическая намъ должна быть также сродна, какъ поэзія Ломоносова или Хераскова. По поводу всѣхъ этихъ положеній, выраженныхъ весьма остроумно и отчасти рѣзко, возгорѣлся сильный споръ. Вѣстникъ Европы (1824, № 4 и 8) напечаталъ другой разговоръ, уже между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана, гдѣ сильно опровергалъ теоретическіе афоризмы послѣднаго, а авторъ разбираемой статьи возражалъ ему въ «Дамскомъ Журналѣ» съ энергіей и ловкостію, которыя еще у многихъ свѣжи въ памяти. Границы

псевдонимахъ во вкусѣ Жуи, появлявшихся тогда безпрестанно въ журналахъ. Критики, большею частію, скрывались подъ фирмами: жителей Бутырской слободы, Тентелевой деревни, Галерной гавани, Лужницкихъ старцевъ и проч. Страницы повременныхъ изданій испещрены именами: Вередиковыхъ, Ферулиныхъ, Аристотелидовыхъ и проч. Это былъ вѣкъ псевдонимовъ, никого впрочемъ не скрывавшихъ.

Digitized by Google

нашей біографіи не позволяютъ разсказать весь ходъ этой борьбы, весьма любопытной, которая держала въ напряженномъ вниманіи всю публику, еще занимавшуюся тогда явленіями отечественной словесности, и вовлекла наконецъ въ полемику самого Пушкина [1]). Вотъ что писалъ онъ изъ Одессы въ журналъ Сынъ Отечества (1824 г. № XVIII), откуда извлекаемъ прилагаемый документъ:

«Въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія *издали* отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшею благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

«Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ, изъ дружбы ко мнѣ, изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному «Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ», разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

---

[1]) Кстати сказать, что смѣлость произвольныхъ, хотя иногда и блестящихъ положеній была тогда въ модѣ, какъ убѣдиться всякій, кто прослѣдитъ за лучшими обозрѣніями литературы, писанными въ ту эпоху, и за возбужденной ими полемикой. Мы представили одинъ, довольно рѣзкій обращикъ ея въ мнѣніи Вѣстника Европы о Русланѣ и Людмилѣ. Изъ того же журнала выбираемъ и другой. Въ 1823 году, *Черная шаль* Пушкина, первоначально названная имъ *Молдавскою пѣснью*, положена была на музыку и, подъ именемъ кантаты, исполнялась въ московскомъ театрѣ. Журналъ, отдавая отчетъ о новомъ произведеніи, сильно упрекалъ композитора (г-на Верстовскаго) за то, что онъ расточилъ такъ много музыкальнаго таланта на темное злодѣяніе какихъ-то неизвѣстныхъ людей, молдованъ, армянъ. *Достойно ли это того*, спрашиваетъ критикъ, *чтобы искусный композиторъ изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей*, и что онъ будетъ дѣлать, когда представится ему изображеніе *историческихъ и миѳологическихъ лицъ занимательныхъ для каждаго*? (Вѣст. Евр. № 1, 1823.) Критикъ смѣшалъ важность историческаго лица съ важностью лица въ поэтическомъ отношеніи, но этому мнѣнію суждено было возраждаться еще не разъ по поводу различныхъ произведеній Пушкина.

Digitized by Google

«Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ я слѣдующее:

«*Издатель*: И такъ разговоръ мой вамъ не нравится? *Класс.*: Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина! Думаю и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

«Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Кн. Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. *Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова* писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

«Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика».

«Александръ Пушкинъ.»

«Одесса.»

Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ занесенъ къ намъ былъ изъ Франціи и, кажется, потерялъ на пути свою серьезную и ученую сторону. Извѣстно, что первое основаніе для послѣдующихъ преній положили нѣмцы еще въ прошломъ столѣтіи, сравнительной критикой различныхъ литературъ: древнихъ, восточныхъ и старо-европейскихъ. Критика эта уже очистила путь двумъ самостоятельнымъ поэтамъ Германіи—Шиллеру и Гёте; но въ другихъ странахъ, невполнѣ переданная и оцѣненная, породила ту литературу *поддѣлокъ*, которая еще недавно казалась высшею степенью искусства. Къ намъ перешли только одни опредѣленія романтизма изъ вторыхъ рукъ, изъ Франціи, а первоначальная работа науки, которая одна и могла объяснить сущность самаго дѣла,—была пренебрежена. Отсюда тотъ недостатокъ почвы, дѣльнаго содержанія, какія чувствуются у насъ въ большей части статей этой эпохи по предмету, раздѣлившему литературу на двѣ враждебныя партіи. Всего чаще, напримѣръ, вопросъ о романтизмѣ представляется критикамъ чѣмъ-то въ родѣ любопытной новости, почти какъ извѣстіе о неожиданномъ случаѣ, и такъ ими и обсуживается. Произвольное пониманіе его, смотря по случайностямъ личныхъ впечатлѣній каждаго автора или критика, было уже въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ иные объясняли его своенравіемъ мысли, скучающей положительными законами искус-

Digitized by Google

ства, а сущность его опредѣляли смѣсью *мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностію дѣйствія, пылкости страстей съ холодностью характеровъ* (Вѣст. Евр. 1824, № 4). Другіе отстаивали право генія и таланта творить на-перекоръ теоріямъ, и поясняли новое направленіе тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, «*въ которомъ человѣкъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не можетъ, не смѣетъ дать отчета самому себѣ въ своихъ чувствахъ*», и прибавляли: «*въ неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи сердца человѣческаго заключена и тайна и причина такъ называемой романтической поэзіи*» (Моск. Телегр. 1825, № 5). Иные еще полагали, какъ мы уже видѣли, истинное содержаніе романтизма въ мѣстныхъ краскахъ и народности, о которой однако никто особенно не распространялся, по неимѣнію яснаго понятія о самомъ словѣ. Мы могли бы представить еще болѣе выписокъ для подтвержденія нашего мнѣнія, но ограничиваемся тѣми, которыя приведены здѣсь. Текущія явленія словесности, требованія немедленной оцѣнки, еще болѣе затемняли дѣло. Были у насъ романтики, восхищавшіеся эпопеами Хераскова и его подражателей, составившіе особый отдѣлъ классическихъ романтиковъ, представителемъ которыхъ сдѣлался Журналъ кн. В. Одоевскаго: «Мнемозина», и были такіе романтики, которые упрекали В. А. Жуковскаго за наклонность его къ повѣрьямъ, за мечтательность, неопредѣленность и туманность его поэзіи [1]). Пушкинъ весьма остроумно и колко сравнивалъ послѣднихъ съ ребенкомъ, кусающимъ грудь своей кормилицы потому только, что у него зубки прорѣзались. Онъ самъ не могъ избавиться отъ прихотливыхъ толкованій собственныхъ друзей, и принужденъ былъ объяснять смыслъ своихъ стихотвореній обычнымъ своимъ поклонникамъ, приходившимъ въ тупикъ отъ неожиданности какъ содержанія, такъ и пріемовъ ихъ. Подобными объясненіями сопровождались:

---

[1]) Въ журналѣ Мнемозина 1824 г., напримѣръ, была статья, на которую Пушкинъ писалъ свои замѣтки, какъ увидимъ послѣ и о которой упомянулъ даже въ IV главѣ своего Онѣгина:

Но тише! слышишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой, и проч.

Статья называлась: «*О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе.*» Сочинитель ея принадлежалъ къ романтикамъ и осуждалъ элегіи вообще и элегіи Пушкина въ особенности, какъ мелочной родъ поэзіи, не

Digitized by Google

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, *1-я глава Онѣгина* и *Цыганы*. О послѣднихъ мы будемъ говорить пространнѣе въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь только приводимъ отрывокъ изъ письма его, касающійся до пѣсни, въ которомъ Пушкинъ принужденъ былъ растолковать ея значеніе: «Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится—напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго». Къ такимъ коментаріямъ еще долженъ былъ прибѣгать поэтъ нашъ даже передъ судьями, наиболѣе шумѣвшими о романтизмѣ.

Любопытно знать, въ какомъ отношеніи стоялъ Пушкинъ къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ и какъ понималъ литературный споръ въ глубинѣ собственной мысли. Никто тогда еще и не подозрѣвалъ, что его произведенія вскорѣ сдѣлаютъ споръ этотъ анахронизмомъ, и замѣнятъ оба понятія, соединенныя съ именами классицизма и романтизма, новымъ и гораздо высшимъ понятіемъ творчества и художественности, отыскивающихъ законы для себя, въ самихъ себѣ. Онъ понималъ сущность дѣла весьма просто, полагая разницу между обоими родами произведеній только въ *формѣ ихъ* и говоря, что если различать ихъ *по духу*, то нельзя будетъ выпутаться изъ противорѣчій и насильственныхъ толкованій. Вотъ что писалъ онъ для самого себя о вопросѣ, занимавшемъ тогда литературу нашу: «Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые, обыкновенно, относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти

выдерживающей сравненія съ пареніемъ оды. Мѣриломъ художническаго достоинства обоихъ родовъ онъ взялъ—восторгъ, и пришелъ къ заключенію, что въ одѣ заключается гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ элегіи.

Къ тому же разряду запутанныхъ мыслей объ исскуствѣ принадлежитъ и та, о которой упоминаетъ въ 1825 г. Пушкинъ въ письмѣ къ брату изъ деревни: «У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? Проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кольями, пѣснями на голосъ: *Одинъ сижу я во компаніи* и тому подоб....» О Жуковскомъ тогда же замѣчаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ тому же лицу: «Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть.... его небесная душа. Онъ святой, хотя родился романтикомъ и не Грекомъ, а человѣкомъ, да какимъ еще!»

Digitized by Google

признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ *формы* извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Если же, вмѣсто формы стихотворенія, будемъ брать за основаніе только *духъ*, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ конечно отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, Освобожденный Іерусалимъ отъ Энеиды—всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими».

Это простое, не хитрое опредѣленіе обнаруживаетъ вообще малую способность Пушкина къ теоретическимъ тонкостямъ, что доказалъ онъ многими примѣрами и впослѣдствіи. Чрезвычайно мѣткій въ оцѣнкѣ всякаго произведенія, даже и своего собственнаго, онъ былъ чуждъ, по природѣ, той тяжелой работы мысли, какую требуетъ отвлеченная теорія искусства. Часто не хотѣлъ онъ доискиваться значенія идеи, вѣрность которой только чувствовалъ, и отрывочно бросалъ ее на бумагу въ своихъ тетрадяхъ. И вотъ примѣръ:

Пушкина называли романтикомъ и онъ самъ себя называлъ романтикомъ, но подъ этимъ словомъ въ умѣ его таилось совсѣмъ другое пониманіе. Такъ, онъ постоянно употребляетъ въ письмахъ къ друзьямъ выраженіе: *романтическое произведеніе*, но видимо соединяетъ съ нимъ значеніе творческаго созданія, не принадлежащаго къ какой-либо системѣ или одностороннему воззрѣнію. Другаго выраженія для истинной своей мысли онъ не находилъ, да, вѣроятно, и не искалъ. Всѣмъ извѣстное и принятое слово обозначило у него понятіе, о которомъ еще немногіе тогда думали. Мы увидимъ, въ письмахъ его о *Борисѣ Годуновѣ*, что подъ именемъ романтической трагедіи онъ разумѣлъ совершенно-свободное проявленіе творящаго духа въ области искусства. Такъ, онъ безпрестанно пишетъ: «Я хотѣлъ бы написать что-нибуть истинно *романтическое*». Въ другой разъ, мы уже видѣли, онъ говоритъ: «Важная вещь! я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать — робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго *романтизма*..... Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то». За этими простыми замѣтками можно различить мысль о художническомъ произведеніи; но онъ никогда не разбиралъ ея, предоставляя выразить вполнѣ только своимъ

Digitized by Google

созданіямъ. Дѣйствительно, они ясно указали законы, на которыхъ должна основываться истинная теорія искусства, и сдѣлали изъ Пушкина, какъ уже замѣчено, настоящаго учителя изящнаго и воспитателя эстетическаго вкуса въ обществѣ.

Мы видѣли прежде, что Пушкинъ въ перепискѣ своей съ П. А. Катенинымъ отзывался снисходительно, какъ о переводахъ своего друга, какъ и о классической трагедіи вообще. Совсѣмъ тѣмъ, это была съ его стороны только уступка, вызванная расположеніемъ къ переводчику и мягкостью его сужденій предъ всякимъ дѣльнымъ трудомъ. Въ эпоху пребыванія поэта нашего на югѣ, если идеи его о романтизмѣ выходили уже изъ разряда существующихъ тогда идей, то взамѣнъ классическая трагедія все еще оставалась для него явленіемъ, какъ бы незаконнымъ и необъяснимымъ. Только въ 1825 году въ деревнѣ своей, въ Михайловскомъ, за строгимъ трудомъ созданія хроники—Борисъ Годуновъ и за мыслями, вызванными ею, нашелъ онъ, какъ увидимъ, настоящее мѣсто и классической трагедіи въ ряду произведеній искусства. Годомъ ранѣе онъ еще находился подъ неотразимымъ вліяніемъ Байрона, и вотъ что писалъ брату изъ Одессы (1824), по поводу новаго перевода Федры, тогда явившагося.

« . . . Читалъ *Ѳедору* Л—ва. Хотѣлъ писать на нее критику, не ради Л—ва, а ради Маркиза Расина. Перо вывалилось изъ руки. И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина!

Croyez-vous decouvrir la trace de ses pas.
. . . . . Надѣешься найти
Тезея жаркій слѣдъ иль темные пути. . .

«Вотъ какъ все переведено. А чѣмъ же и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры Федры верхъ глупости и ничтожности въ изобрѣтеніи. Тезей ничто иное какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ—le superbe, le fier Hippolyte et même un peu farouche—Ипполитъ, суровый Скифъ. . . . ничто иное какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный.

D'un mensonge si noir etc.

«Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица. Сравни его съ

Digitized by Google

рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой: увидишь разницу умовъ. А Терамень? Аббатъ и...

Vous même où seriez-vous etc.

Вотъ глубина глупости!...

Остается сказать о *Братьяхъ-разбойникахъ*, разсказѣ, основанномъ на истинномъ происшествіи, случившемся въ Екатеринославлѣ въ 1820 году. Онъ составлялъ отрывокъ изъ поэмы, которую Пушкинъ началъ писать въ 1822 году и сжегъ почти тотчасъ же какъ написалъ, но планъ которой сохранился въ бумагахъ его, въ слѣдующей короткой замѣткѣ: «Разбойники, исторія двухъ братьевъ, Атаманъ на Волгѣ, купеческое судно, дочь купца.» Чуткому слуху Пушкина сейчасъ открылось, что сознаніе душегубца слишкомъ сложно, эффектно и потому не въ русскомъ духѣ, хотя картина разбойничьяго стана и лицо разсказчика, выступающаго изъ нея, написаны были мастерскою кистью. При пересылкѣ отрывка въ Петербургъ для напечатанія, Пушкинъ замѣчалъ: «Разбойниковъ я сжегъ—и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Н. Р. Если звуки *харчевня, осртогъ*.... не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.» Можно полагать съ достовѣрностію, что изъ матеріаловъ, заготовленныхъ для *Разбойниковъ*, вышла впослѣдствіи, въ 1825 году, пьеса: *Женихъ* первый образецъ простонародной Русской сказки, написанный уже въ Михайловскомъ, куда теперь, вслѣдъ за поэтомъ, и переходимъ [1]).

---

[1]) Кромѣ разобранныхъ нами произведеній, къ эпохѣ бессарабско-одесской жизни Пушкина принадлежитъ еще планъ поэмы: *Вадимъ*—вскорѣ уничтоженной, но изъ которой извѣстны два отрывка: *Сонъ* (отрывокъ изъ новгородской повѣсти Вадимъ) и *Два путника*. Въ дополненіе къ картинѣ литературной дѣятельности Пушкина, прилагаемъ еще числовыя помѣтки, сохранившіяся въ тетрадяхъ его на поэмахъ. Первая глава Онѣгина кончена 23 октября 1823 года, въ Одессѣ; вторая 8 декабря того же года и тамъ же; третья начата въ Одессѣ же, 8 февраля 1824. Въ сентябрѣ 1824 года Пушкинъ находился въ Михайловскомъ и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ *Цыганы*, еще начатые въ Одессѣ, получили окончательную отдѣлку, которая уже совпадаетъ съ первыми сценами *Бориса Годунова*.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

Михайловское. 1824—1826 г.: Прибытіе въ Михайловское, нравственное перерожденіе.—Новый отрывокъ изъ пьесы «Опять на родинѣ»: «Въ разны годы».— Душевное настроеніе Пушкина въ Михайловскомъ, пріѣздъ Языкова въ 1826 г.— Стихи Языкова, поясняющіе внѣшнюю жизнь поэта, игра въ карты, анекдотъ въ Боровичахъ. — Образъ жизни въ деревнѣ. — Сцена «Димитрія съ Мариной» въ Годуновѣ. — Анна Родіоновна, ея сказки, обдѣланныя Пушкинымъ. — Сказка о «Царѣ Салтанѣ», прологъ къ «Руслану», почерпнутые изъ Михайловскихъ бесѣдъ съ няней. — Примѣчаніе Пушкина къ сказкамъ о Царевичѣ и купцѣ Шелковниковѣ. — Письмо Пушкина 1824 г. къ брату о нянѣ. — Тригорское, П. А. Осипова, владѣтельница его. — Миръ въ ослабѣвшихъ страстяхъ и жажда славы. — Переписка и ея характеръ.

Пушкинъ пріѣхалъ въ Михайловское въ тревожномъ состояніи духа. Легко угадать причину нравственнаго безпокойства его, если вспомнимъ, что четверть жизни прошла для Пушкина и должна была переставить точку зрѣнія на людей и разъяснить взглядъ на самого себя. Нравственный переворотъ, неизбѣжный въ такихъ случаяхъ, оставляетъ по себѣ грусть, чувство раскаянія и тоски; но въ сильныхъ и благородныхъ натурахъ, какова была натура Пушкина, это есть только новое побужденіе къ дѣятельности и преобразованію себя. Въ неизданномъ отрывкѣ извѣстнаго стихотворенія: *Опять на родинѣ*—Пушкинъ оставилъ намъ замѣтку о душевной настроенности своей въ эпоху прибытія его въ Михайловское. Разъ навсегда скажемъ здѣсь, что Пушкинъ постоянно откидывалъ изъ поэмъ и стихотвореній своихъ все, что прямо, безъ покрова искусства и художественнаго обмана, напоминало его собственную личность. Предлагаемый отрывокъ, въ своей необдѣланной формѣ, трогателенъ, какъ истина:

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ

Digitized by Google

Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго прищельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаніяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

Дальнѣйшее пребываніе въ деревнѣ сгладило рѣзкость ощущенія; тамъ онъ нашелъ и теплую дружбу, и гармонію душевныхъ силъ, и главное: наслажденія творчества, сбереженнаго цѣликомъ, благодаря тишинѣ, окружавшей поэта. Одно это обстоятельство примирило бы всякаго другаго съ однообразіемъ деревенской жизни; но какъ человѣкъ, привыкшій къ движенію городскаго и свѣтскаго быта, отъ котораго, между прочимъ, онъ во всю жизнь отстать не могъ, чувство недовольства проглядываетъ въ описаніяхъ этого времени, оставленныхъ имъ въ письмахъ и въ произведеніяхъ своихъ, какъ напримѣръ: въ IV главѣ Онѣгина, тогда же начатой. Другая сторона его деревенской жкзни, украшенная привязанностю окружающихъ людей и всѣми утѣхами творчества, сознающаго свою силу, была и осталась немногимъ извѣстна.

Пушкинъ вызвалъ изъ Дерпта Н. М. Языкова, тогда еще студента, извѣстнымъ своимъ стихотвореніемъ: *Издревле сладостный союзъ.* Языковъ, пріѣхавшій въ Михайловское вмѣстѣ съ молодымъ В., сосѣдомъ Александра Сергеѣвича по деревнѣ, только въ 1826 г., оставилъ намъ любопытное описаніе самой комнаты, гдѣ няня, Арина Родіоновна, накрывала имъ на столъ обыкновенно.

Вотъ тамъ: обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ предъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Багатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ
И ты прешедшая къ столу!

Digitized by Google

Вообще Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось собственно до внѣшней обстановки. Одѣвался онъ довольно небрежно, заботясь преимущественно только о красотѣ длинныхъ своихъ ногтей. Имѣть простую комнату для литературныхъ занятій было у него даже потребностью таланта и условіемъ производительности, Онъ не любилъ картинъ въ своемъ кабинетѣ, и голая сѣренькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его. Онъ довольствовался незатѣйливымъ помѣщеніемъ въ Демутовомъ трактирѣ, гдѣ обыкновенно останавливался въ пріѣздахъ своихъ въ Петербургъ. Вообще, привычки его были просты, но вкусы и наклонности уже не походили на нихъ. Такъ, поздніе обѣды въ Михайловскомъ были довольно прихотливы, по собственному его свидѣтельству (IV глава *Ев. Онѣгина*, стр. 28—29), и кромѣ книгъ, куда уходили его деньги, былъ имъ еще другой истокъ: это страсть къ игрѣ, которой предавался онъ иногда съ необычайнымъ жаромъ. Карты поглотили много трудовъ его, унесли добрую часть доходовъ, полученныхъ имъ съ сочиненій, и, случалось, даже брали въ залогъ будущія, еще не родившіяся произведенія. Въ одномъ отрывкѣ изъ своихъ записокъ, онъ простодушно разсказываетъ довольно забавный анекдотъ изъ своей жизни: «15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ. Пріѣхавъ въ Боровичи, въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжающаго въ постелѣ. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не достало мнѣ 5 рублей. Я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600 рублей. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 рублей и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой.»

Образъ его жизни въ деревнѣ чрезвычайно напоминаетъ жизнь Онѣгина IV глава Ев. Онѣгина, стр. 37, 38, 39, 44). Онъ также вставалъ очень рано и тотчасъ же отправлялся на *лежѣ* къ бѣгущей *подъ горой рѣчкѣ* и купался [1]). Зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ своимъ завтракомъ. Разница состояла въ томъ, что вездѣ Пушкинъ посвящалъ утро литературнымъ занятіямъ: созданію и пріуготовительнымъ его трудамъ, чтенію, выпи-

[1]) Деревянный домъ Михайловскаго съ однимъ этажемъ, стоитъ на небольшомъ косогорѣ, внизу котораго, съ одной стороны, течетъ рѣка *Сороть*, впадающая въ Великую. Фасадъ дома обращенъ задомъ къ рѣкѣ и лицемъ къ небольшому скверу, сзади котораго тянется, почти на версту густой паркъ, съ цвѣтниками и дорожками.

Digitized by Google

скамъ, планамъ. Осенью—эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности, онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсѣянности и вообще красныхъ дней: онъ или не покидалъ постели, или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и, въ нѣсколько мѣсяцевъ сырой погоды, приводилъ ихъ къ окончанію. Пушкинъ былъ, между прочимъ, неутомимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ, поэзія неразлучно сопутствовала ему. Самъ онъ разсказывалъ, что, бродя надъ озеромъ, тѣшился тѣмъ, что пугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными строфами своими, а разъ, возвращаясь изъ сосѣдней деревни верхомъ, обдумалъ всю превосходную сцену свиданія Димитрія съ Мариной въ *Годуновѣ*. Какое-то обстоятельство помѣшало ему положить ее на бумагу тотчасъ же по пріѣздѣ, а когда онъ принялся за нее черезъ двѣ недѣли, многія черты прежней сцены изгладились изъ памяти его. Онъ говорилъ потомъ друзьямъ своимъ, восхищавшимся этой встрѣчей страстнаго Самозванца съ хитрой и гордой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная въ умѣ его, была несравненно выше, несравненно превосходнѣе той, какую онъ написалъ. Такъ оправдываются стихи его:

На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою
И такъ стихи обдумывать люблю.

Если случалось оставаться ему одному дома безъ дѣла и гостей, Пушкинъ игралъ двумя шарами на биліардѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней Ариной Родіоновной. Онъ посвящалъ почтенную старушку во всѣ тайны своего генія. Къ несчастію, мы ничего не знаемъ, что думала няня о стихотворныхъ забавахъ своего питомца.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй,
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

(Глава IV, Ев. Онѣг.)

Арина Родіоновна была посредницей, какъ извѣстно, въ его сношеніяхъ съ Русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его

Digitized by Google

въ узнаніи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріемовъ народа, съ какими подходилъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Александръ Сергѣевичъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія. Простонародный разсказъ «*Женихъ*» остается блестящимъ результатомъ этихъ сношеній между поэтомъ и *бывалой* старушкой. Въ тетрадяхъ Пушкина находится семь сказокъ, бѣгло записанныхъ со словъ няни. Изъ нихъ три послужили основой для извѣстныхъ сказокъ Пушкина, писанныхъ имъ съ 1831 года, именно: для сказки *О Царѣ Салтанѣ*, *О Мертвой Царевнѣ и семи богатыряхъ*, *О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его*, *Балдѣ*, да вѣроятно, и остальные простонародные разсказы Пушкина вышли изъ того же источника, хотя оригиналовъ ихъ мы и не находимъ въ его тетрадяхъ [1]). Для примѣра, какимъ образомъ Пушкинъ передѣлывалъ полученные имъ матеріалы, пропуская нѣкоторыя подробности, измѣняя другія и придумывая совсѣмъ новыя, укажемъ на *Царя Салтана*. Въ немъ сохранено, напримѣръ, извѣстіе о рожденіи Царевича (Гвидона) и притомъ съ небольшимъ измѣненіемъ словами самой няни:

Родила Царица въ ночь
Не то сына, не то дочь,
Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку,

но выпущены 33 брата его и введено новое лицо — Царевна Лебедь, совершенно необходимое для красоты и граціи разсказа. «Мачиха» Арины Родіоновны замѣнена Бабой Бабарихой и самыя чуда, разведенныя Царевичемъ на своемъ островѣ, благодаря Лебеди, расходятся у Пушкина во многомъ съ разсказомъ няни. Такъ у ней былъ котъ: «У моря — лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, а по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ». Этотъ котъ замѣненъ у Пушкина бѣлкой, грызущей золотые орѣшки и выбрасывающей изумруды вмѣсто зерна, но котъ не пропалъ: онъ очутился при изданіи Руслана и Людмилы въ 1828 году въ прологѣ поэмы:

У Лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ:

[1]) См. сказки Арины Родіоновны въ Приложеніи II къ матеріаламъ.

Digitized by Google

И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Вмѣстѣ съ отсутствіемъ 33-хъ братьевъ Царевича, брошенныхъ въ море, какъ и онъ, — пропали и всѣ подробности, до нихъ касающіяся, между прочимъ, и способъ, какимъ Царевичъ узнаетъ, послѣ ихъ чуднаго спасенія, что они — его братья. Онъ проситъ мать свою напечь лепешекъ изъ молока ея грудей: первый братъ, отвѣдавшій лепешку, тотчасъ же воскликнулъ: «Ахъ, братцы, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока» — и открылъ себя. Много еще и другихъ выдумокъ, созданныхъ или полученныхъ народомъ, со всей ихъ затѣйливостью, съ признаками особенной дѣятельности воображенія, тщательно занесено Пушкинымъ въ свои тетради. Къ нѣкоторымъ онъ сдѣлалъ поясненія. Въ одной сказкѣ, баснословнаго Царевича ведутъ на казнь по проискамъ мачихи; онъ хохочетъ. А чему? Да тому, что переднія колеса ѣдутъ за лошадью, а заднія-то за чѣмъ? Когда потомъ этотъ же Царевичъ вѣшаетъ купца Шелковника на шелковой висѣлицѣ, Пушкинъ приписываетъ: «Вотъ куда каламбуры зашли». Трогательное впечатлѣніе производятъ эти разсказы няни, записанные въ той же тетради, гдѣ и начало романа: Арабъ Петра Великаго, и Евгеній Онѣгенъ, и Цыганы, и много отдѣльныхъ мыслей, блещущихъ умомъ и проницательностію [1]).

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго лежитъ село Тригорское,

---

[1]) Вотъ что писалъ самъ Пушкинъ осенью 1824 года изъ деревни къ брату: «Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздо, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма. Ахъ, Боже мой! Чуть было не забылъ. Вотъ тебѣ задача: — историческое, сухое извѣстіе о Разинѣ....» У насъ есть еще весьма любопытный документъ о хозяйственныхъ хлопотахъ Пушкина, когда въ 1825 году, по отъѣздѣ отца и матери изъ деревни, онъ остался одинъ въ Михайловскомъ. Документъ содержитъ трогательную черту въ отношеніи Арины Родіонновы: «У меня произошла перемѣна въ управленіи. Розу Григ. я принужденъ былъ выслать за . . . . поведеніе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. *А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть.* Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за 2 года (1824 и 25) ей ничего не платили и считаетъ по 200 р. на годъ — итого 400 р. По моему счету ей слѣдуетъ наличныхъ денегъ 300 р. Изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ С.-Петербургъ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли

Digitized by Google

извѣстное публикѣ по стихамъ Н. М. Языкова. Тамъ жило доброе, благородное семейство П. А. О—й, съ которомъ Пушкинъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, любя его образованную и вмѣстѣ сельски-простую жизнь. Онъ часто тамъ обѣдывалъ, часто туда заходилъ въ своихъ прогулкахъ и проводилъ тамъ цѣлые дни, довольный откровенной дружбой, съ какой его встрѣчали, и привязанностью всѣхъ членовъ его. Онъ посвятилъ П. А. О—й свои чудныя подражанія Корану, написанныя, можно сказать, передъ ея глазами, и вообще семейство это дѣйствовало успокоительно на Пушкина. Онъ встрѣчалъ въ немъ и строгій умъ, и расцвѣтающую молодость, и рѣзвость дѣтскаго возраста. Усталый отъ увлеченій первой эпохи своей жизни, Пушкинъ находилъ удовольствіе въ тихомъ чувствѣ и родственной веселости: граціозная гримаса, дѣтская шалость нравились ему и занимали его. Если около этой поры еще встрѣчаются восторженные стансы, какъ напримѣръ: *Я помню чудное мгновенье*,—то болѣе въ видѣ мгновеннаго порыва, чѣмъ постояннаго душевнаго настроенія. Погруженный въ свои воспоминанія, Пушкинъ думалъ о славѣ и въ ней искалъ успокоенія для своего сердца и отмщенія за всѣ волненія и утраты его:

что нибудь въ эти два года. Я нарядилъ комитетъ изъ Василья Архипова и старосты, велѣлъ перемѣрить хлѣбъ и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей.... покамѣсть я принялъ бразды правленія.»

Въ приложеніяхъ къ біографическимъ матеріаламъ, читатель увидитъ нѣсколько разсказовъ Арины Родіоновны. Они поражаютъ вообще хитростію и запутанностію содержанія, которое иногда трудно и разобрать. Тутъ есть и Иванъ Царевичъ, отправляющійся за смертію Кощея Безсмертнаго, которая живетъ на морѣ, на Окіянѣ, на островѣ Буянѣ, и при томъ въ дубѣ, а въ дубѣ—дупло, а въ дуплѣ — сундукъ, а въ сундукѣ — заяцъ, а въ зайцѣ — утка, а въ уткѣ — яйцо. Иванъ Царевичъ голоденъ, но не трогаетъ ни собаки, ни ястреба, ни волка, ни барана, ни рака, встрѣтившихся ему, а тѣ служатъ ему за то вѣрную службу волкъ перевозитъ его черезъ море, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ приноситъ яйцо со дна морскаго. Такъ еще подмѣненный Царевичъ дѣлается сыномъ кузнеца, удивляетъ народъ раннимъ умомъ, разгадываетъ всѣ загадки и выпутываетъ изъ бѣды названнаго своего отца, когда Царь наказываетъ ему пріѣхать къ себѣ ни верхомъ, ни пѣшкомъ, показать ему друга и недруга, и поднести даръ, котораго бы онъ не взялъ. Кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приводитъ недруга жену, которая отъ побой бранится и убѣгаетъ, друга—собаку, которая отъ побой визжитъ и ласкается, въ даръ приноситъ ястреба подъ блюдомъ, и проч. Изложеніе Пушкина, однакоже, чрезвычайно бѣгло и едва даетъ понятіе о самомъ цвѣтѣ и физіономіи, такъ сказать, няниныхъ разсказовъ.

Digitized by Google

. . . . . И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ....

Съ тѣхъ поръ дѣйствительно началось его постоянное служеніе славѣ, хотя цѣль, выраженная въ стихахъ, давно была утрачена.

Непрерывная литературная переписка съ друзьями принадлежала къ числу любимыхъ и немаловажныхъ занятій Пушкина въ это время. Переписка Пушкина особенно драгоцѣнна тѣмъ, что ставитъ, такъ сказать, читателя лицемъ къ лицу съ его мыслію и выказываетъ всю ея гибкость, оригинальность и блескъ, ей свойственный. Эти качества сохраняетъ она даже и тогда, когда теряетъ достоинство непреложной истины или возбуждаетъ вопросъ. Мы имѣемъ только весьма малую часть переписки Пушкина, но и та принадлежитъ къ важнымъ біографическимъ матеріаламъ.

Digitized by Google

ГЛАВА X.

Созданія этой эпохи: «Онѣгинъ», «Цыганк», «Годуновъ». Первая глава «Онѣгина» (появилась 1825 г.). — Прологъ къ ней: «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», значеніе его.—Журнальные толки объ «Онѣгинѣ».—Московскій Телеграфъ 1825 г. — Отзывъ Сынъ Отечества 1825 г. — Мнѣніе друзей и почитателей. — Пушкинъ письменно защищаетъ поэму.—Вопросъ о томъ: «что выше—вдохновеніе или искусство». — Преніе Байрона съ Боульсомъ и примѣненіе этого спора къ русскому спору по поводу «Онѣгина». — Предчувствіе будущаго развитія идеи романа и письмо Пушкина объ этомъ. — Замѣтка о Татьянѣ. — Осужденіе эпитета: «сатирическій», даннаго роману въ предисловіи. — Значеніе романа. — Появленіе: «Горе отъ ума», письмо Пушкина съ критическимъ разборомъ комедіи. — «Цыгане», отрывокъ изъ письма съ замѣткой о нихъ и объ «Онѣгинѣ». — Появленіе отрывковъ «Онѣгина» въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ. — Появленіе «Цыганъ среди другихъ печатныхъ произведеній Пушкина. — Требованія по поводу «Цыганъ». — Созданіе «Бориса Годунова». — Мнѣніе самаго Пушкина о «Борисѣ Годуновѣ». — Около «Бориса Годунова» сосредоточиваются мысли Пушкина о драмѣ.— Французскія письма Пушкина о трагедіи вообще и о «Борисѣ Годуновѣ». — Планъ предисловія къ «Борису Годунову». — Второе французское письмо съ измѣнившимся взглядомъ на Байрона и мыслію сблизиться съ Шекспиромъ. — Отрывокъ изъ предполагавшагося предисловія къ драмѣ. — Значеніе и примѣръ полу-русскихъ, полу-французскихъ фразъ у Пушкина: «о Валтеръ-Скоттѣ». — Намѣреніе написать полную картину смутнаго времени. — Примѣры сочетанія размышленія съ вдохновеніемъ. — Программа письма Татьяны къ Онѣгину. — Программа стихотворенія: «Наполеонъ», писаннаго въ Кишиневѣ. — Программа для встрѣчи Онѣгина съ Татьяной. — Какъ писалъ Пушкинъ первыя сцены «Годунова». — Процессъ созданія сцены Григорія съ Пименомъ. — Отступленія, рисунки, перерывы въ сценѣ, окончательная отдѣлка сцены Пимена. — Первоначальная форма стиховъ: «Не много лицъ мнѣ память сохранила». — Сцена Пимена въ печати въ Москов. Вѣстникѣ 1827 г. и несбывшіяся ожиданія успѣха.—Новый взглядъ на споръ о классицизмѣ и романтизмѣ и на потребности публики.—Письмо по поводу «Бориса Годунова» о требованіяхъ публики. — Замѣчаніе о лѣтописяхъ.—Несмотря на холодный пріемъ Пушкинъ возвращается къ своему труду. — Аристократизмъ Пушкина, любовь къ предкамъ.—Пять строфъ изъ: «Моей родословной» въ Отеч. Запискахъ 1846 г.—Значеніе «Бориса Годунова».—Пушкинъ отдаляется отъ публики и уходитъ въ себя.—Отрывки изъ французскихъ писемъ Пушкина, касательно его настроенія по окончаніи «Бориса Годунова» онъ прощается съ публикой.

Первая глава Онѣгина появилась въ печати въ теченіе 1825 года, предшествуемая извѣстнымъ прологомъ: *Разговоръ книгопродавца съ*

Digitized by Google

поэтомъ, который былъ оконченъ въ Михайловскомъ, 26 сентября 1824 года, и о значеніи котораго весьма мало говорили: такъ затемненъ онъ былъ романомъ, поглотившимъ все вниманіе публики и журналистовъ. А между тѣмъ въ прологѣ глубоко и поэтически выражено состояніе художника, уединенно творящаго свои образы, посреди шума и внѣшнихъ волненій, какъ вообще любилъ себѣ представлять художника самъ Пушкинъ. Вскорѣ мы увидимъ, что онъ усвоилъ себѣ теорію творчества, которая проводила рѣзкую черту между художникомъ и бытомъ, его окружающимъ. Стихи, которыми онъ очертилъ свой идеалъ поэта, весьма основательно прилагались у насъ къ самому автору ихъ:

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.

Толки о новомъ романѣ не замедлили показаться. Журналъ, только-что основанный тогда въ Москвѣ, встрѣтилъ его похвалами, весьма искренними, но которыя не вполнѣ шли къ Онѣгину (Московскій Телеграфъ № 5. 1825)—по весьма простой причинѣ: угадать въ первыхъ чертахъ Онѣгина всю его физіогномію, какъ она выразилась впослѣдствіи, было бы дѣломъ сверхъ-естественной прозорливости. Предоставляя классикамъ отыскивать, къ какому отдѣлу піитики принадлежитъ новый романъ Пушкина, рецензентъ журнала удерживаетъ за собой только право наслаждаться *новымъ торжествомъ ума человѣческаго*. Что же касается до опредѣленія его, то рецензентъ причисляетъ романъ къ тѣмъ истинно-шуточнымъ поэмамъ, гдѣ *веселость сливается съ уныніемъ, описаніе смѣшнаго идетъ рядомъ съ рѣзкой строфой, обнаруживающей сердце человѣка*. Образцы такихъ поэмъ представлены были, по его мнѣнію, Байрономъ и *Гёте* и они ничего не имѣютъ общаго съ легкими поэмами Буало и Попе, которыя только смѣшатъ. Легко замѣтить, что и похвальная статья о Пушкинѣ была въ сущности, хотя и косвенно, только полемической статьей. Это составляло основный характеръ журнала.... Онѣгина онъ понималъ очень просто: «шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ—онъ знакомъ намъ, мы любимъ его»—и хотя называлъ произведеніе Пушкина національнымъ, но потому, что въ немъ «видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на

Digitized by Google

свои причуды, *которымъ всѣ мы не чужды были нѣкогда.*» Противники Пушкина отнесли, наоборотъ, всю главу къ чистому подражанію и притомъ съ оговоркой, которая вообще ставила неизмѣримое пространство между способомъ представлять свои мысли у оригинала и у подражателя его. «Цѣль Байрона, говорили они съ ироніей (Сынъ Отечества 1825 г., часть С) *не разсказъ*, характеръ его героевъ *не связь описаній*, онъ описываетъ предметы не *для предметовъ самихъ*, не для того, чтобы представить *рядъ картинъ*, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену. Мысль истинно піитическая, творческая....» Онѣгину критикъ отказывалъ въ народности, слѣдующими рѣзкими словами: «Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ Петербургскихъ улицъ и ресторацій. И во Франціи и въ Англіи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театры и на балы». Но взамѣнъ находилъ ее въ Русланѣ и Людмилѣ: «Приписывать Пушкину лишнее, значитъ отнимать у него то, что истинно ему принадлежитъ. Въ Русланѣ и Людмилѣ онъ доказалъ намъ, что можетъ быть поэтомъ національнымъ.»

Оставляя въ сторонѣ мнѣнія журналовъ, должно сказать, что самые друзья Пушкина, которымъ было знакомо свойство его останавливаться преимущественно на творческихъ идеяхъ, находили содержаніе Онѣгина едва-едва достойнымъ поэтическаго дарованія. Подобно нѣкоторымъ журналамъ, глава новаго романа казалась имъ только ошибкой геніальнаго человѣка, увлеченнаго чтеніемъ Байрона. Они видѣли въ его произведеніи «чертовское», по ихъ словамъ, дарованіе, способное сообщить увлекательность и предмету ничтожному въ самомъ себѣ. Упорно держались они мнѣнія, что Онѣгинъ ниже и Кавказскаго Плѣнника и Бахчисарайскаго Фонтана, и готовы были, какъ сами утверждали, отстаивать свое мнѣніе, хоть до свѣтопреставленія. Съ какой-то недовѣрчивостью смотрѣли они на шутку романа и на веселость, разлитую въ немъ, въ которой не замѣчали ни малѣйшей примѣси сатиры. Длинныя письма размѣнены были по этому поводу; Пушкинъ защищался съ жаромъ. «Мнѣ пишутъ много объ Онѣгинѣ, сообщалъ онъ одному изъ своихъ друзей, скажи имъ, что они не правы. Ужели хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и проч. Это немного строго. Картина

Digitized by Google

свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи, но довольно....» Особенно затрудняло почитателей Пушкина отсутствіе всякой торжественности въ новомъ романѣ, или вдохновенія, какъ говорили они. Въ немъ видѣли они одну побѣду искусства и споръ перешелъ къ вопросу: что выше—вдохновеніе или искусство? Пушкинъ запутался въ этомъ спорѣ, какъ и слѣдовало ожидать. Онъ приводилъ мнѣніе Байрона въ извѣстномъ спорѣ его съ Боульсомъ (Bowles), что человѣкъ, мастерски описавшій колоду картъ, какъ художникъ, выше человѣка, посредственно описывающаго деревья, хотя бы ихъ была цѣлая роща; но вскорѣ почувствовалъ неловкость примѣра [1]). По первому замѣчанію пріятелей онъ отступилъ отъ своего мнѣнія и добродушно признался, что онъ былъ увлеченъ въ жару полемики. Пушкинъ, какъ видно, самъ предпочиталъ вдохновеніе искусству: «Я было хотѣлъ покривить душой, писалъ онъ, да не удалось. И

---

[1]) Остроумная и довольно странная полемика Байрона съ посредственнымъ поэтомъ и лицепріятнымъ біографомъ Попе, Боульсомъ происходила немного ранѣе Пушкинскаго спора съ пріятелями, именно въ 1821 году, но тамъ дѣло шло о вопросѣ: что выше—изображенія ли природы или изображенія тлѣнныхъ, искусственныхъ вещей? Байронъ держался послѣдняго мнѣнія и отъ этого произвольнаго раздѣленія двухъ необходимыхъ элементовъ каждаго созданія произошелъ споръ, удивляющій теперь богатствомъ ловкихъ и блестящихъ парадоксовъ. Боульсъ говоритъ, напримѣръ, что *корабль* заимствуетъ всю свою поэзію отъ волнъ, вѣтра, солнца и проч., а самъ по себѣ ничего не значитъ. Байронъ, не терпѣвшій поэзіи Лакистовъ, на сторону которыхъ склонялся его противникъ, утверждалъ, что волны и вѣтры сами по себѣ, безъ поэзіи искусственныхъ предметовъ, еще не могутъ составить картины. Воду, говорилъ онъ, можно видѣть и въ лужѣ, вѣтеръ слышать и въ трещинахъ хлѣва, а солнцемъ любоваться и въ мѣдной посудинѣ — отъ этого еще ни вода, ни вѣтеръ, ни солнце не сдѣлаются предметами поэтическими. Споръ этотъ можно назвать истиннымъ предшественникомъ того, о которомъ говоримъ теперь въ біографіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Байронъ выдерживалъ его съ удивительнымъ мастерствомъ, изворотливостью и остроуміемъ. Между прочимъ онъ говорилъ, что много есть морей величественнѣе Архипелага, скалъ выше, красивѣе Акрополиса и мыса Суніума, мѣстъ живописнѣе Аттики, но болѣе поэтическихъ предметовъ, благодаря памятникамъ искусства, возвышающимъ ихъ достоинство, нѣтъ на свѣтѣ. Онъ спрашивалъ потомъ: «Отымите Римъ, оставьте только Тибръ и семь холмовъ его и заставьте Лакистовъ нашихъ описывать красоту мѣста, спрашиваю: что будетъ сильнѣе исполнено поэзіи — картина ли ихъ произведеній или первый указатель предметовъ, первый Indicateur d'objets, попавшійся вамъ подъ руку? (Смотри письмо Байрона къ Мурраю изъ Равенны, отъ 7-го февраля 1821). Переходя къ возраженію Боульса, который утверждалъ, что описать деревья достопочтеннѣе, чѣмъ употребить талантъ на изображеніе *колоды картъ*, Байронъ замѣчалъ, что

Digitized by Google

Bowles и Байронъ въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень дѣльное опроверженіе, переписывать скучно....» Въ другомъ отрывкѣ письма, который прелагаемъ, Пушкинъ уже находится въ полномъ обладаніи идеей собственнаго произведенія. Если съ одной стороны правда, что онъ въ первой главѣ Онѣгина еще *не ясно различалъ даль* своего романа, то съ другой не менѣе истинно, что онъ, по крайнѣй мѣрѣ, предчувствовалъ его развитіе. Это оказывается изъ отрывка нашего:

«Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ, все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все-таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д. Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Жуана (первыя пять пѣсней; другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ Ев. Онѣгинѣ.... Самое слово *сатирическій* не должно бы находиться въ предисловіи [1]). Дождись другихъ пѣсенъ.... Ты увидишь, что если ужь и сравнивать Онѣгина съ Д. Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse), Татьяна или Юлія? Первая пѣснь

тутъ есть смѣшеніе предметовъ, но что писатель, умѣвшій сдѣлать поэтическій предметъ изъ колоды картъ, конечно, выше того, кто вяло описываетъ деревья, соблюдая, напримѣръ, только вѣрность и сходство съ ихъ внѣшними признаками. Пушкинъ обрадовался этой мысли Байрона, какъ благодѣтельному союзнику въ его собственномъ спорѣ; однакожъ она нашла сильный отпоръ въ его пріятеляхъ: «Мнѣніе Байрона, писали они, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза. Майкова «Елисей» прекрасенъ, но былъ ли онъ такимъ у Державина — не думаю, несмотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна никуда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова. Не согласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость, не оправдывай софизмовъ В.: имъ только дозволительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и выводишь Богъ знаетъ что....»

[1]) Первая глава Ев. Онѣгина сопровождалась, кромѣ «Разговора Книгопродавца съ Поэтомъ» еще вступленіемъ. (О немъ и о нѣкоторыхъ приложеніяхъ подробнѣе сказано въ примѣчаніяхъ нашихъ къ роману.) Небольшое вступленіе это, неимѣвшее никакого оглавленія и писанное самимъ Пушкинымъ, заключало слова: «Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателя на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и

Digitized by Google

просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу.... 12 марта. Михайловское.»

Такія-то бури окружали рожденіе этого дѣтища, которому суждено было пройти, такъ сказать, рядомъ съ Пушкинымъ почти черезъ все существованіе его и выразить взглядъ на его современное общество. Основательно сказано было, что романъ этотъ столько же принадлежитъ поэзіи, сколько и исторіи нашей, какъ драгоцѣнное свидѣтельство о нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ извѣстной эпохи.

При появленіи Онѣгина вниманіе публики было раздѣлено между нимъ и комедіей: *Горе отъ ума*, съ которой она тогда ознакомилась. Это произведеніе, одно во всей нашей литературѣ, соперничало, по успѣху своему, съ романомъ Пушкина и имѣло одинаковую съ нимъ участь. Оба разошлись по лицу Россіи въ безчисленныхъ примѣненіяхъ къ ежедневнымъ случаямъ, сдѣлались родникомъ пословицъ, нравственныхъ сентенцій, и проч. Сужденіе Пушкина о комедіи Грибоѣдова чрезвычайно замѣчательно. Оно опередило нѣсколькими годами всю послѣдующую, весьма основательную критику, какой подвергнута была комедія, и рѣдко случается, какъ сейчасъ увидимъ, встрѣтить въ немногихъ простыхъ словахъ такъ много существеннаго и вызывающаго на размышленіе:

«N N доставить тебѣ моихъ Цыгановъ: пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова: я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать—принужденъ ее напечатать, пока не растаскаютъ ее по клочкамъ. Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надо собою признаннымъ—слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны.

наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.» Въ томъ же письмѣ Пушкина, первая половина котораго будетъ нами приведена впослѣдствіи, заключаются еще эти замѣчательныя слова: «Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію. Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.» Это относилось къ критику Полярной Звѣзды.

Digitized by Google

Софья начертана неясно. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ: не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина, но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ, между Чацкимъ и Скалозубомъ, могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый— вотъ черты истинно комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ Ума» кто умное дѣйствующее лице? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мысями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ Московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго раза знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Его смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ; хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся.... Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна. И такъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ вѣрно не захотѣлъ: его воля! О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову: можетъ быть я въ иномъ ошибся. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.»

«Цыганы», о которыхъ упомянулъ Пушкинъ въ началѣ своего письма, впервые являются между второй и третьей главой Онѣгина, какъ уже знаемъ, но кончены въ Михайловскомъ, откуда и письмо, приложенное нами, написано. Кажется, то же самое мѣсто должны они сохранять и въ критической оцѣнкѣ литературной дѣятельности Пушкина. Подобно тому какъ Онѣгинъ въ первой главѣ романа еще сохраняетъ какую-то дальнюю, неопредѣленную родственную черту съ типами британскаго поэта (слѣдующія главы романа уже вступаютъ въ самое сердце русской жизни): такъ и на физіономіи Алеко,

Digitized by Google

въ *Цыганахъ*, еще волнутся тѣнь Байроновскихъ героевъ. За то картина цыганскаго табора и характеръ Земфиры отличаются самостоятельностію и выраженіемъ строгой красоты, свойственной послѣднему періоду Пушкинскаго развитія. Эти качества не утеряли и доселѣ своей цѣны. По прошествіи 25-ти лѣтъ со времени появленія *Цыганъ*, они еще производятъ обаятельное впечатлѣніе на читателя по свѣжести и теплотѣ красокъ, разлитыхъ въ нихъ. Не будемъ говорить о главномъ дѣйствующемъ лицѣ. Хотя оно и навѣяно Байрономъ, но трагическаго величія героевъ его въ немъ нѣтъ нисколько. Философствующій эгоистъ, съ сердцемъ испорченнымъ, постоянною мыслію о самомъ себѣ, онъ гораздо яснѣе Кавказскаго Плѣнника и гораздо лучше очерченъ Пушкинымъ, чѣмъ прежніе характеры, имъ созданные. Поэтъ весьма ловко противопоставилъ этотъ образъ существа, не отыскавшаго истока чувству гордости и тщеславія—быту простаго, дикаго племени, котораго онъ, по грубости сердца, еще и недостоинъ. Скажемъ только, что ни одно произведеніе поэта, ни прежде, ни послѣ, не производило такого впечатлѣнія на публику, какъ *Цыганы*. Еще ранѣе печати (1827 г.), они въ безчисленныхъ копіяхъ разошлись по всему читающему міру нашему, что, между прочимъ, отняло у автора много денежныхъ выгодъ. Мы видѣли уже, какъ безпокоился онъ преждевременной извѣстностью поэмы. Въ томъ же 1824 году, Пушкинъ писалъ къ Дельвигу: «Знаешь ли? Ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ, я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ подумаю, или прочту слово въ журналѣ—у меня кровь портится. Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ *Верро*, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта [1])».

Эта повѣсть въ родѣ Беппо былъ именно Ев. Онѣгинъ, съ которымъ ознакомились петербургскіе литераторы впервые по отрывкамъ, напечатанымъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 годъ. Тогда и возгорѣлась полемика, изложенная нами нѣсколько прежде. Что касается до предисловія къ Цыганамъ, то въ рукописяхъ автора сохраняется, дѣйствительно, что-то похожее на предисловіе (см. при-

[1]) Переписку поэта съ братомъ своимъ вообще, мы изложимъ позднѣе, при описаніи отношеній между ними.

Digitized by Google

мѣчанія къ поэмѣ). Ни одно изъ предположеній Пушкина, однако же, не состоялось. Поэма: *Цыганы* явилась только три года спустя послѣ письма, и ей предшествовало еще собраніе стихотвореній Александра Пушкина, изданное въ 1826 году, а изданіе всѣхъ поэмъ вмѣстѣ приведено въ исполненіе весьма поздно—въ 1835 году.

Не можемъ пропустить безъ вниманія и странныхъ требованій, возникшихъ по поводу «Цыганъ.» Они чрезвычайно хорошо опредѣляютъ одностороннее воззрѣніе на искусство, нисколько непотрясенное вводомъ романтизма въ нашу литературу. Одинъ изъ приверженцевъ новой школы возмущался тѣмъ, что Алеко водитъ медвѣдя, собираетъ деньги etc., и сожалѣлъ, что авторъ не сдѣлалъ изъ него—хоть кузнеца. Это черта характеристическая!

Безъ всякаго посредствующаго звена, мы переносимся въ *Борису Годунову* и, конечно, подобный скачокъ было бы совершенно невѣроятенъ, если бы несомнѣнная хронологическая цѣпь произведеній Пушкина положительно не указывала на него и не приводила къ нему. Борисъ Годуновъ начатъ и конченъ въ Михайловскомъ. Слѣдуя нашей системѣ, прежде всего мы соберемъ вокругъ «Бориса Годунова» все, что думалъ и писалъ о немъ самъ авторъ.

Начнемъ съ того, что это любимое произведеніе поэта составляло, такъ сказать, часть его самого, зерно, изъ котораго выросли почти всѣ его историческія и большая часть литературныхъ убѣжденій. Не безъ волненія отдавалъ онъ его въ свѣтъ, не безъ волненія знакомилъ съ нимъ друзей своихъ, и холодный пріемъ, сдѣланный Борису Годунову публикой и журналистами, не смотря на то, что онъ ожидалъ его, оставилъ въ авторѣ надолго глубокое огорченіе.... Только позднѣе помирился онъ съ критикой, откровенно и благородно, по обыкновенію своему, предоставляя другому времени поправить ошибки настоящаго. Въ бумагахъ Пушкина есть черновое письмо, неизвѣстно къ кому, гдѣ мы читаемъ:... «съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ.... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une œuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго

Digitized by Google

числа избранныхъ.... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда [1]).»

Такъ много соединялось для Пушкина въ Борисѣ Годуновѣ воспоминаній сердца; такими тонкими нитями связанъ онъ былъ съ душой самого поэта! Мало того: онъ собралъ вокругъ трагедіи мысли о драматическомъ искусствѣ, рожденныя чтеніемъ и собственными размышленіями и оперся на нее въ окончательной установкѣ своего взгляда на этотъ предметъ. Мы имѣемъ нѣсколько черновыхъ писемъ его къ разнымъ лицамъ, которыми и воспользуемся, въ ожиданіи того, когда владѣтелямъ ихъ угодно будетъ ознакомить публику съ настоящими, исправленными подлинниками. Цѣль біографіи—уловить мысль Пушкина, и для того она можетъ употребить въ дѣло даже первые, еще блѣдные очерки.

Мы принуждены, однакоже, начать съ двухъ французскихъ писемъ Пушкина о трагедіи: они, можетъ быть, замѣчательнѣе всѣхъ писанныхъ имъ по этому случаю. Всякій, кто потрудится сличить переводъ нашъ съ оригиналами, отнесенными нами въ приложенія конечно увидитъ, какъ много потеряли они здѣсь въ энергіи выраженія и въ колоритѣ вообще [2]).

«Вотъ моя Трагедія,—если ужъ вы настоятельно того хотите, но прежде всего требую, чтобъ вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина.... Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени. Надо умѣть понимать ихъ—sine qua non.

---

[1]) Это воспоминаніе о Карамзинѣ показываетъ, что самыя строки написаны гораздо позднѣе 1825 г.

[2]) Первое письмо, которое теперь приводимъ, писано Пушкинымъ въ 1829 году. Оно носитъ помѣтку: «1829 S. P. b.» и при ней число 30-е, но съ неразборчивымъ озбозначеніемъ мѣсяца, которое можно читать одинаково: Juin и Janvier. Слова «S. P. b», къ удивленію, тоже зачеркнуты, такъ что мы теперь имѣемъ одно только несомнѣнное указаніе года, а указаніе мѣста и числа недостаетъ. Съ равной основательностію можно думать, что Пушкинъ написалъ его до отправленія въ Арзрумъ, когда онъ былъ въ Петербургѣ, или въ самомъ Арзрумѣ, гдѣ онъ находился въ іюнѣ мѣсяцѣ 1829. Какъ бы то ни было, но оба письма принадлежатъ къ плану составить предисловіе для Бориса Годунова, явившагося въ свѣтъ, какъ извѣстно, въ 1831 году. Копіи съ оригиналовъ находятся въ Приложеніи III къ нашимъ матеріаламъ.

Digitized by Google

«По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романическими вспышками и проч. Стиль ея вышелъ смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайте вниманія на злоупотребленія этого рода—все это писалось очень бѣгло и можетъ быть исправлено при первой перепискѣ. Не безъ удовольствія думалъ я сперва о трагедіи *безъ любви*; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего пройдохи, но Лже-Димитрій еще влюбляется у меня въ Марину; я принужденъ былъ допустить это изъ желанія выказать сильнѣе странный характеръ послѣдней. Карамзинъ собственно только дотронулся до нея. Конечно, это была изъ хорошенькихъ женщинъ—самая странная. Въ жизнь свою она имѣла одну страсть—честолюбіе, но въ степени энергіи, бѣшенства, какую трудно и представить себѣ. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ и, въ то же время, сносится съ польскимъ королемъ, какъ будто равная съ равнымъ и, наконецъ, постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. Она является только два раза у меня; но я возращусь къ ней, если продлятся дни мои. Она возмущаетъ меня какъ страсть.

«Гаврила Пушкинъ—мой предокъ. Я изобразилъ его какъ нашелъ въ исторіи и въ бумагахъ моей фамиліи. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ военнымъ и придворнымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ Плещеевымъ онъ былъ первый, очистившій путь Самозванцу своей неслыханной дерзостью. Мы находимъ его потомъ въ Москвѣ въ числѣ 7 начальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году; въ 1616, въ Думѣ, рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, наконецъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ. Онъ выжегъ одинъ городъ въ видѣ наказанія за какой-то проступокъ, какъ я это нашелъ въ одной грамотѣ «Погорѣлаго Городища.»

«Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ переходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ и, замѣтьте —онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцемъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Димитрій даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и сно-

Digitized by Google

ва возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что же дѣлаетъ Шуйскій, уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

«Грибоѣдовъ недоволенъ былъ Іовомъ.

«При сочиненіи Годунова, я думалъ вообще о трагедіи — не обошлось бы безъ шума. Родъ этотъ не изслѣдованъ. Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а по существу своему, драма исключаетъ правдоподобіе. Не говоря уже о единствѣ времени и мѣста, да какое же, чортъ возьми, правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, одна половина которой наполнена 2000 человѣкъ, а другая людьми, которые стараются показать, что не замѣчаютъ первыхъ. 2) *Языкъ*. Напримѣръ: Филоктетъ у Лагарпа чистымъ французскимъ языкомъ отвѣчаетъ Пирру, выслушавъ его тираду: *Увы! Я слышу сладкіе звуки Еллинской рѣчи!* Все это только условное неправдопобіе. Истинные геніи трагедіи понимали иначе: они старались достигнуть только правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите какъ Корнель запросто поступилъ съ своимъ Сидомъ. Вамъ непремѣнно нуженъ законъ 24 часовъ. Извольте. И въ 24 часа онъ нагромождаетъ событій на 4 мѣсяца. А какъ смѣшны маленькія поправки въ принятыхъ уже законахъ. Алфіери глубоко чувствуетъ смѣшную сторону a parte, уничтожаетъ эту уловку, но вмѣстѣ съ тѣмъ растягиваетъ до нельзя *монологъ*. Какое ребачество!

«Длинно мое письмо, болѣе чѣмъ я хотѣлъ, но сберегите его. Можетъ быть, оно мнѣ понадобится, если придетъ на умъ сочинить предисловіе.»

Второе французское письмо Пушкина написано уже въ 1825 году и содержитъ первую мысль того, которое нами приведено. Такимъ образомъ Пушкинъ думалъ о предисловіи къ Борису Годунову почти въ одно время съ его созданіемъ. Это письмо особенно дорого тѣмъ, что выражаетъ уже измѣнившійся взглядъ Пушкина на Байрона и сближеніе нашего поэта съ Шекспиромъ.

«Правдоподобіе положеній, истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу, но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу притти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ—трагикъ, Байронъ, во всю свою жизнь понявшій только одинъ характеръ—именно свой собственный (женщины не имѣютъ характера, онѣ имѣютъ страсти въ мо-

Digitized by Google

лодости—отъ того не трудно и выводить ихъ). И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому ненависть, третьему меланхолическую настроенность; такимъ образомъ изъ одного полнаго, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія?

«Существуетъ и еще заблужденіе. Придумавъ разъ какой нибудь характеръ, писатель старается высказать его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, наподобіе моряковъ и педантовъ въ старыхъ романахъ Фильдинга. Злодѣй говоритъ: *дайте мнѣ пить*, какъ злодѣй,—а это смѣшно. Вспомните Байронова Озлобленнаго: Ha pagato! (Онъ заплатилъ!) Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость—все это далеко отъ природы. Отсюда неловкость разговора и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдастъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно говоритъ у него со всею беззаботливостію жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время, поэтъ уже знаетъ какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому.

«Вы спросите еще: трагедія ли это только съ характерами, или трагедія съ исторической вѣрностію (de costume). Я избралъ легчайшій путь, но старался соединить оба эти рода. Я пишу и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее. Этотъ способъ работать для меня совершенно новъ.—Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить....»

Невольно останавливаешься на этихъ строкахъ, столь исполненныхъ мысли и по которымъ пробѣгаетъ электрическая искра живаго ума. Строки эти были исходнымъ пунктомъ всѣхъ послѣдующихъ статей Пушкина о драматическомъ искусствѣ. Положенія, въ нихъ заключающіяся, онъ развивалъ въ письмахъ къ другимъ лицамъ, въ проектахъ статей, въ отдѣльныхъ замѣткахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже перенесъ съ Байрона на Мольера: «У Мольера, говоритъ онъ, лицемѣръ волочится за женой своего благодѣтеля, лицемѣръ, принимаетъ имѣніе лицемѣра, спрашиваетъ стаканъ воды лицемѣра. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо и проч....» (См. записки Пушкина). И въ обоихъ случаяхъ Пушкинъ былъ правъ, потому что и Байронъ трагикъ и Мольеръ сходствуютъ въ манерѣ творчества, заботясь преимущественно о томъ, чтобы лицо ни на минуту не уте-

Digitized by Google

ряло идеи и характера, которые призвано выражать. Неоконченная, едва набросанная статья его *о Драмѣ*, которая помѣщена была въ послѣднемъ изданіи и исправлена нами по рукописи, есть также развитіе основной мысли писемъ о невозможности полной истины на театрѣ, замѣненной и древними трагиками, и новыми подражателями ихъ, и романтическими писателями—только *условной* правдоподобностью. Нить, связывающая всѣ виды драмы, по мнѣнію Пушкина, есть правдоподобіе характеровъ, истина чувствъ, и это мнѣніе далеко оставляло за собой тогдашніе споры, указывая почетное мѣсто въ области изящнаго Расину, Корнелю наравнѣ съ Шекспиромъ, Кальдерономъ и др. Каждая строка послѣдующихъ его изысканій есть только повтореніе и распространеніе этихъ коренныхъ, такъ сказать, убѣжденій. Переходимъ къ Русскому черновому отрывку. Онъ едва набросанъ у Пушкина, съ трудомъ разобранъ нами, но крайне любопытенъ: онъ также принадлежитъ къ цѣпи предварительныхъ замѣтокъ, какія составлялъ около 1830 г. Пушкинъ, имѣя въ виду предисловіе къ Борису Годунову.

...«о Царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны.

«Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы *il est indifférent*, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой [1]). Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы

[1]) Эта полу-русская, полу-французская фраза принадлежитъ тоже къ особенностямъ Пушкинскаго таланта. Удивительно развитое чувство русскаго языка нисколько не портилось и нисколько не потемнялось въ немъ тѣмъ, что онъ

Digitized by Google

моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякой неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены.»

Такъ предпочтеніе Шекспира всѣмъ другимъ образцамъ не было у Пушкина дѣломъ увлеченія, а результатомъ обдуманнаго намѣренія, и связывалось съ довольно трудной задачей, которую онъ впослѣдствіи, однакожъ, совсѣмъ отбросилъ и на которую смотрѣлъ даже насмѣшливо, какъ увидимъ вскорѣ. Слѣдующіе за тѣмъ отрывки не менѣе любопытны:

1) «Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Арцивянахъ*. А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезурку французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

2) «Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать;

мыслилъ иногда на чужомъ языкѣ. Въ бѣглыхъ замѣткахъ, писанныхъ для себя на-скоро, чудно мѣшаются у него оба языка, смотря по тому, какой пришелъ первый на мысль. Пушкинъ, по произволу, сбрасывалъ, когда хотѣлъ, всякую чуждую примѣсь и допускалъ ее потомъ безъ малѣйшаго ущерба для своей народной, русской рѣчи. Почти нѣтъ замѣтки въ его бумагахъ безъ галицизмовъ и французскихъ фразъ. Вотъ, напримѣръ, замѣчательный образецъ этого смѣшенія: «Главная прелесть романовъ W. Scot состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure фр. трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théatral, même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.»

Вѣроятно, эта замѣтка приготовлялась для какой либо критической статьи и была бы изложена тѣмъ простымъ и легкимъ русскимъ словомъ, какимъ обладалъ авторъ ея въ высшей степени. Не надо выпускать изъ вида, однакоже, другаго обстоятельства. Пушкинъ сознавался, что писать по-русски все-таки трудъ. «У насъ нѣтъ, говорилъ онъ, готоваго оборота для самаго обыкновеннаго понятія, а все надо создавать» (См. статью о предисловіи Лемонте). Французскій языкъ былъ, въ этомъ случаѣ, уже важнымъ облегченіемъ, особенно для письма, записки, отдѣльной мысли, на которыя нельзя было терять много времени.

Digitized by Google

еслижъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ нибудь инымъ».

3) «Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, con amore.» и проч.

Не одни основныя положенія французскихъ писемъ развивалъ Пушкинъ въ своихъ статьяхъ, перепискѣ и даже въ разговорѣ съ друзьями, но и многія подробности ихъ. Такъ, обѣщаніе возвратиться къ Шуйскому и къ Маринѣ подтверждается свидѣтельствомъ короткихъ знакомыхъ его, что онъ имѣлъ намѣреніе написать хронику изъ жизни Шуйскаго, Лже-Димитрія, и нѣсколько сценъ изъ Междуцарствія, что составило бы полную картину избранной имъ эпохи. Такъ еще собственное его указаніе о способѣ работы при созданіи Годунова можетъ быть распространено на всѣ его произведенія, и мы приводимъ здѣсь поучительные примѣры тому глубокому сочетанію размышленія и вдохновенія, о которомъ онъ говоритъ въ нихъ.

Почти каждая строка его стиховъ свидѣтельствуетъ объ этой особенности его удивительно мужественнаго таланта. Поучительно видѣть, какъ изъ страницы, кругомъ исчерченной и, можно сказать, обращенной въ самую мелкую сѣтку помарокъ, вытекаетъ стихотвореніе чистое, какъ алмазъ, съ роскошной игрой свѣта и въ изумительной обдѣлкѣ. Мы вправѣ думать, что пьесы, написанныя Пушкинымъ съ-разу, прошли чрезъ то же горнило художественнаго труда, но только въ головѣ его; по крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ заключать изъ обыкновенной его методы созданія. Блестящая память Пушкина, на которую онъ расчитывалъ съ основательностію, унесла съ собою много его стихотвореній. Въ бумагахъ остались отъ этихъ произведеній—вѣроятно, совершенно конченныхъ въ умѣ поэта, — одни только послѣднія слова каждаго стиха, однѣ только рифмы. Въ концѣ біографіи нашей собрана большая часть этихъ слѣдовъ утерянной мысли поэта, если не всѣ они. Часто даже онъ излагалъ основную мысль стихотворенія, строфы или монолога въ прозѣ, въ предварительныхъ, бѣглыхъ замѣткахъ; они служили ему расчитанными ступенями, по которымъ восходило его поэтическое одушевленіе тихо, ровно, но вмѣстѣ свобо[illegible]и легко. Письму Татьяны къ Онѣгину предшествовали, напримѣръ, слѣдующія, едва разбираемыя теперь строки: «Я знаю, что вы презираете.... я долго хотѣла молчать.. я думала, что васъ увижу.... я ничего не хочу —

Digitized by Google

хочу васъ видѣть.... Придите... Вы должны быть — *и то, и то,*... Если нѣтъ — меня обманулъ...» И вслѣдъ за этимъ Пушкинъ перелагаетъ эту бѣдную програмку на тѣ чудные стихи, которые, вѣроятно, живутъ въ памяти всѣхъ нашихъ читателей:

Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда,
Когда-бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ», и проч. [1]).

Все письмо, до самаго конца, идетъ, не отступая отъ первоначальныхъ замѣтокъ и развивая только въ превосходной картинѣ ихъ сухія указанія. Еще поразительнѣе этотъ способъ творчества въ сценѣ встрѣчи Онѣгина съ Татьяной и его холодныхъ совѣтовъ. Содержаніе всей сцены изображено въ слѣдующихъ безсвязныхъ словахъ: «Когда-бъ я думалъ о бракѣ, когда бы мирная семейственная жизнь нравилась моему воображенію, то я бы васъ выбралъ — никого другаго... я бы въ васъ нашелъ... но я не созданъ для блаженства etc.... (недостоинъ)... Мнѣ ли соединить мою судьбу съ вашей?.... Вы меня избрали: вѣроятно я первая ваша passion— но увѣрены ли.... Позвольте вамъ совѣтъ дать». Здѣсь мы уже видимъ, что поэту даже представлялась, въ ту минуту, какъ онъ писалъ свою программу, — самая поэтическая форма будущаго монолога. Въ ней встрѣчаете вы уже одинъ полный стихъ его, и словомъ «недостоинъ» въ скобкахъ обозначено три слѣдующихъ за нимъ:

Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе *недостоинъ я.*»

Несмотря на это, поэтъ не бросилъ своей программы, увѣренный, что найдетъ свое добро тотчасъ, какъ захочетъ. Спокойно дописалъ онъ свои замѣтки, и вслѣдъ за ними началъ:

---

[1]) Мы забыли сказать, что первый образецъ программы для стихотвореній мы встрѣтили еще въ Ки[illegible]евской тетради поэта, передъ лирической пѣснію: *Наполеонъ.* Вотъ ея содержаніе: «Народы спрашиваютъ: Тотъ ли, который... Гдѣ онъ?.... Угасъ тотъ, который *то и то* — и Россію.... Но да не упрекнетъ его Русской.... Россія славна — бѣдная Франція въ униженіи.... Онъ объ ней мыслилъ.... Островъ Елены — тамъ онъ думалъ объ Россіи....»

Digitized by Google

Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда-бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;....

и такъ, не отступая отъ значковъ, поставленныхъ на пути своемъ, дописалъ онъ весь превосходный монологъ Онѣгина.... Все это принадлежитъ къ сокровеннымъ тайнамъ творчества, заслуживающимъ изученія.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полной черновой рукописи *Бориса Годунова*. Въ тетрадяхъ Пушкина остались только четыре первыя сцены, начиная съ разговора Шуйскаго и Воротынскаго въ Кремлевскихъ Палатахъ до сцены лѣтописца Пимена въ Чудовомъ монастырѣ включительно; но и это принадлежитъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ для тѣхъ, кто понимаетъ значеніе первыхъ плановъ, по которымъ выстроились великія произведенія. Борисъ Годуновъ писался вмѣстѣ съ Цыганами, вмѣстѣ съ IV и другими главами Онѣгина, которыя перерѣзываютъ его, такъ сказать, во многихъ мѣстахъ. Въ добавокъ еще, между первой и второй сценой его, находится черновая записка, касающаяся лично до Пушкина и написанная, какъ будто, отъ бездѣлья. Всего замѣчательнѣе, что сцена лѣтописца Пимена, проникнутая съ начала до конца поэтическимъ вдохновеніемъ, прерывается нѣсколько разъ, подтверждая несомнѣннымъ образомъ свидѣтельство автора, что онъ поджидалъ вдохновенія, когда необходимо было его участіе въ созданіи. Съ перваго монолога Пимена, со стиха: «Немного словъ доходитъ до меня», Пушкинъ покидаетъ лѣтописца, набрасываетъ строфу изъ Цыганъ, стихотвореніе: *Сожженное письмо*, XVII и XXIII строфы Евгенія (IV главы) и возвращается къ нему съ пророческимъ сномъ Григорія, столь удивительно просто изложеннымъ и столь зловѣщимъ въ устахъ молодаго послушника:

«Ты все писалъ и сномъ непозабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ.... и проч.

Между прочимъ эти три превосходные стиха находятся еще въ видѣ одно, не вполнѣ развитаго въ рукописи. Тамъ вмѣсто ихъ еще читается только: «*Три раза въ ночь злой врагъ будилъ меня*». Разсказъ Григорія написанъ въ первыхъ числахъ января 1825. Онъ при самомъ началѣ оставляется Пушкинымъ для XXIV строфы

Digitized by Google

Онѣгина (IV главы) и многихъ другихъ строфъ, попавшихъ въ слѣдующіе главы романа. Поэтъ нашъ возвращается къ Григорію послѣ нихъ и приноситъ описаніе его томленій въ кельѣ благочестиваго отшельника, его мыслей о старцѣ, трудящемся за лѣтописью:

«Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ....»

Вотъ начинаются тоскливые, мятежные разспросы его о быломъ, о дворѣ Іоанна, его роскоши, о битвахъ и раздается величавый голосъ инока — этотъ голосъ, который въ тишинѣ отшельнической кельи, ночью, звучитъ какъ умиротворяющій благовѣстъ и какъ живое слово изъ дальнихъ вѣковъ.

«Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній....»

И тутъ-то невольно поражены вы прозаической строкой, предшествующей всему этому монологу, въ которомъ древняя наша исторія облачилась въ одежду чудной поэзіи. Строка эта говоритъ: «Приближаюсь къ тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательнымъ.» Достаточно было этихъ бѣдныхъ словъ, чтобъ настроить духъ поэта и держать предъ мысленными его очами и лицо старца, незамѣчающаго преступныхъ волненій послушника, и лицо послѣдняго, страстно слѣдящаго за разсказомъ инока, гдѣ уже смутно предчувствуется ему возможность дерзкаго замысла и преступленія. Къ несчастію, повѣтствованіе лѣтописца прерывается въ рукописи на 8 стихѣ, за нимъ слѣдуютъ нѣкоторыя стихотворныя фразы Онѣгина (строфы XXV, IV-й главы):

«Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой....» и проч.

съ воображаемымъ портретомъ Ольги, тутъ же нарисованнымъ перомъ, и т. д., но Бориса Годунова мы уже болѣе не находимъ.

Не смотря на свою первоначальную форму, повидимому непогрѣшительную, сцена эта, при окончательной отдѣлкѣ, получила еще большую полноту, развитіе и устройство. Многіе ея стихи добавлены и исполнились содержанія, какъ мы уже видѣли въ одномъ при-

Digitized by Google

мѣрѣ. Произошла удивительная перестановка монолога; такъ монологъ Григорія:

«Борисъ! Борисъ! все предъ тобой трепещетъ....»

который въ печати превосходно замыкаетъ все явленіе, стоялъ прежде въ началѣ его, тотчасъ послѣ размышленія Пимена: «Еще одно послѣднее сказанье....» Вмѣстѣ съ тѣмъ выпущено было и много поэтическихъ фразъ, которыя современной своей живостью противорѣчили торжественному и спокойному выраженію, какое прилично исторической картинѣ. Два удивительные стиха, напримѣръ, замыкающіе раздумье Пимена надъ лѣтописью своею:

«Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня»

въ рукописи еще выражаются десятью стихами. Это ихъ первоначальная форма, которую здѣсь и приводимъ:

«Передо мной опять выходятъ люди,
Уже давно покинувшіе міръ,
Властители, которымъ былъ покоренъ,
И недруги и старые друзья —
Товарищи моей цвѣтущей жизни...
Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью —
И мнѣ давно, давно пора за ними!...»

Такъ создавалась эта геніальная сцена, плодъ глубокаго размышленія и неослабнаго поэтическаго вдохновенія, которая по силѣ творчества, въ ней проявившагося, есть столько же наше достояніе, сколько и достояніе литературъ всѣхъ образованныхъ народовъ.

Самъ авторъ любилъ ее и предназначилъ ей роль весьма важную. Онъ помѣстилъ сцену лѣтописца въ первомъ нумерѣ журнала, только что появившагося (Московскій Вѣстникъ 1827), съ цѣлію испробовать на ней вкусъ публики и узнать впечатлѣніе, какое произведетъ первый опытъ драмы, основа которой вращается на историческомъ изученіи и на теоріи творчества, еще не имѣвшей у насъ приложенія. Кажется, что опытъ былъ неудаченъ. Общее мнѣніе поражено было новымъ направленіемъ, какое принялъ поэтъ, но не увлечено имъ. Весьма немногіе угадали въ отрывкѣ поэтическое откровеніе

Digitized by Google

одной народной эпохи. Наиболѣе расположенные къ поэту еще признавали достоинство стиха, но другіе, числительно сильнѣйшіе—не видѣли уже прежняго сладкозвучнаго пѣвца своего за этимъ бѣлымъ стихомъ, и сожалѣли о юношескихъ, блестящихъ его произведеніяхъ, гдѣ рифма заканчивала образъ, всѣмъ понятный и увлекательный. Толки, возбужденные отрывкомъ, привели Пушкина къ мысли, что весь споръ о классицизмѣ и романтизмѣ былъ оптическій обманъ, созданный журналами, которому и онъ самъ поддался, и что необходимость преобразованія литературныхъ формъ не лежала въ общихъ потребностяхъ, въ дѣйствительно возмужаломъ и измѣнившемся вкусѣ публики. Почти съ той же минуты сталъ Пушкинъ считать трагедію свою анахронизмомъ и смотрѣть съ ироніей на предположеніе свое создать народную драму. Какъ ни горекъ былъ опытъ, но авторъ нашелъ ему оправданіе въ общемъ французско-классическомъ воспитаніи, какое получило все современное поколѣніе. Мы уже знаемъ, что Пушкину всегда казались смѣшными маленькія попытки преобразованія, а несвоевременность большаго преобразованія сама собой привела его къ заключенію, что авторъ долженъ подчиняться литературнымъ законамъ, уже признаннымъ всѣми и всѣхъ удовлетворяющимъ. Онъ началъ развивать эту мысль въ длинномъ письмѣ, одна часть котораго была уже совсѣмъ обдѣлана. Прилагаемъ ее здѣсь — и если въ строкахъ этихъ скорѣе проглядываетъ иронія и чувство огорченія, чѣмъ истинное убѣжденіе, то мы поймемъ, какъ тяжело долженъ былъ подѣйствовать на Пушкина неуспѣхъ его любимой и знаменитой сцены:

«Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ судьбѣ *Годунова*. Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; но теперь, когда, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде не подозрѣваемыя [1]).

«Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ Московскихъ и Петербургскихъ общеттвъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдные, однообразные списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ

[1]) Строки эти писаны, по всѣмъ вѣроятіямъ, тоже въ 1829 году.

Digitized by Google

источникахъ новой, народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая наша Словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, Французская Словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно, причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, несмотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, несмотря на грамматическія оковы.»

За тѣмъ слѣдуетъ необдѣланная, разбросанная часть письма, изъ которой и приводимъ слѣдующіе отрывки, съ трудомъ прочтенные, но списанные уже со всевозможною точностію.

1) «Между тѣмъ, читая мелкія стихотворенія, величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лже-классицизма Французскаго.»

2) «Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность: я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ.»

3) «Скоро я въ томъ удостовѣрился. Вы читали въ 1-й книжкѣ Московскаго Вѣстника отрывокъ изъ «Бориса Годунова», сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти Царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно-минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ.»

4) «Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для Русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтопис-

Digitized by Google

цевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Чтожъ вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ рифмъ назваться стихами. Г-нъ З. предложилъ промѣнять сцену Бориса Годунова на картинку Дамскаго Журнала. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики.»

5) «Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Что г-нъ З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты ошибочными извѣстіями, введшими меня въ искушеніе. Воспитанные подъ вліяніемъ Французской критики, Русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. *Нововведенія опасны и, кажется, не нужны.*»

Не надо и прибавлять, что это заключеніе, свидѣтельствующее такъ положительно о глубокой ранѣ, нанесенной холодностью публики надеждамъ и ожиданіямъ поэта, было только дѣломъ минуты перваго впечатлѣнія. Пушкинъ не могъ остановиться на немъ уже и по силѣ таланта, безпрестанно понуждавшаго его къ новой дѣятельности, къ новымъ попыткамъ и, еще болѣе, по характеру, который не выносилъ рѣзкихъ опредѣленій и неспособенъ былъ къ долгому упорству въ ложной рѣшимости. Онъ возвратился къ драмѣ «романтической», какъ онъ называлъ художественныя драматическія произведенія вообще, уже не разсчитывая на успѣхъ и не думая о немъ, движимый единственно потребностью творчества, и создалъ тѣ геніальныя сцены, которыя стоятъ въ Русской литературѣ до сихъ поръ въ уединенномъ величіи.

Переходя отъ литературныхъ убѣжденій, порожденныхъ или укрѣпленныхъ Борисомъ Годуновымъ, къ историческому созерцанію, которое Пушкинъ почерпнулъ въ немъ же, легко замѣтить, что оно состояло преимущественно въ спокойномъ, безкорыстно-благородномъ уваженіи къ прошлымъ дѣятелямъ на исторической оценѣ нашего отечества. Еще въ Одессѣ думалъ онъ о важности обязанностей, лежащихъ вообще на человѣкѣ и, особенно, на писателѣ, который своимъ происхожденіемъ связанъ съ сословіемъ, наиболѣе участвовавшимъ въ общемъ преуспѣяніи нашего отечества. Съ жаромъ объяснялъ онъ свою мысль, которая предписывала не Байроновскую спѣсь, а строгое, благородное пониманіе своего призванія. Работы, предшествовавшія Годунову, отдѣлили все случайное, лич-

Digitized by Google

ное, наносное въ этомъ взглядѣ и превратили его въ сочувствіе къ давно-прошедшимъ лицамъ, къ пониманію ихъ трудовъ, ошибокъ и успѣховъ въ дѣлѣ прославленія и нравственнаго развитія отчизны. Эта отвлеченная, кабинетная, такъ сказать, любовь къ прошедшему, не связанная ни съ какой посторонней, корыстной мыслію, составила основаніе его сужденій объ историческихъ лицахъ и эпохахъ и сообщила имъ теплоту и чувство. Онъ выразилъ ее превосходно въ одной замѣткѣ, помѣщенной, со многими другими, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ: «Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?» Другая рукописная замѣтка тоже объясняетъ ее: «Образованный Французъ или Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни Исторіи. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго....» Чѣмъ глубже проникали его историческія изысканія, тѣмъ болѣе очищалась и свѣтлѣла эта симпатія къ отечественнымъ дѣятелямъ и эпохамъ, которая не исключала сочувствія къ достоинству и благородству на всѣхъ ступеняхъ общества, а напротивъ вызывала и укрѣпляла его. Въ той же послѣдней замѣткѣ онъ прибавляетъ, что потомство Мининыхъ и Ломоносовыхъ, по справедливости, можетъ гордиться сими именами, какъ лучшимъ своимъ достояніемъ. Съ уваженіемъ смотрѣлъ онъ и на собственныхъ предковъ, говорилъ объ нихъ съ любовью и часто возвышался до поэтическаго представленія эпохи, видѣвшей ихъ дѣятельность. Такъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1846 года (апрѣль, томъ 45) приведено пять строфъ неизданнаго стихотворенія, посвященнаго памяти предковъ его; объ этомъ произведеніи мы скажемъ еще нѣсколько словъ впослѣдствіи.

Вообще, взглядъ глубокаго сочувствія и глубокаго уваженія къ сошедшимъ въ вѣчность историческимъ лицамъ сдѣлался въ Пушкинѣ даже мѣриломъ, по которому онъ судилъ степень способностей въ другихъ людяхъ къ полезному историческому труду вообще.

Собравъ такимъ образомъ почти всѣ свидѣтельства, какія нужны были для полнаго уразумѣнія важности этого произведенія въ жизни Пушкина и въ отечественной словесности, мы удерживаемся отъ оцѣнки его, предоставляя спеціальному труду критиковъ. Много и много слѣдуетъ говорить объ этихъ сценахъ, рисующихъ намъ

Digitized by Google

столкновеніе двухъ различныхъ, хотя и одноплеменныхъ народовъ, сценахъ, принадлежащихъ къ рѣдкимъ памятникамъ, гдѣ исторія, оживленная поэтическимъ вдохновеніемъ, проходитъ передъ глазами нашими во всей своей яркости, пестротѣ и жизни. Начиная съ русскаго величаваго пониманія властительныхъ обязанностей, до блестящаго хвастовства Самозванца; съ начальнаго, ученическаго труда Ѳеодора Годунова, до латинскихъ стихотворцевъ, сопровождающихъ станы Литовскихъ вельможъ; съ затворнической любви Ксеніи, до хитраго кокетства Марины; начиная со способа выражать мысли, столь различнаго въ двухъ партіяхъ, до ихъ пониманія своихъ обязанностей и своего достоинства — все это представляетъ удивительно яркую картину двухъ противуположныхъ цивилизацій, поставленныхъ лицемъ другъ къ другу и на минуту смѣшавшихся въ общемъ хаосѣ, порожденномъ обстоятельствами. Конечно, всякій, кто прочтетъ Бориса Годунова, съ глубокимъ сожалѣніемъ подумаетъ о продолженіи хроники, которое замышлялъ Пушкинъ и, можетъ быть, остановился по неуспѣху перваго опыта. Въ этомъ продолженіи словесность наша потеряла новое, рѣдкое вообще, поясненіе исторіи — поэзіей. Съ Бориса Годунова, Пушкинъ ушелъ въ самого себя, распростился на время съ прихотливымъ вкусомъ публики и ея требованіями, сдѣлался художникомъ про себя, творящимъ уединенно свои образы, какъ онъ вообще любилъ представлять художника. Слѣдующія задумчивыя и трогательныя французскія строки, найденныя нами въ двухъ отрывкахъ, свидѣтельствуютъ это несомнѣннымъ образомъ. Ими и заключаемъ всѣ свѣдѣнія, собранныя нами вокругъ трагедіи, составляющей первое звено самобытныхъ произведеній нашего поэта. Скажемъ только, что и онѣ готовились для предисловія къ Борису Годунову.

Первый отрывокъ:

«Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence passionée mes premiers essais et dans un tems, où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi — leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux».

Второй отрывокъ:

«Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose

Digitized by Google

plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur, avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie» [1]).

Такъ прощался Пушкинъ съ публикой, и не на однихъ словахъ, какъ увидимъ.

---

[1]) *Первый отрывокъ*: «Для предисловія. Публика и критика, принявшія мои первые опыты съ живымъ снисхожденіемъ и притомъ въ такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вѣроятно, навсегда отъ поприща, мною избираемаго, заслуживаютъ полной моей признательности: онѣ расплатились со мной совершенно. Съ этой минуты ихъ строгость или равнодушіе уже не могутъ имѣть вліянія на труды мои.»

Второй отрывокъ: «Представляюсь съ новыми пріемами въ созданіи. Не имѣя болѣе надобности заботиться о прославленіи неизвѣстнаго имени и первой своей молодости, я уже не смѣю надѣяться на снисхожденіе, съ которымъ былъ принятъ доселѣ. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я изъ ряда ея любимцевъ, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположеніе, съ которымъ принимала она слабые мои опыты въ продолженіи 10 лѣтъ моей жизни».

Digitized by Google

ГЛАВА XI.

Общая дѣятельность въ Михайловскомъ: Пріѣздъ Дельвига въ Михайловское (1825). — Отрывокъ изъ письма къ брату о пріѣздѣ Дельвига, отъѣздъ его и сосѣдей. — Пушкинъ въ деревнѣ съ няней и трагедіей. — Пушкинъ въ Псковѣ изучаетъ народность. — Слова Кирѣевскаго о его сборникѣ пѣсенъ. — Утерянныя посланія его. — Полународныя, полувымышленныя произведенія. — Разсказъ о медвѣдѣ: «Какъ весенней порой». — Монологъ пьянаго мужика: «Свѣтъ Иванъ, какъ пить мы станемъ». — Письмо къ Дельвигу отъ 8 іюня 1825 съ мнѣніемъ о Державинѣ. — Взглядъ Пушкина на русскую литературу прошлаго столѣтія. — Опредѣленіе Ломоносова, Сумарокова, Третьяковскаго, какъ писателей. — Слова Пушкина о 18 столѣтіи и его подражаніяхъ. — Пушкинъ измѣняетъ, съ теченіемъ времени, рѣзкость своихъ мнѣній о писателяхъ старой эпохи. — Письмо Пушкина отъ 12 марта 1825 по поводу «Взгляда на русскую словесность», помѣщеннаго въ Полярной Звѣздѣ 1825 г. — Его опроверженія и дополненія къ нему: сужденіе Пушкина о романахъ Бестужева и о русской полемикѣ вообще. — Снисходительность и ласковость Пушкина къ тогдашнимъ литераторамъ. — Отношенія его къ Дельвигу, Баратынскому и Языкову. — Впечатлѣніе отъ элегіи втораго: «Признаніе». — Отзывъ объ Эдѣ и о Слѣпушкинѣ. — Письмо Пушкина о «Вечерахъ на хуторѣ, близъ Диканьки». — Пушкинъ и Кольцовъ. — Письмо Пушкина къ Шишкову 2. — Примѣры вниманія Пушкина къ талантамъ. — Совѣты товарищу-моряку, сношенія его съ Щепкинымъ, Шевыревымъ, бар. Розеномъ, Ершевымъ, Губеромъ, альманахъ студента. — Въ Михайловскомъ написаны шесть главъ Онѣгина и гр. Нулинъ. — Происхожденіе гр. Нулина. — Пушкинскій переводъ Аріостова Орландо. — Исторія созданія «Египетскихъ ночей», тогда же начатыхъ. — Долгій искусъ, какому онѣ были подвержены. — Замѣтки при чтеніи. — Библіотека Пушкина. — Два отрывка изъ Пушкинскаго труда надъ Шекспиромъ. — Замѣтки при чтеніи исторіи Тацита: взглядъ на Тиберія, толкованіе разныхъ мѣстъ у Тацита. — Мысль основать журналъ. — Знойное лѣто въ Михайловскомъ и ожиданіе осени.

Въ 1825 году Пушкинъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ друзей своихъ, а въ томъ числѣ и Дельвига. Поэтъ нашъ выразилъ благодарность свою за это вниманіе дружбы въ нѣкоторыхъ стихотворныхъ посланіяхъ къ гостямъ своимъ, но, къ сожалѣнію,

Digitized by Google

мы весьма мало имѣемъ свѣдѣній о времяпровожденіи и вообще объ образѣ жизни ихъ въ Михайловскомъ. Касательно Дельвига сохранился только намекъ въ письмѣ Пушкина къ брату въ Петербургъ: «Какъ я былъ радъ Баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши въ него влюбились, а онъ равнодушенъ, какъ колода любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигринскимъ старостою; приказываетъ тебѣ кланяться; мысленно цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей, напримѣръ, устрицъ....» Въ томъ же году и семейство поэта, отецъ и мать его, покинули деревню. Съ отъѣздомъ семейства и друзей, вокругъ Пушкина образовалось полное уединеніе, такъ много способствовавшее развитію его идей и таланта. Единственная деревенская сосѣдка его, въ семействѣ которой любилъ онъ отдыхать отъ трудовъ и мыслей, волновавшихъ его, тоже покидала Тригорское. Пушкинъ оставался въ деревнѣ совершенно одинъ съ няней своей и трагедіей, какъ самъ писалъ. Впрочемъ онъ еще проводилъ сосѣдей до Пскова, извѣщая при томъ друзей, что ѣдетъ совѣтоваться съ докторами объ аневризмѣ въ сердцѣ, который предполагалъ въ себѣ. Время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова.

Не удивительно послѣ того, что П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ Пѣсенъ», напечатанныхъ въ Чтеніяхъ Общества любителей Исторіи, 1848, Москва, № 9, говоритъ слѣдующее: «А. С. Пушкинъ еще въ самомъ началѣ моего предпріятія доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсень, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи.» Если не ошибаемся, начало предпріятія П. В. Кирѣевскаго должно отнести къ 1830 году. Пушкинъ въ это время уже владѣлъ значительнымъ количествомъ памятниковъ народнаго языка, добытыхъ собственнымъ трудомъ.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилась любопытная записка, писанная карандашемъ. Это заглавіе разныхъ стихотвореній, созданныхъ до 1826 года включительно. Нѣкоторыя изъ этихъ заглавій, измѣненныя или выпущенныя въ изданіяхъ его сочиненій, состоятъ изъ собственныхъ именъ, и такимъ образомъ знакомятъ съ лицами, вну-

Digitized by Google

шившими ему поэтическіе образы или направившими его вдохновеніе. Такъ извѣстная пьеса: *Я помню чудное мгновенье* носитъ у Пушкина заглавіе: «Къ А. П. К.»; другое стихотвореніе обозначено словами: «Къ Кн. Гол.» (это извѣстная его пьеса: *Давно объ ней воспоминанье*); третье, тоже весьма извѣстное стихотвореніе, озаглавлено просто: «Къ Зинѣ».

Но для насъ всего важнѣе въ этой запискѣ перечетъ утерянныхъ или, по крайней мѣрѣ, еще скрывающихся его стихотвореній, которыя и въ бумагахъ его не находятся. Таковы посланія: *къ Гр. О**, *къ Р** и, наконецъ, коллекція пѣсенъ о С. Разинѣ, обозначенная въ запискѣ просто: *Пѣсни о С. Разинѣ*. Вѣроятно, что она принадлежала къ тому собранію пѣсенъ, часть которыхъ послана была П. В. Кирѣевскому.

По поводу пѣсенъ и вообще народныхъ произведеній слѣдуетъ, однакожъ, сдѣлать необходимое замѣчаніе. Между сборникомъ этихъ памятниковъ и попытками художественнаго воспроизведенія, ихъ манеры и содержанія въ сказкахъ и въ разныхъ другихъ формахъ поэзіи, былъ еще у Пушкина третій отдѣлъ народныхъ произведеній, большею частію неизвѣстный публикѣ. По сущности своей, отдѣлъ этотъ принадлежитъ отчасти простому, вѣрному сборнику, а отчасти переходитъ въ область подражанія и искусственныхъ соображеній своими поддѣлками, украшеніями и выправкой подробностей. Эти полу-народныя, полу-выдуманныя произведенія сохраняются у Пушкина въ первомъ, еще необдѣланномъ видѣ и, вѣроятно, такъ остались бы и при болѣе долгой жизни поэта. Онъ забылъ объ нихъ и, можетъ быть, потому, что самъ былъ недоволенъ смѣшеніемъ творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ творчествомъ, какое въ нихъ уже неизбѣжно. Можетъ статься, онъ былъ правъ, но надо сказать, сила Пушкина и близкое знакомство съ духомъ Русской поэзіи выступаютъ тутъ особенно ясно. Складъ и теченіе рѣчи удивительно близко подходятъ къ обыкновеннымъ пріемамъ народной фантазіи, и только по особенной полнотѣ и граціи подробностей видите, что тутъ прошла творческая рука поэта. Они кажутся деревенской пѣсней, пропѣтой великимъ мастеромъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается и тайна особеннаго наслажденія, доставляемаго ими. Для образца выписываемъ пѣсню или, лучше, разсказъ о Медвѣдѣ, созданный по этому способу, который такъ рѣдко удается писателямъ менѣе геніальнымъ, менѣе проникнутымъ духомъ народныхъ созданій.

Digitized by Google

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго —,
Выходила медвѣдица,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкой;
Стали медвѣжата про межъ собой играти
Обниматися, боротися,
Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возмись мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
«Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
«Перестаньте валятися,
«Обниматися, кувыркатися!
«Становитесь, хоронитесь за меня.
«Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
«Я сама мужику брюхо выѣмъ!»
Медвѣжатушки испужалися,
За медвѣдиху побросалися,
А медвѣдиха осержалася —
На дыбы подымалася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшки поклалъ,
А поклавши-то домой пошолъ:
«Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ
Что медвѣжья шуба въ 50 рублевъ,
А что вотъ тебѣ подарочекъ
Трои медвѣжатъ по 5 рублевъ».

* * *

Digitized by Google

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всѣму лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушокъ въ мѣшокъ повалъ.
Въ ту-пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
По свою ли сударушку,
Чернобурую медвѣдиху:
«Ахъ ты свѣтъ моя медвѣдиха!
«На кого меня покинула....?
«Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
«Веселой игры не игрывати,
«Милыхъ дѣтушекъ не родити,
«Медвѣжатушекъ не качати,
«Не качати, не баюкати!»
Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому ли медвѣдю — ко боярину:
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе
Прибѣгалъ тутъ волкъ. . . . . .
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые!
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ!
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгиничка,
Приходила лисица-подъячиха —
Подъячиха, казначеиха!
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькой, зайка сѣренькой!
Приходилъ цѣловальникъ — ёжъ:
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится!
. . . . . .

Гораздо позднѣе, Пушкинъ написалъ шутку въ этомъ же родѣ: *монологъ пьянаго мужичка*, къ которому приложилъ даже и картинку отъ руки, собственнаго издѣлія, изображающую веселаго разскащика за стаканомъ вина, въ послѣдней степени вакхическаго одушевленія. Кстати прилагаемъ здѣсь и этотъ отрывокъ:

Digitized by Google

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь-будь, что будь —
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать—такъ поминать,
Начинать—такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами, да виномъ,
Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!....
Слушать—такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно....
Слушай сватъ: начну первой
Сказка будетъ за тобой....
. . . . . .

Отсюда снова возвращаемся къ перепискѣ Пушкина. За скудостію подробностей о жизни поэта, она, по крайней мѣрѣ, довольно ясно рисуетъ нравственную его физіономію. Мы начнемъ прямо съ одного письма (къ Дельвигу), которое, можетъ статься, болѣе всѣхъ другихъ вводитъ насъ прямо во всѣ литературныя, задушевныя убѣжденія человѣка, написавшаго его. Оно носитъ почтовый штемпель гор. Опочки, съ числомъ: 8 іюня 1825 г.

Digitized by Google

«Жду, жду писемъ отъ тебя — и не дождусь. Не принялъ ли ты опять въ услуженіе покойнаго Никиту, или ждешь оказіи? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Ч. и дядю Петр. Льв. Получилъ эти извѣстія безъ пріуготовленія и нахожусь въ *ужасномъ* положеніи. Утѣшь меня: это священной долгъ дружбы (сего священнаго чувства)!

«Что дѣлаютъ мои *Разн. стих.?* Отъ Плетнева не получилъ ни одной строчки; что мой Онѣгинъ? Продается ли? По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего — и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни Русской грамоты, ни духа Русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *Оды*, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника.... Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ С***. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно объ Державинѣ [1]). Что дѣлаетъ Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ *Онѣгина*, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію! Дай Богъ ему многія лѣта! Его *Мѣльникъ* хорошъ какъ *Демьянъ и Ѳока.* Видѣлъ ли ты Н. М.? Идетъ ли впередъ исторія? гдѣ онъ остановился?...»

Письмо это само собой приводитъ насъ къ попыткѣ опредѣлить вообще взглядъ Пушкина на русскую литературу прошлаго столѣтія. Большимъ пособіемъ для такого труда можетъ служить статья

---

[1]) Приведенное здѣсь сужденіе Пушкина о Державинѣ относится къ 1815 г., какъ видимъ. Далѣе читатель убѣдится, что съ теченіемъ времени, накопленіемъ опытности, идей и развитіемъ мыслящей способности, Пушкинъ измѣнилъ свои сужденія какъ о Державинѣ, такъ и о другихъ старыхъ писателяхъ нашихъ къ лучшему. Такимъ образомъ отрывки Пушкина дѣлаются поучительнымъ примѣромъ, какъ истинно замѣчательный писатель поправляетъ свои сужденія и предостерегаетъ тѣмъ другихъ отъ раннихъ увлеченій, кончающихся неизбѣжно раскаяніемъ.

Digitized by Google

Пушкина: «О предисловіи Г. Лемонте къ баснямъ Крылова», изданнымъ во французкомъ и итальянскомъ переводахъ, въ Парижѣ, при помощи 89 французскихъ и италіянскихъ писателей, собранныхъ усиліями соотечественника нашего, графа Г. Г. Орлова, напечатавшаго потомъ труды ихъ въ двухъ томахъ. Статья Пушкина, по поводу предисловія Лемонте, написана была въ 1825 году и тогда же напечатана въ Московскомъ Телеграфѣ (1825; часть V, № XVII), съ подписью: Н. К.; но въ посмертное изданіе его сочиненій не попала. Въ ней опредѣляетъ онъ значеніе поэта этими превосходными словами:

«Поэзія бываетъ исключительною страстію не многихъ; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни» и проч.

По этому опредѣленію, отдавая справедливость заслугамъ Ломоносова въ отношеніи перваго созданія стихотворной формы и, особенно, въ отношеніи ввода въ языкъ величавыхъ оборотовъ церковнаго стиля, Пушкинъ не признаетъ его поэтомъ. Самъ Ломоносовъ, по другой замѣткѣ нашего поэта, немного дорожилъ славой стихотворца, отвращенный отъ нея успѣхами Сумарокова, «бездарнѣйшаго изъ подражателей», по мнѣнію Пушкина. «Стихотворство для Ломоносова, говоритъ Пушкинъ, было иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ». Мысль о невозможности предписывать нынѣ чтеніе Ломоносова въ видахъ эстетическаго наслажденія, Пушкинъ выразилъ чрезвычайно-осторожно слѣдующими словами: . . . . «Но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій 70 лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя!» Со всѣмъ тѣмъ, какъ велико было уваженіе Пушкина къ Ломоносову, свидѣтельствуетъ довольно большая и превосходная статья, посвященная исключительно характеристикѣ знаменитаго академика нашего—какъ ученаго, писателя и человѣка, и сохраненная настоящимъ изданіемъ. Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ, что вѣчный труженикъ, Тредьяковскій, нашелъ въ Пушкинѣ цѣнителя чрезвычайно снисходительнаго, разумѣется, не въ отношеніи своихъ произведеній, а за свои намѣренія и взглядъ на словесность. Изъ программы, набросанной Пушкинымъ для статьи о Русской литературѣ, извлекаемъ слѣдующій параграфъ: «Начало Русской Словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28 лѣтъ.

Digitized by Google

Ломоносовъ, плѣненный гармоніею риѳма, пишетъ, въ первой своей молодости, оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, degoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій—*одинъ, понимающій свое дѣло . . . .*»

Конецъ восемнадцатаго столѣтія и начало текущаго находятъ въ Пушкинѣ судью весьма строгаго: «Ничтожество общее, пишетъ онъ въ той же программѣ, Французская обмельчавшая Словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріянъ, Мармонтель, Гимаръ, M-me Жанлисъ овладѣваютъ Русской Словесностію.» Здѣсь еще прибавить слѣдуетъ, что, по отрывкамъ черновыхъ писемъ къ друзьямъ, можемъ заключить еще объ одной замѣчательной чертѣ, отличавшей сужденіе Пушкина въ эту эпоху его развитія: онъ не признавалъ сильнаго поэтическаго таланта ни въ И. И. Дмитріевѣ, ни въ Богдановичѣ, объясняя ихъ славу, какъ поэтовъ, общимъ, отчасти слѣпымъ соглашеніемъ и подтверждая свое мнѣніе соображеніями, основанными на отсутствіи поэтическихъ образовъ, истинной теплоты и одушевленія.

Дальнѣйшій ходъ жизни, умѣривъ въ Пушкинѣ первый пылъ, какъ самой мысли, такъ и слова, измѣнилъ отчасти и взглядъ его на своихъ предшественниковъ. Сохранивъ многое изъ прежнихъ убѣжденій, онъ, однакожъ, смягчилъ большую часть своихъ приговоровъ, а въ отношеніи нѣкоторыхъ писателей открылъ стороны, упущенныя изъ вида при первоначальной оцѣнкѣ. Это могло казаться противорѣчіемъ, хотя въ сущности такіе переходы скорѣе свидѣтельствуютъ о бодрости мысли, чѣмъ о слабости ея. Можетъ быть, рѣдкій человѣкъ представлялъ столько измѣненій во взглядѣ на искусство, какъ Пушкинъ; но эти-то измѣненія и привели его къ *Борису Годунову*, *Мѣдному Всаднику*, и проч. Съ мужествомъ таланта перемѣщалась и точка его зрѣнія на предметы. Прежде своихъ судей понялъ Пушкинъ, что оцѣнка старыхъ писателей, чисто отвлеченная, не заботящаяся объ условіяхъ времени, положенія автора и его отношеній къ общему развитію эпохи—можетъ быть справедлива, но окончательный приговоръ ея рѣдко бываетъ основателенъ. Для достиженія извѣстной степени истины, критику необходимо еще перейти къ исторической точкѣ зрѣнія, при которой всѣ предметы находятъ свои настоящія мѣста и ровно освѣщаются въ глазахъ его, при чемъ даже тѣни и полутѣни пріобрѣтаютъ важное значеніе и, по большей части, оправданіе свое. Противорѣчія Пушкина основыва-

Digitized by Google

лись именно на ближайшемъ знакомствѣ съ существомъ дѣла и были признаками его развитія. Онъ самъ понималъ это. Кажется, за годъ до кончины своей, онъ говорилъ одному изъ друзей своихъ: «Меня упрекаютъ въ измѣнчивости мнѣній. Можетъ быть: вѣдь одни глупцы не перемѣняются.»

Пояснивъ такимъ образомъ истинный смыслъ направленія, въ которомъ Пушкинъ находился нѣкогда, намъ уже легко привести большое полемическое письмо его, написанное противъ одного Обозрѣнія Русской Литературы, въ которомъ заключалось нѣсколько парадоксальныхъ мыслей. Обозрѣніе носило заглавіе: «Взглядъ на Русскую Словесность въ теченіи 1824 и въ началѣ 1825.» Письмо Пушкина служитъ ему отвѣтомъ и писано изъ Михайловскаго, 12 марта 1825 г.

«Отвѣчаю на первый параграфъ твоего: «Взгляда».... *У Римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку Геніевъ.* Грѣхъ отнять это тягло у таковыхъ людей, каковы: Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій, хотя они, кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовой дорогой подражанія [1]). Критики Греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfiere и Foscolo. У Англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Адиссона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, W. Scott, Moor и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной Французской литературѣ.

«*У насъ есть критика и нѣтъ литературы.* Гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ и недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова (уважая въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта: онъ понялъ истинный источникъ Русскаго языка и красоты онаго: вотъ его главная услуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно уже не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовой, до-нынѣ еще не оцѣненъ. Ода «Къ Фелицѣ» стоитъ на ряду съ «Вельможей,» ода «Богъ» съ одой «На смерть Мещерскаго,» ода «Къ Зубову» недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою. Богдановичъ причисленъ къ великимъ поэтамъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ, который стоитъ выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо! Что же ты называешь критикою?

---

[1]) «Виноватъ! Горацій не подражатель». *Пр. Пушк.*

Digitized by Google

Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? . . . Но признайся, что это все не можетъ установить какого-нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться уложеніемъ вкуса [1]). . . . . Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можешь сказать наоборотъ: Литература кой-какая есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты самъ немного позже съ этимъ соглашаешься.

«*Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ?* Во-первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

«*Ободренія у насъ нѣтъ, и Слава Богу.* Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніи.... Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній.... Карамзинъ, кажется, ободренъ. Жуковскій не можетъ жаловаться. Крыловъ также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ: посмотримъ когда появится его Гомеръ....

«*Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія.* Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои *комедіи* написалъ по *заказу* Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика. Безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха.... Державину покровительствовали три Царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ. Я буду за тебя говорить [2])».

---

[1]) «У одного только народа критика предшествовала литературѣ — у Германцевъ». Прим. Пушкина.

[2]) Вотъ ещё дополненіе къ этому письму, гдѣ есть нѣсколько замѣтокъ, касающихся того же взгляда и повѣсти: Ревельскій турниръ. «Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ — прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ — чувствую почему и благодарю, но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ создать ее.

«Твой турниръ напоминаетъ турниръ Walt. Scott-a. Брось Нѣмцевъ и оборотись къ намъ православнымъ. Да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами. Это хорошо для поэмы Байроновской. Романъ требуетъ *болтовни*: высказывай все на-чисто. Твой Владиміръ говоритъ языкомъ Нѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 330) etc, но описанія стана Литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ — прелесть. Конецъ также. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость....» Мы уже видѣли письменную полемику между литераторами по поводу Онѣгина, о которой намекаетъ Пушкинъ и въ этомъ письмѣ. Замѣчательно особенно то обстоятельство, что поэтъ

Digitized by Google

Но если Пушкинъ былъ строгъ къ прошлымъ дѣятелямъ на литературномъ поприщѣ, то къ современнымъ ему писателямъ сохранялъ уже, безъ измѣненій и безъ ограниченій, удивительное добродушіе и снисходительность. Черта эта уже не можетъ быть пояснена одной извѣстной его осторожностію въ обхожденіи съ людьми. Если послѣднее качество сопутствуетъ ему неразлучно повсюду, то, съ другой стороны, выступаетъ при этомъ новое и гораздо важнѣйшее — желаніе пособить всякому труду, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается благородный характеръ, во всю жизнь не знавшій зависти, можетъ быть, отчасти и потому, что во всю свою жизнь не зналъ соперничества. Не говоря о Жуковскомъ и Батюшковѣ, нападки на которыхъ способны были раздражать Пушкина, но онъ ободрялъ всѣхъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ, съ безкорыстіемъ, готовностію на совѣтъ и услугу, которые не имѣютъ уже другихъ причинъ, кромѣ расположенія къ добру. Многіе изъ нашихъ заслуженныхъ писателей, тогда еще молодые люди и товарищи Пушкина, должны помнить его простое, прямодушное участіе, возбуждавшее силы и нравственную бодрость. Даже нѣкоторая запутанность личныхъ сношеній съ людьми не имѣла никакого вліянія на это расположеніе цѣнить высоко всякій трудъ и увеличивать его достоинство, изъ опасенія не вполнѣ отдать должное ему. Онъ строго наблюдалъ за собой и преимущественно за своей врожденной наклонностью къ шуткѣ и веселости, боясь измѣнить чѣмъ бы то ни было основному правилу снихожденія къ людямъ. Такъ, онъ тщательно избѣгалъ разговора о стихахъ одного изъ своихъ знакомыхъ, потому что они имѣли силу иногда возбуждать въ немъ неудержимый смѣхъ, который старался онъ истощить въ уединеніи своего кабинета. Нѣсколько эпиграммъ, въ которыхъ Пушкинъ долго раскаявался, показали ему необходимость подобной предосто-

---

предавался полемикѣ только на письмѣ въ это время, а печатной избѣгалъ, полагая, что вѣкъ наступилъ не полемическій. Вотъ что замѣтилъ онъ вскорѣ послѣ своего вмѣшательства въ преніе между кн. Вяземскимъ и Вѣстникомъ Европы. «Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойнымъ Гете, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобъ ихъ стравить, поддразнить или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Д...ва о мнѣніи кн. Вяземскаго или мнѣніе Пи...ва о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели, но больше не буду.... 24 іюня 1824. Одесса». Однакоже онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на предметы, лѣтъ шесть спустя, какъ увидимъ.

Digitized by Google

рожности съ самимъ собою. Вообще же надо было много самонадѣянности, дерзости и непризнанія чужихъ заслугъ (послѣдняго Пушкинъ не могъ выносить, если относилось оно даже и къ лицамъ совершенно неизвѣстнымъ ему), надо было много оскорбленій для нравственнаго чувства и нападокъ на собственное его признаніе, чтобъ сдѣлать его литературнымъ врагомъ; но тогда, по другому закону своей природы, онъ уже слѣпо и неудержимо предавался негодованію....

Три поэта составляли для него плеяду, поставленную имъ почти внѣ всякой возможности суда, а еще менѣе, какого-либо осужденія: Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ. На Баратынскаго Пушкинъ излилъ, можно сказать, всю нѣжность сердца, какъ на брата своего по музѣ. Почти нельзя было сдѣлать при немъ ни малѣйшаго замѣчанія о стихахъ Баратынскаго и авторы критикъ самыхъ снисходительныхъ на пѣвца Эды принуждены были оправдываться предъ Пушкинымъ, и словесно, и письменно. Еще изъ Одессы въ 1824 г. (отъ 12 января) писалъ онъ по прочтеніи элегіи Баратынскаго *Признаніе:* «Баратынскій прелесть и чудо. *Признаніе* — совершенство. Послѣ него — никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся поступать со мною милостивѣе.» Въ самую эпоху, гдѣ мы находимся, онъ увѣдомлялъ Дельвига о томъ, что остался совершенно одинокимъ въ деревнѣ и прибавлялъ: «Праск. Алек. уѣхала въ Тверь. Сейчасъ пишу къ ней и отсылаю «Эду». Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ, но какое разнообразіе!... Гусаръ, Эда и самъ поэтъ — всякой говоритъ по своему. А описанія Финляндской природы! А утро послѣ ночи! А сцена съ отцемъ! Чудо! Видѣлъ я и Слѣпушкина. Неужто никто ему не поправилъ *Святки*, *Масляницу* и *Избу?* У него истинный *свой* талантъ; пожалуйста пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стихотвореній, съ тѣмъ, чтобъ онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своей дорогой. Жду отвѣта». Съ годами наслажденіе Баратынскимъ только росло въ Пушкинѣ, но имя Слѣпушкина, поставленное вслѣдъ за именемъ любимаго имъ поэта и сопровождаемое такимъ добродушнымъ изъявленіемъ удивленія — опять возвращаетъ насъ къ его готовности на поддержаніе всякаго усилія. Нигдѣ не выразилось это качество благороднаго характера съ такой теплотой, съ такимъ жаромъ, какъ при встрѣчѣ первыхъ произведеній Н. В. Гоголя. Въ одномъ старомъ журналѣ, въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду

Digitized by Google

(№ 79, 1831), сохранилось письмо Пушкина къ издателямъ его, тотчасъ по выходѣ: «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Приводимъ его.

«Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами, какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ необразумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

«Ради Бога возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей Словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго» [1]).

---

[1]) Изъ многихъ примѣровъ вниманія Пушкина къ талантамъ и вообще готовности на ободрительное понужденіе и совѣтъ, выбираемъ слѣдующіе, первые попавшіеся намъ на память. Въ 1827 году онъ встрѣтилъ С. П. Шевырева похвалой его стихотворнымъ произведеніямъ и тутъ же, по изумительной памяти, прочелъ ему на-изусть нѣсколько стиховъ изъ его стихотворенія: «Я есмь...» только что напечатаннаго. Въ послѣдующихъ годахъ, онъ безпрестанно понуждалъ извѣстнаго нашего артиста, М. С. Щепкина, къ начатію записокъ о своей жизни и сценическомъ поприщѣ своемъ и однажды, раскрывъ бѣлую тетрадь, самъ написалъ ему первую строку будущаго его труда. Одинъ изъ Лицейскихъ его товарищей, занимающій нынѣ почетное мѣсто въ морской службѣ, получилъ отъ Пушкина, при первомъ своемъ отправленіи вокругъ свѣта, длинныя наставленія, какъ вести журналъ путешествія. Онъ разсказывалъ намъ, что Пушкинъ долго изъяснялъ ему настоящую манеру записокъ, предостерегая отъ излишняго разбора впечатлѣній и совѣтуя только не забывать всѣхъ подробностей жизни, всѣхъ обстоятельствъ встрѣчи съ разными племенами и характерныхъ особенностей природы. Баронъ Розенъ однимъ усиліемъ своимъ выучиться Русскому языку до возможной степени совершенства, уже обратилъ на себя его вниманіе, а когда первыя стихотворныя произведенія барона Розена показали и присутствіе нѣкоторой поэтической способности — Пушкинъ сдѣлался его покровителемъ и наставникомъ. Признавая въ немъ и драматическій талантъ, даже въ

Digitized by Google

Подъ дѣйствіемъ этого снисходительнаго взгляда на людей, и внѣшнія формы жизни должны были пріобрѣсть и особенное достоинство, и особенную прелесть. Въ обхожденіи Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человѣка, и съ перваго раза установлявшая самыя благородныя отношенія между собесѣдниками. Поэтъ Кольцовъ, введенный въ общество Петербургскихъ литераторовъ, былъ пораженъ дружелюбной откровенностію пріема, сдѣланнаго ему Пушкинымъ. Съ робостію явился онъ къ знаменитому поэту и не встрѣтилъ ни тѣни величаваго благоволенія, ни тѣни покровительственнаго тона, которые тутъ еще могли бы имѣть причину и достаточный поводъ. Пушкинъ крѣпко сжалъ руку Кольцова въ своей рукѣ и заговорилъ съ нимъ какъ съ давнимъ знакомымъ, какъ съ равнымъ себѣ.... Черта эта проявляется, такъ сказать, нагляднымъ образомъ въ замѣчательномъ письмѣ Пушкина къ Шишкову 2-му, письмѣ, которымъ онъ связываетъ удивительно просто и благородно дружескія сношенія, прерванныя временемъ, и которое, поэтому, и прилагаемъ здѣсь:

«Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: *Милостивый Государь, лестное ваше знакомство, честь имѣю, покорнѣйшій слуга*, такъ-что я не узналъ мо-

---

большей степени, чѣмъ у гг. Хомякова и Кукольника (какъ это видно изъ небольшой замѣтки, сохранившейся въ запискахъ его), Пушкинъ особенно направлялъ его вдохновеніе на лирическій родъ поэзіи, говоря: «Помните, что лирическимъ поэтомъ можно быть только до 35 лѣтъ, а драмы писать до 70 и далѣе.» Въ апогеѣ своей славы, Пушкинъ съ живымъ одобреніемъ встрѣтилъ извѣстную Русскую сказку г-на Ершова: «Конекъ-горбунокъ», теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидѣтельству г-на Смирдина, принадлежатъ Пушкину, удостоившему ее тщательнаго пересмотра. Такъ точно переводъ Фауста въ стихахъ, сдѣланный г-мъ Губеромъ, нашелъ въ немъ восторженнаго цѣнителя — и нѣсколько часовъ утра въ продолженіи нѣсколькихъ дней посвящены были провѣркѣ этого перевода, вмѣстѣ съ молодымъ его авторомъ. Мы уже не говоримъ о письмахъ Пушкина, которыми старался онъ утѣшить самую посредственность, обращавшуюся къ нему за совѣтами, и направить ея вниманіе въ другую сторону. Вообще, ни одного призыва къ себѣ не оставлялъ онъ въ пренебреженіи и безъ отвѣта. Въ эпоху всеобщей страсти къ альманахамъ, одинъ молодой человѣкъ, еще и не окончившій курса воспитанія, обратился къ нему за стихами въ собственный альманахъ, для котораго приготовлено было только одно заглавіе. Пушкинъ тотчасъ же послалъ ему антологическое свое стихотвореніе: *Трудъ* (Мигъ вожделѣнный насталъ), при учтивомъ письмѣ, въ которомъ сожалѣлъ, что ничего болѣе важнаго въ эту минуту дать не можетъ. Альманахъ, разумѣется, никогда и не выходилъ.

Digitized by Google

его Царскосельскаго товарища. Если заблагоразсудишь писать ко мнѣ впредь, прошу тебя быть со мною на старой ногѣ; не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ: могли бы и стариной тряхнуть, и поповѣстничать, и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы видно подъ однимъ созвѣздіемъ.... Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ снѣгами Эльбруса, подъ Тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что-нибудь, пришли мнѣ; право сердцу хочется. Обнимаю тебя. Письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.»

Самъ Пушкинъ вѣрилъ *въ простодушіе геніевъ* и часто объяснялъ этимъ самыя хитрыя изреченія, приписываемыя имъ. Онъ могъ дойти до этого вѣрованія и по личному опыту.

Наконецъ въ Михайловскомъ были написаны Пушкинымъ шесть главъ Онѣгина и *Графъ Нулинъ*. О лирическихъ его произведеніяхъ и вообще, такъ-называемыхъ, мелкихъ стихотвореніяхъ не упоминаемъ: хронологическій порядокъ, въ которомъ помѣщены они въ нашемъ изданіи, легко укажетъ читателю поэтическую дѣятельность двухъ годовъ его деревенской жизни. Нѣсколько только словъ о Графѣ Нулинѣ. Сказочка эта, возбудившая такъ много толковъ впослѣдствіи, обязана происхожденіемъ забавной мысли, которую самъ авторъ разсказываетъ на одномъ клочкѣ бумажки, принадлежащемъ тоже къ разрозненнымъ и въ половину утеряннымъ его запискамъ:

«Въ концѣ 1825 находился я въ деревнѣ, пишетъ Пушкинъ, и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что еслибъ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило-бъ его предпріимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы,—и міръ и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать Исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть.» Такъ справедливо, что противъ шутки Пушкинъ не могъ устоять» [1]).

---

[1]) Это уже было почти семейнымъ качествомъ. Самъ Александръ Сергѣевичъ разсказывалъ анекдотъ изъ дѣтства своего. Меньшой братъ его, Николинька, лежалъ при-смерти. Александра Сергѣевича ввели въ комнату больнаго; умирающій ребенокъ распозналъ брата, успѣлъ показать ему языкъ и умеръ.

Digitized by Google

Не все, однакожъ, чѣмъ ознаменовалось въ поэтическомъ отношеніи деревенское пребываніе Пушкина, отдано было имъ публикѣ. Такъ, между прочимъ, позабылъ онъ въ тетрадяхъ своихъ переводъ XXIII пѣсни Аріостова Орландо. Онъ передалъ двѣнадцать октавъ пѣсни, начиная съ половины сотой до 112 включительно, именно то мѣсто, которое въ программѣ ея обозначается словами Principio della pazzia di Orlando (начало сумасшествія Орландо). Переводъ сдѣланъ весьма небрежно; видно, что для Пушкина это было скорѣе упражненіемъ въ Итальянскомъ языкѣ, чѣмъ настоящимъ творчествомъ: такъ 101 октава имъ не додѣлана, а 110 сокращена въ 4 стиха, впрочемъ вполнѣ сохраняющіе содержаніе подлинника. Любопытно, что одинъ стихъ Аріосто въ 103 октавѣ затруднилъ Пушкина, который послѣ двухъ пріемовъ и оставилъ его не побѣжденнымъ. Стихъ этотъ у Аріоста читается:

Va col pensier cercando in milli modi,
Non creder quel che al suo dispetto crede.

(Мысленно изыскиваетъ тысячи способовъ не вѣрить тому, чему однако же вѣритъ на бѣду свою). Пушкинъ сперва перевелъ: «Еще онъ силится не вѣрить», потомъ зачеркнулъ стихъ и написалъ: «Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ,» а потомъ замаралъ и это! Совсѣмъ тѣмъ поэтическій колоритъ Аріостовой кисти сохраненъ вполнѣ въ этомъ, едва набросанномъ переводѣ и былъ бы истиннымъ подаркомъ публикѣ въ то время. Вспомнимъ, что большинству ея поэма Аріоста казалась или сухой волшебной сказкой, благодаря французскимъ переложеніямъ, или напыщенной небылицей—по милости русскихъ переводовъ; поэтическаго оттѣнка ея оно не знало [1]).

Къ этому же времени принадлежитъ и первая мысль о *Египетскихъ ночахъ*. Стихотвореніе: «Чертогъ сіялъ. . .» было написано въ 1825 году, и если можно удивляться, что Борисъ Годуновъ пролежалъ 6 лѣтъ въ портфелѣ автора, прежде чѣмъ явился въ свѣтъ, то еще болѣе заслуживаетъ изумленія долгій искусъ, какому подвержена была эта пьеса, явившаяся въ печати уже по смерти Пушкина. Правда, въ тетради его, она исполнена такихъ помарокъ, что едва можно разобрать нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ. Только съ боку весьма четко написано: «Aurelius Victor.» Римскій писатель IV вѣка, который, однимъ замѣчаніемъ своимъ о Клеопатрѣ, подалъ Пушкину

[1]) Переводъ изъ Аріоста находится у насъ въ Приложеніи VI къ матеріаламъ.

Digitized by Google

первую мысль стихотворенія. Къ этой пьесѣ поэтъ нашъ возвращался уже потомъ нѣсколько разъ, но здѣсь мы остановимся. Исторія созданія Египетскихъ ночей до такой степени любопытна, по отношенію къ способу творчества у Пушкина, что мы будемъ излагать ее въ своемъ мѣстѣ, съ нѣкоторой подробностію. Имя *Aurelius Victor* указываетъ намъ, покамѣстъ, на разнообразнѣйшее чтеніе Пушкина въ ту же эпоху. Библіотека его уже росла по часамъ: каждую почту присылали ему книги изъ Петербурга. Надо замѣтить, что Пушкинъ читалъ почти всегда съ перомъ въ рукахъ: страницы русскихъ альманаховъ и разныхъ другихъ брошюръ были покрыты его замѣтками, теперь, къ сожалѣнію, не существующими. Болѣе важнымъ созданіемъ посвящалъ онъ извлеченія и замѣтки на особыхъ листахъ; такимъ образомъ прочелъ онъ въ деревнѣ всего Шекспира и Римскую Исторію Тацита. Письма Пушкина о Годуновѣ, приведенныя нами, достаточно показываютъ его глубокое пониманіе произведеній великаго драматурга, но собственно работы надъ Шекспиромъ теперь не существуетъ. Блестящимъ остаткомъ ея могутъ служить два отрывка: одинъ съ разборомъ Фальстафа, напечатаннымъ посмертнымъ изданіемъ въ «Запискахъ Пушкина», а другой, касающійся драмы Ромео и Юліи и посмертнымъ изданіемъ пропущенный. Онъ приложенъ былъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г. къ переводу одной части Шекспировой Трагедіи (Ромео и Юлія, дѣйствіе III, явленіе 1-е) неизвѣстнаго автора [1]). Отрывокъ этотъ сопровождался въ альманахѣ припиской на концѣ: «Извлечено изъ *рукописнаго сочиненія* А. С. Пушкина». Этого рукописнаго сочиненія, однако, нѣтъ въ бумагахъ поэта и мы принуждены ограничиться сбереженіемъ только самого отрывка, единственнаго его остатка:

«Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія *Ромео и Джульета*, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ ясно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и *concelti*. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность.

[1]) Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ изъ той же трагедіи Шекспира помѣщенъ былъ отрывокъ (лучшее мѣсто всего сочиненія), по переводу П. А. Плетнева. Не знаемъ, ему ли принадлежитъ и тотъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Digitized by Google

Послѣ Джульеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій Шекспировой граціи, Меркутіо, образецъ молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изо всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители Итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, Французами XVI вѣка.»

Обращаясь къ Римской исторіи, мы можемъ сказать, что Пушкинъ нашелъ въ ней одно величавое лице, приковавшее все вниманіе его, именно Тиберія: «Чѣмъ болѣе читаю Тацита, пишетъ онъ, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности.» Въ другой разъ, въ своемъ *трактатѣ о воспитаніи*, о которомъ скоро будемъ говорить, онъ прибавляетъ: «Тацитъ есть великій писатель, впрочемъ исполненный политическихъ предразсудковъ.» По обыкновенію своему, Пушкинъ сталъ писать замѣтки о Тиберіи, слѣдя за мыслями кесаря по разсказу знаменитаго Римскаго историка и выводя изъ сжатыхъ его опредѣленій тѣ поясненія, образцы которыхъ находятся у Макіавеля въ его разсужденіяхъ о книгахъ Тита Ливія. Какъ примѣръ этой борьбы съ Тацитомъ и самаго способа веденія исторической полемики, прилагаемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ толкованій Пушкина:

I.

«Тиберій не могъ быть доволенъ Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ время службы, допущаетъ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столь явныхъ ошибокъ. Тиберій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ онъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много благоразумія: не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворилъ порядокъ.»

II.

«Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: «Онъ вострѣе.» Это показалось,

Digitized by Google

говоритъ Тацитъ, слишкомъ злобно и жестоко самимъ яростнымъ мятежникамъ.

«Самоубійство было обыкновенно въ древности. Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди, и мать ея не останавливаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ послѣдовать за нимъ и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.»

III.

«Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой Овидія, умираетъ въ *изгнаніи и въ нищетѣ*, но не отъ *нищенства и голода*, какъ пишетъ Тацитъ. Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ....»

IV.

«Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ Сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!»

Такъ проводилъ время Пушкинъ въ безпрерывныхъ занятіяхъ, въ безпрерывномъ творчествѣ, въ безпрерывной бесѣдѣ съ друзьями и въ отдохновеніяхъ дружбы, которую нашелъ близъ себя. Замыслы на будущее не были пренебрежены имъ: въ это время уже онъ думалъ объ основаніи журнала, который могъ бы служить выраженіемъ какъ его литературной дѣятельности, такъ и взгляда на искусство и на текущія явленія отечественной и иностранной словесности. Онъ поручалъ кн. В-му, находившемуся тогда въ Москвѣ, устройство этого дѣла, но дѣло устроилось только въ 1827 году, основаніемъ Московскаго Вѣстника и личнымъ его участіемъ.

Лѣто 1826 года было знойно въ Псковской губерніи. Недѣли проходили безъ облачка на небѣ, безъ освѣжительнаго дождя и вѣтра. Пушкинъ почти бросилъ всѣ занятія свои, ища прохлады въ садахъ Тригорскаго и Михайловскаго и дожидаясь осени, которая приносила ему, какъ извѣстно, бодрость и веселье.

10 августа дописалъ онъ шестую главу Онѣгина, гдѣ такъ трогательно прощается со своею молодостью:

Digitized by Google

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры
За всѣ, за всѣ твои дары.
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я насладился.... и вполнѣ.
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть....

Такъ оканчивалась шестая глава Онѣгина съ замѣткой: «10 августа». Двѣ дополнительныя строфы ея съ описаніемъ свѣтскаго общества принадлежатъ уже къ пребыванію поэта въ Москвѣ....

Digitized by Google

ГЛАВА XII.

Переѣздъ въ Москву и жизнь Пушкина въ обѣихъ столицахъ. 1826—1827 г.: Осенью 1826 (сентября 3) Пушкинъ получаетъ позволеніе пользоваться совѣтами врачей въ Москвѣ, представленъ государю императору. — Пушкинъ снова въ деревнѣ, гдѣ получаетъ «Тригорское» Языкова и въ ноябрѣ опять является въ Москву.—Письмо къ Алексѣеву съ дороги.—Письмо къ Языкову съ приглашеніемъ участвовать въ Московскомъ Вѣстникѣ. — Стансы: «Въ надеждѣ славы». — Разсужденіе «О воспитаніи», составленное по порученію начальства. — Зима и весна 1826—1827 г. въ Москвѣ, жизнь его тамъ и недовольство жизнію. — Лѣтомъ 1827 г. Пушкинъ въ Петербургѣ, а къ осени снова возаращается въ деревню.

3 сентября получено было во Псковѣ всемилостивѣйшее разрѣшеніе на просьбу Пушкина о дозволеніи ему пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ. Державная рука, снисходя на его прошеніе, вызвала его въ Москву, возвратила его городской жизни, которую онъ такъ любилъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указала ему обязанности, лежавшія на немъ, какъ на гражданинѣ и писателѣ, который долженъ употребить отличныя свои способности на преданіе потомству славы нашего отечества. Тотчасъ по прибытіи въ Москву, Пушкинъ имѣлъ счастіе быть представленъ государю императору. Скажемъ здѣсь, что впослѣдствіи, во всѣхъ случаяхъ жизни своей, Пушкинъ вспоминалъ о наставленіяхъ, преподанныхъ ему въ это время отеческою снисходительностію монарха, не иначе какъ съ чувствомъ благоговѣнія и умиленіемъ.

Москва приняла его съ восторгомъ и, долго лишенный удовольствій столицы, онъ предался имъ съ энергіей, которая было заснула въ деревнѣ. Всю зиму онъ почти не брался за перо, наслаждаясь и славой, которая всюду встрѣчала его, и заискивающимъ вниманіемъ окружающихъ. Успѣхи въ обществѣ снова стояли на первомъ планѣ въ его жизни и снова овладѣла имъ та жажда перемѣнъ мѣстъ, то

Digitized by Google

исканіе впечатлѣній, встрѣчъ и происшествій, какими отличалась его первая молодость и, преимущественно, Одесская и Кишиневская жизнь. Утомленіе явилось и тутъ въ свою очередь, въ концѣ 1829 года, какъ прежде мы видѣли въ Михайловскомъ, пять лѣтъ тому назадъ.

Едва осмотрѣвшись въ Москвѣ, Пушкинъ уѣхалъ снова въ деревню, для приведенія въ порядокъ дѣлъ, и преимущественно для разбора и укладки книгъ своихъ, которыя намѣревался отправить въ одну изъ столицъ [1]). Въ ноябрѣ онъ уже писалъ изъ Пскова собираясь снова на возвратный путь въ Москву, посланіе къ *Н. С. А . . . . ву*, товарищу своего Бессарабскаго житья-бытья:

«Приди о другъ, дай прежнихъ вдохновеній
Минувшаго мнѣ жизнію повѣй.

«Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма.... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка.... милый мой: ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ твоихъ развалинахъ въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ или у тебя, мой милый, въ свѣтлой чистой избушкѣ.... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю.... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось Богъ милостивъ, увижу гдѣ нибудь чинно-сидящаго моего друга или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторацiи за обѣдомъ. Нѣтъ — такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ бѣлокаменную. Надежды нѣтъ или очень мало. По крайней мѣрѣ пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя подчивать новостями Московскими.

Прощай, отшельникъ Бессарабской,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй же меня не сказочкой Арабской
Но Русской правдою твоей.»

По прибытіи въ Москву, онъ опять пишетъ нѣсколько строкъ къ Языкову, но въ этихъ строкахъ — отъ 21 ноября 1826 — уже заклю-

[1]) Въ деревнѣ онъ нашелъ посланіе Н. М. Языкова, извѣстное *Тригорское* и съ восторгомъ писалъ ему: «Милый Н. М.! Сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское. Спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай вамъ Богъ здоровья, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія!»

Digitized by Google

чается любопытное свидѣтельство, что изданіе журнала, о которомъ Пушкинъ думалъ еще въ деревнѣ, тогда было рѣшено.

«Письмо ваше получилъ я въ Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новограда — вамъ, достойному пѣвцу того и другаго. Пишу однакожъ изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ *Моск. Вѣстникѣ*, слѣдственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи въ Москву на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой, откуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія. Непремѣнно будьте же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется.

«Я усталъ и боленъ — потому вамъ и не пишу болѣе. В.... кланяюсь, обѣщая мое высокое покровительство. — 21 ноября. Тригорское ваше съ вашего позволенія напечатано будетъ во 2 № Моск. Вѣстн.

«Рады ли вы Журналу? Пора задушить Альманахи. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ Телеграфу — жаль, но что же дѣлать?»

И такъ Пушкинъ возвратился въ Москву 20 ноября, и 22 декабря уже писалъ въ домѣ Зуб., своихъ знакомыхъ, извѣстные и превосходные стансы: *Въ надеждѣ славы и добра*. Тогда же представилъ онъ свое разсужденіе *о воспитаніи юношества*, составленное имъ по порученію высшаго начальства. Небольшое разсужденіе это было единственнымъ трудомъ Пушкина, шумной зимой 1826—1827 года, если исключимъ всегдашнія его занятія своимъ Онѣгинымъ. Нѣсколько черновыхъ безсвязныхъ отрывковъ трактата о воспитаніи, сохранившихся въ его бумагахъ, не даютъ никакой ясной идеи о сочиненіи; но изъ отзыва, воспослѣдовавшаго на разсужденіе, можно заключить объ односторонности основной мысли автора. Изъявляя ему признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины, высшее начальство поставило ему на видъ, что правило, принятое сочинителемъ, будто просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное; ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества и, наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. Самъ Пушкинъ сознавалъ недостатки своего труда, извиняя ихъ малымъ знакомствомъ съ предметомъ, который дотолѣ никогда не занималъ его мыслей, и прося позволенія заняться чѣмъ либо, болѣе ему близкимъ и извѣстнымъ.

Всю зиму и почти всю весну Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ: въ

Digitized by Google

началѣ мая мѣсяца 1827 г. онъ получилъ дозволеніе на пребываніе и въ Петербургѣ. Въ іюнѣ онъ уже былъ на берегахъ Невы и 14-го іюля написалъ тамъ посланіе къ Языкову *(Къ тебѣ сбирался я давно)*, а 27 іюля стихотвореніе: *Три ключа.*

Московская его жизнь, какъ мы уже сказали, была рядомъ забавъ и вмѣстѣ рядомъ торжествъ. Впервые ознакомилъ онъ тутъ друзей съ своей комедіей о Борисѣ Годуновѣ: удивленіе и похвалы были общія. Пушкинъ еще не пришелъ къ тому сомнѣнію о возможности ея успѣха, въ которомъ находился послѣ и не безъ основанія, какъ извѣстно. Вечеръ 1826 года, когда въ первый разъ прочелъ онъ свое произведеніе въ домѣ Вен...., если не ошибаемся, доселѣ вспоминается многими съ восторгомъ. Неожиданность появленія этой народной драмы, не имѣвшей связи ни съ настоящими, ни съ прошедшими явленіями русской словесности, да и оставшейся безъ послѣдователей и продолженія; самъ чтецъ, получившій какую-то удивительно смѣлую и оригинальную красоту въ собственномъ вдохновеніи — все это осталось неизгладимо въ памяти свидѣтелей. Въ первое время Пушкинъ жилъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей на Собачьей площадкѣ, въ домѣ, кажется, принадлежащемъ теперь г-ну Левенталю. Послѣ кратковременной отлучки, онъ уже поселился какъ мы видѣли, на Молчановкѣ, въ домѣ Ренкевичевой. Онъ вставалъ поздно послѣ баловъ и, вообще, долгихъ вечеровъ, проводимыхъ наканунѣ. Пріемная его уже была полна знакомыхъ и посѣтителей, между которыми находился одинъ пожилой человѣкъ, не принадлежавшій къ обществу Пушкина, но любимый имъ за прибаутки, присказки, народныя шутки. Онъ имѣлъ право входа къ Пушкину во всякое время и платилъ ему своимъ добромъ за гостепріимство. Въ городской жизни, въ ея шумѣ и волненіи, Пушкинъ былъ въ настоящей своей сферѣ. Это можно видѣть даже изъ нѣсколькихъ строкъ, начертанныхъ карандашомъ на перебѣленной копіи Бориса Годунова: « Voici ma tragedie. Je voulais vous l'apporter moi-même, mais tous ces jours — j'ai fait le jeune homme.... »

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

Московскій Вѣстникъ. Письмо къ Погодину со стихами: «Пока не требуетъ поэта», для его журнала. — Основаніе Московскаго Вѣстника, его направленіе, сущность теорій Московскаго Вѣстника. — Теорія отражается въ стихотвореніяхъ поэта: «Чернь» «Поэтъ, не дорожи любовію народной» и проч. — Перстень бережно хранимый Пушкинымъ. — Пушкинъ по призванію и по теоріи становится художникомъ про себя. — Его внутренній міръ. — Стихи: «Мигъ вожделенный насталъ» и неизданная строфа: «Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва». — Мысль о призваніи истиннаго поэта успокоиваетъ Пушкина въ волненіяхъ жизни. — Заботливость Пушкина объ изданіи Московскаго Вѣстника. — Альманахъ «Уранія» 1826, отрывокъ изъ письма къ Погодину съ осужденіемъ альманаха. — Другое письмо, свидѣтельствующее о важности какую, наоборотъ, придавалъ онъ журналу.

Только неожиданные удары и неразрѣшимыя противорѣчія, въ которыхъ онъ самъ запутывался, возвращали его отъ времени до времени къ самому себѣ. Въ непрерывной цѣпи удовольствій, которыя подъ-часъ имѣютъ свои тяжелыя обязанности, а иногда понуждаютъ къ тѣмъ опрометчивымъ шагамъ, для исправленія которыхъ нужно такъ много энергіи, пролетѣла зима 1827 г. для Пушкина, оставивъ ему нѣсколько сладкихъ воспоминаній и много горечи на душѣ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы весной, сперва въ Петербургъ, потомъ въ деревню, но недовольный собой и недовольный другими. Свѣтлый взглядъ на себя и внутренняя тишина возвращались къ Пушкину почти тотчасъ, какъ онъ сходилъ съ почвы, на которой страсти его пріобрѣтали всегда особенную силу. Примѣровъ этому много въ жизни его. Прибывъ въ Михайловское, онъ писалъ оттуда П. М. П—у, посылая нѣсколько стихотвореній въ журналъ Московскій Вѣстникъ.

«Что вы дѣлаете? Что вашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина ему на шапку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ цензуры. Я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы.»

И вслѣдъ за этими словами, Пушкинъ начинаетъ свое превосходное стихотвореніе:

Digitized by Google

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ,

которое въ одно время представляетъ и общій поэтическій образъ и частное изображеніе его нравственнаго состоянія въ то время.

Скажемъ нѣсколько словъ о новомъ журналѣ, существованіе котораго Пушкинъ признавалъ одно время совершенно необходимымъ какъ для себя, такъ и для литературы. Особенно важно для біографіи его то обстоятельство, что направленіе журнала укрѣпило и развило въ немъ тотъ взглядъ на художника и искусство, который онъ выразилъ въ извѣстныхъ своихъ стихотвореніяхъ: *Чернь*, *Поэтъ*, *Эхо*, *Поэтъ*, *не дорожи любовію народной*, и который заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія.

Вѣроятно, еще многіе помнятъ усилія Московскаго Вѣстника ознакомить публику прямо съ нѣмецкими теоріями изящнаго, по-мимо толкованій и измѣненій французскихъ критиковъ. Такія же попытки альманаха «Мнемозина» остались безуспѣшны, особенно за туманность языка, еще необразованнаго тогда для логическихъ тонкостей и отвлеченій. Московскій Вѣстникъ открылъ другой путь: онъ обратилъ преимущественно вниманіе на осязательную сторону нѣмецкихъ теорій, ихъ страстную любовь къ предмету и романтическое одушевленіе. Безъ всякой послѣдовательности и строгой системы, журналъ прилагалъ отрывки изъ Жанъ-Поля, Тика и Шеллинга. Правда, что отрывочность эту тогда же ставили въ упрекъ журналу, даже его приверженцы, какъ мы имѣли случай видѣть въ неизданной перепискѣ Туманскаго съ Пушкинымъ. Статьи сотрудниковъ перерабатывали только положенія нѣмецкихъ писателей, облекая ихъ въ ту восторженную и, отчасти, сантиментальную форму, которая составила цвѣтъ журнала и тайну его вліянія на молодыхъ людей. Лирическій языкъ, какимъ писались эти, вообще короткія статьи, былъ, можетъ-статься, тогда способнѣе, чѣмъ всякое другое изложеніе — держать въ напряженіи пробуждающееся эстетическое чувство и порождать стремленіе къ изящному, въ чемъ и состояла цѣль журнала. Пушкинъ принялъ дѣятельное участіе въ судьбѣ его, посвятилъ ему много своихъ произведеній и какъ человѣкъ, понимавшій практическую сторону всякаго дѣла, расчитывалъ на 10 тысячъ дохода за свое сотрудничество. Коммерческія его соображенія удались только въ половину, но важнѣе всего этого то обстоятель-

Digitized by Google

ство, что изъ круга молодыхъ людей, содѣйствовавшихъ успѣху журнала, вынесъ онъ свой полный, установившійся взглядъ на художника и искусство. Тѣмъ быстрѣе усвоилъ онъ себѣ ихъ теорію творчества, что она только развила и дополнила собственное его пониманіе предмета, уже высказанное имъ въ извѣстномъ «Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ», появившемся за три года до основанія журнала.

Сущность теоріи состояла въ весьма строгомъ взглядѣ, какъ на призваніе художника, такъ и на задачу самаго искусства. Послѣднее опредѣляла она проявленіемъ *безконечнаго* въ ограниченныхъ или *конечныхъ* формахъ и создавала ему такимъ образомъ цѣль высокую, независимую отъ требованій современности. Идеальное пониманіе искусства само-собой приводило къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника, посвятившаго ему жизнь свою. Какъ служитель изящнаго, онъ не принадлежалъ толпѣ, не раздѣлялъ ея стремленій и не признавалъ ея нуждъ. Подъ дѣйствіемъ этой теоріи, имѣвшей на Пушкина сильно вліяніе, написалъ онъ свое стихотвореніе: *Чернь*, названное имъ въ рукописи: «*Ямбъ*». Заключительные стихи его превосходно выражаютъ сущность всего воззрѣнія:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, ученіе ставило художника и единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своего произведенія. По сущности теоріи, художникъ не нуждался въ сочувствіи окружающихъ, не имѣлъ надобности отдавать отчета въ своихъ сношеніяхъ съ идеаломъ и одинъ зналъ первую причину и настоящую цѣль своихъ произведеній. Въ превосходномъ стихотвореніи: *Поэтъ, не дорожи любовію народной*, Пушкинъ отвергалъ всякое постороннее вмѣшательство этими гордыми словами, обращенными къ художнику:

. . . . . Живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.
Онѣ въ самомъ себѣ. Ты самъ—свой высшій судъ.

Условія самаго таланта и внѣшнія обстоятельства еще болѣе укрѣпили въ поэтѣ нашемъ этотъ взглядъ на художника и, по отраже-

Digitized by Google

нію идеи, на собственное призваніе. Талантъ Пушкина былъ тайною для него самаго, которую онъ не могъ объяснить иначе, какъ сравненіемъ съ явленіями физической природы, дѣйствующими по законамъ, имъ невѣдомымъ. Вспомнимъ его описаніе поэта въ «Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ»:

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной и проч.,

вспомнимъ еще его сравненіе поэта съ эхомъ въ извѣстной пьесѣ: *Эхо*:

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Таковъ и ты поэтъ! восклицаетъ Пушкинъ въ концѣ стихотворенія. Дѣйствительно, его поэтическая способность должна была ему самому казаться неизъяснимымъ предопредѣленіемъ, потому что если обширное чтеніе, образованность, размышленіе давали ей матеріалы и пищу, то породить ее были не въ силахъ. Онъ такъ хорошо чувствовалъ это, что, по извѣстной склонности своей къ суевѣрію, соединялъ даже талантъ свой съ участью перстня, испещреннаго какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимаго имъ. Перстень этотъ находится теперь во владѣніи В. И. Даля. Не менѣе высоко долженъ онъ былъ цѣнить и искусство вообще въ приложеніи къ самому себѣ. Кромѣ славы и обширныхъ средствъ существованія, какія были ему всегда потребны, только въ искусствѣ находилъ онъ благотворное разрѣшеніе противорѣчій собственнаго своего существованія, только въ немъ примирялся онъ съ самимъ собое и сознавалъ себя въ высокомъ нравственномъ значеніи. Такъ теорія искусства сходилась здѣсь съ самой жизнію. Впослѣдствіи холодность публики и невниманіе ея къ лучшимъ, зрѣлымъ его произведеніямъ, еще глубже погрузили его въ художническое уединеніе, которое онъ воспѣвалъ. Дѣйствительно, Пушкинъ сдѣлался и творцомъ независимымъ отъ вкуса и расположенія публики, и единственнымъ, вѣрнымъ судьей своихъ произведеній. Обстоятельства много способствовали къ оправданію и укорененію въ немъ отвлеченной теоріи, которая получила впослѣдствіи еще сильнѣйшее раз-

Digitized by Google

витіе. Къ концу своего поприща, Пушкинъ пришелъ къ мысли и убѣжденію, что самый трудъ, какъ предметъ, назначенный для общаго достоянія всѣхъ—ничего не значитъ въ глазахъ поэта, а важны для послѣдняго только высокія наслажденія, доставленныя теченіемъ труда. Мы находимъ уже эту мысль въ антологическомъ стихотвореніи: *Мигъ вожделѣнный насталъ*, но ярче выразилась она въ одномъ неизданномъ стихотвореніи, которое прилагаемъ здѣсь въ точности:

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни удивленья, ни напѣва,
Ни нуждъ, ни смѣха, ни труда.
Глупецъ кричитъ: «*Куда, куда?*
Дорога здѣсь»,—но ты не слышишь.
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечты невольныя. Твой трудъ
Тебѣ награда—имъ ты дышешь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ—рабынѣ суеты. . . .

Воззрѣніе это принесло существенную пользу въ жизни Пушкина. Оно отчасти успокоило его въ виду кривыхъ толковъ, скоро возбужденныхъ его произведеніями. Не надо забывать, однакожъ, что все отвлеченное и неприложимое къ жизни въ теоріи, исправлено было практическимъ смысломъ самого поэта, который никогда не могъ отдѣлиться отъ историческаго и дѣйствительнаго быта родины, отъ окружающихъ явленій природы, и никогда не могъ уйти въ самаго себя до того, чтобъ случайныя, мѣстныя явленія не тревожили его сердца и не пробуждали его вдохновенія [1]).

---

[1]) Есть и еще неизданное стихотвореніе Пушкина, въ которомъ выражается его воззрѣніе на поэта, но оно особенно важно для исторіи, такъ сказать, его стихотвореній. Кому не извѣстна превосходная его пьеса: *Къ Н.* (*Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ*)? Извѣстно также, что ея величавый и суровый тонъ переходитъ въ концѣ къ тихому, граціозному образу, сообщающему всей пьесѣ неуловимую прелесть.

Нѣтъ! Ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, а также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Но здѣсь еще пьеса не кончается у Пушкина. На другой страницѣ онъ продолжаетъ ее, но какъ-будто уже для самаго себя, какъ-будто для того, чтобъ

Digitized by Google

И надо видѣть въ перепискѣ его съ издателемъ Московскаго Вѣстника, напечатанной въ Москвитянинѣ 1842, № 10—сколько усилій, поощренія, заботливости и увѣщаній истощилъ Пушкинъ на поддержаніе бодрости въ редакціи и на утвержденіе журнала. Когда издатель его, вѣроятно, по недостаточности средствъ, доставляемыхъ Вѣстникомъ, хотѣлъ опять приступить къ альманаху «Уранія», уже изданному имъ разъ въ 1826 г., Пушкинъ пришелъ почти въ ужасъ. Цѣль журнала была именно уничтожить безплодные сборники, такъ сильно размножившіеся въ это время. Пропускаемъ начало письма и приводимъ существенную часть его:

«.... Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ *много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ*; но какихъ же? *Quod licet Uraniae, licet* тѣмъ паче Вѣстнику; не только *licet*, но *decet*. *И другія причины*. Какія? Деньги. Деньги будутъ. Ради Бога не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь вамъ *безусловно* дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная, проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частью журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша Индійская сказка: *Переправа* [1]) въ Европейскомъ журналѣ обратитъ общее вни-

---

не потерять случая дополнить свое воззрѣніе на поэта новой чертой. Онъ продолжаетъ:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены —
И улыбается забавѣ площадной,
И вольности лубочной сцены.

* * *

То Римъ его зоветъ, то гордый Иліонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью, межъ-тѣмъ, летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Еруслана.

Слѣдуетъ помнить, что эти строфы были и зачеркнуты самимъ авторомъ, какъ портящія стихотвореніе, но онѣ принадлежатъ къ его любимому представленію о той свободѣ вдохновенія, какая прилична поэту.

[1]) Индѣйская сказка, переведенная, кажется, съ Нѣмецкаго г-мъ Титовымъ.

Digitized by Google

маніе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупо. Чувствуете разницу? М. Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ Телеграфѣ похвально ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью В. въ Телеграфѣ отдамъ 3 дѣльныхъ статьи «Московскаго Вѣстника». Его критика, положимъ, несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія—рѣзко оригинальны: онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться. Важное достоинство, особенно для журналиста!.... 31-е августа. Михайловское». Письмо писано въ 1827 году, стало быть шесть мѣсяцевъ послѣ основанія журнала [1]).

---

[1]) Такъ точно и другое письмо Пушкина къ издателю, написанное двумя мѣсяцами ранѣе, и еще изъ Петербурга (1-го іюля), отличается тѣмъ же характерокъ. Пушкинъ старается поддержать въ сотрудникахъ силы и добрыя намѣренія всѣми средствами: обѣщаніями, похвалой, рѣзкимъ приговоромъ общимъ противникамъ. «Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный М. П.; право всякой день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякой день собирался къ вамъ писать и все не собрался. По сему самому и не посылаю вамъ ничего въ М. В. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на Руси: должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и, особенно, настойчивостію оправдать ожиданія извѣстныхъ друзей Словесности и *одобреніе великаго Гете*. Честь и слава милому нашему *. . . у. Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего Германскаго Патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ *. . . у болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ.... За разборъ *Мысли*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей Словесности, уже досталось нашимъ сѣвернымъ шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ каждаго по достоинству. Впередъ! И да здравствуетъ М. В.!» Изъ словъ «оправдать одобреніе великаго Гете», можно заключить, что Гете зналъ не одинъ только разборъ Елены (изъ 2 части Фауста), сдѣланный С. П. Шевыревымъ, но отчасти знакомъ былъ и съ журналомъ вообще, а слѣд. и съ нѣкоторыми произведеніями Пушкина. Кстати, приводимъ еще приписку Пушкина. «На дняхъ пришлю вамъ прозу, да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонокъ опечатками и т. п. *. . . у пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья!» Мы не знаемъ прозы Пушкина въ Московскомъ Вѣстникѣ, а что касается до стиховъ, то съ 1827 по 1830 годъ, включительно, Пушкинъ помѣстилъ въ журналѣ 33 стихотворенія, включая сюда отрывокъ изъ Бориса Годунова, отрывокъ изъ Нулина и два изъ Е. Онѣгина.

Digitized by Google

ГЛАВА XIV.

Московскій Телеграфъ и исторія перваго изданія стихотвореній Пушкина въ 1826 г. Московскій Телеграфъ, его значеніе и отношеніе къ Пушкину. — Сочувствіе Пушкина къ Телеграфу въ первое время, измѣнившееся вліяніемъ Веневитинова. — Смерть Веневитинова и его характеръ. — Веневитиновъ направляетъ мысль Пушкина къ Гете. — «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофилемъ», перо отъ Гете. — Перечень поэмъ и времени ихъ появленія въ печати съ 1825 по 1829 г. — Исторія перваго полнаго изданія мелкихъ стихотвореній. — Письмо изъ Одессы въ 1824 г. о притязаніяхъ Гнѣдича на изданіе стихотвореній. — Стихотворенья обѣщаны тремъ лицамъ. — Письмо къ Я. Н. Толстому съ отклоненіемъ новаго предложенія и стихами: «Горишь-ли ты лампада наша». — Отрывокъ изъ письма къ Бестужеву изъ Одессы 1824 о выкупѣ стихотвореній у Всеволожскаго, другой къ брату изъ Кишинева въ 1823 г. о томъ же. — Полученіе рукописи отъ Всеволожскаго въ 1824 и восторгъ, произведенный окончаніемъ этого дѣла. — Письмо къ брату изъ Михайловскаго въ 1825 съ возвращеніемъ исправленной рукописи, съ совѣтами какъ печатать ее и съ замѣткой на стихи Жуковскаго «Мотылекъ и Цвѣты». — Выходъ въ свѣтъ собранія стихотвореній въ 1826 г. — Письмо изъ Михайловскаго въ 1825 г. съ указаніемъ, какъ писать предисловіе къ изданію стихотвореній 1826 г.

Нельзя оставить безъ упоминовенія другой журналъ, «Московскій Телеграфъ», который такъ часто приходитъ на умъ и на языкъ Пушкина въ его перепискѣ съ друзьями. Въ холодности поэта къ этому изданію открываются, между прочимъ, черты характера, не лишенныя своего значенія и занимательности. Пушкинъ находилъ въ немъ болѣе хлопотливости вокругъ современной науки, чѣмъ изученія какой-либо части ея и не одобрялъ хвастовства всякой чужой системой при первомъ ея появленіи, не дозволявшемъ еще зрѣлаго обсужденія. По существу своему, журналъ вообще представляетъ болѣе наружный видъ всякаго дѣла, чѣмъ настоящій, истинный его смыслъ и преслѣдовать это—значило именно отвергать жизненное условіе журнала. Всего же болѣе оскорбляло Пушкина то уничтоженіе авторитетовъ и литературныхъ репутацій, которое происходило отъ медленнаго приложенія вычитанныхъ идей къ явленіямъ отечественной

Digitized by Google

словесности. Не смотря на ловкость и остроуміе, съ какими иногда производились эти опыты, Пушкинъ не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. При томъ не должно упускать изъ вида и весьма важнаго обстоятельства. Журналъ «Московскій Телеграфъ» былъ совершенно противоположностію духу, господствовавшему у насъ въ эпоху литературныхъ обществъ; онъ ихъ замѣстилъ, образовавъ новое направленіе въ словесности и критикѣ. Съ его появленія, журналъ вообще пріобрѣлъ свой голосъ въ дѣлѣ литературы, вмѣсто прежняго назначенія: быть открытой ареной для всѣхъ писателей, поприщемъ для людей съ самыми различными мнѣніями объ искусствѣ. Расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ сочленамъ, прямое участіе, такъ сказать, въ ихъ замыслахъ, близкое знакомство съ существенными качествами и недостатками ихъ таланта, отъ чего похвала и осужденіе принимаемы были добродушно и покорно самими подсудимыми—все это уже сдѣлалось тогда достояніемъ Исторіи нашей литературы. Пушкинъ, можно сказать, сохранялъ, долѣе многихъ своихъ товарищей, основныя убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ. Къ новому порядку вещей, гдѣ личное мнѣніе играло такую роль, онъ уже не могъ привыкнуть всю свою жизнь. Съ первыхъ же признаковъ его появленія, онъ началъ свою систему расчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ дѣльнаго и существеннаго противниками и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностію публики [1]).

---

[1]) Въ первое время появленія Московскаго Телеграфа, Пушкинъ еще не раздѣлялъ тѣхъ убѣжденій, которыя заставили его перемѣнить отношенія свои къ журналу. С. Д. Полторацкій привелъ въ статьѣ своей (Иллюстрація 1846, № 9) учтивое письмо его къ издателю журнала, отъ 2 августа 1825, когда поэтъ жилъ еще постоянно въ Михайловскомъ: «Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. В., чтобъ онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней. Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ онѣ понравились публикѣ.» Дѣйствительно, въ 1825 году, въ Московскомъ Телеграфѣ были помѣщены двѣ эпиграммы Пушкина, отрывокъ изъ Цыганъ, стихотворенія: *Тѣльга жизни* и *Въ Альбомъ* (Если жизнь тебя обманетъ). Въ 1826 году только одно стихотвореніе Пушкина находилось въ журналѣ: *Элегія* (Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный), а затѣмъ онъ уже помѣщалъ въ немъ однѣ эпиграммы на Вѣстникъ Европы. Вліяніе Д. В. Веневитинова сильно способствовало направленію его мыслей и предпочтеній въ другую сторону.

Digitized by Google

Въ мартѣ 1827 года, умеръ въ Петербургѣ Д. В. Веневитиновъ. Онъ именно принадлежалъ къ тому кругу молодыхъ людей, которые искали въ наукѣ и въ строгихъ занятіяхъ удовлетворенія своему благородному стремленію къ идеалу, добру и красотѣ. Вся его литературная дѣятельность проникнута этимъ стремленіемъ, и онъ имѣлъ свою долю вліянія на Пушкина, какъ почти каждая замѣчательная личность, встрѣчавшаяся ему на пути. Въ порывахъ Веневитинова къ истинѣ, въ его томительномъ желаніи полноты знанія, даже въ нравственномъ упадкѣ силъ, слѣдующемъ за напряженіемъ мысли и чувства, лежало много залоговъ будущности и развитія.... За нѣсколько времени до смерти своей, Веневитиновъ написалъ «Посланіе Пушкину», въ которомъ призывалъ пѣвца Байрона и Шенье—воспѣть великаго германскаго старца, Гете. Пушкинъ въ превосходной сценѣ, созданной въ это же время и названной имъ: *Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ*, измѣнилъ, отчасти, образы германскаго поэта, но съ замѣчательной силой, энергіей поэзіи. Есть предположеніе, что Гете зналъ объ этой сценѣ. Разсказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ чрезъ одного русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: «подарокъ Гете.»

Между тѣмъ, съ 1826 по 1829 годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, Пушкинъ выдавалъ одно за другимъ новыя свои произведенія и перепечатывалъ старыя. Въ 1826 изданы были: стихотворенія его въ одной книжкѣ, о которыхъ мы уже говорили, и II глава Онѣгина (первая появилась въ 1825 году); въ слѣдующемъ 1827 г. изданы III глава Онѣгина и Цыгане; затѣмъ 1828 г. видѣлъ появленіе IV, V и VI главъ Онѣгина, и новое изданіе Руслана и Людмилы съ прологомъ и предисловіемъ; наконецъ, въ 1829 году, перепечатанъ, изъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, *Графъ Нулинъ* въ одной книжкѣ съ повѣстью Е. Баратынскаго: *Балъ*, явилась—Полтава, сдѣлано второе изданіе первой главы Онѣгина и выдано новое собраніе стихотвореній въ двухъ книжкахъ. Все это, при сотрудничествѣ въ Московскомъ Вѣстникѣ и Сѣверныхъ Цвѣтахъ, приносило Пушкину способы на роскошное существованіе, но деньги исчезали въ рукахъ его прежде, чѣмъ онъ могъ сдѣлать изъ нихъ употребленіе.... Первое появившееся собраніе его стихотвореній 1826 г. перешло черезъ нѣсколько рукъ, проданное или уступленное имъ, пока не возвратилось опять

Digitized by Google

къ одному изъ друзей поэта, преимущественно занимавшемуся его интересами.

Нѣсколько подробностей объ этомъ изданіи покажутъ убѣдительнымъ образомъ, что добродушная вѣтренность его не разъ вредила всѣмъ его расчетамъ и надеждамъ на несомнѣнныя выгоды.

Прежде чѣмъ Н. А. Плетневъ и отчасти братъ поэта Л. С. Пушкинъ приступили въ 1825 году къ собранію стихотвореній, долженствовавшихъ войти въ новое изданіе, оно уже напередъ и въ разныя времена обѣщано было тремъ лицамъ, именно: Н. И. Г—чу, Я. Н. Т—ому и Н. В. Все—ому. Всѣхъ больше правъ, кажется, имѣлъ послѣдній, выдавшій Пушкину еще въ 1820 году 1000 руб. впередъ за изданіе, до будущихъ окончательныхъ расчетовъ. Требованія перваго кандидата на изданіе Пушкинъ отстранилъ очень рѣшительно въ письмѣ изъ Одессы, отъ 12 января 1824, къ Б. «Гнѣдичъ, говоритъ онъ въ немъ, шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Т—му, проданы уже ему, Г—чу. Т—й написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и мнѣ объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ «Сынѣ Отечества»: напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ. Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя *sans rancune* и съ благодарностью за все остальное....» Мы видимъ, что Я. Н. Т—ому были обѣщаны всѣ новые стихи; но изъ другаго письма Пушкина къ тому же лицу (Кишиневъ 1823) оказывается, что въ это же время настоящій покупщикъ, Н. В. Всеволожскій, сохранялъ всѣ свои права, да была еще, кромѣ того, отдѣльная подписка на нихъ, что уже требовало двухъ разныхъ изданій. Путаница еще увеличивается, когда изъ того же письма видимъ, что Т—ой предлагалъ четвертаго или пятаго покупщика князя Л—ва, которому Пушкинъ тоже не вполнѣ отказываетъ. Вотъ это любопытное письмо: «Милый Яковъ Николаевичъ. Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе князя Л—ва льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Все—му и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить и это первое условіе. Во-вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ

Digitized by Google

чиомѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ князю Александру, но.... милый другъ! Подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ прими мои сердечныя благодаренья: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной младости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова:

«Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣже-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
Попрежнему-ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
. . . . . .
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгарались наши споры
Отъ искръ и шутокъ и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ....
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія Калмыкъ!»

Послѣ этого уклончиваго письма въ прозѣ и стихахъ, обстоятельства перемѣнились. Н. И. Г—чъ былъ отстраненъ отъ изданія, Я. Н. Т—ой самъ отказался отъ него: оставался Н. В. Всеволожской и 30 подписчиковъ. Въ отношеніи перваго Пушкинъ опять пишетъ

Digitized by Google

къ В. изъ Одессы, отъ 24 іюня 1824. «...Кончу дружеской коммиссіей. Постарайся видѣть Н. Все—го, лучшаго изъ минувшихъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому.... эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 руб. ассигнаціями. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него купить ихъ. Согласится ли Аристипъ В? Я бы въ придачу предложилъ ему дружбу, *mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs cela ne fait que 1000 roubles.* Покажи ему мое письмо». Совсѣмъ другой тонъ является въ письмѣ Пушкина къ брату изъ Кишинева, отъ 4-го сентября 1823 г., о томъ же предметѣ. Вотъ съ какой заботливостію выражается онъ, когда говоритъ отъ сердца и что называется съ-глазу на-глазъ:... «Теперь, моя радость, поговорю о себѣ. Явись отъ меня къ Н. Все—му и скажи ему, чтобъ онъ ради-Христа погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы. Само по-себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи къ Овидію, перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной,
Ты съ юныхъ лѣтъ, презрѣвъ волненья жизни ратной,
Привыкнулъ и проч.

«Кстати объ стихахъ. То, что я читалъ изъ *Шильонскаго узника* — прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха *Орлеанской Дѣвы.* Но актеры, актеры! Пятистопные стихи безъ рифмы требуютъ совершенно новой декламаціи.... Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена.... Боюсь! Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для перваго представленія, на мое имя...» Наконецъ только 14 марта 1825 года пришло извѣстіе въ Михайловское, гдѣ тогда жилъ поэтъ, о томъ, что рукопись наконецъ выручена, и надо видѣть при этомъ восторгъ Пушкина. Вотъ въ какомъ духѣ отвѣчаетъ онъ брату своему: «Братъ! Обнимаю тебя и падаю до ногъ. Обнимаю также и Александра Все—го. Перешли же мнѣ проклятую мою рукопись и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! Дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ: у него твой

Digitized by Google

вкусъ, да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны, потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ благословясь....

«Душа моя! Горчицы, рому; что нибудь въ уксусѣ, да книгъ: *Conversations de Byron*, *Mémoires de Fouché*, Талію, Старину, да *Sismondi (Littérature)* да *Schlegel (dramaturgie)* если есть у St. Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть новое изданіе: Собраніе Русскихъ стихотвореній — да дорого, 75 р.... Посмотри однакожъ.

«Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопристоенъ ли тонъ его критикъ. Если нѣтъ — пришлю эпиграмму.... Тригорское 14 Марта. Достань.... мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что же ты обѣщалъ мнѣ прислать Парни?» Черезъ четыре дня послѣ этого письма Пушкинъ, получившій между тѣмъ рукопись, возвращаетъ ее назадъ въ Петербургъ, уже въ исправленномъ видѣ и съ приложеніемъ новыхъ стихотвореній. Письмо его по этому поводу чрезвычайно оригинально и, какъ видно изъ приписки, составлено тотчасъ послѣ веселой и обильной трапезы, что не мѣшаетъ ему отличаться остроуміемъ, живостію и здравомысліемъ: «Братъ Левъ, братъ Пл—въ, третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я вытиралъ черное бѣлье на скоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощью надѣюсь, барыня публика не прибьетъ меня.... какъ прачку. Ошибки правописанія, знаки препинанія, описки, безмыслицы прошу самимъ исправить. У меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія, только не подражайте изданію Батюшкова. Исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже, но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго, не во гнѣвъ Бул-ну, и Гнѣдича, не во гнѣвъ Гри—ву. Эпиграфа или не надо или изъ А. Шенье. Виньетку не худо, даже можно, даже должно, даже ради неба; сдѣлайте именно: *Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ* (кстати: что прелестнѣе строфы Жук.: «*Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные*» и слѣдующей; конца не люблю [1]). Что еслибъ волшебная кисть Ѳ. Толстова?

---

[1]) Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 годъ напечатано было стихотвореніе Жуковскаго: «Мотылекъ и Цвѣты» съ такимъ объясненіемъ: Стихи, написанные въ Альбомъ Н. И. И., на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ. Въ третьей строфѣ пьесы говорится о мотылькѣ, слетѣвшемъ съ высоти и прельщенномъ цвѣтами:

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,

Digitized by Google

Нѣтъ, слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила!...

«Къ тому же, кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша. Впрочемъ это все наружность. *Иною прелестью пленяется.*

«Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жук. и пожалуйста безъ—и безъ—и безъ [1]). Вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавія крупными буквами и *à la ligne*, но каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно *à la ligne* и другую). 60 піэсъ? Довольно ли будетъ для 1-го тома?...»

Книжка стихотвореній вышла въ 1826 дѣйствительно безъ типографской пестроты и безъ сбивки многихъ піесъ на одномъ листѣ, но эпиграфъ къ ней взятъ изъ Проперція, а желаемой виньетки совсѣмъ не было приложено. Такимъ образомъ наконецъ разрѣшилось дѣло, продолжавшееся не менѣе шести лѣтъ и которое замѣчательно тѣмъ, что показываетъ въ Пушкинѣ соединеніе необычайной заботливости къ своимъ выгодамъ, съ такой же точно непредусмотрительностію и растратой своего добра. Въ этомъ заключается и весь характеръ его.

Въ дополненіе къ этой исторіи одного изданія, открывающей любопытныя черты изъ самой жизни поэта, приводимъ еще одно письмо, которое заканчиваетъ ее весьма живымъ и оригинальнымъ образомъ. Мы уже видѣли, что собраніе стихотвореній 1826 года снаб-

---

Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны....

Въ четвертой строфѣ — ошибка мотылька:

Не рождены вы для вниманья,
Вамъ не понятенъ чувства глазъ и проч.

и приговоръ поэта цвѣтамъ:

Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
Какъ вы минутной вѣтерокъ:
Иною прелестью пленяется
Безсмертья вѣстникъ, мотылекъ....»

Предпослѣдній стихъ опять приводится Пушкинымъ немного далѣе.

[1]) Здѣсь изображены разныя типографскія украшенія, бывшія тогда въ модѣ.

Digitized by Google

жено было предисловіемъ отъ издателей, гдѣ объ авторѣ говорится какъ о третьемъ, постороннемъ лицѣ, но это предисловіе составлено по указаніямъ самаго Пушкина и, въ добавокъ еще, имъ же и исправлено. Вотъ что писалъ онъ брату изъ Михайловскаго, въ томъ же 1825 г.: «Получилъ ли ты мои стихотворенія? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: «Многія изъ сихъ стихотвореній дрянь и недостойны вниманія Россійской публики, но какъ они часто бывали печатаны Богъ-вѣсть кѣмъ, Богъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя, такъ вотъ онѣ, извольте кушать-съ, хоть это-съ дрянь» (сказать это помягче). 2) «Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ, или мало занимательныхъ для почтеннѣйшей публики (Россійской), или могущіе быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, или слишкомъ не зрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стихи въ 1814 г. (т. е. 14 лѣтъ)». 3) Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ. Это непристойность и въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4) Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства—напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Пл—ва. Если я скажу, что проза его лучше моей—вѣдь онъ не повѣритъ. Ну по-крайней мѣрѣ столь же хороша: доволенъ ли онъ? Да перешли на всякой случай это предисловіе ко мнѣ, а я пришлю вамъ замѣчанія свои....». Предисловіе дѣйствительно написано было въ томъ смыслѣ, какъ указалъ поэтъ нашъ, и первое изданіе его стихотвореній наконецъ принадлежало ему одному безраздѣльно. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній для исторіи другихъ его изданій, а она могла бы представить много любопытнаго и важнаго въ біографическомъ отношеніи.

Digitized by Google

ГЛАВА XV.

Торговая сторона дѣятельности Пушкина и исторія происхожденія нѣкоторыхъ лирическихъ его произведеній. — Пушкинъ, какъ прозаикъ: Пушкинъ развилъ нашу книжную торговлю. — Продажа стиховъ Пушкина въ книжной торговлѣ. — Отвращеніе являться въ обществѣ въ званіи поэта. — Стихи: «На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной». — Письменные выговоры Пушкина въ 1824 г. друзьямъ за преждевременное распространеніе его стихотвореній и нарушеніе тѣмъ его денежныхъ выгодъ. — Письмо къ Дельвигу 1827 г. съ присылкой стихотворенія «Подъ небомъ голубымъ» и другихъ. — Значеніе стихотвореній: «Подъ небомъ голубымъ», «Для береговъ отчизны дальной», «Заклинаніе», въ жизни поэта. — Стихотворенье Туманскаго: «На кончину Ризничь». — Пушкинъ зачеркиваетъ или дѣйствительно слабыя мѣста произведеній, или такія, которыя содержаніемъ своимъ слишкомъ рѣзко выражали задушевную его мысль. — Исторія созданія пьесы: «Воспоминаніе» (Когда для смертнаго умолкнетъ шумной день), какъ образецъ того, что Пушкинъ соединялъ осторожность съ искренностію въ своихъ произведеніяхъ. — Неизданное окончаніе стихотворенія: «Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ». — Пушкинъ — прозаикъ. — «Мысли и замѣчанія» его, помѣщенныя въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1828 г. — «Арапъ Петра Великаго», задуманный въ 1826 пишется въ 1827. — Пушкинъ издаетъ свои сочиненія не послѣдовательно съ перескоками, затруднявшими правильную ихъ оцѣнку. — Появленіе Полтавы, Годунова, повѣстей Бѣлкина, Арапа Петра Великаго. — Пушкинъ еще въ Михайловскомъ склоняется къ роману изъ старыхъ русскихъ преданій. — Съ первой попытки въ Арапѣ находитъ свой оригинальный стиль, который отражается и въ «Капитанской дочкѣ», 9 лѣтъ спустя.

Пушкинъ самъ гордился тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ развилъ у насъ книжную торговлю, что было совершенно справедливо. Еще въ 1825 году писали ему изъ Москвы, въ Михайловское, что за право вторичнаго изданія трехъ, тогда уже вышедшихъ, поэмъ его, г. Селивановскій предлагаетъ 12 тысячъ руб. ассигнаціями. Сдѣлка, кажется, не состоялась и право изданія перешло къ г. Смирдину, который перекупилъ изданіе Бахчисарайскаго Фонтана за 3 тысячи ассиг. и заплатилъ 7 тысячъ за право перепечатанія двухъ другихъ

Digitized by Google

поэмъ. Мы не знаемъ, сколько автору принесли остальныя его произведенія; но первое, полное изданіе Евгенія Онѣгина куплено у него было за 12 тысячъ руб. ассиг. и вѣроятно вдвое, если не болѣе, доставила ему отдѣльная продажа главъ. Въ 1828 году уже самъ Пушкинъ писалъ изъ Петербурга. «Здѣсь мнѣ даютъ (*à la lettre*) по 10 руб. за стихъ». Вообще торговая сторона нашей литературы, еще весьма мало извѣстная, могла бы сообщить цифры, весьма любопытныя, и привести къ немаловажнымъ заключеніямъ. Статистическія данныя книжной торговли, изложенныя съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла, объяснили бы исторію нашей письменности въ такихъ наклонностяхъ, которыя или мало, или совсѣмъ не замѣчены журнальной оцѣнкой. Книжная торговля была важнымъ дѣломъ для Пушкина: онъ никогда не упускалъ ея изъ вида и съ нея начиналъ даже многія литературныя свои предпріятія. Кто нѣсколько ближе могъ вникнуть въ характеръ Пушкина, того не удивитъ мнѣніе, которое съ особенною настойчивостію долго старался онъ укоренить въ друзьяхъ и знакомыхъ, что онъ пишетъ и печатаетъ *единственно* для денегъ. Это увѣреніе, расточаемое упорно и съ какой-то претензіей, уже показывало тѣмъ самымъ нетвердость своего основанія. Дѣло въ томъ, что оно поясняется, съ одной стороны — теоріей творчества про самаго себя, о которой недавно говорили, а съ другой—жизненнымъ противорѣчіемъ, въ которомъ долго находился нашъ поэтъ. Извѣстно, что онъ всего болѣе опасался, въ виду свѣта, своего настоящаго призванія и титла поэта. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному, кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ и считалъ помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Увѣреніемъ, что онъ пишетъ изъ расчета, какъ другой заводитъ фабрику или занимается агрономіей, старался онъ передъ свѣтомъ закрыть свое достоинство писателя, въ которомъ никакъ не хотѣлъ явиться передъ ними, хотя доброй частью своихъ успѣховъ обязанъ былъ именно блеску, сопровождающему необыкновенный талантъ. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ и является въ свѣтѣ уже какъ писатель. Важные труды, принятые имъ на себя, и знаменитость самаго имени, освобождаютъ его отъ предубѣжденія, отличавшаго его молодые года. Въ эпоху, которой занимаемся, всякое смѣшеніе свѣтскаго человѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Съ одушевленіемъ читалъ онъ свои произведенія людямъ, занимающимся литературою, но когда въ од-

Digitized by Google

номъ, и весьма любимомъ имъ, домѣ высшаго круга, просили его прочесть что нибудь, онъ съ жаромъ и негодованіемъ прочелъ только что написанное стихотвореніе: *Чернь*, и говорилъ потомъ: «въ другой разъ не будутъ просить у меня стишковъ.» Это двойственное положеніе въ обществѣ превосходно выражено имъ самимъ въ томъ отрывкѣ, который, со многими другими, предшествовалъ созданію «Египетскихъ ночей.» Художественно передана тамъ, въ лицѣ Чарскаго, борьба различныхъ направленій въ одномъ человѣкѣ, и образъ Чарскаго, какъ произведеніе искусства, гораздо лучше объяснитъ читателю лице поэта, чѣмъ всѣ наши разборы и описанія. Такое значеніе имѣютъ постоянныя увѣренія Пушкина, что онъ пишетъ для себя, печатаетъ для денегъ и не думаетъ о славѣ или извѣстности. У насъ есть продолженіе неизданнаго и утеряннаго стихотворенія поэта, написанное имъ на одной сторонѣ печатнаго объявленія, оторваннаго, вѣроятно, отъ какого нибудь французскаго романа.

На это скажутъ мнѣ съ улыбкой невѣрной:
—«Смотрите! Вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она;
Зачѣмъ же пишите?»—Я? для себя!—«За что же
Печатаете вы?»—Для денегъ!—«Ахъ мой Боже!
Какъ стыдно!»—Почему жъ?....

На другой сторонѣ листка, гдѣ набросаны эти стихи, нелишенные, какъ кажется, нѣкотораго ироническаго оттѣнка, напечатано объявленіе французскаго книгопродавца: Ouvrages sous presse. Contes Noires, 1 Volume in 8°.—Aloïse ou le testament de Robert, и проч. и проч. [1])

---

[1]) Въ 1824 году, въ то время, какъ книгопродавецъ Смирдинъ только что купилъ за 3000 р. ас. все изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, напечатаннаго кн. Вяземскимъ. Пушкинъ получаетъ извѣстіе въ Одессѣ, что поэма его уже читается въ рукописяхъ почти всѣмъ Петербургомъ. Пушкинъ пришелъ въ неописанное волненіе и начертилъ два сильныхъ выговора брату и друзьямъ своимъ. Вотъ первый: «Вотъ что пишетъ ко мнѣ Вяз—ій:

«Въ *Благонамѣренномъ* читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой Фонтанъ еще до напечатанія (на что это похоже?) и что въ П—бургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него. Ктожъ послѣ будетъ покупать? Я на совѣсти грѣха не имѣю и проч.»

«Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 р., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ письмами къ Погодину, мы имѣемъ еще изъ Михайловскаго и одно любопытное письмо Пушкина къ Дельвигу (отъ 31 іюля 1827 г.). Посылая ему пьесу: *Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*, для Сѣверныхъ Цвѣтовъ, Пушкинъ написалъ:

«Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя. Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса—постараюсь прислать еще что нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ «Московскій Вѣстникъ» и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Я въ деревнѣ и надѣюсь много писать; къ концу осени буду у васъ—вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя проза и что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную Музу? Кстати: С. говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина».... Не печатай его въ своихъ Цвѣтахъ.... Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не*** прерывать его. Это было бы неприличнѣе. Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цалуетъ; а я ей кланяюсь. Пиши же. 31 іюля. Михайловское.»

Стихотвореніе, приложенное къ этому письму, наводитъ мысль нашу на два другія стихотворенія Пушкина, именно на пьесу: *Для бе-*

разъ поступившіе по-Европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ; да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я про все, *друзьямъ моей славы* — ч.... ихъ возьми и съ нею! Тутъ смотри какъ бы...., а они кричатъ *слава!* Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно. Требую отъ тебя одного — напиши мнѣ какъ Фонтанъ расходится или запишусь въ Гр. Х—ы и самъ раскуплю половину изданія.» — Вотъ второй выговоръ: ....«были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею мудрено довольствоваться.... Слава льстить можетъ какому-нибудь В. К—ву, которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламартина, отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, К—въ пишетъ, лекарь моритъ — за деньги!.... Пл—въ пишетъ мнѣ, что Бахчисарайскій Фонтанъ у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ!... Остается узнать, раскупится-ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи, но это бездѣлица. Поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Кор—чъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола!...» Та же, впрочемъ исторія повторилась и съ Цыганами, со II-й главой Онѣгина и со многими другими произведеніями поэта и опять вызвала словесные и письменные укоры его. Пушкинъ никакъ не могъ понять, что мудрено было удержать въ секретѣ новинку, вышедшую изъ-подъ пера его, какъ только попадалась она въ чьи-либо руки.

Digitized by Google

реговъ отчизны дальной и на *Заклинаніе*, которыя, будучи взяты всѣ вмѣстѣ, представляютъ одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу, или, можетъ быть, къ двумъ неизвѣстнымъ лицамъ, умершимъ за границей. Это однѣ изъ всѣхъ пѣсенъ Пушкина, жизненнаго источника которыхъ отыскать весьма трудно, но что онѣ не принадлежатъ къ области чистаго вымысла, свидѣтельствуютъ его рукописи. Тамъ, надъ первою изъ нихъ: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», поставлено было у Пушкина число: «29 іюля 1826 года», а внизу ея начертаны слѣдующія загадочныя слова:

«Усл.... о. см. 25.
У. ю. с. Р. И. М. К. Б.: 24.»

Въ обѣихъ строчкахъ первыя слова мы читаемъ: «услышалъ о смерти,» но буквы Р. И. М. К. Б. и цифры остаются тайной, которую объяснить теперь съ достовѣрностью весьма затруднительно [1]). Пьеса замѣчательна и тѣмъ, что первый стихъ ея читается въ рукописи: «Подъ небомъ *сладостнымъ Италіи своей*». Это былъ, такъ сказать, настоящій стихъ, ближе выражавшій самую мысль поэта, но онъ не имѣлъ риѳмы въ соотвѣтствующемъ ему третьемъ стихѣ, почему и перемѣненъ на тотъ, который теперь стоитъ въ началѣ пьесы. Гораздо труднѣе объяснить перемѣну, сдѣланную Пушкинымъ во второмъ стихотвореніи. Онъ начиналъ его такъ:

Для береговъ *чужбины* дальной
Ты покидала край *родной*,

и почти тотчасъ же сдѣлалъ поправку на рукописи:

Для береговъ *отчизны* дальной
Ты покидала край *чужой*,

---

[1]) Темный намекъ на нее заключаетъ одно стихотвореніе В. Туманскаго, которое мы нашли въ Альманахѣ: Сѣверная Лира на 1827, изд. Гг. Раича и Ознобишина. Стихотвореніе имѣетъ такое оглавленіе: «На кончину Р.... Сонетъ Посвящ. А. С. Пушкину». Выписываемъ первые стихи сонета:

Ти на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ
Горѣла страсть, блистало небо Юга.

Въ концѣ сонета является помѣтка: «Одесса, Іюль, 1825.»

Digitized by Google

сохранившуюся въ печати. Трудно теперь рѣшить, которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ. Всего болѣе свидѣтельствуетъ, что стихотворенія эти связаны какой либо стороной съ дѣйствительностію, одна помарка въ третьемъ изъ нихъ: *Заклинаніе*. Тамъ Пушкинъ просто зачеркнулъ всю вторую превосходную строфу, начиная со стиха: «*Явись возлюбленная тѣнь*». Подобнымъ уничтоженіямъ подвергались у Пушкина или дѣйствительно слабыя мѣста пьесъ, или такія, которыя содержаніемъ своимъ уже слишкомъ рѣзко и очевидно выражали задушевныя мысли его самого. Къ счастію, зачеркнутое мѣсто возстановлено было издателями Пушкина. Для образца, какъ лирическій поэтъ нашъ умѣлъ соединять и необычайную искренность и необычайную осторожность въ своихъ произведеніяхъ, можемъ разсказать исторію созданія чудной пьесы его: *Воспоминаніе* (*Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день*). Кто не помнитъ ея?

Эта уединенная исповѣдь, открывающая читателю, повидимому, всѣ душевныя тайны поэта, останавливается тамъ, гдѣ, вмѣсто общаго выраженія чувства человѣческаго, должно явиться выраженіе чувства отдѣльнаго лица. Пьеса принадлежитъ къ 1828 году. Сѣмена, брошенныя суетой свѣта и собственными погрѣшностями, вырастаютъ часами томительнаго бдѣнія въ ночи, муками и слезами раскаянія. Съ чуднымъ двоестишіемъ:

И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю,

кончается исповѣдь для свѣта, но Пушкинъ еще продолжаетъ ее, уже не изъ потребности творчества, а изъ потребности высказаться и полнѣе опредѣлить себя. Нѣсколько замѣчательныхъ строфъ посвящаетъ онъ еще разбору своей жизни, но эти строфы, какъ представляющія частныя подробности, уже выпускаются изъ печати.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченые годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной

Digitized by Google

Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ Ангела, во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ.
И стерегутъ.... и мстятъ мнѣ оба.
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

19 мая 1828.

Такъ пьеса эта представляетъ намъ образецъ художническаго очищенія произведеній и вмѣстѣ ихъ родства съ душей поэта, чѣмъ и объясняется тайна ихъ теплоты и неотразимаго вліянія на читателя.

Возвращаясь къ письму, остановимся на словахъ автора: «вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся за прозу». Онъ точно принялся за прозу и это была первая проза, выражаясь его словами, которую представилъ онъ публикѣ на другой годъ въ формѣ *Мыслей и Замѣчаній*, напечатанныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ. Отрывочныя замѣтки эти пройдены были публикой безъ особеннаго вниманія, но сколько въ нихъ живаго ума и способности брать новую сторону всякаго предмета, теперь не трудно замѣтить. Довольно странно, что бѣглыя мысли Пушкина, набросанныя съ твердостію руки, обличающей мастера, и драгоцѣнныя по отношенію къ нему самому, пропущены были послѣднимъ, посмертнымъ изданіемъ его сочиненій, которое не обратило даже вниманія на стихи его, помѣщенные между ними. Въ то же лѣто и началомъ осени 1827 года Пушкинъ написалъ уже большую часть исторической повѣсти: *Арапъ Петра Великаго*, которая задумана была еще въ 1826 году. Романомъ этимъ Пушкинъ положилъ основаніе простому, безъискусственному, но точному и живописному языку, который остался его достояніемъ и не имѣлъ подражателей. Должно сознаться, что самъ поэтъ нашъ виноватъ нѣсколько въ тѣхъ смутныхъ мысляхъ, которыя рождались въ публикѣ при каждомъ новомъ его произведеніи. Онъ выдавалъ ихъ не послѣдовательно, съ перескоками, скрывавшими связь и зависимость ихъ одинъ отъ другаго. Такъ, *Полтава* двумя годами явилась ранѣе Бориса Годунова, между тѣмъ какъ она написана три года спустя послѣ хроники. Стихъ Полтавы, доведенный до изумительной простоты и выразительности, можетъ быть, скорѣе нашелъ бы сочувствіе въ читателяхъ, если бы они были приготовлены хроникой къ его появленію. Добродушной и тонкій юморъ

Digitized by Google

Повѣстей Бѣлкина, написанныхъ два года спустя послѣ Арапа, можетъ-статься, былъ бы замѣченъ ранѣе, если бы читатели могли сперва познакомиться вообще со слогомъ автора посредствомъ романа: *Арапъ Петра Великаго*. Одинъ отрывокъ его помѣщенъ былъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г., а другой въ Литературной газетѣ 1830, № 13. Первый носилъ заглавіе: «IV глава изъ историческаго романа», второй—«Ассамблея при Петрѣ Первомъ», и содержалъ указаніе на источники—Голикова и Русскую Старину. По бумагамъ видно, что романъ писался съ строфами VII главы Онѣгина, который еще прежде въ III главѣ содержалъ извѣстное предвѣщаніе:

. . . . Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины. . . .

Пушкинъ не пересталъ быть поэтомъ и еще далеко ему было до заката, но мысль о романѣ, которымъ хотѣлъ онъ завершить свою литературную дѣятельность, уже не оставляла его съ 1827 года. Много начатковъ повѣстей и разсказовъ осталось въ его бумагахъ, но историческій романъ изъ русской жизни былъ въ это время его любимымъ предположеніемъ. Онъ говорилъ друзьямъ: «Богъ дастъ, мы напишемъ историческій романъ, на который и чужіе полюбуются». И никто болѣе его не былъ способенъ къ созданію такого романа: его ровный, невозмутимо-спокойный разсказъ, въ которомъ безъ всякаго усилія являются на сцену лица и происшествія, вполнѣ живыя и доконченныя; твердыя стопы, какими ведетъ онъ происшествіе, не замазывая пустыхъ мѣстъ, не изукрашая и не пестря подробностей, что уже стало нынѣ необходимымъ условіемъ успѣха, все это упрочивало за Пушкинымъ возможность полнаго достиженія задуманной имъ цѣли. Даже теперь, послѣ мощныхъ произведеній Гоголя, разсказъ Пушкина, свѣтлый и мѣрно-льющійся, какъ про-

Digitized by Google

зрачная струя, имѣетъ обаятельную прелесть для чувства, эстетически развитаго. Поэтъ любилъ преданія родной старины съ дѣтской любовью: извѣстно, что онъ заслушивался разсказовъ о старомъ житьѣ-бытьѣ, о нравахъ ближайшихъ къ Петру Первому и появившихся за нимъ. Однажды, со словъ пріятеля своего, передававшаго ему преданія собственнаго своего семейства, составилъ онъ записку, помѣщенную въ посмертномъ изданіи и у насъ, подъ названіемъ: *Отрывки изъ біографіи Н.* Несомнѣнно, что, по тону разсказа, *Арабъ Петра Великаго* и *Капитанская дочка*, такъ схожи, какъ будто написаны вмѣстѣ, хотя ихъ раздѣляютъ цѣлыя 9 лѣтъ. Такъ съ перваго раза, нашелъ Пушкинъ свой оригинальный стиль, чего другіе не находятъ всю жизнь, не смотря на множество усилій. Однакожъ, если мы имѣемъ право заключить, что послѣдній періодъ жизни Пушкинской, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ бы занятъ романомъ, то, съ другой стороны, уже нельзя утвердительно сказать какого рода могъ быть романъ. Наравнѣ съ историческимъ и романъ современный съ яркими, характерными чертами общества имѣлъ въ немъ, какъ и во всемъ другомъ, мощнаго представителя. Образецъ послѣдняго, такъ много обѣщающій, данъ былъ Пушкинымъ въ 1832 году — извѣстной повѣстью: *Дубровскій.*

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

Зима 1827—1828 г. и «Полтава»: Зима 1827—28 г. — Стихи: «To Dawe». — Существованіе Пушкина порывисто и безпокойно. — Просьба участвовать въ открывшейся тогда Турецкой кампаніи. — Мысли его тревожны и смутны, упреки самому себѣ, стихотворенія: «Воспоминаніе», «Даръ напрасный», «Снова тучи надо мною». — Отъѣздъ въ деревню лѣтомъ 1828 г. и внезапное возвращеніе осенью въ Петербургъ. — «Полтава». — Исторія созданія Полтавы въ октябрѣ 1828 г. — Личность Матрены—Маріи Кочубей. — Стихи: «Рифма, звучная подруга». — Два пропуска въ «Полтавѣ»: «Убитый ею, въ ней одной» и монологъ Маріи «Ей Богу, говоритъ она». — Значеніе послѣдняго, появленіе «Полтавы». — Впечатлѣніе, произведенное ею, замѣчанія журналовъ. — Критика «Полтавы» въ Вѣстникѣ Европы 1829 г. — Эпиграммы на Каченовскаго, «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей». — Духъ, тонъ и манера Надоумки. — Замѣчанія его на «Графа Нулина» и «Балъ». — Подробности его разбора «Полтавы». — Сужденіе Надоумки о Пушкинѣ при разборѣ VII главы «Онѣгина». — Сужденіе Сѣверной Пчелы 1830 г. о VII главѣ «Онѣгина». — Положеніе Пушкина въ отношеніи къ критикамъ и публикѣ. — Отрывки изъ писемъ его по этому предмету. — Предисловіе къ «Полтавѣ», сужденіе альманаха «Денница» 1831 г. о поэмѣ и двойственность ея плана, имъ указанная.

Въ началѣ зимы, Александръ Сергѣевичъ покинулъ Михайловское, но мы уже лишены данныхъ, чтобы хронологически слѣдить за его переѣздами изъ столицы въ столицу, въ концѣ 1827 и зимой 1828 г.: слѣды людей пропадаютъ скоро, если не помѣчены особенными обстоятельствами. По бумагамъ Пушкина и, преимущественно, по собственноручнымъ числовымъ замѣткамъ его на стихотвореніяхъ, которыя намъ служатъ руководствующей нитью, мы знаемъ только съ достовѣрностью, что въ маѣ мѣсяцѣ 1828 года былъ онъ въ Петербургѣ и провожалъ тогда одного изъ своихъ пріятелей за границу. На самомъ пароходѣ написано было стихотвореніе «To Dawe Esq-r» и въ тетрадяхъ Пушкина помѣчено: «9-го мая 1828 года. Море». Въ это время существованіе Пушкина дѣлается порывистымъ и безпокойнымъ. Мѣсяцъ тому назадъ, Пушкинъ, вѣроятно, утомленный сто-

Digitized by Google

личной жизнью, просилъ позволенія участвовать въ открывшейся тогда кампаніи противъ турокъ, но, разумѣется, желаніе его не могло исполниться. Безъ свѣдѣній и необходимаго приготовленія къ военному поприщу, нельзя было раздѣлять и славу войны. Мысли его становятся тревожны и смутны въ это время, и часто возвращается онъ къ самому себѣ, съ грустью, упрекомъ и мрачнымъ настроеніемъ духа. Стихотворенія: *Воспоминаніе* написано 19 мая, *Даръ напрасный* 26 мая, а за ними слѣдовало: *Снова тучи надо мною....*

На лѣто онъ, по обыкновенію, уѣзжаетъ въ Михайловское, но, противъ всѣхъ привычекъ, мы его снова уже находимъ въ Петербургѣ, въ первыхъ числахъ октября. Этотъ мѣсяцъ всегда заставалъ его въ деревнѣ; теперь было наоборотъ: Пушкинъ является въ Петербургъ и, въ шумѣ дѣлъ, съ неописаннымъ жаромъ принимается за созданіе новой поэмы. Въ одинъ октябрь мѣсяцъ оканчиваетъ онъ ее, не выѣзжая изъ города. Поэма эта была *Полтава*.

Чрезвычайно быстро писалось новое творческое произведеніе подъ дѣйствіемъ постояннаго, неизмѣннаго вдохновенія, въ которомъ Пушкинъ нашелъ, какъ и всегда, отдохновеніе и цѣлительную силу для нравственнаго своего существа. Какъ велико было напряженіе его поэтическаго генія при созданіи *Полтавы*, можно судить по цифрамъ, выставленнымъ въ концѣ каждой изъ пѣсенъ ея и сохранившимся на клочкахъ черновой рукописи. Тамъ мы видимъ, что первая пѣснь кончена 3-го октября, вторая 9-го, третья—16-го; другими словами, двѣ пѣсни Полтавы написаны были въ 13 дней, исполненныхъ еще, какъ видно по тѣмъ же бумажкамъ, обычныхъ дѣлъ для Пушкина: посѣщенія гостей и пріемовъ. Со всѣмъ тѣмъ другой черновой оригиналъ ея, находящійся въ тетрадяхъ Пушкина, опять обнаруживаетъ всегдашній трудъ поэта и намъ уже извѣстную манеру его: ставить указательные знаки своему вдохновенію. Такъ въ первой пѣсни, передъ изображеніемъ Мазепы, мы встрѣчаемъ коротенькія строчки: «портретъ Мазепы, его ненависть, его замыслы, его сношенія съ П. и К. (съ Петромъ и Карломъ), пиры, ночи» и вслѣдъ за ними стихи:

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? и проч.

Digitized by Google

Въ той же пѣсни, послѣднимъ ея страницамъ, именно: путешествію казака съ доносомъ на Мазепу (казакъ называется, въ замѣткахъ Пушкина, по имени: Зуйкевичъ), описанію переговоровъ Мазепы съ Іезуитомъ и наконецъ первой вѣсти о доносѣ [1])— всему этому предшествуютъ строки: Зуйкевичъ ѣдетъ, между тѣмъ сношенія съ Іезуитомъ, извѣстіе о доносѣ.» Такая же программа является у Пушкина и для Маріи, и для подробностей, предшествующихъ Полтавской битвѣ: «Марія, Зуйкевичъ, доносъ, ночь передъ казнью, мать Маріи, казнь, сумасшедшая, измѣна, Полтава.» Тутъ обозначенъ весь ходъ поэмы, котораго авторъ держался уже неизмѣнно, со строгостію и властію надъ собственной фантазіей, свойственными ему. Чрезвычайно любопытно слѣдующее обстоятельство. Въ самомъ началѣ поэмы, описаніе красоты Маріи стоило, какъ видно, нѣкоторыхъ усилій Пушкину. Надо было обрисовать личность и поэтическій образъ Маріи съ простотой народнаго разсказа, но не входя въ поддѣлку сказочной рѣчи. Пушкинъ маралъ свои стихи, возвращался къ нимъ и снова замѣнялъ ихъ другими. Какъ будто удивленный этой досадной остановкой на одномъ лицѣ, онъ вдругъ покидаетъ его и, подъ стихами о Маріи, начинаетъ писать совсѣмъ другое:

Рифма—звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ты умолкла, улетѣла,
Измѣнила навсегда!

Твой привычный, звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала:
За мечтой моей бѣжала
Какъ послушное дитя;
То—свободно и ревнива,

[1]) Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Упадшій громъ! и проч.

Digitized by Google

Своенравна и лѣнива,
Съ нею спорила шутя,

. . . . . [1])
Сколько разъ повиновался
Рѣзвой прихоти твоей,
Какъ любовникъ добродушный,
Снисходительно послушной
. . . . . .

О когда бы ты явилась
Въ дни, какъ еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
И какъ пышно бы блистала
Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гесіодъ или Омиръ:
«Ѳебъ однажды у Адмета,
Близь тѣнистаго Тайгета,
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.

«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ,
Навѣщать его не смѣли—
Бога лиры и свирѣли,
Бога свѣта и стиховъ!»

«Помня первыя свиданья
Утолить его страданья
Мнемозина лишь одна
. . . . . притекла
. . . . . .»

Далѣе слѣдуютъ безсвязныя строки, которыя, вѣроятно, хорошо понималъ авторъ ихъ, но изъ которыхъ теперь мы можемъ только извлечь приблизительную догадку о концѣ стихотворенія: Діана сокрыла отъ гнѣвнаго Зевеса, ночью и въ чащѣ лѣса, дочь, рожден-

[1]) Точки замѣняютъ и недописанные Пушкинымъ и неразобранные нами стихи.

Digitized by Google

ную Мнемозиной отъ Аполлона: дочь эта и была Рифма [1]). Набросавъ свое стихотвореніе, Пушкинъ возвращается къ Маріи и продолжаетъ ея портретъ:

Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена..... и проч.

Такъ-то, по богатству фантазіи, съ перваго стиха, написаннаго почти изъ шалости, представилась автору полная пьеса, которую онъ и докончилъ, и такъ-то справедливы были его жалобы на непокорность рифмы!

Критическій осмотръ произведенія, неразлучный у Пушкина съ самимъ созданіемъ, выразился въ двухъ замѣчательныхъ пропускахъ тогда, какъ уже поэма, переписанная на-бѣло, готова была поступить въ типографію. Къ характеристикѣ казака, тайно любившаго Марію (первая пѣснь), принадлежали еще слѣдующіе стихи, которые сообщали ему романическій, нѣсколько ложный оттѣнокъ, замѣченный проницательнымъ взглядомъ автора.

Убитый ею, къ ней одной
Стремилъ онъ страстныя желанья,
И горькой ропотъ и мечтанья
Души кипящей и больной.
Еще хоть разъ ее увидѣть
Безумной жаждой онъ горѣлъ:
Ни презирать, ни ненавидѣть
Ее не могъ и не хотѣлъ.

Второе выпущенное мѣсто принадлежитъ къ сценѣ сумасшествія Маріи, т. е. концу третьей пѣсни. Послѣ стиховъ:

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой,
Но вихрю мыслей предана.....

слѣдовалъ монологъ Маріи, здѣсь прилагаемый:

«Ей-Богу, говоритъ она,
Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ,

[1]) Мысль этого стихотворенія воспроизведена была потомъ въ антологической пьесѣ: *Рифма*, принадлежащей уже къ 1830 году.

Digitized by Google

Тамъ въ башнѣ спряталася. Пойдемъ,
Не будемъ горевать о немъ,
Пойдемъ.... Какой сегодня праздникъ?
Народъ бѣжитъ, народъ поетъ—
Пойду за ними; я на волѣ,
Меня никто не стережетъ....
Алтарь готовъ; въ веселомъ полѣ
Не кровь.... О нѣтъ, вино течетъ!
Сегодня праздникъ. Разрѣшили....
Женихъ не крестный мой отецъ,
Отецъ и мать меня простили:
Идетъ невѣста подъ вѣнецъ!»
Но вдругъ, потуплен взоръ безумный,
Видѣнья страшнаго полна;
Однакожъ, говоритъ она....

Далѣе сохранено все окончаніе пѣсни, но это мѣсто четырежды зачеркнуто Пушкинымъ и собственной рукой своей написалъ онъ съ боку его, для типографіи: «не набирать этого». Чуткій слухъ его, вѣроятно, былъ пораженъ театральнымъ, отчасти мелодраматическимъ тономъ монолога и тотчасъ же отсѣкъ онъ неправильный наростъ, случайно, въ недосмотрѣ созданія, привившійся къ произведенію. Такъ внимательно долженъ слѣдить за собой всякій писатель. Самъ Пушкинъ иногда не могъ избѣгнуть, при всей своей зоркости, уклоненій отъ прямаго пути, нечаянныхъ пятенъ въ созданіи!

Поэма явилась въ 1829 году, и мы скажемъ правду, если скажемъ, что за ней послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти никто не узналъ въ ней Пушкина! Блестящій, огненный стихъ его, который такъ справедливо сравнивали съ красавицей, уступилъ мѣсто сжатому и многовѣсному стиху, поражавшему своей опредѣленностію. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ, послѣ сладкихъ и задушевныхъ строфъ Бахчисарайскаго Фонтана и Цыганъ.

Какъ барельефъ великолѣпнаго памятника, создана была вся историческая часть поэмы и непривычному глазу трудно было обнять его содержаніе, насладиться его спокойствіемъ, его художническимъ распредѣленіемъ частей, особливо, если еще вспомнимъ, что въ большинствѣ публики съ названіемъ «поэма» связывалось понятіе о страсти, движеніи, живописи сердца.

Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ событій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно

Digitized by Google

выраженный эпическимъ тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ не только для массы читателей, но и для критиковъ. Такъ, самые яростные противники Пушкина находили въ отвѣтѣ Кочубея передъ пыткой:

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.... и проч.

проблескъ самостоятельнаго вдохновенія (См. Вѣстникъ Европы 1829, № 9, стр. 30, Изящн. Словес.), между-тѣмъ какъ одинъ изъ приверженцевъ его осуждалъ это мѣсто подъ предлогомъ, что Кочубей въ страшную минуту жизни не могъ говорить каламбурами и загадками (См. Сѣверные Цвѣты на 1830, Обозр. Словес.). Но отвѣтъ Кочубея, какъ и другія мѣста, идутъ параллельно съ фигуральнымъ выраженіемъ народныхъ эпопей и порождены ихъ духомъ и пріемами. Правда, одинъ журналъ (Московскій Телеграфъ, часть XXVII, стр. 219) утверждалъ за поэмой качество Русской поэмы по-преимуществу, но до такой степени неопредѣленно, что изъ словъ его замѣтно скорѣе предчувствіе дѣла, чѣмъ настоящее пониманіе его. «Въ Полтавѣ, говоритъ онъ, господствуетъ спокойствіе совершенно Шекспировское и, сквозь мѣрное теченіе всей поэмы, чувствуется только *невидимая сила духа Русскаго*, которою поэтъ оживилъ каждое положеніе, каждую рѣчь дѣйствующихъ лицъ». Такъ, по этому опредѣленію, и Карлъ XII и Мазепа награждены силою духа Русскаго, которая дѣйствительно еще могла назваться невидимкой какъ въ отношеніи этихъ лицъ, такъ и въ отношеніи многихъ рецензентовъ поэмы.

Но какъ полный образецъ той чудной и весьма обыкновенной, къ сожалѣнію, критической слѣпоты, какая часто отличаетъ современниковъ, можно представить статью о Полтавѣ, напечатанную въ Вѣстникѣ Европы (1829, № 8 и 9), и тѣмъ болѣе заслуживающую упоминовенія, что она имѣла силу волновать Пушкина, возражавшаго на многія изъ ея обвиненій. Вѣстникъ Европы, умершій въ 1830 г., какъ будто собралъ къ концу своего поприща все негодованіе, накопленное въ немъ долгими годами насмѣшекъ и оскорбленій, нанесенныхъ ему тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ писателей, и отвѣчалъ имъ въ послѣдній разъ съ удвоеннымъ жаромъ и энергіей.... Прежде всего слѣдуетъ здѣсь отстранить лице редактора, о которомъ мы можемъ судить теперь безпристрастнѣе и находить, преимущественно въ ученыхъ его трудахъ, многія права на уваженіе и

Digitized by Google

почетное мѣсто въ исторіи литературы [1]). Съ 1828 года является другой дѣятельный сотрудникъ на помощь журналу и даетъ старымъ жалобамъ его на легкость современной литературы, на самонадѣянность ея, неуваженіе къ старымъ образцамъ, на безначаліе и отсутствіе торжественности въ ея произведеніяхъ, новую силу, ѣдкость и перемѣняетъ оборонительное положеніе журнала на смѣлое, наступательное движеніе. Онъ пишетъ не замѣтки, а большія статьи въ странной драматической формѣ, гдѣ одно лице обязано говорить вздоръ, а другое быть постоянно умникомъ. Мѣсто дѣйствія этихъ критическихъ пословицъ происходитъ въ каморкахъ, косморамахъ, на буйныхъ вечерахъ, на прогулкахъ. Все это обличало отсутствіе вкуса въ авторѣ, который, съ другой стороны, владѣлъ несомнѣнными признаками критической способности, мыслящаго ума, начитанности и ловкаго анализа. Одинъ только существенный недостатокъ для критика изящныхъ произведеній, недостатокъ эстетическаго чувства, уничтожалъ всѣ его качества и приводилъ къ неимовѣрнымъ странностямъ какъ въ формѣ статей, такъ и въ содержаніи ихъ. Всю дѣятельность молодыхъ писателей, подъ которыми всегда подразумѣвался только Пушкинъ, опредѣлялъ онъ этими бойкими словами, показывавшими заносчивость безъ-оглядки: «Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь піитическій машинизмъ ихъ (новѣйшихъ поэтовъ), обыкновенно бываютъ: пунцъ,

---

[1]) Извѣстны эпиграммы Пушкина на Вѣстникъ Европы, которыми утѣшалъ онъ самаго себя и людей, задѣтыхъ сужденіемъ журнала, но это еще не полный примѣръ страстнаго увлеченія въ спорѣ. Самъ Вѣстникъ Европы, великодушно перепечаталъ изъ Сына Отечества (1820, № 2) посланіе къ себѣ, гдѣ первые два стиха содержатъ рѣзкое обращеніе къ лицу, едва прикрытое литературнымъ оборотомъ. Посланіе принадлежало перу одного изъ почетнѣйшихъ нашихъ писателей и остается примѣромъ полемическихъ уклоненій. Мы уже объ немъ упоминали. Кромѣ стиховъ, Пушкинъ написалъ еще цѣлую, довольно большую статью въ прозѣ противъ направленія журнала, напечатанную въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 годъ, подъ названіемъ: *Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей.* Она не вошла въ послѣднее посмертное собраніе его сочиненій 1838—41, по правилу, принятому тогда, исключать всѣ полемическія статьи, рожденныя современными спорами, правилу, котораго и настоящее изданіе придерживается. Замѣчательно однакожъ, что посмертное изданіе, собравъ эпиграммы Пушкина, касавшіяся Вѣстника Европы, откинуло всѣ, къ нему не относившіяся, каковы двѣ напечатанныя въ альманахѣ «Денница» (1831), одна въ журналѣ Московскій Наблюдатель (1836, томъ VII) подъ названіемъ: *«Синонимъ: Гостиная, Салонъ»*, одна въ Антологіи М. Яковлева, 1828 года подъ названіемъ: *«Русскому Икару»* и проч. Этимъ нарушалась вѣрность принятой системѣ.

Digitized by Google

ан, бордо, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ Муромскіе лѣса, подвижные Бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань, сплаченные завоулки и Ѳермопилы. Оригинальные костюмы ихъ:

Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки
Рога и пальцы костяные!

(IV глава Онѣгина, стр. XIX).

Торжественный оркестръ ихъ:

Визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ
Людская молвь и конскій топъ...»

(IV глава Онѣгина, стр. XVIII).

(Вѣстникъ Европы 1828, № 21 и 22 статья: *Литературныя опасенія за будущій годъ*).

Не продолжаемъ выписокъ, но таковъ былъ взглядъ критика на Пушкина, и когда послѣ вздоровъ Тлѣнскаго (лица, обязаннаго говорить вздоръ), онъ пишетъ нѣсколько дѣльныхъ страницъ о необходимости изученія какъ самой природы, такъ и великихъ произведеній духа человѣческаго, для укрѣпленія и развитія творческой способности въ себѣ, то совсѣмъ и не предполагаетъ, что Пушкинъ посвящалъ имъ многіе и лучшіе часы своей жизни.

Извѣстенъ разборъ того же критика повѣстей: *Балъ* и *Графъ Нулинъ* (Вѣстникъ Европы №№ 2 и 3, 1829). Шутка нашего поэта, само собой разумѣется, не могла найти пощады у строгаго судьи, который и вообще въ поэзіи искалъ, кажется, громкихъ словъ и внѣшняго эффекта, но разборъ написанъ былъ чрезвычайно живо и до-сихъ-поръ вызываетъ улыбку, если не остроуміемъ, то ловкой пародіей содержанія и стиховъ пьесы. Это самая удачная вещь критика. Но разборъ *Полтавы*, явившійся въ томъ же 1829 году (№№ 8 и 9), лишенъ уже и послѣдняго качества — веселости: онъ сухо-страненъ, чтобъ не сказать болѣе. Дѣйствіе его происходитъ въ косморамѣ, гдѣ мужичекъ показываетъ народу самыя лучшія Фонтаны Бахчисарайскіе, а фигуру мудрости представляетъ отставной корректоръ Университетской типографіи, Пахомъ Силычъ Правдинъ. На вопросъ: что Полтава? Пахомъ отвѣчаетъ: «И ничего!» За тѣмъ

Digitized by Google

сравнивает онъ Мазепу Байрона — *«олицетворенный идеалъ бурной независимости, посягающейся всѣмъ ударомъ и кознямъ враждебной жизни»* съ Мазепой Пушкина, который *«есть ни что иное, какъ лицемѣрный, бездушный старикашка»*, ни сколько не схожій съ извѣстнымъ историческимъ лицемъ. Матрена Кочубей также искажена въ характерѣ, какъ и въ имени, по мнѣнію критика. Любовь ея къ Мазепѣ—старику—невозможность, любовь старика Мазепы—фарсъ. Происхожденіе Полтавской битвы объяснено въ поэмѣ, по словамъ Правдина, только пострадавшими усами Мазепы. «Ай да усы! Это былъ бы кладъ для покойнаго выворачивателя Энеиды на-изнанку», прибавляетъ Пахомъ Силычъ. Казнь Кочубея написана съ хладнокровнымъ самоуслажденіемъ, по толкованію Правдина; Карлъ неприлично названъ бойкимъ мальчишкой и притомъ онъ еще побурлацки кричитъ надъ ухомъ Гетмана:

....ого! Пора
Вставай Мазепа,

сумасшествіе Маріи и визгъ ея непристойны: «эдакъ говорятъ только объ обваренныхъ собакахъ» и въ заключеніе Пахомъ Силычъ опредѣляетъ музу Пушкина [1]): «Ето есть, по моему мнѣнію, рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копѣйку; ея стихія пересмѣхать все худое и хорошее.... не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты повубосналить. Ето то сообщаетъ особую физіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающему оное рѣшительно отъ Байроновой мизантропіи и отъ Жанъ-Полева юморизма. Поэзія Пушкина есть просто *пародія*...» и проч. и проч. Какъ-будто устыдясь приговора своего, критикъ на слѣдующій годъ, при разборѣ 7 главы Онѣгина (Вѣстникъ Европы 1830, № 7) смягчаетъ его, удѣляя Пушкину славу Скаррона, Пиррона, Берни, Аретина, и находя, что *изъ подъ его кисти выпадаютъ не рѣдко если не картины, то картинки, на которыя нельзя не насмотрѣться.* Онъ съ-изнова передѣлываетъ мнѣніе о музѣ Пушкина и переходитъ только къ другой странности: «Въ одномъ Онѣгинѣ только, говоритъ онъ, послѣ Руслана и Людмилы, вижу я талантъ Пушкина на своемъ мѣстѣ.... въ своей тарелкѣ. Ему не дано видѣть и изображать природу поэтически, съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее на-изнанку. Слѣдовательно, онъ

[1]) Правописаніе журнала сохранено въ выпискахъ нашихъ.

Digitized by Google

не можетъ нигдѣ блистать, какъ только въ *арабескахъ*. Русланъ и Людмила представляетъ прекрасную галлерею физическихъ *арабесковъ*; Е. Онѣгинъ есть *арабескъ* міра нравственнаго. И вся эта непрерывная цѣпь заблужденій, все это изворотливое, хотя и не совсѣмъ ловкое исканіе дѣла, произошло отъ недостатка художническаго чувства и отъ мысли замѣнить живую поэзію представленіями философско-эпическаго рода!

Таковы были статьи Вѣстн. Европы, рѣзкій тонъ которыхъ былъ новъ для слуха и оскорбителенъ вообще для поэта. Вскорѣ нашлись и подражатели молодому критику. Спустя нѣсколько времени, одна газета представила разборъ VII главы Онѣгина, написанный какъ-будто подъ вліяніемъ рѣшимости, оказанной Вѣстникомъ Европы. Разборъ (Сѣверная Пчела 1830, №№ 35 и 39) объявлялъ совершенное паденіе творца Руслана, новую главу романа — пустословіемъ, предметы описаній — низкими, стихи — прозаическими и непонятно-модными, но этотъ разборъ уже не заслуживаетъ подробнаго изложенія. Образецъ его выражалъ литературное мнѣніе и ошибочную теорію творчества (вотъ почему мы и остановились на немъ); подражаніе выражаетъ только произволъ и уже не имѣетъ корня ни въ какомъ вопросѣ науки или искусства. Долго не могъ Пушкинъ вполнѣ постигнуть свое положеніе въ литературномъ мірѣ. Какъ человѣкъ, открывавшій новый и обширный горизонтъ искусства на Руси, онъ долженъ былъ поднять противъ себя много возраженій и вражды, и считать ихъ естественнымъ слѣдствіемъ, необходимостію своего призванія; но они волновали и сердили его. Только съ 1832 года видитъ онъ свое мѣсто и назначеніе, умолкаетъ для всѣхъ толковъ и распрей; но уже отъ горькаго чувства, оставленнаго ему журналистикой и пересудами публики, избавиться не можетъ. Чувство это таится въ немъ, несмотря на молчаніе и наружное спокойствіе, которымъ онъ обрекъ себя. Часто является оно невольно въ дружеской перепискѣ. Такъ, въ 1831 году, на увѣдомленіе одного изъ своихъ пріятелей о новомъ появившемся разборѣ его Годунова, онъ отвѣчаетъ: «Ты пишешь мнѣ о какомъ-то критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы что все, что называется у насъ критикой, одинаково... смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно не возможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ.... 21 Іюля 1831.» Три года спустя, именно въ апрѣлѣ 1834, онъ повторяетъ ту же мысль въ другомъ письмѣ: «Вообще пишу много про себя, а печатаю

Digitized by Google

по неволѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ *людьми*, которые васъ не понимаютъ, чтобы . . . ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ журналахъ. Было время—литература была благородное, аристократическое поприще. Нынче это *ремесло*. Быть такъ».

При выходѣ въ свѣтъ, *Полтава* снабжена была замѣчательнымъ предисловіемъ, сохраненнымъ въ нашемъ изданіи, и красовалась эпиграфомъ изъ Байрона, напечатаннымъ однакожъ, съ ошибкой во второмъ стихѣ, что лишило его смысла. (См. Примѣчанія къ Полтавѣ) [1]).

---

[1]) Настоящій недостатокъ поэмы состоялъ въ двойственности ея плана и это было замѣчено тогда же критикомъ, написавшимъ Обозрѣніе Литературы въ альманахѣ «Денница» на 1831 годъ. Всю исторію любви Маріи считалъ онъ отдѣльной поэмой, которая вредитъ впечатлѣнію, оставляемому настоящей исторической поэмой. Къ этому можно прибавить, что въ подобныхъ случаяхъ недостатокъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче и превосходнѣе краски эпизода, поднятаго на высоту, ему несвойственную. Пушкинъ самъ показалъ, въ Мѣдномъ Всадникѣ, примѣръ, какъ должно вводить въ историческую раму частное лицо и событіе.

Digitized by Google

ГЛАВА XVII.

Осень 1828 г., зима 1829 г. и отъѣздъ на Кавказъ: Отъѣздъ изъ С.-Петербурга въ Малинники, деревню гг. Вульфовъ тотчасъ по окончаніи «Полтавы».— Посвященіе поэмы, неизданные стихи: «Я думалъ сердце позабыло». — Въ ноябрѣ 1828 г. кончена послѣдняя строфа «Онѣгина», тогда же «Анчаръ». — Мысли Пушкина становятся свѣтлѣе и покойнѣе. — «Отвѣтъ Катенину», «Отвѣтъ Готовцевой», «Посланіе къ Великопольскому», значеніе всѣхъ этихъ стихотвореній. — Письмо къ Дельвигу съ анекдотомъ о сахарномъ Пушкинѣ.— Письмо о деревенской жизни.— Возвращеніе въ Петербургъ, утомленіе и нравственная усталость овладѣваютъ Пушкинымъ снова. — Мысль о «Годуновѣ» и предисловіи къ нему.

Окончивъ Полтаву, Пушкинъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга и притомъ въ ясномъ состояніи духа, а 27 октября былъ уже въ Тверской губерніи, въ деревнѣ Малинники, принадлежавшей сосѣдямъ Пушкина по Михайловскому — владѣтелямъ Тригорскаго. Въ этотъ день написано тамъ посвященіе поэмы:

Тебѣ .... но голосъ Музы тайной
Коснется ль слуха твоего? и проч.,

съ эпиграфомъ: I love this sweet name (люблю это нѣжное имя) [1]) 4 ноября 1828 г. окончена тамъ же послѣдняя шуточная строфа

---

[1]) Можетъ быть къ этому времени относится слѣдующее, неизданное восьмистишіе Пушкина:

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: «тому, что было
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!

* * *

Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты...»
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!...

Digitized by Google

VII главы Онѣгина; 9 ноября написанъ *Анчаръ*; за нимъ (10 ноября) *Отвѣтъ Катенину*, о которомъ уже говорили; потомъ *Отвѣтъ Готовцевой*, въ весьма милыхъ стихахъ упрекавшей Пушкина (см. Сѣверные Цвѣты на 1829 г.) въ непониманіи женскаго достоинства, поводомъ къ чему послужилъ, вѣроятно, отрывокъ изъ Ев. Онѣгина, напечатанный въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № XX, подъ названіемъ: *Женщины*, а можетъ быть, и нѣсколько строкъ въ *Мысляхъ и Замѣткахъ* Пушкина 1828 г. Ранѣе ОтвѣтаКатенину написано и веселое *Посланіе къ В***, сочинителю сатиры на игроковъ, посланіе, непопавшее въ полное собраніе сочиненій нашего автора, но напечатанное въ Сѣверной Пчелѣ 1828 г., № 9, съ выноской издателей: «имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem [1])»

[1]) Выписываемъ здѣсь эту шутку, которая, впрочемъ, относится къ началу 1828 года, а не къ концу его, въ которомъ мы находимся. Любопытно, какъ добродушно высказывалось веселое расположеніе духа въ поэтѣ.

Посланіе къ В . . . . , сочинителю «Сатиры на игроковъ».

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — нѣтъ міру!
Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ
Съ какимъ усердьемъ онъ . . .
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь, и такъ пропалъ!
Дамонъ твой, человѣкъ ужасной.
Забудь его опасной домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:
Нѣкто мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,

Digitized by Google

Въ поименованныхъ произведеніяхъ нѣтъ и слѣдовъ нравственнаго безпокойства, какія отличаютъ его произведенія, писанныя весной и лѣтомъ: они ясны и спокойны. Въ дружеской перепискѣ съ Дельвигомъ, посылая ему свои стихотворенія, Пушкинъ беззаботно шутитъ и разказываетъ дѣтскій анекдотъ съ удовольствіемъ человѣка, готоваго веселиться при малѣйшемъ поводѣ: «Вотъ тебѣ въ «Цвѣты» отвѣтъ Катенину, вмѣсто отвѣта Готовцевой, который *не готовъ*. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ Новому году, вѣроятно, явлюсь къ вамъ, въ Чухляндію. Здѣсь мнѣ очень весело. П. А. я люблю душевно—жаль, что она хвораетъ и не безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито—скажи это Графу Х.** П. М. здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда, я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, боловенные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться, но П. М. ихъ взбудоражилъ. Онъ къ нимъ прибѣжалъ: дѣти, дѣти! мать васъ обманываетъ; не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею. Тамъ будетъ Пушкинъ—онъ весь сахарный.... его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку. Дѣти разревѣлись: не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина. Нечего дѣлать, ихъ повезли и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, — совсѣмъ опѣшили.... Я толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьи.... и проч.»

Хлѣбнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ,
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была-бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

Посланіе относилось къ г. Великопольскому, издавшему въ Москвѣ, въ 1838 году, книжку: «Къ Эрасту, сатира на игроковъ».

Digitized by Google

Въ другомъ письмѣ, слѣдовавшемъ вскорѣ за этимъ, онъ повторяетъ, что весело ему и даже, противорѣча прежнимъ своимъ признаніямъ прибавляетъ, что душевно любитъ деревенскую жизнь. «Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой... Какъ ты находишь *ces petits vers froids et coulants*?... Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ Смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу наварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобой дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ «Онѣгина» и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою. А я ѣзжу на паромѣ и играю въ вистъ по 8 гривенъ роберъ... Скажи это нашимъ... — я пріѣду къ нимъ. Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался. 26 Ноября 1828. Что Иліада и что Гнѣдичь?»

Къ новому 1829 году, Пушкинъ явился въ Петербургъ, но здѣсь опять покидаетъ его то расположеніе духа, въ какомъ видимъ его въ деревнѣ. Черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ, утомленіе и какая-то нравственная усталость снова нападаютъ на Пушкина. Онъ начинаетъ томиться жаждой физической дѣятельности, которая всегда являлась у него, какъ вѣрный признакъ отсутствія дѣятельности духовной. Единственной и постоянной мыслію его дѣлается уже въ это время изданіе Годунова. Онъ пишетъ тогда извѣстныя свои письма о немъ и сильно занятъ планомъ и сущностію предисловія, которое кажется, ему совершенно необходимо для объясненія хроники. Мысль эта занимаетъ его круглый годъ и не покидаетъ въ самомъ Арзрумѣ, какъ увидимъ. Борисъ Годуновъ явился однакожъ только черезъ годъ къ 1 января 1831.

Digitized by Google

ГЛАВА XVIII.

Путешествіе въ Арзрумъ» 1829 г. и кавказскія стихотворенія: Неожиданная поѣздка на Кавказъ въ мартѣ 1829 г. — Пребываніе въ Москвѣ въ эту эпоху, жажда покоя. — 15 мая Пушкинъ въ Георгіевскѣ. — «Путешествіе въ Арзрумъ», эпоха его появленія. — Причина путешествія, обстоятельства поѣздки въ Тифлисъ и въ дѣйствующую армію. — Мысли о Годуновѣ. — Возвратный путь, русскій журналъ въ Владикавказѣ съ разборомъ «Полтавы». — Пушкинъ былъ на возвратномъ пути на Горячихъ водахъ 8 сентября 1829 г., въ началѣ ноября въ деревнѣ, по свидѣтельству стиховъ: «Зима, что дѣлать намъ въ деревнѣ». — Стих.: «Зимнее утро» съ замѣчательной поправкой и другія. — Пушкинъ въ Петербургѣ около 16 ноября, газетныя извѣстія о путешествіи поэта. — Корреспонденція «Сѣверной Пчелы» по этому предмету. — Извѣстіе «Сѣверной Пчелы» о возвращеніи Пушкина въ Петербургъ. — Стихи, писанные на Кавказѣ: «Донъ», «Делибашъ», «Монастырь» и проч.; ихъ значеніе. — Появленіе Кавказскихъ стихотвореній въ печати. — Почему напечатаны они были не скоро и въ разбивку. — Мысли, навѣянныя случаемъ и сохранившіяся въ бумагахъ поэта. — Неизданные стихи: «Былъ и я среди Донцевъ», «Критонъ, роскошный гражданинъ», «Напрасно видишь тутъ ошибку». — Поэтическая бесѣда съ самимъ собой: «Зорю бьютъ — изъ рукъ моихъ».

Пушкинъ вдругъ весьма круто и неожиданно отрывается отъ общества и, въ мартѣ 1829 г., уѣзжаетъ изъ Петербурга на Кавказъ, не испросивъ даже разрѣшенія на поѣздку у кого слѣдовало. Въ бумагахъ его сохранился только видъ, данный ему отъ Спб. Почтъ-директора 4 марта 1829 г., на полученія лошадей, по подорожной, безъ-задержанія, до Тифлиса и обратно. Видъ этотъ на оборотѣ листа носитъ свидѣтельство, что былъ заявленъ на Горячихъ минеральныхъ водахъ, уже 8 сентября того же года, на возвратномъ пути поэта.

Въ Москвѣ останавливался онъ въ это время, большею частію у одного изъ самыхъ короткихъ ему людей П. В. Н....на. Чрезвычайно любопытны разсказы послѣдняго объ образѣ жизни поэта нашего во время его пріѣздовъ въ Москву, въ послѣдніе годы его холо-

Digitized by Google

стой жизни и во все продолженіе женатой. Изъ словъ П. В. Н. . . . на можно видѣть, какъ измѣнились привычки Пушкина; какъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ, къ разнорѣчивому говору многолюдства смягчилась въ немъ потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкинъ казался домосѣдомъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту и прислушиваясь къ простому разговору, въ которомъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобъ заставить Пушкина не прерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать. Пушкинъ слѣдовалъ совѣтамъ П. В. Н . . . . на нехотя: такъ уже нужда отдохновенія начала превозмогать всѣ другія склонности. Но 1829 году наслажденія семейственности еще смутно представлялись ему. Цѣль была впереди, а запасъ страстей, еще не покоренный правильному теченію жизни, утихалъ только на короткое время. Изъ дому Н. . .а, Пушкинъ выѣхалъ въ Тифлисъ и 15 мая былъ уже въ Георгіевскѣ, гдѣ впервые началъ извѣстный свой журналъ, приведенный въ порядокъ только въ 1835 году и напечатанный уже въ Современникѣ 1836 года, подъ заглавіемъ: *Путешествіе въ Арзрумъ, во время похода 1826 года.*

Нѣсколько пояснительныхъ словъ къ этому, равно драгоцѣнному и по содержанію, и по изложенію своему, документу, не будутъ лишними. Въ черновой рукописи его, Пушкинъ изъясняетъ первую причину своего путешествія слѣдующимъ образомъ: «Въ 1829 году отправился я на Кавказъ, лечиться на водахъ. Находясь въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей и съ братомъ, служившимъ тогда въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашелъ: армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную, побудило меня просить позволенія пріѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блестящую войну, конченную въ нѣсколько недѣль и увѣнчанную переходомъ черезъ Саганъ-Лу и взятіемъ Арзрума.» Слова эти взяты изъ предисловія въ то время, какъ уже Пушкинъ началъ приводить журналъ свой въ порядокъ (1835). Журналъ этотъ, какъ видѣли, начатъ былъ въ Георгіевскѣ; Александръ Сергѣевичъ возвратился къ нему во второй разъ въ Владикавказѣ 22 мая. Въ іюнѣ, переѣхалъ Кавказъ, онъ уже былъ въ Тифлисѣ, гдѣ прожилъ около двухъ недѣль, ожидая позволенія явиться въ дѣйствующую

Digitized by Google

противъ турокъ армію. Получивъ его, онъ тотчасъ же выѣхалъ и 13 іюня, прибылъ въ Русскій лагерь, расположенный за хребтами Саганъ-Лу, на берегу Карса-Чая. Тифлисскія Вѣдомости разнорѣчатъ съ этимъ показаніемъ самого поэта, говоря, что онъ прибылъ только 16-го іюня въ лагерь нашъ при Исканъ-Су: какъ-бы то ни было, но съ этого времени онъ раздѣлялъ труды и походы арміи, находился при разбитіи сераскира Арзрумскаго, при пораженіи Гаки-Паши и при взятіи самаго Арзрума, 27 іюня. Онъ былъ одинъ во всемъ лагерѣ въ статскомъ платьѣ и довольно забавно писалъ въ Москву, что солдаты величаютъ его пасторомъ, когда онъ проѣзжаетъ мимо ихъ верхомъ. 19 іюля покинулъ онъ Арзрумъ, начертилъ, въ тотъ же самый день, строки, выражавшія основную мысль, которую должно было развить будущее предисловіе къ Борису Годунову. Послѣ долгихъ разсужденій съ пріятелями, онъ опять еще пишетъ для себя въ Арзрумѣ: «Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будутъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы Боюсь, чтобъ собственные ея недостатки не замедлили хода...» 1-го августа находимъ Пушкина снова въ Тифлисѣ, на возвратномъ пути въ Россію; онъ выѣзжаетъ оттуда 6-го августа, а 10-го нападаетъ, во Владикавказѣ, на Русскій журналъ, разбиравшій его Полтаву въ томъ духѣ, какъ мы показали. Онъ съ горечью замѣчаетъ: «Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.» 8-го сентября онъ уже находится на Горячихъ минеральныхъ водахъ, по свидѣтельству почтамтскаго вида; въ ноябрѣ, въ деревнѣ, гдѣ 2-го ноября написано стихотвореніе: «*Зима! Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю*», между-тѣмъ какъ *Дорожныя жалобы* обозначены еще числомъ 4-го октября въ рукописи и, если судить по первоначальному ихъ заглавію, *Дорожные стихи*, можетъ быть, писаны въ повозкѣ или на станціи. Въ Петербургъ онъ является въ половинѣ ноября мѣсяца [1]).

---

[1]) Весьма трудно опредѣлить теперь, гдѣ находился Пушкинъ съ 8-го сентября, дня отъѣзда изъ Горячеводска, до 16-го ноября, вѣроятнаго дня прибытія его въ Петербургъ. Нѣкоторый свѣтъ даетъ слѣдующая приписка Пушкина къ одной главѣ Онѣгина (восьмой, выпущенной): «*Моск. Павл. Болдино. 1829.*» Въ Москвѣ онъ былъ, какъ знаемъ, въ мартѣ мѣсяцѣ; мѣсто, обозначенное словомъ: *Павл.* намъ совершенно неизвѣстно, а Болдино — есть названіе села, Нижегородской губерніи (Лукояновскаго уѣзда), принадлежавшаго его отцу и о которомъ будемъ еще много говорить. Такимъ образомъ можно полагать, что Пушкинъ проѣхалъ

*

Digitized by Google

Въ дополненіе къ этимъ замѣткамъ, да позволятъ намъ привести нѣсколько журнальныхъ извѣстій о путешествіи поэта. Мы начнемъ прямо съ мѣстныхъ Тифлисскихъ Вѣдомостей, которыя содержатъ довольно любопытныя извѣстія о пребываніи поэта въ столицѣ Грузіи. Вотъ что заключалъ въ себѣ № 29 (28 іюня 1829, пятница) Тифлисскихъ Вѣдомостей:

«Надежды наши исполнились. Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ не долго былъ въ Тифлисѣ: желая видѣть войну, онъ испросилъ дозволеніе находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Исканъ-Су. Первоклассный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ Кавказскаго Плѣнника, въ Крыму написалъ Бахчисарайскій Фонтанъ, въ Бессарабіи— Цыганъ, во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины Онѣгина. Теперь читающая публика наша соединяетъ *самыя пріятныя надежды* съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ Кавказ-

---

съ Кавказа въ Болдино. На возвратномъ пути въ Петербургъ изъ деревни, онъ пробылъ въ Москвѣ только нѣсколько дней и почти никуда не показывался. Пребываніе на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ извѣстно намъ по темнымъ слухамъ. Онъ тамъ лечился, былъ въ обществѣ друзей, игралъ.... Стихотворенія, связанныя съ Кавказомъ и съ его природой, написаны имъ въ теченіе сентября и октября мѣсяца 1829 — стало быть, посреди безпокойной, странствующей жизни и въ самыхъ хлопотахъ вояжа. Пьеса: *Зима! Что дѣлать въ деревнѣ?* и за тѣмъ: *Зимнее утро* уже проникнуты поэзіей домашняго очага и сѣверной природы. Во второмъ стихотвореніи, помѣченномъ 3-мъ числомъ ноября, сдѣлана Пушкинымъ замѣчательная поправка. Конецъ четвертой его строфы читается въ рукописи:

. . . . . Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Коня Черкасскаго запречь?

Пушкинъ измѣнилъ послѣдній стихъ, при печати, въ другой:

Кобылку бурую запречь?

и такимъ образомъ изъ довольно пышнаго образа сдѣлалъ простую сельски-тихую картину. Онъ всегда такъ исправлялъ свои стихотворенія. Что касается до стихотворенія: *Стамбулъ Гяуры нынче славятъ*, находящагося въ текстѣ «Путешествіе въ Арзрумъ», и тамъ приписаннаго Пушкинымъ какому-то небывалому янычару, Аминъ-Оглу, то оно принадлежитъ къ 1830 году и мы упомянемъ о немъ при описаніи жизни Пушкина зъ селѣ Болдинѣ.

Digitized by Google

скихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацію, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани.»

32 № Тифлисскихъ Вѣдомостей (9 августа 1829) въ томъ же тонѣ извѣщалъ о вторичномъ посѣщеніи Тифлиса Пушкинымъ:

«6 августа А. Пушкинъ, возвратившійся изъ Арзрума, выѣхалъ изъ Тифлиса къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Любители изящнаго должны теперь ожидать прелестныхъ подарковъ, коими геній Пушкина, возбужденный воспоминаніями о за-Кавказскомъ краѣ, безъ сомнѣнія, надѣлитъ нашу литературу».

Корреспондентъ Сѣверной Пчелы писалъ ей изъ крѣпости Владикавказа, отъ 10 августа (Сѣверная Пчела № 110, 12 сентября 1829 года):

«Сего числа былъ здѣсь проѣздомъ А. С. Пушкинъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ изъ Арзрума и на другой день отправился далѣе, съ намѣреніемъ побывать на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и, потомъ отправиться чрезъ Моздокъ и Кизляръ, въ Астрахань.» (?)

Почти въ одинаковомъ тонѣ и одинаковыми словами, какъ и Тифлисскія Вѣдомости, извѣщала Сѣверная Пчела о пріѣздѣ Пушкина въ Петербургъ (Сѣверная Пчела № 138, 16 ноября):

«А. С. Пушкинъ возвратился въ здѣшнюю столицу изъ Арзрума. Онъ былъ на блистательномъ поприщѣ побѣдъ и торжествъ Русскаго воинства, наслаждался зрѣлищемъ, любопытнымъ для каждаго, особенно для Русскаго. Многіе почитатели его Музы надѣются, что онъ обогатитъ нашу Словесность какимъ нибудь произведеніемъ, вдохновеннымъ подъ тѣнью военныхъ шатровъ, въ виду неприступныхъ горъ и твердынь, на которыхъ мощная рука Эриванскаго Героя водрузила Русскія знамена.»

Пушкинъ не обманулъ ожиданія; онъ написалъ: *Донъ*, *Делибашъ* (7 сентября), *Монастырь на Казбекѣ* (20 сентября), *Кавказъ* (тогожъ числа и мѣсяца), *Обвалъ*, съ Французскимъ поясненіемъ заглавія въ скобкахъ: *Avalanche* (29 октября): всѣ эти необычайно-свѣжія и вмѣстѣ смѣлыя картины природы, составлющія драгоцѣнные перлы описательной поэзіи. Природа вообще отражалась удивительно полно и ясно въ душѣ художника и на его произведеніяхъ. Онъ не ловилъ впечатлѣній ея съ усиліемъ, съ боязнью недосмотрѣть или недосказать чего-либо. Картины природы у Пушкина не многословны, но всегда раждаются вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ, и даже въ стихахъ

Digitized by Google

отражаютъ характеръ каждаго явленія, возбудившаго ихъ. Стихъ пьесы *Донъ* исполненъ блеска и радости; онъ сжатъ и суровъ въ *Обвалѣ*, мѣренъ и торжественно спокоенъ въ *Кавказѣ*. Чудная пѣснь: *Олеговъ Щитъ* была патріотической пѣснью Пушкина, довершившей эту вдохновенную передачу впечатлѣній славной войны, гремѣвшей вокругъ него; но довольно странно, что всѣ эти произведенія стали появляться уже спустя два года послѣ своего созданія, именно въ 1831 году и притомъ отдѣльно и въ разныхъ изданіяхъ, какъ-то: въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, Литературной Газетѣ и Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Причину этой медленности и разрозненности появленія должно преимущественно искать въ самихъ воззваніяхъ газетъ, какія сопровождали путешествіе нашего поэта. Поэтъ сдѣлалъ на-перекоръ ожиданіямъ ихъ. Онъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло творчества, какъ мы уже знаемъ, и обращенія газетъ къ его Музѣ производили на него непріятное впечатлѣніе. Онъ никакъ не могъ понять, а еще менѣе допустить права распоряжаться его вдохновеніемъ, назначать предметы для труда и преслѣдовать жизнь его такимъ образомъ, до самыхъ тайныхъ ея помысловъ и побужденій. Мысль эту перевелъ онъ, по обыкновенію, на поэтическій свой языкъ и выразилъ, въ 1830 году, въ превосходномъ своемъ стихотвореніи: *Отвѣтъ Анониму* (*О, кто бы ни былъ ты*), о которомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ. Въ самомъ описаніи своего Путешествія, онъ посвятилъ ей еще нѣсколько строкъ: «*Искать вдохновенія*, говоритъ онъ въ предисловіи, всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта.» Еще свободнѣе изъяснялся онъ объ этомъ предметѣ въ дружескихъ разговорахъ: «Чего нельзя сказать ни о комъ, утверждалъ онъ, то можно сказать о поэтѣ. Вѣдь ни кто не позволитъ себѣ написать: мы думали, что такой-то поѣхалъ на Кавказъ за отличіемъ, а онъ вывезъ оттуда одну лихорадку? Почему же можно сказать въ печати: мы думали, что поэтъ напишетъ такое-то стихотвореніе, а онъ написалъ совсѣмъ другое?»

Нѣсколько бѣглыхъ мыслей, навѣянныхъ случаемъ, встрѣчей, минутной вспышкой вдохновенія, сохранились въ тетрадяхъ поэта отъ этой эпохи. Къ числу такихъ произведеній, какъ извѣстно, принадлежитъ посланіе *къ Калмычкѣ* (*Прощай, любезная Калмычка*), о которой Пушкинъ говоритъ еще въ рукописи своей, что она имѣла довольно пріятный голосъ и смуглое, темно-румяное личе. На обратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ, 30 человѣкъ линейныхъ каза-

Digitized by Google

ковъ, сопровождавшихъ Пушкина и возвращавшихся на родину, встрѣтили казачій полкъ, шедшій имъ на смѣну. Привѣтственные выстрѣлы изъ пистолетовъ загремѣли съ обѣихъ сторонъ въ знакъ радости, а потомъ земляки на-скоро обмѣнялись новостями, которыя внушили Пушкину нѣсколько строчекъ:

Былъ и я среди Донцевъ,
Гналъ и я Османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я привезъ домой нагайку.
Дома.... въ тишинѣ
Сохранилъ я балалайку—
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку....
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней
И берегъ свою нагайку.

Въ самомъ Арзрумѣ, 14 іюня, промелькнула въ головѣ его мысль, не оставившая потомъ никакого слѣда:

Критонъ, роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія....
Однажды—слушайте друзья!
Онъ по Керамику скитался,
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась Нимфа молодая....

По сю-сторону Кавказа, онъ встрѣчаетъ гдѣ-то бюстъ Завоевателя—и пишетъ къ нему:

Напрасно видишь тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ.
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ
Въ лицѣ и въ жизни *арлекинъ*

Digitized by Google

Все это походитъ какъ-будто на поэтическую бесѣду съ самимъ собой, которой вообще Пушкинъ часто предавался. Подобныя стихотворныя замѣтки превращались у него иногда въ полныя, художественныя созданія. Кстати уже будетъ привести здѣсь и стихотвореніе, порожденное внезапнымъ звукомъ военной зори, поразившимъ поэта.

Зорю бьютъ.... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ....
Звукъ далече улетаетъ.
Звукъ привычный, звукъ живой!
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я.... давнишнею.... порой!....

Digitized by Google

ГЛАВА XIX.

«Галубъ» и «Путешествіе Онѣгина»: Программа «Галуба». — Посмертныя названія, данныя его произведеніямъ издателями. — Въ «Галубѣ» первое проявленіе эпическаго настроенія. — Анализъ «Галуба». — О выпущенной страницѣ въ «Путешествіи въ Арзрумъ», гдѣ говорится о значеніи христіанской проповѣди для дикихъ племенъ. — Вторая программа «Галуба». — Въ декабрѣ 1829 г. начаты первыя строфы VIII главы «Онѣгина», которая заключала въ себѣ странствованіе Онѣгина. — Какъ писался «Онѣгинъ». — Пропущенныя строфы. — Перечень главъ съ хронологическими указаніями. — Связь идеи «Демона» съ I главой Онѣгина, по рукописи. — Неизданные стихи: «Мнѣ было грустно, тяжко, больно». — Отрывокъ изъ «Странствованій Онѣгина», помѣщенный въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 г. — Замѣтка объ этой выдержкѣ. — «Онѣгинъ» въ производительномъ отношеніи столько же замѣчателенъ, какъ и въ художественномъ.

По возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ, Пушкинъ приступилъ къ новой поэмѣ: *Галубъ* [1]). Правда, въ это время набросалъ онъ только программу ея и первый очеркъ; онъ принялся снова за поэму, послѣ долгаго промежутка времени, который съ достовѣрностію опредѣлить нельзя, но который полагать можно въ 3 или 4 года, да и тогда еще оставилъ онъ новое произведеніе свое безъ окончанія и отдѣлки. Все это объясняется теперь направленіемъ, какое стала принимать творческая способность Пушкина, въ послѣдніе годы его жизни. Галубъ былъ первымъ и еще не совсѣмъ яснымъ проблескомъ эпическаго настроенія духа, поражающаго въ Пушкинѣ, особенно съ 1833 года.

---

[1]) Заглавія нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, особенно тѣхъ, которыя явились послѣ смерти его, придуманы издателями его сочиненій. Къ числу такихъ принадлежатъ: *Галубъ* и *Русалка*, не имѣвшія у автора нашего никакого обозначенія. Названіе: «Галубъ» дано Современникомъ 1837 года, и, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ счастливо. Поэма должна бы назваться скорѣе «Тазитомъ», именемъ настоящаго своего героя. Въ позднѣйшихъ лирическихъ произведеніяхъ встрѣчается тоже. Стихотвореніе: *Лицейская Годовщина* (*Была пора, нашъ праздникъ молодой*) названо такъ Современникомъ 1837 г. по отсутствію заглавія у

Digitized by Google

Поэма осталась въ отрывкѣ, потому-что не вполнѣ еще установилось самонаправленіе автора. Изложеніе ея программы пояснитъ наши слова, но скажемъ напередъ, что Кавказъ и въ это время былъ поводомъ къ новымъ соображеніямъ для поэта, какъ за 9 лѣтъ передъ тѣмъ.

Поэма навѣяна историческимъ горнымъ хребтомъ, но въ этотъ разъ Пушкинъ взялъ героя изъ самой среды племени, населяющаго его. Тазитъ, можетъ быть, одной бѣглой чертой связывается въ Европейскимъ міромъ: поэтъ вскользь упоминаетъ, что это ребенокъ, неизвѣстно гдѣ найденный; но за тѣмъ герой поэмы уже составляетъ часть того народа, съ которымъ вскорѣ начинаетъ расходиться въ характерѣ и въ требованіяхъ нравственной природы. Поэтъ даже и не описываетъ, какъ это случилось, какой цѣпью мыслей приведенъ онъ былъ къ разнорѣчію съ своимъ племенемъ:

Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ
Какъ вѣтеръ въ небѣ . . . .
Но отецъ
Уже Тазитомъ недоволенъ.

Такое молчаніе есть замѣчательная черта силы творческаго соображенія. Пушкинъ не останавливается надъ тайной работой духа, неуловимой какъ подземная, скрытая работа природы. Онъ тотчасъ переходитъ къ описанію трехъ дней отсутствія Тазита изъ отцовскаго дома и, съ первыхъ стиховъ, уже вполнѣ выражаетъ, въ чудной картинѣ, неспособность Тазита, къ такъ-называемымъ доблестямъ племени: мщенію, жаждѣ, корысти, и наконецъ: отвращеніе его отъ всей нравственной основы народнаго существованія единокровныхъ. Сцены между Тазитомъ и отцомъ принадлежатъ къ разительнѣйшимъ сценамъ драматическаго искусства. Отвергнутый отцомъ, Тазитъ ищетъ любви и сватается за дочь одного чеченца. На этомъ мѣстѣ

самаго автора, но пьеса должна бы скорѣе именоваться: «19 октября 1836 года». Притомъ же она причислена журналомъ къ тремъ послѣднимъ стихотвореніямъ Пушкина, вмѣстѣ съ пьесами: *Опять на родинѣ* и *Молитва*. Тутъ есть важная ошибка. Стихотвореніе «Опять на родинѣ», въ рукописи, имѣетъ помѣтку: «26 сентября 1835 года», стало быть, написано за 16 слишкомъ мѣсяцевъ до смерти автора, къ послѣднимъ стихотвореніямъ принадлежать не можетъ и нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ истину всего заглавія, даннаго Современникомъ (См. Примѣчанія къ пьесѣ).

Digitized by Google

отрывокъ кончается, но уже читатель предвидитъ неуспѣхъ дѣла: Тазитъ выступилъ изъ принятаго круга понятій и войти снова въ общую жизнь народа не можетъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ поэма, читатель остается въ совершенномъ недоумѣніи, гдѣ и какой истокъ найдетъ вся эта тревога мощной души, пробужденной къ истинѣ, чѣмъ и когда можетъ завершиться эта неожиданная драма? Программа отвѣчаетъ на вопросъ и сообщаетъ настоящее слово поэмы, ея истинную мысль: вся драма должна была объясниться и закончиться христіанствомъ. Вотъ какъ составлена программа у Пушкина:

«Обрядъ похоронъ.»

«Уздень и меньшой сынъ.»

«I день (отсутствія Тазита). Лань—почта—грузинскіе купцы.»

«II день. Орелъ—казакъ.»

«III день. Отецъ его гонитъ.»

По обыкновенію, Пушкинъ въ точности слѣдуетъ своей программѣ измѣнивъ только нѣкоторыя событія въ дняхъ отсутствія Тазита изъ отцовскаго дома, что читатель легко замѣтитъ, но за тѣмъ уже программа говоритъ:

«Юноша и *монахъ.*»

«Любовь отвергнута.»

«Битва и *монахъ.*»

Оба раза слово, означающее инока, проводника мира и благовѣстія, подчеркнуто въ рукописи: онъ и дѣйствительно долженъ былъ завершить благодатное дѣло сердца и обстоятельствъ. Къ нему-то, исподоволь, но съ замѣчательной твердостью руки, ведетъ поэтъ героя своего, съ самого начала. Здѣсь останавливаемся изъ опасенія впасть въ произвольныя толкованія и догадки; но полагаемъ, что немногихъ словъ нашихъ достаточно для показанія, какой обширный кругъ должна была захватить поэма, навѣянная Пушкину Кавказомъ, и чѣмъ она могла кончиться. Если принять въ соображеніе одну жаркую страницу, написанную Пушкинымъ въ своемъ Путешествіи въ Арзрумъ, и выпущенную неизвѣстно почему, гдѣ онъ говоритъ о значеніи вообще христіанской проповѣди для дикихъ племенъ, то даже представляется возможность думать, что просвѣтленный и умиротворенный Тазитъ является снова между народомъ своимъ въ качествѣ учителя и, по всѣмъ вѣроятіямъ, искупительной жертвы . . . Начиная съ Шатобріана, европейскія литературы нерѣдко представляли намъ развитіе той же мысли, какая преобладаетъ въ поэмѣ Пушкина;

Digitized by Google

но вѣрность характеру мѣстности и нравственнымъ типамъ края истина и трагическое величіе сдѣлали бы ее, вѣроятно, явленіемъ совершенно другаго рода и не похожимъ на предшествовавшіе образцы [1]).

Въ Петербургѣ же начата и первая строфа 8 главы Онѣгина, именно 24 декабря 1829 г. Строфы Онѣгина писались въ-разбивку, и ложились въ естественный свой порядокъ, уже по окончаніи каждой главы. Этимъ обстоятельствомъ изъясняется множество пропущенныхъ строфъ въ Онѣгинѣ, обозначенныхъ только римскими цифрами. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно были выкинуты, но не мало есть и такихъ, которыя совсѣмъ не были написаны, а если и существовали, то единственно въ памяти поэта. Пустыя мѣста, оставляемыя ими въ романѣ, обозначались римскими цифрами и цифры эти служили, такимъ-образомъ, скрытной связью между строфами. Много примѣровъ подобной работы въ-разбивку находимъ въ рукописяхъ Пушкина. Рукописи же его дополняютъ и тотъ небольшой, но весь-

---

[1]) Въ тетрадяхъ Пушкина отыскана еще и вторая программа Галуба, которая показываетъ, что Тазитъ былъ уже христіаниномъ, еще въ аулѣ своего отца. Иногда кажется, изъ сличенія обѣихъ программъ, что поэтъ имѣлъ двоякое намѣреніе въ отношеніи своего героя. По первой можно предполагать, что онъ хотѣлъ сдѣлать *инока* орудіемъ его просвѣтленія; по второй, что самъ инокъ, или миссіонеръ, упоминаемый въ ней, есть Тазитъ, рѣшившійся на распространеніе христіанства въ собственной своей родинѣ.

1. Похороны.
2. *Чернесъ-христіанинъ.*
3. Купецъ.
4. Рабъ.
5. Убійца.
6. Изгнаніе.
7. Любовь.
8. Сватовство.
9. Отказъ.
10. Миссіонеръ.
11. Война.
12. Сраженіе.
13. Смерть.
14. Эпилогъ.

Довольно любопытно, что, по мѣрѣ исполненія программы, Пушкинъ зачеркивалъ въ ней нумера, соотвѣтствовавшіе частямъ поэмы, уже написаннымъ. Такъ зачеркнуты были семь первыхъ цифръ программы. Остались нетронутыми семь другихъ. Цифры эти и слѣдовало еще обратить въ живую рѣчь и поэтическіе образы.

Digitized by Google

ма занимательный листокъ, гдѣ самъ авторъ дѣлаетъ обзоръ своему роману, съ показаніемъ времени происхожденія главъ, и порядка, какой онъ хотѣлъ сообщить имъ при полномъ изданіи. Порядокъ былъ, однакожъ, измѣненъ въ 1833 г., когда Онѣгинъ дѣйствительно вышелъ вполнѣ. Вотъ листокъ нашъ:

«ОНѢГИНЪ.»

«*Часть первая. Предисловіе.*

I пѣснь.—*Хандра.* Кишиневъ. Одесса.
II — —*Поэтъ.* Одесса. 1824.
III — —*Барышня.* Одесса. Михайловское. 1824.

Часть вторая.

IV пѣснь. *Деревня.* Михайловское. 1825.
V — *Имянины.* Мих. 1825. 1826.
VI — *Поединокъ.* Мих. 1826.

Часть третья.

VII пѣснь. *Москва.* Москва. Мих. С.-Пб. Маленники. 1827. 1828.
VIII — *Странствіе.* Москва, Павл. Болдино. 1829.
IX — *Большой Свѣтъ.* Болдино. *Примѣчанія.*»

Извѣстно, что въ Болдинѣ, въ 1830 году, кончена послѣдняя глава (девятая) Онѣгина, и Пушкинъ, въ концѣ своего листка, помѣчаетъ весь итогъ времени, употребленный на его созданіе:

«Кишиневъ 1823 года, 9 мая.
«Болдино 1830 года, 25 сентября.

7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней.»

Какъ ни положительно указаніе цифръ въ документѣ, но онъ еще не можетъ быть принятъ безъ оговорки. Составляя его, Пушкинъ имѣлъ въ виду изданіе романа для публики и сообщилъ главамъ хронологическую послѣдовательность, какой онѣ не имѣютъ въ рукописяхъ. Сличая послѣднія съ печатнымъ текстомъ, мы видимъ, что всѣ пѣсни пополняются одна другой: строфы 1825 года переходятъ въ строфы 1826, и т. д. Одинъ примѣръ изъ этой разстановки поэтическаго труда, уже послѣ его окончанія, будетъ достаточенъ для читателей. Нынѣшняя осьмая глава романа была девятой въ руко-

Digitized by Google

писи, а настоящая осьмая: *Странствіе Онѣгина*, выпущена авторомъ Строфы этой главы, однакоже, составили порядочную часть нынѣшней 8-й главы или *Большаго Свѣта*. Такимъ образомъ указаніе документа, приведеннаго нами, что *Странствіе Онѣгина* написано въ 1829, а *Большой Свѣтъ* въ 1830 году—не имѣетъ строгой математической точности. Переходя къ отдѣльнымъ строфамъ, мы замѣчаемъ тоже. Строфа, напримѣръ, печатной 8 главы:

Въ тѣ дни, въ садахъ когда Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ....

написана, какъ было уже сказано, 24 декабря 1829, а послѣдующія за ней строфы X, XI, XII помѣчены въ рукописяхъ тремя мѣсяцами ранѣе, именно: 2-мъ числомъ октября; другими словами, онѣ написаны еще прежде первой строфы. Поэтъ, какъ видимъ, предоставилъ совершенную свободу вдохновенію своему и заключалъ его въ опредѣленную раму, уже по соображеніямъ, являвшимся затѣмъ. Даже время окончанія Онѣгина, показанное Пушкинымъ въ Болдинѣ, 1830 года, несовсѣмъ точно: онъ дополнялъ или, можетъ быть, переправлялъ послѣднюю главу Онѣгина еще въ 1831 году, въ Царскомъ Селѣ. Письмо Онѣгина къ Татьянѣ помѣчено въ рукописи: «5 октября 1831.» Правда, въ Болдинѣ написаны годомъ ранѣе, 25 сентября, четыре окончательныя строфы Онѣгина, но тутъ мы опять видимъ работу на-изворотъ. Спустя годъ, Пушкинъ создалъ звено, которое должно было предшествовать имъ. Всего любопытнѣе, что нѣкоторыя мѣста Онѣгина перенесены въ другія сочиненія его, или сдѣлались черновыми оригиналами отдѣльныхъ стихотвореній. Намъ уже извѣстно, въ какихъ близкихъ, родственныхъ отношеніяхъ находится пьеса: *Демонъ* съ Кавказскимъ Плѣнникомъ, но объ ней есть намекъ и въ первой главѣ Онѣгина. При описаніи своего знакомства съ героемъ романа въ Петербургѣ, Пушкинъ прибавляетъ въ рукописи:

Мнѣ было грустно, тяжко, больно....
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами:
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ....

Синтаксическая ошибка въ четвертомъ стихѣ доказываетъ, что это не болѣе какъ бѣглая, черновая замѣтка, но она содержитъ основ-

Digitized by Google

ную мысль «Демона» и важна еще для насъ сознаніемъ Пушкина, что представляемый имъ идеалъ дѣйствовалъ болѣзненно на него самого. Дѣйствительно, въ жизни поэта вліяніе подобной личности могло быть только минутнымъ, скоропреходящимъ случаемъ. Въ той же первой главѣ, мы находимъ одно недописанное четверостишіе, перенесенное потомъ въ Графа Нулина:

Такъ рѣзвый баловень служанки,
Анбара стражъ, усатый котъ
За мышью крадется съ лежанки,
Протянется..... идетъ....

мѣсто относится къ XI строфѣ. Мы еще будемъ говорить подробнѣе о черновомъ, рукописномъ Онѣгинѣ. Есть даже *печатное* свидѣтельство этого способа созданія. Нѣсколько строфъ выпущенной 8 главы напечатаны были въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 года, № VI, подъ названіемъ: *Одесса.* Такимъ образомъ «Странствіе Онѣгина», можетъ быть, написано еще въ 1826 году, вмѣстѣ съ 6-й главой романа. Замѣтка къ этой выдержкѣ изъ романа не менѣе любопытна. Въ журналѣ было оговорено въ скобкахъ: «изъ 7 главы Онѣгина.» Такъ Пушкинъ въ это время еще не зналъ даже о содержаніи будущихъ пѣсенъ своей поэмы: седьмая глава Онѣгина наполнена портретомъ Татьяны, отъѣздомъ ея въ Москву и описаніемъ Москвы. Кромѣ всѣхъ другихъ качествъ, Евгеній Онѣгинъ есть еще, по-истинѣ, изумительный примѣръ способа созданія, противорѣчащаго начальнымъ правиламъ всякаго сочиненія. Только необычайная вѣрность взгляда и особенная твердость руки, могли, при этихъ условіяхъ, довершить первоначальную мысль въ такомъ единствѣ, въ такой полнотѣ и художнической соразмѣрности. Не смотря на извѣстный перерывъ (выпущенную главу), нѣтъ признаковъ насильственнаго сцѣпленія разказа въ романѣ, нѣтъ мѣста, включеннаго для механической связи частей его. Изъ всѣхъ произведеній Пушкина, Евгеній Онѣгинъ наиболѣе понятенъ иностранцамъ, которыхъ поражаютъ прелесть его развязки, теплота его чувства и, особенно, мастерство и грація основнаго его рисунка. Послѣднее дѣлается для насъ вдвойнѣ замѣчательнымъ, послѣ всего сказаннаго. Оставляемъ на время знаменитое произведеніе Пушкина; мы скоро возвратимся къ нему, еще съ другими подробностями.

Digitized by Google

ГЛАВА XX.

Значеніе первой половины 1830 г. въ жизни поэта, исторія его сношеній съ братомъ Л. С. Пушкинымъ: Декабрь 1829 г. — Мысль о смерти, стихотвореніе: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». — Выпущенная строфа изъ него и его значеніе. — Прогулка пѣшкомъ въ Царское Село и неизданное стихотвореніе: «Воспоминаніями смущенный». — Значеніе стихотворенія. — Пушкину 30 лѣтъ. — Новое настроеніе духа въ его произведеніяхъ.—«Отвѣтъ Анониму», близость семейной жизни. — Отношенія къ брату Льву. — Братская любовь поэта, неизданные стихи: «Братъ милый». — Французское напутственное письмо къ брату при вступленіи его въ свѣтъ. — Русскія письма А. Пушкина къ брату въ 1822 г., укоръ за употребленіе французскаго языка. — Нѣжныя письма къ брату тогда же. — Онъ дѣлаетъ брата редакторомъ своихъ стихотвореній. — Письмо къ брату въ 1823 г. о различныхъ стихахъ, напечатанныхъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 г. — Препорученія всѣхъ возможныхъ родовъ. — Письмо 1824 г. о доставленіи Эды, Русской Старины, Таліи, спора между Дмитріевымъ и княземъ Вяземскимъ, Чернеца Козлова, высокое мнѣніе о послѣднемъ. — Продолженіе переписки, замѣтка о Хмѣльницкомъ. — Замѣтка о наводненіи 1824 г. — Черты состраданія въ Пушкинѣ. — Переписка съ братомъ объ изданіи первой главы «Онѣгина» въ 1825 г. — Переписка о перемѣнахъ въ стихахъ «Онѣгина». — Мысль о второмъ изданіи «Кавказскаго Плѣнника», предупрежденная самовольнымъ изданіемъ г. Ольдекопа при переводѣ его на нѣмецкій языкъ. — Какъ братъ Левъ смотрѣлъ на стихи и на авторскія коммиссіи поэта. — Какъ начались литературныя связи съ Плетневымъ. — Пушкинъ поручаетъ Плетневу изданіе своихъ сочиненій. — Левъ Пушкинъ и Плетневъ издатели ихъ. — Первый оказывается неисправнымъ коммиссіонеромъ. — Укоръ брату за равнодушіе и легкомысліе въ дѣлахъ. — Замѣчаніе Пушкина о повѣсти Погорѣльскаго: «Лафертовская маковница». — Отношеніе Пушкина къ брату Льву послѣ 1825 г. — Возвращеніе къ біографіи. — Стихи Гульянова, писанные въ іюнѣ 1830 г. и вызвавшіе стихотвореніе «Отвѣтъ Анониму». — 1830 г. и разница въ настроеніи въ двухъ его половинахъ. — Безпокойное исканіе цѣли существованія въ первой его половинѣ.— Желаніе ѣхать за границу и опредѣлиться въ Китайскую миссію. — Стихи объ этомъ и примѣры — какъ большая часть произведеній его вызвана жизнью.

Замѣчательно, что въ средѣ этой живой дѣятельности, въ цвѣтѣ силъ и таланта, мысль о смерти стала мелькать передъ глазами Пушкина съ неотвязчивостію, которая такъ превосходно выражена

Digitized by Google

въ стихотвореніи: *Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*. . . . и проч., написанномъ: «26 декабря 1829 года». Оно имѣетъ помѣтку: «С.-Петербургъ, 3 часа, 5 минутъ», и одна строфа его, выпущенная впослѣдствіи, еще сильнѣе подтверждаетъ общую мысль поэта:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, всегда со мной.»

Въ серединѣ самаго стихотворенія, есть еще одна недодѣланная строфа, изъ которой ярко выходятъ два стиха, содержащіе темное предчувствіе:

Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта....

Извѣстно, что эта пьеса кончается радостнымъ примиреніемъ съ законами, положенными природѣ и человѣку; но предчувствія обманули Пушкина. Еще цѣлыхъ 8 лѣтъ жизни съ ея наслажденіями и съ ея горемъ назначала ему судьба, но стихотвореніе само по себѣ остается, какъ памятникъ особеннаго душевнаго состоянія поэта. Часто и часто возвращался онъ къ самому себѣ въ эту эпоху, и всегда съ грустной мыслію. Усталое, неудовлетворенное чувство, жизнь, разобранная на множество цѣлей, безпрестанно откидывали его къ прошлому и къ собственному сердцу. Голосъ, которымъ онъ говорилъ въ эти минуты тайнаго расчета съ самимъ собою, поразителенъ скорбію, жаромъ и глубокой поэзіей души. Одной изъ такихъ чудныхъ пѣсенъ проводилъ онъ и 1829 годъ, предпослѣдній годъ холостой своей жизни.

Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ неутомимой ходокъ и иногда дѣлалъ прогулки пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село. Онъ выходилъ изъ города рано по утру, выпивалъ стаканъ вина на Средней Рогаткѣ и къ обѣду являлся въ Царское Село. Послѣ прогулки въ его садахъ, онъ тѣмъ же путемъ возвращался назадъ. Можетъ быть, въ одно изъ такихъ путешествій задуманы были *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, помѣченныя въ тетради его: . . . «Декабря 1829 года, С. П. Б.» Только значительный навыкъ, пріобрѣтенный нами въ разборѣ его рукописей, помогъ намъ списать въ точности и сохранить это драгоцѣнное, во многихъ отношеніяхъ, стихотвореніе.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ Ц. С.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный.
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей
И слышалъ.... [1]) снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ....
Поэтомъ ..... забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены Великою Женою
Ея любимые сады!
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!

14 Декабря 1829. С.-Петербургъ.

---

[1]) Точки вездѣ замѣщаютъ неразобранные стихи. Просимъ читателей не забывать этого и при другихъ выпискахъ нашихъ.

Digitized by Google

Уже написавъ стихотвореніе, Пушкинъ снова возвращается къ нему и добавляетъ его новой строфой:

Садятся призраки Героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ Герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ Кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ, и плавалъ, и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, Герой Архипелага,
Вотъ Наваринской Ганнибалъ!

Вся строфа эта дѣйствительно необходима была для завершенія пьесы, но и съ ней еще оно представляетъ, какъ легко замѣтить, первый, невыправленный очеркъ—слабую тѣнь того, чѣмъ оно могло бы сдѣлаться, если бы художническій рѣзецъ прошелъ еще разъ по немъ. Однакоже, и въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ его, оно еще дорого по истинѣ чувства, по задушевному голосу, пробѣгающему въ первыхъ двухъ его строфахъ. Такъ провожалъ Пушкинъ послѣдній годъ молодости своей: ему уже было 30 лѣтъ и три четверти жизни для него промчались.

Совсѣмъ другіе звуки, совсѣмъ другое настроеніе духа является въ стихотвореніяхъ Пушкина слѣдующаго, 1830 года. Вспомнимъ превосходную его пьесу: *Отвѣтъ Анониму*:

О кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,

которое съ глубокой жалобой на участь поэта, покупающаго вниманіе публики цѣною собственныхъ горькихъ думъ и страданій, содержитъ намекъ на обстоятельство, перемѣнившее какъ жизнь Пушкина, такъ и теченіе его мыслей. «Но счастіе поэта», говоритъ онъ въ концѣ своего превосходнаго стихотворенія:

Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно.....

Для Пушкина наступило то счастіе, о которомъ, по свидѣтельству покойнаго Льва Сергѣевича Пушкина, всегда мечталъ поэтъ нашъ—счастіе семейной жизни. Кстати сказать здѣсь, что дружеское расположеніе поэта къ Льву Сергѣевичу началось весьма рано и долго продолжалось. Какъ старшій въ семьѣ, Александръ Сергѣевичъ часто

*

Digitized by Google

обращался къ брату съ совѣтами, дѣятельною помощью, иногда выговорами и упреками, въ которыхъ чувство нѣжности и любви, можетъ быть, выражалось еще сильнѣе, чѣмъ въ положительномъ изъявленіи его. Для брата своего, при вступленіи его въ свѣтъ, Александръ Сергѣевичъ написалъ длинное наставленіе, которое, можетъ быть, составляетъ лучшую характеристику какъ нравовъ времени, такъ и его собственнаго душевнаго состоянія, въ эпоху пребыванія на югѣ Россіи. Тогда же, именно изъ Кишинева, умолялъ онъ Дельвига принять молодаго Льва Сергѣевича подъ свое покровительство, какъ мы уже знаемъ изъ письма къ первому, отъ 23 марта 1821 года. Но такъ какъ почти ни одно чувство не проходило въ душѣ Пушкина безъ поэтическаго отзвука, то въ бумагахъ его сохранилось небольшое стихотвореніе, можетъ быть, и оконченное позднѣе, но намъ доставшееся въ отрывкѣ.

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы:
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радостей, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій....

Да позволено намъ будетъ остановиться на нѣсколько минутъ. Въ жизни Пушкина струна братской привязанности звучала сильно и нельзя покинуть ее безъ вниманія; но для изложенія дѣла слѣдуетъ возвратиться опять къ страннической жизни поэта на югѣ Россіи и къ пребыванію его въ деревнѣ въ 1824—25 годахъ.

Мы можемъ привести нѣсколько строкъ изъ того дружескаго письма, о которомъ упомянули выше, и которымъ Александръ Сергѣевичъ напутствовалъ брата при вступленіи его въ свѣтъ. Оно писано по-французски и въ цѣломъ представляетъ систему, изложенную очень остроумно, но весьма мало сходную съ правилами самого автора ея, когда установился его взглядъ на предметы. Система эта просто была модный лоскъ того времени, которымъ прикрывались старые и молодые люди для эффекта. Вотъ что извлекаемъ изъ письма:

«Vous êtes dans l'age où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir. Je vous ai dit les raisons, pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En touts cas votre conduite va

Digitized by Google

décider pour longtemps de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire à des hommes que vous ne connaisez pas encore.... Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon, et qui de plus est encore jeune.... Soyez froid avec tout le monde. La familiarité nuit toujours, mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances.... Point de petits soins.... Défiez-vous de la bienveillance, dont vous pouvez être susceptible. Les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujour charmés de juger les autres par eux-mêmes.... N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart du temps est une perfidie. Point de protection, car elle asservit et dégrade. J'aurnis voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'age de ses plus douces illusions.... N'oubliez jamais l'offense volontaire.... Peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.... Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller, ne tachez pas de pallier vos privations. Affectez plutôt l'excès contraire. Le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent redicule et méprisable. N'empruntez jamais; souffrez plutôt la misère. Croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qn'on la peint et surtout que la certitude, où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'nterêt de votre vie».

Письмо это было послано изъ Кишинева въ Петербургъ, гдѣ тогда находился Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, и замѣчательно, что не только мысли, изложенныя въ немъ, были чужды природѣ самаго поэта, какъ скоро увидимъ, но онъ даже не любилъ французской формы въ братской и дружеской перепискѣ. Вотъ что писалъ онъ изъ того же Кишинева къ молодому брату, отъ 24 января 1822 года:

«Сперва хочу съ тобой побраниться. Какъ тебя не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо: ты не Московская кузина. Во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки: ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить откровенно обо всемъ. Жалѣю. Болтливость братской дружбы была бы мнѣ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, что друзья мои, какъ нарочно рѣшились оправдать

Digitized by Google

элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно...» Вѣроятно еще ранѣе, Пушкинъ уже обращалъ вниманіе брата на непріятную смѣсь языковъ въ его письмахъ: «Здравствуй Левъ! Не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь. Я называю дѣльнымъ все то, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ, покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможною болтливостію и пиши мнѣ по-Русски, потому что, слава Богу, съ моими... друзьями, я скоро позабуду Русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ). Пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей Словесности. Что такое *Сотвореніе міра* Милонова? Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества прошлаго года? Кто на ны? *Черная шаль* тебѣ нравится—ты правъ, но ее ч... знаетъ какъ напечатали [1]). Кто ее такъ напечаталъ?..» Послѣ этихъ двухъ писемъ полученъ былъ новый отвѣтъ Льва Сергѣевича, который, какъ видно, остался недоволенъ замѣчаніями брата. Поэтъ возражаетъ шутливо и снисходительно, но вмѣстѣ съ признаками горячей, истинно братской любви къ молодому человѣку! «Ты на меня дуешся милый: не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно— хоть на шести языкахъ: ни слова тебѣ не скажу. Мнѣ безъ тебя скучно. Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей-Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери. Если упустишь время, послѣ будешь тужить.... Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. Конечно я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда какъ..., да ты и самъ не захочешь. Чтеніе— вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

«Скажи мнѣ — выросъ-ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ. Скажи — съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь? Что ты пишешь?... Что мой Русланъ? Не продается? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Б.? Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные? Что Плѣнникъ? Радость моя! Хочется мнѣ съ вами увидѣться: мнѣ въ Петербургѣ дѣло есть; незнаю — буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался — быть нельзя. Уничтожь это вранье... Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь — и по скорѣе. Пригласи Дельвига и Баратынскаго..»

---

[1]) Смотри въ примѣчаніяхъ нашихъ къ этому стихотворенію.

Digitized by Google

Оставляя въ сторонѣ смѣшеніе языковъ, которому не чуждъ былъ и самъ Александръ Сергѣевичъ въ своихъ замѣткахъ для памяти, какъ мы видѣли, скажемъ, что молодой Левъ Пушкинъ имѣлъ еще родственную черту съ поэтомъ. Онъ обладалъ счастливой памятью и хорошимъ почеркомъ. Оба эти качества сдѣлали его привиллегированнымъ коммиссіонеромъ поэта по части переписки стихотвореній, исправленія ихъ и отдачи въ журналы и альманахи. Въ такой должности и находился онъ дѣйствительно съ 1821 по 1825 годъ, живя почти постоянно въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ другой братъ его былъ вдалекѣ отъ столицы. Мы уже имѣли случай много разъ, въ продолженіи нашего труда, черпать свѣдѣнія и подробности изъ тогдашней переписки ихъ. Приведемъ здѣсь еще нѣсколько выдержекъ изъ нея для лучшаго показанія тѣхъ дружескихъ, короткихъ отношеній, какія установились между обоими братьями, съ самаго начала жизни.

По полученіи альманаха «Полярная Звѣзда» 1823, гдѣ помѣщено было стихотвореніе Александра Сергѣевича: *Къ Овидію*, помѣченное тамъ только двумя звѣздочками, его же пьеса *Мечта воина*, элегія Гнѣдича: *Тарентинская Дѣва* и нѣсколько пьесъ Дельвига, поэтъ нашъ бесѣдуетъ изъ Кишинева съ братомъ о себѣ и другихъ, въ такомъ удивительно-простодушномъ и нѣжномъ тонѣ:

«*Благоразумный* Левинька! Благодарю за письмо. Жалко, что прочія не дошли. Пишу тебѣ окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами — и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому Плѣннику. Б*.. прислалъ мнѣ Звѣзду... Каковы стихи «Къ Овидію?» Душа моя! И Русланъ и Плѣнникъ — все дрянь въ сравненіи съ ними. Ради Бога, люби двѣ звѣздочки: онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Па... ву, знаменитому... и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. «Мечта воина» привела въ задумчивость *воина*, что служитъ въ Иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ Бессарабской области [1]). Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка: *призванье* вмѣсто *взыванье*, *тревожныхъ*

[1]) Пушкинъ говоритъ о себѣ. Далѣе слѣдуютъ у него замѣтки объ ошибкахъ альманаха. Дѣйствительно, тамъ было напечатано: «Огни враговъ, ихъ чуждое призванье» вмѣсто *взыванье*; «ничто не заглушитъ моихъ *тревожныхъ* думъ» вмѣсто... *привычныхъ* думъ. Стихъ: «*Воспоминаніе и брата и друзей*», напечатанный въ альманахѣ такъ: «*Воспоминанье и братьевъ и друзей*», показываетъ, что въ эноху сочиненія пьесы: *Война* (1821), Пушкинъ думалъ о братѣ, какъ о пред-

Digitized by Google

думъ, слово, употребляемое знаменитымъ Р*, но которое по Русски ничего не значитъ, *воспоминаніе и брата и друзей* — стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ просто плоской. Но все это не бѣда, были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи: это была моя цѣль.... Гнѣдичъ перебиваетъ у меня лавочку:

Увы! Напрасно ждалъ тебя женихъ печальный [1]....

непростительно-прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на парнасѣ. Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ, и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя. Добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя не достовало. En avant! Marche! 30 Генваря (1823).»

Препорученія всѣхъ возможныхъ родовъ сыпались градомъ на Льва Сергѣевича, отъ странствующаго брата его: *Mon père a eu une idée lumineuse*, пишетъ онъ ему изъ Кишинева въ 1823 году—*c'est celle de m'envoyer des habits; rappelez la lui de ma part*. Еще слово: скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ.... Сына Отечества вторую половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.» Сленинъ, какъ извѣстно, купилъ первое изданіе Руслана; но выплачивалъ деньги по частямъ и даже книгами. «Другъ мой, повторяетъ Пушкинъ изъ Кишинева въ томъ же 1823 году, попроси И. В. Сленина, чтобъ онъ, за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ два экземпляра Людмилы, 2 экземпляра Плѣнника, одинъ Шильонскаго узника, книгу Греча и Цертелева древнія стиховторенія—поклонись ему отъ меня». О книгахъ вообще шла переписка весьма жаркая. Такъ въ 1824 году изъ Михайловскаго, Пушкинъ пишетъ: «Братъ! Ты мнѣ перешлешь Нѣмецкую критику Кавказскаго Плѣнника (спросить у Греча), да книгъ, ради Бога книгъ! Если П. Б. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою альманаховъ, то скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и Талію Булгарина.... Стиховъ, стиховъ, стиховъ!.. *Conversations de Byron, Walter Scott*: эта пища для души. Чтожъ Чухонка [2]) Баратынскаго? Я жду...» Всѣ эти коммисіи не такъ скоро исполнялись, какъ желалъ

метѣ дорогомъ его сердцу, наравнѣ съ священнымъ сердца жаромъ, высокими стремленіями и волненіями творческихъ думъ. Дальнѣйшее развитіе нашего языка не потвердило мнѣнія Пушкина о нелѣпости *тревожныхъ* думъ.

[1]) Стихъ изъ Тарентинской Дѣвы, Гнѣдича.

[2]) Эда, поэма Баратынскаго, вышедшая только въ 1826 г.

Digitized by Google

бы поэтъ. О Чухонкѣ онъ повторяетъ свою просьбу нѣсколько разъ, одинъ за другимъ, хотя она еще не выходила изъ печати. «Торопи Дельвига [1]), присылай мнѣ Чухонку Баратынскаго—*не то, проклену тебя*» (1824). «Пришли же мнѣ Эду Баратынскаго. Ахъ, онъ Чухонецъ! Да если она милѣе моей Черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду» (1824); а разъ поэтъ вышелъ даже изъ терпѣнія: «Да пришли же мнѣ Старину [2]) и Талію. Господи помилуй, не допросишься!» Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ Александръ Сергѣевичъ излагаетъ уже свои порученія стихотворно: «Братъ, здравствуй! Писалъ тебѣ на дняхъ, съ тебя довольно. Пришли мнѣ Цвѣтовъ [3]), да Эду, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду. Кланяйся господину Жуковскому, заѣзжай къ П — ну и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина (Декабрь 1825).» Получивъ наконецъ Эду и Талію, альманахъ г. Булгарина, онъ пишетъ о первой то письмо къ Дельвигу, которое уже намъ извѣстно, а о второй упоминаетъ въ приводимомъ нами теперь. (1825)« ... Между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ второй разговоръ.... Дмитріева [4]). Это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ и Дамскій журналъ).»

«Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его [5]) прелесть. Сердись онъ, не сердись, а «*хотѣлъ простить — простить не могъ*» достойно Байрона. Видѣніе, конецъ — прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы; по крайней-мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами. Если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ [6]).»

«Если можно пришли мнѣ. ... *Child-Harold*—Ламартина. То-то чепуха должна быть! Да вообще что нибудь новенькаго, да и Старину. Талію получилъ и письмо отъ издателя. Не успѣлъ еще пробѣжать

---

[1]) На счетъ выдачи Сѣверныхъ Цвѣтовъ — первой книжки.

[2]) Русская Старина, альманахъ Калайдовича 1824—1825.

[3]) Первую книжку Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1825 г.

[4]) Извѣстный разговоръ по поводу статьи князя Вяземскаго, приложенной къ первому изданію Бахчисарайскаго Фонтана. О полемикѣ между г. Дмитріевымъ и кн. Вяземскимъ мы уже прежде упоминали.

[5]) Чернецъ, Кіевская повѣсть Козлова. 1825.

[6]) Поэтъ дѣйствительно отвѣчалъ ему изъ Михайловскаго стихами. См. стих.: *Козлову* (*Пѣвецъ, когда передъ тобой.*)

Digitized by Google

Ворожея [1]) показалсь мнѣ *du bon comique.* А Хмѣльницкій—моя старинная любовница. Я къ нему имѣю слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ, въ первую пѣснь Онѣгина. Да кой ч..., говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драматическомъ писателѣ!...» Коммисіи относились иногда и къ весьма обыкновеннымъ вещамъ: «Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, пишетъ Пушкинъ, если вина, такъ и сыру; и (говоря по Делилевски) *витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки*, т. е. штопоръ» (1824); иногда также очень дѣльныя коммисіи перемѣшаны бывали съ обыкновенными, и притомъ весьма оригинальнымъ образомъ:.... «№ 3. Пришли мнѣ: 1) *Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc.* найдешь у *St. Florent.* 2) Сѣрныя спички, 3) Карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ; пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ). 4) Жизнь Е. Пугачева. 5) Путешествіе по Тавридѣ Муравьева. 6) Горчицы и сыру, но это ты мнѣ и самъ привезешь....» Въ другой разъ Пушкинъ начинаетъ лаконически: «Фуше, *Oeuvres dram. de Schiller, Schegel, Don Juan* (послѣднія 6 и проч. пѣсни), новаго *Walter Scott*, Сибирскій Вѣстникъ весь—и все это черезъ *St. Florent*, а не чрезъ Сленина. Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчицы, *Fleur d'orange*, чемоданъ дорожный, сыру Лимбургскаго, книгу объ верховой ѣздѣ, хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе *Afieri* и Байрону» (1825). Бывали, однакожъ, коммисіи у Александра Сергѣевича, которыя, по существу своему, стояли несравненно выше всѣхъ другихъ порученій. Такъ, при полученіи извѣстія о наводненіи въ Петербургѣ, онъ предается и серьезнымъ размышленіямъ, и шутливости, но вдругъ прерываетъ и то и другое слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ. Онъ вовсе не такъ забавенъ.... Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ, но, прошу, безъ всякаго шума: ни словеснаго, ни письменнаго.... (8 Декабря 1824)». Въ другой разъ онъ дѣлаетъ такую приписку къ брату; «PS. Слѣпой Священникъ перевелъ Сираха (см. Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ; подпишись на нѣсколько экземпляровъ» (1825). Эта ком-

---

[1]) Въ Русской Таліи, драматическомъ сборникѣ г. Булгарина (1825), было напечатано нѣсколько явленій изъ комедіи-водевиля кн. Шаховскаго: «Ворожея или танцы духовъ» и отрывки изъ трехъ произведеній Н. И. Хмѣльницкаго, изъ перевода его: «Школа женщинъ» изъ комедіи: «Нерѣшительный или семь пятницъ на недѣлѣ» и куплеты изъ водевиля: «Суженаго конемъ не объѣдешь».

Digitized by Google

мисія родилась уже безъ всякаго вызова или побужденія съ какой-либо стороны.

По отношенію къ литературѣ весьма важны хлопоты Пушкина о собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Мы уже видѣли прежде, какихъ трудовъ стоило ему первое его собраніе стихотвореній. Не менѣе заботъ доставило ему изданіе первой главы Евгенія Онѣгина въ 1825 г., которое препоручено было Льву Пушкину, вмѣстѣ съ П. А. Пл...вымъ. Онъ безпрестанно пишетъ объ этихъ изданіяхъ, о перемѣнѣ въ нихъ стиховъ, о расположеніи пьесъ и строфъ, о скорѣйшемъ окончаніи дѣла и проч. Вотъ выдержки изъ этой переписки: «Что Онѣгинъ? Перемѣни стихъ: *звонокъ раздался*. Поставь: *Швейцара мимо онъ стрѣлой* [1]). Въ разговорѣ, послѣ *«искалъ вниманія красоты,»* пусти непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои [2]).

«Не забудь *Фонъ*-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристъ? Онъ Русскій, изъ перерусскихъ Русскій (1824)...». «Прошу скорѣе вытащить Онѣгина изъ.... Долго не торгуйся за стихи: рѣжь, рви, крамсай хотъ всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога!»

«NB. г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава
Немножко стоитъ вамъ присѣсть [3]).

«Понимаете? Да нельзя ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 г. Стихъ; *Вся жизнь одна ли, двѣ ли ночи* надобно бы выкинуть, да жаль хорошъ. Жаль еще, что поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопродавца: *Mes arrieres—neveux me devraient cet ombrage*. Съ журналистами дѣлай, что угодно. Дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписы-

---

[1]) Этотъ стихъ дѣйствительно и находится въ XXVIII строфѣ первой главы Онѣгина.

[2]) Эти стихи и попали, по указанію поэта, въ разговоръ между поэтомъ и книгопродавцемъ, которымъ открывается Ев. Онѣгинъ.

[3]) Такъ эти стихи и напечатаны въ разговорѣ между поэтомъ и книгопродавцемъ.

Digitized by Google

вать мочи нѣтъ [1])». (1824). Въ томъ же году хотѣлъ онъ составить и второе и даніе Кавказскаго Плѣника, указалъ даже перемѣны въ стихахъ, которыя впослѣдствіи и введены были въ поэму [2]), назначилъ цѣну, за какую уступалъ его книгопродавцамъ—2000 р., но неожиданное появленіе Нѣмецкаго перевода съ полнымъ Русскимъ текстомъ, какъ уже говорили мы, помѣшало предпріятію. Такъ точно въ слѣдующкмъ 1825 году, по выходѣ первой пѣсни Онѣгина, Пушкинъ думалъ о второмъ изданіи ея, которое тоже не состоялось: «Читалъ объявленіе объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ. Жду шума. Если изданіе раскупится, то приступи тотчасъ къ изданію другому или условься съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ. Отпиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ.» Наконецъ Пушкина сильно занимала мысль издать въ 1825 году *Цыганъ* своихъ, столь долго ожидаемыхъ публикой, но мысль могла быть приведена въ исполненіе только гораздо позднѣе—черезъ два года.

Большая часть этихъ остановокъ происходила отъ свойствъ молодаго коммиссіонера, которому Пушкинъ ввѣрилъ литературныя свои дѣла. Коммиссіонеръ былъ безпеченъ отъ природы, и никакъ не могъ принудить себя смотрѣть серьезно на порученія брата своего. Они служили ему средствомъ къ сообщенію интересныхъ новостей пріятелямъ, къ веселому препровожденію времени, къ пріобрѣтенію новыхъ знакомствъ, къ шуму, къ дружескимъ преніямъ и проч. Разумѣется, Александръ Сергѣевичъ смотрѣлъ иначе на цѣль своихъ произведеній и крѣпко сердился, видя, что поэтическіе труды его обращены въ забаву. Легкое пониманіе обязанностей своихъ приводило иногда коммиссіонера къ нескромностямъ, весьма досаднымъ. Такъ мы можемъ разсказать анекдотъ, переданный намъ П. А. Плетневымъ и въ которомъ онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ 1821 году, П. А. Плетневъ напечаталъ въ Сынѣ Отечества № VIII, стихотвореніе, подъ названіемъ: «Б . . . овъ изъ Рима,» въ которомъ описывалъ участь какого-то поэта, потерявшаго вдали отъ родины друзей, жаръ и вдохновеніе. Подозрительный и уже больной Батюшковъ, находившійся тогда въ Римѣ, принялъ стихотвореніе на свой счетъ и горько жаловался на тайныхъ враговъ, распускающихъ объ немъ непріятные слухи. А. С. Пушкинъ взялъ его сторону и въ письмѣ къ брату ѣдко

[1]) Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ отстраняетъ критическое вмѣшательство брата въ новую поэму очень добродушно: «Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ — чтожъ дѣлать? А напечатай уже такъ».

[2]) См. примѣчанія къ Кавказскому Плѣннику.

Digitized by Google

и съ негодованіемъ разобралъ какъ мысль стихотворенія, такъ и форму его. Письмо это было показано Львомъ Сергѣевичемъ автору разобранной пьесы. Тогда П. А. Плетневъ отвѣчалъ извѣстнымъ своимъ посланіемъ къ Пушкину:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ
На немъ печать твоей открытой силы и проч.,

гдѣ такъ благородно и прямо высказалъ свое оправданіе. Для Александра Сергѣевича достаточно было откровеннаго объясненія, чтобъ онъ призналъ вину свою и постарался загладить ее. Съ посланія Плетнева образовалась между нимъ и поэтомъ нашимъ тѣсная дружеская связь, но вотъ что замѣтилъ послѣдній о поступкѣ брата: «Если бы ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. За чѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ. Они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Т... мъ происходитъ отъ нескромности кн. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ: тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему... 6 Октября 1823; Кишеневъ.»

Изъ переписки, разбираемой нами теперь, оказывается всего яснѣе, что Левъ Сергѣевичъ имѣлъ неопреодолимую страсть къ чтенію новоприсылаемыхъ произведеній брата на вечерахъ и ужинахъ и за этимъ упражненіемъ часто забывалъ объ выпускѣ ихъ въ свѣтъ правильнымъ образомъ. Мы видѣли уже какъ сердился поэтъ за преждевременное распространеніе въ публикѣ Бахчисарайскаго Фонтана; тоже самое случилось и съ Цыганами. Левъ Сергѣевичъ передавалъ ихъ цѣликомъ, на-память и въ рукописи, всѣмъ почитателямъ таланта своего брата, а почитателемъ его тогда былъ—весь свѣтъ. Поэтъ принужденъ былъ перенесть порученіе издавать свои сочиненія на одного П. А. Плетнева. Шутливо писалъ онъ къ Дельвигу изъ Михайловскаго, отъ 8 декабря 1825 г. «Кстати: скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на коммисіи мои, потому что это напрасно. Такова безсовѣстнаго коммиссіонера нѣтъ и не будетъ.» Такъ еще, отъ 23 іюля 1825, онъ прибавляетъ къ тому же лицу: «Если братъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими альбомъ В—вой,

Digitized by Google

то я ему буду благодаренъ; если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты ужъ похлопочи съ Плетневымъ.» Послѣдняя замѣтка касается изданія стихотвореній Пушкина 1826. Мы видѣли прежде, что рукопись стихотвореній была переслана изъ Михайловскаго 18 марта 1825 г. въ Петербургъ, но до 28 іюля 1825 поэтъ не получалъ отъ коммиссіонера своего никакого извѣстія объ участи ея, а также и объ участи другихъ своихъ предпріятій. Въ этотъ день онъ написалъ брату выговоръ, который оправдываетъ его предшествовавшія замѣтки къ друзьямъ. «Если бы Пл — въ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ нужны. Я на тебя полагался какъ на брата; между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

«Ты взялъ отъ Пл—ва для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500; заплатилъ ли остальные 500? и осталось ли что нибудь отъ остальной тысячи?

«Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ Мартѣ. Онѣ еще не собраны, не цензурованы. Ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до того, что они наизусть передаютъ ихъ моей публикѣ. Благодарю.

«Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

«Словомъ, мнѣ нужны деньги.... Ты знаешь это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году, а я на тебя положился.

«Упрекать тебя не стану, а благодарить— ей-Богу не-за-что 28 іюля.

«При семъ письмо Заикина. Не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать П. мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если ты захочешь продиктовать Цыгановъ для отдачи въ цензуру, покамѣстъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ».... [1])

Такимъ образомъ только въ 1825 г. открылась совершенная неспособность Льва Сергѣевича къ обязанности коммиссіонера, которую

[1]) Въ Новостяхъ литературы, журн. Воейкова, 1825 г., книжка XI, была повѣсть г. Погорѣльскаго: «Лафертовская маковница», гдѣ одно дѣйствующее лицо, «Бабушкинъ Котъ», привело Пушкина въ восторгъ. Немного пораньше укоризненнаго письма своего, Александръ Сергѣевичъ еще писалъ къ брату: «Душа моя, что за предесть «Бабушкинъ Котъ» я прочелъ два раза и однимъ духомъ всю

Digitized by Google

онъ исполнялъ съ 1821 года. Дальнѣйшее описаніе сношеній между братьями уже не можетъ относиться къ нашему труду, такъ какъ въ нихъ, по большей части, уже нѣтъ ничего, касающагося литературы и много такого, что исключительно принадлежитъ семейному кругу. Къ концу жизни голосъ Александра Сергѣевича становился все строже и строже. Безпечность и отдача самаго себя теченію жизни, какъ пришлось, не пропадали съ годами въ братѣ его. Прежніе и новые совѣты оставались безъ дѣйствія, но въ замѣнъ Александръ Сергѣевичъ принималъ на себя нѣсколько разъ устройство дѣлъ своего любимца, какъ денежныхъ, такъ и жизненныхъ вообще. Во всѣхъ кризисахъ своего существованія (а ихъ было не мало), Левъ Сергѣевичъ тотчасъ же обращался къ надежной своей опорѣ, къ брату, и даже писалъ ему при одномъ изъ такихъ случаевъ: «Нравоученія, если я ихъ заслуживаю, могутъ быть и послѣ, а теперь—надобно пособить.» И никогда не обманывала его надежда. Александръ Сергѣевичъ платилъ его долги, очищалъ ему дорогу и приводилъ въ движеніе всѣ свои обширныя связи и сношенія въ обществѣ, чтобъ выпутать его изъ ожиданной или неожиданной бѣды. Онъ предоставлялъ себѣ только право, въ видѣ вознагражденія, прочесть ему добрую *нотацію* въ сухомъ, часто весьма остроумномъ письмѣ (большею частію на французскомъ языкѣ), да шутливо сообщалъ друзьямъ о своихъ новыхъ хлопотахъ.... Даже и эта небольшая доля строгости пропадала еще, когда судьба сталкивала ихъ опять вмѣстѣ. По разсказамъ свидѣтелей, Александръ Сергѣевичъ напрасно старался сохранить, при личныхъ свиданіяхъ съ братомъ, серьезное выраженіе: шутка, веселость, даже просто шалость одолѣвали его. И Левъ Сергѣевичъ сошелъ уже съ земнаго поприща: онъ скончался въ Одессѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1852 г.

Возвращаемся къ покинутой нами пьесѣ: «*Отвѣтъ Анониму*». Признаніе о блаженствѣ, къ которому по собственнымъ его словамъ возрождался Пушкинъ, было вызвано стихотворнымъ посланіемъ неизвѣстнаго автора, въ которомъ многіе отгадываютъ ученаго нашего Египтолога г-на И. А. Гульянова. Онъ написалъ къ Пушкину довольно длинное стихотвореніе, гдѣ благородная мысль и жаркое

повѣсть, теперь только и брежу Тр. Фал. Мурлыкинымъ, выступаю плавно, повертывая голову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перов—ій. Не правда ли? Отъ Вяземскаго получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и *загладишь пакости своего чтенье-бѣсія.*»

Digitized by Google

сочувствіе къ таланту поэта замѣняютъ всякое другое достоинство. Приводимъ двѣ строфы этого стихотворенія, породившаго чудный отвѣтъ Пушкина. Слѣдуетъ сказать, что это не единственный еще примѣръ того, какъ поэтъ нашъ своимъ прикосновеніемъ возвышалъ до себя, до собственнаго генія чужую мысль. Вотъ стихи г-на Гульянова:

Олимпа дѣвы встрепенулись!
Сердца ихъ въ горести сомкнулись
И гулъ ихъ вопли повторилъ:
«Поэтъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты—
И дѣвѣ сердце покорилъ.»

«Не будетъ больше вдохновеній!
Не будетъ умственныхъ пареній!
Прошли свободные часы.
Какъ отблескъ утреннихъ сіяній
Блеснула радость ожиданій
У ногъ возлюбленной красы!»

Уймите духъ вашъ сокрушенный,
О, Музы! Другъ вашъ вожделѣнный
Небеснымъ пламенемъ горитъ.
Источникъ новыхъ откровеній
Залогомъ будетъ вдохновеній—
И снова геній воспаритъ!

15 іюня 1830. Москва.

Число, выставленное подъ этимъ анонимнымъ посланіемъ, соотвѣтствуетъ эпохѣ той московской жизни Пушкина, которая завершилась его бракомъ и которой посвятилъ онъ нѣсколько лирическихъ пѣсенъ, исполненныхъ тихаго, сосредоточеннаго чувства. Оно указываетъ намъ грань, откуда успокоенныя страсти его нашли въ предметѣ, исполненномъ молодости, граціи и красоты, свой тихій свѣтлый и ровный истокъ. Вспомнимъ чудныя стихотворенія поэта, *Мадонна*, *Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье* и проч. Необходимо, однакожъ, прибавить, что первая половина этого года, столь замѣчательнаго въ жизни Пушкина характеромъ своимъ, далеко не походила на вторую. Начало 1830 года застало поэта въ Петербургѣ, и носитъ еще общій характеръ жизни, такъ она опредѣлилась для

Digitized by Google

него въ послѣднее время. То же исканіе цѣли для своего существованія, выхода изъ обыкновенной вседневности, какое мы замѣтили и прежде, и та же невозможность избѣжать волненій жизни, которыя и томили, и привлекали его. Естественнымъ слѣдствіемъ этого колебанія мысли и воли были неисполнимыя предположенія и замыслы. Такъ, въ январѣ 1830 года, онъ просилъ дозволенія ѣхать за границу, или, въ случаѣ невозможности заграничнаго вояжа, сопровождать нашу миссію въ Китай. Заботливость начальства о судьбѣ его отклонила оба плана съ тѣмъ снисходительнымъ добродушіемъ, съ какимъ оно всегда вело и сдерживало порывы Пушкина. На поѣздку за границу, которая разстроила бы его денежныя обстоятельства, всегда запутанныя, и отвлекла бы его отъ обыкновенныхъ занятій, не воспослѣдовало согласія, а путешествіе въ Китай отклонено по причинѣ полнаго комплекта чиновниковъ въ нашей миссіи. Въ мартѣ мѣсяцѣ, можетъ быть, даже обрадованный отказомъ, онъ быстро собрался и уѣхалъ въ Москву, намѣреваясь еще посѣтить стараго своего друга Н. Р. въ Полтавѣ; но въ Москвѣ нашелъ онъ разгадку своихъ волненій и разрѣшеніе своихъ порывовъ въ чистой любви и семейной жизни, вскорѣ послѣдовавшей за ней. Нельзя умолчать, что въ стихотвореніяхъ Пушкина, этой поэтической біографіи его самаго, есть пьеса, сохранившая даже и черту изъ жизни, о которой сейчесъ говорили:

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножью ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи . . и проч.

Такъ, по большей части, мотивы Пушкинскихъ стихотвореній даны ему были самой жизнью и дѣйствительностію [1]).

---

[1]) Не говоря уже о лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, гдѣ сохранены многія личныя обстоятельства автора, остающіяся теперь почти безъ возможности поясненія, но и въ другихъ его произведеніяхъ безпрестанно слышится живой голосъ событія и, сквозь поэтическую призму ихъ, безпрестанно мелькаетъ настоящее происшествіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, мы уже привели до-

Digitized by Google

ГЛАВА XXI.

Литературная Газета: Литературная Газета и участіе въ ней Пушкина. — Цѣль изданія. — Эпиграмма на современную критику: «Глухой глухова звалъ къ суду». — Мнѣніе Пушкина о Юріѣ Милославскомъ, драматической сценѣ Фонъ-Визина, Запискахъ Самсона и Видока. — Отдѣльныя замѣтки тамъ же. — Значеніе критическихъ статей Пушкина. — Противодѣйствіе современныхъ журналовъ направленію газеты. — Мысль Пушкина о необходимости возражать на всякую брань. — Значеніе полемическихъ статей Пушкина, псевдонимъ Ѳеофилакта Косичкина. — Стихотвореніе «Вельможѣ» (къ кн. Н. Б. Юсупову), значеніе этой пьесы и сужденіе о ней публики, Телеграфа и Славянина.

Къ началу 1830 года и къ петербургской жизни осносится дѣятельное участіе Пушкина въ основаніи Литературной Газеты, предпринятомъ Дельвигомъ. Появленіе этой газеты, совпадающее съ прекращеніемъ журнала Московскій Вѣстникъ, объясняется потребностію новаго органа для литературной дѣятельности Пушкина и друзей его, что подтвердила и сама редакція въ одномъ изъ своихъ №№, сказавъ прямо, что газета издается для тѣхъ литераторовъ, которые не могутъ учавствовать ни въ одномъ изъ Петербургскихъ и Московскихъ журналовъ. Основная мысль ея вѣрнѣе выражена въ рукописной замѣткѣ Пушкина, гдѣ онъ изъясняетъ право публики требовать уже отъ извѣстныхъ писателей: Жуковскаго, Баратынскаго, князя Вяземскаго и друг. оцѣнки произведеній литературнаго міра. Кромѣ прямой пользы молодымъ талантамъ, они, по мнѣнію Пушкина, могли бы вырвать критику изъ рукъ судей, положившихъ въ основаніе своему призванію только собственный произволъ и

казательства этому и пояснили нѣкоторыя изъ его стихотвореній чертами и анекдотами изъ жизни. Подобнымъ комментаріямъ, современемъ, могутъ быть подвергнуты почти всѣ лирическія пѣсни Пушкина. Приводимъ здѣсь, на удачу, еще нѣсколько примѣровъ близкаго родства Пушкинской поэзіи съ явленіями общественнаго быта и съ личными обстоятельствами автора. Стихотвореніе: *Меч-*

Digitized by Google

личныя отношенія къ писателямъ. Состояніе критики въ его время онъ объяснялъ слѣдующей, довольно забавной эпиграммой, похожей, впрочемъ, на извѣстную шутку Пелиссона: *Les trois sourds.*

Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова.
Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова.»
—«Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.»—
Судья рѣшилъ: «Почто идти вамъ братъ на брата?
Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!»

Подавая самъ примѣръ наставленію, Пушкинъ высказалъ свое мнѣніе о «Юріи Милославскомъ,» романѣ покойнаго М. Н. Загоскина (Литерат. Газета 1830, № 5-й); написалъ замѣчаніе о новооткрытой тогда драматической сценѣ изъ Фонъ-Визина (Литерат. Газета 1830 годъ, № 7); съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе Иліады,

---

тателю (Ты въ страсти горестной), напечатанное въ Сынѣ Отечества 1818 г. съ подписью: Св....ч. к. (Сверчокъ) вызвано было любовью одного молодаго человѣка, утверждавшаго, что онъ не ищетъ взаимности и доволенъ чувствомъ своимъ. Пушкинъ не понималъ этого изворота сердца, ищущаго успокоенія въ обманѣ, и отвѣчалъ на него своимъ стихотвореніемъ. Въ другой разъ, знаменитый композиторъ, хорошо извѣстный публикѣ нашей, игралъ на фортепьяно Грузинскую мелодію, съ свойственнымъ ему выраженіемъ и искусствомъ. На замѣчаніе присутствующихъ, что ей недостаетъ стиховъ или романса для всеобщей извѣстности, Пушкинъ написалъ стихотвореніе:

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной.

Подробности, находящіяся въ стихотвореніи: *Онъ между нами жилъ*, всѣ взяты изъ дѣйствительности. Лицо, къ которому оно написано, отличалось даромъ импровизаціи и разъ въ самой квартирѣ Пушкина, въ Демутовомъ трактирѣ, долго и съ жаромъ говорило о любви, которая нѣкогда должна связать народы между собою. Чудная пьеса: *Въ часы забавъ или праздной скуки* была только отвѣтомъ на укоризненное опроверженіе нѣкоторыхъ мыслей въ другомъ Пушкинскомъ произведеніи; опроверженіе, сдѣланное духовнымъ лицомъ высокаго сана. За тѣмъ всѣ стихотворенія Пушкина, имѣющія форму посланій, или обращенія къ лицамъ, неизмѣнно связаны съ какимъ либо характеристическимъ поводомъ, съ какой-либо замѣчательной чертой его жизни, или съ особенностію его душевнаго состоянія. Даже антологическія его пьесы 20—22 годовъ не лишены этой близости къ ходу дѣйствительности. Она можетъ быть усмотрѣна наконецъ и въ такихъ пьесахъ, которыя, по глубокому вдохновенному своему содержанію, кажется, совершено отдѣляются отъ обычнаго теченія жизни, каковы *Н** (Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ), *Туча*, *Пиръ Петра Великаго* и проч.

Digitized by Google

въ переводѣ Гнѣдича (Литер. Газета 1830 годъ №№ 2 и 12) и, наконецъ, уже прозрѣвая безобразныя произведенія французской словесности 30-хъ годовъ, не замедлившія появиться, встрѣтилъ рѣзкимъ, энергическимъ осужденіемъ два журнальныхъ Парижскихъ объявленія о выходѣ Записокъ Самсона и Записокъ Видока (Литер. Газета 1830 года, № № 5 и 10). Кромѣ всего этого, много отдѣльныхъ замѣтокъ, мѣткихъ, исполненныхъ остроумія, было помѣщено на листкахъ новой газеты, но мы уже не можемъ указать ихъ читателямъ. Онѣ не были имъ подписаны и не сохранились, къ сожалѣнію, въ рукописяхъ поэта; а завѣренія и свидѣтельства его друзей, какъ преданія словесныя, не придаютъ дѣлу той юридической достовѣрности, которая необходима для опредѣленія литературной собственности. Статьи Пушкина чрезвычайно важны въ біографическомъ отношеніи: онѣ носятъ тотъ характеръ уваженія къ заслугамъ людей, противодѣйствія личному, произвольному мнѣнію, и стремленія къ образованію общественнаго вкуса посредствомъ избранныхъ представителей въ наукѣ и словесности, какой отражается на всѣхъ послѣдующихъ его сужденіяхъ. Направленіе газеты встрѣтило сильное противодѣйствіе въ журналахъ того времени: никто не хотѣлъ признавать непогрѣшительность избранныхъ судей тамъ, гдѣ судьей была публика. Въ увлеченіи спора, подверглась разбору даже и система обозначенія періодовъ старой отечественной словесности нашей именами главныхъ дѣятелей. Противники Литературной Газеты отказывали однимъ именамъ въ правѣ представительства, а вліяніе другихъ объясняли совокупнымъ участіемъ многихъ, менѣе извѣстныхъ лицъ. Споръ, какъ всегда бываетъ, обратился въ простую журнальную полемику и, наконецъ, въ намеки и въ разборъ личностей. Къ несчастію, вмѣсто молчанія, которымъ слѣдовало бы отвѣчать на этотъ новый видъ, принятый журнальной критикой, Пушкинъ полагалъ, что зло должно быть истреблено его же собственнымъ оружіемъ: «Нѣкоторые писатели, говорилъ онъ, ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ—литераторомъ? . . . Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается. . . Одинъ писатель извинился тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что наконецъ, никто-де не въ правѣ

Digitized by Google

требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на *схѣдку*, то не прогнѣвайся—какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швыряетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто, а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой заговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость»... Со всѣмъ тѣмъ неосновательность этого мнѣнія и его парадоксальный характеръ оказались на самомъ дѣлѣ. Не смотря на огромную долю остроумія, ѣдкости и ядовитаго сарказма, расточенныхъ Пушкинымъ въ эпиграммахъ, принудившихъ противниковъ его къ молчанію, вся дѣятельность его на этомъ поприщѣ разнорѣчитъ съ обыкновеннымъ изяществомъ его произведеній. Сатирическія статьи его, какъ тѣ, которыя напечатаны были въ Телескопѣ. 1831 г. №№ 13 и 14, подъ именемъ *Ѳеофилакта Косичкина*, не искупаютъ своей веселостью нѣкоторой жесткости въ формѣ и въ языкѣ. Спѣшимъ, однакожъ, оставить весь этотъ періодъ страсти и увлеченія, побуждаемые къ тому и хронологическимъ порядкомъ, которому слѣдуемъ. Почти съ первыхъ нумеровъ Литературной Газеты, Пушкинъ находился уже въ Москвѣ. Нѣтъ никакой надобности подтверждать слова наши выписками изъ самыхъ журналовъ, начавшихъ это долгое, безполезное преніе: поводовъ къ объясненію убѣжденій и мыслей тутъ ужъ нѣтъ, а сказаннаго достаточно для предостереженія будущихъ писателей отъ дурнаго примѣра, остающагося на страницахъ исторіи литературы, какъ поученіе и какъ заслуженное наказаніе. Въ полномъ разгарѣ полемики въ 1831 году, Пушкинъ слышалъ предостерегательныя слова, которыя, казалось, произносимы были самой мудростію: «Всякая брань бесчеститъ того, кто произноситъ ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея—презрѣніе. Въ сатирахъ Пушкина можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно для чести его *разсудка*—лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности».

Возвращаясь къ литературному отдѣлу газеты, упомянемъ, что сверхъ уже поименованныхъ статей, да отрывка изъ романа: Арапъ Петра Великаго подъ названіемъ *Ассамблея при Петрѣ I-мъ* (Литер. Газ. 1830, № 13) и еще отрывка изъ Путешествія въ Арзрумъ, подъ названіемъ: *Военная Грузинская дорога, изъ путевыхъ записокъ А. С. Пушкина* (Литер. Газ. 1830, № 8), въ ней было помѣщено много стихотвореній его, и съ подписью имени, и съ помѣткой ихъ

Digitized by Google

однѣми буквами *Крс.* Буквы эти составляютъ сокращенную анаграму его Арзамасскаго прозвища: сверчокъ. Почти всѣ стихотворенія Литературной Газеты, принадлежащія Пушкину, находятся въ сборникахъ его сочиненій съ нѣкоторыми варіантами [1]). Между ними блеститъ Посланіе къ К. Н. Б. Ю. (*Вельможѣ*), написанное уже въ Москвѣ— образецъ мастерской живописи историческихъ лицъ и эпохъ, гдѣ часто, въ одномъ двустишіи, полно и опредѣленно выражается вся сущность ихъ. При появленіи своемъ, оно, какъ и многія другія произведенія поэта, возбудило неудомѣніе. Въ свѣтѣ считали его недостойнымъ лица, къ которому писано; въ журналахъ, наоборотъ, недостойнымъ лица, котораго обвиняли въ намѣреніи составить панегирикъ. Любопытно сужденіе одного повременнаго изданія объ этой пьесѣ, одинаково поражающей и совершенствомъ формы, и совершенствомъ содержанія. При разборѣ Бориса Годунова, журналъ (Московскій Телеграфъ 1833, часть 49, № 1) замѣчалъ: «Мы увѣрены, что современемъ самъ Пушкинъ выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ-то: Загадку, Собраніе насѣкомыхъ, Дорожныя жалобы, *Посланіе къ Вельможѣ* — все это недостойно его». Пониманіе эстетическихъ произведеній, связывающее журналъ 1833 г. съ журналами 1820 г.! Столько же, если не болѣе, представляетъ странности и формы, въ которую облеклась самая похвала. Журналъ «Славянинъ» (1830 г. часть 14), перепечатывая стихотвореніе изъ Литературной Газеты, сдѣлалъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: «Въ семъ классическимъ Посланіи Протей Пушкинъ являетъ намъ *Шолье* и *Вольтера*. Оно напоминаетъ намъ посланіе нашего блестящаго Батюшкова къ И. М. Муравьеву-Апостолу и взято нами изъ № 30 Литературной Газеты, . . . и проч.» Понятно, отъ чего Пушкинъ въ послѣднее время съ одинаковымъ равнодушіемъ встрѣчалъ и укоры и одобренія журналовъ.

---

[1]) Они указаны въ нашемъ изданіи, въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ.

Google

ГЛАВА XXII

Общее обозрѣніе кабинетныхъ замѣтокъ и трудовъ поэта за протекшій періодъ: Кабинетные труды, замѣтки, мысли, соображенія, выписки, изученіе языка, пословицъ, старинныхъ терминовъ. — Правдоподобіе мысли, что Пушкинъ, изучавшій книгу Царя Алексѣя Михайловича, собирался написать что-либо по поводу соколиной охоты. — Замѣтка Пушкина о современномъ языкѣ. — Разборы книгъ и замѣтки при ихъ чтеніи. — Понятіе Пушкина о критикѣ. — Критическія замѣтки о Трехъ повѣстяхъ Павлова, «Недовольныхъ» Загоскина и проч., сдѣланныя во время чтенія. — Мысли Пушкина о разницѣ между восторгомъ и вдохновеніемъ. — Значеніе этихъ мыслей и замѣтка на мнѣніе «Телеграфа», дѣлившаго Европу на классическую и романтическую. — Замѣтка Пушкина о А. Шенье, какъ классическомъ писателѣ. — О драмѣ Олина «Корсаръ» и по поводу ея о Байронѣ. — Замѣтка Пушкина по поводу толковъ о народности въ поэзіи. — Объясненіе мысли Пушкина по этому предмету. — Планъ Пушкина изложить свой взглядъ и понятіе объ отечественной словесности и о романтизмѣ, приведеніе въ систему отрывковъ по этому предмету. — Отрывокъ о скудости свѣтской литературы въ древнемъ отечествѣ нашемъ. — Тотъ же отрывокъ вчернѣ. — Значеніе этихъ мыслей. — Отрывокъ Пушкина о Петрѣ и его преобразованіяхъ. — Мысли Пушкина о французской средневѣковой поэзіи. — Продолженіе того же и переходъ къ вѣку Людовика XIV. — Анализъ этихъ мнѣній. — Въ параллель съ изображеніемъ французской литературы, Пушкинъ составилъ программу и для статьи о русской словесности, — Программы историческаго содержанія. — Очеркъ видоизмѣненій феодализма. — Поводъ къ этому очерку: «Исторія Русскаго народа». — Слова Пушкина о той же исторіи по выходѣ II-го тома. — Пушкинскій разборъ начальныхъ стиховъ «Слова о Полку Игоревѣ». — Статьи: «О драмѣ», «Мысли на дорогѣ». — Литературныя соображенія въ отдѣльныхъ замѣткахъ. — Романъ въ 10 письмахъ, приблизительное изложеніе его содержанія. — Два отрывка изъ неоконченныхъ повѣстей Пушкина. — Драматическій этюдъ.

Мы достигли того времени, которое составляетъ переломъ въ существованіи Пушкина. Прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, находимся въ необходимости остановиться на одной подробности, весьма важной въ его жизни. До сихъ поръ мы видѣли вдохновенную поэтическую дѣятельность Пушкина, и цѣпь обстоятельствъ, въ которыхъ она

Google

вращалась. Кабинетный трудъ автора Годунова намъ еще неизвѣстенъ, но онъ, гораздо ранѣе трудовъ по сбору историческихъ матеріаловъ для эпохи Петра Великаго, составлялъ уже часть его дѣятельности и не можетъ оставаться въ неизвѣстности. Замѣтки, мысли, соображенія, выписки изъ сочиненій были невидимымъ, подземнымъ основаніемъ, на которомъ созидались и образъ его мыслей, и пониманіе предметовъ, и самое настроеніе духа, направлявшее поэтическій даръ его.

Прежде всего является тутъ постоянное изученіе русскаго языка. Какъ прежде служили для этого сказки, такъ теперь выступаютъ народныя пословицы, фразы и термины старой нашей литературы. Вотъ записка Пушкина по первому предмету, заключающая собственныя его поясненія и замѣтки:

«*Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать*», т. е. не твоя забота.

«*Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ*». Пословица Латинская.

«*Нужда научитъ калачи ѣсть*, т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

«*Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ*». Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т. е. въ посольствѣ.

«*Не суйся середа прежде четверга*». Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспаривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно выдумана во время мѣстничества.

«*Горе лыкомъ подпоясано*». Разительное изображеніе нищеты, см. др. стих.

«*Иже не вриоже, его же пригоже*». Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились» и проч.

Можно полагать, что эти замѣтки, теперь не новыя, но свидѣтельствующія о скромномъ уединенномъ занятіи поэта, будутъ занимательны для читателей. Между прочимъ, замѣтка о пословицѣ: *Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ*—помогла Пушкину указать М. Н. Загоскину одну обмолвку въ его романѣ «Юрій Милославскій» (См. Литер. Газ. 1830, № 5). Не менѣе живое впечатлѣніе производятъ и выписки терминовъ соколиной охоты, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ книгѣ Царя Алексѣя Михайловича: «Урядникъ или новое уложеніе и устроеніе чина Сокольничья пути» (1668), а другія — лѣтописямъ и актамъ. Вотъ поясненія Пушкина:

«Семеновской потѣшной Дворъ.

«Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

«*Челикъ*—самецъ, *дикомитъ*—самка.

Digitized by Google

«*Обносцы* — ремешекъ оленій, съ краснымъ сукномъ.
«*Кречетъ* больше и сѣрѣе сокола. Соколъ по сизѣе.
«*Должикъ* — въ аршина ремень сыромятный.
«*Вобилъ, вобила* — гусиныя крылья, съ сырымъ мясомъ.
«*Шалачь* — мѣшокъ для живой птицы, на ремнѣ.
«*Вертлугъ* желѣзный, на немъ вертится вобила.
«*Стулъ* — гдѣ сначала сидятъ кречеты.
«*Голунбасы* — родъ барабана для пуганья птицъ.
«*Помцы* } Сѣти». и проч. [1])
«*Тайникъ* }

Можетъ быть эти сухіе комментаріи имѣли еще другую цѣль у Пушкина, кромѣ изученія самаго предмета. Картина старой соколиной охоты нашей въ поэтическомъ описаніи, вѣроятно, уже носилась передъ его глазами, когда онъ составлялъ свои выписки, и трудъ его былъ, статься можетъ, только ступенью для вдохновенія. Мы скоро увидимъ, что самыя строгія занятія разрѣшались художественными произведеніями у Пушкина: натура поэта въ немъ никогда не ослабѣвала и поэтическая струя не изсякала, даже и въ кропотливомъ сборѣ и провѣркѣ ученыхъ матеріяловъ.

Къ числу замѣтокъ его о языкѣ, уже извѣстныхъ публикѣ, принадлежитъ еще слѣдующая, не изданная:

«Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: *трогательной* отъ слова *touchant* (см. справедливое о томъ разсужденіе Г. Шишкова). *Хладнокровіе*. Это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе Французское есть *Sens froiq* — хладномысліе, а не *Sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія: *Dans son assiette ordinaire*

[1]) Двѣнадцать приведенныхъ терминовъ этой выписки находятся въ «Урядникѣ» Царя Алексѣя Михайловича въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно въ послѣдней статьѣ его: «Роспись охотничьему снаряду», гдѣ они всѣ собраны. «Урядникъ», съ своимъ церемоніаломъ посвященія въ должность Новоизборнаго Начальнаго Сокольника, представляетъ такую превосходную картину, что можно удивиться, какъ ни одинъ изъ нашихъ писателей не воспользовался ею для исторической сцены или другаго художественнаго произведенія. Почти съ достовѣрностію можно сказать, что Пушкинъ имѣлъ въ виду — дать поэтическую жизнь старому литературному памятнику и представить, вмѣстѣ съ тѣмъ, картину любимой забавы царей и бояръ.... Какъ не пожалѣть, что мысль не была приведена въ исполненіе? Но мы еще найдемъ много такихъ, неосуществленныхъ мыслей у нашего поэта.

Digitized by Google

Assiette значитъ — положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуронъ — *не въ своей тарелкѣ*.

Любезнѣйшій ты не въ своей тарелкѣ.
Горе отъ ума».

Весьма важный отдѣлъ Пушкинскихъ замѣчаній представляютъ его разборы книгъ и статей, почему либо казавшихся ему замѣчательными. Мы уже знаемъ его привычку читать съ перомъ въ рукѣ и приводить на книгѣ свои собственныя мысли и соображенія. Множество остатковъ этой работы за чтеніемъ теперь утеряны, но послѣдніе образчики ея, разбросанные по разнымъ тетрадямъ его и въ разныхъ клочкахъ, тѣмъ драгоцѣннѣе становятся для собирателя. Критику вообще, мы уже видѣли, Пушкинъ понималъ весьма строго. Онъ не любилъ въ ней характера диллетантизма, легкаго пониманія вещей и требовалъ отъ нея спеціальнаго знакомства съ предметомъ и серьезнаго изложенія. Для критики художественныхъ произведеній искусства онъ прибавлялъ къ этому еще другое качество—чистую любовь къ искусству. «Гдѣ нѣтъ любви къ искусству — тамъ нѣтъ и критики», говорилъ онъ. Но въ короткихъ своихъ замѣткахъ о книгахъ и статьяхъ онъ отстранялъ требованія науки и являлся безъ претензій только съ своей мыслію. Существенными качествами такихъ замѣтокъ остаются проницательность, остроуміе и, особенно, способность чувствовать невѣрность всякой абстрактной идеи, какъ бы она блестяща ни была. Онъ всегда старался отыскать, въ замѣнъ ея, истину практическую, приложимую къ дѣлу, сторону предмета, которой онъ наиболѣе связывается съ жизнью — качества, не всегда сопутствующія и спеціальному знанію!.... Переступая на этотъ разъ хронологическій порядокъ, скажемъ, что въ такомъ духѣ набросаны были Пушкинымъ замѣтки о трехъ повѣстяхъ Павлова, которыя упрекалъ онъ за *идеализацію челядинства*; о комедіи М. Н. Загоскина «Недовольные», въ которой не находилъ веселости и любезнаго прямодушія другихъ его произвиденій. Замѣтка его о драмѣ Г. Погодина: «Марфа Посадница» напечатана была только въ 1842 году въ 10 № Москвитянина. Даже большая часть всѣхъ напечатанныхъ критическихъ статей его принадлежатъ къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ чтенія и сдѣланы, такъ сказать, въ самомъ пылу его. Таковы статьи «Вольтеръ», «Баратынскій», «Лордъ Байронъ» о «Ѳракійскихъ Элегіяхъ» Теплякова и проч. Это не болѣе какъ собственноручныя отмѣтки Пушкина и характеръ ихъ проявляется столько же въ ихъ сжатой

Digitized by Google

формѣ, сколько и въ содержаніи, прямо излагающемъ одну мысль отступленій и осмотра ея со всѣхъ сторонъ, какъ бываетъ въ настоящемъ критическомъ разборѣ. Таковъ былъ вообще способъ чтенія у Пушкина.

Сберегая все, что осталось послѣ нашего автора, мы присоединяемъ уже къ извѣстнымъ и напечатаннымъ его отрывкамъ еще слѣдующіе, не менѣе первыхъ важные для опредѣленія его взгляда на предметы.

Возражая на статью одного журнала 1824 года (Мнемозина, часть II, статья: *О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе*), гдѣ поэзія Русская дѣлилась на Лирическую и Элегическую и первой отдавалось преимущество, какъ содержащей болѣе силы и признаковъ восторга, главнаго зиждителя поэзіи, — Пушкинъ отвергалъ важность, какую вообще придаютъ послѣднему въ дѣлѣ творчества. Замѣтка эта особенно любопытна въ устахъ Пушкина.

«Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи [1]). Восторгъ исключаетъ *спокойствіе* — необходимое условіе *прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, не постояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, Комедія, Сатира, всѣ болѣе ея требуютъ творчества, *fantaisie*, воображенія, знанія природы. И *плана* не можетъ быть въ одѣ! Единый *планъ* Дантова Ада есть уже плодъ высокаго генія! Какой планъ въ одахъ Пиндара? какой планъ въ Водопадѣ, лучшемъ произведеніи Державина?»

Строки эти имѣютъ въ глазахъ нашихъ особенную важность, онѣ принадлежатъ къ разряду автобіографическихъ матеріяловъ; такъ Пушкинъ выразилъ въ нихъ характеръ собственнаго таланта и даже исторію будущаго его развитія! Спокойствіе и обсужденіе, какъ условіе прекраснаго, положены имъ были въ основу многихъ собственныхъ произведеній и сроднили ихъ съ типами изящнаго, оставлен-

---

[1]) Мысль эта повторена Пушкинымъ въ статьѣ его, напечатанной въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г., подъ названіемъ: «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Digitized by Google

ными классической древностію. Значеніе труда въ его произведеніяхъ мы уже видѣли и еще не разъ будемъ видѣть, а удивленіе его передъ геніальнымъ планомъ объяснится еще впослѣдствіи для читателей тѣми долгими, глубокими соображеніями, какія предшествовали у него самого изложенію предмета. Въ замѣткахъ Пушкина открывается даже, по нашему мнѣнію, и то расположеніе къ эпическому роду произведеній, которому онъ подчинился уже такъ полно, не задолго до смерти своей.

Въ отвѣтъ на мнѣніе другаго журнала 1825 года (Московскій Телеграфъ), дѣлившаго Европу на классическую, къ которой принадлежали, по его опредѣленію, народы Латинскаго юга, и романтическую, которой предоставлены были Германскія племена, Пушкинъ замѣчалъ: «Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ. Данте (*il gran padre Alighieri*), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.»

Къ книжнымъ замѣткамъ Пушкина принадлежитъ еще и слѣдующая:

«Французскіе критики имѣютъ свое понятіе объ романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать унынія или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія. Такомъ образомъ Андрей Шенье — поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать Французскому языку формы Греческаго стихосложенія, попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.»

Опроверженіе не вполнѣ справедливое: Шенье, не смотря на форму свою, ничего общаго не имѣлъ съ классическою поэзіей и самъ выразилъ это въ четырехъ замѣчательныхъ стихахъ своей поэмы *L'Invention*:

«Changeons en notre miel leurs plus antiques fleurs,
Pour peindre notre idée empruntons leurs couleurs;
Allumons nos flambeaux à leurs feux poétiques,
Sur des pensées nouveaux faisons des vers antiques».

Но извѣстно, что Пушкинъ, во избѣжаніе недоразумѣній, судилъ о родѣ произведенія по одной формѣ его, хотя это, какъ видимъ, не было вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ ошибокъ. Впрочемъ, недосмотръ еще маловаженъ въ сравненіи съ запутанностію тогдашнихъ сужденій о романтизмѣ. Мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ

Digitized by Google

тому, и увеличивать число ихъ нѣтъ надобности. Были и у насъ критики, не уступавшіе французскимъ; трагикъ Озеровъ, напримѣръ, причислялся нѣкоторыми изъ нихъ къ романтикамъ за изображеніе томленій страсти и любви. Suum cuique!

Въ 1827 году вышла драма Г. В. Олина подъ заглавіемъ: *Корсаръ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ хоромъ, романсами и двумя пѣснями: Турецкою и Аравійскою, заимствованная изъ англійской поэмы Лорда Байрона, подъ названіемъ: The Corsair.* Пушкинъ, по обыкновенію, написалъ о драмѣ свою замѣтку. Она особенно важна тѣмъ что выражаетъ уже ясный взглядъ на Байрона и спокойное, твердое обсужденіе образца, вліяніе котораго было въ 1827 году совсѣмъ побѣждено.

«Ни одно изъ произведеній Лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма Корсаръ, не смотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: *Гяуру* въ пламенномъ изображеніи страстей, *Осадѣ Коринѳа*, *Шильонскому Узнику* въ трогательномъ развитіи *сердца человѣческаго*, *Паризинѣ* въ трагической силѣ, *Чайльдъ Гарольду* въ глубокомысліи и высотѣ паренія лирическаго, и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи—*Д. Жуану*. Корсаръ неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней-мѣрѣ англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ самъ на себя, въ Ч. Гарольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснилъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію!

«Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы Корсаръ выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? *O Miralores!*»

Весьма любопытна, въ отношеніи здраваго практическаго смысла,

Digitized by Google

замѣтка Пушкина о толкахъ, возбуженныхъ требованіями народности, показавшимися у насъ вмѣстѣ съ понятіемъ о романтизмѣ. Вопросъ еще былъ теменъ. Вотъ что говорилъ Пушкинъ:

«Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

«Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи [1]). Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-Русски, употребляютъ русскія выраженія [2]).

«Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый Нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; Французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ—Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это оденакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій; есть тма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи....»

Пушкинъ не докончилъ своей замѣтки, но легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно-замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ или выбравшій ложную почву дѣятельности ненароденъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ. Самъ Пушкинъ былъ, именно въ этомъ смыслѣ, народенъ, безъ сознанія, оставаясь народнымъ и въ то время, какъ переносился въ Испанію, въ рыцарскій замокъ и проч. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли онъ говоритъ, что Шекспиръ народенъ въ Отелло и Гамлетѣ; Вега и Кальдеронъ во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои; Аріостъ въ описаніи Китайскихъ своихъ красавицъ; но мысль эта передана имъ такъ коротко и неразборчиво, что здѣсь выражена ея сущность, а собственныхъ словъ автора не возможно было выписать, безъ лишнихъ и непозволительныхъ прибавокъ.

Постоянное изученіе отечественной словесности и вниманіе къ

---

[1]) Здѣсь встрѣчается въ рукописи пустое мѣсто, оставленное Пушкинымъ для выписки мнѣнія.

[2]) Тоже.

Digitized by Google

живому, современному вопросу о романтизмѣ, подъ которымъ онъ подразумѣвалъ, какъ уже мы знаемъ, весьма многое, чего въ немъ не могло заключаться, приводило его не разъ къ мысли: изложить свой взглядъ и понятіе объ этихъ предметахъ подробно. Свидѣтелями несостоявшагося намѣренія остаются многочисленныя, разрозненныя замѣтки, предуготовительныя объясненія, отдѣльныя мысли. Постараемся собрать всѣ эти матеріялы, затерянные доселѣ въ массѣ его бумагъ, и сообщить нѣкоторую цѣлость, нѣкоторое единство труду, хотя отрывочному, разбитому на множество неровныхъ частей, но постоянному, и, какъ видно, сильно занимавшему его умъ.

Прежде всего долженъ слѣдовать отрывокъ, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о скудости *свѣтской* литературы въ древнемъ нашемъ отечествѣ. Литературу лѣтописей, юридическіе памятники, тогда еще не собранные попеченіями Правительства въ такомъ изобиліи, и высокое развитіе литературы духовной—онъ отстраняетъ изъ разсужденія. Вотъ слова его:

1) «Долго Россія оставалась чуждою Европѣ. Великая эпоха возрожденія не имѣла на нее никакого вліянія, рыцарство не одушевило чистыми восторгами, и благодѣтельное потрясеніе, произведенное Крестовыми походами, не отозвалось въ нравахъ. Но Россіи опредѣлено было высокое предназначеніе.... Ея необозримыя равнины поглотили силу Монголовъ и остановили ихъ нашествіе на самомъ краю Европы. Варвары, не осмѣлясь оставить у себя въ тылу порабощенную Русь, возвратились на степи своего востока. Образующееся просвѣщеніе было спасено растерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали Европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна. Духовенство, пощаженное удивительной смѣтливостію Татаръ, одно, въ теченіи двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искру образованности. Въ безмолвіи монастырей, иноки вели свою безпрерывную лѣтопись; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами, утѣшая сердца въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Татаре не походили на Мавровъ. Они, завоевавъ Россію, не подарили ей ни Алгебры, ни Аристотеля: нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности и *Слово о Полку Игоревѣ* возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей Солвесности.»

Мысль этого отрывка изложена Пушкинымъ предварительно въ

Digitized by Google

замѣткѣ, имѣющей почти одинаковое содержаніе съ нимъ. Прилагаемъ этотъ черновой отрывокъ для сличенія съ первымъ и лучшаго поясненія его.

2) «Приступая къ изученію нашей Словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездной поэмъ, романовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены Европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ Мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою Французскаго трувера и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но къ сожалѣнію старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь—и на ней возвышается единственный памятникъ: «Пѣснь о Полку Игоревѣ.»

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ сожалѣніе объ отсутствіи такихъ явленій, которыя въ условіяхъ древняго нашего быта и существовать не могли; но ключъ для объясненія этого требованія находится въ практическомъ смыслѣ Пушкина. Онъ весьма любитъ сличенія и повѣрки одного предмета съ другимъ. Такимъ путемъ старался онъ достигнуть ясныхъ выводовъ, избѣгая, сколь возможно, системы отвлеченнаго толкованія, посредствомъ идеи, случайно явившейся или заготовленной прежде. Мы имѣемъ еще одинъ примѣръ его расположенія къ аналогическому способу изслѣдованій, о которомъ скоро будемъ говорить, а теперь продолжаемъ наши выписки:

3.) «Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль: при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Но войны, предпринятыя Петромъ Великимъ, были благодѣтельны и плодотворны. Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы и Европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

«Петръ I не успѣлъ довершить многое, начатое имъ. Онъ умеръ въ порѣ мужества, во всей силѣ творческой своей дѣятельности. Онъ бросилъ на Словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, не поладилъ съ Татищевымъ за его легкомысліе, угадалъ въ бѣдномъ школьникѣ вѣчнаго труженика—Тредьяковскаго. Сынъ Молдавскаго Господаря воспитывался въ его походахъ, а сынъ Холмогорскаго рыбака, убѣ-

Digitized by Google

жалъ отъ береговъ Бѣлаго моря, стучался у воротъ Заиконоспасскаго училища.

«Въ началѣ 18 столѣтія Французская литература обладала Европою. Она должна была имѣть на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. И такъ, прежде всего, надлежитъ намъ ее изслѣдовать.»

Отсюда начинается у Пушкина цѣпь короткихъ и сильно перемаранныхъ замѣтокъ, которыя видимо составляютъ только програму будущаго труда, первыя вѣхи, показывающія уже опредѣленное направленіе пути, но не составляющія еще самый путь.

4) «Когда въ XII столѣтіи, подъ небомъ полуденной Франціи, отозвалась рифма въ Прованскомъ нарѣчіи—ухо ей обрадовалось: Трубадуры стали играть ею, придумывать для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, окружили ее самыми затруднительными формами. Такимъ образомъ изобрѣтены Рондо, Вирле, Баллада и Тріолетъ. (Балладой называлось небольшое стихотвореніе, въ коемъ рифма сочеталась извѣстнымъ образомъ и которое начиналось и оканчивалось тѣми же словами).

5) «Разсматривая безчисленное множество мелкихъ стихотвореній, коими наводнена была Франція въ концѣ 16 столѣтія, нельзя не сознаться въ безплодной ничтожности сего мнимаго изобилія. Трудность, искусно побѣжденная, счастливо подобранное повтореніе (*refrain*), легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изрѣченіе рѣдко вознаграждаютъ усталаго изслѣдователя.

6) «Труверы обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія: Аллегорія сдѣлалась любимою формою вымысла. Церковныя празднества и темныя преданія о древней трагедіи породили мистеріи. Явились Лё, Романъ, Фабліо.

7) «Романтическая поэзія, коей изобразили мы смиренное рожденіе, пышно и величественно расцвѣтала во всей Европѣ. Италія имѣла свою тройственную поэму, Португальцы—Луизіаду, Испанія—Лопе де-Вега, Кальдерона, Сервантеса, Англія—Шекспира, а у Французовъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки, и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоэнсомъ, *rima de triolets, fit fleurir la ballade.*

8) «Проза имѣла рѣшительный перевѣсъ: Скептикъ Монтань, Циникъ Рабле, были современники Тассу».

9) «Люди, одаренные талантами, будучи поражены *ничтожностью* Французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго Гре-

Digitized by Google

ческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ Славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго и пошелъ опять своей дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію оцѣненной великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence.... etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ борені съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не засисящей отъ употребленія!

10) «Какимъ чудомъ, посередн общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно-великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV—причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной Французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе!

11) «У другихъ Европейскихъ народовъ поэзія существовала прежде появленія геніевъ, одарившихъ человѣчество своими созданіями. Сіи геніи шли по дорогѣ уже проложенной, но возвышенные умы 17-го столѣтія застали у Французовъ народную поэзію въ пеленкахъ, справедливо презрѣли ея безсиліе и обратились къ образцамъ классической древности. Буало-поэтъ, одаренный мощнымъ талантомъ, рѣзкимъ умомъ, обнародовалъ свое уложеніе, и словесность ему покорилась. Старый Корнель одинъ остался представителемъ романтической трагедіи, которую такъ славно вывелъ онъ на Французскую сцену.

12) «Между тѣмъ великій вѣкъ мнновалъ. Новыя мысли, новое направленіе отзывалось въ умахъ, алкавшихъ новизны. Пренебрегая цвѣты и благородныя игры воображенія, словесность. . .»

Здѣсь прекращаются отрывки. Позднѣе мы увидимъ, что Пушкинъ

Digitized by Google

называлъ Французовъ народомъ анти-поэтическимъ, оставляя за ними только качество положительнаго народа. Особенно къ новымъ поэтамъ ихъ не имѣлъ онъ никакого расположенія, но для писателей Франціи 17-го столѣтія было у него исключеніе. Его уваженіе къ Расину и Бауло, которые такъ мало имѣли сходнаго съ собственнымъ его направленіемъ, и въ творчествѣ и въ критикѣ, свидѣтельствуетъ уже это достаточнымъ образомъ. Легкомысленное презрѣніе къ этимъ людямъ было у насъ тогда въ общемъ ходу; но Пушкинъ и здѣсь сохранилъ основную черту характера своего—не останавливаться на крайностяхъ и не подчиняться опредѣленіямъ исключительнымъ и потому невѣрнымъ, которую онъ только покидалъ въ минуты своихъ порывовъ. . . Кстати сказать, что программы, о которыхъ такъ часто упоминаемъ здѣсь, служили Пушкину не только указателями для разнаго рода трудовъ, но онъ прибѣгалъ къ нимъ даже для направленія своихъ чтеній. Одинъ такой образчикъ мы имѣемъ въ слѣдующей запискѣ:

«Что нынѣ называется Малороссія? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ владычествомъ Татаръ? Отъ Гедимина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмѣльницкаго, отъ Хмѣльницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго?

Что же касается вообще до краткихъ плановъ, какими очерчивалъ онъ такъ сказать, размѣры своихъ будущихъ занятій, не можемъ покинуть отрывковъ безъ одного замѣчанія. Пусть читатель вспомнитъ о программѣ обозрѣнія *Русской Словесности*, которую мы видѣли гораздо прежде. Приведенная нами теперь программа обозрѣнія *Французской* словесности составляетъ только часть первой. Любимая критическая система Пушкина, какъ сказано, была система сближеній и повѣрки подражанія на образцѣ, или разбора двухъ произведеній, навѣянныхъ однимъ направленіемъ: тутъ открывалась обильная пища его мѣткому уму и практическому смыслу.—Программа обозрѣнія Русской Словности, вмѣстѣ съ изложеніемъ хода Французской ея предшественницы, показываетъ намѣреніе автора опредѣлить характеристическія особенности каждой и, сравненіемъ источника съ поддѣлкой, пояснить обоихъ въ существеннѣйшихъ качествахъ ихъ. Таково было намѣреніе Пушкина. Переходимъ къ программамъ чисто-историческаго содержанія. Тоже самое намѣреніе усматривается и здѣсь, хотя и въ другой сферѣ изысканій. Вотъ какой отрывокъ представляется тутъ прежде всего:

Digitized by Google

«Ѳеодальное право, основанное на правѣ завоеванія.
Что были предводители?
Что былъ народъ?
Тѣлохранители.
Власть Королевская.
Продажа вольности городамъ.
Парламенты.
Vénalité des charges.
Ришелье.
Споры Аристократіи съ Парламентами.
Уничтоженіе Ѳеодализма.»

Затѣмъ Пушкинъ развиваетъ свою программу еще подробнѣе:

1) «Феодальное правленіе—система простая и сильная, была основана на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и Феодальная Іерархія установилась.

2) «Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались большею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Со временемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) «Короли, избираемые въ началѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдями, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы и военные люди: духовенство было призвано впослѣдствіи властолюбивыми Палатными мерами (*Maire du Palais*), а народъ гораздо позже, когда Королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) «Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотѣи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умѣли читать. Когда же война призывала Бароновъ къ

Digitized by Google

защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутствіи сіи грамотѣи чинили судъ и расправу, съ начала отъ имени бароновъ, а впослѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились Парламенты.

5) «Нужда въ деньгахъ заставила Бароновъ и Епископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда приевоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины пріобрѣли привиллегіи. Впослѣдствіи времени, Короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общины, и когда мало по-малу народъ откупился, владѣльцы обѣднѣли и стали проситься на жалованье Королей. Они выбрались изѣ феодальныхъ своихъ вертеповъ....

9) «Короли чувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новые, необходимые расходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сія мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (*de la Magistrature*) и сіе сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) «Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно вопили противъ сей мѣры, будто бы варварской и нелѣпой.

8) «Но вскорѣ замѣтили до какой степени сія мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришелье установилъ Коммиссаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ Королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.»

Этотъ очеркъ видоизмѣненій феодализма былъ сдѣланъ Пушкинымъ не для одного сохраненія идей и фактовъ, почерпнутыхъ въ книгахъ, но еще и съ другой цѣлью, какъ оказывается по бумагамъ. Не задолго до 1830 года появилась у насъ система приложенія мыслей западныхъ историковъ къ событіямъ отечественной исторіи. Книга, надѣлавшая въ свое время много шума: *Исторія Русскаго народа*, явилась представительницею направленія, которое не могло выдержать повѣрки, что было почувствовано и самимъ авторомъ ея, въ послѣднихъ частяхъ его труда. Хотя замѣтки Пушкина не имѣли въ

Digitized by Google

виду этой книги, но онъ уже встрѣчалъ ими первые признаки ошибочнаго взгляда на Русскую исторію. Изъ ближенія основныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ на западѣ, съ причинами, породившими у насъ рядъ историческихъ явленій, намѣревался онъ вывести различіе ихъ и несостоятельность мысли—переносить ихъ съ одной почвы на другую. Выписки Пушкина помогли ему почувствовать эту несообразность весьма полно и опровергать ее съ энергіей, когда появилась книга, особенно грѣшившая ею. Вотъ что писалъ онъ въ 1830 году, послѣ выхода II тома Исторіи Русскаго народа.

«Г. П—й предчувствуетъ истину, но не умѣетъ ее отыскать. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ Западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе принаровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его *семейнымъ*) и полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ новой Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи *еще не было феодализма*, а были удѣлы, Князья и ихъ дружина, что Россія *не окрѣпла* и не развилась въ удѣльныя междусобія, но напротивъ ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею Татаръ, что боярство не есть феодализмъ:

«Федолизмъ — *частность*, Боярство — *общность*.
Бояре жили въ городахъ при дворѣ Княжескомъ,
Не укрѣпляя своихъ помѣстій,
Не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,
Не враждуя противу Королей,
Не продавая своей помощи городамъ;

но

Они были вмѣстѣ придворные и товарищи,
Составили союзы,
Считались старшинствомъ,
Соперничали.

«Вы поняли великія достоинства Французскаго историка, поймете-жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи Христіанскаго Запада. Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ и затмѣнія солнечныя. Но провидѣніе—не Алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію—не *пророкъ*, а *угадчикъ*. Онъ видитъ

Digitized by Google

общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, частооправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему *случая*. Одинъ изъ остроумныхъ людей прошлаго столѣтія предсказалъ могущество Россіи, но *Наполеона* никто не могъ предсказать.»

Таковъ былъ постоянный кабинетный трудъ поэта нашего. Нѣкоторыя изъ замѣтокъ его имѣютъ уже все значеніе первыхъ соображеній важнаго ученаго изслѣдованія. Разборъ начальныхъ стиховъ *Слова о Полку Игоревѣ*, памятника Русской Словесности, о которомъ съ такимъ удивленіемъ отзывался всегда Пушкинъ, принадлежитъ уже къ этому роду. По обширности и значенію своему, онъ долженъ былъ составить отдѣльную статью въ нашемъ изданіи, а необходимость разъясненія его текста, вообще сбивчиваго и часто недописаннаго, заставила насъ приложить къ нему довольно многочисленныя примѣчанія (смотри приложеніе IX къ матеріяламъ). Скажемъ еще здѣсь, что статья: *О Драмѣ*, напечатанная въ смѣси посмертнаго изданія его сочиненій, относится также къ замѣткамъ Пушкина. Передъ разборомъ Марфы Посадницы, трагедіи г. Погодина, онъ набросалъ въ отрывкахъ своихъ взглядъ на *драму* вообще. Отрывки эти были напечатаны въ посмертномъ изданіи, съ искаженіемъ во многихъ мѣстахъ настоящаго ихъ смысла, что требовало уже не примѣчаній, а приложенія почти совсѣмъ новой статьи. Въ дополненіе скажемъ, что рядъ статей Пушкина, озаглавленныхъ въ настоящемъ изданіи такъ: «*Мысли на дорогѣ*» (Шоссе, Москва, Ломоносовъ, и проч.)—представляетъ еще другой примѣръ книжныхъ замѣтокъ его. Онѣ, дѣйствительно, вызваны были чтеніемъ, написаны въ позднѣйшіе годы его жизни и превосходно выражаютъ твердое, установившееся, совершенно зрѣлое мнѣніе автора о предметахъ. Сообразивъ все сказанное, читатель получитъ довольно полную картину какъ непрерывныхъ ученыхъ и умственныхъ занятій поэта, такъ и самаго способа, какимъ онъ осуществлялъ ихъ.

Переходимъ къ литературнымъ соображеніямъ: отдѣльныя замѣтки и тутъ встрѣчаются въ изобиліи. Иногда являются онѣ совершенно неожиданно. Такъ читаемъ мы замѣтку карандашемъ на боку одного черноваго стихотворенія: «Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія». Въ другой разъ Пушкинъ, на заглавномъ листѣ статьи о Байронѣ, дѣлаетъ выписку: «*Ma chi cerca sinceramente la verità, invece de lasciarsi spaventare del ridicolo, deve far un ogetto di esame del ridicolo stesso*». (Но кто чистосердечно отыскиваетъ истину, тотъ не долженъ отступать передъ смѣшнымъ, а напротивъ, смѣш-

Digitized by Google

ное сдѣлать предметомъ своего изслѣдованія). Одинъ клочекъ бумаги носитъ строки: «Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе, и истощаетъ состраданіе наше». На оборотѣ листка съ неконченнымъ стихотвореніемъ читаемъ: «*On a admire le Cynique, qui marcha devant celui qui niait le mouvement. Le soleil fait tous les jours le même chose que Diogène, mais ne persuade personne*, (Удивлялись цинику, который вздумалъ пройти предъ тѣмъ, кто опровергалъ движеніе; но солнце дѣлаетъ каждый день тоже, что Діогенъ, и никого не убѣждаетъ) [1]). На оторванномъ листкѣ начертано: «Мнѣніе М. Пл. — о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы воспитанъ у Езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякой былъ годенъ, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ» и проч. и проч. и проч.

Не обинуясь, относимъ мы къ замѣткамъ поэта и нѣсколько отрывковъ повѣствовательнаго рода. Эти бѣглые, мимолетные образы составляютъ также программы его и особенно важны тѣмъ, что указываютъ родъ предметовъ и идей, занимавшихъ его въ извѣстныя эпохи. Между бумагами Пушкина сохранился недоконченный романъ въ 10 письмахъ, которыя не могутъ быть сообщены по безсвязности ихъ, безчисленнымъ пропускамъ цѣлыхъ періодовъ, обозначенныхъ иногда только первымъ словомъ и вообще перепутанному изложенію. Для возстановленія смысла во многихъ мѣстахъ и какого-либо порядка въ цѣломъ, необходимы уже придѣлки и произвольныя измѣненія, на которыя нельзя рѣшиться. Мы должны ограничиться посильнымъ изложеніемъ содержанія романа, которое еще и добыто нами не безъ труда. Романъ начинается перепиской двухъ пріятельницъ, одной принадлежащей къ свѣтскому обществу, а другой—бѣдной компаніонки, настоящей героини романа. Остроумныя описанія столичной жизни и мѣткія картины деревенской жизни, которыми исполнены письма пріятельницъ, вмѣстѣ съ чертами, выражающими ихъ собственные характеры, начинаютъ живописный контрастъ, который все болѣе и болѣе развивается. Въ деревню, гдѣ живетъ компаніонка является герой романа, тоже свѣтскій человѣкъ, и начинаетъ рисовать въ письмахъ къ другу свои впечатлѣнія, рожденныя противопо-

---

[1]) Эта мысль породила небольшое стихотвореніе: *Движеніе*.

Digitized by Google

ложностію быта, привычекъ, понятій съ тѣмъ, что онъ видѣлъ доселѣ. Картина становится полнѣе, но на этомъ и прерывается. По отдѣльнымъ чертамъ, едва обозначеннымъ, можно судить, какъ глубоки и вѣрны были бы всѣ замѣтки романа и какъ оригинальна сама его завязка. Но обращаясь къ тому, что можетъ быть приведено въ извѣстность, прежде всего укажемъ на продолженіе *Рославлева*, хотя и не обдѣланное, и писанное съ чрезвычайною скоростію, но представляющее уже достаточную степень ясност и для разбора. Читатель найдетъ его въ нашемъ изданіи вслѣдъ за этими матеріалами, въ приложеніи VIII. Затѣмъ приводимъ здѣсь два новыхъ отрывка неконченныхъ повѣстей Пушкина, которые, кажется, должны быть раздѣлены довольно значительнымъ пространствомъ времени. Вотъ первый изъ нихъ, рисующій впечатлѣнія молодости:

«4 Мая 18 . . . произведенъ я въ офицеры и получилъ повелѣніе отправиться въ полкъ, въ мѣстечко В. Давно ли я былъ еще кадетомъ? Давно ли будили меня въ 6 часовъ утра, давно ли твердилъ Нѣмецкій урокъ при вѣчномъ шумѣ корпуса? Теперь я прапорщикъ, имѣю въ сумкѣ 475 руб., дѣлаю что хочу и скачу на перекладныхъ въ мѣстечко В., гдѣ буду спать до 8 часовъ и гдѣ уже никогда не промолвлю ни единаго Нѣмецкаго слова. Въ ушахъ моихъ все еще отзываются шумъ и крики играющихъ кадетовъ, и однообразное жужжаніе прилежныхъ учениковъ, повторяющихъ вокабулы: *le beuet*, *le bluet*—василекъ; *amaranthe амарантъ*, *amaranthe*, *amaranthe*. Теперь одинъ стукъ тележки, да звонъ колоколчика. . . . я все еще не могу привыкнуть къ этой тишинѣ.

«Дорогою при мысли о моей свободѣ, объ удовольствіяхъ пути и приключеніяхъ, меня ожидающихъ, чувство несказанной радости наполняло мою душу . . . . Утомясь мало по-малу, принялся я наблюдать движеніе переднихъ колесъ и дѣлать математическія исчисленія. Занятіе нечувствительнымъ образомъ меня утомило, и путешествіе уже показалось не столь пріятнымъ, какъ сначала. Я попытался было завести рѣчь съ моимъ ямщикомъ, но онъ какъ будто избѣгалъ порядочнаго разговора. На вопросы мои отвѣчалъ одними: «не можемъ знать В. Благородіе, а Богъ знаетъ, а ни что.» Пріѣхавъ на станцію я отдалъ кривому смотрителю свою подорожную, но съ неизъяснимымъ неудовольствіемъ услышалъ, что лошадей нѣтъ. Я заглянулъ въ почтовую книгу. Генеральша Б*, *съ будущимъ* взяла 12 лошадей, двѣ тройки пошли съ почтою, нашъ братъ прапорщикъ взялъ осталь-

Digitized by Google

ныя двѣ лошади: на станціи стояла одна курьерская тройка. Нечего дѣлать: я покорился необходимости.

«Не угодно ли чаю или кофею? спросилъ меня смотритель. Я благодарилъ и занялся разсмотрѣніемъ картинъ, украшающихъ его смиренную обитель. Въ нихъ изображена была исторія блуднаго сына. Почтенный старецъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который принимаетъ поспѣшно его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой изображено яркими чертами развратное поведеніе молодаго человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе промотавшійся юноша во Французскомъ кафтанѣ и въ треугольной шляпѣ пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу. Въ его лицѣ изображены глубокая печаль и разскаяніе: онъ воспоминаетъ о домѣ отца своего, *гдѣ послѣдній рабъ* etc. . . . Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу своему. Добрый старикъ, въ томъ же колпакѣ и шлафрокѣ, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу. Блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ—вдали поваръ убиваетъ тельца, а старшій братъ съ досадой вопрошаетъ о причинѣ таковой радости. Подъ картинками напечатаны Нѣмецкіе стихи. Я прочелъ ихъ съ удовольствіемъ и списалъ, чтобы на досугахъ перевести.

«Прочія картины не имѣютъ рамъ и прибиты къ стѣнѣ гвоздиками. Они изображаютъ погребеніе кота, споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ и въ нравственномъ, какъ и въ художественномъ отношеніи, не стоятъ вниманія образованнаго человѣка.

«Я сѣлъ подъ окно. Виду никакого. Тѣсный рядъ однообразныхъ избъ, прислоненныхъ одна къ другой, кое-гдѣ двѣ три яблони, двѣ-три рябины, окруженныя худымъ заборомъ, отпряженная телега съ моимъ чемоданомъ и погребцомъ, развалившійся колодецъ около и мѣлкая лужица: въ ней рѣзвятся желтенькіе утята подъ надзоромъ глупой утки, какъ балованныя дѣти при Французской мадамѣ. Какая скука! Пойду въ поле.

«Я пошелъ по большой дорогѣ. Справа тощій озимь, слѣва кустарники и болото. Кругомъ плоское пространство, на встрѣчу однѣ полосатыя версты, на небѣ кое-гдѣ облако и медленное солнце. Какая скука! Дошедъ до 3-й версты, иду назадъ и удостовѣряюсь, что до слѣдующей станціи оставалось еще: 22.

«Я сѣлъ опять подъ окномъ. День жаркій. Ямщики разбрелись; на улицѣ златовласые, замаранные ребятишки играютъ въ бабки,

Digitized by Google

противъ меня старуха сидитъ передъ избою подгорюнившись, изрѣдка поютъ пѣтухи, собаки валяются на солнцѣ или бродятъ, высунувъ языкъ и опустя хвостъ, да поросята съ визгомъ выбѣгаютъ изъ подъ воротъ и бросаются въ сторону, безъ всякой видимой причины.

«Я спросилъ у толстой работницы, которая бѣгала поминутно мимо меня то въ заднія сѣни, то въ чуланъ: «Нѣтъ ли чего почитать?» Она принесла мнѣ нѣсколько книгъ. Я обрадовался и сталъ съ жадностью ихъ разбирать, но вскорѣ охладѣлъ и успокоился, увидѣвъ затасканную азбуку и ариѳметику, изданную для народныхъ училищъ. Сынъ смотрителя—буянъ лѣтъ 9, обучался по нимъ, какъ говорила она, всѣмъ наукамъ, да выдралъ затверженные листы, за что, по закону справедливаго возмездія, подрали его за волосы. . . .»

Отрывокъ писанъ или въ 1825 году, или вскорѣ послѣ того. Кисть Пушкина, вообще тонкая, легко узнается въ немъ. Также замѣчателенъ и слѣдующій теперь отрывокъ. Онъ естественнымъ образомъ становится въ параллель съ предшествующимъ, по тону и способу разсказа и писанъ уже, вѣроятно, около 1830 г.

«*Съ Французскаго*»

«Участь моя рѣшена. . . . Та, которою любилъ я цѣлые два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которой встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ, она, она—почти моя! Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ—все это ничего не значитъ. . . .

«Большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету и розовый шлафрокъ; другіе—приданое и степенную жизнь, третьи женятся—такъ, потому что всѣ женятся, потому что имъ 30 лѣтъ. . . .

«Я никогда не хлопоталъ о счастіи. Я могъ обойтись и безъ него. Теперь его мнѣ нужно на двоихъ, а гдѣ я возьму его?

«Что значитъ мои обязательства? Есть у меня больной дядя, котораго почти никогда не вижу. Заѣду къ нему, онъ очень радъ; нѣтъ, такъ онъ извинитъ меня: «Повѣса мой молодъ: ему не до меня.» Я ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Долги свои выплачиваю каждый мѣсяцъ. Утромъ встаю, когда хочу; принимаю, кого хочу. Вздумаю гулять, мнѣ сѣдлаютъ мою умную, смирную Женни. Ѣду переулками, смотрю въ окна низенькихъ домиковъ. Здѣсь сидитъ семейство за самоваромъ,

Digitized by Google

тамъ слуга мететъ комнаты, далѣе дѣвочка учится за фортепьяно. Подлѣ нея ремесленникъ—музыкантъ. Она поворачиваетъ ко мнѣ разсѣянное лицо, учитель ее бранитъ, я шагомъ ѣду мимо. Пріѣду домой, разбираю книги, бумаги, привожу въ порядокъ мой туалетный столикъ. Одѣваюсь небрежно, если ѣду въ гости; со всевозможной старательностію, если обѣдаю въ ресторацiи, гдѣ читаю или новый романъ, или журналы. Если Валтеръ-Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого нибудь уголовнаго процесса, то требую бутылку шампанскаго, смотрю какъ рюмка стынетъ отъ холода, пью медленно, радуясь, что обѣдъ мнѣ стоитъ 17 рублей, и что могу позволить себѣ эту шалость. Вечеромъ ѣду въ театръ, отыскиваю въ какой-нибудь ложѣ замѣчательный нарядъ, черные глаза: я занятъ до самаго разъѣзда. Вечеръ провожу или въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь городъ, гдѣ я вижу всѣхъ и гдѣ меня никто не замѣчаетъ, или въ любезномъ избранномъ кругу, гдѣ я говорю про себя и гдѣ меня слушаютъ. Возвращаюсь поздно, засыпаю, читая хорошую книгу. На другой денъ опять ѣду верхомъ переулками мимо дома гдѣ дѣвочка играла на фортепьяно; она твердитъ на фортепьянахъ вчерашній урокъ. Она взглянула на меня, какъ на знакомаго и засмѣялась. Я кланяюсь и проѣзжаю мимо. Вотъ моя холостая жизнь—счастья тутъ не нужно....»

Въ заключеніе представляемъ еще драматическій этюдъ Пушкина и на немъ покидаемъ выписки того, что осталось изъ замѣтокъ и программъ поэта. Трудъ нашъ можетъ дать приблизительное понятіе читателю о богатствѣ и значеніи тѣхъ мыслей и предположеній его, которыя уже утеряны навсегда или еще скрываются.

«—И ты тутъ былъ? Разскажи какъ это случилось?—Изволь; я только расплатился съ хозяиномъ и хотѣлъ уже выдти, какъ вдругъ слышу страшный шумъ; и Графъ сюда входитъ со всею своею свитою. Я скорѣе снялъ шляпу, и по стѣнкѣ сталъ пробираться до дверей, но онъ увидѣлъ меня и спросилъ, что я за человѣкъ: Я кровельщикъ, Гаспаръ Дикъ, готовый къ вашимъ услугамъ, милостивый Графъ, отвѣчалъ я съ поклономъ, и сталъ пятиться къ дверямъ, но онъ опять со мной заговорилъ и безъ всякаго ругательства. «А сколько ты вырабатываешь въ день, Гаспаръ Дикъ?»—Я призадумался: за чѣмъ этотъ вопросъ? На всякій случай я отвѣчалъ ему осторожно: милостивый Графъ, день на день не похожъ; въ иной вырабатываешь пять и шесть копѣекъ, а въ другой и ничего. «А

Digitized by Google

женатъ ли ты Гаспаръ Дикъ?» Я тутъ опять призадумался: за чѣмъ ему знать, женатъ ли я? Однако отвѣчалъ ему смѣло: женатъ.—«И дѣти есть?» — (Я рѣшился говорить всю правду, ничего не утаивая). Тогда Графъ оборотился съ своей свитѣ и сказалъ: — «Господа! Я думаю, что будетъ ненастье; моя Абервильская рана что-то начинаетъ ныть. Поспѣшимъ до дождя доѣхать; велите скорѣе сѣдлать лошадей».

Digitized by Google

ГЛАВА XXIII.

Вторая половина 1830 г., отъѣздъ въ Болдино осенью и цѣлые труды, тамъ возникшіе или оконченные: Сватовство и эпоха его. — Съ апрѣля по августъ Пушкинъ въ Москвѣ. — Письмо отца съ согласіемъ на бракъ. — Въ августѣ Пушкинъ въ Петербургѣ на короткое время. — Онъ отправляется въ Болдино, Дельвигъ его провожаетъ, записка Пушкина объ этомъ послѣднемъ свиданіи съ другомъ. — Холера, разсказъ Пушкина о ней и какъ получилъ онъ первыя свѣдѣнія объ эпидеміи. — Пушкинъ остается въ Болдинѣ до декабря 1830 г. — Происхожденіе стиховъ: «Герой». — Плодовитость творчества въ Болдинѣ, исчисленіе того, что написано имъ въ Болдинѣ въ письмѣ къ Плетневу и въ письмѣ къ Дельвигу. — «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Реестръ драмъ» съ упоминовеніемъ о неизданныхъ. — «Пиръ во время чумы» изъ Уильсона съ перемѣнами. — Мнимый подлинникъ «Скупаго Рыцаря», выдуманный «Ченстонъ». — Пушкинъ приписываетъ и другія свои произведенія иностраннымъ писателямъ, какъ «Рославлева», «Цыганъ» (лирическое стихотвореніе) и др. — Подробности о созданіи «Моцарта». — Подробности созданія «Каменнаго Гостя». — О дѣятельности Пушкина въ Болдинѣ вообще. — «Русалка». — Онъ признаетъ въ себѣ драматическій талантъ еще съ «Цыганъ». — О драмахъ Пушкина вообще и о тѣхъ, которыя не сохранились. — «Берольдъ Савойскій». — «Повѣсти Бѣлкина», тогда же написанныя и «Лѣтопись села Горохина», написанная въ это же время. — Онъ оканчиваетъ «Домикъ въ Коломнѣ».

Пушкинъ познакомился съ семействомъ Н. Н. Гончаровой еще въ 1828 году, когда будущей супругѣ его едва наступила шестнадцатая весна. Онъ былъ представленъ ей на балѣ и тогда же сказалъ, что участь его будетъ на-вѣки связана съ молодой особой, обращавшей на себя общее вниманіе. Два года однакожъ протекли для Пушкина въ тѣхъ безпрерывныхъ трудахъ и разъѣздахъ, какіе мы старались описать. Въ 1830 г., прибытіе части Высочайшаго Двора въ Москву оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Наталья Николаевна принадлежала къ тому созвѣздію красоты, которое въ это время обращало вниманіе и, смѣемъ сказать удивленіе общества. Она участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, ко-

Digitized by Google

торыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ своихъ Посѣтителей и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ г. Московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичомъ Голицинымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. По обыкновенію своему, онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намѣреній и возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, 21-го апрѣля 1830 года, онъ сдѣлалъ предложеніе семейству Натальи Николаевны, которое и было принято. Вѣроятно Пушкинъ уже могъ надѣяться на успѣхъ въ первомъ дѣлѣ, гдѣ сердце его испытывало чувство живое и благотворное вмѣстѣ. Еще до предложенія своего, онъ уже писалъ къ собственному семейству, оставленному имъ въ Петербургѣ, прося его благословенія и извѣщая о происшествіи, измѣняющемъ жизнь его.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ отвѣчалъ ему изъ Петербурга отъ 16-го апрѣля 1830 года письмомъ, выражавшимъ живую радость: Béni soit mille et mille foit le jour d'hier, mon cher Alexandre, pour la lettre, que nous avons reçue de toi. Elle m'a pénetré de joie et de reconaissance. Oui, mon ami, c'est le mot. Depuit longtemps j'avais oublié la douceur des larmes, que j'ai versées en la lisant. Que le ciel répande sur toi toutes ses bénédictions et sur l'aimable compagne qui va faire ton bonheur. J'aurais desiré lui écrire, mais je n'ose encore le faire, crainte de n'en avoir pas le droit... Mon bon ami, прибавлялъ Сергѣй Львовичъ, далѣе въ письмѣ, j'attends ta réponse avec la méme impatience que tu pourrois éprouver en enttendant l'assurance de ton bonheur de la bouche de M-lle Гончаровъ elle-même, car si je suis heureux—c'est de votre bonheur, fier de vos succès, calme et tranquille, quand je vous crois tels. Adieu. Puisse le ciel te combler des ses bénédictions, mes prières journalières ont été et seront toujours pour implorer de lui votre bienêtre. Je t'emsbrasse bien tendrement et te prie, si tu le juge à propos de me recommander à M-lle Гончаровъ, comme un ami bien et bien teudre».

Судьба опредѣлила Сергѣю Львовичу пережить сына, котораго онъ такъ трогательно и такъ краснорѣчиво благословлялъ на счастіе и длинный путъ радостей.

Между тѣмъ въ исходѣ лѣта, А. С. Пушкинъ самъ отправился въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ и личнаго переговора съ Сергѣемъ Львовичемъ, касательно основанія будущаго своего дома и состоянія. Друзья его едва успѣли встрѣтить и поздравить съ но-

Digitized by Google

вымъ переворотомъ въ жизни, какъ Пушкинъ покинулъ Петербургъ. Въ августѣ 1830 года, онъ отправился изъ столицы, черезъ Москву, въ Нижегородскую губернію, въ родовое имѣніе отца своего, село Болдино, для принятія и оцѣнки той части его, которая была отдана ему Сергѣемъ Львовичемъ во владѣніе. Краткое пребываніе въ Петербургѣ осталось въ памяти Пушкина весьма долго. Тутъ въ послѣдній разъ видѣлся онъ съ Дельвигомъ, который при отъѣздѣ провожалъ его за заставу. Ни тотъ, ни другой не могли и подумать, что дружеское разставанье ихъ, еще исполненное разговоровъ о литературѣ—будетъ вѣчнымъ. Вотъ что писалъ Пушкинъ объ этой послѣдней бесѣдѣ ихъ:

«Я ѣхалъ съ В* изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10-го августа по утру мы вышли изъ города. В* долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.

«Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно—и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ осьмомъ часу и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче, головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.

«Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мѣлкіи. *La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa maniere de composer.* Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ Русская его Идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти [1]), была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ Лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса».

Москва уже опустѣла, когда Пушкинъ посѣтилъ ее на пути въ деревню. Прекратились веселья и замолкли праздники ея. Слухи о тяжелой болѣзни, еще въ первый разъ явившейся тогда въ Россіи и въ Европѣ, распространяли всеобщій страхъ, который теперь уже не имѣетъ прежнихъ поводовъ, а съ усиліями науки, вѣроятно, сдѣ-

---

[1]) Отставной солдатъ (Русская Идиллія), Сѣверные Цвѣты на 1830 годъ. Дельвигъ скончался, однакожъ, 14-го января 1831 года.

Digitized by Google

лается и вполнѣ неосновательнымъ. Но тогда холера занимала всѣ умы и какъ бываетъ обыкновенно съ неожиданными явленіями въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, получала толкованія несбыточныя, преувеличенныя и нелѣпыя. Самъ Пушкинъ смотрѣлъ на дѣйствіе болѣзни съ недоумѣніемъ и страхомъ, много думалъ и писалъ о ней, и вообще удостоивалъ ее вниманія, которое теперь, при частомъ ея появленіи, уже истощилось у современниковъ нашихъ. Едва пріѣхалъ онъ въ деревню, какъ очутился будто на островѣ, отдѣленный отъ города и столицъ карантинами. Вотъ что писалъ онъ, нѣсколько времени спустя, о болѣзни, поразившей его воображеніе, какъ и воображеніе почти всѣхъ его современниковъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательный отрывокъ изъ записокъ его:

«Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ Дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ Гусарской офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на Польскія грязи). Онъ много зналъ, чему научаются въ Университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: *Холера—morbus* подошла къ нашимъ границамъ и черезъ лѣтъ пять будетъ у насъ. О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году, старая Молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой болѣзни. Я сталъ его распрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей, но и животныхъ, но и самыя растенія, что она желѣзной полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, она зараждается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

«Такимъ образомъ въ дальнемъ уѣздѣ *** губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пятъ лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы.

«Спустя 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ Нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В* показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ

Digitized by Google

и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не. безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между Азіатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности. Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

«На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ въ половину свои товары, не успѣвъ перечитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ, можетъ быть, случилось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой.

«Едву успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 Октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ.... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

«Нѣсколько мужичковъ съ дубинами—охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ распрашивать ихъ, и доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.»

Этотъ листокъ записокъ еще не вполнѣ досказываетъ происшествіе: если дѣйствительно Пушкинъ выѣхалъ изъ Болдина вскорѣ послѣ 2 Октября, то онъ вернулся съ дороги назадъ, потому что въ Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, мы находимъ его, по другимъ бумагамъ, все еще въ Нижегородской деревнѣ [1]). Какъ бы то ни было, но взоры Пушкина постоянно устремлены были на Москву.

Когда государь императоръ соизволилъ въ самомъ разгарѣ повѣрія, собственнымъ личнымъ присутствіемъ въ Москвѣ, утѣшить и ободрить опечаленный народъ, Пушкинъ излилъ свое восторженное удивленіе въ извѣстнонъ стихотвореніи: *Герой*, которое послалъ

[1]) Замѣчаніе это подтверждается письмами къ М. П. Погодину, изъ которыхъ видно, что Пушкинъ еще два раза пробовалъ уѣхать въ Москву и всякій разъ возвращался назадъ.

Digitized by Google

въ Москву при письмѣ къ М. П. Погодину. Письмо это, отъ декабря 1830 года, сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ смерти поэта: Пушкинъ хотѣлъ, чтобы глубокое чувство удивленія было сбережено какъ святыня его сердца.

Между тѣмъ отдѣленный отъ всѣхъ близкихъ людей, Пушкинъ предался творчеству съ жаромъ и постоянствомъ, которые поистинѣ могутъ привести въ изумленіе. Ни одна еще осень въ его жизни не порождала столько разнородныхъ произведеній, и это обстоятельство само-по-себѣ свидѣтельствуетъ уже о свободномъ состояніи его духа. Безпокойство о положеніи особъ, драгоцѣнныхъ его сердцу, въ Москвѣ, одно нарушало гармонію его. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ образѣ жизни поэта нашего въ Болдинѣ. Полагаемъ, что глухое уединеніе, на которое онъ обрекъ себя въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, еще развило его обыкновенныя привычки по осени: долгія прогулки верхомъ, поздній обѣдъ, ночи, отданныя чтенію, и творческіе часы утра, проведенные въ постелѣ или по крайней мѣрѣ въ спальнѣ, съ перомъ и бумагой! Какъ бы то ни было, но Пушкинъ самъ удивлялся своей производительности. Извлекаемъ изъ краткой біографіи поэта, напечатанной въ Современникѣ 1838 года, томъ x, стр. 45, письмо его къ П. А. Плетневу, тамъ помѣщенное и писанное уже по возвращеніи Пушкина въ Москву:

«Скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около трицати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою (весьма секретное!) пять повѣстей (Повѣсти Бѣлкина).»

Мы имѣемъ другое письмо Пушкина къ барону Дельвигу съ выраженіемъ, можетъ быть, сильнѣйшаго довольства самимъ собою. Писано оно 4 ноября изъ Болдина и дополняетъ первое въ отношеніи извѣстій о литературныхъ его занятіяхъ:

«Посылаю тебѣ, Баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ Сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесенного,

Digitized by Google

намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получалъ журналовъ, *отсталъ отъ вѣка* и не знаю въ чемъ дѣло. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, ибо я все таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?) Скажи Плетневу, что онъ расцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе. Прощай, душа моя; на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что нибудь тебѣ пришлю. 4 ноября. P. S. Я живу въ деревнѣ, какъ въ островѣ, окурженный карантинами. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до Петербурга, но я объ этомъ не смѣю еще подумать.»

Въ перечетѣ своихъ произведеній, Пушкинъ пропустилъ только *«Лѣтопись села Горохина»* и едва намекнулъ на весь тотъ переборъ журнальныхъ мнѣній, который содержитъ собственное его воззрѣніе на нихъ, и такъ необходимъ для пониманія литературнаго образа мыслей поэта. Вскользь упомянулъ онъ и о мелкихъ стихотвореніяхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ сами по себѣ представляютъ большія поэмы. по внутреннему содержанію своему. Дѣятельность, по истинѣ, удивляющая разнообразіемъ мыслей, тоновъ, красокъ и пріемовъ своихъ!

Намъ предстоитъ еще объяснить и дополнить ее подробностями изъ черновыхъ рукописей Пушкина. Начинаемъ съ драмъ:

Скупой, Моцартъ и Сальери, Донъ-Жуанъ принадлежатъ къ ряду небольшихъ, но удивительно изящныхъ по формѣ и необычайно живыхъ по содержанію драмъ, которыхъ у Пушкина было гораздо болѣ, чѣмъ сколько напечатано. Мы имѣемъ несомнѣнное доказательство тому. На оборотной стараницѣ стихотворенія: «Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей» мы нашли перечетъ всѣхъ драмъ, написанныхъ имъ, изъ которыхъ только половина намъ извѣстна; другая или была истреблена авторомъ, или изложена вчернѣ и затеряна потомъ. Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеніямъ, еще не существующимъ. Любопытный реестръ, о которомъ говоримъ, написанъ карандашемъ рукой Пушкина, и здѣсь представляется читателямъ:

«Скупой.
Ромулъ и Ремъ,
Моцардъ и Сальери.
Донъ-Жуанъ.
. . . . . ,

Digitized by Google

Берольдъ Савойской.

. . . . . .

Влюбленный бѣсъ.

Дмитрій и Марина.

Курбскій».

Къ реестру должна принадлежать и одна переводная сцена: *Пиръ во время чумы* (четвертая сцена 1-го акта Уильсоновой трехъ-актной драмы: *The city of the Plague*), но и тутъ пѣсня Мери и пѣсня Президента принадлежатъ Пушкину, который покидаетъ своего автора еще до окончанія сцены его. У Англійскаго поэта, Мери поетъ длинную пѣсню на Шотландскомъ нарѣчіи, не имѣющую ничего общаго съ простодушной и сердце-раздирающей пѣснію, вложенной Пушкинымъ въ ея уста. Неизмѣримая разница въ талантахъ и крѣпости поэтическаго генія между обоими авторами, открывается особенно въ пѣснѣ Президента. Уильсонъ начинаетъ ее описаніями двухъ кораблей, сражающихся на морѣ, и двухъ армій, бьющихся на землѣ, бѣдствія и страсти которыхъ противополагаются ощущеніямъ заразы. Ни одного признака — подобнаго *придумыванья* мотивовъ и искусственнаго распространенія ихъ у Пушкина. Свободно и сильно вылетаетъ лирическая пѣснь его, полная отваги, безъ примѣненій и исканій по сторонамъ, хотя и сберегаетъ нѣкоторыя черты подлинника [1]):

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ. . . .

Это единственная переводная сцена Пушкина. Что касается до другой, то она требуетъ особеннаго поясненія. Пушкинъ, какъ извѣстно, приписывалъ и «*Скупаго*», какъ прежде называлась драма, Ченстону и указалъ на трагедію: «*The caveteous Kingth*» какъ на первую мысль своего произведенія, но до сихъ поръ всѣ справки наши для отысканія этого источника остались безуспѣшны. Въ спискѣ предшественниковъ и современниковъ Шекспира на драматическомъ поприщѣ, обыкновенно прилагаемомъ къ полнымъ изданіямъ твореній

[1]) Любопытные могутъ повѣрить наши слова въ Сборникѣ, изданномъ въ Парижѣ въ 1829 году подъ названіемъ: «The poeticale works of Milman. Bowles Wilson and Barry Cornwall»

Digitized by Google

его, въ числѣ 39 именъ не находится ни имени Ченстона, ни трагедіи, ему приписываемой Пушкинымъ. Въ концѣ 17 столѣтія послѣ перерыва, произведеннаго реформаціей, являются опять въ Англіи трагики Шекспировской школы, но между именами Драйдена, Роу, Конгрева, Отвая, *etc.*, напрасно стали бы искать имени и трагедіи Ченстона. Съ Адиссона наступаетъ подраженіе французскимъ классикамъ, и объ этомъ періодѣ англійской словесности говорить нечего. Точно такое же молчаніе въ отношеніе Ченстона сохраняютъ и всѣ диксіонеры: *Conversations Lexicon*, *Biographie universelle* и проч. [1]). Самъ Пушкинъ въ бумагахъ своихъ никогда не обозначалъ драму свою, какъ переводъ, между тѣмъ какъ «Пиръ во время чумы» онъ постоянно называетъ по-англійски въ сокращенномъ видѣ: «*The Plague.*» Не маловажно для разъясненія дѣла и то, что Пушкинъ сочинялъ, придумывалъ названіе Ченстоновой трагедіи, чего, разумѣется, не могло бы случиться, если бы трагедія дѣйствительно существовала. Такъ онъ написалъ на заглавномъ листѣ послѣ титла: «Скупой» и эпиграфа изъ Державина, слѣдующую фразу въ скобкахъ: *The cavetous Kinght* безъ имени Ченстона. Не довольствуясь этимъ, онъ зачеркнулъ прилагательное «*cavetous*», однакожъ при печатаніи драмы въ Современникѣ 1836 г. (томъ первый) прилагательное снова очутилось, но съ другимъ правописаніемъ «*The caveleous Knigth*». Всего этого, разумѣется, не могло бы случиться, если бы нужно было только списать просто заглавіе подлинника. Тогда же явилось и имя Ченстона, да и самый Скупой сдѣлался уже «Скупой Рыцарь». Такого рода проба заглавія указываетъ на соображеніе и придумываніе источника уже послѣ созданія, особенно когда вспомнимъ, что рукопись наша, помѣченная числомъ: «23 октября 1830, Болдино», есть послѣдняя перебѣленная рукопись, съ которой драма уже печаталась въ журналѣ. Причину, понудившую Пушкина отстранить отъ себя честь первой идеи, должно искать, какъ мы слышали, въ боязни примѣненій и неосновательныхъ толковъ, что у него часто было поводомъ къ неизъяснимому потворству толпѣ, которую съ другой стороны онъ такъ много презиралъ въ стихахъ своихъ. Мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ подобной суевѣрной робости въ лите-

[1]) Въ англійской литературѣ есть имя, похожее на имя, выдуманное Пушкинымъ—это Шенстонъ (Schenstone), авторъ довольно приторныхъ идиллій, жившій въ прошломъ столѣтіи. Лучшимъ его произведеніемъ, и весьма справедливо, считается пьеса, подъ названіемъ: «Школьная Учительница» (The school-mistress).

Digitized by Google

ратурныхъ его произведеніяхъ. Вотъ еще новые: Рославлева своего, написаннаго просто изъ негодованія на вялую передачу г-мъ Загоскинымъ происшествія, весьма живаго и романическаго въ самомъ себѣ, онъ назвалъ: «Отрывокъ изъ записокъ одной дамы» и еще прибавилъ: съ Французскаго (см. Современникъ 1836 года, томъ III); къ извѣстной, прекрасной своей пьесѣ «Цыганы» (*Надъ лѣсистыми брегами*) сдѣлалъ также указаніе «съ Англійскаго», хотя она принадлежитъ къ поэтическимъ воспоминаніямъ изъ его собственной жизни. Мы имѣемъ одно неизданное стихотвореніе Пушкина, гдѣ объясняется его манера произвольныхъ указаній очень ясно и наивно. Сверху пьесы своей Пушкинъ написалъ сперва: «Изъ *Alfred Musset*», а потомъ замѣнилъ это другимъ указаніемъ: «*Изъ IV Пиндемонте*», но стихотвореніе все-таки не имѣетъ ничего общаго съ обоими выбранными и столь противоположными между собой авторами [1]).

«*Моцартъ и Сальери*» явился въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1832, съ помѣткой: 26 октября 1830, однакоже безъ обманчивой ссылки на источникъ, хотя это было еще первая драматическая сцена Пушкина, съ которой знакомилась публика, если исключимъ: «Новую сцену къ Фаусту», напечатанную прежде (Московскій Вѣстникъ 1828 г.). Клочекъ бумажки, оторванный отъ частной и совершенно незначительной записки, сохранилъ нѣсколько словъ Пушкина, касающихся до сцены. Любопытно видѣть на какомъ незначительномъ основаніи созданъ былъ этотъ превосходный драматическій отрывокъ.

«Въ первое представленіе Донъ-Жуана, пишетъ Пушкинъ, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью.

«Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ [2]). Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ будто-бы въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.

«Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца».

---

[1]) Для окончательнаго объясненія дѣла, мы сносились посредствомъ одного изъ нашихъ знакомыхъ съ издателями «*Athaenaeum*» въ Англіи, прося у нихъ свѣдѣній о загадочномъ Ченстонѣ. Отвѣтъ былъ таковъ вкратцѣ: «Вашъ великій поэтъ подшутилъ надъ своей публикой, сославшись на небывалаго въ Англіи писателя».

[2]) Въ 1825 году 7 мая (Изъ Conversations L.)

Digitized by Google

Слова эти, можетъ быть, начертаны въ видѣ возраженія тѣмъ изъ изъ друзей его, которые безпокоились на счетъ поклепа, взведеннаго на Сальери въ новой пьесѣ [1]). Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить рѣзкій приговоръ Пушкина о Сальери, не выдерживающій ни малѣйшей критики. Вѣроятно къ спору, тогда возникшему, должно относиться и шуточное замѣчаніе Пушкина: «Зависть сестра соревнованія—стало быть изъ хорошаго роду». Не входя теперь въ разборъ вопроса о степени предположеній, дозволенныхъ автору при выводѣ историческаго лица, скажемъ, что если со стороны Пушкина было какое-либо преступленіе передъ Сальери, то преступленія такого рода совершаются безпрестанно и самыми великими драматическими писателями. Такъ Елизавету Англійскую сдѣлали типомъ женской ревности и преимущественно одной этой страстью объяснили погибель Маріи Стюартъ, едва упоминая о всѣхъ другихъ поводахъ къ тому. Если тутъ есть порокъ, то онъ уже скрывается въ сущности исторической драмы вообще, которая, взявъ лице изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни, принуждена заниматься развитіемъ только одной основной черты его характера и пренебречь всѣмъ прочимъ. Пушкинъ, какъ будто чувствуя это, колебался въ выборѣ заглавія для своей пьесы. Первоначально онъ назвалъ ее просто: «*Зависть*», словно желая отстранить или ослабить историческую провѣрку лицъ, въ ней дѣйствующихъ. Вѣроятно, понявъ безполезность уловки, онъ далъ уже ей настоящее ея заглавіе: «Моцартъ и Сальери».

Почти несомнѣнно, что *Каменный Гость* или *Донъ Гуанъ*, по правописанію Пушкина, употребленному только въ этотъ разъ, былъ выведенъ на свѣтъ мыслію о Моцартѣ, съ именемъ котораго такъ неразлучно онъ связанъ. Драма эта окончена Пушкинымъ въ Болдинѣ 4-го ноября 1830, а не 1836 года, какъ указано прежними издателями, что произошло отъ ошибочнаго чтенія послѣдней цифры. Въ 1836 году Пушкинъ не былъ въ Болдинѣ. Между прочимъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій пропущена одна строфа изъ монолога Донъ Гуана, находящаяся какъ въ рукописи Пушкина, такъ и въ альманахѣ книгопродавца Смирдина 1839 года: «*Сто русскихъ Лите-*

---

[1]) Къ числу ихъ принадлежалъ напр. П. А. Катенинъ. Въ запискѣ своей онъ смотритъ на драму Пушкина съ чисто юридической стороны. Она производила на него точно такое же впечатлѣніе, какое производитъ краснорѣчивый и искусный адвокатъ, поддерживающій несправедливое обвиненіе.

Digitized by Google

раторовъ», гдѣ драма впервые были напечатана, уже два года спустя послѣ смерти ея автора. Дальнѣйшія замѣчанія о различныхъ редакціяхъ этого произведенія читатель найдетъ въ нашихъ примѣчаніяхъ къ нему. Что касается до самой драмы, то по правилу, принятому нами, мы удерживаемся отъ оцѣнки и разбора ея, но не можемъ не сказать, что глубокое, поэтическое проникновеніе автора въ жизнь и нравы Испаніи затемнило въ глазахъ читателей другихъ понятій и другаго неба существенную часть ея красоты. Быстрый переходъ Доны Анны отъ недовѣрчивости къ забвенію своего долга и къ примиренію, притворная любовь героя, еще выражающаяся мелодическимъ, увлекательнымъ языкомъ истинной страсти, все это было ново. Пушкинъ видѣлъ въ Донъ Гуанѣ почти тоже, что Моцартъ: геніальнаго человѣка, обратившаго только всѣ свои дары въ одну сторону, Рафаэля любви и нѣжныхъ связей, если смѣемъ такъ выразиться. Изящный, вкрадчивый и вдохновенный въ минуты исканій и замысловъ своихъ, Донъ Гуанъ Пушкина принадлежитъ ему одному и ничего общаго съ другими созданіями, извѣстными подъ этимъ именемъ, не имѣетъ.

Читатель уже замѣтилъ, что Скупой Рыцарь носитъ помѣтку: 23-го октября 1830 года, Моцартъ и Сальери: 26-го октября 1830, Каменный Гость 4-го ноября 1830 года. Все это неболѣе какъ помѣтки, означающія время окончательнаго исправленія рукописей и нисколько не указывающія настоящей эпохи созданія. Иначе приходилось бы три дня труда для Моцарта, восемь дней для Каменнаго Гостя, что при извѣстномъ, долгомъ осмотрѣ своихъ произведеній у Пушкина, допустить нельзя. Время настоящаго созданія могли бы только указать черновыя рукописи его, но ихъ нѣтъ въ бумагахъ поэта, а сохранились однѣ уже перебѣленныя копіи ихъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ ключъ для поясненія многообразной производительности Пушкина въ Болдинѣ, которая безъ того была бы не понятна. Нѣкоторыя части драмъ, статься можетъ, написаны были имъ вчернѣ ранѣе 1830 года; къ Болдинскому пребыванію относится только ихъ окончательное исправленіе. Съ полнымъ убѣжденіемъ можно, по крайней мѣрѣ, утверждать, что планъ и содержаніе ихъ заготовлены прежде и на долю осени 1830 года приходится только ихъ художественное исполненіе. Самый реестръ драмъ, недавно приведенный нами, кажется составленъ не только ранѣе 1830, но даже ранѣе 1829 года. Въ немъ пропущенъ одинъ драматическій отрывокъ «Русалка», вѣроятно потому, что не было и мысли о намъ, но первые стихи,

Digitized by Google

первые зачатки Русалки мы нашли въ тетрадяхъ поэта, принадлежащихъ къ 1829 году. Такъ самый реестръ, по нашему мнѣнію, долженъ предшествовать этому году и тѣмъ правдоподобнѣе становится это заключеніе, что мысль о «*Димитріѣ и Маринѣ*» и о «*Курбскомъ*» должна было занимать Пушкина вскорѣ послѣ Бориса Годунова. Все это не покажется страннымъ, если мы вспомнимъ, что Пушкинъ призналъ въ себѣ дрматическій талантъ еще съ «Цыганъ». Онъ говорилъ друзьямъ своимъ, что послѣ Цыганъ ему самому вдругъ открылась новая дорога, о которой онъ и не помышлялъ прежде. Цѣпь драмъ, созданныхъ имъ съ 1825 по 1830, была естественнымъ результатомъ этого вдохновеннаго открытія и ограничивать ее однимъ годомъ нѣтъ уже никакой возможности.

Съ 1831 являются у Пушкина признаки другаго направленія. Драма была уже пережита и ея мѣсто мало-по-малу начинаетъ заступать эпопея, на что укажемъ еще въ своемъ мѣстѣ, но драмы Пушкина остаются попрежнему однимъ изъ многихъ правъ его на нашу благодарность. Въ каждой изъ нихъ заключена основная поэтическая мысль, къ которой стремятся, какъ къ путеводной звѣздѣ, всѣ сцены и лучи которой проникаютъ всѣ частности, мысли и замѣтки произведенія. Простая, весьма несложная постройка ихъ обдумана изумительно и составляетъ особенное наслажденіе для тѣхъ, которые умѣютъ наслаждаться *планами* сочиненій, такъ высоко цѣнимыми и самимъ Пушкинымъ. Въ 1830 году онъ думалъ собрать драматическіе отрывки и издать ихъ отдѣльной книжкой. Онъ уже приготовлялъ заглавный листокъ для нихъ, разукрашенный, по извѣстному его обыкновенію разрисовывать свои рукописи—изображеніемъ рыцаря въ доспѣхахъ и головы пожилаго мужчины. На листкѣ этомъ мы читаемъ слова, которыми Пушкинъ приноровлялся къ оглавленію и, такъ сказать, пробовалъ его; «Драматическія сцены, Драматическіе очерки, Драматическія изученія, Опытъ Драматическихъ изученій.» Невольно представляется вопросъ: какъ было бы принято тогда неожиданное появленіе драмъ Пушкина вполнѣ, если бы намѣреніе его состоялось?

Переходимъ къ тѣмъ сценамъ или отрывкамъ реестра нашего, которые утеряны для насъ, чему, можетъ-статься, причиною былъ и самъ Пушкинъ. Нельзя не подумать, что онъ самъ истребилъ опыты, которыми былъ не доволенъ, выбравъ въ Болдинѣ, для окончательной отдѣлки, только такіе, которые удовлетворяли собственному его взыскательному чувству. Остается сказать не много по поводу этихъ, уже

Digitized by Google

не существующихъ произведеній. Замѣтимъ напримѣръ, что между заглавіями ихъ встрѣчается одно необъяснимое: *Берольдъ* или *Беральдъ* Савойскій. Имя это намъ совершенно незнакомо. Предоставляемъ людямъ, болѣе насъ опытнымъ и библіофиламъ, объяснить его, что напрасно старались сдѣлать мы сами, и пока остаемся при мнѣніи, что герой предполагавшейся сцены—лицо выдуманное. Проектъ написать драматическую сцену: Димитрій и Марина былъ уже извѣстенъ и до открытія списка драмъ. Вспомнимъ обѣщаніе, изложенное Пушкинымъ во французскихъ письмахъ 1829 года, по поводу Годунова: тамъ онъ говоритъ, что намѣренъ еще возвратиться къ обѣимъ этимъ личностямъ, которыя сильно занимали тогда его воображеніе. Весьма жалко, что при имени Курбскаго Пушкинъ не объяснилъ, котораго Курбскаго имѣлъ онъ въ виду: историческаго ли изгнанника, или того молодаго красавца, который является въ хроникѣ «Борисъ Годуновъ», и съ европейскимъ образованіемъ, съ западнымъ воспитаніемъ своимъ, долженъ былъ составлять лицо трагическое въ настоящемъ своемъ отечествѣ. Вотъ все, что можно замѣтить по поводу неизвѣстныхъ драмъ Пушкина.

Драмы были настоящимъ высокимъ трудомъ этой осени; а отдохновеніемъ поэта можно считать: *Повѣсти Бѣлкина*, *Лѣтопись села Горохина*, *Домикъ въ Коломнѣ*, написанные въ то же время. Повѣсти Бѣлкина должно разбирать теперь только со стороны слога, изложенія, а не содержанія, которое отъ качествъ того и другаго заимствовало все свое значеніе. Такъ понималъ ихъ и самъ авторъ. Тонкая иронія, лукавый и вмѣстѣ добродушный юморъ ихъ, простота языка и средствъ, употребляемыхъ авторомъ для сцѣпленія и развитія происшествій,—заслуживаютъ и теперь вниманія. Очерки и краски повѣстей Бѣлкина чрезвычайно нѣжны и, послѣ яркой живописи Гоголя, надо уже вниманіе и зоркость любителя, чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству. Въ Лѣтописи села Горохина, начатой 31-го октября, они замѣтно крѣпчаютъ, особливо съ перехода къ разсказу о баснословной эпохѣ Горохина. Для насъ эта, къ сожалѣнію, неконченная повѣсть еще замѣчательна и тѣмъ, что въ ней поэтъ обратился къ простой дѣйствительности и къ быту, въ которомъ прежде, да и потомъ, искалъ только родниковъ поэзіи и тайнъ живописнаго языка. Прозаическая сторона этого быта нашла въ лѣтописи Горохина, не смотря на веселый, насмѣшливый ея тонъ, истинное сочувствіе, какъ и должно было ожидать отъ человѣка съ многостороннимъ умомъ и сердцемъ, но въ повѣсти особенно замѣтно, что авторъ осматриваетъ свой пред-

Digitized by Google

метъ свысока, описываетъ его и глядитъ на него постоянно съ верху внизъ. Иронія его добродушна и благородна, но это еще не юморъ, порождаемый тѣсною, родственной жизнію съ предметомъ. Читая изображеніе деревенскаго быта у Пушкина, невольно вспоминаешь превосходныя строфы Онѣгина, въ которыхъ съ такимъ сожалѣніемъ замѣчаетъ поэтъ нашъ, что мысль его уже клонится къ простымъ, непышнымъ картинамъ, къ дѣйствительности скромной и не мечущейся въ глаза.

Иныя нужны мнѣ картины,
Люблю песчаный косорогъ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ и проч.

Съ какимъ горькимъ чувствомъ подмѣтилъ онъ, что бытъ, далеко противоположный поэзіи Байрона и Шенье, тянетъ его къ себѣ невѣдомой силой:

Порой дождливою намедни
Я завернулъ на скотный дворъ....
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи фонтанъ Бахчисарая!
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ....

Тоже самое чувство, по нашему мнѣнію, сквозитъ и въ самой веселости Пушкина, когда чертитъ онъ картины, подходящія къ пестрому сору фламандской школы. Мы полагаемъ даже, что тайное раскаяніе поэта и особенно опасеніе злыхъ сближеній, были причинами—почему Лѣтопись села Горохина, пренебреженная и забытая самимъ авторомъ, явилась уже послѣ смерти его въ томъ неоконченномъ видѣ, какой знаемъ [1]) Нельзя не пожалѣть искренно объ этомъ обстоятельствѣ. По довольно запутанной программѣ ея, которую затѣмъ и не прилагаемъ, видно, что Пушкинъ хотѣлъ заставить владѣтеля Горохина, г. Бѣлкина, разсказать жизнь и хозяйство своего прадѣда, дѣда и отца. Всѣмъ извѣстно, какъ дорожилъ Пушкинъ

[1]) Лѣтопись Села Горохина напечатана впервые въ 1837 году, Современникъ томъ VII.

Digitized by Google

извѣстіями о нравахъ и бытѣ старины, съ какой любовью и вниманіемъ собиралъ черты для характеристики прошлыхъ временъ и какъ мастерски воспроизводилъ ихъ. Пренебреженіе, въ которомъ оставилъ онъ свою Лѣтопись, лишила насъ вѣроятно и тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, нѣсколькихъ мастерскихъ страницъ, которыя являлись у него тотчасъ, какъ переходилъ онъ на почву историческаго романа. Ранѣе своей Лѣтописи и Повѣстей Бѣлкина, Пушкинъ написалъ еще стихотворную повѣсть: «Домикъ въ Коломнѣ», которая кончена въ Болдинѣ 9-го октября. Каждый день октября мѣсяца, повидимому, преисполненъ былъ неистощимаго вдохновенія. Домикъ въ Коломнѣ, впрочемъ, начатъ былъ еще въ предшествующемъ году, а напечатанъ въ альманахѣ: «Новоселье» (1833 г.), съ выпускомъ 13-ти октавъ [1]). Надъ этими выброшенными строфами, Пушкинъ надписалъ въ рукописи: «Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной.» Изъ этихъ словъ можно заключить, что онъ хотѣлъ подѣлиться ими съ публикой; но обязанность эта уже выпала на нашу долю [2]). Въ нихъ Пушкинъ представляется намъ съ новой стороны. Не заботясь о достиженіи художнической цѣли, онъ отдается вполнѣ теченію мыслей и перу своему, но какая тонина и беззлобивость шутки, какой превосходный, нравственный профиль, прикрыты этой сѣтью октавъ, едва набросанныхъ, и какъ она свѣтятся въ этомъ стихѣ на распашку! Тотъ же характеръ отражается и въ самой повѣсти. Когда въ сокращенномъ видѣ напечатана она была въ «Новосельѣ» 1833 года, то почти всѣми принята была за признакъ конечнаго паденія нашего поэта. Даже въ обществахъ старались не упоминать объ ней въ присутствіи автора, щадя его самолюбіе и покрывая снисхожденіемъ печальный фактъ преждевременной потери таланта. Пушкинъ все это видѣлъ, но уже не сердился и молчалъ. Толки и мнѣнія онъ предоставилъ тогда собственной ихъ участи—повѣркѣ и дѣйствію времени.

---

[1]) Первая мысль объ этомъ стихотвореніи должна быть отнесена даже ко времени прибытія автора изъ Царскаго Села въ Петербургъ, тотчасъ по выпускѣ изъ лицея. Онъ тогда жилъ дѣйствительно у Покрова, въ сосѣдствѣ той пышной красавицы, которая, какъ онъ выразился въ стихотвореніи,

«Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!).

[2]) См. Приложеніе VII къ матеріаламъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXIV.

Продолженіе того же. Болдино 1830 г. Пересмотръ полемическихъ статей журналовъ: Замѣтки Пушкина на критики его сочиненій. — Возраженія собранныя въ его «Запискахъ». — Замѣтки Пушкина по поводу упрековъ въ безчинности и неприличіи его сочиненій. — Слова его объ этомъ предметѣ. — Слова его по поводу первыхъ произведеній Альфреда де Мюссе. — Замѣчанія Пушкина о современной французской литературѣ, о Беранже, Ламартинѣ, Сенъ-Бевѣ. — Признаніе Пушкина, что критическія статьи журналовъ волновали его. — Изъ филологическихъ опроверженій Пушкинъ воспользовался пятью указаніями.

Въ 1830 году онъ рѣшился на досугѣ, въ деревнѣ, пересмотрѣть все, что о немъ было писано въ журналахъ нашихъ литературнаго и нелитературнаго. Плодомъ этого занятія остались тѣ замѣтки, которыя въ посмертномъ изданіи его сочиненій напечатаны подъ рубрикой: «Отрывки изъ записокъ Пушкина» и притомъ напечатаны довольно безпорядочно: оглавленія статей вошли тамъ въ текстъ, замѣтки о двухъ разныхъ предметахъ сбиты вмѣстѣ, собственныя имена перепутаны и проч. Приведенныя въ нѣкоторый хронологическій порядокъ и провѣренныя съ рукописями, замѣтки эти составляютъ теперь довольно любопытную картину современныхъ поэту толковъ и мнѣній, и драгоцѣнны какъ матеріялъ для исторіи литературы, и какъ матеріялъ для біографіи. Правда, они далеко еще не исчерпали всего, что произвела отечественная критика въ отношеніи произведеній нашего поэта, оставивъ безъ вниманія самый любопытный отдѣлъ ея: поводы и причины ея восторга при первыхъ опытахъ его. Пушкинъ обратилъ преимущественно вниманіе только на двѣ яркія черты современной ему критики: филологическія прицѣпки къ словамъ и на требованіе *чинности*, преслѣдовавшія его съ самаго вступленія на литературное поприще. Мы говоримъ *чинности*—въ отличіе отъ *приличія*, которое есть первый долгъ каждаго писателя и которому Пушкинъ съ умысломъ никогда не измѣнялъ, какъ толь-

Digitized by Google

ко выходилъ передъ публикой. Требованія *чинности* или лучше *чопорности*, начавшіяся съ появленія Руслана и Людмилы, за тѣмъ уже не умолкали: они не оставили въ покоѣ, какъ уже видѣли, самую Полтаву и не отступили даже передъ Борисомъ Годуновымъ. Въ одномъ изъ довольно дѣльныхъ разборовъ Бориса Годунова, которому только вредитъ его противуэстетическая форма (см. Журналъ Телескопъ 1831, часть 1, критика, стр. 571), сцена свиданія Самозванца съ Мариной еще найдена неприличной. *Возрастающее безуміе Самозванца и возрастающая наглость Марины* выводятъ критика изъ терпѣнія, который восклицаетъ наконецъ: *Ну на что это похоже?* и проч.—Около 1830 года легкая ежедневная рецензія уже почти только и производилась во имя *дамъ высшаго круга, молодыхъ людей*, и проч., но это была только уловка полемики, потому что никакихъ основательныхъ поводовъ къ защитѣ ихъ не было и не могло быть, особенно у Пушкина. Въ своемъ широкомъ, ясномъ и благородномъ ворчествѣ онъ былъ доступенъ всѣмъ чтецамъ,—и вотъ что писалъ, въ томъ же 1830 году: «Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные. Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность. Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціяльной вѣжливости возбудили бы общую улыбку. Незабавно ли видѣть нашихъ опекуновъ высшаго общества»? Въ словахъ этихъ, извлеченныхъ изъ неконченной полемической статьи, хорошо видѣнъ человѣкъ, поражавшій соединеніемъ геніальности съ простотой характера, обращенія и языка.

Въ 1830 году Пушкинъ встрѣтилъ первыя произведенія Альфреда-де-Мюссе съ особеннымъ участіемъ. Находя возможность сказать по поводу французскаго автора нѣсколько словъ о своихъ отношеніяхъ къ тогдашней полемикѣ, онъ написалъ въ Болдинѣ слѣдующія строки, съ которыми, конечно, нельзя согласиться во всемъ. Онѣ порождены досадою на журнальныя придирки и принадлежатъ скорѣе къ плану косвеннаго отраженія ихъ, чѣмъ къ настоящему обсужденію предмета, но и въ этомъ видѣ еще замѣчательны: «Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя, благочествыя размышленія, подъ залуженнымъ названіемъ *Harmonies religilieuses*; между тѣмъ какъ важный *Victor Hugo* издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя сти-

Digitized by Google

хотворенія (*Les Orientales*); между тѣмъ какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ,—вдругъ явился молодой поэтъ, съ книжечкой сказокъ и пѣсенъ, и произвелъ *недоумѣніе*.... Какъ приняли молодаго проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлію объяснить, сколь не похвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ, что вѣроятно семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга, что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ Мм Гг.» [1]).

---

[1]) Пушкинъ еще продолжаетъ въ отрывкѣ разборъ сочиненій Альфреда де Мюссе: «Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночнаго свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ: *Les marrons du feu* обѣщаетъ Франціи *романтическаго* трагика. А въ повѣсти *Mardoche*, Musset, первый изъ французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горація: *Difficile est propria communia dicere*, какъ понялъ ихъ Англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: *трудно прилично выражать обыкновенные предметы. Communia* значитъ не *обыкновенные* предметы, но *общіе всѣмъ* (Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ въ противоположность предметамъ вымышленнымъ)»... Такимъ образомъ извѣстный стихъ Горація въ его посланіи къ Пизону (Art poet) выражаетъ, по мнѣнію Пушкина, не то, чтобы тяжело было говорить о маловажныхъ предметахъ, а мысль, что тяжело говорить о предметахъ общеизвѣстныхъ.

Кстати уже изложить здѣсь мнѣніе поэта о современныхъ писателяхъ Франціи вообще. Съ 1831 года становится въ немъ замѣтно нерасположеніе къ представителямъ ея поэтической дѣятельности. «Всѣмъ извѣстно, пишетъ онъ около этого времени въ видѣ программы для статьи, что французы народъ самый антипоэтической. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: *Монтань*, *Монтескье*, *Вольтеръ*, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта.... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы

Digitized by Google

Можно удивляться, по прошествіи уже довольно долгаго промежутка времени, тому, что неосновательная молва способна была такъ сильно занимать Пушкина, но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида пылкаго, сангвиническаго характера его, на который горько и глубоко ложились всѣ жизненныя, даже ничтожныя противорѣчія. Съ удивительнымъ добродушіемъ выразилъ онъ самъ эту способность принимать къ сердцу и такія стрѣлы, которыя не должны были бы, по видимому, касаться его. «Будучи Русскимъ писателемъ, говорилъ онъ, я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей Литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные, и вѣроятно, искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ. Къ несчастію замѣчалъ я, что по большей части, мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня, какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, *удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.*» Еще сильнѣе и можетъ

изумимся ихъ бѣдности...» По статьѣ Пушкина «О Мильтонѣ», мы уже знаемъ его мнѣніе о Викторѣ-Гюго и объ Альфредѣ-де-Виньи. Вотъ что писалъ онъ о Ламартинѣ: «Ламартинъ скучнѣе Юнга и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ 10 — его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ». Всего замѣчательнѣе, что Пушкинъ не признавалъ поэтомъ и Беранже, по причинѣ весьма характеристической. Онъ ставилъ въ упрекъ веселому и остроумному пѣсеннику, произведенія котораго цѣнилъ ниже *«прелестныхъ шалостей Коле»*, особенно то обстоятельство, что *«не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго»*. Присутствіе этихъ качествъ было такъ важно въ глазахъ Пушкина, что, предполагая ихъ въ Делормѣ, онъ считалъ произведеніе С. Бева чуть ли не самымъ замѣчательнымъ явленіемъ во французской литературѣ, послѣ сочиненій Мюссе. Черта, много объясняющая и самого Пушкина, какъ писателя. Кстати сказать: Литературная Газета 1830 и 1831 года заключаетъ двѣ статьи, подписанныя буквою: Р, какой были подписаны впослѣдствіи: «Скупой Рыцарь» Пушкина и «Пиковая Дама». Первая статья есть разборъ Исторіи Русскаго народа г. Полеваго (Литер. Газ. 1830, № 4). Вторая есть рецензія произведеній С. Бева: *Vie, poésies et pensées de Dolorme* и *Les Consolations* (Литер. Газ. 1831, № 32). Мы не приписываемъ ихъ Пушкину, не имѣя для этого никакихъ данныхъ, но находимъ въ нихъ сходство съ его образомъ мыслей.

Digitized by Google

быть, еще добродушнѣе выразилось это качество пріимчиваго и необычайно чувствительнаго сердца въ слѣдующей откровенной замѣткѣ: «Въ одной газетѣ объявили, что я собою весьма не благообразенъ и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, *хотя она меня глубоко тронула.*» И наконецъ общую мысль всѣхъ напечатанныхъ его замѣтокъ, которыми теперь занимаемся и въ которыхъ читатель долженъ особенно замѣтить отсутствіе всякаго раздраженія и мелкой злобы, очень хорошо выражаетъ эпиграфъ изъ Соутэ, какимъ хотѣлъ начать ихъ Пушкинъ. Вотъ онъ: «Сколь не удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащищенія. *Southey*». Прибавимъ, что замѣтки начаты въ Болдинѣ 2 октября, стало быть, вмѣстѣ съ рядомъ всѣхъ художественныхъ произведеній, написанныхъ или доконченныхъ въ томъ же мѣсяцѣ.

Въ отношеніи филологическихъ указаній и изслѣдованій критики, Пушкинъ подвелъ имъ общій итогъ и благодарилъ за указаніе 5-ти грамматическихъ ошибокъ въ его сочиненіяхъ. Вся груда журнальныхъ разсужденій, весьма любопытныхъ, какъ мы видѣли уже изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, сводится, по мнѣнію поэта, на эту скромную цифру и самъ онъ въ рукописи прилагаетъ перечень своимъ недосмотрамъ: «1) *Остановлялъ взоръ на отдаленныя громады.* 2) *На темѣ горъ*, вм. темени. 5) *Воилъ* вм. вылъ, 4) *Былъ отказанъ* вм. ему отказали и 5) *Игумену* вм. Игумну [1]).» Таковъ результатъ многихъ годовъ письма, многаго шума и многихъ соображеній тогдашней филологіи: онъ все-таки значительнѣе того, что осталось послѣ эстетической критики этого времени!

---

[1]) Въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», въ первомъ изданіи находимъ стихъ:

Остановлялъ онъ долго взоръ
На отдаленныя громады,

торый замѣненъ былъ впослѣдствіи такимъ:

Втерялъ онъ неподвижный взоръ etc.

Въ стихотвореніи «Буря» попался странный стихъ: «И вѣтеръ *воилъ* и леталъ», правленный потомъ такъ: «И вѣтеръ *бился* и леталъ.» Въ примѣчаніяхъ къ олтавѣ была совершенно неправильная фраза: «*Мазепа сваталъ свою крестницу, но былъ отказанъ.*» Посмертное изданіе исправило вторую половину фразы къ: «но ему отказали», а первую оставило попрежнему. При появленіи сцены ѣг описца изъ «Бориса Годунова», въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 г. въ ней былъ хъ: «*Онъ говорилъ Игумену* ъ *братьи*». Этотъ стихъ измѣненъ Пушкинымъ въ

Digitized by Google

ГЛАВА XXV.

Продолженіе того же. Болдино 1830 г. Вопросъ объ аристократизмѣ, связанный съ воззрѣніемъ на исторію. «Моя родословная». — Копія съ письма Екатерины II къ Ганнибалу. — «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ», помѣщенная въ «Запискахъ» Пушкина. — Взглядъ на Карамзина, какъ выраженіе собственныхъ его потребностей. — Отношеніе Пушкина къ историческимъ трудамъ и изслѣдованіямъ эпохи. — Причина высокаго уваженія къ ученымъ трудамъ и историческимъ драмамъ Погодина. — Свидѣтельство того же въ письмѣ къ Погодину о «Марѳѣ-посадницѣ».

Въ одно время съ замѣтками, Пушкинъ составлялъ извѣстную родословную своей фамиліи и писалъ ту стихотворную повѣсть своего дома, о которой покойный библіофилъ Безсоновъ такъ вѣрно говорилъ, что она, кажется, подслушана у Исторіи. Пьеса эта, извѣстная подъ названіемъ «*Моя родословная*», отличается, по замѣчанію того же критика, спокойнымъ, свѣтлымъ состояніемъ духа, не смотря на обманчивые полемическіе пріемы свои. Дѣйствительно, первая ея мысль принадлежитъ проекту отраженія какого-то намека, стало быть безплоднымъ и темнымъ отношеніяхъ эпохи, но въ процессѣ творчества поэтическій элементъ одолѣлъ первое побужденіе и совершенно уничтожилъ его въ собственной своей мысли. Основная причина, породившая пьесу, до того пропадаетъ изъ глазъ, что поэту надо упоминать объ ней отдѣльно отъ своей пьесы. Такъ онъ писалъ въ Болдинѣ: «Гдѣ-то сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго,

---

1831 г., при полномъ изданіи хроники, въ слѣдующій: *Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ.*» Кстати объ ошибкахъ. Самая странная была сдѣлана Современникомъ 1837 года, при передачѣ «Мѣднаго Всадника». Въ примѣчаніяхъ къ нему у Пушкина было сказано, что описаніе памятника Петру Великому заимствовано было однимъ Польскимъ поэтомъ изъ Рубана. Современникъ 1837 — напечаталъ: «изъ *Рыбака*», что не имѣло смысла. Такъ перешло и въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина.

Digitized by Google

наперсникъ его (*какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II*), Генералъ-Аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ и проч. былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то вѣроятно дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякой Русской произноситъ не всуе....» На другомъ листкѣ, носящемъ помѣтку: «16 октября 1830 года, Болдино», онъ повторяетъ то же самое замѣчаніе въ четверостишіи, но въ слѣдующихъ за нихъ строфахъ, совершенно освобождается отъ всякаго полемическаго направленія и переходитъ въ область чистой поэзіи:

«Сей Шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

* * *

Сей Шкиперъ дѣду былъ доступенъ
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ, не подкупенъ,
Царя наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ *впервые* Наваринъ!

Такъ и написана была вся эта пьеса, принадлежащая, по первому замыслу, къ заносчивымъ спорамъ того времени, по исполненію — міру свѣтлаго искусства.

Здѣсь покидаемъ на нѣсколько минутъ нашъ сборъ біографическихъ матеріаловъ, чтобъ представить читателямъ любопытный документъ, упоминаемый Пушкинымъ: копію съ письма императрицы Екатерина II къ А. П. Ганнибалу. Письмо во-первыхъ объясняетъ значеніе Ганнибала, какъ сподвижника Петра I-го и его отношенія къ великому Преобразователю Россіи, а во-вторыхъ само по себѣ принадлежитъ исторіи и, можетъ быть, не всѣмъ извѣстно. Копія найдена въ бумагахъ Пушкина; мы не знаемъ, въ чьихъ рукахъ находится теперь подлинникъ его.

Копія съ письма

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

«Абрамъ Петровичъ! Мнѣ не безъизвѣстно, что многіе чертежи въ сохраненіи вашемъ находилися, когда блаженныя памяти Госу-

Digitized by Google

даръ Петръ Великій, по способности вашей, употреблялъ васъ по многимъ дѣламъ; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего Великаго Государя и своей тогдашней при Немъ службы, сберегли въ своихъ рукахъ всѣ любопытства достойныя бумаги. А какъ мнѣ извѣстно же, что Онъ помышлялъ о строеніи канала отъ Москвы до Петербурха и ктому уже и проектъ здѣланъ былъ, то вы Мнѣ особливую благодарность здѣлаете, ежели, чертежъ тому отъискавъ (когда онъ у васъ былъ), пришлете ко Мнѣ со всѣми принадлежащими къ нему бумагами, хотя бы онъ въ чернѣ только былъ здѣланъ. Но ежели вы ничего о семъ дѣлѣ въ рукахъ своихъ не имѣли, то по крайней мѣрѣ укажите Мнѣ, гдѣ оный отъискать можно, который Я съ нетерпѣніемъ видѣть хочу.

Собственноручно.

Также естьли вы о семъ проектѣ отъ Его Величества разсужденіи слышали, прошу сколь вы о томъ вспомните, ко Мнѣ отписать. Остаюсь вамъ доброжелательная.

Екатерина.

2-го сентября 1765 года. Царское Село.

Отмѣтка: «собственноручно» и скобка при ней сдѣланы рукой А. С. Пушкина.

Возвращаемся къ предмету нашему. Отъ стихотворной пьесы: «Моя родословная»—къ извѣстной статьѣ Пушкина въ прозѣ, содержащей краткую повѣсть о Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, переходъ былъ естественъ, особливо у человѣка, который почти всякое изслѣдованіе пояснялъ еще поэзіей, и наоборотъ. Мы уже знаемъ, что Пушкинъ уважалъ справедливую гордость родомъ и происхожденіемъ вездѣ, гдѣ она дѣлается источникомъ нравственнаго достоинства и сочувствія къ прошлому своего отечества. Уваженіе къ предкамъ считалъ онъ единственной платой, на какую имѣютъ заслуженное право лица, исчезнувшія съ земли. Съ другой стороны, Пушкинъ былъ весьма далекъ отъ мысли гордиться даже пороками своихъ предшественниковъ, что иногда бываетъ отъ неправильнаго пониманія достоинства исторіи и своего собственнаго. Это доказывается самой «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ», гдѣ такъ откровенно и просто разсказалъ онъ, безъ всякой утайки, все что зналъ о ближайшихъ своихъ предкахъ. «Родословная» эта, подъ названіемъ: «Отрывки изъ дневника А. С. Пушкина», напечатана была впервые послѣ смерти

Digitized by Google

автора въ Сынѣ Отечества (1840, № 7.) и нѣкоторыя ошибочныя показанія ея вынудили извѣстное опроверженіе отца поэта, Сергѣя Львовича, опроверженіе, напечатанное въ Современникѣ 1840, № 3. По изъявленному тогда Сергѣемъ Львовичемъ убѣжденію въ несправедливости нѣкоторыхъ анекдотовъ, касающихся Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, они были выпущены при перепечаткѣ статьи въ посмертномъ изданіи 1838—41 года. Совсѣмъ тѣмъ «Родословная» остается образцомъ яснаго взгляда на предметъ и образцомъ мастерскаго историческаго изложенія нашего автора.

Здѣсь представляется возможность сказать нѣсколько словъ вообще объ отношеніяхъ его къ историческимъ изслѣдованіямъ и трудамъ той эпохи.

По свойству своего ума и особенно по свойству своего таланта, преобладавшаго надъ всѣми другими способностями, Пушкинъ искалъ вездѣ ясныхъ образовъ и положительныхъ результатовъ: отсюда его безграничное уваженіе къ свѣтлому труду Н. М. Карамзина и равнодушное отношеніе къ критической школѣ, появившейся за нимъ. Кто знаетъ, что Пушкинъ во всю свою жизнь никогда не былъ скептикомъ, тотъ пойметъ эту черту его жизни. Онъ не могъ долго стоять на полпути и предпочиталъ всякое объясненіе продолжительному недоумѣнію спора и запутанности его. Къ Карамзину приведенъ онъ былъ и требованіями эстетическаго рода. Теперь уже ясно, что нѣтъ никакой возможности созидать образы изъ недосказанныхъ намековъ критики, неразрѣшенныхъ опредѣленій и вообще изъ всего тяжелаго, предуготовительнаго труда ея. Для поэта необходимо лицо, совсѣмъ обдѣланное или исторіей, или преданіемъ: только тогда начинаетъ онъ свою работу открытія въ немъ психическихъ сторонъ, дополняющихъ и ту и другое, и только тогда избѣгаетъ онъ ошибки тѣхъ драмъ и романовъ, которые написаны съ цѣлью представить собственныя соображенія авторовъ на запутанныя историческія темы. Такимъ образомъ требованія нравственной природы, практической по преимуществу, и требованія таланта равно привели Пушкина къ Карамзину. Ими же отчасти поясняются и всѣ прочія его предпочтенія и наконецъ даже его ученыя вражды [1]).

Пушкинъ высоко цѣнилъ труды извѣстнаго историка нашего М. П.

---

[1]) Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь, что замѣтка о II томѣ Исторіи Русскаго Народа г. Полеваго, приведенная нами выше, написана тоже осенью 1830 года, въ Болдинѣ.

Digitized by Google

Погодина, съ которымъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Уваженіе его къ точному смыслу и къ самой буквѣ лѣтописей было, въ главахъ Пушкина, ручательствомъ за истину и достовѣрность выводовъ, хотя, съ другой стороны, Александръ Сергѣевичъ любилъ спорить съ ученымъ профессоромъ о данныхъ, представляемыхъ лѣтописями, толковать ихъ по своему и объяснять съ своей точки зрѣнія лица и происшествія. Какъ бы то ни было, но онъ писалъ ему, приглашая въ 1834 году раздѣлить съ собой труды по сбору матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. «Съ вашей вдохновенной дѣятельностію, съ вашей чистой добросовѣстностію — вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будетъ за васъ Бога молить, какъ за Шлецера и Ломоносова». Историческія драмы заслуженнаго профессора нашего цѣнились имъ чрезвычайно высоко, почти наравнѣ съ его учеными трудами — и по одной и той же причинѣ, имѣвшей въ глазахъ Пушкина необыкновенную важность: онѣ представляли характеры и лица, которыхъ можно распознать и о которыхъ потому судить можно; словомъ, существенность, которой онъ добивался во всякомъ произведеніи. Онъ писалъ къ М. П. Погодину въ 1832 году: «Мнѣ сказываютъ, что васъ гдѣ-то разбранили за Посадницу: надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили, Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика ниже даже и публики, не только самой литературы, сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было—непростительная слабость. Ваша «Марфа», вашъ «Петръ» — исполнены истинной драматической силы и если когда нибудь могутъ быть на сценѣ, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы холодные, сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ и представить себѣ не можемъ». Драма г. Погодина: «Марѳа Посадница» была переслана авторомъ ея въ Болдино, осенью 1830, по просьбѣ самого Пушкина, писавшаго оттуда: «Изъ Московскихъ вѣдомостей, единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу, любезный и почтенный М. П., что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ и опять *возвращался* на мой несносной островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ: пошлите мнѣ слово живое, ради Бога.... Никто мнѣ ничего не пишетъ. Ради Бога отпишите мнѣ въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію, то вы будете мнѣ благодѣтелемъ, истиннымъ благодѣтелемъ: я бы на досугѣ васъ

Digitized by Google

раскритиковалъ, а то ничего не дѣлаю» [1]). Пушкинъ не раскритиковалъ трагедію, но написалъ разборъ ея, впервые напечатанный по смерти его въ Москвитянинѣ, 1842, № 10: онъ очень любопытенъ, какъ образецъ пониманія Пушкинымъ приличій и эффектовъ Русской драмы. За разборъ Марѳы Посадницы онъ взялся чрезвычайно серьезно и хотѣлъ предпослать ему полную теорію драмы — почти тоже, что предполагалъ онъ сдѣлать для собственнаго Бориса Годунова. Изъ замѣтокъ его, набросанныхъ для будущей статьи, составилась та статейка о драмѣ, о который мы уже упоминали. Въ рукописи она кончается словами: «Но передъ нами лежитъ опытъ народной драмы» . . . т. е. Марѳа Посадница г. Погодина.

Имя Бориса Годунова напоминаетъ, что въ печатныхъ литератур-

---

[1]) Оба отрывка эти извлечены изъ переписки Пушкина съ М. П. Погодинымъ, о которой уже было говорено. Вотъ въ дополненіе къ нимъ еще третій, гдѣ восторгъ Пушкина, послѣ чтенія Марѳы, доходитъ до необыкновенныхъ размѣровъ: «Я было опять къ Вамъ попытался; доѣхалъ до перваго карантина, но на заставѣ смотритель протурилъ назадъ въ Болдино. Какъ быть! Въ утѣшеніе нашелъ я Ваше письмо и Марфу и прочелъ ее два раза духомъ. Ура!.... Я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ — я все-таки при томъ же мнѣніи: Марфа имѣетъ Европейское, высокое достоинство. Я разберу ее какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его, усѣченій, сокращеній— тьма. Но знаете ли? И это бѣда не бѣда. Языку нашему надобно дать воли болѣе. Разумѣется сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу чѣмъ чопорная наша правильность. Не посылаю вамъ замѣчаній.... Покамѣсть скажу вамъ, что антидраматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто: разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ. Іоаннъ не сохраняетъ величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хотя и Новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за-панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ.... Вы принуждены были даже заставить его изъясниться слогомъ, нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя.... О слогѣ упомяну я вкратцѣ.,.. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную.... Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли Русскую дипломатику! А Вѣче? А Посадникъ? А Князь Шуйскій? А Князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства Шекспировскзго.»

Кромѣ причины, указанной выше, восторгъ Пушкина еще поясняется и дѣйствіемъ, какое производили на него сочиненія, отличавшіяся живою страстію, пафосомъ. Такова была и трагедія г. Погодина. Участіе личныхъ отношеній въ сужденіи людей, столь впечатлительныхъ, каковъ былъ вообще Пушкинъ, тоже не должно быть забыто. Отвлеченная критика, почти всегда выпускающая изъ вида это обстоятельство, тѣмъ самымъ и лишена возможности оцѣнить правильно образъ мыслей писателя.

Digitized by Google

ныхъ замѣткахъ Пушкина находятся эти слова: «Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны, или искажены, въ подраженіяхъ.» Слова эти требуютъ поясненія. Когда писались они осенью въ Болдинѣ, трагедія Пушкина печаталась въ Петербургѣ и вышла въ свѣтъ 1-го января 1831 года, безъ предисловія, которое замышлялъ онъ присоединить къ ней и даже безъ обозначенія: трагедія ли это, драма или хроника. За-главный листъ носитъ только имя: «Борисъ Годуновъ», и послѣ помѣтки мѣста печатанія, года и типографіи, слова: Съ дозволенія Начальства». Борисъ Годуновъ вышелъ при всеобщемъ молчаніи. Общественное мнѣніе, ни кѣмъ не направляемое, притихло, Лучшій современный разборъ Бориса Годунова, какъ уже мы сказали, въ Телескопѣ 1831 года, принадлежалъ перу стараго противника Пушкина, критика, разбиравшаго Графа Нулина и Полтаву въ Вѣстникѣ Европы, и дѣйствительно произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе тѣмъ, что прежній хулитель обратился, съ нѣкоторыми оговорками, въ поклонника его, между тѣмъ какъ всегдашніе поклонники Пушкина мало по малу отходили отъ него и скрывались [1]).

---

[1]) Впрочемъ, это относится только къ литературнымъ мнѣніямъ. Матеріальная сторона предмета не испытала ущерба. Борисъ Годуновъ раскупался хорошо — можетъ быть, по причинѣ любопытства, возбужденнаго долгимъ его ожиданіемъ. Почти въ самый мѣсяцъ его выхода, Пушкинъ былъ въ Москвѣ и сказалъ въ одной частной запискѣ: «Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка!» Черезъ полгода одинъ изъ друзей, завѣдывавшій его литературными доходами, писалъ Пушкину въ Царское Село (отъ 25 іюля 1831 года), что за Бориса выручено 10000 р. ассигн. Наконецъ мы находимъ въ Литературной Газетѣ 1831 г. томъ III № 1, въ смѣси, слѣдующія слова: «Бориса Годунова соч. А. С. Пушкина въ первое утро раскуплено было, по показаніямъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ. Это доказываетъ, что непривѣтливые журналисты напрасно винятъ нашу публику за равнодушіе къ истинно-хорошему въ нашей литературѣ, и вообще ко всему отечественному.»

Digitized by Google

ГЛАВА XXVI.

Продолженіе того же. Болдино 1830 г. Отдѣльныя стихотворенія. Отдѣльныя стихотзоренія: «Пажъ или 15 годъ»; «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»; «Разлука»; «Разставанье»; «Мадона»; «Капризъ»; «Бѣсы». — «Осень» четыре послѣднія строфы «Онѣгина», «Трудъ». — Появленіе новаго рода произведеній съ характеромъ спокойно-поэтическихъ разсказовъ; — Первый образецъ: «Странникъ», «Подражанія Данту».—Дальнѣйшее развитіе эпическаго направленія, стихотвор. — «Полководецъ», «Онъ между нами жилъ», «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ», начало поэмы «Стамбулъ гяуры нынче славятъ». — Что значило у Пушкина заимствовать и подражать. — «Пью за здравіе Мери»; «Я здѣсь, Инезилья»; значеніе этихъ заимствованій. — Замѣтка объ отношеніяхъ Пушкина къ Шень. — Еще образецъ подражанія: «Какъ съ древа сорвался». — О другихъ подражаніяхъ. — Конецъ дѣятельности Пушкина въ Болдинѣ.

Переходимъ къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ:

«Въ замкѣ твоемъ, Литературной газетѣ, пѣсни трубауровъ не умолкнутъ круглый годъ», — пишетъ Пушкинъ другу своему, съ чуствомъ гордости указывая на вдохновенную дѣятельность свою въ деревнѣ. И дѣйствительно, въ это время перепробовалъ онъ множество разнообразнѣйшихъ тоновъ своей лиры. Глядя на изобиліе мотивовъ въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ его осенней Болдинской жизни, на безпрестанную перемѣну метровъ ихъ, на чудные переходы къ самымъ противоположнымъ мыслямъ и настроеніямъ поэтическаго духа, кажется, видишь художника, безгранично предающагося въ уединеніи многосложной импровизаціи своей. Тутъ есть даже аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссе, какъ напримѣръ, въ неконченомъ стихотвореніи «Пажъ, или пятнадцатый годъ», названномъ въ посмертномъ изданіи: *Пажъ, или 15-ти лѣтній Король*. Затѣмъ являются его пѣсни, исполненныя глубокаго и вмѣстѣ бодраго чувства, какъ: «*Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье*» (8-го сентября), «*Разлука: Для береговъ отчизны дальной*», «*Разставанье: Въ послѣдній разъ» твой образъ милый*» (5-го октября), «*Мадонна: Не множествомъ картинъ*». Рядомъ

Digitized by Google

съ этими нѣжными, изумительно-чистыми созданіями блистаютъ фантастическіе рисунки, въ которыхъ своевольно запутаны черты народной жизни и фантазіи, стихотворенія: «*Капризъ: Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой*» (1-го октября), и «*Бѣсы: Мчатся тучи, вьются тучи*» (7-го сентября), изъ которыхъ надъ послѣдней Пушкинъ надписалъ: «шалость — замѣтка, не сохраненная посмертнымъ изданіемъ. Въ замѣчательной противуположности съ этими фантастическими созданіями, возвышается картина природы, переданная Пушкинымъ въ пьесѣ: «*Осень: Октябрь ужъ наступилъ*», написанной вчернѣ тогда же. Евгеній Онѣгинъ, неразлучный спутникъ поэта въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и здѣсь не покидаетъ его. 25-го сентября, какъ уже знаемъ, окончены въ Болдинѣ 4 послѣднія прощальныя строфы VIII главы, между тѣмъ какъ предшествующія имъ строфы додѣланы, по обыкновенію Пушкина, годъ спустя, въ октябрѣ 1831 года и уже въ Царскомъ Селѣ. Въ серединѣ всѣхъ этихъ созданій набросано нѣсколько антологическихъ отрывковъ, какъ будто для пробы своего таланта, но между ними встрѣчается превосходная пьеса: «*Трудъ: Мигъ вожделѣнный насталъ*» и, наконецъ, въ эту же эпоху появляются совершенно новые, еще неслыханные доселѣ звуки: мы говоримъ о тѣхъ спокойныхъ, поэтическихъ разсказахъ, которые въ невозмутимомъ своемъ теченіи открываютъ мысли читателя далекое, необозримое пространство. . . .

Высокій образецъ такихъ разсказовъ мы имѣетъ въ стихотвреніи «*Странникъ: Однажды странствуя среди долины дикой*», принадлежащемъ къ 1833 году. Отъ Болдинскаго пребыванія Пушкина сохранился въ бумагахъ его замѣчательный листокъ. На одной сторонѣ своей онъ носитъ крупныя слова: *Зависть* — (прежнее оглавленіе драмы: Моцартъ и Сальери), а на другой вчернѣ написаны извѣстные стихи, сочиненные Пушкинымъ ночью во время безсонницы, тоже въ Болдинѣ: «*Мнѣ не спится, нѣтъ огня*» (октябрь). Рядомъ съ этими стихами начинается разсказъ:

«Въ началѣ жизни школу помню я.
Тамъ маленькихъ дѣтей насъ было много.
Какъ на грядѣ одной—цвѣтовъ семья,
Росли не ровно мы, за нами строго
Смотрѣла нѣкая жена» . . . .

Разсказъ пропадаетъ здѣсь въ безчисленныхъ помаркахъ, но изъ него вышло то самое повѣствованіе, которое у Пушкина начиналось потомъ уже слѣдующимъ образомъ:

Digitized by Google

«Въ началѣ жизни школу помню я,
Тамъ насъ дѣтей безпечныхъ было много:
Неравная и рѣзвая семья!
Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена,
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Конецъ этого сочиненія утерянъ, или недописанъ, да и вообще оно не получило послѣдней художнической обдѣлки. Это не мѣшаетъ усмотрѣть въ немъ, вмѣстѣ съ глубокими чертами поэзіи, и первый проблескъ того эпическаго настроенія, которое впослѣдствіи развилось у Пушкина и опредѣлило всю поэтическую его дѣятельность, о чемъ мы будемъ еще имѣть случай говорить подробнѣе. Съ 1830 года мысль автора начинаетъ преимущественно выбирать *повѣствованіе* для проявленія своего и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое порабощаетъ читателя невольно, неудержимо и безпрекословно. Таковы стихотворенія: *Полководецъ*, *Онъ между нами жилъ*, *Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ* и проч. и проч. Эпическій тонъ этихъ стихотвореній ясенъ для слуха, наименѣе изощреннаго. Сочетаніе въ одномъ *поэтическомъ разсказѣ* картинъ поразительнаго величія съ строгою мыслью, положенной въ основаніе ихъ, — обличаетъ самые законы, по которымъ могла бы создаться современная эпопея, въ отличіе отъ народной, имѣющей другія требованія и условія. Стремленіе Пушкина къ эпосу, по всей вѣроятности, безсознательное, обнаруживается впервые съ 1830 года и за тѣмъ уже не оставляетъ его до конца поприща, какъ увидимъ.

Стихотвореніе, сейчасъ покинутое нами (*Въ началѣ жизни школу помню я*), напечатано было въ посмертномъ изданіи вмѣстѣ съ другой пьесой подъ общимъ оглавленіемъ: «Подражанія Данту», чего совсѣмъ нѣтъ у Пушкина. Эта вторая пьеса, начинающаяся стихомъ: «*И далѣ мы пошли и страхъ обнялъ меня*» написана, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣе своей предшественницы, можетъ быть, въ 1832 году. Она останавливаетъ особенно вниманіе наше тѣмъ, что можетъ служить разительнымъ свидѣтельствомъ, какъ артистической способности Пушкина усвоять всѣ формы, такъ и подвижности его таланта. Для простой шутки, какую предполагалъ онъ написать, Пушкинъ избралъ форму Дантовскаго разсказа и такъ овладѣлъ ею, что шутка совсѣмъ пропала въ изложеніи. Всякій согласится, что печеный ростовщикъ, лопающійся на огнѣ и испускающій сѣрный запахъ,

Digitized by Google

уже не имѣетъ признаковъ пародіи: онъ ярко освѣщенъ лучами поэзіи. Немного яснѣе выражается она въ женѣ съ ея сестрой, выведенныхъ на страшную казнь, даже безъ поясненія ихъ преступленій, но здѣсь опять удивительное описаніе казни ихъ отводитъ глаза и устраняетъ всякое подозрѣніе о первомъ поводѣ стихотворенія. Совсѣмъ тѣмъ рукопись свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирической мыслію, чѣмъ какой либо другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора подавила первое намѣреніе и, вмѣсто насмѣшки, произвела картину превосходную, исполненную величія и ужаса. Такъ обыкновенно геніальный талантъ измѣняетъ самому себѣ [1]).

Мы уже видѣли прежде, что всякій незначительный въ самомъ себѣ случай, всякое явленіе жизни будили творческій духъ Пушкина и доставляли матеріалъ для его вдохновенія. Вотъ еще примѣръ. На рукописи извѣстнаго стихотворенія: «*Стамбулъ: Гяуры нынче славятъ*», названнаго, Богъ знаетъ по какимъ причинамъ, въ посмертномъ изданіи: «*Началомъ поэмы*», мы находимъ слова: «17 октября 1830 года, *передъ раз. ст.*», которыя должно, кажется, читать: «передъ разбитой статуей». Стихотвореніе это въ исправленномъ видѣ помѣщено авторомъ гораздо позднѣе, въ его Путешествіи въ Арзрумъ, и читатель можетъ сличить въ нашемъ изданіи первую мысль пьесы съ послѣдней отдѣлкой ея. Сближенія подобнаго рода весьма поучительны. Изъ нѣсколькихъ такихъ обращиковъ, собранныхъ нами въ изданіи, внимательный изслѣдователь можетъ извлечь предметъ для эстетическихъ соображеній и для статьи о законахъ, какіе художникъ долженъ полагать самому себѣ. Та же самая артистическая способность останавливаться на одной чертѣ, принимать и развивать ее по-своему, не оставляла Пушкина и въ чтеніи. Одинъ стихъ писателя, одна мыслъ его порождали стихотвореніе, которое въ дальнѣйшемъ ходѣ покидаетъ обыкновенно подлинникъ и къ концу уже не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Вмѣстѣ съ Кольриджемъ, Уордсворсомъ, Пушкинъ читалъ въ деревнѣ поэта Берри Корнуоля (псевдонимъ Г. Уаллера, проктора). Онъ остановился на начальныхъ стихахъ двухъ его стихотвореній и создалъ двѣ извѣст-

[1]) Посмертное изданіе напечатало эту превосходную пьесу небрежно, съ однимъ неконченнымъ стихомъ въ третьемъ терцетѣ: «жиръ должниковъ сосалъ сей злой....» пропущено слово *старикъ*, отчего терцетъ лишился риѳмы, а стихъ мѣры. См. томъ IX, стр. 175. Въ рукописи пьеса раздѣлена на два стихотворенія. Второе начинается со стиха: «*Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой*».

Digitized by Google

тныя пьесы: «*Пью за здравіе Мери*» (*Here's a health to thee, Mary*) и «*Я здѣсь Инезилья*» (*Inesil:a! Jam here*). Первая сохраняетъ тонъ подлинника до конца, хотя и разнится въ содержаніи, но во второй сбереженъ только начальный стихъ его и сама она кажется художнической поправкой его. Подобныя творческія созданія Пушкинъ обыкновенно называлъ своими подражаніями [1]). Даже въ раннюю эпоху дѣятельности, въ 1820-23 г., мы видимъ совершенно одинаковыя отношенія Пушкина къ Андрею Шенье. За исключеніемъ

[1]) Въ подтвержденіе нашихъ словъ, рѣшаемся привести изъ сборника Англійскихъ поэтовъ, вышедшаго въ Парижѣ, о которомъ уже говорили, самую пьесу Корнуоля: «*Серенада*» (стр. 177 и 178). Вотъ ея подстрочный переводъ:

Серенада.

«Инезилья, я здѣсь! Внизу твоего рѣшетчатаго окна поетъ кавалеръ твой; что же ты медлишь?

«Много миль проскакалъ онъ, чтобъ видѣть твою улыбку. Юный свѣтъ дня уже блеститъ на цвѣтахъ, но кавалеръ твой ропщетъ.

«Что ему утренняя звѣзда, когда нѣтъ *любви* его? Что ему благоуханіе цвѣтовъ, когда горитъ его сердце?

«Милая дѣва! зачѣмъ скрываешься ты? Красота обязана показываться ранѣе очей утра и не заботиться о своемъ нарядѣ.

«Теперь, когда всѣ звѣздные блестящіе духи ждутъ появленія твоего, чтобъ отъ тебя занять блеска, зачѣмъ медлишь ты»?

Переводъ этотъ достаточно показываетъ нѣкоторую ухищренность манеры, что происходило вообще у Корнуоля отъ старанія какъ можно ближе держаться образцовъ Шекспировой школы, но у послѣднихъ она являлась какъ результатъ обилія страсти и обилія мыслей. Пушкинъ поступилъ иначе съ Серенадой и тѣмъ охотнѣе выписываемъ мы здѣсь стихотвореніе его, что извѣстное всѣмъ на память, оно пропущено было посмертнымъ изданіемъ его сочиненій:

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый —
Мечомъ уложу.

Digitized by Google

двухъ, чисто переводныхъ пьесъ, остальныя подражанія его французскому поэту имѣютъ тотъ же характеръ. Одинъ стихъ изъ элегіи послѣдняго: *Tel j'étais autrefois et tel je suis encore*, раждаетъ стихотвореніе: «*Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я*», которое едва-едва напоминаетъ содержаніе подлинника. Въ другой разъ Пушкинъ отымаетъ изъ довольно длинной элегіи Шенье одинъ только стихъ: *Et des noms caressants la mollesse enfantine* (и ласковыхъ именъ младенческая нѣжность), и созидаетъ на немъ легкій, граціозный образъ (см. стихотвореніе «Доридѣ»). Въ эпоху мужества и крѣпости таланта, подражанія Пушкина значительно расширяютъ образы и мысли подлинника; таково его подражаніе сонету Франческо Джіани: «*Sopra Guida*», извѣстное подъ названіемъ: Подражаніе Итальянскому (*Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ*). Картина Пушкина пріобрѣ-

---

Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь....
Что жъ медлишь?.... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

Пушкинъ до послѣдняго времени сохранялъ особенное расположеніе къ Barry Cornwall, вѣроятно, столько же за энергію его произведеній, сколько и за его подражанія стилю и пріемамъ старыхъ драматурговъ Англіи. За два дня до трагической смерти своей, въ полномъ спокойствіи духа, онъ писалъ къ А. О. Ишимовой, сочинительницѣ извѣстной «Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей: «Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ Вамъ его книгу». Наканунѣ своей смерти, онъ посылаетъ самую книгу А. О. Ишимовой и въ томъ же самомъ состояніи духа, помышляя о своемъ журналѣ, пишетъ къ ней: «Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ честь имѣю препроводить къ Вамъ Barry Cornwall. Вы найдете въ концѣ книги пьесы, отмѣченныя карандашемъ, переведите ихъ какъ умѣете — увѣряю васъ, что переведете, какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу Исторію въ разсказахъ и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать.» Исполняя завѣщаніе поэта, А. О. Ишимова, перевела пять драматическихъ очерковъ Корноуля, вѣроятно тѣхъ самыхъ, которые были отмѣчены Пушкинымъ. Они помѣщены, вмѣстѣ съ небольшимъ вступленіемъ Англійскихъ издателей Корнуоля, въ Современникѣ 1837, томъ 8, когда Современникъ издавался уже друзьями покойнаго нашего поэта.

Digitized by Google

таетъ энергію, которая затмѣваетъ превосходный образецъ, лежавшій передъ нимъ. Заключительные стихи Итальянскаго поэта исполнены силы и красокъ:

Poi fra le braccia si reco quel tristo,
E con la bocca fumigante e nera
Gli rese il bacio, che avea dato a Cristo.

(«И принявъ несчастнаго въ свои объятія, дымящимися, черными устами онъ (Сатана) возвратилъ ему поцѣлуй, данный имъ Христу»).

Пушкинъ воспроизвелъ картину художника такъ:

«И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа».

Ничего не можемъ сказать объ антологическихъ его подражаніяхъ, по незнанію Греческаго языка и самихъ переводовъ, съ которыхъ они взяты Пушкинымъ; но между ними есть пьеса: «*Кобылица молодая*», принадлежащая, кажется, къ тому же отдѣлу творческихъ передѣлокъ, о которыхъ говоримъ. Характеры самобытныхъ произведеній носятъ и пьеса: «*Не плѣняйся бранной славой*», взятая съ арабскаго, и подражанія Пушкина Корану. Полный образецъ какъ способа передѣлки, такъ и геніальныхъ добавленій подлинника, представляютъ знаменитыя его подражанія, извѣстныя подъ именемъ *Пѣсни Западныхъ Славянъ*, но объ нихъ мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь кончаемъ описаніе дѣятельности нашего поэта осенью 1830 года въ Болдинѣ. Картина требовала бы и заслуживала большаго развитія. Какъ будто передъ началомъ строгаго эпическаго направленія, Пушкинъ въ послѣдній разъ отдался, въ уединеніи своей деревни, всему упоенію творчества, безъ цѣли и преднамѣреннаго плана. Трехмѣсячное пребываніе его въ Болдинѣ остается памятникомъ артистической импровизаціи, безграничнаго наслажденія своимъ талантомъ, гибкости, многосторонности и неистощимости средствъ его.

Digitized by Google

ГЛАВА XXVII.

1831 годъ. Женитьба. Царское Село, дѣятельность въ немъ и конецъ года. Пушкинъ въ Москвѣ 1831 г. — Приготовленіе къ женитьбѣ. — Извѣстіе о смерти Дельвига, письмо къ Плетневу по этому поводу. — Бодрость духа въ Пушкинѣ. — Отрывки о Дельвигѣ изъ другихъ писемъ. — Женитьба. — Лѣто 1831 г. Пушкинъ въ Царскомъ Селѣ, жизнь тамъ. — Залогъ доставшагося ему имѣнія. — Пушкину дозволенъ входъ въ государственные архивы для собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра Великаго. — Пушкинъ вновь зачисленъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ жалованьемъ по 5000 р. ас., — Онъ пишетъ патріотическіе стихи: «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская годовщина». — Переводъ первой на Французскій языкъ кн. Голицынымъ. — Замѣтка Пушкина о трудности подобныхъ переводовъ. — Другіе виды литературной дѣятельности: «письмо Онѣгина къ Татьянѣ». — Условіе съ Жуковскимъ написать по Русской сказкѣ: «Сказка о царѣ Салтанѣ», «О купцѣ Остолопѣ». — Другія сказки въ томъ же родѣ. — Заканчиваетъ этотъ родъ въ 1833 г. сказкой «О рыбакѣ и рыбкѣ». — Подражанія, ими вызванныя. — Неизданное посланіе Гнѣдича къ Пушкину по поводу царя Салтана. — Конецъ 1831 года. — Пушкинъ переѣзжаетъ въ Петербургъ. — Квартиры его въ столицѣ. — Письмо въ Москву объ изданіи «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» для братьевъ Дельвига и выходъ «Повѣстей Бѣлкина». — Поѣздка въ Москву и возвращеніе назадъ къ 1-му января 1832 г. — Письмо къ П. В. Нащокину о пересылкѣ опекунскаго билета и счастливой серебряной копѣечки. — Золотое кольцо съ бирюзою, какъ талисманъ отъ внезапной бѣды.

Только въ декабрѣ мѣсяцѣ Пушкинъ успѣлъ пробраться въ Москву со свидѣтельствомъ для залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ части имѣнія, выдѣленнаго ему въ Болдинѣ Сергѣемъ Львовичемъ. Новый 1831 годъ засталъ его въ приготовленіяхъ къ женитьбѣ, но за мѣсяцъ до свадьбы онъ получилъ неожиданное извѣстіе о смерти Дельвига, скончавшагося 14 января 1831 года. Трогательное письмо его по этому случаю къ П. А. Плетневу сообщено въ Современникѣ 1838 года (томъ IX стран. 63, статья: Александръ Пушкинъ): «21 января, 1831 года, Москва. «Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера

Digitized by Google

ѣздилъ я къ Салтыкову [1]) объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ: я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ Русскій; но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наши бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? Ты, я, Б—й—вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Н*, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его *покойникъ* Дельвигъ и этотъ эпитетъ былъ столько же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ: Б—й боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ и постараемся быть живы».

Письмо это, какъ видно, оканчивается характеристической чертой. Какая-то особенная бодрость духа не покидала Пушкина въ минуты самыхъ тяжелыхъ ударовъ. Она не измѣнила ему и въ мукахъ смертнаго одра, какъ извѣстно, и всегда находила истокъ болѣзненному чувству, возбраняя жалобу, уныніе и нравственную слабость. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, именно 31 января, Пушкинъ писалъ, вѣроятно къ тому же лицу, слѣдующія строки, уже отличающіяся тихой грустію: «Я зналъ его (Дельвига) въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, *что душу волнуетъ, что сердце томитъ*. Жизнь его богата не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами....» Въ третьемъ письмѣ по поводу Дельвига, отъ 24 февраля, чувство Пушкина перераждается уже въ воспоминаніе: «Я женатъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. Память Дельвигаесть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія».

Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой февраля 18 дня 1831 года, въ Москвѣ, церкви Стараго Вознесенья, въ среду. День его рожденія былъ тоже, какъ извѣстно, въ самый праздникъ Вознесенья Господня. Обстоятельство это онъ не приписывалъ одной случайности. Важнѣйшія событія его жизни, по собственному его при-

[1]) М. А. Салтыковъ — тесть барона А. А. Дельвига.

Digitized by Google

знанію, всѣ совпадали съ днемъ Вознесенья. Незадолго до своей смерти, онъ задумчиво разсказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей и передалъ ему твердое свое намѣреніе выстроить, современемъ, въ селѣ Михайловскомъ, церковь во имя Вознесенія Господня. Упоминая о таинственной связи всей своей жизни съ однимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: «Ты понимаешь, что все это произошло недаромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая». Въ концѣ своей жизни Пушкинъ былъ проникнутъ весьма живымъ и теплымъ религіознымъ чувствомъ.

Новобрачные жили еще въ Москвѣ до весны, но послѣ Святой недѣли выѣхали въ Петербургъ. Пушкинъ остановился, по обыкновенію, въ Демутовомъ трактирѣ. Довольно долгое время употребилъ онъ на выборъ и пріисканіе себѣ дачи. Не желая тратить денегъ на временный наемъ квартиры въ городѣ, онъ переѣхалъ съ супругой своей въ Царское Село прямо изъ Демутова трактира и поселился тамъ на все лѣто. 26 марта онъ уже писалъ оттуда въ Петербургъ къ П. А. Плетневу: «Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ я проведу въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и *тому подобныхъ удобностей*; съ тобою буду видѣться всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также. Петербургъ подъ бокомъ. Жизнь дешевая; экипажа ненадобно. Чего лучше?» Жуковскій вскорѣ, однакожъ, самъ прибылъ въ Царское Село. Развитіе повѣтрія въ столицѣ вслѣдъ затѣмъ затруднило сношенія съ городомъ. Пушкинъ предоставленъ былъ небольшому обществу друзей, великолѣпнымъ садамъ дворца, молодой семейной жизни и уединенію. Онъ чувствовалъ себя довольнымъ, хотя письма его отъ этого времени носятъ слѣды мысли, сильно занятой устройствомъ своихъ дѣлъ и будущности. Новыя тяжелыя обязанности лежали на немъ, да и наступила та пора расчета съ прошлой жизнію, поправокъ ея промаховъ и увлеченій, которая рано или поздно наступаетъ для всякаго. Онъ начиналъ ликвидацію своихъ молодыхъ годовъ и притомъ съ безпокойствомъ и часто съ неопытностію, которая, по временамъ, выражалась весьма простодушно. Для залога своего имѣнія, что препоручено было, вмѣстѣ со многими другими дѣлами, одному изъ самыхъ близкихъ ему людей въ Москвѣ, онъ не могъ составить довѣренности и писалъ: «До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе». По совершеніи залога и полученіи 40,000 р. асс. онъ пишетъ къ тому же лицу: «Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платять

Digitized by Google

въ ломбардъ? Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность ли кому прислать? Или по почтѣ отослать деньги»? Любопытны его замѣтки о мелкихъ подробностяхъ домашней жизни, которыя такъ близко выводятъ людей передъ глаза наши: «Теперь кажется все уладилъ и буду жить потихоньку безъ экипажа, слѣдовательно безъ большихъ расходовъ.... Прощай, пиши и неслишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говорилъ: если я теряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другова. Мы съ женой тебя всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ. 1 Іюня». «Жду дороговизны, прибавляетъ онъ въ другомъ письмѣ, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится». «Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской: на-силу до насъ и вѣсти доходятъ».—«Холера прижала насъ и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все-таки уходятъ».—и проч. [1]). Не малую сумму заботъ и безпокойство доставляли ему Московскіе его кредиторы, о которыхъ онъ безпрестанно сносится съ тѣмъ же лицемъ, принявшимъ на себя трудъ устройства его дѣлъ: имъ посвящена и добрая часть всей его переписки изъ Ц. Села.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, однако же, онъ извѣщаетъ своего Московскаго корреспондента, что ему дозволенъ входъ въ Государственные архивы для собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра Великаго, прибавляя: «нынче осенью займусь литературою, а зимой зароюсь въ

---

[1]) Очень забавенъ шуточный разсказъ Пушкина о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ. «У меня, слава Богу, все тихо, жена здорова.... Дома произошла у меня перемѣна управленія. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ — я потребовалъ отчетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; въ слѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ управленіе Василью (за коимъ блохи другаго рода). Въ тотъ же день поваръ мой явился съ требованіемъ отставки; сего управляющаго хотятъ отдать въ солдаты и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву — вѣроятно явится къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно, но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ, при отставкѣ, получилъ отъ меня въ родѣ аттестата плюху, за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ, но это обратилось ему же во вредъ, ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили было его въ тюрьму, отъ коей по своему великодушію избавилъ я его.... Мои дѣла идутъ по-маленьку, печатаю incognito мои повѣсти *); первый экземпляръ перешлю тебѣ. Прощай, душа. Да не позабудь о ломбардѣ пораспросить. 3-го сентября.»

*) Повѣсти Бѣлкина.

Digitized by Google

архивы;» а въ сентябрѣ мѣсяцѣ сообщаетъ ему извѣстіе о своемъ опредѣленіи на службу. 14-го ноября 1831 года, онъ дѣйствительно зачисленъ былъ снова на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но съ особенною Высочайшею милостію— жалованьемъ по пяти тысячъ рублей ассиг. въ годъ, которая была предтечей многочисленныхъ щедротъ и благодѣяній, излившихся потомъ какъ на самаго поэта, такъ и на все семейство его.

Но жизнь въ Царскомъ Селѣ не могла пройти у Пушкина безъ минутъ, отданныхъ вдохновенію, не смотря на преимущественныя занятія по устройству своей будущности, не смотря на силу первыхъ наслажденій семейной жизни, которая, можетъ статься, и была причиной сравнительно меньшей литературной его дѣятельности въ этотъ годъ. Въ виду смущенной Европы и укрощенія Польскаго мятежа въ предѣлахъ самой Имперіи, Пушкинъ возвысилъ патріотическій голосъ, исполненный энергіи. Съ Державина Россія не слыхала столь мощныхъ звуковъ. 5-го августа написано было въ Царскомъ Селѣ стихотвореніе: «*Клеветникамъ Россіи*», за которымъ вскорѣ послѣдовала: «*Бородинская Годовщина*» [1]). Съ вершины патріотическаго одушевленія, онъ сошелъ къ безразлучному своему труду— Евгенію Онѣгину и 5-го октября написалъ извѣстное письмо Онѣгина къ Татьянѣ, уже блестящей свѣтской женщинѣ.

Предвижу все—васъ оскорбитъ
Печальной тайны обясненье и проч.

Наконецъ въ это же время, по какому-то дружелюбному состязанію, Пушкинъ и Жуковскій согласились написать каждый по Русской

[1]) Оба эти стихотворенія, вмѣстѣ съ патріотической пьесой Жуковскаго: «Русская Слава» напечатаны были тогда же отдѣльной книжкой, подъ названіемъ «На взятіе Варшавы, три стихотворенія В. Жусовскаго и А. Пушкина. С.-Петербургъ. 1831 года». Пушкинъ гораздо позднѣе, въ 1836 году, выразилъ во французскомъ письмѣ (отъ 10 ноября) къ князю Н. Б. Голицыну (переводчику по французски Чернеца Козлова и пьесы: Клеветникамъ Россіи), чувства, одушевлявшія его во время созданія самаго стихотворенія: Merci mille fois, говоритъ онъ, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, lancée contre les ennemis de notre pays . . . . Que ne traduisites-vous pas cette pièce en temps opportun? Je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des députés. (Тысячу разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моей пьесы, устремленный на враговъ нашей земли . . . . Зачѣмъ не перевели вы ее во время,—я бы тогда переслалъ ее во Францію, какъ урокъ всѣмъ этимъ крикунамъ Палаты . . . .). Въ концѣ письма, Пушкинъ дѣлаетъ замѣчаніе о труд-

Digitized by Google

сказкѣ. Кому принадлежитъ первая мысль этого поэтическаго турнира, мы можемъ только догадываться. Пушкинъ уже ознакомился съ міромъ народныхъ сказаній, какъ было говорено, и много думалъ объ немъ про себя. Онъ владѣлъ уже значительной коллекціей народныхъ пѣсень, переданныхъ имъ П. В. Кирѣевскому, но до сихъ поръ приступалъ къ этому новому источнику творчества только урывками, какъ напримѣръ въ стихотвореніяхъ: Женихъ, Утопленникъ, Бѣсы. Первая полная Русская сказка, написанная имъ «*Сказка о Царѣ Салтанѣ*», тотчасъ выказала давнишнее знакомство его съ народной рѣчью и поразила многихъ развязностью, такъ сказать, своихъ пріемовъ, подмѣченныхъ у народа. Со всѣмъ тѣмъ это была только мастерская поддѣлка. Насмѣшливое выраженіе, которое постоянно проглядываетъ на физіономіи самого сказочника, ироническая беззаботность, съ какой кладетъ онъ чудеса на чудеса, скорѣе свидѣтельство о гибкости авторскаго таланта, чѣмъ выражали настоящій духъ народной сказки. Одинъ стихъ былъ чисто и неподдѣльно Русскій. Послѣ сказки о Салтанѣ, Пушкинъ, особенно замѣчавшій и любившій юмористическую сторону народныхъ разсказовъ, написалъ сказку «*О Купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ*», которая такъ смѣшила В. А. Жуковскаго и друзей его [1]). Можетъ быть ловкость Пушкина въ переимкѣ народнаго жеста и ухватки нравилась ему: онъ написалъ въ духѣ первой своей сказки еще: «О Мертвой Царевнѣ», «О Золотомъ Пѣтушкѣ»; но въ 1833 году создалъ сказку «*О Рыбакѣ и Рыбкѣ*», гдѣ уже нашелъ рѣчь до того безъискусственную, что трудно замѣтить въ ней малѣйшій признакъ сочинительства и разсказъ

ности, предстоящей переводчику русскихъ стиховъ по французски: «A mon avis rien n'est plus difficile que de traduire de vers russes en vers français, car vû la concission de notre langue, on ne peut jamais être assez bref. («По моему мнѣнію чрезвычайно трудно перелагать русскіе стихи на французскіе. Языкъ нашъ сжатъ и краткости его выраженія достичь мудрено»). Переводъ Кн. Голицина напечатанъ въ Москвѣ въ 1839 году.

[1]) Вообще пребываніе поэта въ Царскомъ Селѣ было цѣпью дружескихъ веселыхъ бесѣдъ, въ которыхъ царствовало постоянно одинаковое, ровное состояніе духа. Случалось, что В. А. Жуковскій спрашивалъ въ этомъ кругу совѣта, не разсердиться ли ему на то или другое обстоятельство. Пушкинъ почти всегда отвѣчалъ одно: непремѣнно разсердиться, но ни самъ онъ, ни искавшій его совѣта не слѣдовали приговору. Пушкинъ былъ любезенъ, добродушенъ и радовался всякому счастливому слову отъ души. Такъ онъ пришелъ въ восторгъ отъ замѣчанія одной, весьма умной его собесѣдницы, что стихъ въ пьесѣ: «*Подъѣзжая подъ Ижоры*» какъ будто въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ *подбоченясь* и проч.

Digitized by Google

до того простой и добродушный, что нѣтъ въ немъ и тѣни подозрѣнія о собственномъ достоинствѣ, и ни тѣни щегольства самимъ собою. Нельзя не подивиться этой мастерской стихотворной передачѣ, не имѣющей почти ни размѣра, ни версификаціи и сохраняющей одинъ только свободный ритмъ народнаго языка, съ его созвучіями и оборотами. Но первая сказка еще далеко не походила на послѣднюю, хотя можетъ быть произвела болѣе восторга въ публикѣ. За ней послѣдовали безчисленныя подражанія. Иначе было съ двумя произведеніями Жуковскаго. Его «Спящая Царевна» и «Берендей» не произвели впечатлѣнія, какое слѣдовало бы ожидать отъ ихъ прекрасныхъ, гармоническихъ стиховъ. Причина понятна. Они совершенно покинули мѣстный, сказочный колоритъ и скорѣе принадлежали Германской легендѣ и романтической поэзіи, чѣмъ Русскому міру. Между прочимъ, сказка о Берендеѣ взята Жуковскимъ изъ разсказовъ Арины Родіоновны, вѣроятно, переданныхъ ему Пушкинымъ. Въ дополненіе можно сказать, что «Салтанъ» Пушкина породилъ особенное впечатлѣніе въ кругу литераторовъ, мечтавшихъ о народной поэзіи изъ кабинета, и писателей, преимущественно занимавшихся изученіемъ иностранныхъ словесностей. Въ «Салтанѣ» находили они зародышъ новаго періода въ литературѣ, возможность новаго въ ней направленія. Много толковъ, шума и споровъ произвела между ними первая сказка Пушкина. Памятникомъ живаго участія, возбужденнаго ею, осталось неизданное посланіе Н. И. Гнѣдича къ Пушкину. Авторъ извѣстной Русской Идилліи: «Рыбаки» былъ однимъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ новаго произведенія. Онъ послалъ къ Пушкину стихи, съ надписью: «Пушкину по прочтеніи сказки про Царя Салтана», которые мы здѣсь и выписываемъ:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гёте, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинства Русскаго духа и міра,
Ты, нашъ Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

Такъ высоко цѣнился первый опытъ Пушкина въ народной поэзіи.

Digitized by Google

Въ октябрѣ, и именно 22-го числа, Пушкинъ покинулъ Царское Село и переѣхалъ въ Петербургъ [1]). «Вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ былъ принужденъ перемѣнить нанятый домъ, увѣдомляетъ онъ московскаго своего корреспондента, пиши мнѣ: на Галерной, въ домѣ Брискорнъ. Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни и обо всемъ надо подумать. Не знаю, не затѣю ли чего нибудь литературнаго, журнальнаго альбома или тому подобнаго: лѣнь! Кстати, я издаю Сѣверные Цвѣты для братьевъ покойнаго Дельвига—заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ: обнимаю тебя отъ сердца.»

Вскорѣ за письмомъ этимъ, но уже приготовивъ альманахъ «Сѣверные Цвѣты» къ печатанію (альманахъ, семь лѣтъ пользовавшійся живымъ, неослабнымъ вниманіемъ публики и въ продолженіе этого времени помѣстившій до 56 стихотвореній нашего поэта), Пушкинъ наскоро уѣхалъ въ Москву, куда призывали его дѣла, никакъ не укладывавшіяся въ должный порядокъ. Онъ пробылъ тамъ недолго, и къ 1-му января 1832 года былъ уже снова въ Петербургѣ, откуда 5-го числа увѣдомлялъ о своемъ пріѣздѣ П. В. Н—а, которому вообще отдавалъ подробный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и помыслахъ. Переписка Пушкина съ нимъ между прочимъ открываетъ, такъ сказать, оборотную сторону жизни, иногда столь живой и блестящей съ виду. «Да сдѣлай одолженіе, прибавляетъ Пушкинъ въ концѣ своей записки 1832 г., перешли мнѣ Опекунскій билетъ, который я оста-

---

[1]) Пушкинъ часто перемѣнялъ квартиры. Въ Царскомъ Селѣ онъ жилъ въ домѣ Китаева. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ съѣхалъ съ квартиры почти тотчасъ же какъ нанялъ (она была очень высока), и поселился въ Галерной въ домѣ Брискорнъ. Въ 1832 году онъ жилъ на Фурштатской, у Таврическаго дворца, въ домѣ Алымова, гдѣ его нашло посланіе графа Хвостова, подъ заглавіемъ: «Соловей въ Таврическомъ саду», изъ котораго выписываемъ послѣдній куплетъ:

Любитель Музъ съ зарею майской
Спѣши къ источникамъ ключей;
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ соловей.

Пѣсенка положена была и на музыку. Пушкинъ отвѣчалъ на нее учтивымъ письмомъ въ прозѣ (см. стих. гр. Хвостова томъ 7, при. 151). Оттуда онъ переѣхалъ въ октябрѣ 1832 въ Морскую, въ домъ Жадимировскаго. Въ 1833 и 34 онъ жилъ на Дворцовой набережной въ домѣ Балашевой, у Прачечнаго моста; въ 1834 же — у Лѣтняго Сада, въ домѣ Оливіера; въ 1836 у Гагаринской пристани, въ домѣ Баташева и въ 1836 же у Пѣвческаго моста, въ домѣ Волконской, гдѣ и умеръ.

Digitized by Google

вилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастью не вѣруешь, а я вѣрую.» Прибавимъ къ этой простодушной и весьма живой чертѣ, что другъ Пушкина, не вѣровавшій счастію серебряной копѣечки, вѣрилъ въ оберегательную силу колецъ. Незадолго до смерти поэта, онъ заказалъ для него золотое кольцо съ бирюзой, которое долженствовало предохранить его отъ внезапной бѣды и просилъ носить, не скидывая. Пушкинъ повиновался, и перстень былъ снятъ уже съ мертвой руки его К. К. Д—мъ, какъ дорогой и незамѣнимый памятникъ о товарищѣ и человѣкѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXVIII

1832 годъ. Появленіе послѣдней главы Онѣгина въ печати. Изложеніе способа его созданія: Тройное значеніе Онѣгина. — Обозрѣніе всѣхъ главъ его. — Строфа XIII и XIV, выпущенныя изъ первой его главы: «Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной», «Насъ пылъ сердечный». — Примѣръ какъ растянутое мѣсто рукописи измѣнено въ легкую черту: «По всей Европѣ въ наше время». — Глава 2-я, Ленскій сочувствіе къ нему поэта, стихи: «И моря новый блескъ и шумъ». — 10-я строфа 2-й главы, посвященная поэтическому дару Ленскаго, по рукописи: «Не пѣлъ порочной онъ забавы». — Ленскій читаетъ Онѣгину отрывки сѣверныхъ поэмъ, образчики ихъ: «Прійдетъ ужасный мигъ», «Надеждой сладостной». — Еще нѣсколько мѣстъ изъ 2 главы, не вошедшихъ въ печать: «Мелокъ оставилъ я въ покоѣ». — Портретъ Ольги за строфою XXII: «Ни дура Англійской породы». — Конецъ второй главы по рукописи: «Но можетъ быть». — Третья глава. — Строфа, пропущенная въ печати послѣ XXV: «Внукъ нянинъ воротился». — О строфахъ изъ Евгенія Онѣгина въ посмертномъ изданіи. — Четвертая глава. — Пропущенныя строфы: ихъ замѣняютъ строфы о «Женщинахъ». — Нарядъ Онѣгина, приведенный выше. — Съ четвертой главы нить созданія романа потеряна. — Строфы XIII и IX, пропущенныя въ седьмой главѣ: «Разъ вечернею порою», «Нагнувъ широкія плеча». — Стихи къ XI строфѣ той же главы: «По крайней мѣрѣ изъ могилы»; цѣломудренность музы Пушкина. — Альбомъ Онѣгина. — Отрывчатыя замѣтки въ родѣ тѣхъ, которыя составляютъ альбомъ Онѣгина: семь образчиковъ ихъ. — Къ пропущенной главѣ о «Странствованіяхъ Онѣгина» четверостишіе о Москвѣ. — Встрѣча Онѣгина съ Пушкинымъ въ Одессѣ. — Отрывокъ описывающій эту встрѣчу: «Не долго вмѣстѣ мы бродили». — Восьмая глава. — Описаніе первыхъ томленій творческой силы. — Четыре строфы ея, изъ которыхъ двѣ приведены выше: «Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ», «Вездѣ со мной, неутомима». — Пробы письма Онѣгина къ Татьянѣ. — Все смутное и неопредѣленное выпущено изъ него: «Я позабылъ вашъ образъ милый». — Мысль продолжать Онѣгина. — Отвѣтъ друзьямъ, совѣтовавшимъ это и начало самихъ строфъ: «Вы за Онѣгина совѣтуете, други» Въ мои осенніе досуги».

Мы видѣли, что 1831 годъ ознаменованъ былъ появленіемъ Бориса Годунова и повѣстей Бѣлкина. Слѣдующій за тѣмъ годъ принесъ послѣднюю VIII главу Онѣгина. Романъ былъ конченъ, и хотя полное изданіе его уже относится къ 1833, но мы здѣсь остановимся, чтобъ

Digitized by Google

обозрѣть, по черновымъ рукописямъ поэта, исторію его созданія. Читатель, слѣдившій вмѣстѣ съ нами за отдѣльнымъ появленіемъ каждой главы, найдетъ дополнительныя свѣдѣнія въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ роману. Тамъ собраны варіанты различныхъ редакцій его и всѣ указанія, нужныя для опредѣленія вида и времени измѣненій, полученныхъ имъ. Здѣсь будемъ говорить только о способѣ, какимъ онъ созидался.

Тройное значеніе романа, какъ художественнаго произведенія, какъ картины нравовъ нашихъ и какъ взгляда на предметы самого автора — дѣлаетъ его, по-истинѣ, драгоцѣннымъ достояніемъ литературы. Въ 1833 году публика имѣла его вполнѣ и могла любоваться всѣмъ ходомъ его, весьма строго расчитаннымъ, не смотря на одну пропущенную главу и на манеру писать строфы въ-разбивку. Во все продолженіе труда нашего слѣдили мы за романомъ по первымъ чертамъ измаранныхъ и перекрещенныхъ рукописей Пушкина и сколько находили мыслей, еще въ жесткой формѣ, еще въ дикой энергіи начальнаго замысла, разбитой и смягченной потомъ искусствомъ, и сколько, на-оборотъ, видѣли легкихъ, едва внятныхъ намековъ, получившихъ затѣмъ содержаніе и сильный ударъ кисти, обратившій ихъ въ крупныя, поэтическія черты. Немалое количество отдѣльныхъ мыслей разбросано было Пушкинымъ въ теченіе своего разсказа и не поднято имъ: онѣ остаются въ тетрадяхъ его, какъ быстрые, неопредѣленные этюды художника, и романъ указываетъ на мѣста, имъ назначенныя только Римскими цифрами. (Въ числѣ послѣднихъ есть, какъ было сказано, и такія, которыя выражаютъ одно намѣреніе автора, мысль, оставшуюся безъ исполненія). Довольно странное дѣйствіе производятъ однакожъ эти покинутыя строфы Пушкина. Ни на чемъ нельзя остановиться въ нихъ, хотя въ каждой чувствуется зародышъ превосходнаго стихотворенія. Въ первой главѣ романа выпущены строфы XIII и XIV; онѣ относились къ Онѣгину и набросаны были такъ (точки замѣняютъ у насъ вездѣ стихи, не разобранные нами или недописанные авторомъ):

XIII.

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ,
И съ нею скромной и смущенной
Начать, краснѣя, разговоръ.
. . . . . .

Digitized by Google

Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ близъ безпечныхъ псовъ,
Вокругъ неопытнаго стада.
. . . . . .

XIV.

Насъ пылъ сердечный рано мучитъ,
Какъ говоритъ Шатобріанъ.
Не женщины любви насъ учатъ,
А первый пакостный романъ.
Мы алчны жизнь узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ:
. . . . . .
Уйдетъ горячность молодая,
Лѣта пройдутъ, а между тѣмъ,
Прелестный опытъ упреждая,
Не насладились мы ничѣмъ.

Все это недодѣлано и было брошено, можетъ быть, самимъ поэтомъ, какъ не заслуживающее обдѣлки, но онъ сберегъ воспоминаніе о первой своей мысли въ Римскихъ цыфрахъ, обозначающихъ пропускъ ея въ самой главѣ. Почти вслѣдъ за тѣмъ находимъ мы тамъ же примѣръ, какъ растянутое мѣсто рукописи обращалось, при поправкѣ, въ легкую черту. Въ строфѣ XXV мы читаемъ:

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ;
Обычай—деспотъ межъ людей.

Но въ рукописи это мѣсто еще очень слабо и растянуто:

По всей Европѣ въ наше время,
Между воспитанныхъ людей,
Не почитается за бремя
Отдѣлка нѣжная ногтей;
И нынче воинъ, и придворный,
И журналистъ задорный,
Поэтъ и сладкій дипломатъ
Готовы . . . .

Digitized by Google

Пушкинъ не дописалъ стиха и самой строфы, почувствовавъ тотчасъ же недостатокъ содержанія въ нихъ, но подобныхъ мѣстъ, совершенно измѣненныхъ послѣдующей отдѣлкой, много находится въ рукописяхъ его [1]).

Со второй главы начинается портретъ Ленскаго. Не смотря на легкій оттѣнокъ насмѣшливости, съ какимъ авторъ иногда говоритъ о молодомъ восторженномъ поэтѣ, видно, что Пушкинъ любилъ своего Ленскаго и притомъ любовью человѣка, уважающаго высокое нравственное достоинство въ другомъ. Иногда кажется, будто Пушкинъ ставитъ Ленскаго неизмѣримо выше настоящаго героя романа, и всѣ странности перваго, какъ и всѣ его заблужденія считаетъ почтеннѣе, такъ называемыхъ, истинъ Онѣгина. По крайней мѣрѣ въ едва набросанныхъ и недодѣланныхъ строфахъ, онъ обращается къ Ленскому съ жаркимъ выраженіемъ любви и удивленія. Черта, въ нравственномъ отношеніи, замѣчательная и которой біографія пренебречь не можетъ. Мы знаемъ почти все, что Пушкинъ отдалъ свѣту по расчету и своимъ соображеніямъ, и мало знаемъ, что думалъ онъ про себя. Такъ въ 7-й строфѣ 2 главы, вмѣсто нынѣшнихъ стиховъ ея, рукопись сохраняетъ еще слѣдующіе:

И міра новый блескъ и шумъ
Обворожили юный умъ.
Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
И освѣжительный покой.
. . . . Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье . . . .
Страстей кипящихъ . . . . пиръ
И бури ихъ, и сладкій міръ,

Но особенно проявляется сочувствіе Пушкина къ Ленскому въ 10 строфѣ, посвященной его поэтическому таланту. Вся эта сжатая и отчасти ироническая строфа въ печати, отличается, наоборотъ, многословіемъ и лирическимъ характеромъ въ рукописи:

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
Онъ оскорблять гнушался нравы
Прелестной лирою своей.

[1]) Кстати замѣтить, что строфы IX, XXXIX, XL, XLI первой главы пропущены въ печати, кажется совсѣмъ не были написаны поэтомъ; по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ въ черновой рукописи.

Digitized by Google

Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ нѣги, сладострастья,
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
. . . . . .
Преслѣдуетъ, въ тоскѣ своей,
Картины тайныхъ наслажденій,
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обижаетъ ихъ.

Напрасно шалостей младыхъ
Передаете впечатлѣнье
Вы намъ въ элегіяхъ своихъ!
. . . . . .
Напрасно вѣтренная младость
Васъ любитъ славить на пирахъ;
Хранитъ, и въ сердцѣ, и въ устахъ
Стиховъ извѣженную сладость,
И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ!

Пустыми звуками, словами
Вы сѣете развратно зло....
Пѣвцы любви, скажите сами
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды.

Замѣчательно, что вторая глава Онѣгина, какъ извѣстно, окончена 8-го декабря 1823 года; къ этому времени относится и самая строфа [1]).

---

[1]) Кстати упомянемъ, что въ одномъ старомъ и забытомъ журналѣ: «Сѣверный Меркурій» 1830 № 54, мы нашли стихотвореніе, подписанное буквами А. П. и помѣченное 1827 годомъ. Пьесы этой нѣтъ въ рукописяхъ нашего автора, но мы выписываемъ ее, какъ имѣющую сходство съ основной мыслію, изложенной въ неизданныхъ отрывкахъ Онѣгина:

Поэтамъ.

Блаженъ, кто принялъ отъ рожденья
Печать священную Харитъ,
Въ комъ есть порывы вдохновенья,
Въ комъ огнь поэзіи горитъ!

Digitized by Google

Живое участіе къ Ленскому и еще разъ является весьма значительнымъ образомъ у Пушкина. Ленскій, какъ извѣстно, читалъ Онѣгину отрывки Сѣверныхъ поэмъ.

И снисходительный Евгеній,
Хоть ихъ немного понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ
(Глава II строфа XVI).

Въ рукописяхъ находимъ, что, вмѣсто этихъ послѣднихъ стиховъ. Пушкинъ вздумалъ приложить и образчики самихъ поэмъ, въ двухъ отрывкахъ, которые уже покидали стихотворный размѣръ, принятый для Онѣгина и выходили изъ рамы, такъ сказать, самого романа. Оба отрывка ничто иное какъ штуточное подражаніе Макферсону, роду поэзіи, къ какому особенно склонна была муза Ленскаго, по мнѣнію Пушкина. Они, разумѣется, недописаны, лишены во многихъ мѣстахъ необходимыхъ стопъ и походятъ скорѣе на замѣтку въ стихотворной формѣ, чѣмъ на стихотворенія:

Прійдетъ ужасный мигъ. . . . Твои небесны очи
Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи,
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста—
Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны;
Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный,
Въ обитель скорбную сойду печально за тобой
И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой. . . .

Далѣе нельзя разобрать. Такъ точно и во второмъ отрывкѣ можно сберечь только нѣсколько стиховъ:

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,

Онъ стройной арфѣ повѣряетъ
Богинь завѣтныя мечты,
И жизни лучшіе цвѣты
Въ вѣнокъ свой гордо заплетаетъ . . . .
Блаженнѣй тотъ, кто посвящалъ
Пѣвцамъ великимъ дни досуга,
Кто жаръ къ высокому питалъ;
Но снисходительнаго друга
Своимъ стихомъ не искушалъ.

Digitized by Google

Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны—
Клянусь! давно бы я покинулъ грустный міръ. . . .
. . . . . .
Узналъ бы я предѣлъ восторговъ, наслажденій,
Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь плѣнительной мечтѣ!
. . . . . .
Мнѣ страшно. . . . и на жизнь гляжу печально вновь
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милый
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой [1]).

Оба отрывка содержатъ, какъ видно, пародію на тяжелыя шестистопныя элегіи, бывшія нѣкогда въ модѣ и вмѣстѣ лукавую насмѣшку надъ туманными произведеніями Ленскаго. Замѣчательно однакожъ, что точно въ такомъ же духѣ есть нѣсколько Лицейскихъ стихотвореній самчго Пушкина, такъ, что онъ могъ набросать свои отрывки по одному воспоминанію. Читатель вѣроятно уже замѣтилъ, что поэтъ нашъ сообщилъ отрывкамъ Ленскаго, полагаемъ, не безъ намѣренія, искру чувства и души и тѣмъ отличилъ ихъ отъ подражаній другаго рода, столь же тяжелыхъ и притомъ лишенныхъ уже всякой теплоты, отъ подражаній анакреонтическихъ, какія являлись у насъ вмѣстѣ съ Оссіановскими элегіями и какими также обнаружилась впервые авторская дѣятельность самого Пушкина. Не безъ удивленія видимъ мы вмѣстѣ съ тѣмъ, что Пушкинъ гораздо позднѣе возвратился къ стихамъ Ленскаго и взялъ отъ нихъ отчасти мысль, которая является въ знаменитой пьесѣ: «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье».

Но не хочу, о други, умирать....
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,

но уже какое необъятное пространство лежитъ между первымъ опытомъ Ленскаго и послѣдней формой, данной его мысли Пушкинымъ, въ 1830 году.

Прибавимъ, что оба приведенные открывка, набросанные въ самомъ ходу сочиненія, замѣнены въ XVI строфѣ шестью стихами, но что

[1]) Не нужно указывать читателю, что этотъ отрывокъ есть карикатура на Макферсоновскаго Оссіана и видимо написанъ съ цѣлью осмѣять всѣ подобныя философствованія.

Digitized by Google

поэтъ нашъ только въ VI главѣ (строфа XXI), предъ дуэлью Ленскаго, рѣшился дать новый, настоящій обращикъ поэзіи его. Это уже романтическая, журнальная легія двадцатыхъ годовъ, писанная ямбами, какъ и Онѣгинъ.

Есть еще нѣсколько мѣстъ во второй главѣ, уже не оставившихъ ни малѣйшаго слѣда въ самомъ романѣ. Это всѣ тѣ невольные и незамѣтные приросты въ созданіи, которые Пушкинъ отсѣкалъ тотчасъ же при появленіи ихъ, но и въ нихъ еще легко усмотрѣть его руку и свойства его таланта. Послѣ XVII строфы:

Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ
. . . . . .
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной тройкѣ не ввѣрялъ,

Пушкинъ пишетъ еще двѣ строфы съ шуточнымъ изображеніемъ волненій азартной игры, которое заключается стихами:

Мѣлокъ сставилъ я въ покоѣ:
«Атанде»—слово роковое
Мнѣ не приходитъ на языкъ.
Отъ риѳмы тоже я отвыкъ.
Что буду дѣлать? Между нами
Всѣмъ этимъ утомился я.
На дняхъ попробою, друзья,
Заняться бѣлыми стихами.

Такъ еще въ 1823 году Пушкинъ шутилъ надъ бѣлыми стихами, которыми черезъ два года написалъ Бориса Годунова. Далѣе за строфой XXII, встрѣчается портретъ Ольги:

Ни дура Англійской породы,
Ни своенравная мамзель
(Благодаря уставамъ моды
Необходимыя досель)
Не баловали Ольги милой.
Ѳадѣевна рукою хилой
Ея качала колыбель...,
Она жъ за Ольгою ходила,
Стлала ей дѣтскую постель,
«Помилуй мя» читать учила,
Бову средъ ночи говорила,
По утру наливала чай—
И баловала невзначай.

Digitized by Google

Все это отброшено въ романѣ и замѣнено совсѣмъ другой мыслію:

. . . . . Но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
(Глава II стр. XXIII.)

Само окончаніе главы еще сильно разнится съ черновой рукописью поэта. Вмѣсто задушевнаго голоса, вмѣсто благородной належды, теперь уже превратившейся въ существенность, какія слышатся въ этой строфѣ:

Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда.
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно свѣтъ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ. . . .

вмѣсто этого прекраснаго конца, вторая глава завершается въ рукописи шуткой, какъ любилъ оканчивать Пушкинъ свои сердечныя изліянія, по извѣстной своей пугливости передъ толками и пересудами людей.

Но можетъ быть (и это даже
Правдоподобнѣе сто разъ)
Изорванный, въ пыли и сажѣ,
Мой недочитанный разсказъ,
. . . . . .
Съ. . . . изгнанъ изъ уборной,
Въ передней кончитъ вѣкъ позорной,
Какъ Инвалидъ, иль Календарь,
Или затасканный букварь.
Ну чтожъ? въ гостинной иль передней
. . . . . .
(Не я первой, не я послѣдній)
Равны читатели—
. . . . . .
Надъ книгой ихъ права равны . . . .

Digitized by Google

Пушкинъ недодѣлалъ и выбросилъ строфу, побѣдивъ на этотъ разъ свою осторожность и врожденную уклончивость.

Третья глава открывается въ рукописи помѣткой: 8 février, la nuit. 1824. Въ ней также есть выпущенное мѣсто, особенно характеристическое въ отношеніи Онѣгина. Послѣ отправленія извѣстнаго письма Татьяны къ Онѣгину со внукомъ няни (стр. XXV), слѣдуетъ еще строфа:

. . . Внукъ нянинъ воротился
«Ну чтожъ сосѣдъ?—«Верхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ,
Татьяна.»—Вотъ и весь романъ!
Теперь какъ сердце въ ней забилось!
О Боже, страхъ и стыдъ какой!
Въ груди дыханіе стѣснилось. . . .
. . . . . .
На мать она глядѣть не смѣетъ:
То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ,
При ней, потупя взоръ, молчитъ . . .
И чуть не плачетъ . . . .

Въ посмертномъ собраніи сочиненій Пушкина 1838—41 было приложено подъ названіемъ: «Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина — нѣсколько обращиковъ подобныхъ выпусковъ. Всѣ они относятся къ III главѣ и притомъ указаны въ изданіи, какъ принадлежащіе къ строфамъ 10, 25 и 26. Строфы эти, однакожъ, замѣщены въ текстѣ романа другими, такъ что приложенія эти уже составляютъ не черновую, а двойную работу поэта: на нѣкоторыя строфы приходилось у него по двѣ редакціи, и вѣроятно даже по нѣсколько редакцій. Всего замѣчательнѣе, что ихъ нѣтъ въ оставшихся бумагахъ его. Этимъ уже доказывается существованіе другой, полной копіи Евгенія Онѣгина, которую, не смотря на старанія наши, мы уже не могли видѣть [1]).

---

[1]) Эти строфы третьей главы перешли въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина изъ Современника 1838, т. 12-й, гдѣ также носили заглавіе: Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина. Въ томъ же журналѣ (1838, томъ I-й) помѣщенъ былъ и неизданный отрывокъ Онѣгина: «Сокровище роднаго слова», но онъ сопровождался примѣчаніемъ издат., которое уже несомнѣнно свидѣтельствуетъ о существованіи полной рукописи Евг. Онѣгина, къ сожалѣнію, не бывшей подъ глазами составителя этихъ матеріаловъ. Вотъ примѣчаніе: «Веселыя и граціозныя

Digitized by Google

Четвертая глава романа начинается въ печати прямо съ пропуска шести строфъ (стр. I, II, III, IV, V, VI), но читатель можетъ замѣстить ихъ въ умѣ своемъ тѣми строфами Онѣгина, которыя извѣстны подъ заглавіемъ: «*Женщины.*» По нашему мнѣнію онѣ принадлежатъ къ этому мѣсту. Мы уже выписали прежде изъ IV главы романа нарядъ Онѣгина, не попавшій въ печать, можетъ быть, и потому, что, говорятъ, онъ очень походилъ на тотъ, который усвоилъ себѣ самъ Пушкинъ въ Кишиневѣ. Это, кажется, единственное мѣсто въ главѣ, откинутое авторомъ при исправленіи.

Съ VI главы мы уже теряемъ нить романа. Онъ писался, вѣроятно, съ этой поры въ особенной тетради, не сохранившейся въ бумагахъ, гдѣ остаются только отдѣльные клочки и этюды его. Но и тутъ попадаются безпрестанно подробности, заслуживающія полнаго вниманія; такъ въ VII главѣ есть мѣсто, гдѣ какъ будто начиналась картина, брошенная на половинѣ. Въ смутныхъ ея краскахъ видны всѣ пробы, такъ сказать, художнической кисти и въ этомъ отношеніи она особенно любопытна. Послѣ описанія уединенной гробницы Ленскаго и выхода замужъ Ольги, предмета его поэтическихъ восторговъ, слѣдуетъ отрывокъ неконченный и необдѣланный, который въ печати замѣненъ однѣми Римскими цыфр.: VIII, IX. Эти Римскія цыфры выражаютъ черновую работу, покинутую авторомъ:

Разъ, вечернею порою,
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ [1]),
Она въ слезахъ, предъ милымъ прахомъ,
Стояла голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ;
Но тутъ поспѣшными шагами,
Красуясь черными усами,

шутки, составляющія отличительность этой поэмы покойнаго Пушкина, не всегда, какъ увидятъ читатели въ новыхъ строфахъ, приходили прямо подъ перо поэта. Онъ писалъ и въ расположеніи строже сатирическомъ, но такъ умѣлъ владѣть своимъ предметомъ, что обработывалъ его долго, прежде нежели оканчивалъ трудъ совершенно. Приводимыя здѣсь строфы *вписаны въ его оригиналъ* особо противъ XXVII и XXVIII строфъ главы III.

[1]) Въ подлинникѣ: *объятая невольнымъ* зачеркнуто и замѣнено фразой недоступной разбору.

Digitized by Google

Ее настигъ младой уланъ,
Затянутъ, статенъ и румянъ.

Здѣсь слѣдуютъ отдѣльные стихи, которыхъ иначе нельзя считать, какъ слѣдами фантазіи, предоставленной себѣ самой, чтобъ имѣть случай провѣрить ходъ ея впослѣдствіи.

Нагнувъ широкія плеча,
И гордо шпорами звуча
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Она на воина взглянула:
Горѣлъ досадой взоръ его,
. . . . . .
И тихо руку протянула,
Но не сказала ничего.

Затѣмъ уже описаніе снова продолжается:

И молча Ленскаго невѣста,
Отъ сиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалилась, и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ-за горъ.

Изъ такихъ, еще перепутанныхъ линій составлялись по томъ у Пушкина тѣ граціозныя и трогательныя картины, которыми наполнены страницы романа. Нѣтъ сомнѣнія, что и приведенный отрывокъ, если бы удостоенъ былъ отдѣлки, превратился бы въ картину, столь же простую и изящную, какъ эта:

На вѣтви сосны преклоненный,
Бывало, ранній вѣтерокъ,
Надъ этой урною смиренной,
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.

(Глава VII стр. VII).

Такъ точно въ XI строфѣ той же главы, послѣ стиховъ:

Или надъ Летой усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженный,

Digitized by Google

Ужъ не смущается ничѣмъ
И міръ ему закрытъ и нѣмъ.

Пушкинъ еще рисуетъ:

По крайней-мѣрѣ, изъ могилы
Не вышла въ сей печальный день
Его ревнующая тѣнь
И въ поздній часъ, Гимену милый,
Не испугали молодыхъ
Слѣды явленій гробовыхъ . . .

Но эту подробность онъ уже просто выбрасываетъ, не обозначая ни Римскими цыфрами, ни точками.

Въ седьмой же главѣ романа, при осмотрѣ кабинета Онѣгина, Татьяна встрѣчаетъ и альбомъ его. Выдержки изъ этого альбома, описаніе котораго, не бывшее въ печати, уже приведено нами прежде, — были приложены къ послѣднему посмертному изданію сочиненій Пушкина, но мы имѣемъ поводъ думать, что дѣйствительнаго альбома Онѣгина не существовало. То, что подъ этимъ именемъ оставалось у автора въ бумагахъ, есть только собраніе отдѣльныхъ мыслей и замѣтокъ, большая часть которыхъ предназначалась войти въ составъ самого романа. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ альбомѣ стихи, повторенные и исправленные романомъ. Такъ первый отрывокъ альбома:

«Меня не любятъ и клевещутъ»

есть только черновой оригиналъ одной изъ строфъ (IX) осьмой главы самого романа, гдѣ сохранены почти и всѣ его стихи; такъ еще послѣдній его отрывокъ:

Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно:
Уже ль загадку разрѣшила,
Уже ли слово найдено? . . . .

отрывокъ, неимѣющій отдѣльно почти никакого смысла, есть буквально повтореніе стиховъ седьмой главы (стр. XXV), только въ другомъ порядкѣ — и въ главѣ они имѣютъ настоящее значеніе. Все это мало похоже на дѣйствительный альбомъ; но если подъ этимъ именемъ собрать отрывочныя замѣтки Пушкина, падавшія съ пера его во время труда надъ романомъ, то альбомъ Онѣгина можетъ

Digitized by Google

быть значительно расширенъ. Много этихъ блестокъ, этихъ поэтическихъ искръ разсѣяно по всѣмъ его тетрадямъ, и, какъ примѣръ, сообщаемъ теперь же нѣкоторыя изъ нихъ:

I.

Когда бы грузъ меня гнетущій
Былъ страсть . . . . несчастіе —
Такъ напряженьемъ воли твердой
Мы страсть безумную смиримъ,
Бѣду снесемъ душею гордой,
Печаль надеждой усладимъ . . . .
Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?

Эта стихотворная замѣтка Онѣгина съ недописанными стихами и съ дважды повторенными риѳмами, принадлежитъ къ ряду подобныхъ же быстрыхъ замѣтокъ, брошенныхъ безъ всякого осмотра, почти безъ малѣйшаго вниманія къ нимъ. Вотъ другія:

II.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы;
Клю . . . . клю . . . . Возможно ль?—Клюквы!

III.

Конечно презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца,
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго срамца:
Но чудно!
Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

IV.

Строгій свѣтъ
Смягчилъ свои предубѣжденья
Или простилъ мнѣ заблужденья,
Давно минувшихъ темныхъ лѣтъ....

Къ такому же роду можетъ относиться и сатирическое обращеніе Онѣгина къ женщинамъ.

Digitized by Google

V.

Смѣшонъ, конечно, важный модникъ,
Систематическій Фоблазъ,
Красавицъ записной угодникъ
(Хоть по-дѣломъ онъ мучитъ васъ);
Но жалокъ тотъ, кто безъ искусства
Души возвышенныя чувства,
Прелестной вѣруя мечтѣ,
Приноситъ въ жертву красотѣ!....

Слѣдущее посланіе уже гораздо болѣе носитъ признаковъ отдѣлки:

VI.

Т . . . . правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она для глазъ
И, какъ она, премѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весной,
Вы также, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой
И также колетесь—Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ, и умомъ
И также холодны конечно!
Сравненья прочія не столько хороши:
Поэтъ не виноватъ — сравненья неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безподобны?

Льстивая замѣтка, Онѣгина, можетъ быть вызвана была пьесой В. Туманскаго: «Къ Ней», изъ которой выписываемъ нѣсколько стиховъ:

Не цвѣта небеснаго очи твои;
Не розы уста твои, дѣва;
Не лиліи—перси и плечи;
Но чтобъ за весна въ сторонѣ той была,
Гдѣ-бъ розы такія лилеи
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ?.... и проч.

Наконецъ, вотъ еще примѣръ сатирическихъ наблюденій Онѣгина надъ нравами, которымъ и кончаемъ выписки изъ его альбома, еще далеко неистощеннаго:

Digitized by Google

VII.

Увы!... Языкъ любви болтливый,
Языкъ невинный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, ангелъ мой!
Ты любишь мѣрные напѣвы,
Ты любишь рифмы гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ!
Тебя страшитъ любви признанье:
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
Съ улыбкой нѣжною прочтешь!

Мы знаемъ, что одна глава, по сознанію самого Пушкина, выпущена и только нѣсколько отрывковъ ея, содержавшихъ описаніе вояжа Онѣгина по Россіи, приложены были къ послѣдней 8-й главѣ романа, вышедшей въ 1832 году, но какіе отрывки! Это превоходныя картины разныхъ мѣстностей и вмѣстѣ это поэтическія записки (мемуары) самаго автора. По нѣкоторымъ признакамъ мы полагаемъ, однакожъ, не смотря на увѣренія самого автора и даже на таблицу главъ, видѣнную нами прежде, что собственно отдѣльнаго описанія «Странствій Онѣгина» въ полномъ, оконченномъ видѣ не существовало. Въ черновой рукописи, странствованія Онѣгина начинаются съ XII строфы нынѣшней 8-й главы, и этому *эпизоду* ея Пушкинъ хотѣлъ дать отдѣльную и самостоятельную форму; но, по нашему мнѣнію, не исполнилъ намѣренія, а только выбросилъ эпизодъ свой цѣликомъ изъ поэмы. Теперь весьма мало остается прибавить къ тому, что уже сообщено самимъ авторомъ изъ эпизода. Рукопись въ этомъ мѣстѣ исполнена помарокъ непобѣдимыхъ. Вотъ одно четверостишіе, касающееся до Москвы, которое еще выступаетъ изъ общаго хаоса:

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей всечастной суетой,
Старинной кухней угощаетъ,
Стерляжьей подчуетъ ухой....

Затѣмъ вся добыча прилежнаго разбора уже ограничивается нѣсколькими словами, обломками стиховъ, не вяжущимися между собою. Одно только мѣсто эпизода успѣли мы разобрать въ рукописи, но

Digitized by Google

оно особенно замѣчательно. Судя по этому мѣсту, Онѣгинъ долженъ былъ встрѣтиться съ самимъ Пушкинымъ въ Одессѣ! Извѣстно, что выдержки изъ пропущенной главы кончаются у Пушкина стихомъ:

«И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ»....

Послѣ этого стиха начиналось у него описаніе встрѣчи съ Онѣгинымъ. Нельзя не пожалѣть о потерѣ этого описанія. Тутъ должны мы были видѣть бесѣды героя романа съ своимъ лѣтописцемъ, тутъ должны они были сойтиться на короткой ногѣ. Пушкинъ зналъ Онѣгина еще въ Петербургѣ (глава I, стр. XLVI, XLVII, XLVIII). Вторая встрѣча, послѣ довольно долгой разлуки, вѣроятно, много измѣнила взглядъ историка на главное дѣйствующее лице романа и на нравственную физіономію его. Не развиваемъ далѣе предположеній нашихъ. Въ какомъ видѣ, въ какомъ душевномъ состояніи нашелъ Пушкинъ утомленнаго и уже старѣющаго Онѣгина въ Одессѣ—остается неизвѣстнымъ и вѣроятно такъ и останется навсегда. Приводимъ отрывокъ, составляющій конецъ утеряннаго описанія ихъ встрѣчи:

Недолго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ *назначили походъ*.
Онѣгинъ, очень охлажденный,
И тѣмъ, что видѣлъ пресыщенный,
Пустился къ Невскимъ берегамъ,
А я отъ милыхъ Южныхъ дамъ
Отъ.... устрицъ Черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
. . . . . .
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ
Въ далекій Сѣверный уѣздъ—
И былъ печаленъ мой пріѣздъ [1]).

Намъ остается еще сказать по поводу 8-й главы—самое замѣчательное. Кто не знаетъ чуднаго лирическаго порыва, которымъ она начинается? Въ этой картинѣ, объемлющей воспоминанія первыхъ

[1]) Не можемъ пропустить забавной фразы, встрѣченной въ эпизодѣ о странствіяхъ Онѣгина, послѣ стиха: «Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной». Вотъ она:

. . . . Я жилъ поэтомъ
Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ.

Digitized by Google

томленій творческой силы, богатство, роскошь кисти приводятъ въ изумленіе:

«Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ».

Слѣдующія затѣмъ строфы содержатъ изображеніе самаго хода и развитія творческихъ замысловъ поэта, но до этой полной картины Пушкинъ восшелъ черезъ низшую ступень созданія, сохранившуюся, въ его бумагахъ, какъ новый примѣръ сочетанія труда и вдохновенія. Одну часть этой первой пробы стихотворенія мы уже знаемъ. Она приведена была нами въ описаніи его Лицейской жизни, и читатель вспомнитъ, что тамъ отрывокъ еще имѣетъ форму простаго разсказа, только въ концѣ окрашеннаго фантазіей и живительнымъ лучемъ поэзіи. Двѣ другія строфы, прилагаемыя теперь, уже гораздо болѣе освѣщены ею, но вдохновеніе еще не вполнѣ ровно лежитъ на всѣхъ частяхъ этого этюда.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

I. . . . . .
II. . . . . .

III.

Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
Близъ водъ, текущихъ въ тишинѣ,
Въ углахъ Лицейскихъ переходовъ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья,
Доселѣ чуждая веселья,
Вдругъ озарилась! Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй.
Простите хладныя науки!
Простите игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я поэтъ....
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ,
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

Digitized by Google

IV.

Вездѣ со мной, неутомима
Мнѣ Муза пѣла, пѣла вновь
(Amorem canat aetas prima) [1]),
Все про любовь, да про любовь....
Я вторилъ ей; младые други
Въ освобожденные досуги,
Любили слушать голосъ мой.
Они пристрастною душой,
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
Свою застѣнчивую Музу.
О торжество невинныхъ дней:
Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

Отсюда уже Пушкинъ перешелъ къ той великолѣпной, поэтической картинѣ, которую мы знаемъ и которая по блеску и яркости вездѣ выдержаннаго, въ одинаковой степени, колорита не имѣетъ подобной себѣ какъ въ самомъ романѣ, такъ и въ Русской литературѣ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ. Пушкинъ не пожалѣлъ выкинуть изъ него всѣ мѣста, которыя носили печать неопредѣленности, неясности, можетъ быть и оправдывемой свойствомъ самой страсти, какую испытывалъ Онѣгинъ, но Пушкинъ ни въ чемъ не любилъ смутныхъ представленій и образовъ. Вотъ что отбросилъ онъ въ разныхъ мѣстахъ письма:

Я позабылъ вашъ образъ милый,
Рѣчей стыдливыхъ нѣжный звукъ
И жизнь сокрылъ въ душѣ унылой,
Какъ искупительный недугъ....

Такъ я безумецъ — и ужели
Я слишкомъ многаго прошу?
Когда бъ хоть тѣнь вы разумѣли
Того, что въ сердцѣ я ношу....

---

[1]) «Юность поетъ про любовь». Этотъ стихъ Проперція имѣлъ у Пушкина еще другой, такъ сказать, подставной стихъ. Сверху отрывка карандашемъ написано:

«И первой нѣжностью томима».

Digitized by Google

И что же? Вотъ чего хочу:
Пройду немного съ вами рядомъ,
Упьюсь по каплѣ сладкимъ ядомъ
И, благодарный, замолчу....

Такъ создавался Онѣгинъ, любимое дитя Пушкина, въ которомъ сберегъ онъ добрую часть своей собственной мысли, своего чувства и даже своей жизни.

И еще долго послѣ окончанія Онѣгина Пушкина влекло къ нему противъ воли. Поэту нашему, какъ будто не доставало своего постояннаго труда, съ которымъ онъ сжился въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Онъ жалѣлъ о романѣ и скучалъ по немъ. Возвратиться къ нему и связать опять свое вдохновеніе съ его строгимъ и вмѣстѣ свободнымъ ходомъ не было возможности. Онѣгинъ кончился совершенно, и трудно было выискать благовидную причину, чтобъ начать новыя придѣлки къ нему. Пушкинъ чувствовалъ это невольно, и потому отъ всѣхъ его порывовъ къ старому и любимому труду сохранилась только добродушная шутка, гдѣ онъ слагаетъ даже съ себя отвѣтственность за мысль возстановить опять Онѣгина и ссылается на друзей. Вотъ она:

Вы за Онѣгина совѣтуете, други,
Опять приняться мнѣ въ осенніе досуги;
Вы говорите мнѣ: «Онъ живъ и не женатъ—
И такъ еще романъ не конченъ: это кладъ!
Въ его свободную, вмѣстительную раму
Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму;
Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
Что дастъ тебѣ еще и славу и доходъ».
Пожалуй, я бы радъ.

Послѣднія слова зачеркнуты Пушкинымъ въ рукописи, но они свидѣтельствуютъ о тайной наклонности его къ прежнему труду своему, которую онъ побѣдилъ не безъ усилій, какъ видно [1]).

---

[1]) Выписываемъ здѣсь еще двѣ черновыя строфы этого отрывка. Можетъ быть ими онъ даже хотѣлъ начать снова романъ свой, но потомъ одумался и покинулъ намѣреніе . . . .

I.

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытой продолжать.

Digitized by Google

Приведенные отрывки составляютъ часть тѣхъ многочисленныхъ стихотворныхъ замѣтокъ, какія разбросаны по всѣмъ тетрадямъ, поэта. Онѣ напоминаютъ намъ обязанность познакомить читателя со всѣми этими матеріалами, зоготовленными Пушкинымъ, изъ которыхъ многіе остались безъ употребленія. Всякій пойметъ, какъ важно и какъ любопытно собрать и сохранить первые проблески поэтическихъ мыслей его, образы и стихотворныя фразы, набѣгавшія мимолетомъ, такъ сказать, на способность воображенія и фантазію его. Богатство поэтическихъ средствъ, обиліе творческаго матеріала не мѣшали Пушкину постоянно записывать мотивы, зарождавшіеся сами собой, звуки, мгновенно возстававшіе въ душѣ его.

Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, прерывать . . . .
. . . . . .
Что долженъ своего героя,
Какъ бы то ни было, женить,
По крайней мѣрѣ — уморить,
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта выслать вонъ.

II.

Вы говорите: «Слава Богу!
Покамѣстъ твой Онѣгинъ живъ,
Романъ не конченъ. По немногу
Пиши-жъ его — не будь лѣнивъ.
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
Рисуй и франтовъ городскихъ,
И милыхъ барышень своихъ,
Войну, и балъ . . . . . .
Чердакъ, и келью, и хоромы —
И съ нашей публики за то
Бери умѣренную плату:
За книжку по пяти рублей —
Налогъ нетягостный ей-ей!»

Digitized by Google

ГЛАВА XXIX.

Общее обозрѣніе всѣхъ оставшихся стихотворныхъ отрывковъ Пушкина. Стихотворныя замѣтки Пушкина, разбросанныя въ его бумагахъ. — Ихъ значеніе. — Первый отдѣлъ: обломки впечатлѣній, данныхъ природою, три образчика. — Примѣръ фантастическаго представленія явленій: «Колокольчики звенятъ». — Програмка стихотворенія, второй отдѣлъ — чисто лирическіе звуки и выраженіе одного душевнаго порыва, семь отрывковъ. — Стихотворныя фразы, записанныя на-лету. — Переводы иностранныхъ поэтовъ и подражанія имъ въ отрывкахъ. — Переводъ изъ Орландо, отнесенный въ приложенія; подражаніе Буало, романсъ Трубадура, отрывокъ изъ трагедіи Альфіери, подражанія тону французской комедіи, подражанія Древнимъ и другія, какъ результатъ чтеній Пушкина. — Разныя отрывки: «Посланіе къ М.»; стихотвореніе «Циклопъ». — Стихотворенія, обозначенныя единственно риѳмами. — Очеркъ пьесы «Везувій зѣвъ открылъ». — Начало стиховъ къ Мордвинову: «Подъ кладомъ старости», отношеніе ихъ къ Одѣ Петрова. — Окончаніе стиховъ къ Мордвинову.

Вѣроятно Пушкинъ считалъ себя не въ правѣ бросать безъ вниманія эти невольныя проявленія зиждущей способности, даже въ минуты ея наружнаго покоя. Звуки, по собственному его выраженію, безпрестанно переливались и жили въ немъ; но слѣдуетъ прибавить, что онъ внимательно прислушивался къ нимъ, что онъ наслаждался ими почти безъ перерыва. Это было важное дѣло его жизни, не смотря на всѣ усилія его скрыть тайну свою отъ свѣта и увѣрить другихъ въ равнодушіи къ поэтической своей способности. Отдѣлные листки и страницы его тетрадей поражаютъ этими стихотворными нотами разныхъ метровъ и разныхъ ключей, возникшими мгновенно и сбереженными самимъ художникомъ въ минуту ихъ рожденія. Постараемся разобрать ихъ.

Прежде всего останавливаютъ здѣсь вниманіе обломки, такъ сказать, впечатлѣній, данныхъ природой, краски и черты, подобранныя на-скоро, чтобъ сохранить явленія, быстро и мгновенно скользнувшія по фантазіи поэта:

I.

Надо мной въ лазури ясной
Свѣтитъ звѣздочка одна;
Справа западъ темнокрасный,
Слѣва блѣдная луна.

Digitized by Google

II.

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу — кругомъ обнажено
Святое смерти пепелище,
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ:
. . . . . телѣга
. . . . . стучитъ.

III.

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ушахъ . . . .
Лучъ зари сіяетъ алой . . .
Серебрится снѣжный прахъ!

Фантастическій, едва уловимый образъ этого стихотворенія особенно могъ бы поддаться переложенію на музыку. Оно имѣетъ нѣкоторое сходство по духу съ тѣмъ, которое слѣдуетъ ниже, но въ послѣднемъ уже капризно и свободно замѣшано явленіе дѣйствительнаго быта, какъ это не разъ дѣлалъ Пушкинъ:

IV.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди —
Ай люшеньки-люли! —
А люди-то, люди
На цыганочку глядятъ.
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И ширинокой-то машетъ,
Заливается поетъ:
«Я пѣвунья, я пѣвица,
Ворожить я мастерица!»

Мы могли бы увеличить еще выписки, если бы не останавливала насъ совершенная невозможность уловить иногда мысль и стихъ во

Digitized by Google

многихъ изъ нихъ. Замѣтки эти авторъ только писалъ для самого себя и одинъ зналъ настоящій смыслъ и форму ихъ.

Вотъ одинъ примѣръ этихъ гіероглифовъ, остающихся еще въ значительномъ количествѣ между рукописями его:

V.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства восковова,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ль будетъ гостья дорогая?
Скоро ль луга зазеленѣютъ...
Распустятся клейкіе листочки....
Зацвѣтетъ черемуха душиста?...

Ко второму отдѣлу замѣтокъ должно уже отнести всѣ чисто лирическіе звуки, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта. Они писаны въ разное время и, въ цѣпи стихотвореній, настоящее мѣсто ихъ извѣстно было только самому автору. Теперь уже нѣтъ возможности опредѣлять ихъ порядокъ и сообщать какую-либо классификацію.

VI.

Тамъ на берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ,
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

VII.

И чувствую, душа
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда
Чиста, печальна и покойна? . . . .

VIII.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенный,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей.

Digitized by Google

IX.

Счастливъ тотъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловитъ свѣтлый взоръ,
Движенья милыя, игривый разговоръ
И слѣдъ улыбки незабвенной.

X.

Два чувства дивно близко къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

XI.

Забылъ и рощу, и свободу,
Невольникъ — чижикъ надо мной:
Зерно клюетъ, и брызжетъ воду,
И пѣснью тѣшится живой.

XII.

«Все кончено; межъ нами связи нѣтъ».
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣна,
Произносилъ я горестныя пени:
«Все кончено» — я слышу твой отвѣтъ.

Читатель вѣроятно замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами стихотворныхъ фразъ принадлежатъ уже къ извѣстной поэтической дѣятельности автора; такъ обозначенная цыфрой IX къ ряду антологическихъ его произведеній, писанныхъ въ Крыму, а XII—можетъ быть, къ тѣмъ лирическимъ пѣснямъ, въ числѣ которыхъ считается «Заклинаніе». Но есть между ними и такія, которыя не тронуты съ минуты ихъ изложенія. Пушкинъ, вѣроятно, забылъ объ нихъ, вмѣстѣ, можетъ быть, съ чувствами, возбудившими поэтическую мысль. Поблеклыя отъ времени и пренебреженныя самимъ авторомъ, они сохранились въ бумагахъ его, какъ сохраняется у знаменитаго художника старый рисунокъ его, на который, при случаѣ, онъ бросить взглядъ съ участіемъ. . . .

Къ третьему отдѣлу замѣтокъ мы относимъ всѣ стихотворныя фразы, записанныя Пушкинымъ на лету, для печати. Онѣ уже не относятся къ какому- либо впечатлѣнію извнѣ или къ душевной его по-

Digitized by Google

вѣсти, а представляютъ только подробности, орнаменты, части созданій, замышленныхъ въ тиши кабинета. Работающая фантазія поэта тотчасъ помѣчала оборотъ или идею, мелькнувшіе въ головѣ, для употребленія ихъ въ дѣло, когда наступитъ часъ творчества. Къ нѣкоторымъ онъ самъ приложилъ указанія, куда слѣдуетъ отнести ихъ, а другіе очертилъ кругомъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ всего написаннаго рядомъ. Значительное количество такихъ замѣтокъ разсѣяно по разнымъ мѣстамъ всей его кипы бумагъ.

(По расчисленію философическихъ таблицъ.
«Евгеній Онѣгинъ. Пѣснь VII».)

Какъ нянька бѣдная
За вами я слѣжу.

—

Порой воспоминанье
Какъ тѣнь опять бѣжитъ ко мнѣ . . . .
. . . . . .
Грызетъ мнѣ сердце въ тишинѣ.

—

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный коранъ;
Внезапно ангелъ утѣшенья
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.

Безъ труда можно было бы увеличить объемъ этого отдѣла, въ которомъ записаны первые проблески поэтическихъ идей или оборотовъ, развитыхъ впослѣдствіи авторомъ ихъ, но цѣль, какую имѣли въ виду, достигается и этими немногими приложеніями.

Весьма значительную часть въ отрывкахъ составляютъ всѣ тѣ переводы иностранныхъ поэтовъ, всѣ тѣ подражанія имъ, посредствомъ которыхъ Пушкинъ любилъ испытывать свою способность усвоивать чуждые пріемы и принимать, по произволу, различныя формы и оттѣнки стихотворства. Это была, такъ сказать, его поэтическая забава. Къ этому отдѣлу должно отнести и переводъ изъ Орландо, о которомъ уже говорено. Такъ точно онъ въ шуточномъ видѣ перенималъ Александрійскій, важный стихъ Буало, послѣ него старался поддѣлаться подъ ребяческую сантиментальность трубадура, затѣмъ переходилъ къ риторической торжественности Альфіери и, наконецъ, даже пробовалъ передать безцвѣтную текучесть свѣтскаго разговора во французской комедіи. По всему этому остались образцы въ тетраяхъ его. Вотъ подражаніе Буало.

Digitized by Google

XIII.

Французскихъ рифмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густаго парика,
Хотя растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобой
Занять каѳедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни безпокоятъ!
Уже ли все молчать, да слушать?... О бѣда!
Нѣтъ все имъ выскажу однажды навсегда.
О вы, которые восчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спѣша,
Постойте! Напередъ узнайте чѣмъ душа
У васъ исполнена....

Надо прибавить, что отрывокъ этотъ, какъ и отрывокъ изъ комедіи, едва набросанъ карандашемъ. Вотъ романсъ трубадура:

XIV.

«*Съ Португальскаго*: *Gonzado*».

Тамъ звѣзда зари взошла.
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.

На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала темны очи,
Удаляя грезы ночи.

Digitized by Google

И являлася она
У дверей, иль у окна
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.

Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку.

На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣялъ,
Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

И пѣвалъ, бывало, ей
Передъ красавицей моей;
Она пѣсни улыбалась,
Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я.
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны.

Отъ этихъ дѣтски-томныхъ изліяній переходимъ къ отрывку изъ Альфіери. Это переводъ монолога Изабеллы, изъ лучшей его трагедіи: «Филиппъ II», но здѣсь останавливаетъ насъ весьма любопытная подробность. Мы можемъ опредѣлить время изложенія отрывка. Въ 1827 году, Пушкинъ перечитывалъ трагедію Альфіери, въ переводѣ адмирала Шишкова, и остановился на первомъ явленіи ея, содержащемъ, какъ извѣстно, монологъ Изабеллы. А. С. Шишковъ передалъ бѣлые стихи Итальянскаго драматурга такъ:

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Изабелла.

«Желаніе, страхъ, сомнительная и преступная надежда, ступайте изъ груди моей!—Филиппова сына, невѣрная Филиппу жена, дер-

Digitized by Google

заю я любить? я!—Но кто можетъ видѣть его и не любить? Смѣлое исполненное человѣколюбія сердце, благородная гордость, высокой умъ и въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа—ахъ! для чего природа и небо сотворили тебя таковымъ?... Увы! что я говорю? Такъ ли сладкой образъ его вырываю изъ глубины моего сердца? О! ежели бы о семъ пламени кто-нибудь изъ живущихъ на земли былъ извѣстенъ! О! ежели бы могъ онъ самъ подозрѣвать его! Онъ всегда печальну меня видитъ. . . . печальну, правда, но въ то же время и убѣгающу отъ лица его; и знаетъ, что всякое веселіе изгнано изъ Гишпаніи—а въ сердцѣ у меня кто можетъ прочитать? Ахъ! когда бы сама я, что происходитъ въ немъ, столько же, какъ и другіе, не знала! о! есть-ли бы могла обманыватъ себя, убѣгать отъ себя самой также, какъ отъ другихъ! . . . Несчастная! слезы одна мнѣ отрада; но и слезы преступленіе.—Сокроемъ далѣе внутрь храминъ моихъ печаль мою; тамъ свободнѣе. . . . Что я вижу? Карлъ? Ахъ, уйдемъ: каждое слово мое, каждый взглядъ, могутъ мнѣ измѣнить: о небо! уйдемъ».

Въ параллель съ этимъ переводомъ и почти слѣдуя за всѣми его выраженіями, съ нѣкоторыми измѣненіями въ концѣ, Пушкинъ передалъ въ пятистопныхъ бѣлыхъ стихахъ монологъ Альфіери. Это столько же прямой переводъ съ Итальянскаго, сколько и обращеніе прозы А. С. Шишкова въ метръ и стопы.

XV.

(*Изъ Alfieri.*)

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга Филиппу —
И сына я его любить дерзаю!
Но какъ же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ съ наружностью прелестной . . . .
Прекрасная душа!.... Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Искоренить? О, если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
Всегда печальна я; но избѣгаю

Digitized by Google

Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
Не должно мнѣ!.... И онъ, какъ и другіе,
Обманется — и станетъ, какъ другіе,
Онъ убѣгать меня.... Увы мнѣ, бѣдной!....
Другаго нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ и слезы — преступленье!
Иду къ себѣ; тамъ буду на свободѣ....
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
И рѣчь и взоръ — все можетъ. Ахъ, уйдемъ.

Подражаніе тону французской комедіи и притомъ еще въ приложеніи ея къ русскому быту также принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ капризу художника и къ мысли посмотрѣть, какъ составляются подобныя произведенія у насъ. Можетъ быть и этотъ любопытный отрывокъ порожденъ какой нибудь ближайшей причиной, которая уже для насъ потеряна.

Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ;
Откланяюсь пока, она мнѣ надоѣла,
Къ тому жъ и безъ нее мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ
Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
Ахъ, матушка! Предвижу увѣщанья!
А, здравствуйте, maman.— «Куда же ты? постой.
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить». — Я зналъ. — «Имѣй терпѣнье,
Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье....»
А въ чемъ же? — «Да во всемъ; во первыхъ ты жены
Не видишь никогда — точь-въ-точь разведены:
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?....»

Такъ забавлялся про себя поэтъ нашъ всѣми видами стихотворства и бросалъ нѣкоторыя черты, наиболѣе остановившія его вниманіе, на бумагу, какъ скиццы или очерки. Между прочимъ къ этому отдѣлу принадлежатъ почти всѣ его позднѣйшія подражанія древнимъ. Собранныя посмертнымъ изданіемъ его сочиненій безъ порядка и безъ всякой оговорки, они давно уже поражали читателей слабостію

Digitized by Google

стиха и отдѣлки, не имѣвшихъ ничего общаго съ обыкновенными признаками его произведеній: силой содержанія и оконченностью внѣшней формы. Дѣло въ томъ, что антологическія пьесы Пушкина есть точно такіе же отрывки, записанные наскоро и безъ особеннаго вниманія, какъ и тѣ, которые приведены здѣсь. Это опять программы произведеній, но не произведенія; результатъ перваго впечатлѣнія отъ чтенія древнихъ поэтовъ и артистической потребности воспроизвести содержаніе и манеру ихъ. Таковы: VII *Ода Анакреона, Отрывокъ изъ Анакреона, Богъ веселый винограда, Юноша скромно пируй, Мальчикъ, Юноша горько рыдая, Отъ меня вечоръ Лешла, Не розу Пафосскую, Подражаніе Арабскому.* Всѣ эти пьесы найдены нами въ особенномъ пакетѣ, куда вложены были, вѣроятно, самимъ Пушкинымъ. Можно бы присоединить къ отрывочнымъ стихотвореніямъ и такія какъ: «*Пажъ или 15-й годъ*», романсъ: «*Предъ Испанкой благородной*» и нѣсколько другихъ. Они стоятъ теперь рядомъ со всѣми изящнѣйшими произведеніями его, и по качествамъ своимъ сильно отличаются отъ этихъ полныхъ и обдуманныхъ созданій [1]).

Послѣдній отдѣлъ отрывковъ составляетъ наконецъ стихотворенія, обозначенныя единственно рифмами, которыя такимъ образомъ походятъ какъ будто на раму, заготовленную для принятія поэтической мысли. Нужно ли говорить, что стихотвореніе у Пушкина не цѣплялось за рифмы, изготовленныя прежде, чтобъ выйти на свѣтъ, какъ это дѣлаетя у тружениковъ стихотворства, а что рифмы были у него такія же помѣтки для сбереженія мысли въ цѣлости, какія представляютъ намъ всѣ его программы? Изъ многихъ примѣровъ этого способа созданія, находящихся у насъ подъ руками, приведемъ одинъ. Подъ

---

[1]) Въ бумагахъ Пушкина сохранилось еще нѣсколько отрывковъ изъ посланій къ друзьямъ, нигдѣ не напечатанныхъ: лица, имѣющія ихъ въ рукахъ своихъ, въ полномъ и оконченномъ видѣ, вѣроятно, сообщатъ публикѣ эти весьма любопытныя произведенія нашего поэта. Мы не имѣемъ возможности приводить здѣсь урывки, которые, статься можетъ, совсѣмъ не похожи на настоящія стихотворенія. Вотъ примѣръ такого посланія къ одному изъ товарищей поэта:

Къ М *.

Завидую тебѣ питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ?
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой....

Въ Москвитянинѣ 1841 года № 10, г. И. Добр—нъ, въ письмѣ къ издателю

Digitized by Google

живымъ впечатлѣніемъ знаменитаго произведенія К. П. Брюлова: Послѣдній день Помпеи, Пушкинъ началъ поэтическую картину изверженія Везувія и гибель древняго города, съ яснымъ намѣреніемъ идти не только параллельно съ живописнымъ разсказомъ художника, но и передать его одушевленіе, его энергію и краски. И вотъ какъ записалъ Пушкинъ свою собственную картину, которая должна была соперничать, въ другомъ родѣ изящнаго, съ созданіемъ художника:

Везувій зѣвъ открылъ — дымъ хлынулъ клубомъ, пламя
Широко развилось какъ боевое знамя....
Земля волнуется.... съ.... колоннъ
Кумиры падаютъ!.... стонъ
. . . . . народъ, гонимый страхомъ
(Подъ каменнымъ дождемъ)....
И воспаленнымъ прахомъ
Бѣжитъ..... пожаръ блеща....

Съ опасеніемъ докучныхъ повтореній скажемъ, что изъ такихъ безсвязныхъ намековъ, гдѣ только слышатся окончанія стиховъ, создавалъ Пушкинъ картины высокаго пластическаго совершенства, и сейчасъ же приводимъ замѣчательный примѣръ этому.

Перебирая бумаги поэта, мы встрѣтили одно стихотвореніе его, принадлежащее къ тому же отдѣлу черновыхъ отрывковъ, которыми теперь занимаемся, но уже въ немъ заключенъ образъ столь яркій и смѣлый, что, кажется, недостаетъ только самой легкой отдѣлки для превращенія его въ полную и превосходную поэтическую картину, въ классическомъ родѣ. Можно подивиться, какъ пьеса эта

его о сочиненіяхъ Пушкина, приводитъ неизданное стихотвореніе Пушкина: Циклопъ.

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей:
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

Г. Добр—нъ сопровождаетъ это стихотвореніе замѣчаніемъ, которое остается для насъ необъяснимымъ. «Оно (стихотвореніе) напечатано, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ другими французскими и нѣмецкими стихами, сдѣланными на тотъ же случай въ немногихъ экземплярахъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть одинъ изъ нихъ и читалъ между ними русскіе стихи И. А. Крылова, которыхъ, къ сожалѣнію, не могу припомнить». Такихъ отдѣльныхъ произведеній, таящихся въ рукахъ знакомыхъ и пріятелей поэта, вѣроятно еще много.

Digitized by Google

затерялась въ бумагахъ Пушкина и не заслужила его вниманія. Представляемъ здѣсь первыя три ея строфы:

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.

Въ то время ты вставалъ: твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣницы —
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.

М....! Не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцыта.
Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго Піита!....

Отрывокъ этотъ, писанный, вѣроятно, въ 1825 году, кромѣ своего достоинства и интереса, связаннаго съ исторіей его происхожденія имѣетъ еще интересъ по отношенію къ старой литературѣ нашей. Угасавшій орелъ Екатерины, поэтъ Петровъ, на 60 году своей жизни написалъ извѣстную свою оду: Его Высокопревосходительству Адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову 1796 г. (см. сочиненія Петрова, часть 2, стр. 182, изд. 1811 года.), которая блеститъ если не изяществомъ внѣшней отдѣлки, то глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Они дѣлаютъ ее трогательной, не смотря на отсутствіе поэтическихъ красокъ. . . . Теплота и одушевленіе оды Петрова становятся тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ труднѣе уже старцу-поэту справиться съ непокорнымъ матеріаломъ, съ версификаціей строфы. Вся пьеса есть образецъ истиннаго чувства, не обрѣтающаго поэтической формы для выраженія своего. Стихотвореніе Пушкина указываетъ не только на посланіе Петрова, но еще какъ будто особенно связано съ одной строфой его, которую здѣсь выписываемъ:

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
Обильный обѣщая плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:
Ты будешь отчества оплотъ!
Свершеніе надежды,
Моими зря днесь вѣжды
И славу сбытія,
Не возыграю ль я!

Digitized by Google

Пушкинъ, подхвативъ мысль поэта-старца, развиваетъ ее въ духѣ стремленія къ пластической передачѣ явленій, что составляетъ отличительное качество, такъ называемой, классической поэзіи. Строфа, изображающая пробужденіе стараго орла, есть какъ будто дополненіе строфы Петрова, сдѣланное спустя 30 лѣтъ и поэтомъ, въ которомъ идеи предшественниковъ обнаруживаютъ только новую сторону творческой силы. Слѣдующія за ней уже пять не болѣе, какъ стихотворныя замѣтки, и характеръ этотъ обнаруживается даже въ самомъ механизмѣ ихъ:

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его,
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты новый Долгорукій!

Такъ.... съ вершины горы скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще брега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ и волны вкругъ мутясь
И увиваются, и плещутъ!

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ
Ты зорко бодрствуешь надъ Царскою казною!
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою....

На этомъ замѣчательномъ произведеніи кончаемъ пересмотръ отрывковъ. Мы видѣли прежде кабинетную дѣятельность поэта; теперь покидаемъ вмѣстѣ съ читателемъ обширную мастерскую художника, гдѣ навалены груды разнородныхъ матеріаловъ съ неясными помѣтками его и гдѣ со всѣхъ сторонъ бросаются въ глаза рисунки, модели, частности и обломки произведеній, вполнѣ возбуждающіе вниманіе, но иногда не вполнѣ удовлетворяющіе его.

Digitized by Google

ГЛАВА XXX.

Продолженіе 1832 года. Весна и лѣто 1833 года. Плодовитость его въ литературномъ отношеніи. Возвращеніе къ 1832 г.— Пушкинъ продаетъ Смирдину право полнаго изданія Онѣгина. — Третья часть собранія стихотвореній Пушкина. — Проэктъ основать политико-литературную газету.— Мысли Пушкина по поводу этого проэкта. — Въ какой мѣрѣ изданіе газеты соглашалось съ характеромъ Пушкина. — Дозволеніе на газету и отвѣтъ Пушкина друзямъ на вопросы ихъ по этому предмету.— Статейки, заготовленныя въ видѣ образчика для газеты. — Работа въ Архивахъ съ зимы 1832 г. — 7 января 1833 г. Пушкинъ членъ Россійской Академіи; статьи его: «Россійская Академія», «О мнѣніи М. А. Лобанова». — Весною 1833 г. Пушкинъ живетъ на «Черной рѣчкѣ». — Труды и купанье его. — Къ осени 1833 г. у Пушкина готовы «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта», черновые оригиналы «Капитанской дочки», «Русалки», «Дубровскаго».

Возвращаемся назадъ къ 1832 году. Существованіе Пушкина въ это время расширялось все болѣе и болѣе и жизнь начинала принимать размѣры, для поддержанія которыхъ требовалась постоянная дѣятельность и усиленная работа. Продавъ полное изданіе Онѣгина книгопродавцу Смирдину, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдалъ третью часть собранія стихотвореній своихъ (первыя двѣ явились въ 1829 г., а четвертая, послѣдняя, въ 1835). Въ поискахъ своихъ для обезпеченія новыхъ потребностей жизни и покрытія старыхъ недочетовъ, онъ остановился на мысли основать политико-литературную газету, на подобіе тѣхъ, какія уже существовали у насъ. На все это дѣло онъ смотрѣлъ преимущественно съ коммерческой стороны и въ поводахъ, изложенныхъ имъ для осуществленія своей мысли, она же стоитъ на первомъ планѣ. Мы имѣемъ вчернѣ весьма любопытный документъ, прилагаемый здѣсь.

«10 лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало

Digitized by Google

Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

«Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на Русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

«Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она часть частной промышленности, покровительствуемой законами.

«Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ, и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

«Одна «Газета», издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

«Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о невовышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется симъ правомъ и хорошо дѣлаетъ.

«Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ, но журналы чисто литературные, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500,—слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствителенъ.

«Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ «Газеты.»

Неопытность Пушкина въ собственномъ дѣлѣ обнаружилась здѣсь сильнѣе, чѣмъ когда либо, хотя мы имѣемъ и кромѣ того множество другихъ доказательствъ, что результаты его финансовыхъ предпріятій почти всегда были въ обратномъ отношеніи съ надеждами и первой пылкой мыслію, ихъ пораждавшей. Практическій смыслъ Пушкина, о которомъ мы часто упоминали, проявлялся въ мірѣ умственныхъ требованій весьма ясно, но часто измѣнялъ ему, когда дѣло шло о требованіяхъ другаго рода. Никогда не могъ быть поэтъ нашъ издателемъ журнальнаго листка. Необходимость ежедневнаго выхода передъ публикой, отдачи своей мысли по мелкимъ частямъ, все это было уже противно его природѣ. Не говоримъ о томъ, что Пушкинъ не могъ бы пріобрѣсть, даже съ помощію долгаго времени, той сноровки издателя газеты, которая замѣняетъ ему часто знаніе и раз-

Digitized by Google

мышленіе и такъ необходима въ его спѣшной работѣ. Однако же просьба и домогательства его увѣнчались успѣхомъ. Онъ получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но почти на другой же день писалъ съ досадой къ друзьямъ, отвѣчая на ихъ любопытные разспросы: «Какую программу хотите вы видѣть? Извѣстіе о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію.... Остальное мало меня интересуетъ.» и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, откладывая день за день исполненіе своего предпріятія, Пушкинъ наконецъ совсѣмъ потерялъ его изъ виду и забылъ объ немъ, какъ и слѣдовало ожидать. Нѣкоторое время еще оставались въ рукахъ его друзей статейки, приготовленныя имъ для газеты въ видѣ обращика. Эти послѣдніе свидѣтели намѣренія его теперь сохраняются въ бумагахъ его, какъ примѣры мастерскаго изложенія событій.

Другаго рода занятія, болѣе строгія и болѣе плодотворныя, ожидали поэта въ ту же эпоху. Съ зимы 1832 года онъ сталъ посвящать все свое время работѣ въ Архивахъ, куда доступъ былъ ему открытъ еще въ прошломъ году. Изъ квартиры своей въ Морской (домъ Жадимеровскаго) отправлялся онъ каждый день въ разныя вѣдомства, предоставленныя ему для изслѣдованій. Онъ предался новой работѣ своей съ жаромъ, почти со страстью. Такъ протекла зима 1832. 7-го января слѣдующаго 1833 года, онъ былъ принятъ въ число членовъ Императорской Россійской Академіи и дипломъ, выданный ему на званіе это 13-го числа того же мѣсяца, скрѣпленъ подписью тогдашняго президента ея, адмирала Александра Семеновича Шишкова. Въ остальную часть зимы Пушкинъ прилежно посѣщалъ засѣданія Академіи по субботамъ: онъ вообще весьма серьезно смотрѣлъ на труды и обязанности ученаго сословія, что доказывается и нѣкоторыми статьями его, каковы: «Россійская Академія» и «О мнѣніи М. А. Лобанова» [1]). Весной 1833 года онъ переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, и отправлялся пѣшкомъ оттуда каждый день въ Архивы, возвращаясь такимъ же образомъ назадъ. Какъ только истощались его силы отъ усиленнаго физическаго и умственнаго труда, онъ шелъ купаться и этого средства уже достаточно было, чтобъ снова возвратить

[1]) Мы еще не упомянули, что весной 1830 Пушкинъ былъ выбранъ также Членомъ и Общества любителей Россійской Словесности, существовавшаго тогда въ Москвѣ. Извѣстно, что въ періодическомъ изданія этого Общества появились нѣкоторыя изъ первыхъ его произведеній. Однакожъ Пушкинъ ни разу не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Общества и шутя говорилъ о немъ, что оно уже до излишества выказываетъ отличительное свойство Москвы — гостепріимство.

Digitized by Google

ему бодрость и способности. При такой непрерывной и страстной дѣятельности не мудрено, что къ осени 1833 года были у него готовы матеріалы для Исторіи Пугачевскаго бунта, написана вчернѣ Капитанская дочка и въ портфеляхъ лежали почти совсѣмъ обдѣланные—Русалка и Дубровскій.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXI.

«Исторія Пугачевскаго бунта», Капитанская дочка», «Русалка», «Дубровскій». Пушкинъ и Гоголь. «Исторія Пугачевскаго бунта». — Перечисленіе архивовъ и книгохранилищъ, которые открыты были для Пушкина. — Характеръ его работъ. — Работа и свѣтъ. — «Капитанская дочка» идетъ объ руку исторіей «Пугачевскаго бунта». — Она служитъ предлогомъ къ поѣздкѣ въ Казань и Оренбургъ. — Черновой отрывокъ, изъ коего составлена просьба объ отпускѣ. — «Русалка», черновой оригиналъ въ тетрадяхъ 1826 г. — Помѣтка послѣ первой сцены, ея значеніе. — Программа драмы. — Родство драмы съ пѣснію «Янышъ-королевичъ». — Время появленія въ свѣтъ «Капитанской дочки», «Русалки», Дубровскаго». — Когда написанъ и изданъ въ свѣтъ «Арапъ Петра Великаго». — (1827 — 37). — Сцена, выброшенная изъ «Русалки». — Двойная редакція пѣсенъ Русалокъ въ IV дѣйствіи, либретто для оперы. — Значеніе «Русалки» въ исторіи Пушкинскаго творчества. — Значеніе «Дубровскаго» и отношеніе къ Гоголю. — Явленіе Гоголевыхъ «Вечеровъ». — Знакомство Гоголя съ Пушкинымъ. — Слова Гоголя объ отношеніяхъ Пушкина къ нему. — Сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора». — Мнѣніе Пушкина о Гоголѣ. — Анекдотъ 1829 г., касающійся послѣдняго. — Отрывки изъ письма Пушкина 1832 г., касающіеся «Дубровскаго», изданія «Сочиненій Баратынскаго», оперы Вельтмана: «Лѣтняя ночь», компониста Есаулова.

При собираніи документовъ для исторіи Петра Великаго, Пушкинъ встрѣтился съ матеріалами, которые показались ему столь важными, что онъ положилъ ихъ въ основаніе побочнаго изслѣдованія, ни сколько не упуская изъ вида главнаго предмета своихъ розысковъ. Второстепенный, эпизодическій трудъ этотъ породилъ Исторію Пугачевскаго бунта, вышедшую въ 1834 году. Здѣсь кстати будетъ перечислить всѣ мѣста, съ которыми Пушкинъ вошелъ въ сношенія послѣ Всемилостивѣйшей довѣренности, облекшей его правомъ пользованія сокровищами Государственныхъ Архивовъ. Вслѣдъ за первымъ дозволеніемъ, онъ получилъ Высочайшее согласіе на разсмотрѣніе библіотеки Вольтера, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ (29 февраля 1832); затѣмъ получилъ право сноситься съ С.-Петербургскимъ Архивомъ Инспекторскаго Департамента и съ Московскимъ Отдѣле-

Digitized by Google

ніемъ его, препроводившимъ къ нему три книги, касавшіяся до исторіи Графа Суворова-Рымникскаго, вмѣстѣ съ донесеніями и реляціями Фельдмаршала во время кампаній 1794, 1799 и частію 1800 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему открытъ былъ Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которому, между прочимъ, посвятилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ 1836 года—послѣдняго года своей жизни. Съ сокровищами Государственнаго Архива онъ ознакомился подъ руководствомъ и наблюденіемъ его сіятельства графа Димитрія Николаевича Блудова. Такъ разнообразны были археологическія занятія Пушкина. Во всемъ этомъ особенно изумительно распоряженіе его своимъ временемъ, способность сохранять неослабно строгую задачу жизни въ средѣ обширнаго знакомства, какое онъ имѣлъ, и между разнообразнѣйшими требованіями и наслажденіями общества, которыми никогда не пренебрегалъ. Мысль его сберегалась, безъ ущерба, въ шумѣ заботъ и во всемъ ходѣ великолѣпной столичной жизни. Не смотря на непрерывную дѣятельность свою, онъ еще находилъ время и много времени для исполненія условій и необходимостей личнаго своего положенія. Рѣдко измѣняла ему нравственная сила, потребная для того, чтобы сохранять равновѣсіе между противоположными впечатлѣніями такой жизни и не допускать развитія менѣе важной стороны ея на счетъ другой. Эти рѣдкія минуты наступали особенно тогда, когда, по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, разсѣянія и заботы слишкомъ выдавались впередъ. Никогда не слѣдовалъ онъ, да и не могъ слѣдовать, афоризму, произнесенному имъ въ статьѣ о Вольтерѣ: «настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ». Правда, онъ жаловался, если на нѣкоторое время одна сторона жизни его перемогала другую, но это принадлежало къ минутнымъ случайностямъ жизни. Такъ въ 1833 году писалъ онъ въ Москву, «заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать, но нѣтъ у меня досуга.... необходимаго для писателя.... Кручусь въ свѣтѣ.... все это требуетъ денегъ: деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія». Послѣ такихъ жалобъ, Пушкинъ снова возвращался къ обыкновенному теченію жизни и старался возстановить равновѣсіе между ея противоположными элементами. Въ такой рамѣ заключена была его поэтическая и ученая дѣятельность. Рядомъ съ своимъ историческимъ трудомъ Пушкинъ началъ, по неизмѣнному требованію артистической природы, романъ: Капитанская Дочка, который представлялъ другую сторону предмета—сторону нравовъ и обычаевъ эпохи. Сжатое и только по наружности сухое изложеніе, принятое

Digitized by Google

имъ въ исторіи, нашло какъ будто дополненіе въ образцовомъ его романѣ, имѣющемъ теплоту и прелесть историческихъ записокъ. Оба произведенія были кончены въ одно время, и когда въ августѣ 1833 г. собрался онъ посѣтить Оренбургъ и Казань, то въ числѣ причинъ, побуждающихъ его къ этой поѣздкѣ, представлялъ и необходимость довершить романъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ его дѣйствіе. Коммерческія соображенія занимаютъ тутъ, какъ и всегда, свою долю. Все это можно видѣть изъ черноваго отрывка, съ котораго, вѣроятно, составлена была просьба объ отпускѣ, поданная имъ своему начальству по службѣ. «Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.... 30 Іюля. Черная рѣчка».

Русалка, мы уже знаемъ, не имѣла оглавленія у Пушкина. Въ рукописяхъ его сохраняется одна перебѣленная копія ея, съ помѣткой послѣ первой сцены: «12 Апрѣля 1832», хотя первыя неясныя черты драмы встрѣчаются уже въ тетрадяхъ 1829 года. Это превосходное созданіе особенно поражаетъ соединеніемъ фантастическаго сказочнаго содержанія съ истинно-драматическимъ положеніемъ лицъ, отъ чего въ одно время и въ удивительной гармоніи развивается чудное и сверхъестественное о бокъ съ самымъ опредѣленнымъ содержаніемъ и съ картиной стараго Русскаго быта. Изящество отдѣлки въ этомъ отрывкѣ достаточно извѣстно публикѣ, но прямое участіе фантастическаго міра въ дѣлахъ земли, обѣщавшее новое развитіе страстей и положеній, новыя откровенія человѣческаго сердца, внезапно прерывается съ появленіемъ молодой Русалочки и со словами Князя: «Откуда ты, прекрасное дитя?» Программа не открываетъ намъ ничего далѣе. Вотъ въ какомъ видѣ находится она въ бумагахъ:

Мельникъ и его дочь.

Свадьба.

Digitized by Google

Княгиня и мамка.
Русалки.
Князь старикъ и Русалочка.
Охотники.

Только «охотники» еще не тронуты были авторомъ, но теперь они ничего не выражаютъ и не даютъ ни малѣйшей пищи любопытству изслѣдователя. Дальнѣйшее развитіе фантастической драмы должно искать не тутъ, а въ Чешскомъ сказаніи: *Янышъ Королевичъ*, которое переведено было Пушкинымъ и помѣщено въ «Пѣсняхъ Западныхъ Славянъ». Въ пьесѣ Янышъ Королевичъ находимъ первую мысль Русалки, и замѣчательно, что Пушкинъ перевелъ изъ сказанія столько, сколько переложилъ въ драму, а объ остальной части вскользь упомянулъ въ примѣчаніяхъ къ Пѣснямъ Западныхъ Славянъ: «Пѣсня о Янышѣ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю». Перебѣленная рукопись Пушкина сохраняетъ еще множество помарокъ и исправленій карандашемъ, изъ которыхъ одни вошли въ текстъ при печатаніи драмы, а другія не могли войти, будучи только непонятными намеками на поправки [1]). Между прочимъ и въ ней встрѣчается одно мѣсто, зачеркнутое Пушкинымъ крестъ накрестъ и которое дѣйствительно принадлежитъ къ уклоненіямъ фантазіи, принявшей незамѣтно боковой, неправильный ходъ. По обыкновенію приводимъ это мѣсто для поученія молодымъ писателямъ. Во второй сценѣ драмы, послѣ свадьбы Князя и укорительныхъ словъ Дружки дѣвушкамъ за несвадебную пѣсню ихъ, въ рукописи сцена еще продолжается:

Дружко.

Ужь эти дѣвушки! Никакъ нельзя имъ
Не напроказить. Статочное ли дѣло

---

[1]) «Капитанская дочка» напечатана была при жизни автора въ Современникѣ 1836 года, томъ четвертый. «Русалка» — въ Современникѣ 1837, послѣ смерти поэта, томъ шестой, а «Дубровскій» уже сообщенъ былъ посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина въ 1841 году. Такимъ образомъ первое произведеніе оставалось неизвѣстнымъ публикѣ 4 года, второе 5 лѣтъ, третье почти 9. Кстати сказать, что и Арапъ Петра Великаго не имѣетъ оглавленія у Пушкина. Онъ былъ написанъ въ 1827—1828 году, напечатанъ послѣ смерти автора въ Современникѣ же 1837 года, томъ шестой, и пролежалъ въ тетрадяхъ Пушкина тоже слишкомъ 9 лѣтъ.

*

Digitized by Google

Мутить нарочно княжескую свадьбу.
Ба! это что? Да это голосъ князя....
(*Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату.*)
Ты видѣла?

Сваха.

Да, видѣла.

Князь (*выбѣгаетъ*).

Держите!
Гоните со двора ее долой!
Вотъ слѣдъ ея — съ нее вода течетъ.

Дружко.

Юродивая, можетъ статься. Слуги,
Смѣясь надъ ней, ее, знать, окатили.

Князь.

Ступай прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣли
Надъ нею издѣваться и ко мнѣ
Впустить ее? (*уходитъ.*)

Дружко.

Ей Богу это странно.
Кто тамъ? (*входятъ слуги*). Зачѣмъ пустили эту дѣвку?

Слуга.

Какую?

Дружко.

Мокрую.

Слуга.

Мы мокрыхъ дѣвокъ
Не видѣли.

Дражко.

Куда жъ она дѣвалась?

Слуга.

Не вѣдаемъ.

Сваха.

Охъ, сердце замираетъ.
Нѣтъ, это не къ добру.

Дружко.

Ступайте вонъ,
Да ни кого, смотрите, не впускайте.

Digitized by Google

Пойти-ко мнѣ садиться на коня.
Прощай кума.

Сваха.

Охъ, сердце не на мѣстѣ.
Не въ пору сладили мы эту свадьбу.

Въ замѣнъ, обаятельныя пѣсни Русалокъ въ 4 сценѣ драмы имѣютъ еще у Пушкина двойную редакцію. Рядомъ съ первымъ текстомъ, принятымъ всѣми изданіями:

Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи вдали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна,

у Пушкина еще стоитъ другой:

Поздно. Рощи потемнѣли,
Холодѣетъ глубина,
Пѣтухи въ селѣ пропѣли,
Закатилася луна.

Въ первой пѣснѣ Русалокъ, послѣ стиховъ:

И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать,

Пушкинъ съ боку, словно намѣреваясь еще продолжать ее, написалъ:
«Слушать ухомъ ненасытнымъ
Шумы разные земли . . . .

Слѣдующій за тѣмъ речитативъ Русалокъ, начинающійся во всѣхъ изданіяхъ такъ:

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ,

можетъ быть читанъ еще и такъ:

Тише, тише! подъ кустами
Что-то дрогнуло во мглѣ.

Намъ кажется даже, что эти вторыя редакціи еще лучше первыхъ. По нѣкоторымъ разсказамъ, сообщеннымъ недавно публикѣ, можно заключить, что Пушкинъ смотрѣль на Русалку свою, какъ на либретто для оперы. Въ такомъ случаѣ ни одна страна Европы не

Digitized by Google

имѣетъ либретто, болѣе исполненнаго чудной поэзіи, болѣе близкаго къ геніальному воспроизведенію въ искусствѣ народныхъ представленій. Намъ кажется, однакожъ, что Русалка Пушкина есть вмѣстѣ и его лебединая пѣснь, которой онъ прощался съ вольнымъ артистическимъ взглядомъ своимъ на предметы, переходя къ опредѣленному, строгому направленію, гдѣ артистъ уже подчиняется идеи, имъ самимъ избранной для себя.

Повѣсть: «Дубровскій» тоже не имѣла заглавія у Пушкина, мѣсто котораго занимаетъ помѣтка «21-го Октября 1832 года». Затѣмъ уже авторъ помѣчалъ каждую главу до послѣдней (см. примѣчанія къ роману), конченной 3 января, такъ что вся повѣсть была написана съ небольшимъ въ три мѣсяца и притомъ еще карандашемъ для скорости. Эта быстрота сочиненія объясняетъ нѣкоторые перерывы и отчасти романическій конецъ ея, который разнорѣчитъ съ сущностію всего остальнаго содержанія, замѣчательнаго строгой вѣрностію съ дѣйствительнымъ бытомъ и нравами описываемаго общества. Пушкинъ нарисовалъ свою картину съ особенной энергіей, а въ характерѣ Троекурова явился глубокимъ психологомъ. Вся повѣсть его и теперь поражаетъ соединеніемъ истины и поэзіи. Въ Русской литературѣ мало разсказовъ, отличающихся такимъ твердымъ выраженіемъ физіономіи: это живопись мастера. Весьма важно для литературныхъ соображеній и то, что Дубровскій написанъ ранѣе произведеній Гоголя изъ Русскаго быта, веденъ иначе, чѣмъ они, и совсѣмъ въ другомъ тонѣ; но мысль поставить современную жизнь на главный планъ, сохраняя ей тѣ черты поэзіи, драмы и особенностей, какія она заключаетъ въ себѣ, имъ обща.

Въ концѣ 1832 года, Н. В. Гоголь жилъ неподалеку отъ Пушкина, въ Малой Морской. Онъ издалъ тогда вторую часть своихъ Вечеровъ на хуторѣ, за которыми послѣдовали: Миргородъ, Арабески и Ревизоръ. Все это выходило подъ глазами, такъ сказать, Пушкина и друзей его [1]). Такимъ образомъ со многими изъ произведеній, заключавшимися въ сборникахъ Гоголя, Пушкинъ знакомъ былъ еще до появленія ихъ: Н. В. Гоголь читалъ ему предварительно свои разсказы. Мы уже видѣли, съ какимъ живымъ одобреніемъ встрѣтилъ онъ Вечера на Хуторѣ; дальнѣйшее развитіе Гоголя только увеличивало

[1]) Изданіе «Вечеровъ» и самое заглавіе этой книги (какъ нынѣ извѣстно) задумано и совершено по совѣту Н. А. Плетнева, который говорилъ тогда не умѣвшимъ цѣнить этотъ талантъ: «Въ его произведеніяхъ хранятся цѣльные куски золота».

Digitized by Google

надежды его на будущность молодаго писателя. Онъ понуждалъ его къ начатію какого-либо большаго созданія и Н. В. Гоголь сохранилъ намъ слова поэта въ одной изъ неизданныхъ своихъ записокъ, слова, которыя мы буквально переписываемъ здѣсь.

« . . . . . Но Пушкинъ заставилъ меня взлянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ, одинъ разъ послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего, мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этой способностью, не приняться за большое сочиненіе: это просто грѣхъ!» — Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за Донъ-Кишота, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями; и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому; это былъ сюжетъ Мертвыхъ душъ (Мысль Ревизора принадлежитъ также ему)».

И такъ, по сознанію самого Гоголя, и Ревизоръ и Мертвыя души принадлежали къ вымысламъ Пушкина. Въ 1835 году, когда Гоголь знакомилъ Петербургскихъ друзей своихъ съ первымъ изъ сихъ произведеній и довольно часто читалъ комедію на вечерахъ у разныхъ лицъ, Пушкинъ не уставалъ слушать его. Наклонность поэта къ веселости (самому драгоцѣнному и самому рѣдкому свойству въ писателѣ, по его мнѣнію), нашла здѣсь полное удовлетвореніе, какъ прежде въ разсказѣ о ссорѣ Ивана Пвановича съ Иваномъ Никифоровичемъ — и надъ обоими произведеніями смѣхъ его былъ почти неистощимъ. Серьезную сторону въ талантѣ Гоголя постигалъ онъ, однакожъ, съ замѣчательной вѣрностью. Онъ считалъ одно время «Невскій проспектъ» лучшею повѣстью его. Въ ней находилъ онъ замѣчательный шагъ отъ идиллической, комической и даже героической живописи Малороссійскаго быта къ болѣе близкой намъ дѣйствительности, которая подъ своею ровною поверхностію таитъ множество источниковъ поэзіи и разработка которой дѣлается тѣмъ почетнѣе, чѣмъ она труднѣе. Взглядъ Гоголя на способъ созданія, его манера

Digitized by Google

представленія лицъ и образовъ прямо, безъ оговорокъ и умствованій, совпадала съ мыслями, какія имѣлъ Пушкинъ о сущности и достоинствѣ разсказа. Даже неправильность языка, иногда такъ сильно бросающаяся въ глаза, особенно въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя, находила оправданіе у человѣка, который писалъ къ Погодину: «надо дать языку нашему болѣе воли», а про себя говорилъ: «прозой пишу я гораздо неправильнѣе [1]), а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.» Все это показываетъ несомнѣнно одно: съ раннихъ поръ Пушкинъ прозрѣвалъ къ Гоголѣ дѣятеля, призваннаго дать новую жизнь той отрясли изящнаго, которую онъ самъ пробовалъ съ славой, но для которрй потребенъ былъ другой талантъ, способный посвятить ей одной всѣ усилія свои и подарить ее созданіями, долго и глубоко продуманными. На это и указывалъ онъ Гоголю, представляя тѣмъ самымъ еще разъ подвержденіе мысли, что въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ мірѣ, нѣтъ внезапныхъ перескоковъ. То, что кажется явленіемъ, отрѣзаннымъ отъ всего прошедшаго, при ближайшемъ размотрѣніи, оказывается естественнымъ слѣдствіемъ предшествующаго развитія [2]).

Съ другой стороны (и это весьма важно для большаго поясненія самой личности нашего поэта), онъ не могъ быть вполнѣ доволенъ всѣмъ содержаніемъ Гоголя въ эту эпоху его развитія. Отъ зоркости Пушкинскаго взгляда не могли укрыться и рѣзкое, по временамъ, изложеніе мысли и еще жесткое проявленіе силы, не покорен-

---

[1]) Т. е. стиховъ. Замѣтка, однакожъ, не подтверждаемая прозаическими сочиненіями Пушкина.

[2]) Не можемъ удержаться, чтобъ не привести здѣсь забавнаго разсказа самого Гоголя о попыткахъ его познакомиться съ Пушкинымъ, когда онъ еще не имѣлъ права на это въ своемъ званіи писателя. Впослѣдствіи онъ былъ представленъ ему на вечерѣ у П. А. Плетнева, но прежде и тотчасъ по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ (кажется въ 1829 году), Гоголь, движимый потребностью видѣть поэта, который занималъ все его воображеніе еще на школьной скамьѣ, прямо изъ дома отправился къ нему. Чѣмъ ближе подходилъ онъ въ квартирѣ Пушкина, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ робость и наконецъ у самыхъ дверей квартиры развилась до того, что онъ убѣжалъ въ кандитерскую и потребовалъ рюмку ликера.... Подкрѣпленный имъ, онъ снова возвратился на приступъ, смѣло позвонилъ и на вопросъ свой: «дома ли хозяинъ», услыхалъ отвѣтъ слуги: «почиваютъ!» Было уже поздно на дворѣ. Гоголь съ великимъ участіемъ спросилъ: «вѣрно всю ночь работалъ.» — «Какъ же, работалъ, отвѣчалъ слуга, въ картишки игралъ». Гоголь признавался, что это былъ первый ударъ, нанесенный школьной идеализаціи его. Онъ иначе не представлялъ себѣ Пушкина до тѣхъ поръ, какъ окруженнаго постоянно облакомъ вдохновенія.

Digitized by Google

ной искусствомъ. И та и другая, часто еще у Гоголя вырывались наружу, помимо эстетическихъ условій, ограничивающихъ и умѣряющихъ ихъ. При томъ же Гоголь не обладалъ тогда и необходимою многосторонностію взгляда. Ему недоставало еще значительнаго количества матеріяловъ развитой образованости, а Пушкинъ признавалъ высокую образованность, какъ извѣстно, первымъ, существеннымъ качествомъ всякаго истиннаго писателя въ Россіи. Но мысли свои о людяхъ Пушкинъ высказывалъ чрезвычайно осторожно, цѣня всего болѣе лицевую сторону ихъ жизни, какъ знаемъ. Наединѣ, однакожъ, съ особами, которымъ хотѣлъ показать признаки всей своей довѣренности, онъ любилъ представлять образцы своего мѣткаго опредѣленія характеровъ и наблюдательной способности. Отсюда и причина нѣкоторыхъ недоразумѣній, какъ въ отношеніи самого Гоголя, такъ и въ отношеніи другихъ его знакомыхъ. Люди, слышавшіе довѣрчивыя его сужденія, принимали ихъ за нѣчто противоположное съ тѣми, какія высказывалъ онъ передъ свѣтомъ, публично, когда собственно никакого противорѣчія между ними не существовало и одни не исключали другихъ. Пишущій эти строки самъ слышалъ отъ Гоголя о томъ, какъ разсердился на него Пушкинъ за легкомысленный приговоръ Мольеру: «Пушкинъ, говорилъ Гоголь, далъ мнѣ порядочный выговоръ и крѣпко побранилъ за Мольера. Я сказалъ, что интрига у него почти одинакова и пружины схожи между собой. Тутъ онъ меня поймалъ и объяснилъ, что писатель, какъ Мольеръ, надобности не имѣетъ въ пружинахъ и интригахъ, что въ великихъ писателяхъ нечего смотрѣть на форму и что куда бы онъ ни положилъ добро свое—бери его, а не ломайся.» И таково было обаяніе личности поэта нашего, что когда за три мѣсяца до смерти Гоголя, составитель этихъ матеріаловъ напомнилъ ему о Пушкинѣ, то могъ видѣть, какъ перемѣнилась, просвѣтлѣла и оживалась его физіономія [1]....

---

[1]) Въ 1832 году, Пушкинъ еще оторвался отъ всѣхъ важныхъ своихъ занятій и уѣхалъ въ Москву на 28 дней (съ 12-го сентября), для приведенія въ порядокъ тамошнихъ дѣлъ, которыя сильно безпокоили его. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ написалъ къ П. В. Нащокину письмо, которое вкратцѣ передаетъ почти все, что гораздо подробнѣе разсказано нами прежде: «.... Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ, пишетъ онъ, въ неакуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять

Digitized by Google

ГЛАВА XXXII

Осень 1833 г. Поѣздка въ Оренбургъ и Болдино. Стихотвореніе «Странникъ», написанное на Черной-рѣчкѣ. — Пушкинъ получаетъ разрѣшеніе ѣхать въ Казань и Оренбургъ, заѣзжаетъ въ Болдино. — Въ сентябрѣ прибываетъ въ Казань. — А. Ф. Фуксъ. — Свѣдѣнія, сообщенныя ею о пребываніи Пушкина въ Казани. — Портретъ Каменева. — Выѣздъ изъ Казани и путь въ Оренбургъ, Даль, Пьяновъ, еще свѣдѣнія объ Есауловѣ. — Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Оренбурга 25 сентября и 2 октября является опять въ Болдино. — Мѣсяцъ творческой дѣятельности въ Болдинѣ. — Новый и послѣдній видъ творчества.

Мы видѣли, что съ дачи своей на Черной рѣчкѣ, гдѣ, между прочимъ, написанъ былъ 26 іюня: Странникъ (Однажды странствуя....), къ которому скоро возвратимся, Пушкинъ просилъ позволенія ѣхать въ отпускъ, въ Казань и Оренбургъ. Онъ получилъ разрѣшеніе на поѣздку 12-го августа, но началъ свое путешествіе, кажется, съ Дерпта, гдѣ тогда жила К. А. К—а. Въ концѣ этого мѣсяца мы уже находимъ его въ Нижегородской губерніи, въ селѣ Болдинѣ, откуда онъ и предпринялъ дальнѣйшее путешествіе по губерніямъ. 6-го сентября Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ Казань и на другой

поваровъ, наконецъ нанимать новую квартиру и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ остались бы неприкосновенными.... Долгъ получишь въ Генварѣ, какъ я уже распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce — поговоримъ о дѣлѣ. Честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго конченъ и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику Г. К. Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго прострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче — незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой. Мой журналъ остановился, потому что долго не приходило разрѣшенія. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ.... Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться, покамѣсть буду жаться понемногу. Мою статью я еще не продалъ, но продамъ во что

Digitized by Google

день рано утромъ отправился за 10 верстъ отъ города къ Троицкой мельницѣ, гдѣ Пугачевъ стоялъ лагеремъ, а вечеромъ посѣтилъ купца Крупеникова, бывшаго въ плѣну у самозванца. А. В. Фуксъ, супруга К. Ѳ. Фукса, замѣчательнаго человѣка, оставившаго такую благодарную память по себѣ въ Казани, разсказала намъ пребываніе Пушкина въ городѣ и въ ея домѣ (Казанскія Вѣдомости 1844 г., № 2). Пушкинъ говорилъ съ ней о значеніи магнетизма, которому вѣрилъ вполнѣ, передалъ анекдотъ о сдѣланномъ ему предсказаніи одной гадальщицей въ Петербургѣ, разбиралъ и оцѣнялъ современныхъ ему литераторовъ и людей, прибавивъ по обыкновенію

бы то нистало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты .... Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ и что я говорилъ съ нимъ объ изданіи полныхъ стихотвореній Евгенія Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится, слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться; пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай! 1832 года 2-го Октября, С-Пб.» Письмо это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Во первыхъ «Дубровскій» названъ въ немъ «Островскимъ», а во вторыхъ мѣсто о статуѣ совсѣмъ не относится въ «Мѣдному Всаднику», какъ замѣчено въ Москвитянинѣ 1851 (№ 23) къ выноскѣ, а къ дѣйствительной бронзовой статуѣ, которой владѣлъ Пушкинъ и собирался продать. Опера Г. Вельтмана, носила названіе, если не ошибаемся: «Лѣтняя ночь.» — Содержаніе авторъ заимствовалъ, вѣроятно, изъ извѣстной пьесы Шекспира. Она писалась для молодаго музыканта А. П. Есаулова, замѣчательнымъ способностямъ котораго отдаютъ справедливость всѣ знавшіе его коротко. Пушкинъ самъ принималъ въ немъ живѣйшее участіе, и мы думаемъ, что, не смотря на оперу Г. Вельтмана, онъ для А. П. Есаулова началъ свою «Русалку». Онъ хотѣлъ вывести въ люди неизвѣстнаго композитора .... Романическая жизнь А. П. Есаулова заслуживала бы описанія. Отъ него извѣстенъ намъ одинъ только романсъ на слова Пушкина «Разставаніе» (Въ послѣдній разъ твой образъ милый), свидѣтельствующій о глубинѣ чувства, дарованіи автора и его познаніяхъ въ гармоніи. Вѣроятно объ этомъ романсѣ Пушкинъ писалъ въ Москву: «Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи. Мы бы его въ моду пустили между Фрейлинами.» Не знаемъ, что помѣшало дальнѣйшему развитію и успѣхамъ музыканта, покровительствуемаго Пушкинымъ. Въ письмахъ послѣдняго, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1851, есть еще характеристика художника, неизвѣстно въ кому относящаяся: «NN умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. SS и я — мы помогали ему деньгами скупо, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ — капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ Нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба ....»

Digitized by Google

«смотрите: чтобъ все осталось между нами—сегодня была моя исповѣдь.» Онъ хвалилъ также стихи самой хозяйки и, какъ будто скучая заботами, сопряженными съ ученымъ трудомъ, замѣтилъ «какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой; признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернилы.» Всего замѣчательнѣе, что онъ два раза возвращался къ портрету Гаврилы Петровича Каменева, находившемуся въ кабинетѣ хозяйки, и просилъ свѣдѣній о немъ, обѣщаясь написать его біографію: «это замѣчательный человѣкъ, сказалъ онъ, и сдѣлалъ бы многое, ежели бы не умеръ такъ рано. Онъ первый отступилъ отъ классицизма и мы, Русскіе романтики, обязаны ему благодарностію.» Извѣстно, что означали эпитеты классическій и романтическій у Пушкина. Съ живою благодарностію покинулъ онъ и Казань и семейство Фукса. На другой день, 8-го сентября, онъ до свѣта еще уѣхалъ въ Симбирскъ и 12-го числа былъ въ селѣ Языковѣ (Симбирской губерніи), принадлежащемъ поэту Н. М. Языкову. 14-го числа выѣхалъ онъ изъ Симбирска по направленію въ Оренбургъ и возратился опять назадъ съ третьей станціи, выбравъ другой трактъ для путешествія, чему причиною была случайная задержка въ лошадяхъ. Заяцъ, перебѣжавшій ему дорогу и котораго, по его словамъ, хотѣлось бы ему затрявить на мѣстѣ,—накликалъ ему эту помѣху. 19-го сентября прибылъ онъ въ Оренбургъ. Тамъ останавливался онъ, какъ мы слышали, въ домѣ самого генералъ-губернатора и вмѣстѣ съ В. Н. Далемъ объѣхалъ Оренбургскую линію крѣпостей, ища вездѣ живыхъ преданій и свидѣтельства очевидцевъ. Подобно тому, какъ онъ провелъ полтора часа у купца Крупеникова въ Казани, такъ въ Оренбургской губерніи онъ разговаривалъ со старикомъ Дмитріемъ Пьяновымъ, сыномъ того Пьянова, о которомъ упоминается въ Исторіи Пугачевскаго бунта; а въ селеніи Берды встрѣтилъ старую казачку, помнившую происшествія того времени очень живо. Онъ пишетъ, что чуть-чуть въ нее не влюбился, не смотря на мало-привлекательную наружность. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ принятъ съ необычайнымъ радушіемъ всѣмъ обществомъ города, соединившимся въ одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь поэта. 23-го выѣхалъ онъ изъ Оренбурга и черезъ Саратовъ и Пензу возвратился въ Болдино, гдѣ былъ 2-го октября. Такимъ образомъ на поѣздку въ Оренбургъ, на тамошнія изслѣдованія и на возвращеніе къ себѣ въ Нижегородскую губернію, Пушкинъ употребилъ не болѣе одного мѣсяца. Съ начала октября до

Digitized by Google

самаго ноября мѣсяца, Пушкинъ уже не оставлялъ деревни, и 28-го числа послѣдняго мѣсяца прибылъ въ С-Петербургъ къ мѣсту служенія, какъ обозначено въ его формулярѣ. Въ этотъ промежутокъ времени написано имъ въ глухомъ уединеніи Болдина нѣсколько произведеній, которыя по характеру своему составляютъ новый видъ творчества, въ какомъ уже застала его и смерть [1]).

---

[1]) Еще съ дороги во свояси Пушкинъ писалъ въ Петербургъ: «Рифмы и стихи не даютъ мнѣ покоя въ кабинетѣ. Что же будетъ, когда очучусь дома и въ постелѣ?»

Digitized by Google

ГЛАВА XXXIII

Дѣятельность въ Болдинѣ 1833 г. Окончаніе «Мѣднаго Всадника», Родословной моего героя, сказки о Рыбакѣ, Пѣсенъ Западныхъ славянъ. Новое и послѣднее направленіе музы Пушкина. Сказка о «Рыбакѣ и рыбкѣ». — «Мѣдный Всадникъ» конченъ въ Болдинѣ 1833 г. — «Исторія Пугачевскаго бунта» довершена тамъ же. — Окончаніе «Пѣсенъ западныхъ Славянъ», въ эту же эпоху.—Исторія происхожденія «Пѣсенъ»; книга Мериме, ея опредѣленіе.— Источники пѣсенъ Мериме.—Пѣсни, заимствованные у Мериме Пушкинымъ.— Какъ Пушкинъ передавалъ его текстъ.—Французскій текстъ пьесы: Конь; три Французскіе куплеты изъ похоронной пѣсни Маглановича.—Пѣсни, заимствованныя у Вука Стефановича и другихъ источниковъ.—Отрывокъ изъ 17 Сербской пѣсни. «Что бѣлѣется на горѣ зеленой».—Развитіе эпической стороны Пушкинскаго таланта въ эту эпоху.—«Родословная моего героя» и «Мѣдный Всадникъ»— части одной поэмы.—Общее начало обѣихъ; различныя редакціи этого начала.— Личность Евгенія въ Мѣдномъ Всадникѣ.—Стихи, выпущенные изъ Мѣднаго Всадника о мечтаніяхъ Евгенія: «Что врядъ еще черезъ два года».— Личность Евгенія или Ивана Езерскаго въ «Родословной».—Поправка стиха о толстобрюхой старинѣ».—Выпущенныя строфы изъ «Родословной».—Заключительная мысль.— Религіозное настроеніе духа въ Пушкинѣ съ 1833 г.—Первый образчикъ его въ стихотвореніи: «Странникъ».—Родство «Странника» съ однимъ мѣстомъ въ прологѣ.—Переложеніе нѣкоторыхъ мѣстъ пролога на простой языкъ и участіе въ изданіи «Словаря о Святыхъ Россійской церкви».—Легендерная поэзія Запада и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ».—Повѣствовательная форма дѣлается господствующей въ творчествѣ Пушкина.—Ею объясняется переложеніе Шекспировой драмы: «Мѣра за мѣру» въ повѣсть: «Анжело».

Прежде всего является тутъ *Сказка о Рыбакѣ и Рыбкѣ*, написанная въ Болдинѣ 14 октября 1833 и имѣющая помѣтку: «*18 пѣсня Сербская*». Въ Болдинѣ же конченъ *Мѣдный Всадникъ* и на первой перебѣленной его рукописи подписано: «31 Октября 1833. Болдино». Наконецъ Исторія Пугачевскаго бунта была тогда же приведена въ окончательный порядокъ. Предисловіе къ ней помѣчено у Пушкина: «2 Ноября 1833, Болдино». Ограничиваясь одними поэтическими произведеніями, мы видимъ, что село Болдино имѣетъ въ жизни поэта свою

Digitized by Google

долю поэтическаго вліянія. Если въ Михайловскомъ написанъ Борисъ Годуновъ, то въ Болдинѣ обдуманъ и завершенъ Мѣдный Всадникъ.

«Рыбакъ и Рыбка, 18-я пѣсня Сербская» сама собой свидѣтельствуетъ, что «Пѣсни Западныхъ Славянъ» написаны были Пушкинымъ ранѣе осени 1833 и по всѣмъ вѣроятіямъ лѣтомъ этого года, на дачѣ Черной рѣчки. Другія, какъ Янышъ Королевичъ, можетъ написаны еще и ранѣе—въ 1832 г. Извѣстно, что нѣкоторая часть этихъ пѣсенъ взята изъ книги г. Мериме: «*La Guzla, ou choix de poésies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine, Paris. 1827*», но поэтъ нашъ, какъ видно, нисколько не соблюдалъ критическаго раздѣленія народныхъ Славянскихъ произведеній по племенамъ. Онъ давалъ общее генерическое названіе Сербскихъ—всѣмъ пѣснямъ Южнаго Славянскаго происхожденія.

Книга г. Мериме надѣлала въ Европѣ шума между учеными и остается памятникомъ ловкой, остроумной и вмѣстѣ весьма явной поддѣлки народныхъ мотивовъ. Довольно странно, что немногіе замѣтили тогда весьма важное обстоятельство. Почти всѣ примѣчанія книги Мериме взяты цѣликомъ, а иногда слово въ слово изъ Путешествія по Далмаціи Аббата Форти (*Voyage en Dalmatie par l'Abbé Fortis, traduit de l'Italien, 2 v.* Berne. *1778*) [1]), а также и всѣ названія горъ, рѣкъ, деревень и даже собственныя имена. Это могло бы навести и на тайну ея происхожденія. Самымъ положительнымъ доказательствомъ подлога служитъ манера автора возводить каждую черту народнаго характера, встрѣченную въ книгѣ Форти, до образовъ и легенды, между тѣмъ какъ въ настоящей народной поэзіи они проходятъ легкими намеками, никогда не имѣютъ самостоятельности и брошены невзначай, безъ вниманія и разработки. Такъ у Мериме есть пѣсни на *дурной глазъ*; на *свадебные обряды*; да и самое *вурдалаки или вукодлаки*, въ извѣстномъ Сербскомъ сборникѣ Вука Стефановича, не имѣютъ отдѣльныхъ пѣсенъ, какъ представленіе низшее, не выросшее до пѣсни. Подобное замѣчается и въ Русскихъ пѣсняхъ, гдѣ Лѣшій, Домовой еще иногда входятъ, какъ подробность, въ пѣсню, но никогда не составляютъ главныхъ лицъ ея, на которыхъ сосредоточена мысль произведенія. Въ замѣнъ лучшій и совершенно обработанный образъ Южной Славянской поэзіи—*Вилы*, совершенно упущенъ изъ вида Мериме, потому что о немъ едва

[1]) Мы не могли достать Итальянскаго подлинника этой книги; примѣчанія Мериме переданы въ сокращеніи и Пушкинымъ.

Digitized by Google

упоминаетъ и Аббатъ Форти. Вся біографія Маглановича удивительно ловко составлена изъ этнографическихъ данныхъ, почерпнутыхъ въ томъ же путешествіи, но пѣсня, названная Мериме: *Improvisation de Maglanovich*, совершенно теряетъ мѣстный колоритъ. Хвастовство стараго гусляра своими поэтическими способностями—не можетъ никакъ принадлежать Славянскому міру. Вообще же на всѣхъ лицахъ, выведенныхъ Мериме, весьма ясны, при внимательномъ наблюденіи, слѣды раскраски и притомъ съ ученымъ пониманіемъ эффекта и освѣщенія, рѣдкимъ въ простыхъ соображеніяхъ народа. Въ одной пѣснѣ (*Maxime et Zoe*), Мериме вывелъ даже человѣка съ *дурнымъ глазомъ*, распѣвающаго вечеромъ на гусляхъ, подъ окномъ Зои какъ настоящій испанецъ, и самъ принужденъ былъ оговориться въ примѣчаніи: *Cette ballade peut donner une idée du goût moderne. On y voi un commencement de prétention qui se mêle à la simplicit des anciennes poésies illiriques*, etc. По всѣмъ этимъ причинамъ зоркій глазъ Гете не былъ обманутъ мастерскимъ подлогомъ, да и Пушкинъ никогда не вѣрилъ подлинности пѣсенъ Мериме: просьба къ пріятелю снестись объ этомъ съ авторомъ Гузлы, вызвавшая извѣстный отвѣтъ послѣдняго, скорѣе доказываетъ его сомнѣніе, чѣмъ что либо другое. При второмъ изданіи Гузлы, Мериме, съ простительнымъ самодовольствомъ исчисляя людей, обманутыхъ его произведеніемъ, упоминаетъ: 1-е, объ англичанинѣ Боурингѣ, издавшемъ въ 1825 году Русскую Антологію, который просилъ у Мериме подлинниковъ его подражаній; 2-е, о нѣмцѣ Герхардѣ, который увѣдомлялъ Мериме, что въ его прозѣ открылъ даже самый метръ иллирійскихъ стиховъ, и 3-е, о Пушкинѣ. Вотъ его слова о послѣднемъ: *Enfin M. Pousckine a traduit en russe quelques-unes de mes historiettes et cela peut se comparer à Gil Blas traduit en espagnol et aux Lettres d'une religieuse portugaise traduites en portugais.*

Въ словахъ Мериме, можетъ, заключается болѣе истины, чѣмъ сколько онъ самъ предполагалъ [1]). Мы сейчасъ это увидимъ.

---

[1]) Впрочемъ при первомъ изданіи Гузлы, самъ Мериме хорошо объясняетъ свою книгу, называя ее слѣдствіемъ того стремленія къ мѣстнымъ краскамъ, *couleur locale*, которое завладѣло Французской Литературой около 1825 года. Дѣйствительно книга его есть только эта завѣтная *couleur locale*, разбитая на много пьесъ, болѣе или менѣе остроумныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить, что кромѣ Аббата Форти могли быть у Мериме и другіе источники,—напримѣръ изустные разсказы Славянскихъ путешественниковъ и эмигрантовъ. Можетъ быть въ книгѣ его таится и нѣсколько дѣйствительныхъ преданій или былей, не

Digitized by Google

Пушкинъ взялъ изъ сборника Мериме 11 пѣсенъ, включая сюда и пьесу: *Конь* («*Что ты ржешь, мой конь ретивой?*»), напечатанную сперва отдѣльно отъ пѣсенъ Западныхъ Славянъ. За тѣмъ двѣ перевелъ онъ изъ сборника Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича (*Сестра и Братья*, *Соловей*); одну изъ Чешскихъ народныхъ сказаній (*Яныш Королевичъ*) и двѣ почерпнулъ изъ современной Сербской Исторіи (*Пѣсня о Георгіѣ Черномъ*, *Воевода Милошъ*). Источника послѣднихъ мы не знаемъ и весьма наклонны думать, что онѣ принадлежатъ самому Пушкину безраздѣльно.

При передачѣ 11 пѣсенъ Мериме, дѣйствительно лучшихъ изъ всей его книги (содержащей 29 подражаній), Пушкинъ наложилъ на нихъ печать Славянской народности, въ которой основная идея каждой, откуда бы ни взята она была первоначально, получила общій племенный обликъ, близкій всякому, кто его знаетъ и въ себѣ носитъ [1]). Подъ рукой его образовался рядъ небольшихъ народныхъ эпопей и каждое звено этой цѣпи могло бы быть понятно для всякой Славянской группы, которая еще не утеряла воспоминанія о своемъ происхожденіи. Складъ ихъ, пріемы, способъ выраженія, передавая иногда буквально образъ или мысль французской поддѣлки,— вмѣстѣ съ тѣмъ отходятъ къ общему Славянскому источнику слова и мысли. Не говоримъ о пьесахъ съ риѳмами, каковы: *Вурдалакъ*, *Похоронная пѣснь Маглановича*, *Бонапартъ и Черногорцы*, *Конь*; здѣсь у нашего поэта, вышедшаго совсѣмъ изъ роли своей переводчика, начертаны яркіе образы, между тѣмъ какъ у подлинника они обозначены только слабыми намеками [2]). Гораздо труднѣе уяснить

облеченныхъ въ пѣсню, но живущихъ въ средѣ племени, которому принадлежатъ. Разобрать и отличить предоставляемъ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые знакомы лично съ Славянскими національностями, разумѣется, если они трудъ этотъ считаютъ полезнымъ для литературы нашей. Любопытно было бы знать, похожи ли напримѣръ: «Видѣніе Короля» на настоящее Южно-славянское преданіе, или создано Мериме на мученической смерти Короля Ѳомы II, которая естъ историческій фактъ.

[1]) Въ изданіи 1840 г., Мериме присоединилъ къ нимъ еще три пѣсни поддѣльныхъ и одну настоящую Сербскую, найденную, какъ онъ говоритъ, въ библіотекѣ Арсенала въ Парижѣ.

[2]) Вотъ напримѣръ пьеса «Конь» у Мериме.

LE CHEVAL DE THOMAS II.

Pourquoi pleures-tu mon beau cheval blanc? Pourquoi hennis-tu douloureusement? N'es-tu pas harnaché assez richement à ton gré? N'a-tu pas des fers d'argent avec des clous d'or? N'a tu pas des sonnettes d'argent à ton cou? Et

Digitized by Google

себѣ какимъ образомъ, слѣдуя неотступно за книгой Мериме въ другихъ пьесахъ, Пушкинъ расходится въ тонѣ и разсказѣ съ нею такъ, что близкій переводъ уже дѣлается нисколько не похожимъ на свой оригиналъ. Тутъ все дѣло въ оборотѣ рѣчи, въ постановкѣ мысли и образа, словомъ въ томъ неуловимомъ проявленіи творчества, которое чувствуется, но мало поддается разбору и критикѣ.

Можно только замѣтить систему обширнаго упрощенія подлинника Такъ въ лучшей пьесѣ Мериме, въ легендѣ: «Видѣніе Короля» (у Мериме она названа: *La vision de Thomas II, Roi de Bosnie, par H. Maglanovich*), Пушкинъ встрѣчаетъ при описаніи ужаса Короля, отправляющагося ночью въ Божію церковъ, слѣдующую фразу: «*il a pris de sa main gauche une amulette d'une vertue éprouvée et plus tranquille alors il entra dans la grande èglise de Kloutsch*». (Въ переводѣ: «тогда онъ взялъ лѣвой рукою амулетъ испытаннаго свойства и уже спокойнѣе вошелъ въ большую церковь Ключа-города»). Этотъ амулетъ есть опять черта нравовъ, вычитанная въ путешествіи Форти и довольно хитро введенная въ разсказъ, но Пушкинъ минуетъ ее, замѣщая другой совершенно народной подробностью:

---

ne portes-tu pas le roi de la fertille Bosnie?—Je pleure, mon maitre, parceque l'infidèle m'ôtera mes fers d'argent et mes clous d'or et mes sonnettes d'argent. Et je hennis, mon maître, parceque avec la peau du roi de Bosnie le mécreant doit me faire une selle.

Пусть читатель потрудится сличить это со стихотвореніемъ Пушкина. Вотъ еще три куплета Мериме изъ Похоронной пѣсни Маглановича:

V.

Dis à mon père que je me porte bien, que je ne me ressens plus de ma blessure et que ma femme Hélène est accouché d'un garçon.

VI.

Je l'ai appelé Wladin comme lui. Quand il sera grand je lui apprendrai à tirer le fusil, à se comporter comme doit le faire un brave guerrier.

VII.

Chrusich a enlevé ma fille ainée et elle est grosse de six mois. J'espére qu'elle accouchera aussi d'un garçon beau et fort.

Это соотвѣтствуетъ стихамъ Пушкина:

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила, и проч.

Вся пѣсня у Мериме порождена замѣчаніемъ Аббата Форти, что Морлаки даютъ умершимъ коммисіи на тотъ свѣтъ, и наполнена разными подобранными чертами ихъ нравовъ (какъ напр. *Chrusich a enlevé ma fille ainée*), отъ которыхъ Пушкинъ ее освободилъ.

Digitized by Google

Ужасомъ въ немъ замерло сердце,
Но великую творитъ онъ молитву
И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Такъ еще въ разсказѣ Ѳедоръ и Елена, Мериме всю половину первой части (*La belle Hélene*) своего повѣствованія занимаетъ грубымъ разговоромъ Елены со Стамати, чтобъ сказать только потомъ: какъ сильно Елена толкнула навязчиваго любовника. Это было опять воспроизведеніемъ замѣчанія путешественниковъ, что женщины Морлаковъ высоки и сильны, и иногда своеручно расправляются съ обидчикомъ, но Пушкинъ всю эту половину сжалъ въ 6 стиховъ, такъ народно окончивающихся:

По дѣломъ тебѣ старый безстыдникъ!
Ай да баба! Отдѣлалась славно!

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ двухъ частей Меримеевскаго разсказа онъ составилъ одну, притомъ еще небольшую, пѣсню и выпустилъ лице самого пѣсенника. У французскаго автора именно, гуслялъ *Иванъ Битко* (*Jean Bietko*), передъ началомъ своего повѣствованія, обращается, къ публикѣ съ привѣтствіемъ, а въ серединѣ его, на занимательномъ мѣстѣ, прерываетъ повѣствованіе, прося доброхотнаго подаянія. Этотъ чисто сценическій эффектъ, можетъ быть, даже вѣренъ и въ жизни, но ложенъ, искусственен въ пѣснѣ. Такъ исправлялъ Пушкинъ свой образецъ. Много и другихъ подобныхъ замѣтокъ можно было бы представить, но всѣ онѣ еще не дадутъ понятія о томъ живительномъ дѣйствіи таланта, которой преобразуетъ и то, что хочетъ сохранить повидимому. Это его сущность и вмѣстѣ его тайна.

О буквальномъ и вмѣстѣ удивительно поэтическомъ переводѣ двухъ настоящихъ Сербскихъ пѣсенъ намъ ничего не остается сказать. У Пушкина есть еще и пѣсня Чешскаго происхожденія: «Янышъ-Королевичъ». Ей мы обязаны, между прочимъ, идеей Русалки, которая приняла въ себѣ уже элементы чисто русскіе, при осуществленіи своемъ. Сохраняя, какъ намъ извѣстно, общее имя Сербскихъ всѣмъ 16-ти пѣснямъ своимъ, взятымъ изъ разныхъ источниковъ, Пушкинъ хотѣлъ присоединить къ нимъ 17-ю и 18-ю Сербскую пѣсню. Семнадцатую должна была составлять извѣстная Южно-славянская эпопея, изъ сборника Вука Стефановича: *Жалобная пѣснь о благородной женѣ Ассанъ-Аги*, которой такъ посчастливилось въ Европѣ. Форти перевелъ ее по-Итальянски еще въ прошломъ столѣтіи, французы имѣ-

Digitized by Google

ютъ два ея перевода (Гг. Нодье и Мериме), нѣмцы нѣсколько и самый лучшій изъ нихъ переводъ Гёте. Послѣдній передалъ, согласно съ Итальянскимъ переложеніемъ Аббата Форти, первый стихъ пѣсни такъ: «Что тамъ бѣлѣется въ *рощѣ зеленой?*» (*Was ist Weisses dort am grünen Walde*). Нодье, передавая первый стихъ ея, совсѣмъ исказилъ его смыслъ. Онъ уже говоритъ: Что бѣлѣется *въ зеленой равнинѣ?* Мериме, замѣтивъ промахъ соотечественника, исправляетъ его, но не вполнѣ основательно. По его мнѣнію, стихъ Сербской пѣсни: «*Sto se bjeli na gorie selenoi?*»—долженъ быть переведенъ: что это бѣлое *на зеленой горѣ?*—Толкованію Мериме послѣдовалъ и Пушкинъ въ своемъ опытѣ переложенія Сербской эпопеи, но гора по-Сербски означаетъ возвышенное мѣсто, *покрытое лѣсомъ.* Такимъ образомъ Гёте и Аббатъ Форти были правы, и вотъ почему А. Х. Востоковъ [1]), подобно имъ, передалъ первый стихъ пѣсни такъ: Что бѣлѣется у *рощи, у зеленыя.* Наконецъ подъ сказкой о Рыбакѣ и Рыбкѣ мы видѣли подпись: 18-я пѣсня Сербская. Такимъ образомъ онъ зачислилъ въ одинъ разрядъ съ ними народный апологъ, принадлежащій столько же Русскому міру, сколько Славянскому вообще и Германскому, потому что корень его скрывается уже въ Индѣйскихъ представленіяхъ. Мысль поэта о пристройкѣ сказки къ ряду Сербскихъ пѣсенъ могла только родиться изъ убѣжденія, что она приняла подъ рукой его родовые признаки Славянской поэмы, какъ и многія другія пьесы, взятыя имъ, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ.

---

[1]) А. Х. Востоковъ напечаталъ впервые свой переводъ въ Сѣверныхъ цвѣтахъ на 1827 годъ съ замѣчаніемъ: «Изъ перваго изданія Сербскихъ пѣсенъ: Мала простонародна Словено-Сербска песнарица, у Віени. 1814 стр. 113....» Вотъ переложеніе Востокова для сличенія съ Пушкинскимъ:

Что бѣлѣется у рощи—у зеленыя?
Снѣгъ ли то, или бѣлые лебеди?
Кабы снѣгъ, онъ скоро растаялъ бы;
Кабы лебеди были, улетѣли бы прочь.
Не снѣгъ-то, не бѣлые лебеди,
А бѣлѣется шатеръ Ассавъ-Аги,
Гдѣ онъ лежитъ тяжко раненый.
Его мать и сестра посѣщали тамъ;
Молода жена придти постыдилася.
Когда легче ему стало отъ тяжкихъ ранъ,
Онъ послалъ сказать молодой женѣ:
Не жди меня больше въ дому моемъ,
Ни въ дому, ни во всемъ роду племени!
Вняла жена таковы слова и проч.

Digitized by Google

За тѣмъ приводимъ отрывокъ Пушкина (17-ю Серб. пѣсню), превосходно сохраняющій духъ подлинника и заставляющій сожалѣть невольно о томъ, что онъ не имѣетъ продолженія.

Что бѣлѣется на горѣ зеленой?
Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы:
Былъ бы снѣгъ — онъ давно-бъ растаялъ,
Были бъ лебеди — они-бъ улетѣли:
То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
Онъ лежитъ въ немъ весь израненъ.
Посѣтили его сестра и мать:
Его *люба* не пришла, застыдилася.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной женѣ:
Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
Въ бѣломъ домѣ — ни во всемъ моемъ родѣ . . . .

Такъ уже развилась эпическая сторона Пушкинскаго таланта въ 1833 году, но пониманіе особенностей народнаго творчества еще не исчерпывало всего, что составляетъ сущность эпической поэмы, какъ она представляется критическому соображенію. Художественное, и потому уже искусственное произведеніе въ этомъ родѣ, кажется, должно сверхъ того заключать и историческій взглядъ поэта на прошедшее и его религіозное созерцаніе. Первобытная, чисто-народная поэзія можетъ обойтись безъ заявленія этихъ качествъ, потому что она сама есть и наивная исторія и младенчески твердое убѣжденіе. Для поэта высшей образованности это уже пріобрѣтеніе, въ которомъ онъ и себѣ и другимъ отдаетъ отчетъ, увеличивая тѣмъ значеніе своихъ произведеній и созидая мощно-поэтическіе образы на глубокомъ изученіи и обсужденіи ихъ.

Переходимъ теперъ, по порядку, къ Мѣдному Всаднику. «Мѣдный Всадникъ» составлялъ вторую половину большой поэмы, задуманной Пушкинымъ ранѣе 1833 года и имъ не конченной. Отъ первой ея половины остался отрывокъ, извѣстный подъ названіемъ: «*Родословная моего героя*», напечатанный еще при жизни автора въ Современникѣ 1836, томъ III. Сама поэма «Мѣдный Всадникъ» явилась уже послѣ смерти его. Какъ отрывокъ, такъ и поэма родились вмѣстѣ или лучше составляли одно цѣлое до тѣхъ поръ, пока Пушкинъ, по своимъ соображеніямъ, не разбилъ ихъ на-двое. Свидѣтельство рукописей въ этомъ отношеніине оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Digitized by Google

«Родословная моего героя» начинается тамъ описаніемъ бурнаго вечера надъ Петербургомъ, которое впослѣдствіи, дополненное и измѣненное, перешло въ поэму. Начало это здѣсь и приводимъ:

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
Дышало небо влажнымъ хладомъ;
Нева шумѣла; бился валъ
О пристань набережной стройной,
Какъ челобитчикъ безпокойный
Объ дверь судейской. Дождь въ окно
Стучалъ печально. Ужъ темно
Все становилось. Въ это время
Иванъ Езерскій, мой сосѣдъ,
Вошелъ въ свой тѣсный кабинетъ.
Однако жъ родъ его и племя,
И чинъ, и службу, и года
Вамъ знать не худо, господа!
Начнемъ ab ovo: мой Езерскій и проч. [1]).

Иванъ Езерскій обратился просто въ Евгенія при переходѣ своемъ въ Мѣднаго Всадника. Его родословная, такъ мастерски изло-

---

[1]) По обыкновенію Пушкина, стихамъ этимъ еще предшествовалъ начальный опытъ, который тоже выписываемъ здѣсь:

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ,
Нева въ теченьи возмущенномъ,
Шумя неслась. Угрюмый валъ,
Какъ бы проситель безпокойный
Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
Ея широкихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Вечерныхъ звѣздъ не видно было.
Огонь свѣтился въ фонаряхъ;
На улицахъ взвивался прахъ,
И буйный вихорь выдъ уныло,
Клубя капоты дѣвъ ночныхъ
И заглушая часовыхъ.

Порой той поздней и печальной
Въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я,
Неся огарокъ свѣчи сальной
Въ каморку 5-го жилья,

Digitized by Google

женная въ отрывкѣ, едва-едва отсвѣчивается въ поэмѣ легкимъ намекомъ:

Прозванье намъ его не нужно,
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подъ перомъ Карамзина,
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало, и проч.

Даже самые стихи эти еще представляютъ отзвукъ одной строфы «Родословной», выпущенной въ печати, которую приводимъ:

Могучихъ предковъ правнукъ бѣдной,
Люблю встрѣчать ихъ имена
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина.
Отъ этой слабости безвредной
Какъ ни старался — видитъ Богъ —
Отвыкнуть я никакъ не могъ.

Разчленивъ такимъ образомъ на два состава поэму свою, Пушкинъ преимущественно занялся отдѣлкой втораго звена, забывъ первое или оставивъ его только при томъ, что было уже для него сдѣлано. Само собой разумѣется, что дѣйствующее лице въ поэмѣ *Евгеній* или *Иванъ Езерскій* должно было при этомъ утерять много въ ясности и въ тѣхъ основныхъ чертахъ, которыя составляютъ портретъ лица. Дѣйствительно, Евгеній Мѣднаго Всадника окруженъ полусвѣтомъ, гдѣ пропадаютъ и сглаживаются родовыя, характерныя линіи физіономіи. Иначе и быть не могло. Во второй части своей поэмы или Мѣдномъ Всадникѣ, Пушкинъ уже приступаетъ къ описанію катастрофы, которая одна должна занимать, безъ всякаго развлеченія, вниманіе читателя. Всякая остановка на частномъ лицѣ была бы тутъ примѣтна и противухудожественна. По глубокому понима-

---

Вошелъ одинъ чиновникъ бѣдной,
Задумчивой, худой и блѣдной;
Вздохнувъ, свой осмотрѣлъ чуланъ,
Постелю, пыльный чемоданъ,
И столъ бумагами покрытый
И шкапъ со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ въ порядкѣ все — потомъ,
Дымкомъ своей сигарки сытый,
Раздѣлся самъ и легъ въ постель
Подъ заслуженную шинель.

Digitized by Google

нію эстетическихъ законовъ, Пушкинъ даже старался ослабить и тѣ легкія очертанія, которыми обрисовалъ Евгенія. Такъ онъ выпустилъ въ Мѣдномъ Всадникѣ всѣ мечтанія Езерскаго наканунѣ роковаго дня:

«. . . . Что врядъ еще черезъ два года
Онъ чинъ получитъ; что рѣка
Все пребывала, что погода
Не унималась, что едва-ль
Мостовъ не снимутъ, что конечно
Парашѣ будетъ очень жаль . . . .
Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ:
«Жениться! чтожъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? — Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, щей горшокъ,
Да самъ большой.... чего мнѣ болѣ?
Не будемъ прихотей мы знать:
По воскресеньямъ, лѣтомъ, въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять!
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ —
И станемъ жить.... и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба
И внуки насъ похоронятъ».
Такъ онъ мечталъ...,

Совсѣмъ другое дѣло въ «Родословной». Тамъ онъ занимается Езерскимъ чрезвычайно подробно, съ любовью, съ теплымъ сочувствіемъ къ нему. Изъ напечатанныхъ уже строфъ и тѣхъ, которыя еще не изданы, видно, что потомокъ стариннаго и, какъ говорилось нѣкогда, *захудалаго* рода приковывалъ весьма сильно его поэтическое вниманіе. Прежде чѣмъ представимъ эти остатки поэмы, мы обязаны сдѣлать замѣченіе касательно одного стиха «Родословной», нарушающаго весь ея тонъ. Особенно непріятенъ онъ тѣмъ, что противорѣчитъ тому сочувствію къ предмету описанія, какое мы вездѣ замѣчаемъ у Пушкина.

Но каюсь: новый Ходаковской,
Люблю отъ бабушки Московской

Digitized by Google

Я толки слушать о роднѣ.
О толстобрюхой старинѣ.

Кому бы ни принадлежала эта поправка: хотя бы самому автору, но она невѣрна и въ отношеніи къ нему, и въ отношеніи къ созданію. Рукопись поэта въ этомъ мѣстѣ ясно и безъ помарки говоритъ:

.... толки о роднѣ,
Объ отдаленной старинѣ.

Вотъ затѣмъ неизданныя строфы «Родословной» еще въ первоначальной формѣ, какую приводили мы не разъ и прежде:

Какой вы строгой литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ Коллежскій Регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ,
Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда возвышенный предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнаса
Героя нѣтъ такого класса....
Вы правы!.... Но божиться радъ
И я совсѣмъ не виноватъ.

Скажите: *экой вздоръ!* иль *bravo!*
Иль не скажите ничего—
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной,
Хоть малый онъ обыкновенной,
Не второклассный Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не цыганъ,
А просто гражданинъ столичной,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей братьи не отличной.

Въ бумагахъ есть еще одна недоконченная строфа, съ исторической картиной, столь же яркой какъ и другія этого рода, заключающіяся въ Родословной».

Digitized by Google

Во время смуты безначальной,
Когда то Ляхъ, то гордый Шведъ
Одолѣвалъ нашъ край печальной
И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ,
Когда въ Москвѣ сидѣли воры,
А съ Крулемъ велъ переговоры
Предатель хитрый Салтыковъ,
И средь озлобленныхъ враговъ
Посольство Русское гладало,
И за отчизну сталъ одинъ
Нижегородскій мѣщанинъ,
Въ тѣ дни Езерскій....

Наконецъ нѣсколько строфъ, набросанныхъ карандашемъ, представляютъ много отдѣльныхъ фразъ, но выписка ихъ потребовала бы еще объясненій, которыя такъ легко переходятъ въ произвольныя толкованія и отъ которыхъ поэтому удерживаемся.

Сообразивъ все сказанное, читатель легко соединитъ въ умѣ своемъ отрывокъ, извѣстный подъ именемъ: «Родословная моего Героя», съ поэмой: «Мѣдный Всадникъ». Нѣтъ сомнѣнія, что пополненныя такимъ образомъ одинъ другимъ, оба произведенія представляются воображенію въ особенной цѣлости, которой теперь имъ недостаетъ. Изъ соединенія ихъ возникаетъ идея объ обширной поэмѣ, имѣющей уже очертанія и сущность настоящей эпопеи.

Религіозное настроеніе духа въ Пушкинѣ начинаетъ проявляться особенно съ 1833 года тѣми превосходными пѣснями, основаніе которымъ положило стихотвореніе: *Странникъ*, написанное лѣтомъ того же года, какъ знаемъ. Стихотвореніе это, составляющее поэму само по себѣ, открываетъ то глубокое духовное начало, которое уже проникло собой мысль поэта, возвысивъ ее до образовъ, принадлежащихъ, по характеру своему, образамъ чисто-эпическимъ. Что это не было въ Пушкинѣ отдѣльной поэтической вспышкой, свидѣтельствуютъ многія послѣдующія его стихотворенія, какъ: «Молитва», «Подражаніе Итальянскому» и нѣсколько еще неизданныхъ. Лучшимъ доказательствомъ постояннаго, опредѣленнаго направленія служатъ опять рукописи поэта. Въ нихъ мы находимъ, что онъ прилежно изучалъ повѣствованія Четьи-Минеи и Пролога, какъ въ формѣ, такъ и въ духѣ ихъ. Между прочимъ онъ выписалъ изъ послѣдняго благочестивое сказаніе, имѣющее сильное сходство съ самой пьесой: Странникъ. Осмѣливаемся привести его здѣсь:

Digitized by Google

«Вложи (діаволъ) убо ему мысль о родителяхъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающи велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь и тугу и плачь о тебѣ, яко невѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближніи жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебе ради. Еже воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его яко уже изнемощи ему тѣломъ, и еле живу быти. Ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изсше яко скудель крѣпость его и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема».

Въ другой разъ Пушкинъ переложилъ на простой языкъ, доступный всякому человѣку, даже весьма мало искушенному въ грамотѣ — повѣствоваіе Пролога о житіи Преподобнаго Саввы Игумена. Записка эта сохраняется въ его бумагахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Декабря 3, Преставленіе Преподобнаго отца нашего Саввы, Игумена Святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожехъ, новаго Чудотворца (Изъ Пролога).» Въ 1835 году, онъ участвовалъ и совѣтомъ и, если не ошибаемся, самимъ дѣломъ въ составленіи «Словаря историческаго о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви», который предпринялъ тоже одинъ изъ бывшихъ Лицейскихъ воспитанниковъ. Когда вышла книга (въ 1836 году), онъ отдалъ отчетъ объ ней въ своемъ журналѣ Современникъ, гдѣ удивляется, между прочимъ, людямъ, часто не имѣющимъ понятія о жизни того Святаго, имя котораго носятъ отъ купели до могилы. Всѣ эти свидѣтельства совершенно сходятся съ показаніями друзей поэта, утверждающихъ, что въ послѣднее время онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, — заучивалъ наизусть.

Легендарная поэзія Запада сама собой должна была обратить его вниманіе, потому что всякій предметъ, представившійся его уму, Пушкинъ любилъ осматривать со всѣхъ сторонъ. Конечно въ ней изучалъ онъ не романтическій элементъ, уже исчерпанный до него Жуковскимъ, а преимущественно способъ созданія картинъ и представленій религіознаго содержанія. Это оказывается изъ выбора, который онъ сдѣлалъ между многочисленными образцами, какіе были у него подъ рукой. Онъ перевелъ старый Испанскій романсъ: *Родригъ*

Digitized by Google

(*На Испанію родную*) и другой: *Жилъ на свѣтѣ Рыцарь бѣдный*, помѣщенный посмертнымъ изданіемъ въ такъ называемыхъ: «*Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ*» [1]). Вообще всякаго рода изученіе отражалось въ фантазіи Пушкина поэтическимъ представленіемъ или картиной: это свойство его природы не терялось никогда, даже, какъ уже мы видѣли, при историческихъ и ученыхъ изысканіяхъ. Тѣмъ менѣе могло оно измѣниться или ослабѣть въ предметѣ, столь сильно возбуждающемъ вообще вдохновеніе. Такимъ образомъ имѣемъ мы нѣсколько отрывковъ, ясно свидѣтельствующихъ, что пораженное воображеніе его крѣпло и пріобрѣтало особенную мощь вмѣстѣ съ ходомъ его направленія и по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ него. Вотъ одинъ изъ нихъ:

«Когда Владыко Ассирійской
Народы казнію казнилъ,
И Олофернъ весь край Азійской
Его денницѣ покорилъ,—
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ Сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ..... Іереи
Одѣли вретищемъ олтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему Всевышній Царь.

Пришелъ Сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ: ихъ узкія врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота,
И надъ тѣсниной торжествуя,

[1]) Мы еще до сихъ поръ ничего не сказали о драматической пьесѣ Пушкина: «Сцены изъ Рыцарскихъ временъ». По бумагамъ его видно, что это собственно не настоящее произведеніе, а только планъ произведенія. Сверху рукописи написано: «*Планъ*» и за тѣмъ вмѣсто того, чтобъ изложить программу драмы въ описаніи, Пушкинъ прямо началъ сцены и, разъ начавъ, дописалъ ихъ. Такъ составились онѣ, не получивъ послѣдующаго развитія и представляя еще одинъ остовъ произведенія и сухость, свойственную плану вообще, хотя бы онъ былъ и въ драматической формѣ.

Digitized by Google

Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ!

Сатрапъ смутился.....»

О другихъ отрывкахъ послѣ, а здѣсь скажемъ только, что повѣствовательная форма сдѣлалась любимой поэтической формой для Пушкина съ этого времени и что въ ней заключено качество настоящаго эпоса: строгая мысль, порожденная двойнымъ вдохновнніемъ историческаго и религіознаго свойства. Пушкинъ не успѣлъ выразить послѣднее свое направленіе въ одномъ цѣломъ, образцовомъ созданіи, но оставилъ глубокіе и многозначительные слѣды его въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, какъ мы уже сказали, писанныхъ съ1833: Странникъ, Къ Н., Полководецъ, Пиръ Петра Великаго, М*, Подражаніе Итальянскому, Молитва, Лицейская Годовщина [1]).

---

[1]) До сихъ поръ многіе критики еще затрудняются опредѣленіемъ намѣреній поэта при переложеніи въ разсказъ Шекспировой драмы: *Measure for measure* (Мѣра за мѣру). Разсказъ «Анжело» написанъ Пушкиными тоже въ 1833 году. Только однимъ обстоятельствомъ и поясняется мысль Пушкына — именно послѣднимъ направленіемъ его. Эпическій разсказъ сдѣлался столь важенъ и такъ завладѣлъ всей творческой способностью его, что, можетъ быть, хотѣлъ онъ видѣть, какъ одна изъ самыхъ живыхъ драмъ новаго искусства отразится въ повѣствованіи. Сознаемся, что предположеніе это имѣетъ для насъ уже очевидность, не подлежащую сомнѣнію.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXIV.

Характеръ жизни въ 1834 и 35 годахъ и нѣкоторыя жизненныя обстоятельства. Въ декабрѣ 1833 года «Исторія Пугачевскаго бунта» представлена начальству.—Пушкинъ камеръ-юнкеръ.—20000 руб. ас. на напечатаніе Исторіи.—Слова Пушкина изъ письма къ Нащокину о ней по выходѣ въ свѣтъ осенью 1834 года.—Весной 1834 Пушкинъ отправляетъ семейство въ Калужскую губернію, а самъ остается въ Петербургѣ.—Лѣто въ Петербургѣ.—Новое изданіе повѣстей Бѣлкина. — Пушкинъ въ Калужской губерніи, потомъ въ Болдинѣ и въ Петербургѣ.—Три отрывка изъ писемъ къ Нащокину.—Семейныя дѣла, затруднительныя обстоятельства, мысль поселиться въ деревнѣ.—Ссуда въ 50000 руб. ас. отъ милостей Государя. — Въ маѣ 1835 Пушкинъ въ Москвѣ, проѣздомъ въ Михайловское. — Деревня эта только по смерти поэта дѣлается исключительною собственностію его семейства. — Письма къ Нащокину съ извѣстіемъ о намѣреніи издавать журналъ. — Обширное участіе Пушкина въ тогдашней «Библіотекѣ для чтенія». — Перечень его стихотвореній, тамъ помѣщенныхъ. — «Кирджали» и «Пиковая Дама», отданные въ «Библіотеку».

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ (декабрь 1833) на разсмотрѣніе начальства свою Исторію Пугачевскаго бунта и получилъ дозволеніе на напечатаніе ея, вмѣстѣ съ двумя наградами: 31 декабря 1833 года, Всемилостивѣйше пожалованъ онъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Императорскаго Величества и на печатаніе книги дано ему заимообразно 20 тысячъ руб. асс., съ правомъ избрать для сего одну изъ казенныхъ типографій. Осенью 1834 г. Исторія отпечаталась и поступила въ продажу. Черезъ три мѣсяца Пушкинъ шутливо писалъ къ П. В. Нащокину: «Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка . . . . Денегъ принесъ онъ мнѣ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего не остается у меня за пазухой и все идетъ на расплату.»

Весной 1834 года, Александръ Сергѣевичъ отправилъ семейство свое къ роднымъ, въ Калужскую губернію, проводивъ его до Ижоры. Здѣсь попадается намъ листокъ изъ семейной переписки его. Благо-

Digitized by Google

уханіе тихой домашней, которымъ онъ проникнутъ, вѣроятно, оправдаетъ сообщеніе этой тайны. «Вторникъ. Благодарю тебя, мой ангелъ, за письмо изъ подъ Торжка. Ты умна, ты здорова, ты дѣтей кашей кормишь; ты подъ Москвою. Все это меня очень порадовало и успокоило, а то я былъ самъ не свой. У насъ Святая недѣля, шумная, бурная. Вчера былъ у К—ой. Сегодня поѣду къ теткѣ съ твоимъ письмомъ. Завтра напишу тебѣ много. Покамѣстъ цалую тебя и всѣхъ васъ благословляю.» Все лѣто пробылъ Пушкинъ въ Петербургѣ, сдѣлавъ только новое изданіе повѣстей Бѣлкина и написавъ 10 августа стихотворенія: (М* *Онъ между нами жилъ*). Въ половинѣ этого мѣсяца онъ поѣхалъ самъ за своимъ семействомъ. Въ Москвѣ пробылъ онъ тогда всего на-все нѣсколько часовъ. «Потомъ отпра-«вился въ Калугу — говоритъ онъ въ одной запискѣ, на переклад-«ныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но....я поставилъ на своемъ. Въ Зав. [1]) прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Нат. Ник. въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и кажется неудачно [2]).» 14 ноября Пушкинъ уже возвратился къ мѣсту служенія, а по письму къ А. А. Фуксъ видно, что въ городъ прибылъ онъ еще ранѣе, именно 18 октября. Посѣщеніе Болдина въ 1834 г. напоминаетъ намъ, что въ это время Пушкинъ принялъ уже на себя распоряженіе всѣмъ достояніемъ

---

[1]) Село, гдѣ проживало его семейство.

[2]) Все это черты добродушія, которыя иногда идутъ рядомъ съ обыкновенной его рѣшимостію и пылкимъ характеромъ, а иногда рядомъ съ самымъ простосердечнымъ выраженіемъ благороднаго характера, ясной и любящей души. Мы имѣемъ еще три письма 1834 года къ Нащокину, въ которыхъ качества эти обнаруживаются съ особенной силой.

Первое письмо: «Vous êtes éminement un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ. ... какъ нѣкогда переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на тоже похоже.... Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. . При выѣздѣ моемъ изъ Москвы Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ, и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало; я подумалъ о тебѣ. Вели-ка своему Гаврилѣ.... слѣзть съ козелъ—полно ему воевать. Дома нашелъ я все въ порядкѣ.... Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я ихъ думаю распутать. 24 ноября 1834».

Второе письмо:.... Все лѣто рыскалъ я по Россіи и нигдѣ тебя не заставалъ; изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами, въ Москвѣ на засталъ я тебя не-

Digitized by Google

своей фамиліи, которая видѣла въ немъ теперь главу свою и человѣка, способнаго поправить дѣла, довольно запутанныя долгимъ небреженіемъ. Все это присоединяло еще новыя обязанности къ тѣмъ, которыя уже лично до него касались и такъ много озабочивали его. Вотъ почему неудивительно, что, въ томъ же 1834 году, онъ помышлялъ о необходимости поселиться на нѣкоторое время въ деревнѣ. Одно только неизбѣжное слѣдствіе этого плана—выходъ въ отставку и съ тѣмъ вмѣстѣ потеря права на посѣщеніе Архивовъ, что такъ дорого было ему, мѣшало исполненію предпріятія и уничтожало всю рѣшимость Пушкина.

Но здѣсь, какъ и всегда въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, вызванныхъ или имъ самимъ, или порожденныхъ обстоятельствами, Высочайшая милость снова обращена была на Пушкина, уже столько разъ испытавшаго ея дѣйствіе. Августа 16 дня 1835 пожаловано было ему въ ссуду 30 тысячъ руб. асс., безъ процентовъ, съ обращеніемъ въ уплату этой суммы получаемаго имъ по 5000 руб. жалованья въ годъ. Вмѣстѣ съ прежнимъ долгомъ, вновь пожалованная сумма представляетъ цифру въ 50,000 руб. асс. Чрезъ годъ, въ ноябрѣ 1836, за вычетомъ въ первый разъ годоваго жалованья Пушкина она уменьшилась до 45,000 руб. асс. Въ это время онъ просилъ частнымъ письмомъ бывшаго Министра Финансовъ, его сіятельства графа Егора Францовича Канкрина, содѣйствія его на принятіе въ окончательную уплату этого долга 220 душъ, принадлежащихъ лично ему, Пушкину, въ Нижегородской губерніи, изъ коихъ 200

дѣлю, въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ дать извѣстіе. Радъ я твоему письму, по которому вижу, что твое добродушіе удивительная и умная терпѣливая снисходительность не измѣнилась ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобою видѣться? Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ.... Пиши мнѣ, если можешь, почаще на двор. набереж. въ домѣ Балашова у прачеч. моста (гдѣ жилъ Вяз.). Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видѣлъ ли ты лошадей, выгруженныхъ на С. П. Биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою?....»

Третье письмо: «Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во первыхъ получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать.... Говорятъ, что несчастіе хорошая школа; можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Она довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно....»

Digitized by Google

были уже заложены въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшая смерть Пушкина остановила дальнѣйшій ходъ этого дѣла, но при кончинѣ его весь долгъ былъ снятъ съ имѣній наслѣдниковъ, да всерхъ того Всемилостивѣйше пожаловано было 50,000 руб. асс. на напечатаніе его сочиненій, сборъ съ которыхъ уже опредѣленъ на составленіе отдѣльнаго капитала для дѣтей покойнаго. Тогда же и два сына его зачислены были въ Пажескій Корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ поэта назначены пенсіи. Отеческое покровительство, начавшееся съ 1826 года, не оставлявшее Пушкина во всю его жизнь, продолжается и по смерти его до настоящей минуты, перенесенное на лица, которыя такъ дороги были его сердцу.

Въ 1835 году, Пушкинъ еще разъ уѣзжалъ въ отпускъ въ Москву, на 28-мь дней, по своимъ дѣламъ (съ мая 3 по 24 мая), а осенью отправился, по обыкновенію, въ Михайловское для довершенія плановъ и трудовъ предшествующихъ мѣсяцевъ, взявъ увольненіе съ 27 августа по 23 декабря, но изъ этой поѣздки возвратился онъ ранѣе предположеннаго срока въ городъ, по болѣзни матери своей, Надежды Осиповны, Онъ написалъ только въ деревнѣ (26 сентября) послѣднюю, чудную пѣснь свою, обращенную къ Михайловскому и извѣстную подъ заглавіемъ: «Опять на родинѣ», которое, между прочимъ, врядъ-ли принадлежитъ Пушкину. Надежда Осиповна скончалась въ слѣдующемъ 1836 году. Александръ Сергѣевичъ положилъ тѣло ея въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ и тутъ же сдѣлалъ вкладъ обители на собственную свою могилу, которая не долго и ожидала его. Михайловское, какъ собственность Надежды Осиповны, доставалось всѣмъ законнымъ наслѣдникамъ ея. Александръ Сергѣевичъ хотѣлъ оставить любимую деревню свою за собою, но условія исключительнаго пріобрѣтенія тяжело было согласить и тяжело было вынести. По смерти поэта опека, Высочайше утвержденная надъ имуществомъ покойнаго, скупила всѣ части Михайловскаго и такимъ образомъ отдала потомству Александра Сергѣевича деревню, имъ любимую и прославленную.

Въ письмѣ къ П. В. Н—у, уже изъ Петербурга, А. С. Пушкинъ, радуясь, что тотъ не собрался къ нему въ деревню, гдѣ-бъ не засталъ его, опять увѣдомляетъ о стѣснительномъ положеніи своихъ дѣлъ и о намѣреніи издавать въ будущемъ году журналъ. Онъ прибавляетъ еще, что Смирдинъ уже даетъ ему 15,000 руб. асс. для возвращенія его снова къ сотруничеству въ журналѣ «Библіотека

Digitized by Google

для Чтенія». Послѣднія строки письма особенно замѣчательны:.... «Желалъ бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться: вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, ростетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку на свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились....»

До основанія журнала: «Современникъ», Пушкинъ два года печаталъ почти безпрерывно произведенія свои въ журналѣ Библіотека для Чтенія, появившемся, какъ извѣстно, въ 1834 году. За первое произведеніе его, *«Гусаръ»*, помѣщенное тамъ вмѣстѣ съ стихотвореніями Жуковскаго и Козлова, издатель журнала, А. Ф. Смирдинъ, говорятъ, заплатилъ ему 2,000 р. ас. Послѣ того, въ Библіотекѣ для Чтенія явились: *Пѣсни Западныхъ Славянъ*, три сказки (*О Мертвой Царевнѣ, о Золотомъ Пѣтушкѣ, о Рыбакѣ и рыбкѣ*); два подражанія древнимъ, написанныя 1-го и 12-го января 1833, двѣ баллады изъ Мицкевича, написанныя въ Болдинѣ 28-го октября 1833, пьесы: *Красавица и Элегія* (*Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье*), изъ которыхъ послѣдняя написана въ Болдинѣ же, но 8 сентября 1830 года. Всѣ эти стихотворенія вошли въ составъ четвертой части стихотвореній А. Пушкина, выданной имъ въ 1835 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Кромѣ поэтическихъ своихъ произведеній, Пушкинъ помѣстилъ въ журналѣ г. Смирдина и два разсказа въ прозѣ: *Пиковая Дама* и *Кирджали*. Наконецъ, въ 1835 же году, написалъ онъ и *Египетскія ночи*, явившіяся уже послѣ смерти его, въ Современникѣ 1837 года.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXV.

1835 г. Исторія созданія «Египетскихъ ночей». «Египетскія ночи. — Связь съ ними: a) «Одной главы изъ романа» напечатанной въ альманахѣ «Сто Русскихъ Литераторовъ»; — b) начала повѣсти въ формѣ свѣтской бесѣды, — c) отрывка о писателѣ — свѣтскомъ человѣкѣ; — d) повѣствованія о Петроніи, изъ древней Римской жизни. — Текстъ самаго повѣствованія. — Программа его, стихотворенія, въ него вошедшія, стихи: «Порѣдѣли, побѣлѣли». — Заключеніе о «Египетскихъ ночахъ».

Пиковая дама произвела при появленіи своемъ въ 1834 г. всеобщій говоръ и перечитывалась, отъ пышныхъ чертоговъ до скромныхъ жилищъ, съ одинаковымъ наслажденіемъ. Общій успѣхъ этого легкаго и фантастическаго разсказа особенно объясняется тѣмъ, что въ повѣсти Пушкина есть черты современныхъ нравовъ, которыя обозначены, по его обыкновенію, чрезвычайно тонко и ясно. Тоже самое видимъ и въ *Египетскихъ ночахъ*, но они уже здѣсь подчинены глубокой поэтической мысли. Впечатлѣніе, производимое Египетскими ночами, такъ полно и сильно, что должно возбудить само собой изслѣдованіе читателя, отдающаго отчетъ въ своихъ чувствахъ. Всякій, кто внимательно разсматривалъ это небольшое образцовое произведеніе, вѣроятно замѣтилъ, что всѣ его краски и всѣ его очертанія необычайно глубоко продуманы, строжайше взвѣшены и оцѣнены предварительно и потомъ уже воспроизведены въ минуту вдохновенія, сообщившую всѣмъ имъ свѣжесть, блескъ перваго впечатлѣнія. Дѣйствительно такова исторія созданія Египетскихъ ночей.

Для того, чтобы ввести стихотвореніе свое: «*Чертогъ сіялъ: гремѣли хоромъ*»—или лучше поэтическое изображеніе древняго преданія въ современную эпоху, столь противуположную нравамъ языческаго міра, Пушкинъ начиналъ много повѣстей. Изъ противуположности понятій, какая должна была оказаться между взглядомъ древнихъ на извѣ-

Digitized by Google

стный предметъ и нынѣшними требованіями вкуса и приличій, хотѣлъ онъ извлечь сильный романическій эффектъ. Онъ началъ повѣсть изъ свѣтской жизни, которая напечатана была въ альманахѣ: «Сто Русскихъ Литераторовъ 1839 г.», подъ заглавіемъ: «Одна глава изъ неоконченнаго романа» и въ посмертное изданіе его сочиненій не попала. Не докончивъ своей повѣсти, Пушкинъ перешелъ къ разговору, который сохраняется въ бумагахъ его и не можетъ быть приведенъ здѣсь по сбивчивости и запутанности рукописи. — Вотъ его начало:

«Мы проводили вечеръ на дачѣ у княгини Д.

Разговоръ коснулся какъ-то до *M-me de Stael*. Баронъ***, на дурномъ французскомъ языкѣ, очень дурно разсказалъ извѣстный анекдотъ—вопросъ ея Бонапарту: «кого почитаетъ онъ первою женщиною въ свѣтѣ» и забавный его отвѣтъ: ту, которая народила болѣе дѣтей: *celle qui a fait le plus d'enfants*.

— Какая славная эпиграмма! замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И по дѣломъ ей! сказала одна дама. Какъ можно такъ неловко напрашиваться на комплименты.

— А мнѣ такъ кажется, сказалъ Сорохтинъ, дремавшій въ гамбсовскихъ креслахъ, мнѣ такъ кажется, что ни M-me de Stael не думала о мадригалѣ, ни Наполеонъ объ эпиграммѣ. Одна сдѣлала вопросъ изъ единаго любопытства, очень понятнаго, а Наполеонъ буквально выразилъ настоящее свое мнѣніе. Но вы не вѣрите простодушію геніевъ.

Гости начали спорить, а Сорохтинъ задремалъ опять.

— Однако въ самомъ дѣлѣ, сказала хозяйка, кого почитаете вы первою женщиною на свѣтѣ?

— Берегитесь, вы напрашиваетесь на комплименты.

— Нѣтъ, шутки въ сторону.

Тутъ пошли толки. Иные называли *M-me de Stael*, другіе Орлеанскую Дѣву, третьи—Елисавету Англійскую Королеву, *M-me de Maintenon*, *M-me Roland* и проч.

Молодой человѣкъ, стоящій у камина (потому что въ Петербургѣ каминъ никогда не лишній), въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ:

— Для меня, сказалъ онъ, женщина самая удивительная—Клеопатра.

— Клеопатра! сказали гости... да, конечно.... однако почемужъ?...»

Можно прибавить къ этому, сколько позволяетъ состояніе рукописи, что изъ толковъ о Клеопатрѣ, Пушкинъ хотѣлъ извлечь именно

Digitized by Google

тотъ контрастъ, о которомъ задумалъ, но онъ бросилъ разговоръ свой неконченнымъ, какъ и отрывокъ, напечатанный въ альманахѣ: Сто Русскихъ Литераторовъ, да вскорѣ бросилъ онъ и самую мысль, подавшую поводъ къ сочиненію ихъ. Онъ перешелъ къ другому и болѣе художественному роду противопоставленія картинъ, именно къ огненной импровизаціи бѣднаго, заѣзжаго итальянца, въ виду блестящаго общества его спокойныхъ и взыскательныхъ слушателей. Самый переходъ этотъ былъ сдѣланъ, однакожъ, не безъ одного посредствующаго звена. «Египетскимъ ночамъ» предшествовалъ еще одинъ опытъ, именно мастерское изображеніе писателя—свѣтскаго человѣка, нѣкоторыя черты котораго приняты были потомъ и въ повѣсть. Опытъ этотъ подъ именемъ «*Отрывка*» и съ объяснительнымъ примѣчаніемъ П. А. П. напечатанъ былъ въ посмертномъ изданіи. Такъ наконецъ образовались «Египетскія ночи»—въ ихъ изумительной оконченности и отдѣлкѣ.

Замѣчанія наши, однако же, относятся къ мысли Пушкина о *современной* повѣсти и о превращеніяхъ, какія она получала у него до полнаго своего выраженія, но кромѣ того у поэта было еще и другое намѣреніе по поводу Египетскихъ ночей. Оно, можетъ, еще и предшествовало всѣмъ описаннымъ здѣсь. Мы видимъ, что Пушкинъ началъ повѣствованіе изъ быта *древняго міра*, съ намѣреніемъ выразить его ложное, языческое понятіе о смерти. Отрывки этого повѣствованія, безсвязные и набросанные по разнымъ листкамъ, весьма любопытны. Одна подробность, являющаяся въ программѣ повѣсти, объясняетъ много самую сущность ея. Пушкинъ хотѣлъ ввести въ разсказъ свой лицо раба—христіанина, который долженъ былъ, вѣроятно, служить живымъ осужденіемъ равнодушія или упоенія, съ какимъ языческій міръ встрѣчалъ смерть, оскорбляя тѣмъ величество и значеніе ея, и живымъ опроверженіемъ потѣхъ язычества и лжемудрствованій его философовъ. Къ сожалѣнію, Пушкинъ набросалъ только первую половину, да и та представляется намъ въ такомъ необдѣланномъ и отрывочномъ видѣ, что едва сохранена въ ней необходимая связь разсказа. Приводимъ эти клочки, такъ сказать, его мысли—по порядку. Одно объясненіе: главное дѣйствующее лицо въ разсказѣ Пушкина—есть тотъ знаменитый Петроній, который былъ и поэтомъ, и блестящимъ человѣкомъ вѣка Нерона, и кончилъ жизнь тѣмъ же родомъ смерти, какъ и Сенека. Онъ открылъ себѣ жилы, избѣгая зависти и подозрѣній Нерона.

Digitized by Google

I.

«Цесарь путешествовалъ; мы съ Титомъ Петроніемъ слѣдовали за нимъ издали. . . . Но захожденія солнца намъ разбивали шатеръ, разставляли постели—мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу и сладко засыпали каждый въ лектикѣ своей, утомленные жаромъ и ночными наслажденіями.

Мы достигли Кумъ и уже думали пуститься далѣе, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона. Онъ принесъ Петронію повелѣніе Цезаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, въ слѣдствіе обвиненія. Мы были поражены ужасомъ: одинъ Петроній выслушалъ равнодушно свой приговоръ; отпустилъ гонца съ подаркомъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ. Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ и сталъ ожидать его возвращенія въ Кипарисной рощѣ, посвященной Евменидамъ.

Мы окружали его съ безпокойствомъ. Флавій Аврелій спросилъ его: долго ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и не страшится ли раздражать Цесаря ослушаніемъ?

— Я не только не думаю ослушаться его, отвѣчалъ Петроній съ улыбкою, но даже намѣренъ предупредить его желанія. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи. . . . . .

Мы всѣ изъявили желаніе съ нимъ остаться и Петроній ласково насъ благодарилъ. Слуга возвратился и повелъ насъ въ домъ, уже выбранный. Онъ находился въ предмѣстьи города. . . . . .

— —

Второй отрывокъ начинается у Пушкина программой, которая важнѣе всего, что имъ сдѣлано было для своей повѣсти, потому что она только и сообщаетъ настоящее значеніе ея чертамъ, неяснымъ и пропадающимъ изъ глазъ. Программа изложена такъ:

«Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ, онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти—избираетъ теплыя ванны. Греч. философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ *оду*. Описаніе приготовленій, онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. *Первый вечеръ*: о Клеопатрѣ—наши разсужденія о томъ. *Второй вечеръ*: Петроній приказываетъ разбить драгоцѣнную чашу—дик-

Digitized by Google

туетъ Satirycon—разсужденіе о паденіи человѣка—о паденіи боговъ, о общемъ безвѣріи — о превращеніяхъ Нерона. *Рабъ - Христіанинъ. . .*»

Затѣмъ набросанъ у Пушкина второй отрывокъ:

II.

« . . . Имъ управлялъ старый отпущенникъ въ отсутствіи хозяина, уже давно покинувшаго Италію. Нѣсколько рабовъ подъ его надзоромъ заботились о чистотѣ комнатъ и садовъ. Въ широкихъ сѣняхъ нашли мы кумиры девяти музъ; у дверей стояли два кентавра. Петроній остановился у мраморнаго порога и прочелъ начертанное на немъ привѣтствіе: здравствуй! Печальная улыбка изобразилась на лицѣ его. Старый управитель повелъ его въ библіотеку, гдѣ осмотрѣли мы нѣсколько свитковъ и вошли потомъ въ спальню хозяина. Она убрана была просто. Въ ней находились только двѣ семейныя статуи: одна изображала матрону, сидящую въ креслахъ, другая дѣвочку, играющую мячемъ. На столикѣ подлѣ постели стояла маленькая лампада. Здѣсь Петроній остался и отпустилъ насъ, пригласивъ вечеромъ къ нему собраться.

Я не могъ уснуть. Печаль наполняла мою душу. Я видѣлъ въ Петроніѣ не только благодѣтеля, но и друга, искренно ко мнѣ привязаннаго. Я уважалъ его обширный умъ, любилъ его прекрасную душу. Въ разговорахъ его почерпалъ я знаніе свѣта и людей, извѣстныхъ мнѣ болѣе по умозрѣніямъ божественнаго Платона, нежели по собственному опыту. Его сужденія обыкновенно были быстры и вѣрны: равнодушіе избавляло его отъ пристрастія. Искренность въ отношеніи къ самому себѣ дѣлала его проницательнымъ. Жизнь не могла представить ему ничего новаго: чувства его дремали, притупленныя привычкою, но умъ его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей, какъ и гармонію словъ, охотно слушалъ философическія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла.

Я сошелъ въ садъ и долго ходилъ по извилистымъ его тропинкамъ, осѣненнымъ старыми деревьями. Я сѣлъ на скамейку подъ тѣнь широкаго тополя, у котораго стояла статуя молодаго сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Желая развлечь какъ нибудь печальныя мысли, я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня.

Digitized by Google

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей,
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней:
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода:
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.»

Это неизданное стихотвореніе Пушкина написано имъ 6-го января 1835-го отдѣльно, съ заглавіемъ: «Ода LVI (изъ Анакреона).» Въ повѣствовательномъ отрывкѣ находится только ссылка на него; такъ точно и всѣ стихотворенія, введенныя Пушкинымъ въ отрывокъ, теперь слѣдующій, обозначены въ немъ только ссылками.

III.

« . . . Солнце клонилось къ западу: я пошелъ къ Петронію. Онъ расхаживалъ въ библіотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лекарь Септимій. Петроній, увидя меня, остановился и произнесъ шутливо:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по вызженнымъ таврамъ,
Узнаемъ Парфянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ.

— Не скромничай, продолжалъ Петроній—вынимай изъ подъ тоги свои дощечки и прочти. Ты угадалъ, отвѣчалъ я Петронію, и подалъ дощечки. Онъ прочиталъ мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчасъ разсѣялось.—Когда читаю подобныя стихотворенія, сказалъ онъ, мнѣ всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслію о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что Тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему, также какъ не вѣрю трусости Горація. Вы знаете оду его:

Digitized by Google

. . . . . .
Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросѧ щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся! Какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ
И спасъ отъ смерти неминучей.....

Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мецената своею трусостію, чтобъ не напомнить имъ о другомъ. . . .»

Здѣсь кончаются начальные отрывки повѣсти или лучше начальный планъ ея. Читатель, вѣроятно уже замѣтилъ, что изъ стихотвореній, тамъ помѣщенныхъ, только одно пропущено посмертнымъ изданіемъ: (*Порѣдѣли*, *побѣлѣли*), но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ напечатанныхъ послѣднее, извѣстное подъ заглавіемъ: «*Горацій*», отнесено имъ къ числу *Лицейскихъ стихотвореній* Пушкина. Пьеса есть переводъ или лучше превосходное подражаніе одѣ Горація: Къ Помпею (Ad Pompeium, ода VII, книг. II) и написаны, какъ видимъ, въ послѣднихъ годахъ жизни поэта нашего. Что касается до самихъ отрывковъ, то пусть вспомнятъ читатели, что мысль о Египетскихъ ночахъ родилась у Пушкина еще въ 1825 году. Она обрѣла себѣ настоящую форму только спустя 10 лѣтъ. Въ числѣ пробъ и очерковъ, ей предшествовавшихъ, мы видимъ, находился и такой, который, судя по намѣренію автора, долженъ былъ поднять предметъ до философско-поэтическаго значенія. Теперь, когда мы имѣемъ произведеніе въ художественной полнотѣ и оконченности, трудно и представить себѣ видъ, который могло бы оно имѣть съ другой идеей въ основаніи и въ другой формѣ. Намъ остается только замѣтить, что черновая подготовка матеріаловъ длилась у Пушкина иногда чрезвычайно долго. Затѣмъ уже вдохновеніе скоро обращало ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Такъ оправдывается глубокая истина любимой поговорки самого Пушкина: «вдохновеніе нужно въ поэзіи также точно, какъ и въ геометріи».

Digitized by Google

ГЛАВА XXXVI.

1835 г. Дѣятельность общественная и дѣятельность кабинетная. «Матеріалы для исторіи Петра Великаго». Развитіе сношеній поэта въ обществѣ въ 1834—5 годахъ. — Наблюдательность его, отношеніе къ нему литературныхъ партій. — Пушкинъ воспитатель художественнаго чувства въ отечествѣ. — Выдержки изъ записокъ Пушкина, ясный характеръ замѣтокъ Пушкина при возрастающей запутанности обстоятельства. — Матеріалы для исторіи Петра Великаго, способъ работы. — Одна система съ 1672 по 1689 г. — Другая система съ 1689 г. — Невозможность представленія ихъ публикѣ въ томъ видѣ, какъ они остались отъ Пушкина. — Первый отрывокъ изъ «Матеріаловъ» объ основаніи Петербурга. — Второй отрывокъ о кончинѣ преобразователя.

1834 и 1835 годы замѣчательны въ жизни поэта нашего еще и развитіемъ его сношеній въ обществѣ. Даже по однѣмъ бумагамъ можно судить о томъ, какой обширный кругъ дѣятельности нашла его наблюдательность и какой широкій горизонтъ представлялся вообще его глазу. Почти ни одно явленіе жизни не ускользаетъ отъ него. Онъ собираетъ историческіе анекдоты отъ очевидцевъ или отъ людей, близкихъ къ очевидцамъ, и вомѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякое слово или мысль, какъ только вышли они, по своему значенію, изъ безразличнаго говора людей. Еще важнѣе для него были сами люди. Мы знаемъ, что въ это время находился онъ въ сношеніяхъ почти со всѣми знаменитостями свѣтскаго, дипломатическаго, военнаго и административнаго круга. Гораздо рѣже и не совсѣмъ охотно спускается онъ въ кругъ литераторовъ: разнородныя требованія и стремленія ихъ уже не имѣютъ для него важнаго значенія, но онъ не остается равнодушнымъ къ нападкамъ и выходкамъ, которыя еще показываются въ это время, хотя уже и робко, хотя и съ замѣтнымъ чувствомъ недовѣрія къ успѣху попытокъ. Неравнодушно встрѣчаетъ онъ и противоположное явленіе въ литературѣ, именно—*постоянное изученіе его собственныхъ созданій*, которое тоже начинаетъ выказываться въ эту эпоху, рядомъ со стремленіемъ отыскать въ самыхъ этихъ созданіяхъ

Digitized by Google

живые эстетическіе законы. . . . Онъ уже могъ тогда проврѣть свое, значеніе, какъ воспитателя художническаго чувства въ отечествѣ. . . . Это было естественнымъ результатомъ его дѣятельности. Никогда великій иностранный образецъ, если бы даже и былъ понятенъ всему кругу читателей, не дастъ и въ половину того, что дастъ современникамъ художникъ роднаго слова, творящій, такъ сказать, передъ ними и передъ ними поправляющій себя въ каждомъ новомъ созданіи. Съ мыслію производителя растетъ и мысль читателей. Кстати приводимъ здѣсь двѣ отдѣльныя замѣтки Пушкина, касающіяся тогдашнихъ литературныхъ явленій. «Моя Пиковая Дама, говоритъ онъ разъ, въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза». Въ другой разъ онъ замѣчаетъ: «вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ *Тимофѣичемъ*—очень оригинально и очень смѣшно.» Мы сохранили ошибку Пушкина въ названіи сказки. Вслѣдъ за этими строками Пушкинъ прибавляетъ: «Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію Русской критики [1]).» Замѣтки Пушкина выражены чрезвычайно просто, откровенно и отличаются ясностью сердца и ума, какъ вообще и всѣ его поступки до минуты, когда пылкіе порывы темнили все въ глазахъ его и сбивали съ дороги. Имъ не чужда была и эта эпоха его жизни. Не надо забывать однакожъ, что изъ смѣшенія противоположностей состоитъ весь поэтическій обликъ Пушкина. Какъ еще ни старались мы изложить въ посильномъ описаніи эти необычайно-подвижныя черты его характера, но онѣ не поддаются описанію и требуютъ для объясненія и примиренія своего уже творческой кисти настоящаго художника. Прибавимъ къ этому, что поэтъ, чувствуя слабость свою, зналъ цѣну *нравственнаго принужденія*, вызваннаго участіемъ, и охотно подчинялся ему; оно возвращало ему душевное спокойствіе, безъ котораго нѣтъ труда и творчества. Снова уходилъ онъ тогда въ кабинетъ свой, гдѣ совокуплялись, такъ сказать, всѣ нити, которыми связанъ онъ былъ съ окружающими и гдѣ разрѣшались всѣ его наблюденія, поступки и пріобрѣтенія мыслями, замѣтками, поэзіей. Тамъ копились также и матеріалы для исторіи Петра Великаго; важнѣйшій трудъ Пушкина въ эти

[1]) Гоголь, если и принялся за Исторію Русской критики, то вскорѣ покинулъ ее. Изъ критическаго его труда осталась только статья: О движеніи Журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ, написанная имъ для перваго № Современника 1836 года, гдѣ она и помѣщена.

Digitized by Google

года, къ описанію котораго приведены мы теперь хронологическою послѣдовательностію біографическихъ матеріаловъ.

Какое значеніе придавалъ Пушкинъ труду своему—можно видѣть изъ этихъ строкъ письма его къ М. П. Погодину, отъ 7-го апрѣля 1834: «Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической кафедрѣ». Поэтъ однакожъ еще не приступалъ собственно къ Исторіи. Въ бумагахъ его остались только матеріалы для нея, о которыхъ и говоритъ В. А. Жуковскій въ описаніи послѣднихъ минутъ Пушкина въ примѣчаніи: «Если напечатать все найденное въ рукописяхъ Пушкина, то конечно составится два хорошихъ тома или и *пять*, если присоединить къ литературнымъ отрывкамъ всѣ матеріалы, приготовленные для Исторіи Петра Великаго. Ж.» Эти матеріалы дѣйствительно были переписаны и собраны для печати еще въ 1840 году. Шесть тетрадей ихъ одобрены цензоромъ для тисненія тогда же (съ 30-го мая по 19-е іюля 1840). Причина невыхода ихъ доселѣ заключается въ нихъ самихъ.

То, что у Пушкина называется матеріалами для Исторіи, не представляетъ собственно матеріаловъ, но только выписки изъ нихъ и ссылки. Это черновая работа, свидѣтельствующая о добросовѣстности, съ какой приступалъ онъ къ задачѣ своей: Пушкинъ употребилъ 5 лѣтъ на одинъ первый, подготовительный трудъ. Конечно не менѣе времени потребовала бы и полная разработка его. Способъ работы, употребленный Пушкинымъ, замѣчателенъ. Съ рожденія Преобразователя до объявленія его Единодержавнымъ Самодержцемъ Россіи, то есть, съ 1672 по 1689 годъ, Пушкинъ дѣлаетъ сводъ всѣмъ лѣтописямъ, запискамъ и документамъ, какіе находились у него въ рукахъ, не прибавляя ничего. Это послѣдовательный разсказъ матеріаловъ, который долженъ былъ находиться подъ глазами его въ эпоху настоящей исторической работы. Само собой разумѣется, что въ нынѣшнемъ видѣ онъ не можетъ имѣть ни значенія исторической картины, ни критической оцѣнки документовъ, будучи только основаніемъ для той и другой. Въ срединѣ этого разсказа, иногда подробнаго, иногда сжатаго и прерывающагося, стоятъ вопросительные знаки и замѣтки для привлеченія мысли при будущемъ обсужденіи труда. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Онъ подружился съ иностранцами; Женевецъ Лефортъ, 23-мя годами (?) старше его, научилъ его Голландскому (?) языку.»—«Хованскому послана была особая *похвальная* грамота, въ коей повелѣвалось ему и сыну немедленно, для нужныхъ совѣтовъ, отправиться къ Государямъ (куда?)».—«Вины князей Голицы-

Digitized by Google

ныхъ сказаны были: что они безъ указу Великихъ Государей имя Сестры ихъ установили писать Самодержицею и что въ Крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили (тутъ есть несообразности)». Подобными замѣтками испещренъ весь разсказъ и онѣ лучше всего свидѣтельствуютъ сущность его, какъ памятной записки, которая безъ повѣрки не могла быть представлена публикѣ.

Начиная съ 1689 своего историческаго труда, Пушкинъ принимаетъ другую систему. Подъ каждымъ годомъ излагаетъ онъ сводъ событій, ознаменовавшихъ его, и потомъ еще присоединяетъ къ нему перечень указовъ, изданныхъ въ теченіе его. Эта система продолжается уже черезъ всѣ 5 съ половиною тетрадей до года самой смерти Великаго Императора—1725 года. Описаніе ея, какъ и все прочее лаконическими, краткими указаніями, имѣетъ видъ программы. Вотъ послѣднія слова его: «8-го марта возвѣщено народу погребеніе. Черезъ два дня оно совершилось. См. Голикова.» Подъ этими словами стоитъ помѣтка: «15-го Декабря 1835.» Въ этотъ день кончился для Пушкина первый черновой сводъ извѣстій писателей своихъ и чужестранныхъ о Петрѣ Великомъ.

Но при этомъ новомъ порядкѣ труда, уже почти нѣтъ страницы, которая могла бы обойтись безъ поправки. Безпрестанно встрѣчаетесь вы съ недоумѣніемъ или вопросомъ самого собирателя, знавшаго гдѣ найти разрѣшеніе имъ, но не оставившаго тайны своей въ бумагахъ. Къ этому присоединяется еще неправильное названіе лицъ или мѣстъ, сдѣланное первыми источниками и вездѣ обозначенное знаками вопрошенія у Пушкина. Въ самое время переписки Пушкинскихъ матеріаловъ, въ 1840 году, тогдашняя редакція обозначила сомнительныя мѣста отмѣтками: *справ.* (справиться), но по многочисленности своей, справки эти требуютъ уже почти всѣхъ средствъ и всѣхъ трудовъ настоящаго историка.

Въ отношеніи указовъ, собиратель поступалъ также точно, какъ и въ отношеніи матеріаловъ: онъ выписывалъ сущность ихъ и имѣлъ предъ собой важнѣйшую часть законодательства каждаго года вполнѣ, а менѣе важную отбрасывалъ словами: «и проч. и проч.» Будущіе объясненія и выводы и здѣсь обозначены вопросительными *знаками*, помѣтками *NB.*, и иногда сжатымъ опредѣленіемъ въ скобкахъ, какъ: «*Монополія казны*»—*Cour de Cassation*»,— а передъ положеніемъ о компаніяхъ купеческихъ, слѣдующей выпиской: «*Въ супрядкѣ не пряжа, въ складчинѣ не торгъ*» и проч. Все это отрывки мыслей, которые трудно теперь и пояснить. Представляемъ опять одинъ

Digitized by Google

образецъ изложенія указовъ у Пушкина, какъ прежде сдѣлали для историческаго разсказа. «Тогда же (1699) состоялся указъ всѣмъ Русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ (?) и духовныхъ, брить бороду и носить платье Нѣмецкое: сперва Венгерское, а потомъ мужескому полу верхнее—Саксонское и Французское, а нижнее и камзолы—Нѣмецкіе (?), (съ ботфортами?), женскому полу (Нѣмецкое). Съ ослушниковъ брать пеню въ воротахъ (Московскихъ улицъ), съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ по 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить Русское платье подъ наказаніемъ (какимъ?).» Къ этимъ чертамъ, уже требующимъ отдѣльнаго и обширнаго труда для ихъ поясненія, надо еще присоединить и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ листы мѣшаются и одинъ разсказъ повторяется два раза, затрудняя читателя, къ которому году отнести событіе и иногда затемняя самый ходъ повѣствованія.

Послѣ всего сказаннаго, понятно, отъ чего такъ долго ожидаемые матеріалы Исторіи Петра Великаго до сихъ поръ не были изданы и еще не скоро могутъ явиться въ свѣтъ. Не говоря уже о новомъ трудѣ, который они вызываютъ и который дѣлается почти равнымъ спеціальному, обширному труду настоящей исторической задачи, но теперь уже потеряна и своевременность ихъ выхода. Исторія Петра Великаго приводится къ окончанію однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ. Данныя, собранныя Пушкинымъ только для будущаго развитія ихъ, должны скоро явиться въ полной критической разработкѣ. Тяжелый трудъ исправителя не можетъ имѣть никакого значенія передъ трудомъ историка, вооруженнаго и необъятными средствами, и долгимъ изученіемъ предмета. Вмѣстѣ съ матеріалами для Исторіи Петра Великаго въ бумагахъ Пушкина должны остаться и такъ называемыя *Камчатскія дѣла* — другой памятникъ его дѣятельности. Это также сводъ всѣхъ сказаній и данныхъ о пріобрѣтеніи Камчатки и укрѣпленіи тамъ Русскаго владычества, съ тѣми случайностями завоеванія и казачьихъ похожденій, какими исполнена исторія этой отдаленной земли. Они тоже требуютъ повѣрокъ, объясненій и дополненій, хотя и менѣе обширныхъ, чѣмъ эпоха Преобразователя, почему и могутъ быть сообщены публикѣ впослѣдствіи, вмѣстѣ съ половиной первой тетради самой Исторіи Петра, которая наиболѣе отдѣлана у Пушкина. Ограничиваясь здѣсь покамѣстъ общимъ описаніемъ ученаго труда нашего автора, мы въ дополненіе къ тому, что сказано, приводимъ два большіе отрывка изъ тетрадей. Первый изъ II тетради касается основанія Петербурга (1703), второй изъ

Digitized by Google

VI тетради описываетъ кончину Великаго Императора (1725 г.). Читатель легко замѣтитъ, что оба отрывка не имѣютъ вида связнаго историческаго разсказа, а только, какъ и все прочее у Пушкина, представляютъ одну программу его; но да позволено намъ будетъ сказать здѣсь, что, не смотря уже на ихъ характеръ, кажется, достаточно объясненный нами, всѣ эти замѣтки вмѣстѣ, начинающіяся со дня рожденія Преобразователя и кончающіяся смертію его, — исполнены еще интереса, привлекательности и поученія. Въ нихъ видимъ модель огромнаго, истинно великаго произведенія. Значеніе ихъ еще возвышается короткими, отрывочными словами Пушкина, обнаруживающими его собственное сужденіе и взглядъ на предметы, но оторвать ихъ теперь же отъ тѣла, къ которому принадлежатъ — нѣтъ никакой возможности.

1703.

«Посреди самаго пилу войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открыла бы ходъ торговлѣ съ Сѣверо-западною Европою и сообщеніе съ образованностію. Карлъ XII былъ на высотѣ своей славы; удержать завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе и на островѣ, находящемся близъ моря, на Невѣ, 16 мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ (*одной рукою заложивъ крѣпость, а другой не зачищая*. Голик.). Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову. 3-й Графу Головину, 4-й Зотову (? *Канцлеру* пим. Голик.), 5-й Князю Трубецкому, 6-й Кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близь оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбачья хижина, деревянный же дворецъ на 9 саженяхъ въ длину и 3-хъ въ ширину, о 2 покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣленными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ семъ видѣ сохраняется и понынѣ.

«Въ крѣпости опредѣленъ Комендантомъ Полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ Генералъ-Губернатору завоеванныхъ городовъ и земель, поручено надзираніе надъ новоначинавшимся городомъ. Отведено мѣсто для гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, адмиралтейства, Государева дворца, саду и домовъ знатныхъ господъ.

Digitized by Google

Городъ Нейшанцъ былъ *упраздненъ*, и жители онаго переведены, и были первые Петербургскіе поселенцы.

«Петръ послалъ Шереметьева взять крѣпость Копорье, а Генералъ-Маіора Ф. Вердена подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

«Когда народъ встрѣчался съ Царемъ, то, по древнему обычаю, падалъ передъ нимъ на колѣна. Петръ Великій въ Петербургѣ, коего грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то Петръ Великій запретилъ уже сіе *подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы*, пишетъ Штелинъ, *народъ ради его не марался въ грязи.*

«Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Кроніортъ изъ Лифляндіи идетъ съ 12,000 т., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своей Гвардіи и 4 драгунскими и, нашедъ его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогналъ его до Выборга, положивъ 2,000. Въ то же время подъ Ямбургъ подступалъ Нарвск. ком.. Генералъ-Маіоръ Горнъ, но прогнанъ съ урономъ отъ Шереметьева; въ разныхъ мѣстахъ сверхъ того Шведы были побиваемы.

«Вслѣдъ за симъ на Олонецкой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатовъ; отправлено къ Шереметьеву четыре наставленія, между прочимъ о вымѣреніи Ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, *понеже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда.* Къ Апраксину писалъ Онъ, чтобы къ веснѣ *исправлялся пушками* и заготовлялъ *сіе* для кораблей, но не зачиналъ ихъ строить.

«Изъ Олонца прибылъ Государь на новопостроенномъ фрегатѣ Штандартѣ *съ 6-ю ластовыми* судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль Голландскій съ товарами, напитками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шхиперу и матросамъ постой въ домѣ Меншикова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (*С.-Петербургскія вѣдомости*, 1703 года Декабря 15), подарилъ шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю впередъ обѣщено тоже (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанію Государя, тотчасъ были раскуплены.

«Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они являлись при его дворѣ, угощаемы были за его столомъ . . . . Ихъ уважали и вѣроятно не любили. (Анекдотъ

Digitized by Google

объ аладьяхъ. Кухмистеръ Государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворецъ. См. *Штелина* и *Голикова*).

1-го октября, въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обязавшись усилить его Саксонцевъ 12,000 пѣхоты, да дать 300,000 руб.. Все было исполнено. Деньги посланы съ Оберъ-Комиссаромъ Кн. Дм. Голицынымъ.

«Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ кою могли бы входить большіе корабли, и крѣпость для прикрытія Петербурга. Въ октябрѣ, когда шелъ уже ледъ, Онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ вымѣрилъ фарватеръ между симъ островомъ и мелью, противъ него находившеюся; на той мели, въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на островѣ сдѣлать гавани и оныя укрѣпить и самъ сдѣлалъ тому *планъ и проспектъ*.

«Потомъ Государь съ Шереметьевымъ отправился въ Москву, оставя у Ямбурга окольничаго П. Апраксина съ 5-го полками.

«Въ Москву выѣхалъ Онъ торжественно. По указу Его сдѣланы были трои Тріумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ Государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 милліоновъ* (*?*). *Беергъ и другіе* (?), *Щербатовъ*.

1725.

«1-го января, Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

«1-го же изданъ указъ о снятіи лишнихъ карауловъ.

«Королъ Испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ Императоромъ Австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на Эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи.

«Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подозрѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала выгодамъ торговымъ Австріи.

«Фридерикъ-Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи Люгдебургскія пошлины. Отселѣ Ганноверскій договоръ, оборонительный.

«Франція и Англія обязывались поддерживать права на *Бергское* наслѣдство Короля Прусскаго.

«Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому же союзу.

«Австрія вступила въ союзъ съ Россіею. Петръ началъ переговоры съ Пруссіей....

Digitized by Google

«Петръ послалъ, съ Архангельскъ, корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля *Груландскихъ*, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ *Беринга* (Капитана) для открытія пути въ Восточную Индію, черезъ Ледовитый Океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

«Шамхалъ, собравъ 30,000 войска, осадилъ крѣпость Св. Креста. Генералъ-Маіоръ Кропотовъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе Шамхала (см. Ежен. сочин. 1760, II—38 и проч.).

«Петръ (по свидѣтельству Катофора) на Іорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

«Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужіе края сухимъ путемъ не возить.

«Изданъ полицейскій указъ о продажѣ съѣстныхъ припасовъ.

«О размѣщеніи солдать, гдѣ есть пустыя строенія съ городахъ.

«Объясненъ указъ о утайкѣ душъ.

«О сборахъ.

«16-го января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзи.

«Онъ близь своей спальни повелѣлъ поставить церковь походную.

«22-го исповѣдывался и причастился.

«Всѣ Петербургскіе врачи собрались у Государя. Они молчали; но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стоналъ....

«При немъ дежурили три четыре Сенатора.

«25-го сошлись во дворецъ весь Сенатъ, весь Генералитетъ, Члены всѣхъ Коллегій, всѣ Гвардейскіе и Морскіе Офицеры, весь Сѵнодъ и знатное Духовенство.

«Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго Государя, народъ толпился передъ Дворцомъ.

«Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра, и не шла спать, какъ только по его приказанію.

«Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ.

«26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ на каторгу (кромѣ 2-хъ первыхъ пунктовъ и убійцъ), *для здравія Государя*.

«Тогда же данъ имъ указъ о рыбѣ и клеѣ (*казенные товары*).

Digitized by Google

«Къ вечеру Ему стало хуже, Его мѵропомазали.

«27-го данъ указъ о прощеніи не явившимся дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ Военной Коллегіи (*кромѣ* и проч.), простить — дабы молили они о здравіи Государевомъ.

«Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неявственныхъ, изъ коихъ разобрать было можно только сіи *бдайте все*.... перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Цесаревну Анну, дабы ей продиктовать.... Она вошла — но Онъ уже не могъ ничего говорить.

«Архіереи Псковскій и Тверскій и Архимандритъ Чудова Монастыря стали Его увѣщевать. Петръ оживился — показалъ знакъ, чтобъ они Его приподняли, и возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: *сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня.*

«Увѣщевающій сталъ говорить Ему о милосердіи Божіемъ безпредѣльномъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ *вѣрую и уповаю.*

«Увѣщевающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: Вѣрую, Господи и исповѣдую, яко ты еси и прочее. Петръ произнесъ: Вѣрую, Господи и исповѣдую; вѣрую, Господи: помози моему невѣрію *и сіе все, что весьма дивно* (сказано къ рукописи свидѣтеля) *съ умиленіемъ, лице къ веселію елико могъ устроевая, говорилъ — по семъ замолкъ....*

«Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ плохимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ: *Послѣ.....* Всѣ вышли, повинуясь въ послѣдній разъ Его волѣ.

«Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился Онъ, стоналъ, безпрестанно дергая правую свою руку — лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщевающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его, и нѣсколько разъ силился перекреститься.

«Троицкій Архимандритъ предложилъ Ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія, приподнялъ руку: его причастили опять Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать, и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской Архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщеванія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра 28 января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена Императрицей.

«Въ тотъ же день обнародованъ манифестъ.

Digitized by Google

«Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье», Генералъ-Маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ Сенатору Графу Матвѣеву.

«2-го февраля напечатана присяга и разослана по всему Государству.

«Тѣло Государя вскрыли и бальзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

«Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го января народъ допущенъ къ Его рукѣ.

«4-го марта скончалась 6-ти лѣтняя Царевна Наталія Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

«8-го марта возвѣщено народу погребеніе. Чрезъ два дня оное совершилось. (*См. Голик.*).

15 декабря (1835 г.)

Digitized by Google

ГЛАВА XXXVII.

1836 г. «Современникъ» и послѣдніе дни Пушкина. Командировка Пушкина въ Москву для занятія въ Главномъ Архивѣ въ мартѣ 1836 возвращеніе его назадъ. — Стихотвореніе: «Художникъ». — «Современникъ». — Причина его изданія; содержаніе первой книжки. — Въ началѣ апрѣля Пушкинъ въ Михайловскомъ. — Смерть матери, письмо къ Погодину и Языкову изъ Михайловскаго. — Критическія статьи Пушкина въ первой книжкѣ Современника. — Пушкинъ ревностно собираетъ историческія записки и преданія. — Отрывокъ изъ письма Дениса Давыдова о знакомствѣ съ Вальтеръ-Скоттомъ. — Въ маѣ Пушкинъ снова въ Москвѣ и тогда же возвращается назадъ. — Письмо къ Нащокину съ анекдотомъ о сынѣ. — Вторая книжка Современника, какъ и первая, выходитъ въ его отсутствіе. — Лѣто 1836 года Пушкинъ на дачѣ Каменнаго острова. — Онъ собирается посвятить всю дѣятельность журналу. — Послѣднія стихотворенія: «Подраженіе Итальянскому», «Молитва» и проч. — Первыя строки неизданнаго стихотворенія: «Когда великое свершалось торжество», послѣднія строки пьесы: «Когда за городомъ, задумчивъ я брожу», нѣсколько другихъ стиховъ: «По прихоти своей скитаться. .». — Третій томъ Современника подъ редакціей самаго Пушкина. — Переѣздъ съ Каменно-островской дачи въ Петербургъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. — Безпокойство духа. — Первые признаки неблагонамѣренной и ложной молвы. — Раздражительность Пушкина, мысль уѣхать въ Михайловское. — Послѣдній лицейскій праздникъ съ товарищами и въ ноябрѣ появленіе четвертой книжки Современника съ романомъ: «Капитанская дочка».

Въ началѣ 1836 года (февраля 26), Пушкинъ, какъ объясняется въ формулярномъ его спискѣ, — командированъ въ Московскій Главный Архивъ для занятій по дѣламъ службы. Занятія эти были—дополнительный сборъ историческихъ матеріаловъ, не смотря на то, что онъ полагалъ его оконченнымъ въ прошломъ году. Мы увидимъ, что Александръ Сергѣевичъ и еще разъ въ теченіе этого года посѣтилъ Москву съ тѣмъ же намѣреніемъ, но оба раза пробылъ въ ней не долго. Изъ февральской поѣздки онъ возвратился въ мартѣ мѣсяцѣ назадъ въ Петербургъ: 25 марта написано въ Петербургѣ стихотвореніе: *Художнику*. Первый томъ Современника, журнала, который долженъ былъ состоять всего изъ четырехъ томовъ, и матеріалы

Digitized by Google

для котораго заготовилъ онъ прежде, уже печатался. Одобреніе цензора на первомъ появившемся номерѣ его имѣетъ помѣтку: 31 марта 1836.

Причины основанія этого журнала или обозрѣнія, какъ называлъ его Пушкинъ, должно прежде всего искать въ противодѣйствіи тому насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который высказался въ послѣднихъ годахъ и, поддерживаемый съ остроуміемъ и замѣчательной діалектической ловкостію, имѣлъ сильное вліяніе, особенно на людей полуобразованныхъ, изъ которыхъ вездѣ и состоитъ большинство читателей. Пушкинъ думалъ, вмѣстѣ со многими изъ друзей своихъ, что, не смотря на безобразіе многихъ отдѣльныхъ явленій, литература наша въ общности всегда была сильнымъ орудіемъ образованности, что легкое, постоянно шутливое обращеніе съ ней лишено и основанія и цѣли, если не полагать цѣль въ доставленіи одной забавы праздному чтенію. Какъ будто для показанія важнаго значенія литературы нашей, Пушкинъ въ первомъ же томѣ своего обозрѣнія помѣстилъ: Пиръ Петра Великаго, Скупой Рыцарь, Изъ А. Шенье, а въ прозѣ—Путешествіе въ Арзрумъ и разборъ-сочиненій Георгія Конисскаго! Не говоримъ уже о стихахъ Жуковскаго, о повѣсти, статьѣ и сценахъ Гоголя, о разборѣ Парижскаго математическаго Ежегодника Кн. Козловскаго и Хроники Русскаго А. Тургенева.

Еще книжка Современника не выходила изъ печати, какъ Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Михайловское. Поводомъ къ этой поѣздкѣ въ необычное весеннее время года была кончина матери его Надежды Осиповны. Онъ провожалъ тѣло ея до могилы, заготовленной ей рядомъ съ родителями ея Осипомъ Абрамовичемъ и Марьей Алексѣевной (сконч. 1819) Ганибалами, въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ. 14 апрѣля Пушкинъ собрался опять въ Петербургъ. Въ самый день отъѣзда своего изъ Михайловскаго, онъ написалъ два письма: одно къ М. П. Погодину, другое къ Н. М. Языкову. Послѣднее особенно любопытно. Приводимъ ихъ по порядку.

1) Къ М. П. Погодину.

«Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ въ слѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ. Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужъ получили. Статья о вашихъ Афоризмахъ писана не мною, и я не имѣлъ времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не серди-

Digitized by Google

тесь на меня, если вы ею не довольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Н.... благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ СП., — а въ Москву буду въ Маѣ — порыться въ Архивѣ и свидѣться съ вами. 14 Апрѣля. Михайловское.»

2) *Къ Н. М. Языкову.*

«Отгадайте откуда пишу къ вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ: вы, В**. и я, гдѣ звучали ваши стихи, и бокалы, гдѣ тепер вспоминаемъ мы васъ и старину.—Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Е. Н..., у которой я въ гостяхъ. Поклонъ вамъ ото всего и от всѣхъ вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью. Алексѣй В. здѣсь же по прежному милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое въ Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ...., но оно такъ живо мнѣ васъ напомнило, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи, что и вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобы онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи—вода живая; наши—вода мертвая; мы ею окатили Современника: опрысните его вашими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову—прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазавъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ, опять его вымылъ—и правъ. Прощайте, пишите мнѣ, да и кстати ужъ, напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его Посланіе, напечатанное въ Новосельи (помнится), и о которомъ вы и слова ему не молвили. Будьте здровы и пишите, то есть: *живи и жить давай другимъ* 14 Апрѣля. P. S. Пришлите мнѣ, ради Бога, *Стихъ объ Алексѣѣ Бож. человѣкѣ* и еще какую нибудь легенду—*нужно.*»

Послѣднее слово: «нужно» намъ уже понятно.... Направленіе Пушкина въ эти года даетъ ему значеніе и смыслъ....

Но изъ критическихъ статей Пушкина, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ Современника, не одна только о сочиненіяхъ Конисскаго, какъ онъ утверждаетъ, принадлежитъ ему. Въ извѣстіяхъ о новыхъ книгахъ есть напримѣръ двѣ замѣтки, уже несомнѣнно составленныя

Digitized by Google

имъ, и двѣ другія, которыя, по нѣкоторымъ внѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ, могутъ быть отнесены на его счетъ, хотя положительныхъ доказательствъ ихъ принадлежности издателю мы не нашли въ бумагахъ. Начинаемъ съ замѣтокъ перваго рода:

1) *Вастола, или желанія, повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. С. Пб. въ тип. Д. Внѣш. Торг., 1836, въ 8, стр. 96.*

«Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора, до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ другаго не придумано.

«Въ томъ же журналѣ сказанно было, что «Вастола переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.

«Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого-бы то ни было.

«Послѣ таковаго объясненія, не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить, могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.»

Не видя никакой существенной надобности изъяснять теперь происшествіе, о которомъ говорится въ замѣткѣ, мы только прибавимъ, что право Пушкина издать поэму могло основываться и на томъ, что онъ пересмотрѣлъ ее и вѣроятно исправилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Подъ замѣткой его должна была стоять и подпись: Изд., выпущенная только отъ типографскаго недосмотра.

Второй отрывокъ касается новаго изданія Вечеромъ на хуторѣ Н. В. Гоголя.

2) *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изданіе второе. Двѣ части. въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ типогр. Д. Внѣш. тор.*

«Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ нами появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ.» Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной

Digitized by Google

и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся, имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ [1]).»

Этотъ отзывъ подтверждаетъ все то, что говорили мы прежде о покровительствѣ, какое оказалъ Пушкинъ начинающему писателю, и о самихъ поводахъ къ нему. Тутъ уже можно замѣтить мысль, высказанную впослѣдствіи самимъ Гоголемъ по поводу только Ревизора: честное лице въ моей комедіи—есть смѣхъ.

Переходимъ къ замѣткѣ, котораа можетъ и не принадлежать Пушкину, но удивительно совпадаетъ съ его образомъ мыслей и съ направленіемъ вообще.

Походныя записки Артиллеристи, съ 1812 по 1816 годъ, Артиллеріи Полковника И. Р.... Москва, 1835—1836, въ 8 д. четыре части. Стр. 296—348—354—375.

«Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ разсказы всѣ безъ исключенія были занимательны, все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка даже постой Русскаго офицера на Нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. До нынѣ, если бывшій въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просѣдью на головѣ, станетъ разсказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои разсказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То,

---

[1]) На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ. *Пр. Пушкина.*

Digitized by Google

что случилося съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ не важнымъ, и очень ошибаются, Ихъ простые разсказы иногда вносятъ такую черту въ Исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возьмите напримѣръ, эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлеченія, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.»

Въ послѣднее время Пушкинъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ собирателей записокъ, преданій, изустныхъ историческихъ разсказовъ. Онъ отыскивалъ ихъ всюду, гдѣ только могъ—съ жаромъ и неутомимостію, которыми вообще отличались его предпріятія. Онъ заводилъ переписку по первому слуху о существованіи какого-либо документа въ этомъ родѣ, какого-либо семейнаго сказанія или откровенной повѣсти изъ жизни дѣйствительнаго лица. Пусть вспомнятъ читатели наши участіе, съ которымъ онъ встрѣтилъ записки Н. А. Дуровой, помѣщенныя имъ во 2-мъ томѣ Современника, съ объясненіемъ отъ собственнаго лица. Оно сохранено нами въ примѣчаніяхъ къ статьямъ, взятымъ изъ Современника. Такъ точно по первому извѣстію, что Д. В. Давыдовъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Валтеръ-Скоттомъ, Пушкинъ просилъ его разсказать всю исторію его знакомства съ знаменитымъ Шотландцемъ. Отрывокъ изъ отвѣта Д. В. Давыдова сохранился въ бумагахъ Пушкина: онъ любопытенъ.

«. . . . . Мнѣ писалъ племянникъ мой Владиміръ Петровичъ Давыдовъ, который учится въ Единбургѣ, что онъ часто видится съ Валтеръ-Скоттомъ и часто бываетъ у него въ деревнѣ, что Валтеръ-Скоттъ долго его обо мнѣ разспрашивалъ и показывалъ ему портретъ мой, находящійся у него въ кабинетѣ. Это польстило моему самолюбію и я написалъ Валтеръ-Скотту благодарное письмо, на которое онъ немедленно отвѣчалъ. Сверхъ того, онъ, спустя нѣсколько времени, прислалъ мнѣ свой портретъ, съ надписью: Валтеръ-Скоттъ Денису Давыдову. Теперь я ему пишу благодарное письмо за портретъ, а между тѣмъ, узнавъ, что онъ составляетъ себѣ кабинетъ разнаго оружія, на дняхъ посылаю ему Куртинскій дротикъ, Черкесскій лукъ и стрѣлы, и кинжалъ. Вотъ вся исторія моего знакомства съ Валтеръ-Скоттомъ.»

Наконецъ выписываемъ шутку Пушкина, въ которую отчасти примѣшивается и чувство грусти. Что она принадлежитъ поэту—сви-

Digitized by Google

дѣтельствуетъ одно обстоятельство. При перечетѣ именъ старыхъ дѣятелей въ литературѣ, пропущено его собственное имя.

Мое новоселье. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. Спб. въ типогр. Издат., 296 ст.

«Это Альманахъ! Какое странное чувство находитъ, когда глядимъ на него; кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда-то было весело и шумно, видимъ передъ собою тощаго мяукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвигъ издавалъ благоуханный свой Альманахъ! Въ немъ цвѣли имена: Жуковскаго, Князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи, приложенномъ къ началу, стоятъ имена, гг. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того, написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ. Читаемъ стихи—подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней-мѣрѣ въ нихъ все было ровнѣе, текучѣе, сочинители лепетали вслѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ! ...»

Въ маѣ мѣсяцѣ А. С. Пушкинъ снова уѣхалъ въ Москву, порыться въ Архивахъ, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ М. П. Погодину, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и по собственнымъ дѣламъ. Въ это время одно изъ нихъ, кончившееся къ полному его удовольствію, свидѣтельствуетъ, что боязнь толковъ и пересудовъ свѣта начинала уже сильно развиваться въ немъ. Въ маѣ же мѣсяцѣ вернулся онъ въ Петербургъ и 27-го числа написалъ то доброе, простосердечное письмо, которое, вмѣстѣ съ другими къ П. В. Нащокину, уже напечатано было въ Москвитянинѣ 1851 г. № 23.

«Любезный П. В., я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23 въ полночь. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у себя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай Князю Гагарину, а другой пошли отъ меня Б (*тихонько отъ наблюдателей NB*,), и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. *Во вторыхъ*, я забылъ взять съ собою твои записки, перешли ихъ сдѣлай милость, поскорѣе.

«Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу—на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ *en tout*.

«Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. 27 Мая 1836.

Digitized by Google

«Вотъ тебѣ анекдотъ о моемъ Сашкѣ. Ему запрещаютъ (не знаю за чѣмъ) просить, чего ему хочется. На дняхъ говоритъ онъ своей теткѣ: «Азя! дай мнѣ чаю: я просить не буду.»

И такъ, мы видимъ, Пушкинъ съ мая мѣсяца жилъ уже на дачѣ— на Каменномъ Острову. Въ отсутствіе его, матеріалы, приготовленные имъ для 2-го № Современника, были приведены въ порядокъ и напечатаны людьми, которымъ онъ повѣрилъ эту работу. Онъ нашелъ второй томъ Современника очень хорошимъ. Книжка вышла въ іюнѣ мѣсяцѣ. Одобреніе ценсора на ней помѣчено 30 числомъ іюня 1836 года.

Изъ собственныхъ его статей, второй № Современника содержалъ извѣстіе о Россійской Академіи, Предисловіе къ запискамъ Н. А. Дуровой и, вѣроятно, то объявленіе отъ редакціи журнала, въ которомъ она принимаетъ на себя вину напечатанія хроники Русскаго въ Парижѣ (А. Тургенева), безъ исправленій въ слогѣ и отвѣчаетъ на нападки журналовъ, усмотрѣвшихъ въ запискахъ Эоловой Арфы только погрѣшности противъ языка и внѣшней формы. Послѣднія слова этого объявленія, имѣющія совершенно характеръ Пушкинскій, выписываемъ:

« . . . Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ [1]) живой. теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, булеварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній, такъ сказать, *стенографировать* эти горячіе слѣды, эту лихорадку Парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ наизнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство, слѣдовательно, не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, от-

[1]) Въ журналѣ.

Digitized by Google

клонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ».

Впрочемъ, второй томъ Современника имѣетъ преимущественно критическій характеръ. Онъ наполненъ разборами замѣчательныхъ книгъ и литературныхъ явленій, какъ своихъ, такъ и чужестранныхъ. Въ немъ находимъ отчеты о засѣданіи Французской Академіи, о Наполеонѣ, поэмѣ Кинэ, о войнахъ Цезаря, писанныхъ Маршаномъ подъ диктовку Наполеона, о комедіи Гоголя: Ревизоръ и проч.

Съ жаромъ принялся Пушкинъ лѣтомъ, на Каменноостровской дачѣ своей, за приготовленіе новаго тома журнала, которымъ еще недавно обѣщался дѣятельно заняться. Первые два №№, хотя и составлены были имъ, но печатались, какъ мы видѣли, безъ личнаго надзора издателя: только третій № вышелъ подъ собственными его глазами [1]). Неутомимо работалъ поэтъ-журналистъ надъ матеріалами и содержаніемъ новой книжки. Одинъ изъ друзей, посѣтивъ его въ воскресенье, засталъ его за статьей: Джонъ Теннеръ. Поэтъ работалъ надъ ней уже цѣлое утро и, встрѣчая пріятеля, сказалъ ему, потягиваясь, полу-шутливо и полу-грустно: «Плохое наше ремесло, братецъ. Для всякаго человѣка есть праздникъ, а для журналиста—никогда.» Отъ пребыванія его на дачѣ Каменнаго Острова осталось, однакожъ, и нѣсколько поэтическихъ, послѣднихъ пѣсенъ его: *Подражаніе Италіанскому*, написанное 22 іюня, *Молитва*, написанная ровно черезъ мѣсяцъ 22-го іюля, и нѣсколько не изданныхъ. Всѣ онѣ уже ознаменованы тѣмъ особымъ состояніемъ духа, которое въ высокихъ образахъ, граничащихъ религіозныхъ эпосомъ, ищетъ пищи и удовлетворенія себѣ. Замѣтно, что воображеніе поэта, обставлено, такъ сказать, картинами историческаго и духовнаго содержанія и безпо-

---

[1]) Пушкинъ объяснилъ это самъ въ третьемъ томѣ Современникѣ, увѣдомляя, что обѣщаніе разобрать всѣ книги, помѣченныя въ реестрѣ новыхъ книгъ звѣздочкой, дано было не имъ и не можетъ быть исполнено: *Обстоятельства*, говоритъ онъ, *не позволили издателю лично заняться напечатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала*; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ не доразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить — сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ: Новыя книги что книги, означенныя звѣздочкой, будутъ современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣчдочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ.»

Digitized by Google

койно живетъ между ними, еще выбирая предметъ для полнаго поэтическаго усвоенія. Въ неизданныхъ стихотвореніяхъ можно видѣть, какъ явленія жизни начинаютъ представляться мысли его той стороной, которая чѣмъ либо соприкасается съ исторической или религіозной идеей. 5 іюня Пушкинъ началъ стихотвореніе, первыя строки котораго здѣсь приводимъ:

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество.
Тогда по сторонамъ животворяща Древа —
Марія-грѣшница и Пресвятая дѣва —
Стояли двѣ жены
Въ неизмѣримую печаль погружены!...

Картина въ 6-ти стихахъ, мѣрно и величественно возстающая предъ глазами вашими!... Другая, ей подобная, писана въ послѣднемъ мѣсяцѣ лѣта. Въ одну изъ прогулокъ своихъ, Пушкинъ завернулъ на кладбище, и 14-го августа выразилъ впечатлѣнія свои въ стихотвореніи, которое начинается стихами:

«Когда за городомъ, задумчивъ, я брожу
И на публичное кладбище захожу.»

Весь предметъ, возбудившій сначала тяжелое и смутное волненіе въ душѣ его, тотчасъ же освѣщается кроткимъ свѣтомъ религіозной мысли и выходитъ уже преобразованный совершенно идеальнымъ пониманіемъ и представленіемъ его. Исполненный тихой задумчивости, онъ въ новомъ своемъ видѣ приноситъ съ собой умиротвореніе всѣхъ требованій и порывовъ.

«Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ;
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ, и мелкихъ пирамидъ.
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ —
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя!...

14-го Августа, 1836. Камен. Остр.

Digitized by Google

Наконецъ, немного ранѣе, 5-го іюля, набрасываетъ Пушкинъ отрывокъ, гдѣ высказываетъ въ чудныхъ стихахъ всѣ потребности свои, какъ художника. Созерцаніе природы и наслажденіе искусствомъ, признаетъ онъ единственной цѣлью своей жизни, пренебрегая и откидывая всѣ другія, многоразличныя цѣли, которыя волнуютъ его современниковъ. Онъ ставитъ цѣль положительно и твердо:

«По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья.
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья.....
Вотъ счастье! вотъ права!

Тоже самое говорилъ онъ и прежде, но теперь мы уже знаемъ, что не прежнее вольное, артистическое наслажденіе всѣми явленіями жизни скрывается въ его словахъ, но сближеніе съ тѣми величавыми образами, которые предчувствовала и по которымъ томилась душа его....

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ вышелъ третій томъ Современника. Постоянная работа лѣта не прошла даромъ и Пушкинъ сдержалъ обѣщаніе. Третій томъ есть чуть ли не лучшій томъ всего изданія, по разнообразію и существенности своего содержанія. Въ немъ, вмѣстѣ со стихами Ѳ. Т., Давыдова и Вяземскаго, помѣстилъ онъ собственныя свои пьесы: Родословная моего героя, Полководецъ, Сапожникъ—притча. Въ прозѣ мы уже находимъ 7 статей Пушкина: О мнѣніи М. А. Лобанова, Объ Исторіи Пугачевскаго бунта, Вольтеръ, Ѳракійскія элегіи, Анекдоты, Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы и Джонъ Теннеръ. Въ разборѣ книгъ мы извлекли уже, для напечатанія въ видѣ отдѣльныхъ статей, его замѣтки: Объ обязанностяхъ человѣка Сильвіо Пеллико и О словарѣ Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви; онѣ проникнуты тѣмъ же нравственнымъ чувствомъ, какое овладѣло и умомъ его, вмѣстѣ съ творческой его способностію, что въ настоящемъ художникѣ почти всегда неизбѣжно [1]). Есть и нѣсколько небольшихъ полемическихъ объяс-

[1]) Между прочимъ, вслѣдъ за реестромъ новыхъ книгъ было еще въ третьемъ томѣ Современника объявленіе о новомъ романѣ: «Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: *Село Михайловское*, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.» Кому могъ принадлежать этотъ романъ,

Digitized by Google

ненiй Пушкина въ томъ же номерѣ. Извѣстный библiографъ И. А. Безсоновъ прислалъ въ Современникъ свои замѣтки на статью Гоголя: О движенiи Журнальной литературы. Онъ противопоставлялъ нѣкоторымъ обвиненiямъ ея свои соображенiя и, называя ее программой журнала, ждалъ отъ Современника исполненiя всѣхъ упущенiй въ журналистикѣ, какъ-то: опредѣленiя, что такое Валтеръ-Скоттъ, Французкая литература, наши писатели и наша публика? Осторожный Пушкинъ сдѣлалъ такую выноску къ замѣткамъ Г. Безсонова: «Съ удовольствiемъ помѣщая здѣсь письмо Г. А. Б. [1]), нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненiя. Статья о движенiи журнальной литературы напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнiя, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостiю и прямодушiемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою Современника». Въ другой разъ, отвѣчая на догадки журналовъ о программѣ журнала и цѣли его, онъ останавливается при иронической замѣткѣ одной газеты, что Современникъ будетъ только продолженiемъ Литературной Газеты Барона Дельвига. Съ гордостiю и чувствомъ уваженiя къ другу, Пушкинъ подтверждаетъ слова газеты: «Современникъ, говоритъ онъ, по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнiя о предметахъ, подлежащихъ его суду, *будетъ* продолженiемъ Литературной Газеты».

Выдавъ книжку Современника, Александръ Сергѣевичъ въ октябрѣ мѣсяцѣ переѣхалъ въ городъ, на Мойку, къ Пѣвческому мосту, домъ Волконской. Съ этого времени становится въ немъ замѣтно особенное безпокойство духа; первые признаки неблагонамѣренности и лживой молвы, тогда показавшiяся, начинаютъ тревожить его. Онъ дѣлается раздражителенъ и наконецъ съ трудомъ таитъ въ себѣ муку гнѣва и досады, которые вскорѣ и одолѣваютъ его. Какъ будто предчувствуя катастрофу, онъ сбирался уѣхать въ концѣ этого года въ Михайловское и пробыть тамъ всю зиму съ семействомъ

носившiй имя села Пушкиныхъ — намъ неизвѣстно. Въ бумагахъ поэта, по крайней мѣрѣ, не осталось никакихъ признаковъ существованiя его. Его нѣтъ и въ Русской литературѣ. Несмотря на разспросы наши, мы не могли даже узнать намѣренiя, понудившаго Пушкина къ такому объявленiю или къ допущенiю такого объявленiя.

[1]) Замѣтки были изложены въ письмѣ за подписью: «А. Б. Тверь. 23-го Апрѣля 1836».

Digitized by Google

своимъ. Исполненіе плана предотвратило бы, можетъ статься, бѣдствіе, которое поразило его въ первомъ мѣсяцѣ слѣдующаго 1837 года [1]).

Между тѣмъ, въ ноябрѣ, выдалъ онъ 4-й, послѣдній томъ Современника, имѣющій цензурное одобреніе отъ 11 ноября 1836. Существенной частью этой книжки былъ романъ: *Капитанская дочка*, напечатанный въ немъ цѣликомъ, да Хроника Русскаго въ Парижѣ. Отдѣльныхъ стиховъ Пушкина въ немъ не было, но онъ напечаталъ тогда объясненіе по поводу «Полководца», въ которомъ заключилъ три строфы въ честь вождя 12-го года князя Кутузова, бывшія дотолѣ неизвѣстными. Затѣмъ, въ Новыхъ книгахъ, Пушкинъ сдѣлалъ одобрительную замѣтку на Записки Н. А. Дуровой, вышедшія отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Кавалеристъ-дѣвица». «Читатели Современника видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія....» Другая замѣтка касается труда г-на Строева: «Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго, 2 части. Москва.» Мы не знаемъ достовѣрно, принадлежитъ ли она Пушкину, но по мысли своей она совершенно сходна съ тѣмъ, что онъ обыкновенно думалъ и говорилъ.

«Издавъ сіи два тома, Г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть закоренѣлые верхогляды,

---

[1]) Одинъ изъ лицейскихъ товарищей Пушкина передалъ намъ трогательный анекдотъ. Извѣстно, что воспитанники лицея всегда собирались 18 октября — день основанія Лицея, къ одному изъ товарищей, читали стихи, бесѣдовали о прошломъ и *записывали слова и рѣчи присутствующихъ*, обозначая послѣднихъ школьными именами и указывая, гдѣ находились тѣ изъ нихъ, кого не было на лицо. Пушкинъ писалъ къ этому дню всѣ свои пьесы, извѣстныя подъ заглавіями: «19 Октября». По обыкновенію, и къ 1836 году онъ приготовлялъ лирическую пѣснь, но не успѣлъ ее докончить. Въ день праздника онъ извинился передъ товарищами, что прочтетъ имъ пьесу, не вполнѣ додѣланную, развернулъ листъ бумаги, помолчалъ немного и только что началъ, при всеобщей тишинѣ, свою удивительную строфу:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,

какъ слезы покатились изъ глазъ его. Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголъ комнаты, на диванъ.... Другой товарищъ уже прочелъ за него послѣднюю лицейскую годовщину.

Digitized by Google

принужденны будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе Русской Исторіи. «Ключъ» составленъ по второму изданію «Исторіи Государства Россійскаго», *самому полному и исправному*, пишетъ Г. Строевъ. Издатели «Исторіи Государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина».

Digitized by Google

ГЛАВА XXXVIII.

Январь 1837 года. Дуэль Пушкина и кончина его. Наступленіе новаго года. — Пушкинъ не выдерживаетъ жала клеветы и злорѣчія. — Дуэль его съ г. Гекерномъ и смертельная рана. — Нѣкоторыя подробности дуэли. — Смерть и порохоны его. — Впечатлѣніе, произведенное явленіемъ его посмертныхъ стихотвореній въ Современникѣ 1837 года, — Заключеніе.

Такъ наступилъ 1837 годъ, въ которомъ смерть неожиданно свела Пушкина съ жизненнаго и литературнаго поприща. Причины и обстоятельства, породившія катастрофу, еще всѣмъ памятны. Легкомысленное пониманіе жизни и характеровъ, неосновательный, злорѣчивый говоръ молвы, какой часто бываетъ въ городахъ и исчезаетъ по собственному ничтожеству своему и по презрѣнію, которое рано или поздно наказываетъ его,—произвели здѣсь гибельныя послѣдствія. Они встрѣтили пылкій характеръ, который придалъ имъ значеніе гораздо болѣе того, какое они заслуживали и сдѣлалъ ихъ орудіемъ собственной преждевременной и мучительной смерти. Раздраженный упорствомъ клеветы, Пушкинъ не сохранилъ разсудительности и хладнокровія, нужныхъ для предоставленія ея собственному позору. Въ праздной и неблагородной насмѣшкѣ, онъ видѣлъ мнѣніе свѣта, а мнѣніе свѣта было въ его глазахъ дѣломъ первой важности. Энергія, неутомимость и сосредоточенный въ себѣ гнѣвъ, съ какими выступилъ онъ противъ первыхъ легкомысленныхъ проявленій злорѣчія, уже предвѣщали неминуемую катастрофу. Съ ходомъ всего дѣла, Пушкинъ воспламенялся все болѣе и, наконецъ, ослѣпленный гнѣвомъ и негодованіемъ, сдѣлался жертвой столько же чужаго легкомыслія, сколько и своего огненнаго, неукротимаго характера. Смертельно раненый на поединкѣ съ г. Дантесомъ (Георгъ Гекернъ), 27-го января 1837 года, онъ скончался безъ малаго черезъ два дня—29 января, въ пятницу, въ три четверти третьяго часа пополудни.

Digitized by Google

Всѣ попытки друзей отвратить этотъ ударъ остались тщетны. Въ самый день поединка они везли обоихъ противниковъ чрезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли нарочно оружіе, надѣясь еще на благодѣтельное вмѣшательство общества, но всѣ ихъ усилія и намеки остались безуспѣшны. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ Острову, одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣли его и г. Дантеса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселіе, только она догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха: «тутъ должно случиться несчастіе. Поѣзжайте за ними». Но уже было поздно.

Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, упалъ и нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ въ снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ, чтобъ противникъ, подбѣжавшій къ нему, возвратился опять на свое мѣсто и, собравъ всѣ силы, послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, чтобъ показать степень страсти, овладѣвшей всѣмъ существомъ его.

Радость была столько же напрасна, сколько и противна нравственному чувству. Покамѣстъ противникъ садился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника, на случай несчастія. Пушкинъ еще поглядѣлъ вслѣдъ удаляющагося врага и прибавилъ: «Мы не все кончили съ нимъ», но уже все было кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго въ дому его.

Карета медленно подвигалась на Мойку, къ Пѣвческому мосту. Раненый чувствовалъ жгучую боль въ лѣвомъ боку, говорилъ прерывистыми фразами и, мучимый тошнотою, старался преодолѣть страданія, возвѣщавшія близкую, неизбѣжную смерть. Нѣсколько разъ принуждены были останавливаться, потому что обмороки слѣдовали довольно часто одни за другими и сотрясеніе пути ослабляло силы больнаго. По прибытіи къ дому, Пушкинъ остался въ каретѣ, между тѣмъ какъ спутникъ его сошелъ для исполненія одной изъ самыхъ тяжкихъ обязанностей—предувѣдомленія домашнихъ о случившемся несчастіи. Камердинеръ Пушкина вынесъ его на рукахъ изъ кареты и раненый ласково спросилъ его: «грустно тебѣ нести меня?»

Супруга поэта, спокойно занимавшаяся въ своей гостиной, при

Digitized by Google

первомъ намекѣ о бѣдствіи, стремительно бросилась къ кабинету мужа. Пушкинъ не допустилъ ее къ себѣ въ первое время, боясь неожиданности впечатлѣнія. Онъ уже лежалъ на диванѣ, когда она вошла въ кабинетъ, взялъ ее руки, поднесъ къ губамъ своимъ и молвилъ: «благодарю Бога: я еще живъ и ты возлѣ меня».

Отсюда начинается трогательная драма его кончины, описаніе которой заключено въ письмѣ В. А. Жуковскаго къ отцу поэта, Сергѣю Львовичу. Крѣпость духа, борящаяся въ продолженіе 45 часовъ съ нестерпимыми физическими страданіями и часто побѣждающая ихъ; мысль, сохраняющая всю свѣжесть въ горькія минуты распаденія организма; мягкость сердца и чувства, идущія рядомъ съ изумительной энергіей характера; наконецъ религіозное одушевленіе, разрѣшающееся полнымъ внутреннимъ примиреніемъ со всѣми врагами своими и благодарственнымъ воззваніемъ къ монарху, вѣнценосному благодѣтелю своему: — все это дѣлаетъ кончину Пушкина, по-истинѣ, событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи. Письмо В. А. Жуковскаго передаетъ ее въ поразительной картинѣ: къ нему и отсылаемъ читателей нашихъ [1]).

Пушкинъ скончался 37 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и трехъ дней. Извѣстіе о смерти его распространилось по всему городу. Люди всѣхъ сословій приходили поклониться гробу того человѣка, который такъ много доставлялъ всѣмъ высокихъ духовныхъ наслажденій въ жизни. Домъ его съ утра до вечера наполненъ былъ народомъ, который видѣлъ въ прахѣ этомъ — утрату надеждъ своихъ на будущее. . . .

Пушкинъ не оставилъ послѣ себя почти никакого состоянія. Намъ уже извѣстны всѣ щедроты монарха, излившіяся на семейство поэта, тотчасъ по кончинѣ его. На самыя похороны его было отпущено 10 тысячъ руб. ассигн. и Высочайше повелѣно препроводить прахъ его въ Святогорскій Успенскій монастырь, въ 4-хъ верстахъ отъ Михайловскаго (Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда), причемъ исполненіе сего повелѣнія возложено было на того человѣка, который открылъ Пушкину первый путь въ жизни опредѣленіемъ его въ лицей — на А. И. Тургенева. При стеченіи многочисленнаго народа отпѣваніе тѣла умершаго происходило въ придворной Конюшенной церкви,

---

[1]) Вмѣстѣ съ описаніемъ В. А. Жуковскимъ, мы прилагаемъ и разсказъ г. Баитышъ-Каменскаго изъ его біографіи Пушкина, который дополняетъ первое многими подробностями и замѣчательными чертами.

Digitized by Google

1-го февраля. Площадь передъ нею была покрыта толпами, которыя не могли помѣститься въ самой церкви. Тамъ, послѣ разрѣшительнаго благословенія религіи, прахъ Пушкина принялъ послѣднее цѣлованіе родныхъ и друзей. В. А. Жуковскій обнялъ бездыханное тѣло его и долго держалъ его безмолвно на груди своей. Гробъ перенесенъ былъ въ склепъ самой церкви, въ ожиданіи времени отправленія его въ Святогорскій монастырь, что произошло два дня спустя, 3-го февраля. Тамъ возвышается теперь могила, съ надгробнымъ памятникомъ изъ бѣлаго мрамора и надписью: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», въ лавровомъ вѣнкѣ. Памятникъ состоитъ изъ обелиска на четвероугольномъ основаніи, имѣющемъ видъ древнихъ гробницъ. Онъ находится передъ жертвенникомъ на внѣшней сторонѣ старинной церкви монастыря. Площадка, гдѣ покоится Пушкинъ, всего на-всего имѣетъ 25 шаговъ по одному направленію и около 10 по другому. Она кончается обрывомъ и начинаетъ заростать липами и деревьями.... мѣсто молчаливо и строго.

«Современникъ» появился и въ 1837 году, ноуже изданный друзьями покойнаго и въ пользу семейства прежняго своего основателя. Тутъ впервые ознакомилась публика со многими произведеніями поэта, нѣсколько лѣтъ уже сберегавшимися въ тетрадяхъ его. Посмертный, загробный голосъ Пушкина, длившійся цѣлый годъ въ новомъ Современникѣ, показалъ окончательно всю великость понесенной утраты и погибшихъ съ поэтомъ надеждъ. Въ Современникѣ 1837 года напечатаны были, кромѣ небольшихъ стихотвореній и прозаическихъ отрывокъ: Мѣдный Всадникъ, Русалка, Галубъ, Арапъ Петра Великаго, Лѣтопись села Горохина, Египетскія ночи. Будемъ говорить только о произведеніяхъ стихотворной формы. Каждое изъ нихъ, кромѣ своего художническаго значенія, имѣло еще и другой голосъ въ то время. За мощными стихами ихъ, достигшими нерушимой, будто сквозь огонь проведенной формы, за образами ихъ, доведенными до отчетливости исполненія, перерождавшей ихъ въ совершенно живыя явленія,—слышалось такое обиліе творческой, неистощимой силы, что они казались скорѣе начатками богатой дѣятельности, чѣмъ окончаніемъ ея. Являясь какъ послѣднее слово поэта, какъ предѣлъ, за который онъ уже не перейдетъ,—всѣ эти созданія опровергали собственными качествами характеръ, сообщенный имъ неожиданной и преждевременной смертью.

Но будемъ довольны и тѣмъ, что сдѣлано Пушкинымъ.

Какъ дубъ, предназначенный на долгое существованіе, Пушкинъ

Digitized by Google

вначалѣ развивался тихо, раскидывая вѣтви съ каждымъ годомъ все шире и шире. Въ зачаткахъ его уже можно было видѣть всѣ признаки медленнаго возрастанія, какое бываетъ удѣломъ мощныхъ организацій. Эфемерное поэтическое существованіе, скоро выбѣгающее для изумленныхъ глазъ и скоро пропадающее отъ нихъ, — начинается и кончается нѣсколькими произведеніями одинаковаго значенія и равнаго достоинства, но Пушкинъ начиналъ тяжело. Корни его поэзіи постепенно, медленно и глубоко проникали въ глубь жизни и души человѣческой. Онъ и въ послѣднее время еще далеко не достигъ предѣла, какой положенъ былъ собственной его природой, и по оставшимся начаткамъ легко видѣть обширные размѣры, какіе могъ бы онъ принять впослѣдствіи. Обозрѣвая всю дѣятельность его вполнѣ, невольно приходишь къ заключенію, что мы имѣемъ только приготовленіе Пушкина къ послѣднему фазису развитія его, который долженъ былъ и опредѣлить все значеніе его, и довершить весь его образъ, но повторяемъ слова наши: будемъ довольны и тѣмъ, что намъ осталось отъ него.

Намъ осталась вполнѣ сущность его поэзіи. Общій голосъ уже прежде насъ опредѣлилъ ея значеніе, назвавъ ее исключительно художническимъ созерцаніемъ природы и человѣка. Мысль, что Пушкинъ приступалъ ко всѣмъ явленіямъ физическаго и нравственнаго міра, какъ къ предметамъ искусства, сдѣлалась у насъ общимъ мѣстомъ. Будущимъ критикамъ предстоитъ однакожъ трудъ вполнѣ опредѣлить способъ, какимъ выражалось это направленіе, потому что способъ выраженія въ художникѣ и есть мѣрило настоящаго его достоинства. Во многихъ изъ нашихъ поэтовъ, предшественниковъ Пушкина, видимъ мы первобытную поэтическую силу еще въ грубомъ своемъ величіи, которая иногда смягчается сердечнымъ чувствомъ, иногда особенною настроенностію души, иногда, какъ у Батюшкова, сочувствіемъ къ древнимъ образцамъ, но весьма рѣдко самимъ чувствомъ изящнаго, пониманіемъ красоты формы, требованіями умѣренности и эстетической постройки въ созданіи. Энергія, составляющая отличительную черту всего Русскаго искусства, выступаетъ и послѣ Пушкина съ особенной ясностію, господствуя надъ всѣми другими условіями творчества. Изъ соединенія внутренней силы съ изяществомъ плановъ и всѣхъ очертаній родились поэтическія созданія его. Самый стихъ его, который, по общему, незаготовленному напередъ согласію, называется генерическимъ именемъ «Пушкинскаго стиха», выходитъ изъ того же сочетанія

Digitized by Google

красоты и мощи: отсюда и право Пушкина на имя *народнаго* поэта, которое подтвердилъ онъ и еще другими качествами своими: ясностію всѣхъ своихъ представленій, прямымъ, бодрымъ взглядомъ на предметы и на жизнь. Многосторонность его поэзіи еще болѣе укрѣпляетъ за нимъ почетное названіе, присужденное ему общимъ голосомъ. Онъ не вращался въ ограниченной сферѣ, которая бы завистливо держала его на одного рода представленіяхъ и тѣмъ самымъ умалила призваніе: національная способность пониманія чужихъ идей и образовъ и усвоенія ихъ не имѣла бы въ немъ тогда своего представителя! Крупная черта, отличающая Пушкина отъ предшественниковъ, есть его близость къ дѣйствительной жизни, которая такъ превосходно соотвѣтствуетъ практическому смыслу, лежащему въ основѣ Русскаго характера. Никогда не забывалъ онъ художнической идеализаціи, безъ которой нѣтъ изящныхъ произведеній, но онъ не имѣлъ понятія о той низшей идеализаціи, которая одной данной краской расписываетъ всѣ предметы. Матеріалы для біографіи Пушкина, представляемые теперь публикѣ, передаютъ только въ слабомъ очеркѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь поэта. Настоящая, полная жизнь его заключается въ самыхъ его произведеніяхъ, порожденныхъ, такъ сказать, ходомъ ея. Въ нихъ читатель можетъ изучать и душу поэта, и обстоятельства его существованія, переходя отъ одного художническаго образа къ другому: такъ писалъ Пушкинъ свою біографію. По распредѣленію статей, принятому настоящимъ собраніемъ его сочиненій, читатель можетъ имѣть наслажденіе прослѣдить этотъ поэтическій разсказъ о самомъ себѣ, начиная съ первыхъ подражаній поэта нашего эротическимъ писателямъ Франціи, до тѣхъ поръ, пока послѣ ряда могущественныхъ созданій, онъ могъ воскликнуть въ справедливой гордости:

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный:
Къ нему не заростетъ народная тропа.

П. Анненковъ.

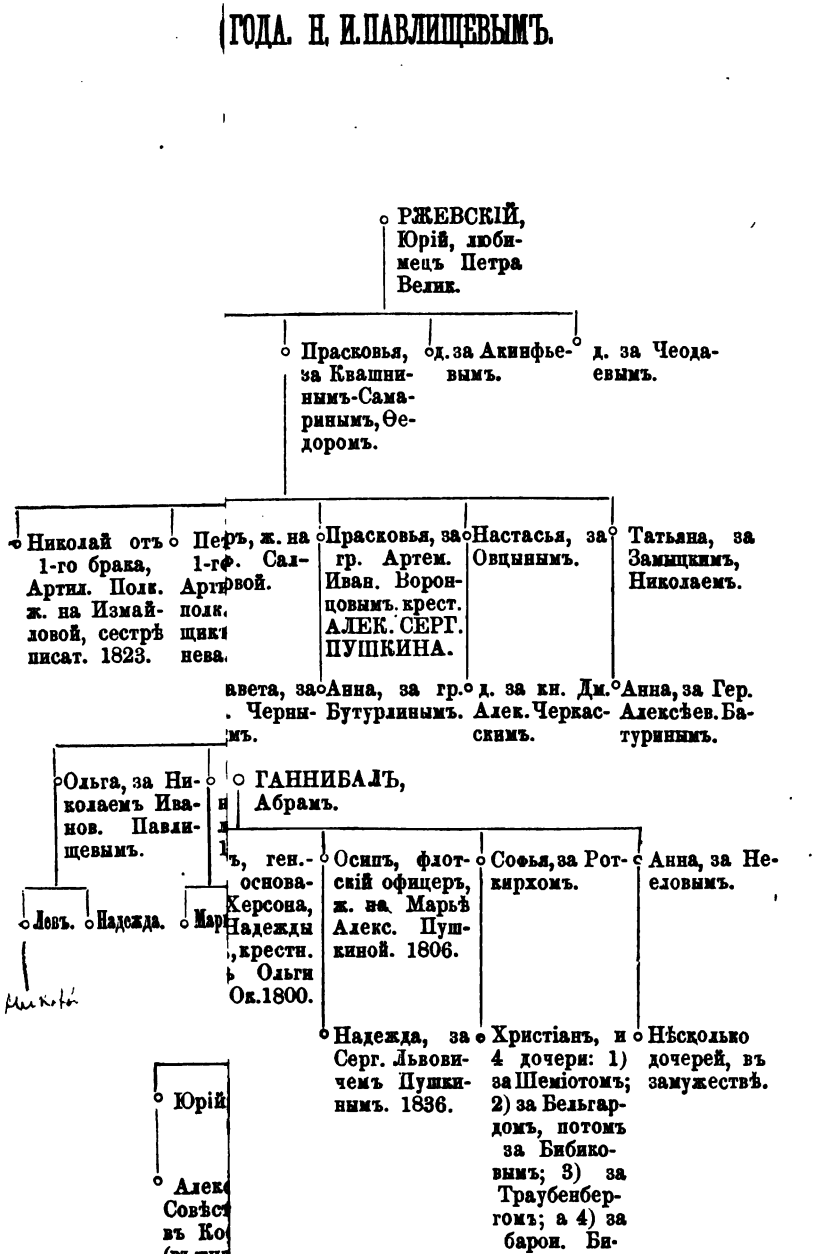
Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОДА. Н. И. ПАВЛИЩЕВЫМЪ.



Объясненіе знаковъ: ъ эпоху кончины лицъ, при которыхъ оставлены.

Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

СКАЗКИ АРИНЫ РОДІОНОВНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ ПУШКИНЫМЪ.

I.

Сказка, послужившая основой для сказки Пушкина о Царѣ Салтанѣ.

Нѣкоторый царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого; подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ; вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ; третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ, рѣшилась ее погубить. Послѣ 9-ти мѣсяцевъ царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудомъ: ножки по колѣни серебряныя, ручки по локотки золотыя, во лбу звѣзда, въ затылкѣ мѣсяцъ. Послали извѣстить о томъ царя; мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала, что царица разрѣшилась *не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой*. Царь опечалился, но съ тѣмъ же гонцомъ повелѣлъ дождаться пріѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе, чтобъ заготовить двѣ бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ, и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано. Долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленной бочкѣ; наконецъ море выкинуло ихъ на землю. Сынъ замѣтилъ это: «матушка ты моя, благослови ты меня на то, чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ».—«Господь благослови тебя, дитятко.» Обручи лопнули [1]), они вышли на островъ, сынъ избралъ мѣсто и, съ благословенія матери, выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить, да поживать. Ѣдетъ

[1]) Царевичъ понатужился, что называется, въ бочкѣ. Изд.

Digitized by Google

мимо корабль: царевичъ остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ, что ѣдутъ они къ Султану Султановичу, турецкому государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними [1]). Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости корабельщики разсказываютъ царю о новомъ государствѣ и о чудномъ отрокѣ: ноги серебряныя и проч. «Ахъ! говоритъ царь, поѣду посмотрѣть это чудо».—Что за чудо, говоритъ мачиха, вотъ что чудо: *у моря Лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ*». Царевичъ прилетѣлъ домой и, съ благословенья матери, перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый корабль. Тоже опять. Тотъ же разговоръ у Султана [2]) — царь опять хочетъ ѣхать. «Что это за чудо, говорить опять мачиха, вотъ что чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся, а межъ ними сыплется золото да серебро и проч.» Третій корабль и проч. также. «Что за чудо, а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отровокъ точь въ точь ровны и голосомъ, и волосомъ, и лицемъ, и ростомъ, и выходятъ они изъ моря только на единъ часъ» [3]).

Тужитъ Царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичъ, съ ея благословенія, берется ихъ отыскивать. «Нацѣди ты, матушка, своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ.» Онъ идетъ къ морю, море сколыхалося и вышли 30 юношей и съ ними старикъ, а царевичъ спрятался и оставилъ одну лепешечку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ ее: «ахъ, братцы, говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали».—Старикъ погналъ ихъ въ море. На другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешечкѣ и познали брата своего. На третій день вышли безъ старика—и царевичъ привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й корабль—тоже самое. Мачихѣ уже болѣе дѣлать нечего.—Царь Султанъ ѣдетъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей—и возвращается домой, а мачиха умираетъ.

---

[1]) Царевичъ прилетаетъ въ видѣ мухи въ родительскій домъ. Изд.

[2]) Новые гости видѣли чудный дубъ у волшебнаго царевича, но мачиха опять останавливаетъ царя отъ поѣздки. Изд.

[3]) Царевичъ, невидимо присутствовавшій во все время разсказовъ у царя, докладываетъ матушкѣ о чудныхъ отрокахъ. Изд.

Digitized by Google

II.

Сказка, послужившая основой для сказки В. А. Жуковскаго о Царѣ Берендеѣ.

Нѣкоторый царь ѣхалъ на войну; онъ оставилъ жену свою беременную. Ѣдучи зимой, дорогою захотѣлось ему пить: видитъ онъ прорубь и въ прорубѣ плаваетъ золотой ковшикъ, но только онъ хотѣлъ испить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ. Царь взмолился—нѣтъ: «подари мнѣ, чего ты не знаешь!» Задумался бѣдный царь: «какъ, чего я не знаю, я все знаю—ну, такъ и быть, дарю». Пріѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодаго Ивана-царевича, безъ него родившагося. Царь догадался, что его-то онъ и подарилъ, и весьма опечалился. Иванъ-царевичъ выросъ. Прогуливаясь однажды верхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пенять за то, что онъ еще не явился—и что срокъ его прошелъ. Иванъ-царевичъ удивляется и получаетъ объясненіе отъ отца своего. Три раза является ему старикъ и научаетъ куда идти. Иванъ-царевичъ приходитъ къ морю, гдѣ 30 утокъ полощатся, а одна по-одаль. Онъ беретъ ея платье [1]). Всѣ одѣваются, остается одна.... Царевичъ выходитъ [2]).—Другъ съ другомъ обручаются. Она научаетъ его, какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика—отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ, сидя на крыльцѣ, взбѣсился, завидя царевича. Сей, по совѣту Марьи-царевны, становится на колѣни, шапку возноситъ на мечѣ выше головы и такимъ образомъ приближается [3]). Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки: повелѣваетъ построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: «не печалься, Иванъ-царевичъ, спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее — отрѣжь, гдѣ неровно — приколоти.» Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ: «а ну же его! Повѣситъ, такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога.» Царевичъ былъ безунывная головушка, легъ и заснулъ. По утру церковь готова. «Ну, сказалъ царь послѣ обѣдни, я хитеръ, а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь, но сперва узнай ее между 30-ю прочими».

---

[1]) Утки были царевны подземныя и купались, принявъ видъ утокъ и оставя платья на берегу. Изд.

[2]) Изъ засады. Изд.

[3]) Подземный царь рубитъ вмѣсто головы шапку Ивана-царевича, и уже начинаетъ смягчаться отъ этой хитрости. Изд.

Digitized by Google

Задумался царевичъ: «ну же его! Повѣситъ такъ повѣситъ!» Но царевна его надоумила: «Это немудрено, сказала царевна-муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицемъ, съ одинаковымъ уборомъ, на которую сядетъ муха, та и старшая». На утро приходитъ онъ къ царю, видитъ всѣхъ царевенъ, у одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ. «Вотъ старшая!» —«Правда Иванъ-царевичъ, но всѣ эти хитрости не твои, а послѣ завтра 3-я загадка.» — «Ну, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна, тутъ ужъ тебѣ не помогу; дѣло въ томъ, чтобъ ты сшилъ сапоги, пока у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть: убѣжимъ.» Царь посылаетъ за ними въ погоню. «Послушай-ка, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна, не гонятся ли за нами?» Тотъ прилегъ къ землѣ: «нѣтъ». Марья-царевна послушала: «близко», и тотчасъ обратила Ивана-царевича въ рожь, а себя въ пшеницу. Погоня наскакала. Не видя дороги, и не видя ни одного измятаго колоса, они воротились. Новая погоня. Марья-царевна превращаетъ Ивана-царевича въ церковь, а себя въ священника, и церковь такъ ветха, что мохомъ обросла и священникъ такъ старъ, что еле дышетъ. Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но Марья-царевна разливаетъ между имъ и собою рѣку и царь возвращается со стыдомъ. Иванъ-царевичъ и Марья царевна вступаютъ въ свое государство. «Забудешь ты меня, Иванъ-царевичъ, не цѣлуй ребенка, когда пріѣдешь къ отцу и къ матери, а то забудешь меня.» Иванъ-царевичъ пріѣзжаетъ къ отцу и къ матери, въ восторгѣ цѣлуетъ ребенка и забываетъ Марью-царевну. Между тѣмъ предлагаютъ ему невѣсту, онъ съ нею обручается.—Марья-царевна проситъ у старушки, съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ позволеніе испечь пирогъ. Пирогъ подаютъ на царскій столъ, разрѣзываютъ: оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за «голубемъ и зоветъ: «голубокъ ты мой, не забудь ты меня, какъ забылъ Иванъ-царевичъ свою Марью-царевну» и проч.

III.

Сказка, послужившая основой для сказки о Купцѣ Остолопѣ.

Купецъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ купцу. Купецъ радехонекъ, купчиха говоритъ: «Каковъ *щелкъ* будетъ», Блада дюжъ и работящъ,—но срокъ ужъ

Digitized by Google

близокъ, и купецъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Купецъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ сбирать. Балда беретъ пеньку, смолу да дубину, садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охнуло: «кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?»—и вылѣзъ старый: что тебѣ надо?—«Оброкъ сбираю.»—А вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами.—Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолитъ.—Бѣсенокъ выскочилъ.—Что ты Балда?—«Да вотъ сбираюсь море морщить, да васъ чертей корчить.» Бѣсенокъ перепугался [1]). «Тотъ заплатитъ купцу оброкъ, кто вотъ эту лошадь обнесетъ три раза вокругъ моря.» Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. «Ахъ, дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ.» Новая выдумка. Кто прежде обѣжитъ около моря? «Куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? Да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только что я.»—А гдѣ твой меньшой братъ?—У Балды были въ мѣшкѣ два зайца, онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ, запыхавшись, обѣжалъ, а Балда гладитъ ужъ другаго, приговаривая: «усталъ ты, бѣдненькой братецъ, три раза обѣжалъ около моря.» Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Купецъ видя Балду, бѣжитъ и проч.

---

[1]) Начинаются переговоры. Изд.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

ФРАНЦУЗСКІЯ ПИСЬМА ПУШКИНА,

НО ПОВОДУ БОРИСА ГОДУНОВА.

I.

Voici ma tragédie puisque vous le voulez absolument, mais avant que de la lire, j'éxige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps là'. Il faut les comprendre, *sine qua non.*

A l'exemple de Shaksp. je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théatrals; le pathétique romanesque etc.... Le style en est mélangé. Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers. Quant aux grosses indécences—n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume et disparaitra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passioné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine, mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambittion, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté, voyez la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit dégoutant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte; en meme temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai q'une scène pour elle, mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion....

Digitized by Google

Гаврила Пушкинъ est un de mes ancêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents. Homme de guerre, homme de cour.... c'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouie. Après, je le retrouve à Moscou—l'un des 7 chefs qui la defendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à coté de Козьма Minine, puis Voévode à Нижній, puis ambassadeur... il a été tout... il fit brûler une ville, comme le prouve une грамота, que j'ai trouvé à Погорѣлое Городище.

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounoff, il est un des premiers Boyards à passer du côté de Дмитрій. Il est le premier qui conspire et c'est lui-même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui-même qui vocifère, qui accuse, qui de Chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête; Димитрій lui fait grace déjà sur l'échafaud. Il l'exile et il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisé de si près la hache? Il n'a rien de plus préssé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eut pendant toute sa vie.

Грибоѣдовъ a critiqué le personage de Job....

En éirivant Годуновъ, j'ai refléchi sur la tragédie et si je me mêlai de faire une préface, je ferai du scandale. C'est, peut-être, le genre plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler dèjà du tems, des lieux, etc—quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux, dont l'une est occupée par 2,000 personnes sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches?... 2) *La langue.* Par ex. le Philoctète de La Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: «Hélas! J'entends les doux sons de la langue grecque!» Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention. Les vraies génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle des 24 heures! Soit. Et là dessus il vous entasse des evénements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de *l'a partie.* Il le supprime et là dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Digitized by Google

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface.....

1829. 30. j.... A. P.

II.

.....La vraisemblance des situations et la verité du dialogue—voila la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon, ni Véga, mais quel homme que ce Shakspeare! Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère—et c'est le sien (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère: son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième, etc—et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants—ce n'est pas là de la tragédie!

On a encore une manie. Quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étrangères en porte essentielement l'empreinte, comme les pédants et les marins dans les vieux romans de Fielding. Un conspirateur dit: «donnez moi à boire» en conspirateur et n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (*ha pagato*). Cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gène et cette timidité de dialogue. Et là dessus lisez Shak. Il ne craint jamais de compromettre son personnage; il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr, en tems et lieu, de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: vorte tragédie est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai taché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus. Cette manière de travailler m'est tout-à-fait- nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée—je puis créer....

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ПУШКИНА,

ОПИСАННЫЯ В. А. ЖУКОВСКИМЪ, ВЪ 1837 Г.

Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою—потеря невозвратная и ничѣмъ не вознаградимая. Что бы онъ написалъ, если бъ судьба, такъ незапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовію къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ. Здѣсь сообщаются читателямъ извѣстія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Они описаны просто и подробно въ письмѣ къ несчастному отцу его.

Письмо къ С. Л. Пушкину.

15 февраля 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздается его живой, ребячески-веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, а онъ пропалъ, и навсегда—непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ,

Digitized by Google

бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? Слава нынѣшняго царствованія утратила въ немъ своего поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ славѣ Екатеринина, а Карамзинъ славѣ Александрова.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ разсказали другіе очевидцы. Въ середу, 27 числа января, въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поѣжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: *каковъ онъ*? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохъ; умретъ непремѣнно. Вотъ что разсказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу. *Грустно тебѣ нести меня?* спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: *n'entrez pas: il y a du monde chez moi.* Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами, Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ). *Плохо со мною*, сказалъ онъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ; *Что вы думаете о моемъ положеніи,*

Digitized by Google

скажите откровенно? — Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности. — *Скажите лучше, умираю.* — Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано. — *Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi*, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: *il faut que j'arrange ma maison.* — Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ? спросилъ Шольцъ. — *Прощайте, друзья*: сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или мертвыми, не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ: *Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?* — О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь. — *Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды*; *тошнитъ.* — Шольцъ тронулъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больнаго, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной поуспокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: *попросите* Государя, *чтобъ Онъ меня простилъ.* Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. *Плохо мнѣ*, сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить, но Пушкинъ махнулъ отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. *Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ*, говорилъ онъ Спасскому, *не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло*; *она не притворщица*; *вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ.* Въ это время уже собрались: князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицемъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. *Жена здѣсь?* говорилъ

Digitized by Google

онъ. *Отведите ее.* Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. *Что дѣлаетъ жена?* спросилъ онъ однажды у Спасскаго. *Она бѣдная безвинно терпитъ! въ свѣтѣ ее заѣдятъ.* Вообще съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія), онъ былъ удивительно твердъ. Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго. И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни онъ какъ будто сдѣлался иной; буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившимся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. *Если увидите Греча*, сказалъ онъ Спасскому, *поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.* У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. То, что отъ него услышалъ умирающій, обрадовало, успокоило и укрѣпило его душу. Исполняя желаніе, уже угаданное, въ которомъ выражалась трогательная заботливость о его судьбѣ и за гробомъ, онъ исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ. До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать, послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его, нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только-что усилило страданія, которыя наконецъ дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту,

Digitized by Google

когда раздалось послѣднее стенаніе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобъ ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все это время и до самаго конца мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: *Жену! позовите жену!* — Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. *Кто здѣсь?* спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. *Позовите*, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцаловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою, я отошелъ. Но онъ опять подозвалъ меня, *Скажи* Государю, промолвилъ онъ, *что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я Ему желаю счастія въ Его Сынѣ, счастія въ Его Россіи.* — Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также впослѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: *смерть идетъ*. Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: *Карамзину!* Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: «*Перекрестите меня*», потомъ поцаловалъ у ней руку. — Между тѣмъ данный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя;

Digitized by Google

это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ, ему повидимому стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. «*Худо мнѣ, братъ*», сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: «мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты».—*Нѣтъ!* возразилъ онъ, *мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо.* Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ Поставили піявки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говоритъ Даль, какъ утопленникъ за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ *надежду* и обманулъ-было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: *Никого тутъ нѣтъ?* — «Никого.» — *Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру.* — «Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся». — *Ну, спасибо!* отвѣчалъ онъ. Но, повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. *Ахъ! какая тоска!* иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, *сердце изнываетъ!* — Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили на бокъ, или поправили ему подушку; и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: «*ну! такъ, такъ — хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо*; или *постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, и прекрасно!*» — (все это его точныя выраженія). Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, что я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля: *Кто у жены моей?* — Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи. — *Ну спасибо*, отвѣчалъ онъ,

Digitized by Google

однако же поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ. — Даль его не обманулъ. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ: одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе и — люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ея отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты, буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Такое изъявленіе общей скорби меня глубоко трогало; въ Русскихъ, которымъ дорога отечественная слава, оно было неудивительно; но участіе иноземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое, мудрено ли, что горевали! Но ихъ что такъ трогало? Отвѣчать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинаковою братскою скорбію. Пушкинъ, по своему генію, былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и многіе иноземцы приходили къ двери его съ печалію *собственною*, и о *нашемъ* Пушкинѣ пожалѣли, какъ будто о *своемъ*. Возвращаюсь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: *Который часъ?* и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: *Долго ли . . . мнѣ . . . такъ мучиться? . . . Пожалуста . . . поскорѣй! . . .* Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: *скоро ли конецъ? . . . .* и всегда прибавлялъ: *пожалуста поскорѣй!* Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа), онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать. Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего сказалъ ему Даль, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче. — *Нѣтъ*, отвѣчалъ онъ прерывчиво: *нѣтъ . . . не надо . . . стонать; . . . жена. . . . услышитъ; . . . смѣшно же . . . чтобъ*

Digitized by Google

этотъ . . . вздоръ меня. . . . первсилилъ, . . . не хочу. — Я покинулъ его въ 5 часовъ утра, и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: *Позовите жену, пускай она меня покормитъ.* Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицемъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: *Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.* — Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая, отъ радости. «Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ». — А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели въ головахъ; съ боку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: «отходитъ». Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало; разъ онъ подалъ руку Далю, и пожимая ее, проговорилъ: *Ну подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше . . . . ну пойдемъ!* Но очнувшись онъ сказалъ: *Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко. . . . и голова закружилась.* Немного погодя, онъ опять, нераскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и потянувъ ее, сказалъ: *Ну, пойдемъ же пожалуста; да вмѣстѣ.* — Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: *Кончена жизнь!* Даль, не разслушавъ, отвѣчалъ: да кончено; мы тебя поворотили. *Жизнь кончена!* проговорилъ онъ внятно и положительно. *Тяжело дышать, давитъ!* были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ, и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалось мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: «что онъ?» — Кончилось! отвѣчалъ мнѣ

Digitized by Google

Даль [1]). Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту мануту, можно сказать, я увидѣлъ лице самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказали на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. — Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастію я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Не буду разсказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгановы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ

[1]) Въ три четверти третьяго часа по полудни 29 января.

Digitized by Google

къ Віельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдущій день, къ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лице его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умилительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора. Отпѣваніе происходило 1-го февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до отправленія изъ города. 3-го февраля, въ 10 часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголъ дома; и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.

В. Жуковскій.

За тѣломъ слѣдовалъ А. И. Тургеневъ. Пушкинъ не разъ говаривалъ женѣ, что желаетъ быть похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ недавно положили его мать. Этотъ монастырь находится въ Псковской губерніи въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ сельца *Михайловскаго*, гдѣ Пушкинъ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. 4-го числа, въ девятомъ часу вечера, тѣло привезли во Псковъ, откуда оно, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е число февраля было отправлено черезъ городъ *Островъ* въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера. — Мертвый мчался къ своему послѣднему жилищу мимо своего опустѣвшаго сельскаго домика, мимо трехъ любимыхъ сосенъ, имъ недавно воспѣтыхъ. Тѣло поставили на *Святой горѣ* въ соборной Успенской церкви, и отслужили съ вечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подлѣ той, гдѣ покоится его мать. На другой

Digitized by Google

день, на разсвѣтѣ, по совершеніи божественной литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать послѣдній долгъ доброму своему помѣщику. Чудно показалось предстоявшимъ изреченіе Библіи, сопровождавшее горсть земли, брошенной на Пушкина: «*земля еси*».

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

ВЫПИСКА ИЗЪ БІОГРАФІИ А. С. ПУШКИНА,

СОСТАВЛЕННАЯ Г. БАНТЫШЪ-КАМЕНСКИМЪ (см. Прибавленіе ко второй части Словаря знаменитыхъ Россіянъ, 1847 г, стр. 92—104, статья Алек. Пушкинъ).

27-го января, онъ, Пушкинъ, сразился на пистолетахъ съ Гекерномъ и былъ смертельно раненъ [1]). Въ шесть часовъ по-полудни, подполковникъ Данзасъ, лицейскій товарищъ Пушкина, привезъ его домой въ отчаянномъ положеніи. Камердинеръ принялъ раненаго изъ кареты и понесъ на лѣстницу. «Грустно тебѣ нести меня?»—спросилъ его Пушкинъ. Онъ велѣлъ, въ кабинетѣ, подать себѣ чистое бѣлье и сталъ раздѣваться. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но Пушкинъ, боясь испугать ее, закричалъ громкимъ голосомъ: «*n'entrez pas; il y a du monde chez moi.*» Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ на диванѣ. «Какъ я счастливъ»—произнесъ Пушкинъ—«я еще живъ, и ты возлѣ меня!»—Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. «Плохо со мною»—сказалъ первому Пушкинъ. подавая свою руку. Его осмотрѣли. Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. «Что вы думаете о моемъ положеніи?»—спросилъ тогда Пушкинъ Шольца—«скажите откровенно.»—«Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности.»—«Скажите лучше, умираю.»—«Считаю долгомъ не скрывать и того; но услышимъ мнѣніе Арендта и Соломона, за которыми послано».—*Je vous remercie*—отвѣчалъ Пушкинъ—*vous avez agi en honnête homme envers moi*».—Потомъ онъ потеръ рукою лобъ и прибавилъ: «*il faut que j'arrange ma maison.*»—«Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближайшихъ?»—спросилъ Шольцъ.—«Прощайте друзья!»—сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою

---

[1]) Пушкинъ былъ раненъ въ правый бокъ, выше печени; пуля пробила кишку и осталась въ ней. Дуэль эта была четвертая въ его жизни; прочія три кончились смѣхомъ и эпиграммами. Б. К.

Digitized by Google

библіотеку, и, немного погодя, произнесъ: «Развѣ вы думаете, что я часу не прожину?»—«О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Г. Плетневъ здѣсь».—«Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды; тошнитъ.»—Шольцъ тронулъ пульсъ, нашелъ его слабымъ и скорымъ, руку холодною, онъ вышелъ за питьемъ и послалъ за Жуковскимъ, котораго не застали дома. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Соломонъ; вслѣдъ за ними Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье. Это успокоило больнаго. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: «попросите Государя, чтобъ онъ меня простилъ.» Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ него.—«Плохо мнѣ»—сказалъ Пушкинъ Спасскому, когда послѣдній подошелъ къ нему. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукою отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. «Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ—говорилъ онъ Спасскому,—не скрывайте отъ нея въ чемъ дѣло. Она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ.» Въ это время пріѣхали къ нему: князь и княгиня Вяземскіе, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и Жуковскій. Княгиня не отходила онъ жены Пушкина, которой состояніе было невыразимо: какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ кабинетъ, гдѣ умирающій мужъ не могъ ее видѣть, лежа на диванѣ, спиною къ двери; но лишь только она входила въ комнату, или останавливалась у порога, онъ чувствовалъ ея присутствіе и говорилъ: «жена здѣсь? Отведите ее.»—Такъ поступалъ онъ отъ боязни, чтобы она не замѣтила его страданій, кои (исключая двухъ или трехъ часовъ первой ночи, когда они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія) съ удивительнымъ мужествомъ переносилъ. «Что дѣлаетъ жена?»—спросилъ онъ также Спасскаго—«она бѣдная безвинно терпитъ! Въ свѣтѣ ее заѣдятъ.»—Среди мукъ, вспомнилъ онъ, что наканунѣ получилъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. «Если увидите Греча—сказалъ Пушкинъ Спасскому—поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.»—У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься? Онъ согласился охотно и положено

Digitized by Google

было пригласить священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился съ слѣдующею собственноручною запискою государя императора къ Пушкину; «*Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ Мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: Я беру ихъ на свои руки.*»—Тронутый до глубины сердца отеческимъ попеченіемъ монарха, Пушкинъ убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но государь велѣлъ ее только прочесть, и немедленно возвратить. «Скажите Государю—произнесъ тогда Пушкинъ Арендту—что жалѣю о потерѣ жизни потому, что не могу изъявить Ему моей благодарности, что я былъ бы весь Его!»—Немедленно послали за священникомъ, который говорилъ потомъ со слезами о Пушкинѣ и о благочестіи, съ какимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. До пяти часовъ утра (28 января) не произошло въ его положеніи никакой перемѣны; тогда боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души: онъ удерживался отъ крика, чтобы—какъ говорилъ—жена его не услышала и не испугалась; но сильно стоналъ. Послали снова за Арендтомъ: всѣ старанія докторовъ смягчить жестокую боль остались тщетными: она продолжалась до семи часовъ утра. Въ это время несчастная жена Пушкина, въ совершенномъ изнуреніи, лежала неподвижно въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ мужа. За минуту до перваго страшнаго крика, тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался съ послѣднимъ стенаніемъ за дверями. Въ семь часовъ боль утихла. Твердость Пушкина удивила докторовъ. Арендтъ говорилъ: «что онъ былъ въ тридцати сраженіяхъ, видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго.»—Среди ужаснѣйшихъ мученій до самой кончины мысли страдальца были свѣтлы и память свѣжа. Еще передъ сильною болью велѣлъ онъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ Спасскаго сжечь ее; потомъ призвалъ Данзаса, продиктовалъ записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ и на вопросъ его: «не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь, въ случаѣ смерти, касательно Гекерна?» отвѣчалъ: «требую, чтобъ ты не мстилъ за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ.» — По-утру, когда кончились страданія, трогательно простился онъ съ женою своею, съ дѣтьми и друзьями. Жуковскій взялъ похолодѣвшую, протянутую къ нему руку его, поцѣловалъ ее,

Digitized by Google

не могъ ничего говорить. Пушкинъ махнулъ рукою, но потомъ снова подозвалъ Жуковскаго: «Скажи Государю—произнесъ онъ слабымъ, отрывистымъ, но явственнымъ голосомъ—что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю счастія въ Его Сынѣ, счастія въ Его Россіи»—«Смерть идетъ»—сказалъ онъ потомъ Спасскому, взявши себѣ за пульсъ.—Онъ изъявилъ желаніе проститься и съ Екатериною Андреевною Карамзиною, супругою нашего исторіографа; просилъ ее, чтобъ она его перекрестила; поцѣловалъ у ней руку.—Между тѣмъ, данный пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ; къ животу, вмѣсто холодныхъ примочекъ, начали прикладывать мягчительныя. Это было пріятно страждущему и онъ безпрекословно сталъ исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и желая смерти для прекращенія оныхъ. «Худо мнѣ, братъ»— сказалъ Пушкинъ пришедшему къ нему, въ два часа, доктору Далю, съ которымъ онъ былъ друженъ.—«Мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты»—отвѣчалъ ему Даль.—«Нѣтъ—возразилъ онъ—мнѣ здѣсь не житье; я умру, да видно такъ и надо.» Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили піявки: пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Замѣтивъ, что Даль превосходилъ въ бодрости другихъ, Пушкинъ взялъ его за руку и спросилъ: «Никого тутъ нѣтъ?»—«Никого.»—«Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?»—«Мы за тебѣ надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся.»—«Ну, спасибо»—отвѣчалъ онъ. Только однажды надежда обольстила его, но послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Тогда всю ночь (на 29 число) Даль просидѣлъ у его постели. Жуковскій, князь Вяземскій и графъ Віельгорскій находились въ ближней комнатѣ. Пушкинъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ; снималъ стакамъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. «Ахъ! какая тоска! — иногда восклицалъ, закидывая руки на голову,—сердце изнываетъ!» Просилъ Даля, чтобы поднялъ его или поворотилъ на бокъ, или поправилъ ему подушку, и, не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: «Ну! такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо»; или «постой—не надо—потяни меня только за руку—ну вотъ и хорошо, и прекрасно!»—«Кто у жены моей?»—спросилъ онъ Даля утромъ, 29 числа.—«Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе: зала и передняя полны съ

Digitized by Google

утра до ночи.—«Ну спасибо»—отвѣчалъ Пушкинъ—«однако же поди, скажи женѣ, что все слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.»—Даль не обманулъ его. Съ утра 28 января, лишь только разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ: одни освѣдомлялись о немъ чрезъ посланныхъ, другіе—и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые—приходили сами. Трогательное чувство народной общей скорби выражалось въ этомъ движеніи, Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась. Это безпокоило страждущаго: придумали запереть дверь; задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ, а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали.... Пушкинъ ободрялъ жену надеждою, а самъ не имѣлъ никакой! «Который часъ?» — спросилъ онъ Даля прерывающимся голосомъ:—«Долго-ли.... мнѣ.... такъ мучиться?... Пожалуста.... поскорѣй....» Это повторилъ онъ нѣсколько разъ; потомъ продолжалъ: «скоро-ли конецъ?»... и всегда прибавлялъ: «пожалуста поскорѣй.» Со всѣмъ тѣмъ онъ оказывалъ удивительное терпѣніе: когда тоска и боль его одолѣвали, дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать. — «Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего—сказалъ ему Даль—«но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.»—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ прерывчиво—нѣтъ.... не надо.... стонать;.... жена услышитъ;.... смѣшно же.... чтобъ этотъ.... вздоръ меня.... пересилилъ;.... не хочу....» 29 января, утромъ, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа по-полудни: осталось въ Пушкинѣ жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки; когда ее принесли, сказалъ внятно: «Позовите жену, пускай она меня покормитъ.» Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицемъ къ лицу его. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ну, ничего; слава Богу все хорошо; поди.» — Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла, какъ будто

Digitized by Google

просіявшая отъ радости: «Вотъ увидите—сказала она доктору Спасскому—онъ будетъ живъ: онъ не умретъ.»—А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Жуковскій и графъ Віельгорскій стояли у дивана въ головахъ; Тургеневъ стоялъ съ боку. Даль шепнулъ Жуковскому: «отходитъ.»—Пушкинъ сохранялъ свѣжую память; только передъ самою кончиною, подалъ руку Далю, и, пожимая ее, произнесъ: «Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше.... ну пойдемъ!»—и въ ту же минуту, очнувшись, продолжалъ: «мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко.... и голова закружилась.»—Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку, и, потянувъ ее, сказалъ: «Ну, пойдемъ же, пожалуста; да вмѣстѣ.»—Даль взялъ его подъ мышки и приподнялъ; вдругъ, какъ будто проснувшись, Пушкинъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: «Кончена жизнь!» повторилъ эти слова внятно и положительно; потомъ произнесъ: «тяжело дышать, давитъ» .... Движеніе груди, до того слабое, сдѣлалось прерывистымъ и скоро незамѣтнымъ. Тихо и спокойно удалилась душа его, въ три четверти третьяго часа по-полудни, 29 января 1837 года.... 30 января, друзья умершаго поэта положили его своими руками во гробъ, а на другой день, вечеромъ, перенесли въ Конюшенную церковь. Въ оба дня горница, гдѣ онъ лежалъ, была безпрестанно полна народомъ; болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ-будто хотѣли всмотрѣться въ лице его. «Было, говоритъ Жуковскій — «что-то разительное въ его неподвижности, «посреди этого движенія, и что-то умилительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась среди смутнаго говора.»—Отпѣваніе происходило 1-го февраля, въ присутствіи многихъ сановниковъ и иностранныхъ министровъ. Прахъ Пушкина покоится подлѣ матери его, въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ четырехъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. Тургеневъ, тотъ самый, который ввелъ нашего поэта въ святилище наукъ, проводилъ его до жилища смерти и бросилъ горсть земли въ мрачную могилу....

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, средняго роста, худощавый, имѣлъ въ младенчествѣ бѣлокурые, курчавые волосы, сдѣлавшіеся потомъ темнорусыми; глаза свѣтло-голубые; улыбку насмѣшливую и вмѣстѣ пріятную; носилъ на умномъ лицѣ отпечатокъ афри-

Digitized by Google

канскаго своего происхожденія, которому соотвѣтствовали живость и пылкость характера, раздражительнаго, но добраго, услужливаго, чувствительнаго. Онъ, въ особенности, отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголялъ. Любезность, острый умъ, необыкновенная память и заманчивый, веселый разсказъ — дѣлали его украшеніемъ, душою обществъ....

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

ПУШКИНСКІЙ ПЕРЕВОДЪ XXIII ПѢСНИ АРІОСТОВА

ORLANDO FURIOSO. ОКТАВЫ 100—112.

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода—
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала,
И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслитъ онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашелъ . . . .

102.

Гуляя, онъ на деревахъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной,
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

Digitized by Google

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ
Соединенны вензелемъ.
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горесть усыпить,
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей рощѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
«Однако жъ эти мнѣ черты
Знакомы очень.... разумѣю:
Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славила, быть можетъ»...
Такъ басней правду замѣня,
Онъ мыслитъ, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утушить свое мученье,
Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей павиликой
Завѣшенъ брегъ тѣнистыхъ волнъ.

Digitized by Google

Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсъ у свѣжихъ водъ,
Въ день жаркой, въ тихой часъ досуга,
Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена кругомъ
Древа и камни сохраняли:
Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
Вездѣ счастливцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный Графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной
Зритъ надпись—въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталъ—
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-арабски написалъ —
И вотъ ихъ точное значеніе:

108.

«Цвѣты, луга, ручей живой,
«Счастливый гротъ, прохладны тѣни—
«Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
«Гдѣ съ Анджеликой молодой,
«Съ прелестной дщерью Голофрона,
«Любимой многими—порой
Я зналъ утѣхи купидона!—
«Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
«Такъ часто вами охраненный?
«Однимъ лишь только услужу—
Хвалой и просьбою смиренной!

109.

«Господъ любовниковъ молю,
«Дамъ, рыцарей и вельможныхъ
«Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,

Digitized by Google

«Которыхъ въ сторону сію
«Фортуна заведетъ случайно,
«На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ
«Зовите благодать небесъ:
«Чтобъ Нимфы ихъ любили тайно,
«Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
«Не гнали жадныя стада.»

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ
Зналъ по-арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три раза, и пять, и шесть
Онъ хочетъ надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что есть.
Онъ правду видитъ ясно.
И нестерпимая тоска,
Какъ бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно—
И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишится чувствъ, оставить свѣтъ:
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОКТАВЫ КЪ ПОВѢСТИ:

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(*Къ III октавѣ.*)

Modo vir, modo foemina.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны. . . . . .
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы риѳму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ,
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой. . . .
Съ Гекзаметромъ . . . . О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?
Ужъ не его-ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже—точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Digitized by Google

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
Но пудреной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Нидо съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ риѳмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Делиль—Парнасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ—вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете и Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

(*Къ октавѣ VIII.*)

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо. . . .
Но Муза никому здѣсь не грози—
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ Сѣверной Пчелы!

Digitized by Google

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время скоровъ, брани бурной;
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ, другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И, ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся. . . . или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.
Порой я стихъ повертываю круто,
Все-жъ видно—не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду. . . .
Чтожъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покамѣстъ можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Иль за молодаго воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой,

Digitized by Google

Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ тото-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ,
Меня съ октавами моими купно.
Однакожъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ;—а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

Сварилъ его (у Г-на Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ. . . . Опять, за чѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его вареным языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
На силу-то, риѳмачъ я безразудной,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!—

Усядься муза. . . .

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ РОСЛАВЛЕВЪ,

НАЙДЕННОЕ ВЪ БУМАГАХЪ ПУШКИНА.

Мы пріѣхали въ ** огромное село, въ 20 верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякой день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ арміи приходили почти каждый день; старушки искали на картѣ мѣстечка бивакъ и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Ростопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, коихъ понятія были ограничены, слыша сужденія, почти нелѣпыя и новости неосновательныя, она впала въ глубокое уныніе. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ, мысли, который смѣлое исполненіе спасло Россію и освободило Европу Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россія, расчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ лагерь. . . . Мнѣ не трудно было убѣдитъ ее въ безумствѣ такого предпріятія. . . .

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человѣкъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобы жить въ деревнѣ, какъ можно болѣе по-Московскому, давалъ обѣды, завелъ *Théâtre de societé*, гдѣ разыгрывались Французскія *proverbes*, и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ—и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо, трое довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны—правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Четвертый былъ человѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій; мы тотчасъ отличили

Digitized by Google

его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностію. Онъ говорилъ мало; но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно ей истолковать военныя дѣйствія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе Русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, и столько же безпокоило Наполеона, какъ и ожесточало Русскихъ. — «Но вы, спросила его Полина, развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости вашего императора.» — Синекуръ (назову-жъ и его именемъ, даннымъ ему г-мъ Загоскиномъ), Синекуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что стремленіе Французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго. «Конченъ! возразила Полина, а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ.» — Тѣмъ хуже для насъ, отвѣчалъ Синекуръ, и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія, и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастіи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку не возможно было добиться; они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала плечами. «Признайся, говорила она, что твой Алексѣй препустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельстахъ, съ поля сраженія, находитъ онъ способъ писать ничего незначущія письма; какова же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейственной жизни?» Она ошиблась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственнаго ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, приноровленный къ слабости ихъ понятій, и что важные предметы до насъ не касаются. Таковое мнѣніе вездѣ было бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ

Digitized by Google

по-шепту объявилъ Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика, героя и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставала ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шелъ Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое.... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ея сердце и наконецъ получаетъ ее руку. — «Нѣтъ, сказалъ мнѣ Синекуръ, княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество.» Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи, мы пошли къ ней на встрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила. — «Москва взята!» сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Синекура. Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Синекуръ молчалъ, потупя глаза. — «Благородные, просвѣщенные французы, продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія, ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву — Москва горитъ уже два дня. — «Что вы говорите, закричалъ Синекуръ, не можетъ быть». — Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо, можетъ быть увидите зарево.»—«Боже мой! онъ погибъ, сказалъ Синекуръ; какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему Французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ! И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: русскіе, русскіе зажгли Москву! — Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; но что будетъ съ нами, что будетъ съ нашимъ императоромъ?» Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. «Неужели, сказала она, Синекуръ правъ и пожаръ Москвы — нашихъ дѣло? Если такъ.... О, мнѣ можно гордиться именемъ россіянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно, — честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу.» Глаза ея такъ и

Digitized by Google

блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество. «Ты не знаешь? сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ, твой братъ.... онъ счастливъ, онъ не въ плѣну — радуйся: онъ убитъ за спасеніе Россіи.» Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ [1]).

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библіотекѣ графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812-мъ году. Знатоки, видѣвшіе ее сказываютъ, что почеркъ ея былъ полуставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ таковаго рода, послѣдніе бываютъ первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлиности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Счастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей незнающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ

---

[1]) Эти замѣчанія нашего поэта на Слово о Полку Игоревѣ, ограничивающіяся 1-ою пѣснію и половиною второй (по раздѣленію г. Сахарова), представлены здѣсь въ той самой сжатой и необработанной формѣ, въ какой они находятся въ рукописи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ замѣчаній не дописаны ссылки на авторовъ и не договорены даже мысли самаго составителя статьи; мы, по возможности, старались объяснить такія мѣста въ подстрочныхъ указаніяхъ, оставляя тексту всю неприкосновенность, которая такъ важна при изданіи сочиненій, оставленныхъ авторами безъ окончанія и отдѣлки. Послѣ прилежнаго и внимательнаго разбора рукописи смѣемъ думать, что мы представили здѣсь вѣрную копію со статьи Пушкина, набросанной, по нашему мнѣнію, въ теченіи 1834 года и, если не ошибаемся, по поводу переложенія Пѣсни, сдѣланному г. Вельтманомъ въ 1833 и изд. подъ заглавіемъ: «Пѣснь Ополченію Игоря, пер. Алекс. Вельтмана. Москва, 1833.»

Digitized by Google

обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Cowley [1]); Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ никогда не сомнѣвались въ подлинности пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлецеръ, не видѣвъ еще Слова о Полку Игоревѣ, рѣзко назвалъ оное подлогомъ, но прочитавъ, призналъ подлинно древнее происхожденіе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

§ *1. Слово о Плъку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова.*

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе,
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстей о пълку
Игоревѣ, Игоря Святъславлича!
Начати же ся тій пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.

§ 1-й. Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: «не прилично *ли* будетъ намъ, не лучше *ли* намъ, не пристойно *ли* бы намъ, не славно *ли*, други, братья, братцы—воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославлича [2])?» Но въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно Латинскому *не*. Иногда *ли* значитъ: *только*, иногда *бы*, иногда *же*; до нынѣ въ Сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ Русскомъ, частица ли есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное *не*. Въ пѣсняхъ она иногда никакого смысла не имѣетъ, и вставляется для мѣры, также какъ и частицы: *и*, *что*, *а какъ ужъ*, *уже какъ* (замѣчаніе Тредьяковскаго).

[1]) Монаха своего Чаттертонъ назвалъ Rowley, а не Cowley.

[2]) Въ такомъ смыслѣ переложили начальные стихи Пѣсни — Пожарскій, Грамматинъ и г. Вельтманъ, а первое изданіе графа Мусина-Пушкина и Шишковъ перевели: «Пріятно намъ, братцы, начать» и «Возвѣстимъ братіе,... тѣмъ слогомъ и проч.»

Digitized by Google

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ *ли* постановлено также, но всѣ переводчики перевели не вопросомъ, а утвердительно [1]). Тоже надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ разсмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, Поэтъ говоритъ: «не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по старому? начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени (*т. е. по новому*), а не по замышленію Бояню (*т. е. не по-старому*).» Явное противорѣчіе [1]). Если же признаемъ, что частица *ли* смысла вопросительнаго не даетъ, то выдетъ: «Не прилично, братья, начать стариннымъ слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начаться же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна».

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ: *бяшетъ* подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣ-

[1]) Въ этомъ мѣстѣ зачеркнута карандашемъ фраза: «рѣшили, что это есть ошибка переводчика».

[2]) Къ этому мѣсту должна относиться слѣдующая выноска, сдѣланная А. С. Пушкинымъ: «Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Сочинителю Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ было бы непріятно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былины своего времени—старымъ словесамъ».

Digitized by Google

чаются въ лѣтописяхъ), и предполагаетъ кондиціональную частицу *бы*. «Не прилично было *бы*». Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

---

§ 2. *Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяще пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки.*

§ 2. Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но, во всякомъ случаѣ, поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, *какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину*. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: «растѣкашется мыслію по древу»... тутъ пропущено *славіемъ*, которое довершаетъ уподобленіе. Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: «былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, коего мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу [1])». Удивительно!

---

§ 3. *Помнящеть бо речь първыхъ временъ усобіцѣ, тогда пущашеть ї соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь поящеѣ: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пъкли Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе не ї соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа*

§ 3-й. Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ, все это продолженіе прежней мысли: «Поминая преданія о прежнихъ браняхъ (усобица значитъ ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые [2]). Между-усобіе есть уже слово составленное), напускалъ онъ и прочь.» Поэтъ изъясняетъ иноска-

---

[1]) Пѣснь Ополченію Игоря, переведенная Александромъ Вельтманомъ, Москва. 1833. стр. 3.

[2]) «Междоусобіемъ» — переведено у А. Вельтмана. ibid.

Digitized by Google

пръсты на живая струны въ складаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.

зательной языкъ Соловья стараго времени и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ не стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, возложенныхъ на струны. Толкованіе Ал. Сем. любопытно (томъ 7, стр. 43.) «И тажъ надлежитъ наче думать» etc. [1]) *Г. Пожарскій* съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для Русскихъ Князей *показывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное, полетомъ соколовъ.* Онъ полагаетъ, что не Князья, а стихотворцы напускали соколовъ, а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была *скромность* стихотворцевъ, не хотѣвнихъ выставлять себя передъ товарищами [2]). А. С. Шишковъ въ свою очередь видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго *крайнюю неоснователь-*

---

[1]) Ссылка на собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова. Вотъ это мѣсто вполнѣ: «Итакъ надлежитъ наче думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но такожъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. — Можетъ быть отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья, состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле, каждый съ соколомъ своимъ и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими.»

[2]) Яковъ Пожарскій въ примѣчаніяхъ своихъ къ Слову, изданному имъ въ 1819 году, стр. 31 — 32. Вотъ его слова вполнѣ: «Согласно ли съ истиною, чтобы древніе Россійскіе князья, изъ коихъ одинъ менѣе, другой болѣе оказалъ геройства въ военныхъ подвигахъ и тѣмъ заслужилъ преимущество на полѣ брани, могли еще первенство свое, кровію пріобрѣтенное, доказывать полетомъ соколовъ; ибо въ подобныхъ обтоятельствахъ Русскому Князю для пріобрѣтенія славы и первенства надъ прочими не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ и стараться бы только имѣть удалаго сокола? ..... Какъ по сему разсужденію,

Digitized by Google

ность и несчастное самолюбіе (томъ II, стр. 388) [1]). Къ крайнему сожалѣнію Г. Пожарскій не возразилъ [2]).

---

a) «*Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря.*» Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано слово о Полку Игоревѣ.

b) «*Иже истяну умъ крѣпостію своею.*» Истягнулъ — вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, попробовалъ (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею). *Натянулъ какъ лукъ, изострилъ какъ мечъ* — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

c) *Напльнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и*

катъ и по словамъ подлинника, не Князья, но стихотворцы пускали соколовъ, что доказывается послѣдующею рѣчью.... Причиною таковаго древняго обряда была, можетъ быть, скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами.»

[1]) Другая ссылка на собранія сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова. Выписываемъ опять цѣликомъ опроверженіе А. С. Шишкова: «Простительно любить свое дитя, хотя бы и дурное, лучше другихъ дѣтей, но находить ихъ уродами предъ нимъ, есть крайнее ослѣпленіе. Можно оспаривать мысль другаго и утверждать свою; но видѣть нелѣпымъ образомъ нелѣпицу въ другомъ, есть крайняя неосновательность и несчастное самолюбіе.... Положимъ: что прежній ошибся, но сей послѣдній лучше ли растолковалъ? Какая нужда стихотворцамъ (и еще мнимымъ, ибо ихъ нѣтъ въ подлинникѣ) спорить между собою и пускать соколовъ, кому изъ первому пѣть? Кромѣ того, что соколиная охота всегда была Царская, а не стихотворческая, можно ли себѣ представить, чтобъ Ломоносовъ сталъ кидать жребій съ Тредьяковскимъ, кому изъ нихъ пѣть Елисавету. Предположеніе, ни мало неудовлетворительное, и ежели первый толкователь не заслуживаетъ вѣроятія, то и второй тоже; надобно третьяго.»

[2]) Все это мѣсто есть тонкая иронія надъ спорами двухъ ученыхъ, которую Пушкинъ еще яснѣе выразилъ зачеркнутой фразой: «Всѣ сіи толкованія крайне любопытны.» По толкованію самаго Пушкина смыслъ спорныхъ стиховъ Пѣсни долженъ быть слѣдующій: «Боянъ начиналъ тѣмъ, что напускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, а это у него значило, братіе, что онъ десять пальцевъ на живыя струны возлагалъ....» и проч. Послѣ этого мѣста въ рукописи Пушкина являются однѣ бѣглыя и часто недописанныя замѣтки, которыя здѣсь собираемъ со тщаніемъ и въ томъ порядкѣ, какъ нашли.

Digitized by Google

видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луче-жъ бы потяту быти, неже полонену быти.» Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ Русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ *ли* послѣ *не*, не имѣетъ силы вопросительной: *нежели*. Слово *неже* употреблялось во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

d) «*Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго*». Слова запутаны [1]). Первые издатели перевели: «пришло Князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (счастія на) Дону великомъ.» «*Заступить*» имѣетъ нѣсколько значеній — омрачить, *limen impedio*, помѣшать, удержать. «Спали Князю въ умъ — желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало, запрещало искусити Дону великаго. Такъ хочу же, сказалъ....» *Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону.*»

e) «*О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свива славы оба полы сего времени,*» т. е. «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени.» Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу.

f) *Рища въ тропу Троянюв чрезъ поля на горы.*»

(«Четыре раза» говорятъ первые издатели.... 5 стр. изд. Шишкова) [2]). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Черезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ *Троянова вала*. Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть ни кто иной, какъ Римскій императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Трояновa можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется:

---

[1]) Въ рукописи зачеркнуты слова: «*смысль ясемъ.*»

[2]) Эта фраза въ скобкахъ есть памятная замѣтка автора о томъ, что первые издатели Слова сосчитали, что имя Троянa упоминается тамъ 4 раза, но объясненія стиху; «рища въ тропу Троянюв — не приложили. Вотъ подлинныя слова ихъ изъ примѣчанія: «четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Троянѣ, т. е. тропа Трояна; вѣчи Трояни, земля Трояня и седьмый вѣкъ Трояновъ: но кто сей Троянъ — догадаться ни почему невозможно.» (см. Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ и проч. 1800 г. стр. 6) Г. Пожарскій въ 1819 году проходитъ молчаніемъ загадочнаго Трояна.

Digitized by Google

«вступилъ дѣвою на землю Трояню.... на синѣмъ морѣ, у Дону» (стр. 14, изд. Шишкова). Гдѣ же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна....» говоритъ Вельтманъ [1]). Почему же?

g) *Пѣти было пѣсь Игореви, тому (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, etc.* Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: «или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: *Камони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.*»

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояню, а по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

h) «*И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславлижь сѣдлай, брате свои бръзыи комони, а мои ти готови.*» [2]) Готовы значатъ здѣсь извѣстны;

---

[1]) Вотъ это мѣсто изъ примѣчаній А. Ѳ. Вельтмана, приложенныхъ имъ къ своей Пѣсни Ополченію: «Слѣды Трояна въ Дакіи, видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ Дунайскихъ Славянъ. Прим. З-е.» Пушкинъ искалъ объясненія темному мѣсту Пѣсни весьма усердно. Онъ обращался много разъ къ нашимъ ученымъ, предлагая имъ свои догадки и вызывая на разысканія. Такъ еще въ 1836 г. онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ П. И. Кеппеномъ. Въ бумагахъ его сохранилась слѣдующая записка Академика: «Свидѣтельствуя отличное свое почтеніе Его Высокоблагородію Алек. Сер—чу, Кеппенъ имѣетъ честь препроводить при семъ копію со статьи, доставленной къ нему о Троянѣ, о коей было говорено въ Императорской Публичной библіотекѣ. Павловскъ. 17 іюня 1836.» На оборотѣ записки изложено по-Нѣмецки мнѣніе г. Профессора Кучарскаго (Kucharski) о спорномъ Троянѣ. Профессоръ предлагаетъ его считать не Римскимъ императоромъ, а Константинопольскимъ полководцемъ Трояномъ, который въ царствованіе Валентіана сражался на низовьяхъ Дуная съ Славянами и былъ ими побитъ, въ 376 году по Р. Х. Отселѣ возможность предполагать, что нѣкоторое время Славяне отъ этого счастливаго событія вели лѣтосчисленіе свое и часто упоминали объ немъ въ своихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ, если принимать полководца Трояна, а не императора Трояна, то и мѣсто Пѣсни, гдѣ говорится о Всеславѣ, поскакавшемъ къ Кіеву и отворившемъ врата Новгорода—*на седьмомъ вѣцѣ Трояни* — будетъ сходно съ хронологіей. Всеславъ завладѣлъ Новгородомъ въ 1067 году, на седьмомъ вѣкѣ, послѣ пораженія Трояна—полководца. Таково въ сокращеніи мнѣніе Г. Профессора. Онъ старается пояснить также мѣсто Пѣсни, гдѣ говорится: «звоня Русскимъ златомъ (Готскія дѣвы), поютъ *время Бусово*. «У Славянъ—Антовъ, Іорданъ упоминаетъ около 373 года о королѣ ихъ *Боксѣ*, убитомъ въ сраженіи. Не одно ли это лице?»

[2]) У А. Ѳ. Вельтмана переведено: «Мои. . . . готовы» (Пѣснь Ополченію стр. 7), а также и у Я. Пожарскаго стихъ «*А половцы неготовами дорогами побѣгоша*»—

Digitized by Google

значеніе сіе сохранилось въ Иллирійскомъ Славянскомъ нарѣчіи. Ниже мы увидимъ, что Половцы бѣгутъ *неготовыми* (неизвѣстными) дорогами. Если же неготовыми значило бы «*немощеными*», то что же значило: *готовые кони осѣдлани у Курска на переди?*

i) *А мои ти Куряны свѣдоми.*» Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предъидущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе [1]).»

k) *Кмети подъ трубами повити.* «Г. Вельтманъ»... «Кметь» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: Kar gospóda stori krivo, kmeti mórjo plàzhat shivo [2]).»

переведенъ: «Половцы же неготовыми дорогами побѣжали къ Дону.» Это чтеніе пѣсни и породило вопросъ Пушкина: что же значитъ готовые кони — осѣдланы у Курска?

[1]) «Готови» и «свѣдоми»—по толкованію Пушкина—синонимы.

[2]) Я. Пожарскій и первые издатели, соединивъ два стиха: А мои ти Куряне свѣдоми *къ мети*—переводили: «А мои Курчане искусни въ цѣль стрѣлять.» А Ѳ. Вельтманъ—кметь перевелъ старостой и вотъ его слова, на которыя ссылается Пушкинъ: «Кметь—значитъ частный начальникъ, староста. Въ Сербіи по сіе время есть Кметы: *у свакомъ селу имаіу по два, по три кмета. ..*» (Примѣчаніе 7-е къ пѣсни Ополченію.) Пушкинъ кметь передаетъ: крестьяниномъ. Здѣсь кончаются любопытныя замѣтки нашего автора, но въ дополненіе къ нимъ, мы еще приводимъ отрывокъ, писанный карандашемъ и сохранившійся въ рукописяхъ. Имъ возражаетъ Пушкинъ на мнѣніе журнала: Библіотка для Чтенія 1834, томъ IV, предполагавшаго въ словѣ о Полку Игоревѣ такую же поддѣлку, какой прославился Макферсонъ, и въ языкѣ Пѣсни обороты XVIII вѣка. Вотъ эта замѣтка: «Подлинность самой пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который не возможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Прочіе не имѣли всѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ пѣсни темный походъ неизвѣстнаго Князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій Славянскихъ. Положимъ онъ ими бы и обладалъ—неужто таковая смѣсь естественна?»...

Замѣтка эта, можетъ быть, должна была составлять начало самой статьи. Мысль, въ ней заключающаяся, дѣйствительно развита во вступленіи къ разбору Пѣсни.

Digitized by Google

Digitized by Google

29.—

Ш ма

Отра

Ш мов

Я щастли

щастлив

выполнил

смотрѣн

Бѣло!—

вдругъ

Кит, сад ко

Сия

Убе.

Ков

плам

Digitized by Google

Digitized by Google

Пуза

Въ молодечествѣ моемъ оно
Она третвовнуе цѣвницу,
Она вмиала мнѣ въ дневн
По звонкимъ скверамъ
Уже кипрвевалъ в шаб
И Тимовъ вздрвъ, мо
И вѣчно ~~[illegible]~~ ходъ
Сортри двмера въ пв
Приклонно невинокъ
И ридуе мнѣ кладо
Ирдинуръ молоди ото
Сіяе пр руе моих
И дивно обрвемъ бодрвет
Трастнмах мнѣ тоскв

1821
Февр. 14.

Дозволено Цензурою С.Петерб. 21 Ф

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Тотъ же листо

И приѣзъ и
Своихъ вы
Пиоливый
къ начал
Отрадъ ра
Вокруг геро
Онъ вдуш
Ситуацій
Необычайно
Казанов, к
Женщинъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
WIDENER
JUL 1 2 2005
NOV 1 9 2004
CANCELLED
BOOK DUE

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.

044 074 335 4

Digitized by Google